

ФИЛИП
ФАРМЕР

*Многогранный
жизнь:
Создатель
вселенных*

Создатель вселенных

Врата творения

Личный космос

За стенами Терры

МОСКВА

Санкт-Петербург

«ДОМИНО»

2006

Филип
ФАРМЕР

*Многоярусный
мир:
Создатель
вселенных*

МОСКВА

Санкт-Петербург

«ДОМИНО»

2006

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Ф 24

PHILIP JOSÉ FARMER

THE MAKER OF UNIVERSES © 1965 by Philip José Farmer
THE GATES OF CREATION © 1966 by Philip José Farmer
A PRIVATE COSMOS © 1968 by Philip José Farmer
BEHIND THE WALLS OF TERRA © 1970 by Philip José Farmer

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Фармер Ф.Х.

Ф 24 Многоярусный мир: Создатель вселенных: Фантастические романы / Пер. с англ. С. Трофимова. — М.: Изд-во Эксмо; СПб.: ИД Домино, 2005. — 816 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 5-699-09661-2

Творчество одного из самых оригинальных и интересных авторов мировой фантастики Филипа Хосе Фармера представлено абсолютным шедевром писателя — сериалом «Многоярусный мир». История миниатюрных вселенных, созданных специально, чтобы служить кучке бессмертных Властителей, разворачивается из романа в роман как авантюрная кинолента — эксцентричная, героическая, полная инопланетной экзотики, юмора и нескончаемых приключений.

Роджер Желязны назвал книги этого сериала уникальным явлением как в творчестве самого Фармера, так и в литературе вообще.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод. С. Трофимов, 2005
© Оформление, издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ISBN 5-699-09661-2

Книга первая
Создатель вселенных

Глава 1

Из-за дверей донесся призрачный трубный зов. Семь нот казались слабым и далеким сиянием серебряного фантома, как если бы звуки превратились в вещество, из которого создаются тени.

Роберт Вольф знал, что за раздвижными дверцами не может быть ни рога, ни человека, трубящего в него. Минуту назад он уже осматривал внутренности стенного шкафа. Если не считать цементного пола, белых оштукатуренных стен, вешалок и крючков для одежды, полки и лампочки над головой, шкаф казался абсолютно пустым.

И все же он слышал звуки трубы — слабые, будто бы приходящие из-за неведомой грани нашего мира. Роберт Вольф был один, поэтому никто не мог подтвердить истинность события, которое, по его мнению, выходило за рамки возможного. Комната, в которой он стоял как замороженный, совершенно не годилась для подобного переживания. Но сам он был к нему готов. В последнее время его сны наполняли беспокойные причудливые видения. В течение дня в голове возникали странные мысли и проблески каких-то картин, пусть мимолетные, но очень яркие и даже пугающие — непрошенные, неожиданные и неотразимые образы.

Вольф забеспокоился. Было бы нечестно пережить психическое расстройство, едва заработав себе пенсию. Од-

нако если это уже случалось с другими, то могло произойти и с ним. Ему давно следовало показаться доктору, но он не мог заставить себя прислушаться к голосу рассудка и продолжал выжидать, никому ничего не говоря, даже жене.

Он стоял в комнате отдыха нового дома в районе новостроек «Хохокам Хоумс» и удивленно рассматривал дверцы стенного шкафа. Если рог протрубит еще раз, он раздвинет их и убедится, что внутри никого нет. И тогда, зная, что звуки порождаются его больным воображением, он откажется от покупки дома. Он пропустит мимо ушей истерические протесты жены, отправится к своему доктору, а потом навестит психотерапевта.

— Роберт! — позвала его жена. — Что ты там так задержался? Поднимайся к нам. Я хочу поговорить с тобой и мистером Брессоном!

— Одну минуту, милая, — крикнул он в ответ.

Она еще раз окликнула его и теперь так близко, что он обернулся. Бренда Вольф стояла на верхней площадке лестницы, ведущей в комнату отдыха. Как и ему, ей было шестьдесят шесть лет. Полнота, густо нарумяненные и припудренные морщины, толстые стекла очков и волосы синевато-стального цвета навсегда погребли былую красоту Бренды.

Он вздрогнул, увидев ее, как вздрагивал при каждом взгляде в зеркало, замечая свою лысую голову, глубокие складки от носа до рта и звездочки морщин в уголках покрасневших глаз. Не в этом ли его проблема? А может быть, он до сих пор не смирился с тем, что происходит со всеми людьми, нравится им это или нет? Может быть, причина его неприязни заключена не в физическом угасании, а в понимании того, что и ему, и Бренде не удалось осуществить мечты своей юности? Когти и жернова минувших лет оставили свои следы на плоти, но время жалилось над ним, разрешив дожить до старости, и он не мог оправдывать отсутствие гармонии в душе словами о недолговечности и бренности существования. Мир не виноват в том, что он превратился в старика. Ответственным за все был он, и только он; по крайней мере, ему хватало мужества признавать этот факт, и Вольф ни в чем не упре-

кал вселенную или ту ее часть, которая олицетворялась его супругой. Он не кричал, не ворчал и не хныкал, как Бренда.

Хотя бывали времена, когда хотелось и поскулить, и поплакать. Не так уж много на свете людей, потерявших память о первых двадцати годах своей жизни. Он подумал о двадцати годах, так как Вольфы, усыновившие его, говорили, что Роберт был тогда именно в этом возрасте. Его нашел старик Вольф во время своих скитаний по холмам Кентукки около границы штата Индиана. И уже тогда Роберт не знал, откуда и как он попал сюда. «Кентукки» и даже «Соединенные Штаты Америки» казались ему бессмысленными звуками — впрочем, как и весь английский язык.

Вольфы взяли его к себе и оповестили об этом шерифа. В ходе расследования властям так и не удалось установить его личность. В другое время такая история могла бы привлечь внимание широкой общественности, но страна находилась на грани войны с кайзером, и людей волновали более важные вопросы. Роберт, названный в честь умершего сына Вольфов, начал помогать старикам в работе на ферме. Ему пришлось пойти в школу, так как все воспоминания о предыдущем обучении исчезли без следа.

Его невежество в вопросах поведения оказалось еще большей неприятностью, чем отсутствие номинальных знаний. Он то и дело смущал и обижал других людей. Обитатели холмов изводили его презрительными, а иногда и жестокими насмешками, но он быстро учился — и его готовность к тяжелой работе плюс огромная сила и умение постоять за себя заслужили всеобщее уважение.

За удивительно короткий срок, словно повторяя усвоенное, Роберт закончил начальную и среднюю школы. Скорость обучения и прохождение классов экстерном не помешали ему без труда сдать вступительные экзамены в университет. Здесь у него появилась и сохранилась на всю жизнь любовь к классическим языкам. Больше всего ему нравился греческий, потому что этот язык задевал в нем какую-то струнку души и казался чуть ли не родным.

Получив в чикагском университете степень доктора философии, он преподавал в учебных заведениях восточных

и среднезападных штатов. А потом Роберт женился на Бренде — красивой девушке с замечательной душой. Или это ему так казалось вначале. С годами иллюзии рассеялись, но и тогда он был относительно счастлив.

Однако необъяснимая потеря памяти и тайна его происхождения по-прежнему волновали Вольфа. Долгое время это не тревожило его, но теперь, после ухода на пенсию...

— Роберт, — закричала Бренда, — сейчас же поднимайся сюда! У мистера Брессона очень мало времени!

— Я уверен, что мы не первые клиенты мистера Брессона, которым захотелось без спешки осмотреть все помещения, — мягко ответил он. — Или ты уже решила отказаться от дома?

Бренда сердито взглянула на него, с негодованием отвернулась и вперевалку заспешила восвояси. Вольф вздохнул, предчувствуя обвинения в том, что он якобы нарочно выставлял ее в глупом виде перед агентом по продаже недвижимости.

Он снова повернулся к дверцам стенного шкафа. Может быть, набраться смелости и открыть их? Какая нелепость — стоять словно в шоке, переживая приступ невротической нерешительности. Но он не мог сдвинуться с места и лишь вздрогнул, когда охотничий рог вновь протрубил семь нот. Как и раньше, звуки доносились из-за толстой преграды, но теперь они стали значительно громче.

Сердце глухо застучало, словно кто-то изнутри колотил кулаком в грудную клетку. Он заставил себя подойти к дверям, протянул руку к покрытой латунью выемке, которая находилась на уровне пояса, и толкнул в сторону одну из створок. Дверца отъехала, заглушив звуки рога тихим урчанием роликов.

Белые оштукатуренные доски стены исчезли. Они превратились в выход на сцену, придумать которую он бы не мог, несмотря на то что, по идее, она являлась порождением его сознания.

Солнечный свет хлынул в проем, размеры которого вполне позволили бы Роберту, чуть пригнувшись, пройти через него. Обзор перекрывали растения, чем-то напоминавшие деревья — но не земные деревья. Сквозь ветви и

причудливые листья он увидел ярко-зеленое небо. Его взгляд скользнул вниз и остановился на пятачке земли под деревьями. Шесть или семь кошмарных тварей собрались у подножия гигантского валуна. Скала из красной породы с кварцевыми блестками немного походила по форме на поганку. Мерзкие существа с черными, лохматыми и уродливыми телами стояли к нему спиной, но одно из них повернулось боком, и его профиль резко выделялся на фоне зеленого неба. Голова монстра вполне могла сойти за человеческую, если бы не грубые, недоразвитые черты и не злобный оскал, исказивший лик. Тело, лицо и голову твари покрывали шишки и наросты, которые придавали ей вид чего-то недоделанного, словно ее создатель забыл завершить свое творение. Две короткие ноги выглядели как задние собачьи лапы. Чудовище тянуло длинные руки к молодому человеку, который стоял на плоской вершине валуна.

Одежду мужчины составляли лишь набедренная повязка из оленьей кожи и мокасины. Он был высокого роста, мускулистый и широкоплечий, его кожу покрывал коричневый загар, длинные густые волосы отливали красновато-бронзовым оттенком, скуластое лицо дышало силой, верхняя губа чуть выдавалась вперед. Человек держал в руках инструмент, который, видимо, и являлся источником услышанных Вольфом звуков.

Ударом ноги мужчина сбросил вниз одну из уродливых тварей, когда та, карабкаясь по скале, добралась до вершины. Он поднял серебряный рог к губам, чтобы еще раз протрубить свой зов, как вдруг заметил стоявшего в проеме Вольфа. Его лицо озарила улыбка, сверкнули белые зубы.

— Так ты наконец пришел! — воскликнул он.

Вольф не ответил ни словом, ни жестом. Он только подумал: «Теперь я действительно сошел с ума! К слуховым галлюцинациям прибавились зрительные. А что дальше? Закричать и броситься прочь или тихо уйти, сказав Бренде, что мне необходимо увидеться с доктором? И надо действовать прямо сейчас! Без промедлений и объяснений. Закрой рот, Бренда, я уже ухожу».

Вольф сделал шаг назад. Проем начал закрываться, белые стены вновь обретали материальность. Или, скорее, он с новой силой восстанавливал пошатнувшиеся границы своего мира.

— Эй! — крикнул юноша на вершине валуна. — Лови!

Он бросил рог. Крутясь в воздухе и сверкая серебром в лучах солнечного света, проникавшего сквозь листву, инструмент летел прямо к открытому проему. За секунду до того, как стены сомкнулись, рог проскочил отверстие и ударил Вольфа по коленям.

Он охнул от боли. Резкий удар рассеял его сомнения по поводу реальности происходящего. Сквозь узкую щель он увидел, что человек с рыжими волосами поднял руку, соединив в кольцо большой и указательный пальцы. Он улыбнулся и крикнул:

— Удачи тебе! Надеюсь, мы вскоре увидимся! Я Ки-каха!

Отверстие сжималось, словно глаз, закрывающийся в дреме. Свет угасал, и предметы теряли очертания. Но, бросив последний взгляд, Вольф заметил девушку, которая выглядывала из-за ствола дерева.

Ее огромные глаза, непропорционально большие по отношению к лицу, походили на кошачьи, а полные губы темно-красного цвета создавали приятный контраст с золотисто-коричневой кожей. Густые волнистые волосы, свободно ниспадавшие вдоль щек, имели тигровую окраску, и, когда она выглядывала из-за дерева, слегка выходящие пряди почти касались земли.

А потом стены стали белыми, словно закатившиеся белки в глазах покойника. Все вокруг приобрело свой прежний вид. Остались только боль в коленях да рог, который твердым краем упирался в лодыжку Вольфа.

Он поднял инструмент и повернулся, чтобы осмотреть предмет в полосе света из комнаты отдыха. Вольф больше не считал себя безумным, хотя по-прежнему был ошеломлен. Он заглянул в другую вселенную и что-то получил оттуда, но почему и как — Вольф не знал.

Эта вещь, длиною около двух с половиной футов и чуть меньше четверти фунта весом, напоминала бы по форме рог африканского буйвола, если бы не широкий раструб.

На узком конце плотно сидел мундштук из какого-то золотистого материала, а сам рог был сделан из серебра или покрытого серебром металла. Не обнаружив клапанов, Вольф повертел инструмент в руках и нашел ряд из семи небольших кнопок. Внутри раструба на расстоянии полдюйма находилась сеточка из серебристых нитей. Когда он держал рог под углом к свету лампы над головой, создавалось впечатление, что сеточка находится глубоко в основании.

Тут свет упал на корпус как-то по-особому, и он увидел деталь, пропущенную при первом осмотре: между мундштуком и раструбом виднелся едва заметный иероглиф. Ничего подобного он прежде не встречал, хотя считался экспертом по любым типам алфавитной письменности, идеограммам и пиктографии.

— Роберт! — позвала его жена.

— Уже поднимаюсь, милая.

Он положил рог в правый передний угол стенного шкафа и закрыл дверь. Выбора у него не оставалось, разве что бежать из дома вместе с рогом. Если он сейчас возьмет его с собой, жена и Брессон начнут задавать вопросы. И раз уж Вольф не вносил инструмент в дом, он не мог объявить его своей собственностью. Брессон потребует сдать инструмент ему на хранение, поскольку предмет нашли в доме, принадлежавшем его агентству.

Вольфа терзали сомнения. Неужели ему не удастся вынести рог из дома? А главное, Брессон может привести сюда новых клиентов, причем, вероятно, еще сегодня, и кто-нибудь, открыв дверь стенного шкафа, найдет спрятанный рог. И тогда клиент может отнести его Брессону.

Вольф поднялся по ступеням и вошел в большую гостиную. Бренда встретила его сердитым взглядом. Брессон, круглолицый мужчина в очках, лет тридцати пяти, чувствовал себя неловко, хотя и улыбался.

— Как вам понравились помещения? — спросил он.

— Они великолепны, — ответил Вольф, — и чем-то напоминают мне наш старый дом.

— Мне здесь тоже нравится, — сказал Брессон. — Я родился на Среднем Западе и вполне понимаю ваше нежелание жить в домах, построенных наподобие ранчо. Только

не подумайте, что я их критикую. Я и сам живу в таком доме.

Вольф подошел к окну и выглянул на улицу. Полуденное майское солнце ярко светило с голубых небес Аризоны. Лужайку покрывала изумрудная бермудская трава, посаженная три недели назад, — абсолютно новая, как и все дома в этом недавно построенном районе «Хохокам Хоумс».

— Почти все дома одноэтажные, — рассказывал Брессон. — В почве много селитры, поэтому земляные работы обошлись в большую сумму, но эти дома стоят недорого. Вы получаете их почти даром.

«А если бы эту селитру не выкопали и не создали пространство для комнаты отдыха? — подумал Вольф. — Что бы тогда увидел человек с другой стороны в момент раскрытия прохода? Неужели он увидел бы только землю и навсегда потерял бы шанс избавиться от рога? Да, в этом нет никаких сомнений».

— Вы, наверное, читали, почему нам пришлось отложить строительство этого района? — поинтересовался Брессон. — Во время земляных работ мы наткнулись на древний город хохокамов.

— Хохокамов? — спросила миссис Вольф. — Это еще кто такие?

— Многие люди, приехавшие в Аризону, никогда не слышали о них, — ответил Брессон. — Но, прожив какое-то время в районе Финикса, вы обязательно что-нибудь о них узнаете. Это индейцы, жившие давным-давно в Долине Солнца; они появились в этих местах по крайней мере тысячу двести лет назад. Хохокамы рыли оросительные каналы и строили города; их цивилизация набирала мощь. Но что-то случилось с ними, хотя никто не знает истинных причин. Они просто взяли и исчезли несколько столетий тому назад. Некоторые археологи утверждают, что индейцы племен папаго и пима являются их потомками.

Миссис Вольф фыркнула:

— Видела я этих индейцев. И вряд ли они могут строить что-нибудь еще, кроме тех жалких глинобитных лагуч, которые встречаешь в резервации.

Вольф повернулся к ней и раздраженно оборвал жену:

— Про современных майя тоже не скажешь, что они могли когда-то построить свои храмы и изобрести понятие нуля. Но они это сделали.

Бренда открыла рот. Улыбка мистера Брессона стала еще более натянутой.

— Так или иначе, — сказал он, — мы приостановили выемку грунта, пока археологи не дали нам своего разрешения. Отсрочка работ длилась около трех месяцев, и мы ничего не могли поделать, потому что правительство связало нам руки. — Он помолчал и добавил: — Хотя вам, возможно, это сыграло на руку. Если бы нас не задержали, дома могли быть уже проданы. Поэтому все обернулось к лучшему, не так ли?

Он бодро улыбнулся и взглянул на каждого из клиентов.

Вольф помолчал, тяжело вздохнул, догадываясь, что сейчас услышит от Бренды, и степенно произнес:

— Мы его берем. И давайте подпишем документы прямо сейчас.

— Роберт! — вскричала миссис Вольф. — Ты даже не спрашиваешь меня?

— Прости, моя милая, но я уже принял решение.

— Ах так! Но его еще не приняла я!

— Ну что вы, уважаемые! Не стоит торопиться, — поспешил вмешаться Брессон.

Он отчаянно пытался сохранить на лице улыбку.

— Не спешите, обсудите все как следует. Если кто-нибудь придет и купит этот дом — а такое может случиться еще до конца дня; мы продаем их, как горячие пирожки, — найдется множество других домов с точно таким же расположением комнат.

— Но я хочу этот дом.

— Роберт, а не сошел ли ты с ума? — возмутилась Бренда. — Я никогда не видела, чтобы ты вел себя так прежде.

— Я уступал тебе почти во всем, — сказал он. — Я всю жизнь пытался сделать тебя счастливой. Так уступи и мне хотя бы раз. Я не прошу у тебя чего-то особенного. Вспомни, еще утром ты говорила, что хочешь дом именно такого типа, а «Хохокам Хоумс» — единственный район,

дома которого нам по карману. Давай оформим купчую, а в качестве залога я могу выписать чек.

— Я ничего не буду подписывать, Роберт.

— Почему бы вам не отправиться домой и не обсудить эту проблему наедине? — предложил Брессон. — Как только вы придете к обоюдному согласию, я буду полностью в вашем распоряжении.

— А моей подписи вам недостаточно? — спросил Вольф.

— Я сожалею, но миссис Вольф тоже должна поставить свою подпись, — ответил Брессон, выдавливая из себя напряженную улыбку.

Бренда победоносно усмехнулась.

— Тогда обещайте мне, что вы больше никому не покажете этот дом, — попросил Вольф. — Хотя бы до завтрашнего дня. Если вам нужны гарантии на покупку, я готов уплатить задаток.

— О, в этом нет необходимости. — Брессон направился к двери, и его поспешность выдавала желание как можно скорее выбраться из неловкой ситуации. — Я не буду никому показывать дом, пока не услышу утром от вас окончательного ответа.

На обратном пути в Тэмп, где в мотеле «Пески» супруги снимали комнаты, оба хранили гордое молчание. Застыв в неприступной позе, Бренда смотрела на дорогу через ветровое стекло. Время от времени Вольф поглядывал на жену, отмечая, что ее нос становится все острее, а губы тоньше. Еще немного, и она будет выглядеть как жирный попугай.

И когда ее наконец прорвет, крики и брань будут звучать как клекот жирного попугая. Все тот же старый, затасканный, не убывающий со временем поток упреков и угроз извергнется на поверхность, и она будет кричать, что он пренебрегал ею все эти годы. А напоследок, бог знает в который раз, она напомнит ему, что он либо сидел, уткнувшись носом в книги, либо стрелял из лука, фехтовал или карабкался по скалам, специально выбирая те виды спорта, в которых она не могла участвовать из-за своего артрита. Она начнет разматывать годы неудач, перечисляя события, которые считала несчастьями, а потом,

как обычно, все закончится громкими и горькими рыданиями.

Почему он до сих пор с ней не расстался? Вольф и сам не знал. Может быть, из-за того, что безумно любил ее в молодости, и из-за того, что в ее обвинениях всегда имела доля правды. К тому же сама мысль о разводе казалась тягостной ему — еще более тягостной, чем перспектива остаться с Брендой.

Проработав столько лет преподавателем английского и классических языков, он имел право насладиться результатами своего труда. И теперь, скопив небольшую сумму, обладая свободным временем, он мог бы заняться исследованиями, от которых его раньше отвлекали служебные обязанности. Сделав этот дом в Аризоне своим опорным пунктом, он мог бы даже путешествовать. А почему бы и нет? Бренда тоже не откажется сопровождать его — наверное, даже сама навяжется в попутчицы. Но вскоре ей все это так наскучит, что его существование превратится в ад. И ее ни в чем нельзя винить — просто у них нет общих интересов. Но неужели ради ее счастья он должен отказаться от своих занятий и причуд, которые наполняли его жизнь смыслом? Тем более что она все равно не станет от этого счастливой.

Как он и ожидал, после ужина язычок Бренды стал гораздо активнее. Вольф слушал ее, пытался спокойно убеждать, указывая на отсутствие логики, несправедливость и необоснованность обвинений, но это не помогало. Она, как всегда, закончила рыданиями, угрожая оставить его или покончить с собой.

Но на сей раз он не уступил.

— Я хочу этот дом, и я хочу наслаждаться жизнью по своему разумению, — твердо заявил Вольф. — Вот так!

Он накинул на плечи пиджак и направился к выходу.

— Вернусь поздно. Если вообще вернусь.

Она закричала и запустила в него пепельницей. Он пригнулся, и пепельница отскочила от двери, отщепив кусок дерева. К счастью, Бренда не кинулась за ним следом и не стала устраивать скандал вне дома, как часто делала прежде.

Уже стемнело, но луна еще не взошла, и ему пришлось довольствоваться светом из окон мотеля, уличными фонарями и блеском фар многочисленных машин на бульваре Апачей. Вырулив на шоссе, он поехал на восток, затем свернул на юг, и через несколько минут его машина мчалась по дороге в «Хохокам Хоумс». При мысли о том, что ему предстояло сделать, сердце тревожно забилося и по спине побежал холодок. Впервые в жизни он всерьез задумал совершить преступление.

«Хохокам Хоумс» освещали фонари, из динамиков звучала громкая музыка, на улицах играли и кричали дети, родители которых в это время осматривали новые дома.

Не сбавляя скорости, он проехал через Месу, сделал разворот, вернулся в Тэмп и по шоссе Ван Бьюрена направился в центр Финикса. Машина неслась на север, потом на восток, пока не показался городок Скоттсдейл. Здесь Вольф сделал остановку и полтора часа просидел в маленькой таверне. Успокоив себя четырьмя рюмочками из «бочонка 69 года», он решил расплатиться. Пить больше не хотелось — вернее, он боялся перебрать, понимая, что при осуществлении плана ему потребуется ясная голова.

Когда Вольф вернулся в «Хохокам Хоумс», фонари уже не горели и в пустыню вернулась тишина. Оставив машину за домом, который ему хотелось сегодня купить, он надел на правую руку перчатку и выбил кулаком окно комнаты отдыха.

Когда ему наконец удалось забраться внутрь, его тело сотрясала нервная дрожь, а сердце билось так, словно он пробежал несколько кварталов. Несмотря на испуг, Роберту вдруг стало смешно. Будучи человеком с богатым воображением, он не раз представлял себя в роли взломщика — и не каким-нибудь простым воришкой, а самим Рэффлзом-везунчиком. Но теперь он знал, что огромное уважение к закону никогда бы не позволило ему стать крупным или хотя бы мелким преступником. Совесть терзала Роберта даже за этот незначительный проступок, а ведь он считал его полностью оправданным. Более того, мысль о возможном разоблачении чуть не заставила Вольфа забыть о роге. Если он попадется на краже, вся его тихая,

спокойная и респектабельная жизнь будет предана позору. А стоил ли рог всего этого?

Но Вольф решил действовать. Отступив сейчас, он весь остаток жизни будет жалеть об упущенной возможности. Быть может, его ждет величайшее из приключений — приключение, которое еще никто никогда не переживал. И если он сейчас сдастся, это будет равносильно самоубийству — он не вынесет потери рога и укоров души за проявленную трусость.

В комнате было так темно, что ему пришлось пробираться к стенному шкафу вслепую. Нашупав раздвижные дверцы, он сдвинул левую створку в сторону и, избегая резкого шума, начал осторожно подталкивать ее локтем. Время от времени Вольф замирал и прислушивался к звукам на улице.

Когда дверь полностью открылась, он отступил на несколько шагов и, прижав мундштук рога к губам, тихо затрубил. Резкий звук так напугал его, что Роберт выронил инструмент. Обшарив пол, он нашел рог в углу комнаты.

Во второй раз Вольф затрубил в полную силу. Раздался еще один звонкий звук, не намного громче, чем первый. Какая-то деталь механизма — вероятно, серебряная сеточка раструба — регулировала уровень громкости. Постояв несколько минут в нерешительности, он попытался воссоздать в уме точную последовательность услышанных нот. Семь маленьких кнопок на нижней стороне инструмента определяли различные гармонии. Но чтобы найти нужное сочетание звуков, ему потребуется время и несколько попыток. Все это может привлечь внимание охраны.

Вольф пожал плечами и прошептал:

— Подумаешь!

Он снова затрубил, начиная аккорд с первой, ближней к себе кнопки. Прозвучало семь громких нот. Их длительность соответствовала той мелодии, которую он помнил, но последовательность оказалась несколько иной.

А когда замер последний звук, издали донесся крик. Вольф едва не запаниковал. Он выругался, вновь поднес рог к губам и начал перебирать клавиши в том порядке,

который, по его мнению, должен был воспроизвести таинственное «сезам», став музыкальным ключом к другому миру.

В тот же миг луч фонарика пробежал по разбитому стеклу и двинулся в сторону. Но едва Вольф затрубил еще раз, луч света вернулся к окну и снова послышались крики. Вольф отчаянно пробовал одну комбинацию за другой. Третья попытка завершилась копией той мелодии, которую трубил юноша на вершине валуна-поганки.

Чья-то рука просунула фонарик в окно, и глухой голос прорычал:

— Эй, ты, выходи! Выходи, или я буду стрелять!

Одновременно с этим на стене появилось зеленоватое зарево. Оно вдруг прорвалось сквозь доски дерева и выплывило дыру, через которую заструился лунный свет. Деревья и валун возникли, как темные силуэты на фоне зеленовато-серебряного сияния огромного небесного тела, край которого показался в расширявшемся проеме.

Вольф больше не медлил. Его заметили. На колебания не оставалось времени, и теперь могло помочь только бегство. Другой мир сулил неизвестность и опасность, но здесь его ждали лишь неминуемый позор и жалкое бесславие. Охранник за окном снова закричал, но Вольф оставил за собой и этот грубый голос, и старый знакомый мир. Ему пришлось пригнуть голову и переступить через высокий край дыры, которая начинала сокращаться. А когда он оказался на другой стороне и оглянулся, чтобы бросить прощальный взгляд, отверстие не превышало размеров корабельного иллюминатора. Но через несколько секунд исчезло и оно.

Глава 2

Вольф сел на траву и попытался отдышаться. Если возбуждение окажется чрезмерным для его шестидесятишестилетнего сердца, это будет пределом черного юмора, подумал он.

Умер по прибытии. УПП! Они — кем бы «они» ни оказались — похоронят его и напишут на надгробной плите: **НЕИЗВЕСТНЫЙ ЗЕМЛЯНИН.**

Роберт почувствовал себя лучше. Он даже тихо засмеялся, поднимаясь на ноги. Смело и по-хозяйски Вольф осмотрелся вокруг. Воздух был приятным и теплым — около семидесяти градусов по Фаренгейту, прикинул он. Окружающее пространство наполняли незнакомые и очень приятные фруктовые ароматы. Повсюду кричали птицы — и он надеялся, только птицы. Откуда-то издали доносился тихий грохот, но он не испугался. Без всякого на то основания у него появилась уверенность, что это рокот прибоя, приглушенный расстоянием. Полная и огромная луна превосходила спутницу Земли по меньшей мере в два с половиной раза.

Небо растеряло нежную зелень, которая наполняла его в течение дня. Несмотря на сияние луны, оно казалось таким же черным, как ночное небо покинутого им мира. А там, в вышине, мириады крупных звезд неслись по разным направлениям, и у пришельца закружилась голова от страха и замешательства. Одна из них помчалась к нему, становясь все больше и ярче. Звезда пролетела в нескольких футах над его головой, и в оранжево-желтом зареве, исходившем от ее хвоста, он увидел четыре громадных эллипсоидных крыла, свисавшие тонкие ноги и на долю секунды мелькнувший силуэт головы с длинными усами.

Всего лишь светлячок с размахом крыльев футов в десять, если не больше.

Вольф наблюдал, как перемешаются, расширяются и сжимаются живые созвездия, пока не привык к этому зрелищу. Он задумался, в каком направлении ему идти, и шум прибоя в конце концов определил его решение. Береговая линия может стать надежной точкой отсчета, куда бы он потом ни пошел. Вольф двигался медленно и осторожно, часто останавливаясь, чтобы прислушаться и присмотреться к теням.

Неподалеку кто-то вздохнул — для такого звука требовалась огромная грудь. Вольф распластался на траве в тени густого куста и затаил дыхание. Раздался шорох, треснула сухая ветка. Он приподнял голову и осмотрел залившую лунным светом поляну. В нескольких ярдах от него вразвалку двигалась огромная, вертикальная двуногая фигура, покрытая густой темной шерстью.

Гигант остановился, и сердце Вольфа застучало с перебоями. Голова существа повернулась сначала в одну сторону, потом в другую, и Роберт успел разглядеть профиль, как у гориллы. Но то была не горилла — во всяком случае, не земная. Шерсть существа лишь на первый взгляд казалась черной, на самом же деле по всему телу и ногам зигзагами чередовались широкие черные и узкие белые полосы. Его руки были намного короче, чем у земных горилл, а ноги — не только длиннее, но и прямее. Кроме того, скошенный лоб, несмотря на выпирающую надбровную кость, выглядел необычайно высоким.

Самец тихо заворчал, издавая не рык и не мычание животного, а четкий ряд модулированных звуков. Горилла пришла не одна. За массивным торсом существа зеленоватая луна высвечивала чью-то голую фигуру — фигуру женщины, которая шла рядом с животным и чьи плечи обнимала огромная лапа гориллы.

Вольф не видел ее лица, но хорошо разглядел стройные ноги, круглые ягодицы, изящную ручку и длинные черные волосы. На миг у него появилось желание узнать, так ли она прекрасна и спереди.

Женщина заговорила с гориллой, и звук ее голоса напоминал звон серебряных колокольчиков. Гигант что-то ответил. Затем они вышли из пятна лунного света и исчезли в темноте джунглей.

Вольф встал не сразу, его все еще сотрясала дрожь.

Наконец он поднялся и двинулся сквозь подлесок, который выглядел значительно реже, чем заросли джунглей Земли. Кусты здесь росли на некотором расстоянии друг от друга, и если бы растительность вокруг не казалась такой экзотической, ему бы и в голову не пришло сравнивать ее с джунглями. Она больше походила на парк, а трава, мягкая и короткая, выглядела как недавно подстриженный газон.

Пройдя лишь несколько шагов, он вздрогнул, услышав громкое фырканье, и на него едва не наскочило какое-то животное. Он мельком разглядел красноватые оленьи рога, белесый нос, огромные тусклые глаза и тело с узором в «горошек». Ломая ветки, зверь бросился в сторону и исчез, но через несколько секунд Вольф услышал

позади шаги. Он обернулся и увидел в десяти футах все то же оленеподобное создание. Почувствовав взгляд человека, оно медленно шагнуло вперед и ткнулось влажным носом в вытянутую ладонь. Потом замурлыкало и попыталось потереться о незнакомца боком. Но поскольку животное весило не меньше четверти тонны, оно бы просто оттолкнуло Вольфа от себя.

Поэтому Роберт прижался к нему сам. Он погладил его шерстку за большими чашеподобными ушами, почесал ему нос и слегка похлопал по бокам. Невиданный олень лизнул его несколько раз длинным мокрым языком, который оказался таким же шершавым, как у льва. Вольф надеялся, что зверю когда-нибудь надоест проявлять свою привязанность, и вскоре его желание исполнилось — животное исчезло так же внезапно, как и появилось.

После встречи с оленем Вольф немного поуспокоился. Разве животное вело бы себя так дружелюбно с совершенно незнакомым существом, если бы здесь водились плотоядные хищники или существа, которых следовало бы опасаться?

Шум прибоя становился все громче и громче. Через десять минут Вольф вышел к берегу моря. Он спрятался за широкой разлапистой елью и начал рассматривать пляж, залитый лунным светом. Берег был покрыт чем-то белым, при ближайшем рассмотрении выяснилось — очень мелким песком. Пляж тянулся в обе стороны, насколько хватало взгляда. Ширина пространства между лесом и морем составляла примерно двести ярдов. Вдали с обеих сторон пылали костры, вокруг которых кружили силуэты мужчин и женщин. Их приглушенные расстоянием крики и смех еще больше убеждали его в том, что он встретил людей.

Вольф осмотрел близлежащую часть пляжа. В трехстах ярдах от себя, наискосок и почти у самой воды, он заметил парочку существ. При виде их у него перехватило дыхание.

Его потрясло не то, чем они занимались. Вольфа поразила конструкция их тел. Выше талии мужчина и женщина выглядели такими же людьми, как и он, но там, где должны были начинаться ноги, их тела переходили в рыбы хвосты.

Не в силах сдержать любопытство, он спрятал рог в пучках пушистой травы и пополз вдоль края джунглей. Оказавшись напротив странной пары, он остановился и продолжил наблюдение. К тому времени мужчина и женщина уже лежали бок о бок и тихо разговаривали. Вольфу удалось рассмотреть их более обстоятельно. Прежде всего он убедился, что у них нет оружия. Скорость передвижения этих существ по суше исключала возможность агрессивного нападения, поэтому он смело направился к ним. Они выглядели вполне дружелюбно.

В двадцати ярдах от них он остановился и еще раз присматрелся к ним. Роберт мог бы назвать их водяными людьми, но ни в коем случае не полурыбами. Плавники на концах длинных хвостов располагались в горизонтальной плоскости, а не вертикально, как у рыб. Чешуя на хвостах отсутствовала, гибридные тела сверху донизу покрывала гладкая коричневая кожа.

Он тактично покашлял — они приподняли головы. Мужчина вскрикнул, женщина пронзительно завизжала. А потом их движения были так быстры, что он, не разбирая подробностей, лишь смутно уловил, как они в мгновение ока поднялись на кончики хвостов, взвились в воздух и скрылись среди волн. В воде мелькнула темная голова, в свете луны блеснул вскинутый вверх хвост.

Прибой грохотал, разбиваясь о белый песок. Сияла огромная зеленая луна. Ветерок, прилетевший с моря, потрепал вспотевшее лицо Роберта и помчался дальше в джунгли. Из темноты за его спиной донеслось несколько таинственных криков, а со стороны пляжа раздавались звуки шумного веселья.

Он погрузился в размышления. Речь двух представителей водяного народа показалась ему чем-то очень знакомой, впрочем, это же касалось и языка, на котором говорили женщина и зебрилла (его собственное определение для гориллы в полоску). Он не понимал отдельных слов, однако звуки и их ассоциативные связи пробуждали в его памяти какое-то смутное знание. Но о чем? Вне всяких сомнений, он никогда не слышал диалекта, на котором говорили местные жители. Возможно, он напоминает один из существующих языков Земли, который Вольф мог слышать в записях или фильмах?

Чья-то рука сжала его плечо. Вольфа приподняли в воздух и повернули. Распяленный нос и впавшие глаза зебриллы приблизились к его лицу; в ноздри ударил запах винного перегара. Зебрилла что-то сказал, из кустов вышла женщина и медленно приблизилась к ним. В любое другое время у него перехватило бы дыхание при виде такого великолепного тела и прекрасного лица. К сожалению, он и сейчас дышал с трудом, но совсем по другой причине. К тому же гигантская обезьяна в любой момент могла швырнуть его в море с легкостью и быстротой, перед которыми поблекло бы даже внезапное исчезновение водяных людей. Или пальцы огромной руки могли сомкнуть-ся, раздавив плоть и раздробив кости.

Женщина что-то сказала, и зебрилла ответил. Неожиданно для себя Вольф понял несколько слов. Их язык имел родственные связи с микенским диалектом, на котором говорила догомеровская Греция.

Ему хотелось объяснить свои добрые намерения, но слова не шли с языка. Во-первых, он был ошеломлен и не мог собраться с мыслями. Во-вторых, его знание греческого языка той эпохи ограничивалось отсутствием первоисточников и почти во всем основывалось на творчестве слепого певца аэолической Ионии.

Ему все же удалось выдать из себя несколько неуместных фраз, но его интересовало не столько значение слов, сколько стремление выразить свою безобидность. Выслушав его, зебрилла хмыкнул, сказал что-то девушке и опустил Вольфа на песок. Тот облегченно вздохнул, но боль в плече заставила его поморщиться. Огромная лапа монстра обладала невероятной силой, хотя вполне напоминала человеческую руку, только огромную и волосатую.

Женщина дернула Вольфа за рубашку. На ее лице появилось легкое отвращение — позже он понял, что именно ей в нем не понравилось. Она никогда еще не видела толстого старого мужчины. Более того, ее озадачила одежда. Женщина продолжала стягивать с него рубашку. Испугавшись, что она прикажет зебрилле раздеть его, он снял рубашку добровольно. Женщина с любопытством осмотрела ее, понюхала, сказала «Уй!» и сделала рукой неопределенный жест.

Вольф предпочел бы не понять ее, еще меньше он горел желанием подчиняться, но сопротивление было бесполезно. Его отказ мог рассердить женщину и тем самым вызвать гнев зебриллы, поэтому он сбросил одежду и стал ждать дальнейших указаний. Женщина пронзительно захохотала, зебрилла закашлялся и заколотил себя по бедру огромной рукой. Звуки его шлепков напоминали удары топора по дереву. Он и женщина обнялись и, надрываясь от смеха, пьяной походкой побрели по пляжу.

Взбешенный и униженный, Вольф начал натягивать брюки, благодаря судьбу за то, что остался цел. Подобрал нижнее белье, носки и ботинки, он устало поплелся по песку обратно в джунгли. Вытащив рог из тайника, он сел на землю и долго думал о том, что ему делать дальше. В конце концов его сморил сон.

Он проснулся утром, голодный, томимый жаждой, с затекшими мышцами.

Пляж бурлил своей жизнью. К виденной им ночью парочке водяных прибавилось несколько больших тюленей с ярко-оранжевыми шкурами: шлепая лапами, они гонялись взад и вперед за шарами из янтаря, которые подбрасывали водяные люди. Человек с коротким козлиным хвостом, мохнатыми ногами и бараньими рогами гнался по пляжу за женщиной, которая во многом походила на спутницу зебриллы. Ее отличали лишь желтые волосы. Она бежала до тех пор, пока рогатый мужчина не прыгнул на нее и, смеясь, не повалил на песок. Их дальнейшие забавы убедили Вольфа в том, что эти создания, подобно Адаму и Еве, еще не познали значения греха и запретов морали.

Картина выглядела более чем интересно, но вид завтракавшей русалки пробудил у Вольфа другие, более насущные желания. В одной руке она держала большой овальный желтый плод, а в другой — полусферу, похожую на половинку кокосового ореха. Всего лишь в нескольких шагах от Вольфа у костра на песке сидела женщина той же породы, что и мужчина с бараньими рогами. Она жарила рыбу, насаженную на кончик палки, и от аппетитного запаха рот Вольфа наполнился слюной, а в животе громко заурчало.

Но больше всего ему хотелось пить. И поскольку единственным водоемом в поле зрения был океан, он вышел на пляж и зашагал к прибою.

Его встретили так, как он и ожидал — с удивлением, настороженностью и даже с долей опасения. Все прервали свои занятия, какими бы увлекательными они ни казались, и, выпучив глаза и разинув рты, уставились на него. Как только Вольф приближался к кому-нибудь из присутствующих, тот поспешно отступал. Некоторые из мужских особей не желали уступать дорогу, но, судя по их виду, они бы удрали прочь при одном его резком слове. Но он не испытывал желания бросать им вызов, так как даже самый слабый из них мог без труда одолеть его измученное старое тело.

Он вошел в прибой по пояс и попробовал воду на вкус. Вольф надеялся, что она будет пригодна для питья: он видел, как другие пили ее прямо из океана. Вода оказалась чистой и свежей, хотя и обладала резким, абсолютно незнакомым привкусом. Напившись вдоволь, Роберт почувствовал себя так, словно ему перелили молодую кровь. Он вышел из океана и направился через пляж в сторону джунглей. Прибрежные жители вернулись к еде и развлечениям. Несмотря на то что они провожали его дерзкими прямыми взглядами, никто не сказал ему ни слова. Сначала он улыбался им, но, заметив, что это вызывает у обитателей пляжа испуг, отказался от попыток понравиться. Поиски в джунглях увенчались успехом, он нашел плоды и орехи, которыми лакомилась русалка. Желтый плод напоминал по вкусу персиковый торт, а мякоть внутри псевдококосового ореха походила на нежное мясо, смешанное с мелкими кусочками грецкого ореха.

После еды он мог бы считать себя наверху блаженства, если бы не одно невыполнимое желание — ему не хватало его трубки. Казалось, в этом раю есть все, кроме табака.

Следующие несколько дней он провел в джунглях, лишь изредка подходя к океану и прибрежной полосе. К тому времени обитатели пляжа привыкли к нему и даже посмеивались, когда он по утрам выходил из леса. Однажды

несколько мужчин и женщин набросились на Вольфа и, дико хохоча, сорвали с него одежду. Он кинулся в погоню за женщиной, убежавшей с его брюками, но она умчалась в джунгли и вскоре вернулась с пустыми руками. Роберт уже мог изъясняться на вполне понятном для них языке, хотя поначалу с трудом произносил целые фразы. После долгих лет преподавательской работы и самообразования он обладал солидным знанием греческого языка, и ему оставалось лишь овладеть интонациями и словами, которые отсутствовали в его «разговорнике»

— Зачем ты это сделала? — спросил он прекрасную черноглазую нимфу.

— Я хотела посмотреть на то, что ты прятал под этими уродливыми лохмотьями. Голый ты безобразен, но тряпки придавали тебе еще более отвратительный вид.

— А как же приличия? — спросил он, однако она не поняла этого слова.

Вольф пожал плечами и вспомнил пословицу о чужом монастыре и своем уставе, но этот мир больше напоминал ему Сад Эдема. Приятное тепло сохранялось и днем и ночью; разница температур не превышала семи градусов. Здесь каждый мог без труда добыть пищу, никто не заставлял работать или платить за аренду земли. Никакой политики и напряженности, за исключением легко удовлетворяемого сексуального возбуждения. Здесь не было национальных и расовых конфликтов. Здесь никто не требовал оплаты по счетам. Или все-таки требовал? Основной принцип земного мира гласил, что за просто так и комар на нос не сядет. А как с этим делом здесь? С кем-то же надо расплачиваться.

Ночью он спал на куче травы в дупле большого дерева. Он мог бы найти точно такое же дупло на любом из нескольких тысяч деревьев этой особой породы. Но утро никогда не заставало его в постели. В течение нескольких дней он вставал перед рассветом и любовался тем, как появлялось солнце. «Появление» казалось ему более подходящим словом, чем «восход», потому что солнце на самом деле никогда не восходило. По другую сторону моря возвышалась огромная горная гряда. Она тянулась по всему горизонту, и ей не было видно конца. Солнце выползало

из-за горы и при этом находилось уже довольно высоко. Оно по прямой пересекало зеленый небосвод и скрывалось, так и не коснувшись воды, за той же грядой, но уже на другой стороне этого мира.

Час спустя появлялась луна. Она выходила из-за горы, проплывала на одном и том же уровне по небесам и исчезала за грядой в другой части горизонта. Каждую вторую ночь в течение часа шел сильный дождь, и Вольф в это время обычно просыпался, потому что воздух становился немного холоднее. Он зарывался в сухие листья и долго дрожал, стараясь заснуть.

С каждой последующей ночью засыпать становилось все труднее. Роберт думал о своем собственном мире, о друзьях, работе и утехах прожитой жизни. Он думал о жене. Как там теперь Бренда? Конечно, горюет о нем. Пусть она часто бывала злой, раздраженной и нудной, но в ее сердце всегда жила любовь. Его исчезновение будет для нее тяжелым ударом и потерей. Хотя она предусмотрела и это. Каждый год Бренда заставляла его страховать жизнь на непомерные суммы, что не раз становилось причиной ссор между ними. Затем ему пришло в голову, что какое-то время, в связи с отсутствием доказательств по факту его смерти, она не получит из страховки ни цента. Но даже если ей придется ждать официального признания его смерти, она спокойно проживет на социальное пособие. Его хватит, чтобы как-то существовать, хотя, конечно, придется сильно затянуть ремешок.

И все же у него не было никакого желания возвращаться. Он начинал заново обретать молодость. Несмотря на хорошее питание, Вольф терял в весе, а его мышцы становились сильнее и крепче. Появилась упругость в ногах, и все чаще возникало чувство радости, утраченное им однажды на третьем десятке лет. На седьмое утро, решив почесать лысый затылок, он обнаружил небольшую щетину, а на десятое — Вольф проснулся от боли в деснах. Потирая опухшие щеки, он гадал о причине недуга. Роберт успел забыть о таком явлении, как болезнь, и чувствовал себя абсолютно здоровым; да и «пляжники», как он их называл, казалось, тоже никогда не болели.

Боль в деснах продолжала изводить его всю неделю, и ему приходилось снимать ее «ореховым пуншем» — напитком из перебродившего сока. Орехи росли крупными гроздьями на самой верхушке дерева с короткими, хрупкими розовато-лиловыми ветвями и желтыми листьями, по форме похожими на курительные трубки. Стоило срезать кожистую оболочку кончиком заостренного камня, как тут же чувствовался аромат фруктового пунша. На вкус он напоминал джин с тоником и примесью вишневой настойки, а ударял в голову, как глоток текилы. Это лекарство действовало отлично, успокаивая не только боль в деснах, но и нервы, взвинченные ею до предела.

Через девять дней после того, как возникли осложнения с деснами, у Роберта прорезались десять крошечных белых и крепких зубов. Более того, в процессе естественного восстановления тканей с остальных зубов начали слетать золотые коронки. И его прежде лысую голову уже покрывала густая черная поросль.

Но этим дело не кончилось. Плавание, бег и лазание по деревьям согнали с него весь жир. Выступавшие от старости вены втянулись в гладкую упругую плоть. И теперь он мог пробегать большие расстояния, не чувствуя одышки и не страшась, что сердце разорвется от напряжения. Все это приводило Роберта в восторг, хотя и наводило на размышления о причинах происходящего.

Он расспрашивал некоторых пляжников о повсеместной на первый взгляд молодости. Все отвечали одинаково:

— Такова воля властителя.

Сначала Вольф думал, что они говорят о Боге, и это казалось ему странным. Насколько он мог судить, у них не было религии. И конечно же, у них не было никаких культов, ритуалов и таинств.

— Кто такой властитель? — спрашивал Вольф.

Он подумал, что, вероятно, неправильно понял значение слова «ванакс», которое могло иметь слегка иной смысл, чем у Гомера.

Зебрилла Ипсев, самый умный из всех, кого он до сих пор встретил, ответил так:

— Он живет на вершине мира, за пределами Океана.— Ипсев ткнул пальцем в сторону моря, указывая на

далекую горную гряду. — Властитель живет в прекрасном неприступном дворце на вершине мира. Он создал этот мир и всех нас. Иногда он спускается вниз, чтобы повеселиться с нами. Мы делаем все, как говорит властитель, и играем с ним. Но мы всегда испытываем страх. Если властитель рассердится или будет недоволен, он может убить всех нас. Или сделать что-нибудь похуже.

Вольф улыбнулся и кивнул. Как и люди Земли, Ипсев и его соплеменники не имели разумного объяснения по поводу происхождения или условий функционирования их мира. Но у пляжников имелась особенность, которая напрочь отсутствовала у жителей Земли, — единство мнений. Все, кого бы он ни спрашивал, давали ему тот же ответ, что и зебрилла:

— Такова воля властителя. Он создал мир, он создал нас.

— Откуда вы знаете? — спрашивал Вольф.

Задавая этот вопрос, он не ждал каких-то особенных отличий от того, что слышал на Земле. Но ему преподнесли сюрприз.

— Так нам сказал сам властитель, — ответила русалка Пайява. — И еще мне об этом говорила мать. А она-то уж знает. Властитель создал ей тело; она помнит, как он его делал, хотя все было давным-давно.

— Неужели правда? — удивился Вольф.

В глубине души Вольф подозревал, что она морочит ему голову, и отплатить ей той же монетой было бы трудно.

— А где твоя мать? Мне бы хотелось поговорить с ней.

Пайява махнула рукой на запад:

— Где-то там.

«Где-то» могло означать тысячи миль, потому что он до сих пор не знал, насколько далеко простирался пляж.

— Я ее уже давно не видела, — добавила Пайява.

— И как давно? — спросил Вольф.

Пайява сморщила прекрасный лоб и поджала губы — губы, созданные для поцелуев, подумал Вольф. А это тело! Возвращение молодости воскрешало сильное влечение к противоположному полу.

Пайява улыбнулась и сказала:

— Ты начинаешь проявлять ко мне интерес, не так ли?

Он покраснел и ушел бы прочь, но ему хотелось получить ответ на свой вопрос.

— Сколько лет прошло с тех пор, как ты видела свою мать? — спросил он еще раз.

Но Пайява не знала ответа. В ее словарном запасе отсутствовали слова, означавшие года.

Вольф пожал плечами и торопливо ушел, стараясь как можно скорее скрыться в буйно раскрашенной растительности за пляжем. Она звала его, сначала лукаво, а потом сердито, когда ей стало ясно, что возвращаться он не собирается. Она отпустила в адрес Вольфа несколько язвительных замечаний, сравнивая его с другими мужчинами. Он не стал разубеждать ее — это было бы ниже его достоинства, к тому же все, что она говорила, являлось чистой правдой. И хотя тело Роберта вновь наполнялось молодостью и силой, оно по-прежнему не шло в сравнение с окружающими его почти идеальными эталонами мужской стати.

Вскоре эта тема надоела ему, и он задумался над словами Пайявы. Если бы Вольфу удалось найти ее мать или одну из ровесниц ее матери, он бы многое узнал о властителе. Роберт почти не подвергал сомнению рассказ Пайявы, хотя на Земле его бы посчитали просто невероятным. Люди этого мира не знали лжи. Вымысел для них был чужд. Такая правдивость имела свои преимущества, хотя иногда указывала на явную ограниченность воображения. У них почти отсутствовало чувство юмора и понимание острот. Они смеялись часто, но по очевидным и незначительным поводам. Их забавы не поднимались выше дешевого фарса и грубых розыгрышей.

Вольф выругался, так как мысли начали разбегаться в разные стороны. С каждым днем ему все реже удавалось сохранить концентрацию на выбранной теме. Так о чем он думал перед тем, как сбиться на беды, которые возникали из-за его неприспособленности к местному обществу? Ах да, о матери Пайявы! Кто-нибудь из старожилов мог бы просветить его — если только их удастся найти. Но как отличить стариков от молодых, если все взрослое население выглядит на один и тот же возраст? Из нескольких сотен существ, которых он видел, лишь малая часть, а точнее, трое, казались немного моложе других. Более

того, среди многих животных и птиц (причем довольно странных на вид) он заметил всего шесть птенцов и детенышей.

При таком малом количестве рождений баланс удерживался отсутствием смертей. Вольф видел только трех мертвых животных; двое погибли в результате несчастного случая, а третий — во время поединка с соперником из-за самки. Но и эту смерть можно списать на несчастный случай, так как потерпевший поражение самец — похожий на антилопу лимонного цвета, с четырьмя изогнутыми в виде восьмерок рогами — бросился бежать и сломал себе шею, перепрыгивая через бревно.

Труп животного даже не успел разложиться и завонять. Несколько вездесущих созданий, этих маленьких двуногих лисиц с белыми носами, обезьяньими лапками и ушами, отвисавшими, как у такс, обглодали его за какой-то час. Лисы очищали джунгли и убирали все — плоды, орехи, ягоды, трупы. Испытывая слабость к любым гнилым продуктам, они отдавали предпочтение побитым плодам и не трогали свежие фрукты. Но и они не вносили грустных нот в симфонию красоты и жизни. Уборщики мусора нужны даже в Саду Эдема.

Временами Вольф смотрел на голубой, с белыми барашками волн океан, и его взгляд уносился к горной гряде, которую все называли Таяфаявозд. Может быть, именно там живет властитель. И возможно, стоит попытаться пересечь море и взобраться на грозные кручи в надежде раскрыть одну из загадок таинственной вселенной. Но чем больше он прикидывал высоту Таяфаявозда, тем меньше его занимали подобные мысли. Черные скалы поднимались все выше и выше, пока не уставали глаза и не смущался разум. Человеку не выжить на этих вершинах. Там просто нечем дышать.

Глава 3

Однажды Роберт Вольф достал серебряный рог из тайника в дупле дерева. Пройдя через лес, он направился к валуну, с которого человек, назвавшийся Кикахой, бросил ему этот инструмент. Кикаха и бугристые твари больше

не появлялись. Они исчезли, словно их вообще не существовало, и никто из тех, с кем разговаривал Роберт, никогда не видел и не слышал о них. Вольф хотел вернуться в свой родной мир и попробовать начать жизнь сначала. Если преимущества Земли превысят достоинства планеты Сада, он останется там. Или, возможно, будет путешествовать из одного мира в другой, извлекая из обоих самое лучшее. А если ему надоеет один из них, он устроит себе каникулы в другом.

По пути, уступив уговорам Эликопиды, он немного задержался, чтобы выпить с ней и поболтать. Эликопида, чье имя означало «ясноглазая», была прекрасной, великолепно сложенной дриадой. Из тех, кого он здесь встречал, она больше всех походила на «нормальную» женщину. Если бы ее как следует одеть и перекрасить темно-пурпурные волосы, она бы пользовалась на Земле вниманием, которое обычно воздается там женщинам исключительной красоты.

К тому же она оказалась одной из немногих, кто мог поддерживать интересный разговор. И она отнюдь не считала, что беседа может состоять лишь из безудержной болтовни, громкого беспричинного смеха и наплевательского отношения к словам предполагаемого собеседника. Вольф страшно огорчился и возмущался тем, что большая часть пляжников и жителей леса, какими бы они ни казались страстными и общительными в своих речах, в основном предпочитали только монолог.

Эликопида отличалась от них — возможно, потому, что не принадлежала ни к одной из групп, хотя, скорее всего, причина заключалась в чем-то другом. Обитатели взморья, уступая в вопросах технологии даже австралийским аборигенам (впрочем, и несколько не нуждаясь в ней), состояли друг с другом в очень сложных социальных отношениях. Каждая группа, помимо четко определенных участков пляжа и леса, обладала внутренними уровнями престижа. И каждый ее представитель мог подробно описать (причем с огромной охотой) свое положение на горизонтах и вертикалях шкалы оценок по сравнению с другими членами группы, численность которой обычно не превышала тридцати человек. Они могли без устали

перечислять (и перечисляли) доводы и соглашения, недостатки и достоинства характера, атлетическую мощь или отсутствие таковой, ловкость в их многочисленных детских играх и оценку сексуальных способностей друг друга.

Но вдобавок ко всему Эликопида обладала чувством юмора, таким же искрометным, как ее глаза, хотя дриаду выделяла и некоторая чувственность. А сегодня она припасла особую приманку: стеклянное зеркало в золотой оправе, украшенной бриллиантами,— один из немногих виденных им здесь предметов материальной культуры.

— Где ты его достала? — спросил Вольф.

— О, мне его подарил властитель,— ответила Эликопида.— Когда-то, давным-давно, я стала одной из его фавориток. И спускаясь с вершины мира, чтобы навестить нас, он проводил со мной много времени. Меня и Хрисеиду он любил больше всех. И можешь поверить, остальные ненавидят нас за это до сих пор. Вот почему я такая одинокая... хотя их общество мне не очень-то нравится.

— А как выглядел властитель?

Она засмеялась и сказала:

— От шеи и ниже он выглядел почти так же, как лубой высокий, хорошо сложенный мужчина вроде тебя.

Она обняла Вольфа за шею и начала целовать его в щеку. Ее губы не спеша приблизились к уху.

— А его лицо? — спросил Роберт.

— Не знаю. Я могла касаться его, но не видела. Меня ослепляло исходящее от него сияние. Оно казалось таким ярким, что, когда он приближался ко мне, я закрывала глаза.

Эликопида закрыла его рот поцелуем, и вскоре он забыл о своих вопросах. Но позже, когда она лежала рядом с ним в полудреме на мягкой траве, Вольф поднял зеркало и взглянул в него. Сердце сладко затрепетало от восторга. Наверное, он выглядел так в пору своего двадцатипятилетия. Роберт знал, что здорово изменился, но лишь сейчас убедился в этом полностью.

— А вдруг я состарюсь после возвращения на Землю — состарюсь так же быстро, как обрел свою молодость здесь? — Он вскочил на ноги и погрузился в размышления.— Да

кого я пытаюсь обмануть? — в конце концов воскликнул Вольф. — Я же не собираюсь возвращаться.

— Если ты сейчас уйдешь от меня, — сонно забормотала Эликопида, — обязательно разыщи Хрисеиду. С ней что-то случилось; стоит кому-нибудь появиться рядом, как она тут же убегает прочь. Даже мне, ее единственной подруге, не удалось к ней подступиться. Наверное, случилось что-то ужасное, о чем она и говорить не хочет. А тебе она понравится. Хрисеида не похожа на других; она совсем как я.

— Хорошо, — рассеянно ответил Вольф. — Я поищу ее.

Он шел до тех пор, пока не забрел в отдаленный уголок леса. Отбросив мысль о возвращении на Землю через ход, с помощью которого он попал сюда, Вольф просто хотел поэкспериментировать с инструментом. Наверное, есть и другие врата. И возможно, они открываются в любом месте, где прозвучит мелодия.

Дерево, под которым он остановился, оказалось одним из многочисленных «рогов изобилия». Достигая двухсот футов в высоту и тридцати футов в обхвате, оно обладало гладкой, почти маслянистой, лазурной корой. Ветви толщиной с бедро и длиной в добрые шестьдесят футов не имели ни сучков, ни листьев, но на конце каждой из них располагался скрученный в раковину цветок, который достигал в длину восьми футов и идеально походил на рог изобилия.

Из «рогов» на землю стекали прерывистые струйки густой жидкости шоколадного цвета. На вкус продукт напоминал мед с едва ощутимым привкусом табака — довольно странная смесь, но ему нравилась. Ею питались все обитатели леса.

Вот под этим деревом он и протрубил в рог. Никаких «врат» не появилось. Он отошел на сто ярдов и попробовал снова, но с тем же успехом. И тогда Вольф понял, что рог действует лишь в определенных местах или, возможно, только вблизи валуна, похожего на поганку.

Краем глаза он заметил голову девушки — той самой, которая выглядывала из-за дерева, когда врата открывались в первый раз. То же личико в форме сердечка, огром-

ные глаза, полные малиновые губы, длинные в тигровую полоску темно-каштановые волосы.

Вольф поприветствовал ее, но она бросилась бежать. Его восхитило прекрасное и пропорциональное тело, хотя таких длинных ног он у женщин никогда не видел. Более того, по сравнению с другими слишком фигуристыми и большегрудыми женщинами этого мира она казалась удивительно стройной.

Вольф помчался за ней. Девушка оглянулась, отчаянно вскрикнула и побежала быстрее. Роберт едва не остановился — подобной реакции у местных жителей он еще не встречал. Они могли поначалу отбежать в сторону, но никогда не впадали в столь явную панику и неподдельный испуг.

Девушка бежала, пока хватало сил. Тяжело дыша, она остановилась у небольшого водопада и прижалась к покрытому мхом валуну. Ее лодыжки утопали в ковре из желтых цветов, похожих на маленькие вопросительные знаки. С вершины камня, прищулив совиные глаза, на непрошенных гостей смотрела птица со спиральными крыльями и длинными, согнутыми вперед ногами. Она издавала тихий клекот — уи-уи-уи!

Медленно приближаясь к девушке, Вольф улыбнулся и сказал:

— Не бойся меня. Я не причиню тебе зла. Мне просто хочется поговорить с тобой.

Девушка указала трясущимся пальцем на рог и дрожащим голосом спросила:

— Где ты взял его?

— Мне дал его человек, которого зовут Кикаха. Ты тоже видела его. Скажи, тебе знаком Кикаха?

Огромные глаза девушки сияли темной зеленью; они казались ему самыми прекрасными из всех, которые он когда-либо видел в жизни. Они нравились ему, несмотря на кошачьи зрачки — а может быть, именно из-за них.

Красавица покачала головой:

— Нет. Я не знаю этого юношу и впервые увидела его, когда те... твари.

Она с трудом сглотнула слюну и внезапно побледнела, словно ее вот-вот стошнит.

— ...они загнали его на валун. И я видела, как они стащили его со скалы и увели за собой.

— Так, значит, они его не кончили? — спросил Вольф, намеренно избегая слов «убили», «зарезали» или «умертвили», поскольку здесь они считались запретными.

— Нет. Но возможно, эти твари собирались сделать с ним что-то более ужасное... чем просто кончить его.

— Почему ты убегала от меня? — спросил Вольф. — Я же не похож на этих чудовищ.

— Я... я не могу говорить об этом.

Вольф знал, почему она не хотела говорить о неприятном. Привыкнув к легкой жизни, где почти не оставалось места для отвратительных и опасных явлений, местные жители не могли справиться даже с неприятной мелочью, которая выпадала на их долю.

— Меня не волнует, хочешь ты или нет, — сказал он. — Ты должна обо всем рассказать. Это очень важно.

Она отвернулась.

— Все равно не буду.

— В какую сторону они направились?

— Кто?

— Чудовища. И Кикаха.

— Я слышала, что он называл их гворлами, — сказала девушка. — Я никогда раньше не слышала этого слова. Они... эти гворлы... пришли откуда-то оттуда.

Она указала в сторону моря и вверх.

— Наверное, они спустились с горы. Откуда-то сверху.

Девушка вдруг повернулась к Вольфу и подошла поближе. Взгляд ее огромных глаз остановился на его лице, и он не мог налюбоваться изысканными чертами лица и гладкой кремовой кожей незнакомки.

— Давай уйдем отсюда! — воскликнула она. — Далеко-далеко! Эти твари все еще здесь. Может быть, некоторые из них и забрали Кикаху, но другие остались! Несколько дней назад я видела двух чудовищ. Они прятались в дупле дерева. Их глаза горели, как у зверей, и от них шел ужасный запах, как от заплесневевшего плода!

Она положила руку на рог.

— Мне кажется, им нужно вот это!

— А я только что трубил в рог, — задумчиво произнес Вольф. — И если гворлы где-то поблизости, то они слышали его!

Роберт осмотрел пространство между деревьями. Присмерно в сотне ярдах от них за кустом что-то блеснуло.

Он не сводил глаз с куста и вскоре заметил новый отблеск солнечного света и дрогнувшую ветку. Вольф осторожно сжал маленькую ладонь девушки.

— Пошли, — сказал он. — Но иди так, как будто мы ничего не замечаем. Постарайся казаться беспечной.

Она притянула к себе его руку и спросила:

— Что-нибудь не так?

— Только без истерики. По-моему, я что-то увидел за кустом. Возможно, там никого нет, но мне показалось, что за нами следят гворлы. Не смотри туда! Ты нас выдашь!

Он предупредил ее слишком поздно, и девушка успела обернуться. Охнув, она прижалась к Вольфу.

— Они... они!

Он взглянул туда, куда указывала девушка, и увидел две темные приземистые фигуры, которые неуклюже выходили из-за куста. Каждая из тварей сжимала в руке длинный, широкий изогнутый стальной клинок. Размахивая ножами, они что-то кричали хриплыми, резавшими слух голосами. На их темных мохнатых телах без всяких признаков одежды виднелись лишь широкие ремни с ножами, из которых торчали рукоятки тесаков.

— Только не паникуй, — сказал Вольф. — Я думаю, на таких кривых коротких ножках они быстро не побегут. Куда бы нам от них удрать, чтобы сбить со следа?

— Только на море, — сказала она дрожащим голосом. — Не думаю, что они найдут нас, если мы намного опережим их. Мы можем уплыть на гистоихтисе.

Она имела в виду одного из огромных моллюсков, которые в большом количестве обитали в море. Их тела покрывали тонкие как бумага, но очень прочные оболочки, напоминавшие по форме корпус гоночной яхты. На спине каждого моллюска выступал удивительно крепкий вертикальный хрящ, и на этой естественной мачте рос треугольный парус из тонкой просвечивающей плоти. Угол наклона паруса определялся движением мышц, а давле-

ние ветра на пленчатое полотно плюс извержение мощных струй воды помогали этим созданиям легко передвигаться в море как в штиль, так и при ветре. Водяной народ и другие обитатели пляжа часто использовали моллюсков для прогулок, управляя ими простым нажатием на обнаженные нервные центры.

— А ты считаешь, что гворлы пользуются лодкой? — спросил он. — В таком случае им придется подождать, пока они не построят новую. Хотя я никогда не видел на море ни лодок, ни кораблей.

Роберт часто оглядывался. Гворлы шли быстрым шагом, их тела при каждом движении раскачивались как у пьяных матросов. Вольф и девушка подбежали к мелкой речке, ширина которой достигала семидесяти футов. Поток в самых глубоких местах доходил им до пояса. Вода оказалась холодной, но не настолько, чтобы вызвать озноб. В чистых струях сновали взад и вперед серебристые рыбы. Выбравшись на другой берег, беглецы спрятались за большим деревом «рогов изобилия». Девушка умоляла Вольфа бежать дальше, но он возразил:

— На середине потока они будут в невыгодном положении.

— Что ты хочешь сказать? — спросила она.

Он не ответил. Положив рог за деревом, Вольф осмотрелся и нашел камень размером в половину человеческой головы, круглый, но достаточно шершавый, чтобы крепко держать его в руке. Он приподнял упавший плод «рога изобилия». Несмотря на огромные размеры, тот оказался полым и весил не больше двадцати фунтов. К тому времени два гворла выбежали на противоположный берег реки. И Роберт тут же обнаружил слабость этих отвратительных существ. Они метались взад и вперед по берегу, яростно размахивая ножами, и даже из своего укрытия Вольф слышал их громкие крики на странном гортанном языке. Наконец один из них сунул в воду широкую, вывернутую наружу ступню. И тут же отдернул ее, затряс ногой, как кошка мокрой лапой, и что-то прорычал второму гворлу. Тот ответил резким, скрежещущим звуком, а потом зарорал на него.

Гворл с мокрой ногой огрызнулся, но все-таки полез в воду и неохотно начал переходить реку вброд. Не спуская с него глаз, Роберт заметил, что другой гворл по-прежнему топчется на берегу, ожидая, пока его спутник пройдет середину потока. Вольф схватил одной рукой «рог изобилия», другой — камень и бросился к реке. Девушка за его спиной пронзительно вскрикнула. Он выругался: ее крик предупредил врагов о его приближении.

Тварь остановилась по пояс в воде, зарычала на Вольфа и начала размахивать длинным ножом. Вольф молчал, не считая нужным тратить слова впустую. Он стремительно приближался к реке, тогда как гворл рванулся ему навстречу. Вторая тварь на другом берегу при виде Вольфа замерла, затем бросилась в воду и поспешила на помощь. Это вполне совпадало с планами Роберта, и оставалось надеяться, что ему удастся расправиться с первым гворлом до того, как второй достигнет середины реки.

Ближний гворл метнул нож; Вольф поднял перед собой «рог изобилия». Лезвие с глухим стуком вонзилось в тонкую, но прочную оболочку, и сила удара едва не вырвала цветок из его руки. Гворл потянулся за вторым ножом. Времени, чтобы вытащить из цветка застрявшее оружие, не оставалось. Вольф продолжал бежать. И когда гворл поднял нож, чтобы вонзить широкое лезвие в грудь врага, Роберт высоко поднял огромный колокол «рога изобилия» и нахлобучил его на голову твари.

Чудовище приглушенно завопило под оболочкой. «Рог изобилия» опрокинулся вместе с гворлом, и их начало сносить вниз по течению. Вольф поднял камень, вбежал в поток и схватил гворла за одну из брыкавшихся в воде ног. Он торопливо взглянул на второго противника и увидел, что тот заносит нож для броска. Вольф схватил рукоятку клинка, застрявшего в оболочке цветка, вырвал его и, пригнувшись, спрятался за колоколом. При этом ему пришлось выпустить волосатую ногу гворла, но он уклонился от ножа, и тот, скользя по краю оболочки, зарылся по рукоятку в прибрежном иле.

В тот же миг из-под «рога изобилия», отплеываясь и рыча, выбрался первый гворл. Вольф ударил его ножом

в бок, но лезвие скользнуло по одному из хрящевых наростов. Тварь завизжала и повернулась к нему. Вольф подпрыгнул и нанес удар в брюхо чудовища. Нож вошел по рукоятку. Гворл схватился за нее, Роберт отступил на шаг, но тварь рухнула в воду. «Рог изобилия» унесло по течению, и защищаться было нечем. Нож тоже исчез; в руке остался только камень. Второй гворл приближался к нему, выставив оружие перед собой. Он, видимо, боялся промахнуться и хотел разделаться с Вольфом в ближнем бою.

Преодолевая страх, Роберт выжидал, хотя от твари его отделяло не больше десяти шагов. Он немного присел, и вода, доходя ему до груди, скрывала камень, который Вольф переложил из левой руки в правую. Теперь он мог разглядеть гворла как следует: маленький низкий лоб, двойной выступ надбровной кости, густые лохматые брови, близко посаженные лимонно-желтые глаза, плоский нос с одной ноздрей, тонкие и черные звериные губы, выпирающая челюсть без подбородка, которая загибалась вниз, придавая пасти лягушачий вид, и острые, с широкими промежутками зубы плотоядного животного. Голову, лицо и тело покрывал длинный, густой темный мех. Широкая шея плавно переходила в сутулые плечи. Мокрая шкура воняла, как гнилой заплесневевший плод.

Отвратительная внешность твари испугала его, но он не поддался панике. Если бы Вольф дрогнул и побежал, он бы тут же свалился с ножом в спине.

Когда же гворл, шипя и скрежеща на своем отвратительном языке, оказался на расстоянии шести футов, Вольф выпрямился. Он поднял камень, но гворл, разгадав его намерения, вскинул нож для броска. Камень попал точно в цель, с глухим стуком угодив в нарост на лбу. Чудовище качнулось назад, выронило нож и повалилось спиной в воду. Вольф подошел к нему, на ощупь отыскал в речном иле камень и, выпрямившись, едва не ткнулся в морду гворла. Тварь была оглушена, ее глаза слегка косили, но она и не думала отступать. Гворл сжимал в руке еще один нож.

Вольф поднял камень и опустил его на макушку чудовища. Раздался громкий треск. Гворл снова упал, скрыл-

ся под водой и всплыл лицом вниз в нескольких ярдах ниже по течению.

И тут наступила реакция. Сердце колотилось так сильно, что казалось, вот-вот разорвется; Роберта трясло и подташнивало. Но он вспомнил о ноже, застрявшем в илистом берегу, и в конце концов отыскал его.

Девушка по-прежнему стояла за деревом. Она выглядела такой перепуганной, что не могла говорить. Вольф поднял рог, взял девушку за руку и грубо встряхнул.

— Очнись! Лучше подумай о том, как тебе повезло! Если бы они остались живыми, погибла бы ты!

Она пронзительно закричала и начала плакать. Вольф подождал, пока она успокоится, и тихо сказал:

— Я даже не знаю твоего имени.

Ее огромные глаза покраснели, лицо осунулось и как будто постарело. Но даже сейчас, подумал он, с ней не могла бы сравниться ни одна из женщин Земли. Ее красота заставила его забыть об ужасе схватки.

— Я Хрисеида,— сказала она. Словно гордясь этим, но в то же время робея от своей гордости, она добавила: — Я здесь единственная женщина, которой разрешено носить это имя. Властитель запретил другим называться подобно мне.

— Опять властитель,— возмутился Вольф.— Везде и всюду ваш властитель. Кто он такой, черт бы его побрал?

— Ты действительно не знаешь? — недоверчиво спросила она.

— Да, не знаю.

Он помолчал, а затем произнес ее имя, будто пробуя на вкус.

— Так ты Хрисеида? Это имя до сих пор не забыто на Земле, хотя, боюсь, в моем университете нашлось бы немало невежд, которые никогда о нем не слышали. Они знают, что Гомер сочинил «Илиаду»,— вот примерно и все. А Хрисеиду, дочь Хриса, жреца Аполлона, при осаде Трои пленили греки, и она досталась Агамемнону. Но чтобы отвратить погибельный мор, насланный Аполлоном, Агамемнона заставили вернуть ее отцу.

Хрисеида молчала, и вскоре Вольф начал терять терпение. Он чувствовал, что им пора уходить, но еще не

выбрал направление и не знал, насколько долгим будет их путь.

Хрисеида нахмурила брови.

— Это было так давно,— внезапно произнесла она.— Я уже почти ничего не помню. Все стало каким-то зыбким и смутным.

— О чем ты говоришь?

— О себе. О своем отце и Агамемноне. О войне.

— Да? И что ты о них можешь сказать?

Вольф решил отправиться к подножию горы. Только там он мог получить представление о сложности подъема.

— Я Хрисеида,— сказала девушка.— Та самая, о которой ты говорил. Но твои слова звучат так, словно ты только что с Земли. Скажи мне, это правда?

Он вздохнул. Местные жители не лгали; они слепо верили в правдивость своих рассказов. Но, вдоволь наслушавшись их небылиц, он понял, что они не только плохо знают историю мира, но и часто воссоздают прошлое на собственный лад — и делают это, конечно, со всей искренностью.

— Мне бы не хотелось разрушать твой маленький мир грез,— сказал он,— но та Хрисеида — если она вообще когда-нибудь существовала — умерла, по крайней мере три тысячи лет назад. Более того, она выглядела как обычная женщина, и у нее не было кошачьих зрачков и волос в тигровую полоску.

— А я и не выглядела так... тогда. Но властитель, похитив и забрав меня в свою вселенную, изменил мое тело. И точно так же он похищал остальных, изменяя людей или помещая их мозг в созданные им тела.— Она указала рукой в сторону моря и вверх.— Он живет теперь там, и мы видим его все реже и реже. Некоторые говорят, что он давным-давно исчез и на смену ему пришел новый властитель.

— Давай уйдем отсюда,— предложил Вольф.— Мы можем поговорить об этом позже.

Не прошли они и четверти мили, как Хрисеида жестом дала понять, что им надо спрятаться за густой куст с пурпурными ветками и золотистыми листьями. Он пригнулся рядом с ней и, слегка раздвинув ветки, увидел тех, кто

вызвал ее тревогу. В нескольких ярдах от них стоял мужчина с поросшими длинной шерстью ногами. Макушку его головы украшали тяжелые бараньи рога. А рядом, на низкой ветке, на уровне глаз мужчины, восседал огромный ворон. Он походил размерами на орла и поражал своим высоким лбом. В такой череп мог бы поместиться даже мозг фокстерьера.

Но Вольфа удивили не размеры ворона — он повидал здесь немало огромных существ. Его до глубины души потрясло то, что птица и сатир разговаривали друг с другом.

— Око Властителя,— шепнула Хрисеида. И в ответ на недоуменный взгляд показала пальцем на ворона.— Это один из соглядатаев властителя. Они летают по всему миру, следят за тем, что происходит, а потом доносят обо всем властителю.

Вольф вспомнил довольно искреннее замечание Хрисеиды о размещении мозгов в других телах. На его вопрос она ответила:

— Да, но я не знаю, может ли он наделять воронов человеческим разумом. Скорее всего, он вырастил их маленькие мозги по образцу больших человеческих, а затем обучил языку. Или властитель мог использовать какую-то часть человеческого мозга.

Как они ни напрягали слух, им удалось уловить лишь несколько отдельных слов. Прошло несколько минут. На искаженном, но вполне понятном греческом языке ворон громко прокаркал: «Прощай!» — и сорвался с ветки. Он начал падать вниз, но огромные крылья быстро забились в воздухе и унесли его вверх, прежде чем тело коснулось земли. Через минуту он скрылся за густой листвой деревьев. А чуть позже Вольф еще раз мельком увидел его в просветах между кронами. Гигантская черная птица медленно набирала высоту, направляясь к горе по ту сторону моря.

Роберт заметил, что Хрисеида дрожит, и удивленно спросил:

— Почему ты так напугана, и что такого может рассказать властителю ворона?

— Я боюсь не столько за себя, сколько за тебя. Если властитель узнает, что ты здесь, он пожелает убить тебя. Он не любит незваных гостей в своем мире.— Она положила руку на рог и еще раз вздрогнула от страха.— Я знаю, что тебе его дал Кикаха. Ты не мог отказаться, и здесь нет твоей вины. Но властитель может обо всем не знать. Или, хуже того, может не принять во внимание твою невинность. Если он решит, что ты как-то связан с похищением рога, гнев его будет страшным. Властитель может сотворить с тобой что-нибудь ужасное; и лучше уж тебе покончить с собой сейчас, чем попасть в его руки.

— Неужели Кикаха похитил рог? Откуда ты знаешь?

— О, поверь мне, я знаю. Рог принадлежит властителю. Кикаха украл его, иначе как бы он овладел вещью, которую властитель никогда никому не отдавал?

— Я ничего не понимаю,— сказал Вольф.— Но может быть, когда-нибудь мы проясним этот вопрос. В данный момент меня беспокоит лишь то, где нам найти Кикаху.

Хрисеида указала на горную грядку:

— Гворлы повели его туда. Но прежде чем увели его...

Она закрыла лицо руками, и между пальцами просочились слезы.

— Они с ним что-то сделали? — спросил Вольф.

Она покачала головой:

— Нет, не с ним. Они сделали это с... с...

Вольф мягко опустил ее руки.

— Если ты не в силах говорить об этом, то, может быть, объяснишь жестами?

— Я не могу. Это... слишком ужасно. И мне нехорошо.

— Все равно покажи.

— Я отведу тебя туда. Но не проси меня смотреть на нее... еще раз.

Она двинулась вперед, он последовал за ней. Время от времени девушка останавливалась, но Вольф мягко настаивал, и она продолжала свой путь. Пройдя полмили по извилистой тропе, Хрисеида остановилась. Впереди виднелись заросли кустов, вдвое превосходящие рост человека. Ветви кустов переплетались друг с другом. Широкие светло-зеленые листья с крупными красными жилками

ми походили на слоновьи уши и заканчивались цветами, напоминавшими ирис очень странного ржавого оттенка.

— Она там,— сказала Хрисеида.— Я видела, как гворлы поймали... и заташили ее в кусты. Я пошла следом... И я...

Больше она не могла говорить.

С ножом в руке Вольф раздвинул ветви кустов и оказался на небольшой поляне, в центре которой на тонком ковре травы валялись останки человеческого тела. На серых обглоданных костях виднелись следы мелких зубов, и Роберт понял, что до трупа добрались двуногие лисицы-мусорщики.

Он не испытывал ужаса, но мог себе представить, что почувствовала Хрисеида. Видимо, она стала свидетельницей изнасилования, за которым последовало извращенное убийство. И ее реакция вполне соответствовала стилю жизни обитателей Сада. Смерть считалась здесь чем-то настолько ужасным, что слова, означавшие ее, превратились в запретные, а затем и вообще исчезли из языка. Тут предавались лишь приятным мыслям и занятиям, глухо отгораживаясь от всего остального.

Роберт вернулся к Хрисеиде и по ее огромным глазам понял, как ей хочется услышать, что на поляне ничего нет.

— Теперь там только кости,— сказал Вольф,— и она больше не испытывает страданий.

— Гворлы поплатятся за это! — яростно закричала девушка.— Властитель не позволит причинять вред его созданиям! Это его Сад, и все, кто смеет вторгаться сюда, будет сурово наказаны!

— Вот и хорошо,— сказал он.— А то я уже начал думать, что ты от страха лишилась дара речи. Можешь ненавидеть гворлов сколько угодно; они этого заслуживают. Но тебе нужно освободиться от страха.

С криком бросившись к Вольфу, Хрисеида заколотила по его груди кулачками и потом заплакала. Он заключил ее в объятия, потом приподнял лицо девушки за подбородок и поцеловал. Она ответила ему страстным поцелуем, несмотря на слезы, которые по-прежнему лились из ее глаз.

Чуть позже она поведала свою историю до конца:

— Я побежала на пляж, чтобы рассказать о том, что увидела. Но никто не хотел ничего знать. Они отворачивались от меня и притворялись, что не слышат. Я пыталась заставить их прислушаться к моим словам, но Овисандр — человек с бараньими рогами, который беседовал с вороном, — ударил меня кулаком и велел убираться прочь. А потом они вообще перестали со мной разговаривать. И я... Мне тоже нужны друзья и любовь.

— Ты не добьешься ни любви, ни дружбы, говоря им то, чего они не хотели бы слышать, — сказал он. — Ни здесь, ни на Земле. Но у тебя есть я, Хрисеида, а у меня есть ты. Поэтому я начинаю влюбляться в тебя, если только это не реакция на одиночество и присутствие самой красивой девушки в моей жизни. А может быть, всему виной моя вернувшаяся молодость. — Он сел и показал рукой на горную гряду. — Если гворлы появились здесь впервые, то откуда они пришли? Почему они охотятся за рогом? Зачем они забрали Кикаху с собой? И кто такой Кикаха?

— Он тоже пришел сверху. Но мне кажется, он землянин.

— Что значит «землянин»? Ты же говорила, что родилась на Земле.

— Я хотела сказать, что он появился здесь недавно. Впрочем, я не знаю. Просто мне так кажется.

Он встал и поднял ее за руки.

— Давай отправимся за ним.

Хрисеида отпрянула от него и, судорожно вздохнув, прижала руку к груди.

— Нет!

— Хрисеида, я мог бы остаться с тобой и, наверное, был бы счастлив — какое-то время. Но мне не дают покоя мысли о владетеле и о том, что случилось с Кикахой. Я видел его лишь несколько секунд, но он мне очень понравился. И потом, он бросил мне рог не потому, что я там оказался. У меня такое предчувствие, что у него была на то веская причина, которую я должен узнать. Я не успокоюсь, пока он будет оставаться в руках этих тварей, гворлов.

Роберт отвел ее руку от груди и поцеловал в ладонь.

— Тебе самое время покинуть этот обманчивый рай. Ты не можешь оставаться здесь вечно — вечным ребенком.

Она покачала головой:

— Я ничем не могу тебе помочь. И в пути стану обузой. Покинув этот мир, я... я могу кончиться.

— Тебе придется научиться новым словам,— сказал он.— Смерть станет одним из немногих понятий, о которых ты вскоре будешь говорить без колебаний и дрожи. И тогда ты превратишься в настоящую женщину. Сама знаешь: сколько бы мы ни закрывали себе рот руками, смерть этим не остановишь. И как бы тебе ни хотелось забыть о своей подруге, ее кости лежат в тех кустах.

— Но это ужасно!

— С истиной такое часто случается.

Вольф отвернулся от нее и зашагал к пляжу. Пройдя около сотни ярдов, он остановился и оглянулся. Она бросилась к нему. Роберт дождался ее, обнял, целуя в губы, пообещал:

— Возможно, наш путь покажется тебе трудным, Хрисеида, но скучать ты больше не будешь, и отныне тебе не придется напиваться до потери сознания, чтобы мириться с постылой жизнью.

— Надеюсь, что так оно и будет,— тихо ответила она.— Но я боюсь.

— Я тоже боюсь, но мы все-таки пойдем.

Глава 4

Взявшись за руки, они пошли к ревущему прибою. Не пройдя и сотни ярдов, Вольф увидел гворла. Тот вышел из-за дерева, и эта встреча удивила его не меньше, чем их. Он взвыл, выхватил нож, а затем, повернувшись, позвал остальных. Через несколько секунд появились еще шестеро гворлов, и каждый держал длинный изогнутый нож.

Роберт и Хрисеида остановились в пятидесяти ярдах от них. Сжав одной рукой ладонь девушки и держа рог в другой, Вольф помчался изо всех сил.

— А что теперь? — на бегу крикнул он.

— Не знаю,— в отчаянии ответила она.— Можно спрятаться в дупле дерева, но, если они нас найдут, мы окажемся в ловушке.

Они побежали дальше. Время от времени Вольф оглядывался; густые заросли кустарника скрывали некоторых гворлов, но один или два неотступно маячили сзади.

— Валун! — воскликнул Вольф.— Он как раз впереди. Бежим туда?

Внезапно он понял, как ему не хотелось уходить в свой родной мир. И хотя этот путь означал спасение и временное укрытие, Роберт с радостью отказался бы от него. Перспектива застрять там и потерять надежду на возвращение казалась ему настолько ужасной, что поначалу он даже решил не трубить в рог. Но Вольф знал, что придется это сделать. Куда же им еще идти?

Сомнения отпали сами собой. Когда он и Хрисеида приблизились к валуну, Роберт заметил несколько темных фигур, которые прятались у подножия скалы. Гворлы вскочили; блеснули ножи и длинные белые клыки.

Как только Вольф и девушка свернули в сторону, трое у валуна присоединились к погоне. Они оказались ближе остальных, их отделяло от беглецов каких-то двадцать ярдов.

— Неужели ты не знаешь никакого укрытия? — задыхаясь, прокричал Роберт.

— Только за гранью,— ответила она.— Это единственное место, куда они, возможно, не отважатся пойти. Однажды я спустилась по поверхности скалы и нашла несколько пещер. Но там очень опасно.

Он ничего не сказал, приберегая дыхание для бега. Ноги отяжелели, легкие и горло резало. Хрисеида находилась в лучшей форме — длинные ноги несли ее, как по воздуху; она дышала глубоко и ровно, почти без усилий.

— Еще пара минут, и мы там,— сообщила она.

Две минуты показались вечностью, но каждый раз, когда чудилось, что еще миг — и он свалится на землю, Роберт оглядывался на гворлов, и это придавало ему силы. Твари отставали все больше и больше, но по-прежнему оставались на виду. Они покачивались на коротких

кривых ногах; бутристые морды выражали непреклонную решимость.

— Может быть, они оставят нас в покое, если ты отдашь им рог? — спросила Хрисеида. — Мне кажется, им нужен рог, а не мы.

— Я отдам его, когда посчитаю нужным, — ответил он, с трудом переводя дух. — И только в самом крайнем случае.

Им предстояло одолеть крутой склон. Казалось, что на ноги подвесили гири, но к нему пришло второе дыхание, и Роберт почувствовал, что может пробежать еще немного. Вскоре они оказались на вершине холма, одна сторона которого резко обрывалась вниз.

Хрисеида заставила его остановиться. Она быстро подошла к краю обрыва, постояла, осмотрелась и жестом подозвала его. Встав рядом с ней, Вольф взглянул под ноги. Его желудок сжался в комок.

Отвесная стена черной блестящей скалы тянулась вниз на несколько миль. А дальше не было ничего.

Ничего, кроме зеленого неба.

— Так это... край света! — воскликнул он.

Хрисеида не ответила. Она побежала вдоль обрыва, поглядывая в бездну и временами ненадолго останавливаясь, чтобы осмотреть поверхность грани.

— Еще около шестидесяти ярдов, — сказала Хрисеида. — Вон за теми деревьями, которые растут у самого края.

Она побежала быстрее, и Роберт поспешил за ней. Внезапно из кустов, росших недалеко от пропасти, выскочил гворл. Он обернулся и издал призывный крик, уведомляя своих собратьев о том, что настиг беглецов. А затем, не дожидаясь остальных, тварь ринулась в атаку.

Вольф прыгнул навстречу. Заметив, что чудовище поднимает нож для броска, он швырнул рог. Это явилось для гворла полной неожиданностью — или, возможно, рог, вращаясь, ослепил его отблесками солнечного света. Какой бы ни оказалась причина, Роберт тут же воспользовался его промедлением и бросился на гворла, когда тот пригнулся и протянул руку к рогу. Огромные волосатые пальцы обхватили инструмент, тварь издала скрежещущий вопль восторга, но рядом оказался Вольф и нанес удар,

целясь в выпиравшее брюхо. Но гворл быстро поднял нож, и два клинка с лязгом встретились в воздухе.

Потерпев неудачу, Роберт подумал о бегстве. Вне всяких сомнений, эта тварь владела искусством боя на ножах. Вольф довольно неплохо фехтовал и в прошлой жизни тренировался до самой старости. Но дуэль на рапирах во многом отличалась от грязной поножовщины, и он это хорошо понимал. Тем не менее отступать было поздно. Во-первых, не успеет он сделать и четырех шагов, как гворл вонзит в его спину нож. Во-вторых, в левом кулаке, покрытом шишками, гворл сжимал серебряный рог. И Вольф с этим смириться не мог.

Понимая, что противник оказался в очень невыгодном положении, гворл оскалится, обнажив длинные, острые желтые верхние клыки. С такими, подумал Вольф, и нож не нужен.

Мимо него пронеслась золотисто-коричневая фигура с развевающимися длинными волосами в черную и каштановую полоску. Глаза гворла расширились, и не успел он повернуться влево, как в его грудь вонзился толстый конец длинной палки. Другой конец держала Хрисеида. Приподняв голый сук, словно шест для прыжков, она разбежалась изо всех сил и нанесла такой удар, что чудовище рухнуло на спину. Рог выпал, но нож по-прежнему оставался в руке гворла.

Вольф прыгнул вперед и воткнул клинок в толстую шею твари, попав между двумя хрящевыми выступами. Мышцы там оказались крепкими и мощными, но не настолько, чтобы остановить лезвие. Оно застряло лишь тогда, когда сталь рассекла дыхательное горло.

Роберт протянул Хрисеиде нож гворла:

— Вот, держи!

Она взяла его, явно будучи в шоке. Вольф сердито дал ей несколько пощечин, и ее взгляд тут же прояснился.

— Ты сделала все, как надо! — сказал он. — Неужели тебе хотелось бы увидеть мертвым меня, а не его?

Роберт снял с трупа пояс и надел на себя. Теперь у него было три ножа. Он сунул окровавленное оружие в ножны, одной рукой схватил рог, другой — сжал ладонь Хрисеиды и снова побежал. Позади раздался свирепый

вой, и на вершине холма появились гворлы. Но беглецов отделяло от них около тридцати ярдов, и они удерживали это расстояние до тех пор, пока не достигли небольшой группы деревьев на самом краю пропасти. Хрисеида взяла руководство на себя. Она легла на край обрыва и скользнула вниз. Прежде чем последовать за ней, Вольф глянул вниз и увидел небольшой выступ, который находился примерно в шести футах от него. Хрисеида присела на небольшой площадке, а затем повисла на руках. Спрыгнув вниз, она оказалась на узком карнизе. Но и на этом дело не кончилось: дальше начиналась расщелина, которая под углом в сорок пять градусов сбегала вниз по поверхности скалы. Встав лицом к каменной стене и двигаясь боком, раскинув руки в стороны и прижимаясь к поверхности грани, они могли бы пройти по ней какое-то расстояние.

Вольф засунул рог за пояс и, полагаясь на силу рук, последовал за девушкой.

Сверху раздался вой. Роберт поднял голову и увидел гворла, который спускался на первый выступ. Вольф оглянулся на Хрисеиду и чуть не сорвался вниз от потрясения — девушка исчезла.

Роберт медленно повернул голову и взглянул через плечо в пропасть. Он с ужасом ожидал увидеть, как она падает вдоль скалы или погружается в зеленую бездну.

— Вольф! — раздался голос Хрисеиды. Ее голова появилась прямо из скалы. — Здесь пещера. Поспеши.

Дрожа и обливаясь потом, он дюйм за дюймом пробирался к ней по узкому карнизу, пока наконец не пролез в широкое отверстие. Свод над головой возвышался на несколько футов; вытянув руки в стороны, он почти касался стен; но внутреннюю часть пещеры скрывала тьма.

— И далеко она уходит?

— Не очень. Но тут есть природный колодец — разлом в скале, ведущий вниз. Он выходит на Дно Мира, ниже которого нет ничего, кроме воздуха и неба.

— Этого не может быть — и тем не менее это так, — озадаченно произнес он. — Мы находимся во вселенной, основанной на совершенно иных принципах, чем земной мир. Плоская планета с отвесными краями. Но я не понимаю, как тогда здесь действует гравитация. И где ее центр?

Хрисеида пожала плечами:

— Кажется, властитель рассказывал мне об этом давным-давно, но я все забыла. Я даже забыла, что он однажды назвал Землю круглой.

Вольф снял кожаный пояс, выдернул из него ножны и нашел овальный черный камень, который весил примерно десять фунтов. Он просунул ремень через пряжку и положил внутри петли. Проткнув острием ножа новую дырку, Роберт туго затянул петлю и застегнул пряжку. В его руках оказалась плеть с тяжелым камнем на конце.

— Встань позади и чуть сбоку от меня,— сказал он.— Если я промахнусь и какой-нибудь гворл проскочит мимо, сразу же толкай его. Но только не свались сама. Как думаешь, ты справишься с этим?

Она кивнула, но, видимо, не очень верила в себя.

— Тебе потребуется все твое мужество. Я понимаю, ты очень устала. Но в твоих жилах течет кровь великого рода древних эллинов. Им еще и не то приходилось делать в этом выхолощенном псевдораю, и ты не могла растерять свою былую силу.

— Я принадлежу не к ахейцам,— ответила она,— а к сминфеям. Но в каком-то смысле ты прав. И я чувствую себя не так плохо, как мне казалось прежде. Только...

— Только к этому надо привыкнуть,— подхватил Вольф.

Он обрадовался, потому что ожидал от нее иной реакции. Если ей удастся взять себя в руки, вдвоем они смогут постоять за себя. Но их наверняка убьют, если при нападении гворлов она потеряет голову и ему придется приглядывать за истеричной женщиной.

— А вот и те, о ком мы говорили,— прошептал он, увидев, что на краю отверстия показались черные, волосатые и шишковатые пальцы.

Он с силой взмахнул ремнем, и камень в петле раздробил пальцы гворла. Раздался рев удивления и боли, а затем долгий завывающий вопль падающей в бездну твари. Вольф не стал дожидаться следующего противника. Он приблизился к выступу на краю отверстия, высунулся, насколько хватало храбрости, и снова взмахнул ремнем. Камень стукнулся обо что-то мягкое. Послышался еще один вопль, который вскоре замер в пустоте зеленого неба.

— Трех долой, осталось семеро! Если только к ним не присоединились другие.— Вольф повернулся к Хри-сеиде.— Возможно, им не удастся ворваться сюда. Но они могут уморить нас голодом.

— А если отдать им рог?

Он рассмеялся.

— Даже если я отдам его, они нас не отпустят. И у меня нет желания отдавать им рог. Лучше я выброшу его в небо.

На фоне отверстия пещеры появился силуэт фигуры, прыгнувшей откуда-то сверху. Гворл влетел, опустился на ноги, за долю секунды восстановил равновесие и бросился вперед. Он прокатился по дну пещеры волосатым шаром и вновь оказался в боевой стойке. Это настолько удивило Вольфа, что он не успел отреагировать. А главное, он не ожидал, что тварям удастся забраться выше пещеры и спуститься вниз. Скала над входом выглядела совершенно гладкой и неприступной. Но гворл пробрался к ним. И теперь стоял перед Робертом, сжимая в руке изогнутый нож.

Вольф раскрутил камень на конце ремня и метнул его в противника. Тварь бросила нож. Вольфу пришлось уворачиваться, и, может быть, поэтому бросок не удался. Нож слегка задел его плечо, и камень пролетел над косматой бугристой головой. Вольф нагнулся за ножом, который лежал на полу, и мельком увидел, как сверху в пещеру прыгнула вторая темная фигура, а у края отверстия появился третий гворл.

Что-то ударило Вольфа по голове. В глазах потемнело, чувства начали угасать — и он рухнул на колени.

Когда Роберт очнулся от боли в левой половине головы, у него возникло пугающее ощущение. Ему показалось, что он плывет вверх тормашками над огромным полированным черным диском. Кто-то связал за спиной его руки, шею стягивала веревка; он висел вверх ногами в пустом пространстве, и все же петля на шее оставалась лишь слегка затянутой.

Откинув голову, он увидел, что веревка тянется вверх и уходит в колодец на поверхности диска. Из невероятно глубокой щели струился бледный призрачный свет.

Роберт застонал и закрыл глаза, но вскоре снова открыл. Казалось, мир перевернулся. Внезапно он сориентировался. Вольф понял, что висит на веревке, спущенной со дна нижней стороны планеты, а не болтается вверх ногами вопреки всем законам гравитации. И зелень под ним тут же превратилась в небо.

«Мне бы полагалось давным-давно задохнуться,— подумал он.— Но здесь нет гравитации, и тело не натягивает веревку».

Он подпрыгнул ногами, и реактивная сила понесла его вверх.

Отверстие колодца приблизилось, в него прошла голова, но тут вмещалась какая-то сила. Движение замедлилось и прекратилось, а затем невидимая пружина силового поля медленно отбросила Вольфа вниз. Полет продолжался до тех пор, пока веревка не натянулась до предела.

Такое могли придумать только гворлы. Оглушив Роберта, они спустили тело в колодец или, что более вероятно, просто отнесли его вниз. Ширина колодца позволяла спускаться по нему, упираясь спиной в одну из стен и ногами — в другую. Двигаясь таким манером, человек содрал бы всю кожу, но волосатые шкуры гворлов были настолько прочными, что могли без ущерба выдержать и спуск и подъем. А потом им, наверное, спустили веревку, и они, затянув петлю на его шее, сбросили тело через дыру в днище мира.

Ему никогда не удастся подняться наверх. Он умрет от голода и жажды. Его тело будут раскачивать ветры пространства, пока не сгниет веревка. Но даже тогда он не упадет, а будет дрейфовать в тени диска планеты. Те гворлы, которых он сбросил с карниза, тоже упали вниз, но ускорение относилось к ним все дальше и дальше.

Несмотря на свое отчаянное положение, Вольф не мог не подумать о конфигурации гравитационного поля плоской планеты. По идее, центр должен находиться в самом низу: но тяготение действует только на поверхности и в самой массе планеты. На этой стороне гравитация напрочь отсутствовала.

А что произошло с Хрисеидой? Неужели гворлы убили девушку, как и ее подругу?

Вольф знал, что, как бы гворлы ни обошлись с ней, они намеренно не повесили ее рядом с ним. Им хотелось, чтобы частью его мучений стало полное неведение о ее судьбе. И до конца своей жизни на веревочной петле он будет гадать, что с ней произошло. В его уме будут возникать все новые и новые картины, одна ужаснее другой.

Какое-то время Роберт висел, немного отклонившись от перпендикулярной оси. Его отнесло в сторону ветром, а при отсутствии гравитации законы маятника не работали.

Оставаясь в тени черного диска, он мог следить за движением солнца. Светило, скрытое диском планеты, оставалось вне поля зрения, но свет его падал на край огромной дуги. Зеленое небо под солнечными лучами ярко светило, тогда как неосвещенная часть погружалась во тьму. Чуть позже Вольф заметил, что свечение на краю диска стало слабее, и понял, что на смену солнцу пришла луна.

Должно быть, полночь, подумал он. Если гворлы решили забрать Хрисеиду с собой, они могли проплыть по морю немалое расстояние. Или она могла быть уже мертва, если ее подвергли пыткам. Если же ей уготована более мерзкая участь, оставалось надеяться лишь на то, что она не мучилась долго.

Он висел во мраке под Дном Мира и вдруг почувствовал, как веревка на его шее дернулась. Петля затянулась, но не настолько, чтобы задушить. Кто-то подтягивал Вольфа к отверстию. Он выгнул шею, пытаясь увидеть своего спасителя, но взгляд тонул в темноте отверстия. А затем (словно через поверхностное натяжение воды) голова Роберта прорвалась через паутину гравитации, и его вытащили из бездны. Огромные сильные руки обхватили Вольфа и прижали к твердой теплой мохнатой груди. Кто-то дынул на него винным перегаром, жесткие губы оцарапали щеку. Стиснув Роберта в объятиях, существо дюйм за дюймом поднималось вверх. мех терся о скалу; ноги гиганта разгибались, рывком поднимаясь, отыскивали точку опоры, и вновь слышалось шуршание меха.

— Ипсев? — спросил Вольф.

— Ипсев, — подтвердил зебрилла. — А теперь замолчи. Мне надо поберечь дыхание. Нелегкое это дело.

Роберт подчинился, с трудом удерживаясь, чтобы не спросить о Хрисеиде. Когда они выползли из колодца, Ипсев снял с шеи пленника веревку и опустил его на пол пещеры.

И только тогда тот отважился задать вопрос:

— Где Хрисеида?

Ипсев мягко опустился рядом, перевернул Вольфа на живот и начал развязывать узлы на его запястьях. Он никак не мог отдышаться после путешествия, но все же ответил:

— Гворлы усадили ее в большую лодку, выдолбленную из дерева, и поплыли через море. Она кричала, умоляя меня помочь ей. Потом гворл ударил ее, и она, как мне кажется, потеряла сознание. А я сидел, пьяный, как властитель, и почти ничего не соображал от орехового сока после гулянки с Автонией — ну, ты знаешь, с той большеротой аквилой.

Но прежде чем Хрисеиду оглушили, — продолжал Ипсев, — она успела крикнуть, что ты висишь под дырой на Дне Мира. Я не понял, о чем она говорила, потому что давно здесь не бывал. И мне даже не хочется говорить, сколько лет с тех пор прошло. Собственно, я и сам не знаю. Теперь уже все в густом тумане — да ты и сам понимаешь.

— Нет, не понимаю. — Вольф поднялся и растер запястья. — Но если мне придется остаться здесь еще на какое-то время, боюсь, я тоже могу оказаться в алкогольном тумане.

— Я хотел подойти к ней, — сказал Ипсев. — Но гворлы бросили в меня несколько длинных ножей и пообещали убить. Я смотрел, как они вытаскивают из кустов лодку, и вдруг подумал: какого черта, ну и что, если они убьют меня? Я не собирался спускать им угроз, и мне было все равно, что они тащат бог знает куда бедную малышку Хрисеиду. В былые деньки в Троаде* мы, сам знаешь, немного дружили с этой девчонкой, хотя здесь я с ней одно время практически не общался. И думаю,

* Троада — область Малой Азии, центром которой была Троя. (Здесь и далее примеч. пер.)

довольно долгое время. Но сейчас мне вдруг захотелось какого-то настоящего приключения, какого-то истинного волнения — я и возненавидел этих отвратительных буристых тварей.

Я побежал за ними, — продолжал он, — но они к тому времени спустили лодку на воду и усадили туда Хрисеиду. Я осмотрелся в поисках гистоихтиса, подумав, что могу протаранить моллюском их лодку. Если бы мне удалось сбросить их в воду — с ножами или без них, — то они бы оказались у меня в руках. Поскольку то, как гворлы вели себя в лодке, подсказывало мне, что на море они чувствуют страх и неуверенность. Я даже сомневаюсь, что они умеют плавать.

— Я тоже сомневаюсь, — согласился Вольф.

— Но в пределах досягаемости не оказалось ни одного гистоихтиса. А ветер уносил их лодку все дальше и дальше. Они поставили большой треугольный парус. Я вернулся к Автонии и выпил еще. Я мог бы забыть о тебе точно так же, как пытался забыть о Хрисеиде. Я знал, какие ей предстоят мучения, и не мог вынести мыслей об этом. Мне захотелось напиться до чертиков. Но Автония, будь блажен ее пьяный мозг, вдруг вспомнила, что говорила про тебя Хрисеида. Я бросился сюда и долго осматривался, потому что никак не мог вспомнить, где находятся карнизы, ведущие в пещеру. Я чуть не плюнул и не напился снова. Но что-то удержало меня — наверное, мне захотелось сделать какой-нибудь добрый поступок в этой вечности безделья, где нет ни добра, ни зла.

— Если бы ты не пришел, я бы висел там, пока не умер от жажды. А теперь, если мне удастся найти Хрисеиду, у нее появится шанс на спасение. Я отправляюсь за ней. Хочешь пойти со мной?

Вольф чувствовал, что Ипсев согласится. И все же ему не верилось, что гигант сдержит слово, когда дело дойдет до реального путешествия через море. Однако вскоре Ипсев удивил его еще раз.

Зебрилла отплыл от берега, ухватился за выступ раковины проплывавшего мимо гистоихтиса и забрался на спину моллюска. Он подвел его к берегу, прижимая рукой нервные окончания, проступавшие темно-пурпурными

кляксами на коже сразу же за конусовидной раковиной, которая служила кораблю-моллюску носом.

По указанию Ипсева Вольф надавил на особое пятно рыбы-паруса (буквальный перевод слова «гистоихтис») и так удерживал ее у полосы прибора. Зебрилла принес несколько охапок плодов и множество пуншевых орехов.

— Нам придется есть и пить. Особенно пить,— проворчал Ипсев.— Путь через океан к подножию горы может оказаться долгим. Хотя, по правде говоря, я этого точно не знаю.

Через несколько минут, уложив припасы в одну из естественных впадин на раковине рыбы-паруса, они отплыли от берега. Тонкий хрящеватый парус поймал ветер, и огромный моллюск, заглотив порцию воды, с силой выпустил ее через задний мускульный клапан.

— Гворлы уплыли вчера вечером,— сказал Ипсев,— но они уступают нам в скорости. И они окажутся на другом берегу не намного раньше нас.

Он вскрыл пуншевый орех и предложил Вольфу. Тот согласился. Несмотря на огромную усталость, он был взвинчен до предела, и ему требовалось какое-то снотсшибательное успокоительное, которое позволило бы забыться и уснуть. Изгиб раковины создавал пещерообразную нишу, куда он мог заползти. Роберт лег и прижался к гладкой коже рыбы-паруса, от которой исходило тепло. Вскоре он начал засыпать. Последней в его сознании запечатлелась плечистая фигура Ипсева, который разглядывал пятна моллюска. Полосы на шкуре зебриллы слились в лунном свете; он поднял над головой еще один пуншевый орех и высосал все его содержимое выпяченными губами.

Проснувшись, Вольф обнаружил, что солнце едва появилось из-за горы. Полная луна (которая всегда оставалась полной, так как на нее никогда не падала тень планеты) быстро скользила за другую сторону гряды.

Отдохнувший и голодный, он съел несколько плодов и богатых протеинами орехов. Ипсев показал ему, как можно разнообразить диету «кровавыми ягодами». Эти блестящие шары темно-бордового цвета гроздьями висели на кончиках мясистых стеблей, росших прямо из рако-

вины. Каждая ягода выглядела чуть меньше бейсбольного мяча, а из-под тонкой кожицы проступала жидкость, на вид и вкус напоминавшая кровь. Мякоть внутри походила на сырое мясо в соусе из креветок.

— Созрев, они осыпаются, и большая часть достается рыбам,— сказал Ипсев.— Но некоторые доплывают до берега. И все же, когда срываешь их прямо со стебля, они вкуснее всего.

Роберт присел рядом и, набив рот вкусной едой, с трудом произнес:

— Гистоиختисы очень удобны. Они кажутся мне какими-то слишком уж хорошими.

— Властитель придумал и создал их для нашего и своего удовольствия,— ответил Ипсев.

— Неужели эту вселенную создал властитель? — спросил Вольф.

С некоторых пор он причислял подобные истории к мифам.

— Тебе лучше поверить в это,— ответил Ипсев, прожевав.— Потому что, если ты не поверишь, властитель прикончит тебя. Впрочем, мне кажется, в любом случае долго пожить тебе не удастся. Он не любит незваных гостей.— Ипсев поднял орех и произнес: — Пью за то, чтобы ты остался незамеченным. За скорую гибель и вечное проклятие нашего властителя!

Внезапно он выронил орех и прыгнул на Вольфа. От неожиданности Роберт не оказал никакого сопротивления. Ипсев затолкал его в полость раковины, где тот провел ночь, и прикрыл своим телом.

— Тихо,— приказал зебрилла.— Свернись в комочек и лежи, пока я не скажу, что все в порядке. Над нами Око Властителя.

Вольф прижался к раковине и постарался слиться с тенью внутри углубления. Он успел заметить промелькнувшую тень ворона, а затем и саму птицу. Злобное создание пронеслось над ними, развернулось и начало снижаться, нацеливаясь на корму рыбы-паруса.

— Черт бы его побрал! Он меня обязательно заметит,— тихо прошептал Вольф.

— Без паники! — приказал Ипсев.— Ух ты!

Послышался глухой удар, всплеск и пронзительный крик, от которого Вольф подскочил и больно ударился головой о раковину. Из глаз посыпались искры, но он увидел, как ворон безвольно повис в двух огромных когтистых лапах. И если Око Властителя по размерам напоминало орла, то его убийца, стрелой упавший с зеленых небес, казался в первые секунды потрясения громадным, как птица Рух. Придя в себя, Роберт увидел орлицу с бледно-красной головой, желтоватым клювом и светло-зелеными перьями. Гигантская птица раз в шесть превосходила размерами ворона, и ее крылья, каждое по меньшей мере футов тридцать в длину, тяжело били по волнам, когда она пыталась подняться из воды, в которой оказалась вместе со своей жертвой после столь стремительной атаки. С каждым мощным взмахом крыльев орлица поднималась вверх на несколько дюймов и вскоре набрала высоту. Но прежде чем исчезнуть вдаль, она повернула голову, и Роберт увидел ее глаза. Они показались ему двумя черными щитами, в которых отражалось пламя смерти. Вольф содрогнулся: он никогда не видел такой неприкрытой жадности убийства.

— Да, можешь содрогаться,— сказал Ипсев, просовывая ухмыляющуюся морду в углубление раковины.— Это одна из пташек Подарги. Подарга ненавидит властителя, и будь у нее возможность, она бы сама напала на него, даже если бы это стоило ей жизни. И поверь мне, стоило бы. Но она не может приблизиться к нему и поэтому приказывает своим птичкам пожирать Очи Властителя. Что они и делают, как ты смог заметить.

Вольф выбрался из своего укрытия и стоял, провожая взглядом удалявшиеся силуэты орлицы и ее добычи.

— Кто такая Подарга?

— Она, как и я, чудовищное создание властителя. Она тоже когда-то жила на берегу Эгейского моря и была прекрасной юной девой. В те времена властвовал великий царь Приам и жили богоподобный Ахилл и коварный Одиссей. Я знал их всех, и они оплевали бы критянина Ипсева, некогда храброго моряка и копыеносца, если бы увидели меня сейчас в этом виде. Впрочем, я рассказываю о Подарге. Властитель забрал ее в свой мир, создал чудовищ-

ное тело и поместил в него мозг. Она живет где-то там,— продолжал Ипсев,— в пещере на склоне горы. Ее сжигает лютая ненависть к властителю, но Подарга ненавидит и обычных людей. Она пожирает их, если только прежде ими не полакомятся ее пташки. Но больше всех Подарга ненавидит властителя.

Ипсев, по-видимому, знал о ней очень много, но он вспомнил, что до похищения ее звали иначе и когда-то давно они даже дружили. Вольф принялся расспрашивать дальше. Его интересовало все, что Ипсев мог рассказать об Агамемноне, Ахилле, Одиссее и других героях гомеровского эпоса. Он сообщил зебрилле, что Агамемнон считается историческим персонажем. Но можно ли то же сказать об Ахилле и Одиссее? Неужели они существовали на самом деле?

— Конечно существовали.— Ипсев хмыкнул.— Я смотрю, тебе не терпится послушать о тех временах. Но рассказывать мне, в общем-то, нечего. Это было очень давно, и прошло слишком много бесполезных дней. Да разве только дней? Может быть, веков и тысячелетий — один властитель знает. К тому же столько выпито...

Весь остаток дня и часть ночи Роберт донимал Ипсева вопросами, но его старания были напрасны. Заскучавший Ипсев выпил половину своего запаса орехов и в конце концов захрапел.

Рассвет окрасил гору в зеленые и золотистые тона. Вольф засмотрелся на воду. Она была такой прозрачной, что он мог видеть сотни тысяч рыб, поражавших воображение фантастическими очертаниями и великолепием раскрасок. Держа во рту существо, похожее на живой бриллиант, из глубины всплыл ярко-оранжевый тюлень. Он вспугнул небольшого спрута с пурпурными прожилками, и тот метнулся в сторону. Далеко-далеко внизу на секунду возникло нечто огромное и белое и тут же исчезло в глубине.

Вскоре до слуха Роберта донесся шум прибоя, и у подножия Таяфаявозда показалась тонкая белая полоска пены. Гора, выглядевшая такой гладкой на расстоянии, оказалась испещренной расщелинами, выступами и шипами скал, крупными обрывами и застывшими каменными фон-

танами. Таяфаявозд вздымался в небо, ему не было конца, и казалось, он нависает над всем миром.

Вольф толкал Ипсева до тех пор, пока зебрилла, поставившая и бурча, не поднялся на ноги. Он поморгал покрасневшими глазами, почесался, прокашлялся и потянулся за очередным пуншевым орехом. В конце концов, по настоянию Вольфа, он направил рыбу-парус вдоль подножия горы.

— Когда-то я знал эти места,— сказал Ипсев.— Однажды я задумал взлезть на эту гору, чтобы отыскать властителя и попытаться...— Он помолчал, почесал затылок, сморщился, но все же закончил фразу: — Попытаться прибить его! Вот так! Я знал, что вспомню это слово. Но у меня ничего не получилось. Не хватило духу пойти на это в одиночку.

— А теперь мы вместе — ты и я,— сказал Вольф.

Ипсев покачал головой и отхлебнул из ореха еще раз.

— Теперь — это теперь. Вот если бы ты оказался со мной тогда... Впрочем, что толку болтать? Ты тогда даже и не родился. Даже твой прапрапрадедущка еще не родился. А теперь уже слишком поздно.

Он замолчал и занялся проводкой рыбы-паруса через отверстие в горе. Огромный моллюск резко свернул в сторону. Хрящеватый парус сложился и плотно прижался к мачте из жесткого, крепкого, как кость, хряща. Его белое тело взлетело на огромной волне, и путешественники оказались в спокойных водах узкого темного фиорда с невероятно высокими берегами.

Ипсев указал на ряд неровных выступов в скале.

— Залезай туда. По ним ты можешь забраться очень далеко. А вот как далеко — не знаю. Я устал, натерпелся страху и улываю обратно в Сад. Надеюсь, мне никогда не придется сюда возвращаться вновь.

Вольф долго упрашивал Ипсева. Он говорил, что ему не раз понадобится сила гиганта и что Хрисеида нуждается в его помощи. Но зебрилла лишь мрачно качал масливной головой.

— Я благословляю тебя на все, что бы ты ни предпринял.

— А я благодарю тебя за то, что ты сделал,— сказал Вольф.— Если бы ты не позаботился обо мне, я бы до сих пор болтался на конце веревки. Возможно, мы еще увидимся с тобой. Вместе с Хriseидой.

— Властитель могуч,— ответил Ипсев.— Неужели ты думаешь, что справишься с существом, которому удалось создать для себя целую вселенную?

— Всегда есть шанс,— сказал Вольф.— Покуда я сражаюсь, шевелю мозгами и держу удачу за хвост, моим возможностям нет предела.

Он спрыгнул с раковины и чуть не поскользнулся на мокром выступе скалы.

— Дурное знамение, друг мой! — воскликнул Ипсев. Вольф обернулся, улыбнулся и ответил:

— Я не верю в знамения, мой суеверный греческий дружище! Пока!

Глава 5

Он начал восхождение и в течение часа ни разу не посмотрел вниз и ни разу не остановился. К тому времени огромное белое тело гистоихтиса превратилось в тонкую бледную нить, а Ипсев стал черной точкой на ее оси. Прекрасно зная, что его уже невозможно разглядеть, Вольф все же помахал Ипсеву рукой и продолжил восхождение.

А еще через час, цепляясь за трещины и карабкаясь по скалам, он выбрался из фиорда и оказался на широком карнизе отвесной скалы. Здесь его снова встретил яркий солнечный свет. Гора оказалась такой же высокой, как и снизу, да и путь легче не стал. Впрочем, Роберт не мог бы назвать его слишком трудным, но этому радоваться не приходилось. Руки и колени кровоточили, подъем утомил его. Он даже собирался было провести здесь ночь, но вскоре передумал. Пока светло, он должен этим воспользоваться.

Роберт вновь усомнился в истинности слов Ипсева, который утверждал, что гворлы выбрали именно этот путь. Ипсев говорил, что там, где море врезается в гору, есть и другие проходы внутрь гряды, но они находятся очень далеко. Вольф долго выискивал признаки того, что гвор-

лы прошли этой дорогой, но ничего не нашел. Однако отсутствие следов еще не означало, что гворлы выбрали другую тропу — если только эту потрескавшуюся вертикаль можно назвать тропой.

Через несколько минут он достиг одного из многих деревьев, которые росли прямо из скалы. Под перекрученными серыми ветвями с пестрыми зеленовато-коричневыми листьями валялись пустые ореховые скорлупки и огрызки плодов, которые выглядели довольно свежими. Кто-то недавно останавливался здесь, чтобы перекусить. И этот факт придал ему новые силы. В ореховой скорлупе осталось немного мякоти, которой хватило, чтобы унять чувство голода. А остатки плодов утолили жажду и освежили пересохший рот.

Он карабкался вверх шесть дней, отдыхая по ночам. К его удивлению, жизнь существовала даже на отвесном склоне. На карнизах, из пещер и трещин росли маленькие деревья и большие кусты. Там же обитали всевозможные птицы и множество мелких животных. Они питались ягодами, орехами и друг другом. Вольф наловчился убивать птиц камнями и ел их сырое мясо. Он нашел кремь и смастерил из него грубый, но острый нож, а затем с его помощью сделал короткое копье с деревянным древком и кремневым наконечником. Роберт похудел, ладони, ступни и колени покрылись толстыми мозолями и засохшими ссадинами. У него стала отрастать борода.

На утро седьмого дня он взглянул вниз с карниза и прикинул, что находится, по крайней мере, в двенадцати тысячах футов над уровнем моря. Но дышалось по-прежнему легко, и воздух оставался таким же теплым, как и в начале подъема. Море выглядело как широкая река. А еще дальше находились край мира и Сад, откуда он пустился в погоню за гворлами и Хрисейдой. Полоска земли казалась не шире кошачьего усика, и за ней виднелось лишь зеленое небо.

На восьмой день в полдень Вольф наткнулся на змею, пожиравшую мертвого гворла. Все ее сорокафутовое тело покрывали черные ромбы и темно-красные печати Соломона. Тело, которое по древнему проклятию должно быть безногим, имело по бокам ступни, до омерзения похожие

на человеческие. В раскрытой пасти виднелось три ряда акульих зубов. Заметив торчащий посреди нож и сочившуюся кровь, Роберт храбро напал на змею. Она зашипела, развернула спираль своих колец и попыталась скрыться. Вольф ткнул рептилию несколько раз копьем, и она бросилась на него. Он вогнал острие из кремня в большой тускло-зеленый глаз. Змея громко зашипела и взвилась вверх, лягаясь двадцатью пятипалыми ступнями. Вольф вырвал копье из окровавленного глаза и воткнул его в мертвенно-бледный участок чуть ниже челюсти змеи. Кремень вошел глубоко; змея дернулась так сильно, что вырвала из его рук древко. А затем, тяжело дыша, тварь упала на бок и через некоторое время сдохла.

Сверху раздался пронзительный крик, и над головой Вольфа пронеслась огромная тень. Он слышал этот крик во время плавания на рыбе-парусе. Он отпрыгнул в сторону и кубарем прокатился по небольшому карнизу. Поравнявшись с расщелиной, он юркнул в нее и повернулся, чтобы посмотреть, что ему угрожало. Роберт увидел огромную ширококрылую орлицу с зелеными перьями, красной головой и желтым клювом. Птица, нахохлившись, сидела на змее и мощным клювом, острым, как акульи зубы поверженной твари, выщипывала куски мяса. Глотая их, она свирепо поглядывала на Вольфа, и тот попытался забиться в расщелину как можно дальше.

Он понимал, что ему придется оставаться в расщелине до тех пор, пока птица не насытится. Но прошел день, а орлица все охраняла два трупа. Вольф начал испытывать голод, жажду и прочие неудобства. К утру он рассердился. Птица сидела на трупах, сложив крылья и опустив голову. Спит, подумал Роберт и решил бежать. Но едва он вылез из трещины в скале, морщась от боли в затекших мышцах, орлица вскинула голову, расправила крылья и заклекотала. Вольф снова забился в расщелину.

К полудню орлица по-прежнему не выказывала желания убираться прочь. Она еще немного поела и теперь, казалось, боролась с дремотой. Иногда она выгибала шею и отрывала излишки мяса. Солнце застыло над трупами и птицей; все трое нещадно воняли. И Вольф пришел в отчаяние. Он понял, что орлица останется здесь

до тех пор, пока не обглодает рептилию и гворла до костей. К тому времени Вольф будет полумертвым от голода и жажды.

Роберт вышел из расщелины и поднял копьё. Оно выпало из тела змеи, когда птица раздирала мясо. Он угрожающе ткнул им в сторону орлицы, и та свирепо уставилась на человека. Потом зашипела и издала резкий крик. Вольф крикнул в ответ и стал медленно отступать. Слегка покачиваясь, орлица осторожными короткими шагами двинулась за ним. Роберт остановился, еще раз закричал и прыгнул. Та испуганно отскочила и заклекотала.

Он возобновил свое медленное отступление, но на этот раз птица не стала его преследовать. А когда изгиб горы скрыл хищницу из виду, Вольф продолжил восхождение. Здесь хватало мест, куда бы он мог спрятаться, если бы орлица бросилась в погоню. Но ни одна тень больше не нависала над его головой. Возможно, птица хотела лишь защитить свою добычу.

К середине следующего утра он набрел еще на одного гворла. Тот сидел, прижавшись спиной к стволу небольшого дерева. Раздробленная нога не позволяла ему встать, и он размахивал ножом, отгоняя от себя дюжину красных мускулистых свиноподобных зверей с копытами, как у горных коз. Те разгуливали взад и вперед перед покалеченным гворлом и глухо похрюкивали. Время от времени одно из животных совершало короткий бросок, но останавливалось в нескольких футах от мелькавшего ножа.

Вольф влез на валун и кинул в парнокопытных плотоядных несколько камней. Через минуту он уже ругал себя за то, что привлек их внимание. Звери карабкались по отвесным граням валуна, как по лестнице. И только быстро действуя копьём, ему удавалось сталкивать их обратно на выступ скалы. Кремневый наконечник входил в их жесткие шкуры неглубоко и не мог причинить им серьезных ран.

Они с визгом падали на камни и снова карабкались вверх. Их клыки щелкали так близко, что дважды чуть не поранили ногу. Отбивая атаки, он не мог предпринять решительных действий, но, уловив момент, когда все звери оказались внизу на выступе, Вольф отложил копьё, поднял

камень раза в два больше человеческой головы и швырнул его на спину одного горного вепря. Зверь завизжал и попытался уползти, волоча задние ноги. Стая набросилась на него и начала объедать неподвижные конечности своего сотоварища. А когда раненое животное попыталось защищаться, ему перегрызли горло. Через минуту мертвое тело разорвали на части.

Вольф подобрал копье, спустился с другой стороны вала и подошел к гворлу, не сводя глаз с кабанов, но те лишь подняли головы и, убедившись, что на их добычу никто не посягает, продолжали поедать труп.

Гворл зарывал на Вольфа, приподнимая длинный нож. Роберт остановился на безопасном расстоянии. Из ноги гворла чуть ниже колена торчал осколок кости. Глаза твари, глубоко запавшие под низким подбровием, выглядели как стеклянные пуговицы.

Вольф сам не ожидал, что так поступит. Раньше он немедленно без жалости убил бы любого попавшегося гворла, но с этим ему хотелось поговорить. После долгих дней и ночей восхождения Роберт чувствовал себя ужасно одиноким и рад был обмолвиться словечком даже с этим отвратительным существом.

— Могу ли чем-то тебе помочь? — спросил он по-гречески.

Гворл что-то гортанно проговорил и поднял оружие. Вольф стал подходить к нему — но быстро отскочил в сторону когда над его головой просвистел клинок. Он подобрал нож, затем подошел к гворлу и заговорил с ним еще раз. Тварь что-то проскрежетала в ответ, голос его был очень слабым. Вольф нагнулся, чтобы повторить вопрос, и тут гворл плюнул ему в лицо.

Страх и ненависть человека вырвались наружу. Он всадил нож в толстую шею, тварь несколько раз взбрыкнула ногой и испустила дух. Вольф вытер нож о темный мех гворла и осмотрел содержимое кожаной сумки на поясе мертвеца. Он нашел там сушеное мясо, сухофрукты, немного черствого хлеба и флягу с огненным напитком. Его смутила мысль о происхождении мяса, но он напомнил себе, что голодному выбирать не приходится. Вольф попробовал хлеб: тот оказался твердым как камень.

Но смоченные слюной темные комочки сухарей по вкусу не уступали печению из пшеничной муки.

Вольф продолжал восхождение. Дни и ночи сменяли друг друга, и он больше не встречал никаких следов гворлов. Воздух оставался таким же теплым и чистым, как на уровне моря, хотя, по оценкам Вольфа, он одолел добрые тридцать тысяч футов. Море внизу казалось тонким серебряным поясом на талии мира.

Как-то ночью он проснулся, почувствовав прикосновение дюжины маленьких мохнатых рук. Роберт рванулся, но высвободиться не удалось. Одни маленькие ручки крепко держали Вольфа, в то время как другие связывали его по рукам и ногам какими-то травяными веревками. Затем Вольфа подняли и вынесли на каменный козырек перед пещерой, в которой он остановился на ночлег. В сиянии лунного света Роберт увидел несколько десятков двуногих созданий, каждое из которых не превышало ростом двух с половиной футов. Они были покрыты гладким мышино-серым мехом с белыми воротничками вокруг шеи. Черные острые мордочки напоминали летучих мышей. Голову венчали огромные заостренные уши.

Они молча протащили Вольфа по площадке и внесли в другую трещину. Узкое отверстие переходило в большую пещеру, около тридцати футов в ширину и двадцати в высоту. Лунный свет, проникая сквозь щель в каменном своде, освещал груды костей с остатками гниющего мяса. Похитители уложили Роберта неподалеку от кучи, а сами отступили в угол пещеры и о чем-то заговорили между собой, вернее, зачирикали. Один из них подошел к Роберту, с минуту смотрел на него, затем опустился на колени — и в горло Вольфа впились крохотные, но очень острые зубы. За первым вампиром последовали другие и начали вгрызаться во все его тело.

Все это происходило в мертвой тишине — в буквальном смысле слова. Даже Вольф не издавал ни звука, и лишь когда пытался разорвать веревки, из его груди вырывались хриплые стоны. Острая боль в местах укусов быстро прошла, словно в кровь ввели какое-то слабое анестезирующее средство.

Вольф почувствовал, что засыпает, и, несмотря на свой нрав и убеждения, перестал бороться. По его телу расплзлось приятное оцепенение. А стоит ли сражаться за жизнь и не уйти ли в мир иной столь приятным образом? По крайней мере, его смерть не будет бесполезной. Какое благородство — отдать свое тело этим маленьким существам, чтобы они могли набить им животы. Умереть и сделать их на несколько дней сытыми и счастливыми...

В пещеру ворвался луч света. Сквозь теплую мглу Вольф увидел, как вампиры отпрянули от него. Потом отбежали в дальний конец пещеры и сбились в кучу. Свет стал ярче и постепенно превратился в факел из пылающей сосновой ветви. Из мрака возникло лицо старика, которое склонилось над Вольфом. Роберт увидел длинную белую бороду, впалый рот, крючковатый острый нос и огромные, нависшие, косматые брови. Иссохшее тело прикрывал грязный белый балахон. Рука, покрытая сетью крупных вен, сжимала посох, конец которого венчал крупный, с кулак Вольфа, чудесный сапфир в виде гарпии.

Роберт попытался заговорить, но с губ слетали неразборчивые слова, словно он только что начинал выходить из-под наркоза после операции. Старик взмахнул посохом, и от массы серых шерсток отделилось несколько вампиров. Не сводя со старика испуганных раскосых глаз, они бегом прошмыгнули через пещеру и быстро развязали Вольфа. Ему удалось подняться, но ноги не слушались, и старику пришлось поддерживать Роберта до самого выхода из пещеры.

— Скоро ты почувствуешь себя лучше,— заговорил старик на микенском наречии.— Яд долго не действует.

— Кто ты? Куда ты меня ведешь?

— Подальше от опасности,— произнес старик.

Роберт задумался над загадочным ответом. К тому времени, когда он окончательно пришел в себя, старик подвел его ко входу в очередную пещеру. Вольф потерял счет числу каменных залов, через которые они проходили, постепенно поднимаясь все выше и выше. Наконец после двух миль пути старик остановился перед железной дверью. Он передал факел Вольфу, открыл дверь и жестом

пригласил его войти. Роберт вошел в большую пещеру, ярко освещенную факелами. Дверь за спиной со скрипом затворилась, и раздался глухой стук задвигаемого в спешке засова.

Прежде всего Вольфа ошеломил удушливый запах. И только потом — вид двух зеленых красноголовых орлиц, которые приблизились к нему. Одна из них голосом гигантского попугая приказала ему идти вперед. Он подчинился, обнаружив вдруг, что существа-вампиры похитили его нож. Хотя оружие здесь вряд ли пригодилось бы. Пещера кишела гигантскими птицами, каждая из которых была больше Вольфа.

У боковой стены стояли две клетки из тонких железных прутьев. В одной из них сидело шесть гворлов. В другой находился высокий, прекрасно сложенный молодой человек в набедренной повязке из оленьей кожи. Он улыбнулся Вольфу и сказал:

— Так, значит, тебе удалось! Но как ты изменился!

И только теперь эти красновато-бронзовые волосы, выпяченная верхняя губа и скуластое веселое лицо показались Вольфу знакомыми. Он узнал человека, который бросил ему рог с валуна, осаждаемого гворлами, — того, кто назвался Кикахой.

Глава 6

Роберт не успел ответить, потому что в этот миг одна из орлиц открыла дверь клетки, орудуя лапой, как человеческой рукой. Могучая голова с твердым клювом втокнула его за решетку, и дверь со скрежетом захлопнулась.

— Итак, ты тоже здесь, — сказал Кикаха густым баритоном. — Теперь надо подумать, что делать дальше. Наше пребывание в этой пещере может оказаться коротким и неприятным.

Сквозь прутья Вольф увидел высеченный в скале трон, на котором восседала женщина. Вернее, полуженщина, потому что человеком она была лишь выше пояса, все остальное было птичьим, вместо рук — крылья. По сравнению с обычным земным орлом ее ноги казались непропорционально толстыми. Но им приходится нести боль-

шую тяжесть, подумал Роберт. Он уже понял, что видит еще одно чудовищное творение, созданное в лаборатории властителя. И скорее всего — Подаргу, о которой рассказывал Ипсев.

Выше пояса она была женщиной — видеть такую доводилось лишь немногим мужчинам: молочно-опаловая кожа, роскошная грудь и шея, словно великолепная колонна. Длинные черные прямые волосы обрамляли лицо еще более прекрасное, чем лицо Хрисеиды, — до сих пор Вольф считал такое невероятным.

Но эта красота казалась зловещей. Ее взор переполняла лютая ненависть, как у попавшего в клетку сокола, которого задразнили до невыносимого состояния.

Вольф отвел от нее глаза и осмотрел пещеру.

— А где Хрисеида? — шепотом спросил он у Кикахи.

— Кто?

Вольф в двух словах описал ее и рассказал о том, что с ними произошло.

Кикаха покачал головой:

— Я ее не видел.

— А эти гворлы?

— Они шли двумя отрядами. Наверное, рог и Хрисеида находятся у второй группы. Но не очень-то переживай. Если мы не уговорим хозяйку отпустить нас, нам конец. И довольно-таки отвратительный.

Роберт спросил о старике, и Кикаха ответил, что тот когда-то считался любовником Подарги. Он принадлежал к числу первых людей, которых властитель перенес в свою вселенную сразу после того, как сотворил ее. Гарпия держала старика для черной работы, которая требовала человеческих рук. И именно по ее приказу он избавил Роберта от маленьких вампиров. Фавориты Подарги уже несколько дней подряд докладывали своей хозяйке о каждом шаге Вольфа в ее владениях.

Подарга беспокойно заерзала на троне и расправила крылья со звуком, похожим на далекий раскат грома.

— Эй, вы, двое! — закричала она. — Хватит шептаться! Итак, Кикаха, что ты можешь сказать в свою защиту перед тем, как я спущу на тебя своих птичек?

— Рискую показаться утомительным, я могу лишь повторить то, о чем уже рассказывал, — громко ответил Кикаха. — Я такой же враг властителя, как и ты. Он ненавидит меня и с удовольствием бы прикончил. Ему известно, что я украл его рог. Теперь я стал для него опасен. Очи Властителя ищут меня по четырем уровням мира. А ты...

— И где же тот рог, который ты похитил у властителя? Почему его нет с тобой? Мне кажется, ты лжешь, стараясь спасти свою никчемную тушку.

— Я уже говорил, что мне удалось открыть врата в другой мир. Я бросил рог человеку, который пришел на мой зов. И этот человек теперь перед тобой.

Подарга повернула голову, слегка склонив ее набок, как это делают орлы. Ее взгляд застыл на Вольфе.

— Я не вижу никакого рога. Передо мной лишь жесткий, жилистый кусок мяса с черной бородой.

— Он рассказал мне, что рог у него отобрала другая банда гворлов, — ответил Кикаха. — Он гнался за ними, пытаясь вернуть эту вещь, но твари с мордами летучих мышей поймали его, и вот теперь ты великодушно спасла ему жизнь. Освободи нас, добрая и прекрасная Подарга. Мы вернем рог, и тогда у нас появится возможность сразиться с властителем. А тирана можно победить. Пусть его мощь велика, но он не всемогущ. Иначе он давно вернул бы свой рог и нашел всех нас.

Подарга встала, расправила крылья и, сойдя со ступеней трона, подошла к клетке. Она не подсказывала при ходьбе, как птицы, а шла твердой прямой походкой.

— О, как мне хочется тебе поверить! Я жду этого годы, века и тысячелетия — так долго, что сердце болит при мысли о пропавшем времени! И если бы я знала, что оружие для ответного удара наконец попало в мои руки... — Пронзив пленников взглядом, она сложила крылья перед собой и горько произнесла: — Видите! Я говорю «мои руки», но у меня нет рук и нет тела, которое когда-то принадлежало мне. Этот...

Она разразилась неистовой бранью, которая заставила Вольфа поежиться. Но холодок по его спине пополз не от слов, а от ярости, которая граничила либо с гневом богов, либо с безумством умалишенного существа.

— Если бы удалось низвергнуть властителя — а я думаю, это вполне возможно, — ты бы вернула свое человеческое тело, — сказал Кикаха, когда она умолкла.

Едва дыша в тисках бушевавшего гнева, она уставилась на людей с жадной убийства во взоре. Вольф подумал, что их участь решена, но последующие слова Подарги обнаружили истинный объект ее ярости.

— Прежний властитель давным-давно пропал; во всяком случае, так утверждают слухи. Я послала одну из своих птиц разузнать, в чем дело, и она принесла мне странную весть. Она сказала, что появился новый властитель, но ей показалось, что это тот же тиран и мучитель, принявший новый облик. Я отправила птицу обратно к властителю с просьбой вернуть мне человеческое тело, но он не внял моим мольбам. Так какая разница, тот это властитель или другой? Он такой же злой и ненавистный, как прежний, если только он действительно не прежний. И это я должна узнать.

Но кем бы он ни был, он должен умереть, — продолжала Подарга. — И если прежний тиран покинул эту вселенную, я обыщу все миры и найду его!

— Ты не сделаешь этого без рога, — сказал Кикаха. — Он, и только он, открывает врата в другой мир, если только они не оборудованы предохранительными устройствами.

— А что, собственно говоря, я теряю? — внезапно спросила Подарга. — Если ты лжешь и пытаешься меня обмануть, я в конце концов доберусь до тебя, и охота может оказаться забавной. Если же ты говоришь правду, мы посмотрим, как сложится судьба.

Она что-то сказала сопровождавшей ее орлице, и та открыла дверь клетки. Вслед за гарпией Кикаха и Вольф пересекли пещеру и подошли к большому столу, вокруг которого стояли кресла. И лишь теперь Роберт понял, что помещение было сокровищницей, в которой хранились богатства этого мира. Сверкающие драгоценные камни, жемчужные ожерелья, золотые и серебряные чаши изысканных форм переполняли массивные открытые сундуки. Вольф увидел небольшие фигурки, вырезанные из слоновой кости и какого-то блестящего очень твердого черного дерева. На стенах висели великолепные картины.

Огромные кучи доспехов и оружия всех видов (за исключением огнестрельного) громоздились на полу.

Подарга приказала пленникам сесть в резные кресла с изогнутыми львиными ножками, после чего взмахнула крылом — и из темной ниши вышел молодой человек. Он нес тяжелый золотой поднос, на котором стояли три прекрасные чаши из кварца в виде изогнутых рыб с открытыми ртами. В чашах плескалось густое темно-красное вино.

— Еще один из ее любовников, — шепнул Кикаха, заметив, что Вольф с любопытством рассматривает статного белокурого юношу. — Он унесен орлицами с уровня, называемого Дракландией, или Тевтонией. Бедный малый! Но это лучше, чем быть заживо съеденным ее птичками. К тому же, пока у него есть надежда сбежать отсюда, жизнь его вполне терпима.

Кикаха выпил густой бодрящий кровь напиток и удовлетворенно вздохнул. Вольф почувствовал, что вино бежит по пищеводу, точно живое. Подарга подняла чашу кончиками крыльев и поднесла к губам.

— За смерть и вечные муки властителя! И следовательно, за ваш успех!

Мужчины выпили еще раз. Подарга опустила чашу и слегка ударила Вольфа по лицу кончиком черного крыла.

— Расскажи мне свою историю.

Вольф рассказывал долго. Он пил вино и закусывал жареным мясом горной полусвиньи, светло-коричневым хлебом и фруктами. Голова начала кружиться, но Роберт все рассказывал и рассказывал, прерываясь лишь тогда, когда Подарга его о чем-то спрашивала. Факелы догорели, их заменили новыми — а он все говорил и говорил.

Внезапно он проснулся. Из соседней пещеры лился солнечный свет, освещая пустую чашу и стол, за которым он уснул, уронив голову на руки. Рядом, ухмыляясь, стоял Кикаха.

— Пошли, — сказал он. — Подарга хочет, чтобы мы отправились в путь пораньше. Ей не терпится отомстить. А я хочу убраться отсюда, пока она не передумала. Ты даже не представляешь, как нам повезло. Мы единственные пленники, кому она даровала свободу.

Вольф выпрямился и застонал от боли в плечах и шее. Голова казалась распухшей и немного тяжелой, но он переживал и не такое похмелье.

— Что вы делали, когда я уснул? — спросил Роберт. Кикаха широко улыбнулся:

— Я заплатил последнюю цену. Это было не так плохо, совсем не плохо. Сначала довольно непривычно, но я парень непривередливый.

Они вошли в соседнюю пещеру, а оттуда выбрались на широкий скальный выступ. Вольф обернулся и увидел орлиц, застывших, как зеленые изваяния, у входа в пещеру. Мелькнула белая кожа и черные крылья — то на негнущихся ногах мимо гигантских птиц прошла сама Подарга.

— Идем же, — произнес Кикаха. — Подарга и ее пташки голодны. Тебе повезло, что ты спал и не видел, как она заставляла гворлов молить о пощаде. Но надо отдать им должное — они не скулили и не кричали. Они лишь плевали в нее.

Вольф невольно вздрогнул, когда из пасти пещеры донесся душераздирающий вопль. Кикаха взял его за руку и быстро повел прочь. Из орлиных клювов вырывались хриплые крики, и алчный клекот сливался с завываниями существ, объятых страхом смерти и болью.

— Такая участь ожидала бы и нас, если бы нам не удалось выкупить свои жизни, — сказал Кикаха.

Путешественники начали восхождение и к ночи одолели еще три тысячи футов. Кикаха развязал свой кожаный мешок и извлек оттуда множество различных вещей. Обнаружив среди них коробок спичек, он разжег костер. Затем из мешка появились хлеб, мясо и небольшая бутылка радамантейского вина. Мешок со всем содержимым им подарила Подарга.

— Нам придется подниматься еще четыре дня, — сообщил Кикаха. — Затем мы выйдем на следующий уровень и окажемся в легендарной Америкиндии.

Вольф начал было задавать вопросы, но Кикаха заявил, что прежде ему следует уяснить физическую структуру планеты. Роберт терпеливо слушал, и удивительный рассказ не вызывал у него ни насмешек, ни сомнений.

Более того, объяснение Кикахи соответствовало его собственным наблюдениям. Вольфу хотелось узнать, как Кикаха, явный уроженец Земли, оказался здесь, но вопросы пришлось отложить. Сославшись на то, что он долго не спал, а вчерашняя ночь оказалась особенно изнурительной, юноша заснул непробудным сном.

Вольф задумчиво смотрел на пламя угасавшего костра. Как много нового он повидал и пережил за такой короткий срок! А что ему еще придется испытать! При условии, что он останется жив.

В глубине каньона раздался призывный клич, и откуда-то с вершины отвесной скалы донесся крик огромной зеленой орлицы.

Роберт задумался. Где теперь Хрисеида? Жива ли она, и если да, то что делает? И где рог? Кикаха сказал, что, прежде чем рассчитывать на какой-то успех, необходимо вернуть инструмент. Без него удачи не видать.

С такими мыслями он и уснул.

Через четыре дня, когда солнце находилось в зените, они перебрались через грань. Перед ними до самого горизонта на добрых сто шестьдесят миль простиралась равнина. По обеим ее сторонам на расстоянии миль ста возвышались горные хребты. По высоте их можно было бы сравнить с Гималаями, но они казались мышками рядом с монолитом Абхарплунты, которая господствовала в этом секторе многоярусной планеты. Абхарплунта, как утверждал Кикаха, находилась в полутора тысячах миль от грани, но казалось, что до нее не больше пятнадцати миль. Она выглядела такой же высокой, как и гора, которую они только что преодолели.

— Теперь перед тобой наглядный пример, — сказал Кикаха. — Этот мир не похож на грушу. Это планетарная Вавилонская башня. Пирамида, сложенная из высочайших колонн, каждый ярус которых чуть меньше предыдущего. А на вершине этой башни, не уступающей по размерам Земле, находится дворец властителя. Как видишь, нам предстоит довольно долгий путь. Но жизнь великолепна, если она продолжается! — добавил он. — Время, которое я провел здесь, было бурным и изумительным! И если

сейчас меня сразит властитель, я не буду жаловаться на судьбу. Впрочем, нет — буду. Ведь мы с тобой обычные люди, и жаль погибать в расцвете лет. Да-да, поверь, приятель, я в расцвете лет!

Вольф не мог удержаться от улыбки. Его юный спутник выглядел таким веселым и жизнерадостным, что чем-то напоминал бронзовую статую, которая внезапно ожила и источала бьющую через край радость жизни.

— Ладно! — воскликнул Кикаха. — Прежде всего мы должны достать для тебя какую-нибудь подходящую одежду. Нагота ценится в мире уровнем ниже, но здесь все по-другому. Ты будешь носить набедренную повязку и перо в волосах, иначе туземцы начнут тебя презирать, и ты либо попадешь в рабство, либо погибнешь.

Он зашагал вдоль грани. Вольф поспешил за ним.

— Эй, Боб, взгляни, какая здесь зеленая и сочная трава! Она доходит до колен. Великолепное пастбище! Но тут водятся очень злобные и проворные хищники. Так что будь осторожен! В траве может затаиться равнинная пума или ужасный волк, полосатая охотничья собака или гигантская ласка. Здесь еще водится «фелис атрокс», которого я называю жестоким львом. Когда-то он бродил по юго-западным прериям Северной Америки, но вымер около десяти тысяч лет назад. Здесь же он еще жив, выглядит на треть больше африканского льва и раза в два его опаснее. Эй, посмотри-ка туда! — вдруг закричал он. — Ма-монты!

Вольф хотел остановиться и понаблюдать за огромными серыми животными, которые паслись в четверти мили от них. Но Кикаха велел идти дальше.

— Тут этих зверей полным-полно. Наступит час — и тебе захочется, чтобы их поблизости не оказалось. Лучше следи за травой. Если она шевельнется против ветра, тут же предупреди меня.

Они быстро прошли две мили и наткнулись на табун диких лошадей. Жеребцы заржали, подбежали к путешественникам и остановились. Так они стояли, фыркая и роя копытами землю, до тех пор, пока путники не прошли мимо. Это были великолепные животные, высокие и гладкие, черные, глянцево-красные и каурые в черное и белое яблоко.

— Это тебе не какие-нибудь там индейские пони,— заметил Кикаха.— Я думаю, властитель импортировал сюда лишь самые лучшие породы.

Вскоре он остановился возле кучи камней.

— Это мой ориентир,— сказал Кикаха и двинулся дальше.

Пройдя еще милю по прерии, путешественники достигли высокого дерева. Юноша подпрыгнул, ухватился за нижнюю ветвь и начал взбираться вверх. Добравшись до середины ствола, он залез в дупло и вытащил оттуда большой мешок. Спустившись, Кикаха достал из мешка два лука, два колчана со стрелами, набедренную повязку из оленьей кожи и пояс с длинным стальным ножом в кожаных ножнах.

Вольф надел набедренную повязку и пояс, затем поднял лук и колчан.

— Ты знаешь, как им пользоваться? — спросил Кикаха.

— Всю жизнь тренировался.

— Вот и хорошо. Тебе не раз представится возможность попрактиковаться. Пошли. Нам еще идти и идти.

Они тронулись «волчьим скоком» — сто шагов бегом, сто — шагом. Кикаха показал на горный кряж, который виднелся справа.

— Там живет мое племя. Их зовут хроваками, что означает «медвежий народ». До них восемьдесят миль. Там мы можем передохнуть и подготовиться к долгому путешествию.

— Ты не похож на индейца,— сказал Вольф.

— И ты, мой друг, не похож на шестидесятилетнего старика. Однако здесь мы живем по другим законам. Ладно. Я не рассказывал тебе свою историю, потому что хотел сначала выслушать твою. Но сегодня вечером ты ее узнаешь.

Они почти не разговаривали в этот день. Только Вольф иногда удивленно вскрикивал при виде экзотических животных. Здесь бродили огромные стада бизонов — темных, лохматых, бородатых и куда более крупных, чем их земные сородичи. Встречались все новые и новые табуны лошадей и животных, похожих на верблюдов. Путешественники видели мамонтов и даже семейство степных ма-

стодонтов. Какое-то время спутников сопровождала стая ужасных волков, которые бежали всего в ста ярдах сбоку. В холке их высота доходила Вольфу до плеча.

Заметив тревогу спутника, Кикаха засмеялся:

— Они не нападут на нас, если не голодны. А при таком изобилии дичи вокруг это почти невероятно. Они просто очень любопытны.

Вскоре гигантские волки свернули в сторону и, вспугнув в роще несколько полосатых антилоп, резво помчались за убегавшими животными.

— Это Северная Америка, какой она была задолго до прихода белого человека, — сказал Кикаха. — Дикая, необъятная страна с многочисленными животными и несколькими кочевыми племенами.

Над головами путешественников пролетела сотня кричающих уток. С зеленого поднебесья камнем упал ястреб. Он с глухим стуком врезался в клин — и в стае на одну утку стало меньше.

— Страна счастливой охоты! — вскричал Кикаха. — Но иногда она бывает не очень счастливой.

Когда до захода солнца осталось несколько часов, они устроили привал у небольшого озера. Кикаха нашел подходящее дерево и соорудил на нем помост.

— На ночь остановимся здесь. Один будет сторожить, другой — спать, потом поменяемся. На дерево к нам может забраться только гигантская ласка, но и этого вполне достаточно. К тому же здесь шныряют боевые отряды индейцев, а они еще хуже ласки.

Кикаха взял лук, нырнул в траву и через пятнадцать минут вернулся с крупным толстым кроликом. Вольф развел маленький костер из сухих веток, которые почти не дымили. Они зажарили кролика, и во время еды Кикаха объяснил Роберту топографию местности.

— Что бы там ни говорили о властителе, но, проектируя свой мир, он неплохо потрудились — этого у него не отнимешь. Возьмем, к примеру, наш нынешний уровень, Американдию. На самом деле он не такой плоский, как кажется. Здесь есть цепь легких изгибов, каждый из которых тянется примерно на сто шестьдесят миль. Изгибы ландшафта позволяют воде стекать, образуя ручьи, реки и

озера. На этой планете не бывает снегопадов — да это и невозможно без смены сезонов и при довольно однообразном климате. Но дожди идут каждый день, а облака приходят откуда-то из окружающего пространства.

Съев кролика, друзья засыпали костер. Вольф вызвал-ся караулить первым, но Кикаха проговорил все дежурство Вольфа, а тот не засыпал всю смену Кикахи, слушая его удивительный рассказ.

Давным-давно, в начале времен, более двадцати тысячелетий назад, властители обитали во вселенной, которая существовала параллельно земной. И тогда их никто не считал властителями. В те времена, после победы в тысячелетней битве с другими видами разумных существ, выжили лишь немногие. Их осталось не больше десяти тысяч.

— Но нехватку количества они полностью компенсировали качеством, — рассказывал Кикаха. — Наши земные достижения по сравнению с их наукой и технологией выглядели мудростью аборигенов Тасмании. Они могли создавать свои личные вселенные. И они их создавали. Сначала каждая вселенная являлась своего рода игровой площадкой, — продолжал Кикаха, — таким микрокосмическим загородным клубом для небольших групп. Но однажды они разрутились. Это должно было произойти, потому что люди всегда остаются людьми, как бы они ни походили на богов. Их сердца переполняло чувство собственности, не менее сильное, чем у нас. Поэтому среди них началась борьба. Я полагаю, что не обошлось без несчастных случаев и самоубийств. Изоляция и одиночество породили у них манию величия. Но это естественно, если учесть, что каждый властитель разыгрывал из себя маленького бога и со временем входил в свою роль.

Если вкратце описать историю, длившуюся многие века, властитель, создавший эту вселенную, в конце концов оказался в полном одиночестве. Его звали Ядавином. И у него не было спутницы жизни. Но властитель не жалел об этом. Зачем делить мир с равной себе, когда он, как Зевс, мог обладать миллионами Европ и самыми прекрасными Ледями планеты?

Он населил свой мир существами, похищенными из других вселенных, но главным образом с Земли. Многих он создал сам в лабораториях дворца на вершине самого верхнего яруса. Он создавал божественных красавиц или, когда ему хотелось, экзотических чудовищ.

Единственная проблема заключалась в том, что властителей не удовлетворяла власть лишь над одной вселенной. Они домогались миров друг друга, и их борьба не прекращалась ни на минуту. Они воздвигали почти неприступные оборонительные рубежи и изобретали почти неотразимые средства наступления. Битва стала смертельной игрой. И они уже не могли изменить фатальный ход событий, потому что тоска и скука превратились в постоянных спутников и врагов каждого властителя. Когда ты почти всемогущ, а твои создания слишком жалки и слабы, чтобы вечно занимать тебя, — что еще может быть таким волнующим и трепетным, как риск потерять свое бессмертие в борьбе с другими бессмертными?

— Но как во все это угодил ты? — спросил Вольф.

— Я? На Земле меня звали Пол Янус Финнеган. Второе имя я получил от фамилии матери. Как тебе известно, Янусом звали и латинского бога ворот, бога старого и нового года, обладавшего двумя лицами, одно из которых смотрело вперед, а другое — назад. — Кикаха хитро усмехнулся. — Тебе не кажется, что имя «Янус» мне очень подходит? Я человек двух миров, и мне удалось пройти сквозь врата между ними. Впрочем, я никогда потом не возвращался на Землю, да и не хотел этого. Здесь я пережил такие приключения и добился такого положения, о которых и думать не смел на нашем мрачном старом глобусе. И здесь меня знают не только как Кикаху. Я вождь на этом уровне и такая же большая шишка на других ярусах, в чем ты со временем убедишься.

Вольф задумался над его словами. Он начал подозревать, что уклончивость Кикахи принадлежит второму его лику, о котором тот не собирался говорить.

— Я представляю, о чем ты думаешь, но ведь ты и сам в это не веришь, — произнес Кикаха. — Да, мне часто приходится обманывать, но с тобой я откровенен. А кстати, знаешь, что означает мое имя на языке «медвежьего на-

рода»? Кикаха у них считается мифологическим героем, полубожественным обманщиком. Что-то вроде Старого Койота Прерий, или Нанабожо у оджибве, или Вакджункаги у виннебагов. Когда-нибудь я расскажу тебе, как мне удалось заслужить это имя и стать советником у хроваков. Но сейчас я должен рассказать тебе нечто более важное.

Глава 7

Пол Финнеган любил лошадей, поэтому в 1945 году в возрасте двадцати трех лет записался добровольцем в кавалерию США. А чуть позже он стал танкистом, служил в Восьмой армии и в конечном счете переправился через Рейн. Однажды, после того как танкисты помогли пехоте взять небольшой городок, он обнаружил в развалинах местного музея необычный предмет. Это был полумесяц из серебристого металла, который оказался таким прочным, что удары молотком не оставляли на нем следов, а ацетиленовой горелке так и не удалось его расплавить.

— Я расспросил о предмете нескольких горожан. Но они знали только то, что он находился в музее с давних пор. Один профессор химии, проведя с ним кое-какие опыты, пытался заинтересовать им мюнхенский университет, но у него ничего не вышло.

После войны я увез полумесяц с собой вместе с другими трофеями. Вскоре мне удалось восстановиться в университете штата Индиана. Отец отвалил приличную сумму, чтобы как можно реже видеть меня в течение нескольких лет, поэтому денег хватило и на небольшую милую квартиру, и на спортивную машину, и на кое-что другое.

Один из моих приятелей работал газетным репортером. Я рассказал ему о полумесяце, странных свойствах металла и неизвестном составе. Парень настроил статью, которую напечатали в Блумингтоне, и эту историю подхватил газетный синдикат. Она не вызвала большого интереса у ученых — фактически никто и не откликнулся. Но через три дня в моей квартире появился человек, который представился мистером Ваннаксом. Из-за фамилии и иностранного акцента я решил, что он голландец. Ваннакс захотел взглянуть на полумесяц. Я оказал ему такую любезность.

Он очень разволновался, хотя и пытался казаться спокойным. А потом он сказал, что хочет купить его у меня. Я спросил о цене, а он заявил, что готов отвалить десять тысяч долларов и ни цента больше.

— «Мне кажется, вы могли бы добавить», — сказал я. — В ином случае ничего не получите». — «Как насчет двадцати тысяч?» — спросил Ваннакс. — «Накиньте еще», — предложил я. — «Тридцать тысяч?»

И тогда Финнеган решил сыграть по-крупному. Он спросил Ваннакса, может ли тот заплатить ему сто тысяч. Ваннакс даже побагровел и раздулся, «будто жаба перед прыжком», как выразился Финнеган-Кикаха. Тем не менее ответил, что в течение суток добудет нужную сумму.

— И тут я понял, что у меня в руках действительно большая ценность. Но вот какая именно? И почему этот тип так хотел заполучить ее? Мне стало интересно, что же он за фрукт такой? Ни один нормальный человек в здравом уме не попался бы так быстро на удочку. Поэтому я решил не спускать с него глаз.

— А как выглядел этот Ваннакс? — спросил Вольф.

— Ну такой, знаешь, здоровяк. Он довольно неплохо сохранился для своих шестидесяти пяти. Я помню его орлиный нос и пронизательный взгляд. Он был одет в строгий костюм. Очень сильная личность, хотя он старался этого не демонстрировать и вел себя по-настоящему любезно. Но хорошие манеры давались ему с трудом. Он казался человеком, который не привык к возражениям. «Хорошо», — сказал я, — триста тысяч долларов — и он ваш». Мне и в голову не приходило, что он согласится. Я думал, старик рассердится и уйдет. Мне уже расхотелось продавать полумесяц, дай он хоть миллион.

Ваннакс рассвирепел, но сказал, что согласен заплатить триста тысяч долларов. И попросил Финнегана дать ему двадцать четыре часа.

— «Но сначала вам придется рассказать мне, почему вы хотите приобрести полумесяц и что в нем такого хорошего», — заявил я ему. — «Ни за что! — закричал он. — Хватит и того, что ты грабишь меня, свинья продажная, земляной... червяк!» — «А ну-ка, выметайтесь, сэр, пока я вас не выбросил вон. Или пока мне не пришлось вызвать полицию».

Ваннакс начал кричать на каком-то иностранном языке. Финнеган пошел в спальню и вернулся с пистолетом сорок пятого калибра. Ваннакс не знал, что оружие не заряжено. Он ушел, ругаясь и что-то бормоча себе под нос, а затем уехал на «роллс-ройсе» образца 1940 года.

Той ночью Финнеган никак не мог заснуть. Около двух часов ночи ему это все же удалось, но он то и дело просыпался. И вот во время одного из таких пробуждений он услышал шум в передней. Финнеган тихо выбрался из постели, достал из-под подушки заряженный пистолет и, выходя из спальни, взял с бюро электрический фонарик.

Луч света настиг Ваннакса, когда тот склонился над чем-то посреди гостиной. В руке его блеснул серебристый полумесяц.

— Затем я увидел на полу второй полумесяц, который Ваннакс принес с собой. И я застал его как раз в тот момент, когда он складывал обе половинки вместе. Из них получился полный круг, я не знал, зачем он это делал, но через несколько минут все выяснилось само собой.

Я велел ему поднять руки вверх. Ваннакс подчинился, но поднял и ногу, чтобы шагнуть в круг. Я сказал ему, что если он еще раз шевельнется, то тут же получит пулю. И когда он поставил ногу в круг, мне пришлось нажать на курок. Я выстрелил поверх его головы, и пуля улете-ла в угол комнаты. Мне просто хотелось припутнуть его. Я надеялся, что у него развяжется язык после хорошей встряски. Он испугался, спору нет, и тут же отскочил.

Я шел к нему через гостиную, а он пятился к двери. Ваннакс что-то мямлил, как маньяк, угрожал расправой и тут же предлагал мне полмиллиона. Я решил прижать своего гостя к двери и пощекотать дулом его живот. Тогда бы он точно заговорил и выложил всю правду о полумесяце.

Но, подходя к нему, я ступил в круг, образованный двумя серебряными половинками. Увидев это, Ваннакс закричал, чтобы я остановился. Но он опоздал. Он и моя квартира исчезли, а я по-прежнему стоял в круге, но в каком-то другом. Меня закинуло в другую вселенную, и я оказался во дворце властителя на самой вершине этого мира.

Кикаха сказал, что мог бы тогда просто сойти с ума. Но с четвертого класса начальной школы он увлекался мистикой и научной фантастикой, поэтому имел представление о параллельных вселенных и устройствах для прохода из одного мира в другой. Он относился к таким идеям довольно спокойно и, в сущности, почти верил в них. Эта гибкость мышления помогла ему не только гнуть, не ломаясь, но и развернуться во всю свою мощь. Несмотря на испуг, его одолевали восторг и любопытство.

— Я понял, почему Ваннакс не последовал за мной через врата. Два полумесяца, сложенные вместе, создавали «контур». Но они не действовали, пока живое существо не входило в излучаемое ими «поле». Затем один полукруг оставался на Земле, а другой переносился через врата в эту вселенную и сцеплялся с поджидавшей его другой половинкой. Иначе говоря, чтобы создать замкнутый контур, требовалось три полумесяца. Первый должен находиться в мире, куда ты отправляешься, а два других — в мире, который ты покидаешь. Когда человек вступает в круг, одна из двух частей переносится к полумесяцу в другой вселенной, а в мире, из которого совершался переход, остается третья половинка.

Скорее всего, Ваннакс явился на Землю с помощью этих устройств. Но он бы туда не попал и просто не мог бы пройти через врата, если бы на Земле к тому времени не оказалось третьего полумесяца. Каким-то образом — и вряд ли мы узнаем каким — он потерял на Земле одну из половинок. Возможно, ее украл человек, который не понимал истинной ценности предмета. Так или иначе, но Ваннакс искал утерянную деталь, и когда в газетах появилась история о моей находке в Германии, он смекнул, о чем идет речь. Переговорив со мной, Ваннакс понял, что я могу и не продать свой полумесяц. Поэтому он проник в мою квартиру и прихватил с собой вторую половинку. Он уже сложил круг и хотел совершить переход, но я остановил его.

Наверное, он застрял на Земле и не может попасть сюда, пока не найдет еще один полумесяц. Насколько мне известно, на Земле их должно быть несколько. И тот, который нашел я в Германии, скорее всего, никогда ему не принадлежал.

Несколько дней Финнеган бродил по дворцу, огромному, потрясающе прекрасному и экзотическому, наполненному сокровищами, драгоценными камнями и странными предметами. В нем были лаборатории, или, вернее сказать, синтезаторы биопроцессов. Финнеган видел в них странные существа, которые медленно создавались в огромных прозрачных цилиндрах. И еще там находилось множество стоек с действовавшими приборами, но он понятия не имел, что они собой представляли. Под клавишами и рычагами стояли незнакомые символы.

— Мне повезло. Дворец был оборудован ловушками, которые предназначались для поимки и ликвидации незваных гостей. Но они почему-то были исключены — не знаю почему. Впрочем, тогда я не знал, что дворец необитаем. Мне посчастливилось там оказаться в период безвластия.

Финнеган покинул великолепные залы и вышел в изысканный сад, который окружал дворец со всех сторон. А затем он приблизился к краю монолита, на котором стояло это удивительное сооружение.

— Ты повидал достаточно, чтобы представить себе мое состояние, когда я выглянул за край. Монолит тянулся вниз на тридцать тысяч футов. А ниже располагался ярус, который властитель назвал Атлантидой. Не знаю, может быть, именно об этой Атлантиде говорили в земной мифе о пропавшем континенте. Или, возможно, властитель позаимствовал это название из древней легенды.

Ниже Атлантиды располагался ярус, названный Дракландией. Под ним находилась Америндия. Все это я охватил одним взглядом, точно так же, как космонавт видит из ракеты целое полушарие Земли. Сам понимаешь, никаких подробностей — только огромные облака, большие озера, моря и очертания континентов. Добрая часть каждого нижнего уровня скрывалась за ярусом, который ему предшествовал. Но я разобрался в структуре Вавилонской башни этого мира, хотя в то время и не понимал того, что открылось передо мной. Все казалось мне слишком неожиданным и чуждым. Увиденная картина не складывалась в логическое целое и не имела для меня никакого смысла.

Тем не менее Финнеган понимал, что находится в отчаянном положении. Не имея под рукой никаких средств, он не мог спуститься с вершины, хотя у него по-прежнему оставалась возможность вернуться на Землю с помощью круга из полумесяцев. В отличие от других монолитов, поверхность самого верхнего из них казалась гладкой, как у шарика подшипника. А использовать круг ему не хотелось, потому что Ваннакс, вне всяких сомнений, только этого и ждал.

И хотя ему не угрожала голодная смерть — пищи и воды хватило бы здесь на долгие годы, — он не хотел, да и не мог оставаться во дворце. Финнеган побаивался возвращения хозяина, поскольку у того мог оказаться весьма скверный характер. А некоторые вещи во дворце вызывали у него невольную дрожь.

— Но вот пришли гворлы. Мне кажется... Нет, я уверен, что они явились из другой вселенной, пройдя через врата, похожие на те, которые открыли дорогу для меня. В то время я еще не знал, как и почему они оказались во дворце. Но я был рад, что попал туда первым. Стоило бы мне оказаться в их руках... Потом до меня дошло, что гворлов послал другой властитель. Он отправил их сюда, чтобы они похитили рог. Я видел его во время своих скитаний по дворцу и даже немного потрубил в него. Но откуда мне было знать о звуковых комбинациях, которые заставляли инструмент работать? И прежде всего, я ничего не знал о его истинном предназначении.

И вот гворлы пробрались во дворец — сотни или около того свирепых тварей. К счастью, я увидел их первым. Страсть к убийствам тут же сослужила им недобрую службу. Они попытались убить несколько Очей Властителя — огромных, с орла величиной, ворон, которые жили в саду. До этого я их почти не замечал, и они, очевидно, считали меня гостем или безвредным существом.

Гворлы попытались перерезать горло одному из воронов, и вся стая набросилась на них. Твари отступили во дворец, но крупные птицы последовали за ними. Все то крыло дворца было загажено кровью и перьями, кусками бугристых волосатых шкур и трупами с обеих сторон. Во время битвы я заметил гворла, который вышел из зала

с рогом в руках. Он бродил по коридорам и, видимо, что-то искал.

Финнеган прокрался за ним в следующий зал и оказался в помещении размером с пару ангаров для дирижаблей. Там находился плавательный бассейн и множество интересных приспособлений. На мраморном пьедестале возвышалась большая золотая модель планеты, и на каждом из ее уровней мерцало несколько драгоценных камней. Финнеган обнаружил, что алмазы, рубины и сапфиры располагались в форме символов. Они обозначали различные резонансные точки.

— Резонансные точки?

— Да. Символы являлись кодированными записями сочетаний нот, которые требовалось воспроизводить для открытия врат в особых местах. Некоторые врата открывались в другие вселенные, а остальные являлись проходами на различные ярусы этого мира. Они давали властителю возможность в мгновение ока переходить с одного уровня на другой. Символы, указанные на крохотных макетах, сообщали о характерных особенностях тех мест, где размещались резонансные точки ярусов мира.

Наверное, властитель чему-то научил того гворла с рогом, и тварь разбиралась в символах. Скорее всего, гворл хотел убедиться в действии рога перед тем, как доложить о нем своему хозяину. Он повернулся к бассейну и протрубил семь нот. Воды раздвинулись, и появился кусочек суши с алыми деревьями и зеленым небом над ними.

Вот таким причудливым образом прежний властитель проникал на ярус Атлантиды прямо через бассейн. В то время я не знал, куда вели эти врата. Но мне они показались единственной возможностью вырваться из дворца, и я решил ею воспользоваться. Подкравшись к гворлу сзади, я выхватил у него рог и столкнул в бассейн — но не в проход, а в воду.

Ты никогда не слышал таких криков, визга и плеска. Гворлы не знали бы страха, если бы не их умопомрачительная боязнь воды. Тварь погрузилась в воду, вынырнула, крича и отплеываясь, и ей удалось зацепиться за край раскрывавшихся врат. У врат, как ты знаешь, доволь-

но реальные края, несмотря на то, что они меняют свои размеры.

Я услышал позади себя рев и крики. В помещение во-
рвалась дюжина гворлов с большими окровавленными но-
жами. Я нырнул в дыру, которая уже начала затягиваться.
Она стала такой маленькой, что я содрал кожу с колен,
проползая сквозь нее. Но мне это удалось, и дыра закры-
лась. Ее края обрубили гворлу обе руки, когда он попы-
тался вылезти из воды, чтобы последовать за мной. С тех
пор я стал обладателем рога и на какое-то время оказался
вне их досягаемости.

Кикаха усмехнулся, смакуя свои воспоминания.

— Так, значит, властитель, пославший гворлов в раз-
ведку, и есть нынешний тиран, верно? Но кто же он?

— Арвур. Пропавшего без вести властителя звали Яда-
вином. Скорее всего, он и есть тот человек, который на-
звался мне Ваннаксом. Арвур занял его место и теперь
изо всех сил старается разыскать меня и рог.

Кикаха вкратце обрисовал свои приключения на яру-
се Атлантиды. В течение двадцати лет (по земному вре-
мени) он жил то на одном уровне, то на другом, маски-
руясь и меняя внешность. Но гворлы и вороны, которые
перешли на службу властителю Артуру, никогда не пре-
кращали поисков похитителя рога. Хотя бывали време-
на, когда Кикаху не тревожили по два, а то и по три года
кряду.

— Подожди, не спеши,— сказал Вольф.— Если ворота
между уровнями закрыты, как же гворлы спустились
вниз, чтобы преследовать тебя?

Кикаха и сам этого не понимал. Но когда гворлы схва-
тили его на уровне Сада, он кое-что узнал от них. Не-
смотря на свою угрюмость, они ответили на несколько
его вопросов. Их спустили на ярус Атлантиды с помощью
тросов.

— Но тридцать тысяч футов! — воскликнул Вольф.

— А почему бы и нет? Дворец — это сказочный склад
со множеством комнат. Если бы я поискал как следует,
то и сам бы наткнулся на них. Во всяком случае, гворлы
сказали мне, что властитель Арвур приказал им не уби-
вать меня. Даже в том случае, если я при этом на какое-

то время скроюсь. Поймав меня, он хочет насладиться серией изысканных пыток. Гворлы сказали, что Арвур разрабатывает новые тонкие приемы истязаний и совершенствует некоторые хорошо зарекомендовавшие себя старые методы. Можешь представить, как я потел от страха на обратном пути во дворец.

После пленения в Саду Кикаху переправили через Океан к подножию монолита. Во время восхождения их остановил ворон-Око. Когда он сообщил властителю о поимке Кикахи, его отослали назад с новым приказом. Гворлам предписывалось разделиться на два отряда. Первой группе полагалось доставить Кикаху во дворец, второй предстояло вернуться к грани Сада. И если человек, овладевший рогом, пройдет через ворота, им следовало взять его в плен. Рог же требовалось принести властителю.

— Я думаю, Арвур хотел, чтобы тебя тоже привели к нему, — сказал Кикаха. — Он, по-видимому, забыл передать этот приказ через ворона или полагал, что гворлы сами догадаются. Арвур не учел, что они абсолютно лишены воображения и все понимают буквально. Вот только зачем они забрали Хрисеиду? Возможно, гворлы хотят преподнести ее властителю как искупительную жертву. Он недоволен ими, потому что я не раз водил их за нос в этой долгой и порой забавной погоне. Они это знают и, очевидно, надеются укротить его гнев, доставив к нему самый прекрасный шедевр прежнего властителя.

— Значит, нынешний властитель не может путешествовать по ярусам через резонансные точки?

— Без рога — нет. И готов поспорить, что сейчас его кидает то в холодный, то в горячий пот. В любую минуту гворлы могут использовать рог для бегства в другую вселенную, где получают за него милость любого властителя. Впрочем, они не знают мест, в которых находятся резонансные точки. А если бы они отыскивали одну из них... Но гворлы не воспользовались такой возможностью у валуна, и я начинаю думать, что они не испытают его и в других местах. Да, твари злобные, но умом не блещут.

— Если властители такие мастера в сверхнауке, то почему Арвур не путешествует по ярусам на самолете? — спросил Вольф.

Кикаха хохотал до слез.

— В том-то и весь фокус,— ответил он.— Властители владеют наукой и мощью, которые намного превосходят земные. Но их ученые и конструкторы давно погибли. Те, кто живет сейчас, умеют нажимать на кнопки, но они не понимают принципов действия сложной техники и уж тем более не могут ее починить. Тысячелетняя битва за власть уничтожила всех, за исключением немногих. Но, несмотря на огромную мощь, это лишь горстка невежд. Ты можешь называть их бездельниками, живущими в роскоши, или параноиками с манией величия, но только не учеными. Вполне возможно, что Арвур оказался обездоленным властителем,— продолжал Кикаха.— Скорее всего, он бежал, спасая свою жизнь, и овладел этим миром только потому, что Ядавин по какой-то причине исчез. Но Арвур пришел во дворец с пустыми руками, у него нет доступа к могуществу, которое даруют приборы. Многие из них находятся во дворце, но он не знаком с их управлением. Арвур победил в игре властителей за обладание музыкальными вселенными, но он по-прежнему находится в невыгодном положении.

Кикаха заснул, и Вольф всматривался в ночь, охраняя его сон. Он не считал эту историю невероятной, но находил в ней все новые и новые сомнительные места. Кикахе придется объяснить еще очень многое. Потом Роберт задумался о Хрисеиде. Он вспомнил желанное прекрасное лицо с тонкими скулами и огромными глазами, в которых сверкали кошачьи зрачки. Где она сейчас? Что с ней? И увидит ли он когда-нибудь свою Хрисеиду снова?

Глава 8

Во время второго дежурства Вольф заметил, как между двух кустов в лунном свете быстро промелькнуло что-то черное и длинное. Роберт пустил в хищника стрелу. Зверь издал свистящий визг, поднялся на задние лапы и оказался вдвое выше лошади. Вольф вытащил из колчана еще одну стрелу, вставил в тетиву и выпустил ее в белое брюхо. Убить животное ему не удалось: оно убежало, посвистывая и с треском пробираясь сквозь кусты.

Кикаха вскочил и, сжимая в руке нож, встал рядом с Вольфом.

— Тебе повезло,— воскликнул он.— Их не всегда заметишь, а потом — цап! — и они уже терзают твоё горло.

— Тут пригодилось бы ружье на слонов,— сказал Вольф,— но я не уверен, что и оно остановило бы его. Кстати, почему гворлы — да и индейцы, о которых ты мне рассказывал,— не пользуются огнестрельным оружием?

— Оно строго запрещено властителем. Видишь ли, ему кое-что не нравится. Он хочет удерживать свой народ на определенном демографическом и технологическом уровне, внутри особых социальных структур. Властитель жестко управляет планетой. Вот, например, ему нравится чистота. Ты сам видел, что люди Океана — ленивая, беспечная и праздная компания. И все же они всегда убирают за собой. Нигде никакого мусора. То же самое происходит на этом, да и на других уровнях. Индейцы соблюдают такую же личную гигиену, как драк-ландцы и атланты. Просто так хочет властитель, и наказанием за неповиновение является смерть.

— А как ему удалось ввести свои правила? — спросил Вольф.

— По большей части внедрив их в нравы обитателей планеты. Поначалу он поддерживал тесный контакт со жрецами и знахарями. Используя религию и лично выступая в качестве божества, он оформил и утвердил обычаи населения. Властитель любил аккуратность и не любил огнестрельное оружие, впрочем, как и любую форму развитой технологии. Не знаю, возможно, он романтик, но все общества на этой планете в основном законопослушные и статичные.

— То есть он устранил возможность прогресса.

— Ну и что? Разве прогресс всегда хорош? И разве статичное общество так уж нежелательно? Лично я, при всей моей ненависти к высокомерию, жестокости и отсутствию гуманности властителя, вполне одобряю некоторые из его деяний. За некоторыми исключениями мне этот мир нравится намного больше, чем Земля.

— Тогда ты тоже романтик!

— Может быть. Ты уже знаешь, что этот мир достаточно реален и мрачен, но он свободен от опилок и копо-

ти, здесь нет болезней и мух, moskitov и вшей. Юность продолжается до тех пор, пока ты жив. И в целом это не такое уж плохое место для жизни. Во всяком случае, для меня.

Последнее дежурство Вольфа подходило к концу, когда солнце выкатилось из-за угла мира. Звездные светлячки поблекли, и небо превратилось в зеленое вино. Ветер ощупал мужчин холодными пальцами и омыл их бодрящими струями. Они потянулись и, спустившись с помоста, отправились добывать что-нибудь на завтрак. Набив животы жарким из кролика и сочными ягодами, они снова тронулись в путь.

А вечером третьего дня, когда солнце готовилось ускользнуть за монолит и от горы его отделяла полоска шириною в ладонь, путешественники вышли из зоны прерий. Перед ними возвышался холм, за которым, как говорил Кикаха, начинались небольшие леса. Одно из высоких деревьев могло послужить им убежищем на ночь.

Внезапно из-за холма выехало около сорока всадников. Волосы каждого из темнокожих воинов были заплетены в две длинные косы, а лица раскрашены бело-красными полосами и черными крестами. От локтя до запястья их руки прикрывали небольшие круглые щиты; у каждого воина были лук и копье. Некоторых украшали шлемы из медвежьих голов, других — перья, воткнутые в колпаки, третьих — широкополые шляпы с крупными изогнутыми птичьими перьями.

Увидев перед собой двух пеших людей, всадники закричали и пустили лошадей в галоп. Копья со стальными наконечниками грозно опустились, в луки вставляли стрелы, в воздух поднялись тяжелые стальные топоры и утыканные шипами палицы.

— Стой спокойно! — усмехаясь, сказал Кикаха. — Это хроваки, «медвежий народ». Мое племя.

Шагнув вперед и обеими руками подняв лук над головой, Кикаха что-то прокричал приближавшимся всадникам на их языке. Речь его изобиловала резкими остановками, словно он глотал слова, носовыми гласными, быстро восходящими и медленно убывающими интонациями.

Узнав его, они закричали:

— АнгКунгавас ТреКикаха!

Проскакав галопом перед ним, они втыкали копыта в землю у самых ног Кикахи, ни разу не задев его; их дубинки и топоры свистели у его лица или над головой; стрелы вонзались в траву у ног или между ними.

С Вольфом обошлись точно так же, и он выдержал это испытание не моргнув глазом. Как и Кикаха, он старался улыбаться, но чувствовал, что улыбка у него получается слегка натянутой.

Хроваки развернули коней и приблизились снова. На этот раз они на всем скаку осадили перед стоящими лошадьми; кони взвились на дыбы, заржав и лягаясь передними копытами. Кикаха подпрыгнул и стащил с коня юношу в шляпе с пером. Смеясь и пыхтя, они боролись на земле, пока Кикаха не уложил хровака на лопатки. Он встал и представил Вольфу побежденного противника:

— НгашуТангис — один из моих шуринов.

Двое америндейцев спешили и долго обнимали Кикаху, что-то взволнованно говоря. Кикаха дождался, когда они замолчат, а затем заговорил так же длинно и торжественно, часто тыча пальцем в сторону Роберта. После пятнадцатиминутной речи, прерываемой изредка краткими вопросами, он с улыбкой повернулся к Вольфу.

— Нам повезло. Они отправляются в набег на ценаквов, которые живут недалеко от Деревьев Множества Теней. Я объяснил им, что мы здесь делаем, хотя кое-что утаил. Они не знают, что мы решили лягнуть самого властителя, и я не собираюсь им этого рассказывать. Но теперь им известно, что ты мой друг и что мы идем по следу Хрисеиды и гворлов. Я сказал индейцам, что нам помогает Подарга. Они испытывают к ней и ее орлицам огромное уважение и хотели бы по возможности оказать ей какую-нибудь услугу. А еще у них есть несколько свободных лошадей, так что выбирай себе любую. Мне не нравится только то, что ты не войдешь в вигамы «медвежьего народа», а я не увижу своих двух жен — Гиушовой и Ангванат. Но нельзя иметь все сразу.

Этот и следующий день отряд воинов скакал без передышки, меняя лошадей каждые полчаса. Вольф натер зад о седло — вернее, об одеяло. Но на третье утро он был в такой же форме, как и любой из хроваков, и мог оставать-

ся на лошади целый день, уже не чувствуя боли во всех мышцах тела и даже в некоторых костях.

А утром четвертого дня отряд сделал вынужденную остановку на восемь часов. Путь ему преградило стадо гигантских бородатых бизонов; животные двигались плотной колонной в две мили шириной и десять миль длиной, создав барьер, который не мог преодолеть ни зверь, ни человек. Вольф нервничал, но остальные воины не слишком огорчались, потому что и всадники, и кони одинаково нуждались в отдыхе. Позади колонны бизонов они увидели около сотни охотников из племени шаникоцов, которые копьями и стрелами добивали оставших животных. Хроваки хотели напасть на них и перебить всю группу, но пылкая речь Кикахи удержала их от этого намерения. Как потом Роберт понял из слов Кикахи, люди «медвежьего народа» считали, будто каждый из них равен десятку мужчин любого другого племени.

— Они прекрасные воины, но слишком самоуверенные и надменные. Если бы ты только знал, сколько раз мне приходилось уговаривать их не ввязываться в истории, где они бы потерпели полное поражение!

Отряд хроваков поскакал дальше, но примерно через час их остановил НгашуТангис, бывший в этот день одним из разведчиков. Он мчался к ним, что-то крича и жестикулируя.

После быстрых расспросов Кикаха повернулся к Вольфу:

— Одна из птиц Подарги опустилась на дерево в двух милях отсюда и потребовала, чтобы НгашуТангис привел меня к ней. Сама она к нам прилететь не может: ее заклевала стая воронов, и орлица умирает. Поспешим!

Птица сидела на нижней ветви одинокого дерева. Ее когти обхватили тонкий сук, который согнулся под тяжестью огромного тела. Зеленые перья покрывала красная засохшая кровь, один глаз был вырван. Другим же она грозно осматривала воинов «медвежьего народа», которые остановились на почтительном расстоянии. Она обратилась к Кикахе и Вольфу на микенском наречии:

— Я Аглая. Мы давно знакомы с тобой, Кикиха-обманщик. И я видела тебя, о Вольф, когда ты гостил у великокрылой Подарги, сестры моей и королевы. Именно она

отправила многих из нас на поиски дриады Хрисеиды, гворлов и рога властителя. Но лишь мне одной удалось увидеть, как гворлы подходили к Деревьям Множества Теней по ту сторону прерий. Я налетела на них, надеясь застать враспloch и выхватить рог из волосатых рук. Но они заметили меня и встретили частоколом ножей, о которые я бы только поранилась. Тогда я взлетела на небо так высоко, что они не могли меня больше видеть. Но я, дальноркая попираательница небес, видела их по-прежнему прекрасно.

— Эти птицы надменны даже у порога смерти,— по-английски прошептал Кикаха.— И они имеют на это право.

Орлица выпила воду, которую он ей предложил, и продолжила рассказ:

— Когда наступила ночь, они разбили лагерь на краю роши. Я спустилась на дерево, под которым, завернувшись в плащ из оленьей кожи, спала дриада. Плащ покрывала засохшая кровь, и я думаю, он принадлежал человеку, которого убили гворлы. Они освежевали тело убитого и намеревались зажарить его над своими кострами.

Я слетела на землю по другую сторону дерева и надеялась поговорить с дриадой, а возможно, даже помочь ей бежать. Но сидевший рядом с ней гворл услышал шелест моих крыльев. Он выглянул из-за дерева, и это стало его ошибкой, потому что мои когти вцепились ему в глаза. Гворл выронил нож и попытался отодрать меня от своего лица. И ему это удалось, но в моих когтях остались оба его глаза и часть бугристого лица. Тогда я предложила дриаде бежать, но она приподнялась, и плащ соскользнул с ее тела. Я увидела, что она связана по рукам и ногам.

Я скрылась в кустарнике, оставив гворла скулить и оплакивать свои глаза, а вместе с ними и жизнь, потому что его собратья не станут обременять себя возней с ослепшим воином. Я проскакала по земле через рошу и выбралась в прерию. Там мне удалось взлететь, и я полетела в гнездовье «медвежьего народа», чтобы рассказать вам об этом, о Кикаха, и ты, о Вольф, возлюбленный дриады. Я летела всю ночь и весь день.

Но охотничья стая Очей Властителя заметила меня. Они летели высоко, солнце било мне в глаза, и я их не заметила. Они обрушились на меня, ничтожное подобие ястребов. Они застали меня врасплох. Я начала падать под градом ударов и тяжестью дюжины врагов, вцепившихся в меня когтями. Я падала, переворачиваясь вновь и вновь, истекая кровью, истерзанная их острыми, как кремь, клювами.

И тогда я, Аглая, сестра Подарги, собралась с силами и стала защищаться. Я хватала каркающих воронов, откусывала им головы, вырывала крылья и ноги. Я перебила дюжину тех, кто вцепился в меня, но тут налетела оставшая стая. И я сражалась до конца. Они гибли, но, умирая, убивали меня — и только потому, что их оказалось слишком много.

Наступило молчание. Орлица свирепо смотрела на людей уцелевшим глазом, но жизнь, как нить, покидала ее, пока не показалась пустая катушка смерти. Воины «медвежьего народа» притихли, и даже лошади перестали всхрапывать. Шепот ветра в небесах стал самым громким звуком.

Наконец Аглая снова заговорила слабым, но по-прежнему надменным резким голосом:

— Передайте Подарге, что ей не придется стыдиться за меня. И обещай мне, о Кикаха, — обещай без всякого обмана, — что Подарге обо всем расскажут.

— Я обещаю, о Аглая, — сказал Кикаха. — Твои сестры прилетят сюда и унесут твоё тело далеко за грани ярусов в небеса. Тебя пустят плыть через бездну, где нет ни смерти, ни жизни, и ты будешь парить, пока не упадешь на солнце или не обрешь покой на луне.

— Я полагаюсь на твоё слово, отважнейший среди людей, — прошептала она.

Голова птицы опустилась, и она рухнула вниз. Но железные когти вцепились в ветвь мертвой хваткой, и она, повиснув вверх ногами, закачалась взад и вперед. Крылья обвисли и раскрылись, кончики перьев задевали стебли травы.

Кикаха отдал несколько распоряжений. Двух воинов он отправил искать орлиц, чтобы известить их о смерти

Аглаи и передать им ее рассказ. Ему пришлось потратить некоторое время на то, чтобы обучить обоих краткой речи на микенском диалекте, но он ни словом не обмолвился о роге. Удостоверившись в том, что посланники запомнили нужные фразы, он отправил их в путь. Но отряд задержался еще на какое-то время, подвешивая тело Аглаи на самую вершину дерева, где его не смогли бы достать плотоядные животные, кроме пумы и стервятников.

Для этого пришлось срубить сук, в который вцепилась орлица, и поднять тяжелое тело на верхние ветви. Там ее поставили на ноги и привязали к стволу сыромятными ремнями.

— Вот так! — произнес Кикаха, когда работа подошла к концу. — Ни одна тварь не приблизится к ней, пока она будет выглядеть живой. Все боятся орлиц Подарги.

На шестой день после встречи с Аглаей в полдень отряд надолго задержался у источника. Лошадям дали отдохнуть и вдоволь набить животы длинной зеленой травой. Кикаха и Вольф сидели бок о бок на вершине высокого холма и ели мясо антилопы. Вольф с интересом разглядывал небольшое стадо мастодонтов, которые паслись всего в четырехстах ярдах от них. Рядом с огромными слонами в траве затаился полосатый лев — девятисотфунтовый экземпляр вида «фелис атрокс». Очевидно, лев выжидал момент, чтобы напасть на одного из детенышей.

— Гворлам чертовски повезло, что они добрались до леса в целости и сохранности, — сказал Кикаха. — К тому же они идут пешком. Между ними и Деревьями Множества Теней обитают ценаквы и другие племена. И еще есть Хинг-Гатаврит.

— Полукони? — спросил Роберт.

За несколько дней общения с хроваками он освоил потрясающее количество словарных единиц и уже начал понимать кое-что из сложного синтаксиса.

— Полукони. Ноi Kentauoi. Кентавры. Как и других чудовищ этого мира, их сделал властитель. Многочисленные племена полуконей обитают во всех уголках прерий Американдии. Некоторые из них говорят на языках скифов и сарматов, так как в качестве исходного материала для

кентавров властитель использовал похищенных им жителей древних степей. Остальные племена переняли языки своих соседей-людей. И все они — с небольшим отклонением — придерживаются племенной структуры прерий.

Вскоре отряд воинов вышел на Великий Торговый путь. Тропа обозначалась в прерии вогнанными в землю столбами, которые устанавливались через милю друг от друга и венчались вырезанными из черного дерева изображениями Ишкветламму — тишкветмоакского бога торговли. Едва они выехали на Торговый путь, Кикаха велел отряду перейти в галоп и не останавливал индейцев до тех пор, пока тропа не осталась далеко позади.

— Если бы Великий Торговый путь вел к лесу, а не шел параллельно ему, нам бы и голову ломать не пришлось,— сказал он Вольфу.— Пока мы находимся на нем, нас никто не потревожит. Путь — священное место, и это признают даже полукони. Все племена покупают тут стальное оружие, одеяла, драгоценности, шоколад, высококачественный табак и тому подобные вещи. Они приобретают их у тишкветмоаков — единственного цивилизованного народа на этом ярусе. Я хотел поскорей пересечь Торговый путь, потому что не мог бы помешать хровакам остановиться на несколько дней для торговли, если бы нам повстречался торговый караван. Заметь, у наших храбрецов на лошадях мехов больше, чем нужно. Они взяли их на всякий случай. Но теперь все идет как нужно.

В течение шести дней отряд не встречал никаких признаков враждебных племен и лишь раз вдали промелькнули вигвамы иреннуиссоиков, раскрашенные в черно-красные полосы. Никто из воинов этого племени не отважился бросить им вызов, но Кикаха не успокоился до тех пор, пока они не проскакали несколько миль. На следующий день прерии начали меняться: ярко-зеленая трава высотой по колено постепенно сменялась голубоватой травкой, поднимавшейся над землей всего на несколько дюймов, и вскоре отряд скакал по холмистой голубой равнине.

— Это исконные земли полуконей,— предупредил Кикаха и выслал разведчиков в дальний дозор.— Не давайся живым,— напомнил он Роберту,— и особенно полуконям. Человеческие племена прерий могут пощадить тебя и при-

нять в свои ряды, если у тебя хватит духу распевать веселые песни и плевать им в рожи, пока твои пятки поджаривают на медленном огне. Но полукони не берут даже в рабство. У них ты будешь неделями выть под пытками.

На четвертый день после этого разговора, поднимаясь на вершину холма, они увидели впереди черную ленту.

— Это деревья, которые растут вдоль реки Виннкан-нау,— сказал Кикаха.— Мы проехали почти полпути до Деревьев Множества Теней. Будем гнать лошадей, пока не доберемся до реки. У меня такое предчувствие, что запа-сы нашей удачи подошли к концу.

Внезапно он замолчал, заметив, как и все остальные, отблеск солнца на чем-то белом в нескольких милях справа. А потом белая лошадь их разведчика Свирепого Ножа исчезла в ложбине между холмами, и через несколько секунд на холме появилась черная лавина врагов.

— Полукони! — закричал Кикаха.— Быстрее! К реке! Мы можем дать им отпор только среди деревьев!

Глава 9

В едином порыве отряд воинов пустился в галоп. Вольф пригнулся к шее коня, великолепного чалого жеребца, погоняя его, хотя тот в этом и не нуждался. Чалый вкладывал в бег всю душу — и равнина превратилась в размытое пятно. Несмотря на огромную скорость, Вольф продолжал поглядывать вправо. Белая кобыла Свирепого Ножа время от времени мелькала на холмах. Разведчик направлял ее под углом к движению отряда. А за ним менее чем в четверти мили, настигая его все больше и больше, мчалась орда полуконей. Их было около ста пятидесяти, а возможно, даже и больше.

Пришпорив золотистого жеребца с хвостом и гривой серебристого цвета, Кикаха подскочил к Вольфу.

— Когда они нас догонят — а они догонят,— оставайся рядом со мной! Я построю отряд в колонну по два. Это классический маневр — проверенный и надежный. Таким образом каждый будет защищать бок другого!

Он отстал, чтобы передать приказ остальным. Вольф направил своего чалого следом за Лапами Росомахи и Спит

Стоя. А позади, выстраиваясь в ряд, пытались держаться на равном расстоянии от него Белоносый Медведь и Большое Одеяло. Остальной отряд растянулся в полном беспорядке, но Кикаха с помощью младшего вождя Паучьи Ноги выстраивал воинов в линию.

Вскоре все сорок образовали неровную колонну. Кикаха подскочил к Вольфу и закричал, перекрывая стук копыт и свист ветра:

— Хроваки глупы, как дикобразы. Они хотели развернуться и пойти в атаку на кентавров! Но я им втолковал, что к чему!

Слева навстречу скакали два других разведчика — Пьяный Медведь и Слишком Много Жен. Кикаха жестом велел им пристроиться в хвост. Но вместо этого два воина продолжали двигаться под прямым углом к колонне и промчались мимо задних рядов отряда.

— Эти дурни думают, что могут спасти Свирепого Ножа!

Двое разведчиков и Свирепый Нож сближались. От колонны их отделяло ярдов четыреста, и примерно на таком же расстоянии за ними катилась волна полуконей. С каждой секундой кентавры сокращали разрыв, без труда догоняя лошадей, обремененных всадниками. А когда они приблизились еще больше, Вольф наконец-то понял, что собой представляют полукони.

Они действительно выглядели как кентавры, хотя художники Земли изображали их немного иначе. И неудивительно. Властителю, создавшему полуконей в своих биолaborаториях, приходилось подстраиваться к реальности. В основном изменения диктовались потребностью организма в кислороде. Часть тела, взятая от животного, тоже нуждалась в воздухе, и этот факт упускали все традиционные земные изображения. Кислородом требовалось снабжать не только верхнюю, человеческую, часть — торс, но и нижнее звериное тело. Относительно небольшие легкие верхней части не могли бы обеспечить все тело необходимым количеством воздуха.

Вне всяких сомнений, желудок торса задерживал бы поступление продуктов в большое нижнее тело. И если бы к мощным пищеварительным органам последнего присоединили маленький желудок человека, питание превра-

тилось бы в огромную проблему. А человеческие зубы быстро стерлись бы, перетирая траву.

Поэтому гибридные существа, которые теперь так грозно и быстро приближались к людям, не во всем совпадали со своими мифическими прототипами. Большие рты и толстые шеи пропорционально соответствовали огромному количеству потребляемого кислорода. Вместо человеческих легких в груди кентавров находился орган, который походил на кузнечные мехи и гнал воздух через горлоподобное отверстие в большие легкие мощного, как у гиппопотама, тела. И так как вертикальный торс увеличивал потребность в кислороде, эти легкие были значительно крупнее лошадиных. Пространство для более мощных легких создавалось после удаления объемных, ориентированных на траву, пищеварительных органов и замены их на сравнительно меньший желудок плотоядного животного. Кентавры питались мясом, включая в свой рацион плоть пойманных америндейцев.

Конская часть достигла размеров земного индейского пони. Шкуры были окрашены в красные, черные, белые, опаловые и пегие тона. Конские волосы покрывали все тело, кроме широких скуластых и большеносых лиц, которые выглядели в два раза крупнее лица обычного человека. Они напоминали увеличенные копии индейцев земных прерий — лица Римского Носа, Сидящего Быка и Бешеной Лошади. Их расцвечивала боевая раскраска, на головах красовались шляпы с перьями и шлемы из шкур буйвола, увенчанные рогами.

Вооружение кентавров ничем не отличалось от оружия хроваков. Исключение составлял один предмет — «бола» — два круглых камня, закрепленных на концах сыромятного ремня. Стоило Вольфу подумать, что он станет делать, если болу бросят в него, как он тут же увидел разрушительную мощь этого оружия. Свирепый Нож, Пьяный Медведь и Слишком Много Жен встретились и сказали бок о бок примерно в двадцати ярдах впереди своих преследователей. Пьяный Медведь обернулся и выпустил стрелу. Она вонзилась чуть ниже человеческой груди одного из кентавров — выпуклый мехоподобный орган. Полуконь рухнул, перевернулся несколько раз и затих. Торс

неестественно согнулся, что могло означать лишь перелом позвоночника. И это несмотря на то, что универсальное соединение кости и хряща в зоне слияния человеческого и лошадиного тел делало торс необычайно гибким.

Пьяный Медведь закричал и взмахнул луком. Он совершил свое первое убийство, и его подвиг будут много лет воспевать на совете старейшин непобедимого племени хроваков.

«Если только кто-нибудь из них останется в живых, чтобы рассказать об этом», — подумал Вольф.

Мелькнуло несколько бол, раскрученных с такой скоростью, что камни стали почти не видны. Вращаясь, словно сорвавшиеся с вала пропеллеры самолета, они понеслись к своей цели. Камень на конце одной из них раздробил шею Пьяного Медведя и выбросил юношу из седла, оборвав на середине победную песню. Другая бола обернулась вокруг задней ноги его коня, и животное с шумом рухнуло на землю.

Роберт и несколько хроваков выпустили стрелы. Он не был уверен в точности своего выстрела — трудно прицелиться и метко выпустить стрелу, сидя на скачущей лошади. Но четыре стрелы угодили в цель — и четверо полуконей пали. Вольф тут же вытащил из колчана за спиной новую стрелу и мельком заметил, что Слишком Много Жен и его лошадь повалились наземь. Из спины воина торчала стрела.

Свирепого Ножа догнали. Но вместо того чтобы заколоть хровака копьями, полукони разомкнули строй и начали обходить его с флангов.

— Нет! — закричал Вольф. — Не давайся им!

Однако Свирепый Нож заслужил свое имя не без веских оснований. И если полукони хотели пленить индейца, чтобы подвергнуть пыткам, и потому не убили его, они дорого заплатили за свою ошибку. Он метнул длинный тишкветмоакский нож в лошадиное тело ближайшего к нему полуконя. Кентавр закувыркался колесом. Свирепый Нож вытащил из ножен тесак, но копье врага вонзилось в его лошадь, и он прыгнул на кентавра, нанесшего этот удар.

Вольф едва видел его сквозь массу тел. Свирепый Нож оседлал полуконя. Кентавр чуть не упал при столкновении, но сумел сохранить равновесие и поскакал дальше. Свирепый Нож вонзил тесак в человеческую спину полуконя. Мелькнули копыта, над волной тел взметнулся хвост, а затем круп и задние ноги раненого существа.

Вольф решил, что Свирепый Нож погиб. Но нет, тот каким-то чудом оказался на ногах, а затем вдруг оседлал другого кентавра, и на сей раз его нож сверкнул у самого горла врага. Скорее всего, он угрожал полуконю перерезать яремную вену, если тот не унесет его прочь от остальных.

Но копьё, брошенное сзади, пронзило спину Свирепого Ножа. И все же, прежде чем пасть под копыта врагов, он выполнил свою угрозу и перерезал шею кентавра, на котором скакал.

— Я видел это! — закричал Кикаха. — Я видел подвиг Свирепого Ножа! После того, что он сделал, даже беспощадные полукони не посмеют уродовать его тело! Они чтят врага, который дал им сокрушительный отпор. Хотя они, конечно, потом все равно поедают его.

Хинг-Гатаврит приблизились к концу цепочки хроваков. Они разделились надвое и увеличили скорость, обгоняя людей с обеих сторон. Кикаха крикнул Вольфу, что полукони сначала не будут атаковать их всеми силами. Они постараются немного поразвлечься с противником и дадут возможность молодым, не испытанным в бою воинам показать свою ловкость и храбрость.

Полуконь в черно-белое яблоко, чью голову украшала лента с единственным ястребиным пером, отделился от основной колонны слева. Раскручивая болу правой рукой и сжимая в левой оперенное копьё, он поскакал, срезая угол, прямо на Кикаху. Камни на концах сыромятного ремня превратились в размытый круг и вырвались из его руки. Кентавр направил болу вниз, в ноги коня.

Кикаха нагнулся и ловко ударил по боле наконечником копья. Удар оказался настолько своевременным, что пришелся как раз на середину ремня. Кикаха поднял копьё, а бола все вертелась и вертелась, пока не намоталась на древко. Большую часть энергии поглотило длинное копьё,

но древко отнесло ударом по дуге в правую сторону, и оно чуть не задело Вольфа, которому даже пришлось пригнуться. Кикаха едва не выпустил копьё, которое чуть не выскользнуло из его руки, увлекаемое инерцией болы. Но он удержал его и потряс копьём с болой на конце.

Со стороны двух колонн кентавров раздался рев одобрения и восхищения. Расстроенный полуконь яростно погрозил кулаком и хотел броситься на Кикаху с копьём, но его опередил подскакавший вождь. Он сказал юному воину несколько слов и с позором отправил его в задние ряды колонны. Рослого чалого вождя украшали многочисленные перья на шляпе и несколько пересеченных полосой черных шевронов, нарисованных на боках лошадиного тела.

— Атакующий Лев,— по-английски представил его Кикаха.— Он решил, что я достоин его внимания.

Кикаха что-то прокричал на языке вождя, а затем разразился смехом, когда темная шкура кентавра стала еще темнее. Атакующий Лев взревел и ринулся на обидчика. Правой рукой он нанес колющий удар пикой, но Кикаха отбил его копьём. Два древка отскочили друг от друга, и Кикаха молниеносно сорвал с левой руки небольшой щит из шкуры мамонта. Он парировал копьём еще один удар кентавра, а затем, словно диск, метнул кожаный щит. Тот мелькнул в воздухе и вонзился в правую переднюю ногу Атакующего Льва.

Кентавр споткнулся, упал на колени и заскользил по траве. Пытаясь подняться, он понял, что его правая передняя нога сломана. Воины его отряда закричали; дюжина вождей в широких шляпах устремилась к Атакующему Льву с копьями наперевес. А тот держался храбро и, сложив руки на груди, гордо ждал смерти, которая подобала великому, но ныне поверженному и раненому полуконю.

— Передайте по цепи: замедлить скачку! — приказал Кикаха.— Лошади долго не выдержат, их бока уже в пене. Возможно, нам удастся их немного побережь и потянуть время, если полукони захотят опробовать кого-нибудь из своих новобранцев. А если не захотят, какая разница?

— Тогда позабудемся на славу, — ответил Вольф. — По крайней мере, перед смертью можно будет сказать, что мы не скучали.

Кикаха подсказал поближе и хлопнул Вольфа по плечу.

— Ты запал в мое сердце, парень. И я счастлив, что познакомился с тобой. Ого! А вот и еще один необстрелянный! И он решил вызвать на бой Лапы Росомахи!

Лапы Росомахи, один из тестей Кикахи, скакал во главе колонны хроваков, как раз перед Вольфом. Он крикнул полуконю что-то обидное, и тот рванулся к нему, раскручивая болу. Хровак метнул копьё, но полуконь, увидев летевшее к нему оружие, выпустил болу чуть раньше, чем собирался. Копьё пронзило его плечо, а бола обмоталась вокруг Лапы Росомахи. Потеряв сознание от удара камня, он упал с коня.

Лошади Кикахи и Вольфа перепрыгнули через поверженное тело. Кикаха нагнулся вправо и проткнул индейца копьём.

— Они не получают удовольствия, пытая тебя, о Лапы Росомахи! — воскликнул Кикаха. — И ты заставил их заплатить жизнью за свою жизнь.

Наступила пора поединков. Молодые, не бывшие в бою полукони по очереди выскакивали из основной группы и бросали вызов одному из людей. Иногда побеждал человек, иногда — кентавр. И через тридцать кошмарных минут из сорока хроваков в живых осталось двадцать восемь. Когда подошла очередь Роберта, ему достался рослый воин, вооруженный палицей, усаженной стальными шипами. Воспользовавшись маленьким круглым щитом, он попытался повторить трюк Кикахи, но прием ему не удался, так как Вольф отбил смертоносный диск острием копья. Однако человек на секунду замешкался, и этим не замедлил воспользоваться кентавр. Он подскочил к нему так близко, что Вольф уже не мог развернуться и занести копьё.

Палица взлетела вверх; на острых кончиках шипов сверкнуло солнце. Огромное, грубо раскрашенное лицо кентавра ощерилось триумфальной ухмылкой. Роберт не успел бы увернуться от удара, а попытайся он перехватить палицу, его рука была бы раздроблена. Совершенно не задумы-

ваясь, он совершил поступок, который удивил не только кентавра, но и его самого. Возможно, Роберта вдохновил подвиг Свирепого Ножа. Он прыгнул с коня и, пролетев над палицей, обхватил кентавра за шею. Его враг пронзительно вскрикнул от страха. А потом они рухнули наземь, и сила удара сбила у обоих дыхание. Вольф вскочил на ноги, надеясь, что Кикаха поймает его коня за узду и поможет вновь взобраться в седло. Кикаха действительно держал коня, но он не думал подводить его к Роберту. Хроваки и полукони остановились.

— Закон войны! — крикнул Кикаха. — Кто первый схватит оружие, тот и победит!

Роберт и кентавр, который к тому времени тоже пришел в себя, метнулись к палице, лежавшей примерно в тридцати футах от них. Скорость четвероногого была слишком велика для двуногого, и кентавр добежал до палицы первым, опередив Вольфа на десять футов. На скаку он нагнулся и подхватил оружие, а затем замедлил шаг и, резко развернувшись, встал на дыбы.

Вольф продолжал бежать. Он подскочил к полуконю и прыгнул на него, когда тот взвился на дыбы. Кентавр хотел нанести удар копытом, но Роберт увернулся, и нога лишь слегка задела его. Он с разбегу врезался в верхнюю часть тела полуконя, и они оба снова упали.

Вольф ухватился правой рукой за шею кентавра и повис на ней, пока полуконь упорно пытался подняться на ноги. Кентавр потерял палицу и теперь надеялся одолеть человека голыми руками. Он снова ухмылялся, так как весил больше Вольфа по крайней мере на семьсот фунтов. Его торс, грудь и руки были намного массивнее, чем у Роберта.

Кентавр напирал, но Вольф напряг ноги и не сдвинулся с места ни на шаг. Он все сильнее сжимал огромную шею, и полуконь начал задыхаться.

Кентавр выхватил нож, но Роберт поймал запястье противника другой рукой и вывернул его. Кентавр закричал от боли и выронил оружие.

Со стороны наблюдавших полуконей раздались возгласы удивления. Им никогда не доводилось видеть такую силу у обычного человека.

Вольф напрягся, рванул кентавра на себя и поставил его на передние колени. Потом нанес нижний резаный удар по тяжело вздымающимся мехам, и левый кулак глубоко вошел под ребра. Полуконь громко ухнул. Роберт ослабил захват, отступил на шаг и ударил кентавра справа по челюсти — тот уже был в полуобморочном состоянии. Голова его откинулась назад, полуконь рухнул как подкошенный, и прежде чем к нему вернулось сознание, Вольф раздробил череп противника его же палицей.

Роберт вскочил на коня, и всадники поскакали легким галопом. Какое-то время полукони не нападали на людей. По-видимому, их вожди о чем-то совещались. Но что бы кентавры ни думали предпринять, через минуту они упустили свой шанс.

Отряд всадников перевалил через небольшой холм и спустился в широкую ложбину. Так уж случилось, что никто из воинов не заметил залегший там львиный прайд. Очевидно, двадцать с чем-то представителей вида «фелис атрокс» полакомились прошлой ночью протоверблюдом и, задремав, не обратили внимания на приближающийся стук копыт. Но теперь, когда незваные гости внезапно оказались на их территории, огромные кошки быстро перешли к действию. Ярость зверей увеличивалась желанием защитить своих детенышей.

Вольфу и Кикахе повезло. Несмотря на то что со всех сторон их окружали огромные полосатые тела, на них никто не кинулся. Но Роберта притерли к одному из самцов, и он успел разглядеть внушающие трепет подробности. Человек и зверь почти касались друг друга, а такого, пожалуй, и при желании не сделаешь. Размерами животное уступало лошади, но, несмотря на отсутствие привычной львиной гривы, величия и свирепости ему было не занимать. Он пробежал мимо Вольфа и набросился на ближайшего кентавра, который с воплем упал на землю. Огромные челюсти сомкнулись на горле поверженного. Но вместо того чтобы заняться трупом, как поступил бы лев в нормальных условиях, самец налетел на другого полуконя и расправился с ним с той же потрясающей легкостью.

Все смешалось: рычали огромные кошки, ржали лошади, кричали люди и полукони. Каждый сражался сам за себя, послав ко всем чертям предыдущую битву.

Вольфу, Кикахе и тем хровакам, которым посчастливилось уцелеть, потребовалось не больше тридцати секунд, чтобы выбраться из ложбины. Им не нужно было подгонять лошадей, наоборот, их приходилось даже сдерживать, чтобы не загнать насмерть перепуганных животных.

Позади на значительном расстоянии из ложбины выбирались ускользнувшие от львов кентавры. Вместо того чтобы броситься в погоню за хроваками, они отбежали от разъяренных кошек на безопасное расстояние и остановились, оценивая урон. В конечном счете они потеряли не больше дюжины воинов, но бойня в ложбине сильно потрясла полуконей.

— Надо воспользоваться их замешательством! — кричал Кикаха. — Но если мы не доберемся до леса прежде, чем они снова догонят нас, нам всем конец! Кентавры больше не будут устраивать поединков. Они пойдут в атаку всем скопом!

Лес, к которому они стремились, по-прежнему казался таким же далеким, как и раньше. Вольф сомневался, что его лошадь, несмотря на ее великолепную статью, преодолеет это расстояние. Шкура жеребца потемнела от пота, дыхание с каждой минутой становилось тяжелее. Но он мчался вперед, словно машина из прекрасно закаленной плоти и духа, которая могла мчаться, пока не разорвется сердце.

Полукони поскакали быстрым галопом, постепенно настигая людей. Через несколько минут они оказались в пределах досягаемости выстрела из лука. Несколько стрел, выпущенных преследователями, вонзились в траву, поэтому кентавры пока воздерживались от стрельбы, понимая, что поразить на скаку удирающую мишень из лука весьма непросто.

Кикаха вдруг издал восторженный вопль.

— Не снижайте скорости! — кричал он остальным. — Да поможет нам дух Акджау-Димиса!

Вольф недоуменно взглянул туда, куда указывал палец Кикахи. Все пространство перед ними покрывали тысячи

чуть скрытых в высокой траве земляных холмиков, около каждого из которых сидело существо, похожее на полосатых степных собак.

В следующий миг хроваки ворвались в колонию животных, за ними следом мчались полукони. Раздались вопли и крики; лошади и кентавры с грохотом падали на землю, попадая ногами в глубокие норы. Рухнувшие животные и полукони лягались, ржали и пронзительно кричали от боли в покалеченных ногах. Кентавры, скакавшие позади первых, взвились на дыбы, пытаясь остановиться, но те, кто бежал следом, врзались в них на всем скаку. В одну минуту на границе поля степных собак образовался клубок переплетенных, брыкавшихся четвероногих тел. Полукони, которым повезло оказаться в задних рядах, остановились и смотрели на своих поверженных соплеменников. Затем они осторожно двинулись вперед, внимательно осматривая землю под ногами. Тем, кто сломал себе ноги и руки, они перерезали горло.

Хроваки, прекрасно понимая, что происходит у них за спиной, не стали медлить и оглядываться. Они мчались вперед, но скорость отряда значительно уменьшилась. У них осталось десять лошадей и двенадцать воинов — лошади Высокой Травы и Жужжит Как Пчела сломали ноги, но всадников подобрали более удачливые спутники.

Увидев это, Кикаха покачал головой. Вольф знал, о чем он подумал. Ему следовало бы приказать Высокой Траве и Жужжит Как Пчела слезть и бежать своим ходом, иначе не только они, но и подобравшие их воины окажутся легкой добычей кентавров. Но Кикаха сказал:

— Да к черту все! Я их не брошу!

Он натянул поводья, быстро переговорил со скакавшими в тандеме воинами и снова поравнялся с Вольфом.

— Пропадать, так всем вместе. Но ты, Боб, не обязан оставаться с нами. Твоя преданность может пригодиться где-нибудь в другом месте. И тебе нет смысла приносить себя в жертву ради нас, рискуя навсегда потерять Хрисиду и рог.

— Я остаюсь, — ответил Вольф.

Кикаха улыбнулся и хлопнул его по плечу.

— Я надеялся, что нам удастся добраться до леса, но ничего не получилось. А ведь мы почти у цели. До того

большого холма впереди осталось полмили, но к тому времени, когда мы доберемся до него, они нас настигнут. Как жаль — от него до леса не больше полумили.

Колония степных собак осталась позади, холмики в траве исчезли столь же внезапно, как и появились. Хроваки пустили лошадей в галоп. А через минуту кентавры тоже миновали поле и изо всех сил бросились в погоню. На вершине холма люди остановились и стали выстраиваться в круг.

Вольф закричал и указал рукой туда, где пологий склон, переходя в луга, спускался к маленькой реке. Вдоль нее рос лес, но не он вызвал возбуждение Роберта. На берегу реки, почти скрытые деревьями, сияли на солнце вигвамы.

Кикаха присмотрелся и сказал:

— Это ценаквы. Смертельные враги «медвежьего народа». Впрочем, кто им не враг?

— Они собираются напасть на нас! — закричал Вольф. — Наверное, их предупредили дозорные.

Он указал на беспорядочную группу всадников, внезапно выехавших из леса. Солнце озаряло белых лошадей, белые щиты и белые перья. Его лучи искрились на кончиках поднятых пик.

При виде их один из хроваков затянул высоким голосом печальную песню. Кикаха прикрикнул на него и, насколько понял Вольф, велел ему заткнуться. Не время для песен смерти — они еще обманут и полуконей, и ценаквов.

— Я хотел устроить здесь нашу последнюю стоянку, — сказал Кикаха. — Но все изменилось. Мы поскачем к ценаквам, затем срежем угол и уйдем от них к лесу вдоль реки. И наша судьба будет зависеть от того, сойдутся наши противники в бою или нет. Если одна сторона откажется от схватки, другая уничтожит нас. Но если... Вперед!

Пронзительно завопив «Уаи-и!», хроваки пришпорили лошадей и понеслись вниз по склону холма прямо на ценаквов. Роберт оглянулся через плечо и увидел, что полукони мчатся по склону вслед за ними.

— Вот уж не думал, что они попадутся на эту уловку! — закричал Кикаха. — Много женщин будет выть сего-

дня ночью в вигвамах, и не только среди «медвежьего народа».

Хроваки приблизились к ценаквам настолько, что могли различить узоры на их шитах. Вольф даже не удивился, увидев черные свастики. Крючковатый крест был на Земле древним и широко распространенным символом; его знали троянцы, критяне, римляне, кельты, норвежцы, индийские буддисты и брахманы, китайцы и вся доколумбовская Северная Америка. Он не удивился и тому, что скакавшие им навстречу индейцы оказались рыжеволосыми. Кикаха рассказал ему, что ценаквы специально перекрашивали свои черные волосы.

По-прежнему беспорядочной массой, но сбившись потеснее, ценаквы мчались, грозно опустив пики и издавая боевой клич, который имитировал крик ястреба. Кикаха во главе колонны хроваков поднял руку, подержал ее какое-то время над головой, а затем рубанул ею воздух. Его конь свернул влево и помчался прочь, за ним последовала вся цепочка воинов «медвежьего народа»: он — голова, остальные — тело змеи.

Свернув почти под носом у врага, Кикаха рассчитал время с точностью до секунды. Пока полукони и ценаквы с шумом врезались друг в друга, сплетаясь в рукопашном бою, хроваки, пользуясь суматохой, ускользнули. Они добрались до леса, замедлили ход, пробираясь между деревьями и сквозь подлесок, а затем перешли реку вброд. Кикаха начал спорить с несколькими воинами, которым захотелось незаметно переправиться через реку и совершить набег на вигвамы ценаквов, пока все мужское население отражало атаку полуконей.

— По-моему, есть смысл немного задержаться и прихватить свежих лошадей, — сказал Вольф. — Высокая Трава и Жужжит Как Пчела не могут долго скакать за спинами своих друзей.

Кикаха пожал плечами и отдал распоряжение. Набег занял пять минут. Хроваки вновь перешли реку и, выскочив из леса с громкими криками, рассеялись среди вигвамов. Женщины и дети кричали и прятались в жилищах или среди деревьев. Некоторые хроваки решили взять не только лошадей, но и легкую добычу. Кикаха пригрозил,

что убьет каждого, кого поймают на краже чего-нибудь, кроме луков и стрел. Затем он склонился с коня и подарил хорошенькой боевитой женщине долгий поцелуй.

— Передай своим мужчинам, что я охотно завалил бы тебя на шкуры и заставил бы навек позабыть о жалких хлюпиках твоего племени! Но нас ждут дела поважнее!

Кикаха захохотал и отпустил женщину, которая тут же убежала в свой вигвам. Он задержался еще ровно настолько, чтобы помочиться в большой котел для еды посреди лагеря, нанеся врагу смертельное оскорбление, затем приказал отряду отправиться в путь.

Глава 10

Они ехали две недели и наконец оказались на краю Деревьев Множества Теней. Здесь Кикаха устроил долгое прощание с хроваками. А потом каждый из них подходил к Вольфу и, положив руки на его плечи, произносил прощальную речь. Теперь он стал одним из них. Вернувшись в их племя, он получит дом, жену и будет выезжать с ними на охоту и войну. Роберт стал Квашингда — силачом; он сражался бок о бок вместе с ними, он поборол самого сильного полуконя, и ему дадут медвежонка, чтобы Роберт вырастил его как своего детеныша; он отмечен милостью властителя, у него будет много сыновей и дочерей, и так далее, и так далее.

Вольф степенно ответил, что не знает большей чести, чем быть принятым в племя «медвежьего народа». И он при этом не кривил душой.

Много дней прошло, но Роберт и Кикаха одолели Множество Теней. Однажды ночью их коней уволокло существо, отпечатки четырехпалых ног которого раз в десять превышали человеческие. Вольф пришел в ярость, потому что успел привязаться к лошади. Он хотел погнаться за ВаГанассит и отомстить ему, но Кикаха при этом предложении лишь вскинул в ужасе руки.

— Будь счастлив, что и тебя не унесли! — воскликнул он. — ВаГанассит покрыт полукремневой чешуей. Твои стрелы отскочат от нее. Забудь о лошадях. Мы можем когда-нибудь вернуться сюда и поохотиться на этих тварей.

Их обычно заманивают в ловушку и жгут огнем. Мне бы тоже хотелось наказать его, но давай не будем терять голову. Пошли.

По другую сторону Множества Теней они соорудили каноэ и поплыли вниз по широкой реке, которая пересекала большие и малые озера. Всюду виднелись высокие холмы с крутыми утесами. Местность напоминала Вольфу лесистые долины Висконсина.

— Прекрасные земли, но здесь живут чакопевачи и энваддиты.

В течение тринадцати дней им трижды приходилось яростно грести, спасаясь от быстрых каноэ с грозными воинами. Затем они оставили лодку на берегу, пересекли широкую гряду высоких холмов, пробираясь в основном по ночам, и вышли к большому озеру. Сделав еще одно каноэ, они отправились в долгое плавание. Друзья не выпускали весел из рук и в конце концов через пять дней достигли Абхарплунты. Они начали медленное восхождение, столь же опасное, как и подъем по первому монолиту. К тому времени, когда путники добрались до вершины, запас их стрел подошел к концу, и они страдали от нескольких неприятных ран.

— Теперь ты можешь понять, почему сообщение между ярусами такое ограниченное,— сказал Кикаха.— Конечно, прежде всего оно запрещено властителем. Но только запрет не мог бы удержать торговцев от попыток преодолеть границу. А что тогда говорить о непочтительных и склонных к авантюрам людях? Между гранью и Дракландией на несколько тысяч миль раскинулись джунгли, посреди которых то здесь, то там встречаются большие плоские возвышенности. Всего лишь в ста милях от нас протекает река Газирит. Мы отправимся к ней и попробуем сесть на какое-нибудь речное судно.

Они заготовили кремневые наконечники и древки для стрел. Вольф убил животное, которое напоминало тапира. Мясо оказалось немного жирным, но друзья наелись до отвала. Роберту не терпелось отправиться в путь, и его раздражала медлительность спутника.

Кикаха взглянул на зеленое небо.

— Я надеюсь, что одна из птичек Подарги заметит нас и прилетит, чтобы рассказать свежие новости. Ведь мы

не знаем, в каком направлении движутся гворлы. Они идут к горе, и у них есть два пути. Можно пойти напрямик через джунгли, но этот маршрут не рекомендуется, поскольку очень опасен. А можно спуститься на лодке вниз по Газирит. Это тоже опасно, особенно для таких примечательных существ, как гворлы. Но за Хрисеиду здесь дадут большие деньги на рынке рабов.

— Но мы не можем ждать орлиц целую вечность, — нетерпеливо произнес Вольф.

— Да, но нам этого и не придется делать, — ответил Кикаха.

Он указал наверх, и Роберт увидел, как в небе мелькнуло что-то желтое. Пятнышко исчезло, но через миг вновь появилось в поле зрения. Орлица стремительно падала вниз, сложив мощные крылья. Вскоре она приостановила падение и мягко спланировала на землю.

Орлицу звали Фтия. Она тут же заявила, что принесла хорошие новости. Она заметила гворлов и женщину Хрисеиду всего в четырехстах милях впереди. Гворлы сели на торговое судно и плыли по Газирит в страну «людей в доспехах».

— Ты видела рог? — спросил Кикаха.

— Нет, — ответила Фтия. — Но они, несомненно, прячут его в одной из кожаных сумок, которые несут с собой. Я вырвала одну сумку у гворла, надеясь, что рог может оказаться там. Но мне досталась целая куча барахла, и я чуть не получила стрелу в крыло.

— Разве у гворлов есть луки? — удивленно спросил Вольф.

— Нет. В меня стреляли речники.

Роберт спросил о воронах, и птица ответила, что их очень много. По-видимому, властитель приказал им постоянно присматривать за гворлами.

— Это плохо, — сказал Кикаха. — Если они заметят нас, нам не поздоровится.

— Они не знают, как вы выглядите, — успокоила их Фтия. — Я подслушала воронов, когда те разговаривали между собой. Мне пришлось спрятаться, хотя я сгорала от желания схватить их и разорвать на части. Но так мне приказала моя госпожа, и я выполняю ее приказы. Гворлы

пытались описать вас Очам Властителя. И вороны ищут двух высоких путников, у одного из которых черные волосы, а у другого — бронзовые. Вот и все, что они знают, а под это описание подходит множество людей. Но вороны высматривают двух мужчин, идущих по следу гворлов.

— Я покрашу бороду, и мы достанем хамшемскую одежду, — воскликнул Кикаха.

Фтия засобиралась в обратный путь. Она спешила к Подарге с отчетом об увиденном и задержалась только для того, чтобы найти Кикаху и Вольфа, а в это время ее сестра продолжала наблюдать за гворлами. Кикаха поблагодарил орлицу и попросил выразить Подарге его уважение. После того как гигантская птица скрылась за гранью монолита, люди вошли в джунгли.

— Ступай мягко и говори тихо, — предупредил Кикаха. — Здесь водятся тигры. Эти джунгли ими прямо кишат. И еще здесь обитают топороклювы. Эти бескрылые птицы так велики и свирепы, что от них удирают даже любимцы Подарги. Однажды я видел, как два тигра связались с топороклювом, и им бы пришел конец, если бы они вовремя не смылись.

Несмотря на предупреждение Кикахи, живность почти не встречалась, за исключением огромного числа птиц всех цветов и оттенков, нескольких обезьян и рогатых жуков размером с мышь, для которых у Кикахи нашлось лишь одно слово: «ядовитые». С тех пор перед сном Вольф каждый раз проверял свое ложе.

Прежде чем отправиться к ближайшему населенному пункту, Кикаха взялся за поиски растения губхараш. Он искал его полдня и в конце концов нашел несколько кустиков. После чего истолок волокна, сварил их, отжал черноватую жидкость и выкрасился ею с головы до ног, не забыв волосы и бороду.

— А что касается зеленых глаз, то я буду рассказывать сказку о матери-рабыне, которую якобы вывезли из Тевтонии, — заявил он. — На, держи. Тебе тоже не помешает немного потемнеть.

Они вышли к полуразрушенному каменному городу и зашагали мимо приземистых ширококоротых идолов. Горожане оказались невысокими, худощавыми темнокожими

людьми, одетыми в темно-бордовые накидки и черные набедренные повязки. Мужчины и женщины смазывали длинные волосы маслом из молока пестрых коз, которые бродили по развалинам и ели траву, проросшую сквозь трещины в каменных плитах. Эти люди, кайдушанги, держали в маленьких клетках кобр и часто выпускали своих любимиц погулять. Еще они жевали дхиз — это растение красило зубы в черный цвет и делало взгляд затуманенным, а движения — медлительными. Изъясняясь на хвай-жуме, гибридном жаргоне речных людей, Кикаха затеял меняться со старейшинами. Он обменял на хамшемскую одежду ногу убитого им с Вольфом зверя, который чем-то напоминал гиппопотама. Оба путника облачились в красный и зеленый тюрбаны, украшенные перьями киггибаша, белые рубашки без рукавов, мешковатые пурпурные шаровары, кушаки, которые следовало несколько раз обматывать вокруг талии, и черные туфли с загнутыми носами.

Несмотря на одуревшие от дхиза мозги, старейшины оказались весьма практичными в вопросах обмена. И лишь когда Кикаха достал из мешка маленький сапфир — одну из драгоценностей, подаренных ему Подаргой, — они порылись в своих запасах, отыскивали кривые сабли, похожие на ятаганы, в инкрустированных жемчугом ножнах.

— Надеюсь, что речное судно не задержится, — сказал Кикаха. — Теперь, когда кайдушанги узнали о моих камешках, нам могут попытаться перерезать глотки. Я сожалею, Боб, но ночью придется дежурить по очереди. Кроме того, они могут напустить на нас своих змей, чтобы те сделали за них грязную работу.

В тот же день из-за изгиба реки выплыл торговый корабль. Завидев двух путников, которые стояли на полуразрушенном пирсе и махали длинными белыми платками, капитан приказал бросить якорь и спустить парус.

Вольф и Кикаха сели в спущенную для них лодку, и их отвезли на «Хрилквюз» — судно около сорока футов длиной, с низкой серединой и высокими палубами на носу и корме, с одним косым парусом и кливером. Матросы в основном принадлежали к шибакубской ветви хамшемского народа. Они говорили на наречии, фонологию и струк-

туру которого Кикаха описал Роберту заранее, и тот почти не сомневался, что это архаическая форма семитского языка, подвергшаяся влиянию местных наречий.

Капитан Архюрель вежливо приветствовал гостей на полуоте. Он сидел, скрестив ноги, на куче подушек и богатых ковров и потягивал густое вино из крохотной чаши.

Кикаха, назвавшийся Ишнакрубелем, рассказал специально приготовленную на этот случай историю. Он и его спутник — человек, давший обет молчания до тех пор, пока не вернется к своей жене в далекую страну Шиашту, — провели несколько лет в джунглях, разыскивая легендарный затерянный город Зикунт.

Капитан удивленно поднял черные косматые брови и погладил темно-коричневую бороду, которая доходила ему до пояса. Усадив гостей и угостив их ахаштумским вином, он попросил их рассказать свою историю. Кикаха сверкнул глазами, усмехнулся и стал рассказывать. Вольф не понимал ни слова, но чувствовал, что его друг сам в восторге от своих богатых на подробности и приключения многословных выдумок. Он только боялся, что Кикаха войдет в раж, потеряет бдительность и капитан усомнится в правдивости его рассказа.

Час за часом каравелла плыла вниз по реке. Матрос с синяком под глазом, одетый лишь в алую набедренную повязку, тихо играл на флейте. Гостям принесли еду на серебряных и золотых тарелках — зажаренную обезьяну, фаршированную птицу, черный черствый хлеб и терпкое желе. Мясо показалось Вольфу чересчур приправленным специями, но он съел все до кусочка.

Солнце скатилось за гору. Капитан поднялся и повел гостей в маленькое святилище позади штурвала, где стоял идол Тартартар, вырезанный из зеленого нефрита. Капитан прочитал молитву, посвященную властителю, опустил ся на колени перед божком и отдал почтительный поклон. После чего сжег фимиам на крошечном огоньке, который горел в выемке на коленях Тартартара, и по всему кораблю распространилось благовоние. Единоверцы капитана встали на колени и забормотали слова молитвы. После них исполнили свои обряды те члены экипажа, которые поклонялись другим богам.

Гостей положили спать на средней палубе, куда капитан велел принести кучу выделанных шкур.

— Не нравится мне этот Архюрель,— задумчиво произнес Кикаха.— Я рассказал ему, что мы не нашли город Зикунт, зато обнаружили небольшой тайничок с сокровищами. Не бог весть какое богатство, но достаточно, чтобы прожить без забот, возвратившись в Шиашту. Он не просил меня показать сокровища, хотя я обещал отдать ему за услугу большой рубин. Эти люди делают свои дела без спешки; торопливость в сделке означает оскорбление. Но жадность может победить гостеприимство и этику ремесла, если он решит, что крупный улов оправдывает наши перерезанные глотки и брошенные в реку тела.

Кикаха на мгновение умолк. С веток, нависавших над рекой, раздавались крики птиц; время от времени на мелководье и с берега ревели большие ящеры.

— Если он задумал какую-нибудь гадость, то сделает ее на следующей тысяче миль. Места здесь уединенные, но дальше города и деревни будут попадаться чаще.

На следующий день, сидя под навесом, сооруженным специально для гостей, Кикаха отдал капитану огромный рубин прекрасной огранки. За этот камень Кикаха мог бы купить у капитана все судно с командой в придачу и надеялся, что Архюрель будет более чем доволен. После такой сделки капитан при желании и сам мог бы удалиться на покой. А потом Кикаха сделал то, чего хотел бы избежать, но понимал, что без этого не обойтись. Он достал остальные камни: алмазы, сапфиры, рубины, гранаты, турмалины и топазы. Архюрель улыбнулся, облизнул губы и стал любовно перебирать драгоценности. Только через три часа он заставил себя вернуть их владельцу.

Ночью, перед тем как улечься спать на палубе, Кикаха развернул начертанную на пергаменте карту, которую ему удалось выпросить на время у капитана. Он показал на большой изгиб реки и постучал пальцем по кружку, обозначенному причудливыми завитушками слоговых символов хамшемского письма.

— Город Хотсикш. Люди, построившие его, как и тот город, из которого мы отплыли, давным-давно исчезли. Позже здесь поселилось полудикое племя визвартов. Когда

корабль бросит там якорь, мы тихо сойдем ночью на берег, пересечем узкий перешеек и снова выйдем к реке. Возможно, нам удастся выиграть время и перехватить судно, на котором плывут гворлы. Но даже в худшем случае мы на много дней опередим этот корабль и сядем на другое торговое судно. А если ничего не подвернется, мы найдем визвартский долбленный челнок и пару гребцов.

Через двенадцать дней «Хрилквюз» пришвартовался у солидного, но потрескавшегося пирса. На каменном причале толпились визварты и что-то кричали матросам, показывая им кувшин с дхизом и «золотым дождем», певчих птиц в деревянных клетках, обезьян и сервалов на поводках, предметы роскоши из разрушенных и брошенных в джунглях городов, сумки и кошельки, сделанные из пупырчатых шкур речных ящеров, плащи из тигровых и леопардовых шкур. У них был даже детеныш секироспина, за которого, они знали, капитан заплатит хорошие деньги и которого потом продаст королю шибакубов Башишубу.

Но главным товаром были женщины. Одетые с головы до ног в дешевые алые и зеленые хлопчатобумажные халаты, они разгуливали взад и вперед по пирсу. Женщины молниеносно распахивали халаты и тут же прикрывались ими вновь, громко выкрикивая цену найма на ночь и зазывая соскучившихся по женщинам матросов. Мужчины, одетые только в белые тюрбаны и фантастические на вид гольфики, стояли в стороне, жевали дхиз и ухмылялись. Каждый имел духовое ружье шести футов в длину и тонкий изогнутый нож, торчавший в спутанных уздах волос на макушке.

Во время торга между капитаном и визвартами Кикаха и Вольф бродили по циклопическим развалинам города. Внезапно Роберт предложил:

— Камни у тебя с собой. Так почему бы нам не взять проводника-визварта и не уйти прямо сейчас? Зачем нам ждать ночи?

— Мне нравится ход твоих мыслей, — сказал Кикаха. — Ладно. Идем.

Они нашли высокого худого человека по имени Вайвин, который с энтузиазмом принял их предложение, ко-

гда Кикаха показал ему топаз. По настоянию двух путников он провел их прямо в джунгли, не предупредив о своем уходе даже жену. Визварт хорошо знал тропы и, сдержав обещание, за два дня довел их до города Кирукшак. В конце пути он потребовал еще один камень, пообещав в этом случае никому ничего о них не рассказывать.

— Этого я тебе не обещал, — сказал Кикаха. — Но мне нравится дух свободного предпринимательства, который ты, друг мой, столь прекрасно проявляешь. Поэтому вот тебе еще один камешек. Но если ты попросишь третий, я тебя убью.

Вайвин улыбнулся, с поклоном взял второй топаз и быстро ушел в джунгли. Глядя ему вслед, Кикаха сказал:

— Может быть, мне все же следовало его убить. В лексиконе визвартов нет слова «честь».

Друзья пошли по развалинам. В течение получаса они карабкались по обвалившимся зданиям и протискивались через завалы, пока не оказались в речном районе города. Здесь толпилось множество долинзов, чья народность принадлежала к той же языковой группе, что и визварты. Но мужчины отличались длинными вислыми усами, а женщины красили верхнюю губу в черный цвет и носили в носу медные кольца. С ними находилось несколько торговцев из страны, которая объединяла названием всех людей, говорящих на хамшемском языке.

У пирса не оказалось ни одной речной каравеллы. Увидев это, Кикаха остановился и хотел было повернуть обратно к развалинам. Но он немного запоздал — хамшемы заметили его и подозревали путешественников.

— Веди себя как можно более вызывающе, — шепнул Кикаха Вольфу. — Если я начну кричать, беги как от самого черта! Эти парни торгуют рабами.

Каждый из тридцати хамшемов имел ятаган и кинжал. Их сопровождало около пятидесяти солдат — высоких, широкоплечих, с более светлой кожей. Лица и плечи воинов украшали татуировки из спиральных узоров. Кикаха объяснил, что хамшемы часто пользуются услугами шолкинских наемников — знаменитых копыеносцев из горного племени погонщиков овец, которые превратили своих женщин в рабынь и считали, что те в состоянии

лишь вести домашнее хозяйство, работать в поле и воспитывать детей.

— Не давайся им живым,— предупредил напоследок Кикаха и тут же, улыбаясь, поздоровался с предводителем хамшемов.

Этого высокого сильного человека звали Абиру. Его лицо можно было бы назвать красивым, если бы не слишком большой нос, изогнутый, как ятаган. Он ответил Кикахе достаточно вежливо, но большие черные глаза оценивали путников как несколько фунтов пригодной для продажи плоти.

Кикаха рассказал ему историю, которую придумал для Архюреля, но значительно сократил ее, ни слова не сказав о драгоценных камнях. Напоследок он сообщил, что они будут ожидать прихода торгового судна, на котором отправятся в Шиашту. Затем Кикаха поинтересовался, как идут дела у великого Абиру.

(К тому времени навык Роберта в изучении языков помог ему немного разобраться в хамшемском наречии, особенно когда беседа шла в пределах обычного разговора.)

Абиру ответил, что благодаря властителю и Тартартару его деловое предприятие оказалось очень прибыльным. Кроме обычного ассортимента рабов он захватил в плен группу странных существ и женщину исключительной красоты. Ничего подобного в мире до сих пор не видывали. Во всяком случае на этом ярусе.

Сердце Вольфа забилось сильнее. Неужели это возможно?

Абиру спросил, не хотят ли они взглянуть на пленников.

Кикаха бросил на Вольфа предостерегающий взгляд и ответил, что ему не терпится посмотреть на странных существ и сказочно красивую женщину. Абиру поманил к себе капитана наемников и велел взять для их сопровождения десять воинов. Тут и Роберт почувствовал опасность, о которой Кикаха предупреждал не раз. Он понимал, что можно попытаться убежать, но вряд ли бы им это удалось. А шолкинам, очевидно, не раз доводилось останавливать беглецов меткими копьями. Ко всему прочему Роберту отчаянно хотелось увидеть Хрисеиду. И поскольку

Кикаха не предпринимал никаких действий, он решил последовать его примеру, во всем положившись на опыт друга, который, видимо, лучше знал, как вести себя в подобной ситуации.

Абиру, любезно болтая о прелестях столичной жизни Хамшема, провел их по заросшей кустарником улочке к огромному спиральному зданию с разбитыми статуями на парапетах этажей. Он остановился перед входом, около которого разгуливали еще десять шолкинов. Не успели они войти, как Вольф почувствовал близость гворлов. Перекрывая вонь невымытых человеческих тел, вокруг расплзался гниlostный запах бугристого народа.

Внутреннее помещение оказалось огромным, прохладным и едва освещенным. У дальней стены на кучах мусора, усыпавшего каменный пол, сидели в ряд сто мужчин и женщин. Среди них находились тридцать гворлов. Всех пленников соединяли длинные и тонкие цепи, продетые в железные ошейники каждого из рабов.

Вольф поискал глазами Хрисеиду. Ее здесь не было.

Отвечая на невысказанный вопрос, Абиру лукаво произнес:

— Женщину с глазами кошки я держу отдельно. У нее есть служанка и особая охрана. Она как драгоценный камень окружена заботой и вниманием.

— Мне бы хотелось увидеть ее,— воскликнул Вольф, не в силах сдерживать чувств.

Абиру взглянул на него:

— У тебя странный акцент. Почему же твой спутник сказал, что ты тоже из страны Шиашту? — Он махнул рукой наемникам, и те тут же двинулись вперед с копьями наперевес. — Не беспокойся. Если ты так хочешь посмотреть на эту женщину, то увидишь ее с другого конца цепи.

Кикаха возмущенно закричал:

— Мы подданные короля Хамшема и свободные люди! Ты не можешь так с нами поступить! Это будет стоить тебе головы после всех пыток, которые предусматривает закон за подобное преступление.

Абиру засмеялся:

— А я не намерен тащить вас обратно в Хамшем, дружок. Мы отправляемся в Тевтонию, где за тебя отваят

хорошие деньги, потому что ты человек сильный, хоть и слишком много говоришь. Но мы можем исправить этот недостаток, подрезав тебе язычок.

У путников отобрали ятаганы и дорожный мешок. Подталкивая копьями, подвели к концу шеренги, усадили рядом с гворлами и надели железные ошейники. Абиру вывалил на пол содержимое их мешка и, увидев горсть драгоценностей, радостно выругался.

— Так, значит, вы что-то нашли в затерянных городах! О, как нам повезло. Вы обогатили меня, и мне даже захотелось — правда, лишь на миг — отпустить вас с миром.

— Неужели можно быть таким банальным? — прошептал по-английски Кикаха. — Он говорит, как злодей из второсортного фильма. Черт бы его побрал! Если у меня появится возможность, я отрежу ему вместе с языком и кое-что другое.

Довольный неожиданным богатством, Абиру ушел. Вольф осмотрел цепь, соединявшую ошейники. Ее составляли небольшие звенья, и он мог бы разорвать их, если только железо не слишком высокого качества. На Земле Роберт иногда забавлялся тем, что тайком от всех разрывал такие цепи. Но он решил не испытывать прочность железа до наступления ночи.

За спиной Вольфа раздался голос Кикахи:

— Гворлы не узнали нас в этом гриме, поэтому пусть все так и остается.

— А как насчет рога? — спросил Вольф.

Кикаха попытался вовлечь в разговор сидящих рядом гворлов, обращаясь к ним на тевтонском наречии ранней средневековой Германии. Но, чуть не получив плевок в лицо, он оставил эту затею. Зато ему удалось поговорить с одним из шолкинских солдат и с несколькими рабами-людьми.

Гворлы плыли на корабле «Какииржуб», которым управлял капитан Ракхамен. Прибыв в этот город, капитан познакомился с Абиру и пригласил его на корабль посидеть за чашей вина. Той же ночью — фактически перед тем, как Вольф и Кикаха появились в городе, — Абиру и его люди захватили судно. Во время схватки капитана и

нескольких матросов убили. Остальная команда сидела теперь на цепи. А корабль отправили вниз по реке в одну из многочисленных протоков для продажи его речному пирату, о котором проведаль Абиру.

Что касается рога, никто из команды «Какииржуба» о нем ничего не слышал. Шолкинский наемник не рассказывал ничего нового.

Кикаха шепнул Вольфу, что, по его мнению, Абиру вряд ли позволит кому-нибудь узнать об инструменте. Все слышали легенды о роге властителя, и он, видимо, узнал его. Предмет являлся святыней универсальной религии мира и описывался во многих духовных текстах.

Наступила ночь. Наемники внесли факелы и еду для рабов. После еды в помещении остались только двое шолкинов, и наверняка какое-то их количество стояло на страже снаружи. Санитария напрочь отсутствовала; запах стоял удушающий. Очевидно, Абиру не очень-то заботился о соблюдении правил, установленных властителем. Но некоторые из более религиозных шолкинов начали возмущаться, и к ним на уборку прислали группу долинзов. На каждого раба выплеснули бадью воды, а несколько ведер оставили для питья. Когда водой окатили гворлов, они подняли вой и долго еще после этого ругались и ворчали. Кикаха пополнил запас знаний Вольфа, сообщив ему, что гворлы, подобно сумчатым крысам и многим пустынным животным Земли, совершенно не нуждаются в воде. Особая биологическая система, такая же, как у некоторых обитателей засушливых зон, окисляла их жир, превращая его в необходимую окись водорода.

Взошла луна. Рабы спали, прислонясь к стене или растянувшись на полу. Кикаха и Вольф тоже притворились спящими. Когда луна показалась в дверном проеме, Роберт толкнул приятеля и прошептал:

— Я хочу попробовать разорвать свою цепь. Если у меня не хватит времени разорвать и твою, нам придется действовать как сиамским близнецам.

— Давай,— тихо ответил Кикаха.

Длина цепи между каждой парой ошейников составляла около шести футов. Вольф медленно двигался к ближайшему гворлу, пока цепь между ними не провисла. Ки-

каха полз вслед за ним. На это ушло около пятнадцати минут: они не хотели, чтобы двое часовых, оставшихся в помещении, заметили их перемещение. Вольф повернулся спиной к охранникам и схватил цепь обеими руками. Он потянул ее, пробуя прочность, и понял, что звенья сделаны на совесть. Медленно натянув цепь, разорвать ее Вольф не смог. Пришлось резко рвануть. Звенья с шумом разорвались.

Двое шолкинов прервали громкую беседу и смех, которыми отгоняли друг от друга дремоту. Вольф не смел обернуться и взглянуть на них. Он ждал, а шолкины гадали, что бы это могло быть. Им даже не приходило в голову, что это звук порванной цепи. Какое-то время, подняв вверх факелы, они разглядывали потрескавшийся потолок, затем один из них отпустил шутку, другой засмеялся, и они возобновили прерванный разговор.

— Не хочешь дернуть и мою? — спросил Кикаха.

— Не хочу, но если я этого не сделаю, мы окажемся в дурацком положении, — ответил Вольф.

Пришлось немного подождать, потому что гворл, с которым его прежде связывали оковы, проснулся от звука лопнувшей цепи. Он поднял голову и что-то проворчал на своем скрежещущем языке. Вольф даже вспотел. Если тварь сядет или попытается встать, обнаружится, что звенья оборваны.

Тревога сжала сердце тисками, но через минуту гворл улегся и вскоре снова захрапел. Роберт немного расслабился. Поведение гворла навело на одну мысль, и он мрачно усмехнулся.

— Сделай вид, что замерз и хочешь погреться, и подползи ко мне поближе, — тихо сказал Вольф.

— Ты, наверное, шутишь? — отозвался шепотом Кикаха. — Тут душно, как в парилке. Ладно. Уже лезу.

Он осторожно придвинулся, и его голова оказалась возле колен Вольфа.

— Когда я порву цепь, не торопись бежать, — сказал Роберт. — Я знаю, как подманить охрану, не потревожив тех, кто снаружи.

— Надеюсь, они не вздумают менять караул, когда мы начнем действовать, — пошутил Кикаха.

— Ну, молись Богу,— прошептал Роберт.— Только нашему, земному.

— На Бога надейся, а сам не плошай,— пробурчал в ответ Кикаха.

Вольф рванул цепь изо всех сил; звенья с шумом лопнули. Охрана снова замолчала, а гворл резко подскочил. Роберт сильно укусил его за палец ноги. Тварь не закричала, но, что-то проворчав, начала подниматься. Один из караульных приказал гворлу сесть, и оба шолкина двинулись к нему. Страшилище не понимало их языка, но его убедили поднятые копыя и тон угрожающих голосов. Он поднял ногу и начал растирать ее, осыпая Вольфа проклятиями.

Под ногами охранников захрустел мусор и мелкие камни, свет от факелов заблестел на стене.

— Давай! — рявкнул Вольф.

Он и Кикаха вскочили на ноги, стремительно развернулись и оказались лицом к лицу с растерявшимися шолкинами. Наконечник копыя почти касался Роберта. Он быстро схватил древко и дернул на себя. Караульный открыл рот и хотел закричать, но тупой конец копыя помешал ему это сделать, захлопнув челюсть резким ударом снизу.

Кикаха оказался менее удачливым. Шолкин отступил назад и занес копьё для броска. Кикаха кинулся на него, как защитник на игрока с мячом, и упал караульному в ноги; они покатались кувырком, и копьё ударилось в стену.

Тишину разорвали крики одного из охранников. Гворл поднял упавшее рядом копьё и метнул его. Наконечник вонзился в глотку шолкина.

Кикаха рывком высвободил копьё, вытащил из ножен тесак убитого часового и послал его в цель. Лезвие по рукоятку впилось в солнечное сплетение вбежавшего снаружи шолкина. Увидев его гибель, другие караульные, бежавшие следом, поспешно отступили. Вольф забрал нож убитого им охранника, сунул лезвие за кушак и спросил:

— Куда теперь пойдем?

Кикаха вырвал тесак из груди часового и вытер окровавленную сталь о волосы труп.

— Только не через эту дверь. Там их слишком много.

Роберт показал на дверь в дальнем конце помещения и бросился к ней. По пути он подобрал выпавший из рук охранника факел. Кикаха сделал то же самое. Дверной проем был завален мусором, и беглецам пришлось пробираться на четвереньках. Вскоре они оказались в зале с обвалившимся потолком. Сквозь дыру в каменных плитах над головой струился свет луны.

— Они наверняка знают об этом выходе! — прокричал Роберт. — Не могли же они быть настолько беззаботными. Нам лучше пока оставаться внутри.

Как только беглецы пересекли пространство под брешью в потолке, наверху замелькали факелы. Друзья побежали изо всех сил, а на краю отверстия зазвучали возбужденные голоса шолкинов. Секунду спустя, едва не попав в ногу Вольфа, в мусор воткнулось копье.

— Теперь они знают, что мы ушли из того большого зала, и бросятся за нами в погоню, — сказал Кикаха.

Они побежали дальше, выбирая ответвления, которые могли вывести их к безопасному выходу. Внезапно пол под ногами Кикахи провалился. Он зацепился за край другого каменного блока и попытался подтянуться, но это ему не удалось. Противоположный конец большой плиты начал подниматься. Кикаха вновь соскользнул вниз, его тело повисло над дырой. Он закричал, выпустил факел и сорвался вниз.

Вольф ошеломленно уставился на поднимающуюся плиту и пролом под ней. Отверстие заполняла темнота. Скорее всего, факел погас при падении, или дыра оказалась настолько глубокой, что свет терялся далеко внизу. Застонав от горя, Роберт пополз к краю и, держа факел в вытянутой руке, заглянул вниз. Шахта, ширина которой достигала десяти футов, а глубина всех пятидесяти, оказалась заваленной мусором и обломками плит. Кикаху он не увидел, как и не увидел никаких следов, отмечавших место его падения.

Вольф окликнул друга по имени, но услышал лишь крики шолкинов, рыскавших по коридорам.

Он еще раз позвал Кикаху, как можно дальше свесился в дыру и осмотрел провал более основательно. Все его попытки осветить темное дно ни к чему не привели, но он разглядел упавший и погасший факел.

Некоторые участки на дне ямы оставались темными, как будто около стен были дыры. Возможно, Кикаха свалился в одну из них, подумал Вольф.

Голоса преследователей стали громче, и из-за угла в конце коридора показались первые дрожащие отблески факела. Роберт не мог больше ждать. Он переполз на другую сторону пролома, приподнялся на цыпочки и прыгнул. Он почти горизонтально перелетел через пролом, упал на торчащий конец плиты, сбив с торца влажную глину, и, навалившись всем телом, вернул каменный блок на место. Его ноги торчали над краем пролома, но опасность миновала.

Подобрав все еще горевший факел, Роберт пополз вперед. В конце коридора он нашел проход, полностью засыпанный упавшей с потолка глиной. Дверь накрыло огромной плитой из гладкого обтесанного камня, которая застряла в коридоре под углом в сорок пять градусов. Немного ободрав кожу на груди и спине, Вольф протиснулся в щель между камнем и глиной. За дверью находилось огромное помещение, в несколько раз превышающее по размерам тот зал, где держали рабов.

В противоположном конце валялась груда обвалившихся каменных плит. Роберт поднялся по ним до щели между стеной и потолком, в которую лился лунный свет. Через пролом можно было выбраться наружу. Вольф погасил факел. Свет могли заметить шолкины, рыскавшие на верхних этажах здания. Застыв на узком выступе под щелью, он прижался к стене и какое-то время внимательно прислушивался. Если свет факела заметили, его могут поймать, пока он будет вылезать из дыры, и ему не удастся оказать им никакого сопротивления. Но, услышав далекие крики и понимая, что другого выхода нет, Вольф все-таки полез в отверстие.

Он оказался почти на вершине глиняной насыпи, которая скрывала под собой часть здания. Ниже пылали факелы. В их свете он заметил Абиру, который грозил наемнику кулаком и что-то кричал.

Вольф взглянул на глину под ногами и представил камни и пустоты, которые скрывались в глубине. Он представил шахту, на дне которой Кикаха встретил свою смерть.

Роберт поднял копье и прошептал:

— Ave atque vale, Кикаха!

Ему страстно хотелось отомстить за друга и отнять у шолкинов еще несколько жизней, особенно жизнь Абиру. Однако он усмирил ярость и нетерпение. Потому что была Хрисеида и был рог. Но в сердце закралась пустота и слабость, словно он оставил здесь часть своей души.

Глава 11

Ночь Роберт провел недалеко от города, скрываясь в ветвях высокого дерева. Он решил последовать за работниками, при первом удобном случае спасти Хрисеиду и забрать рог. Караван должен был пройти по тропе, рядом с которой он затаился. Только она вела в Тевтонию.

Наступило утро, а Вольф ждал, страдая от голода и жажды. В полдень он потерял терпение. Вряд ли его до сих пор разыскивают в руинах. Вечером Роберт решил ненадолго отлучиться, чтобы напиться воды. Он спустился с дерева и направился к ближайшему ручью. Но рычание животных заставило его взобраться на другое дерево. Вскоре из кустов появилось семейство леопардов, пришедших на водопой. И когда звери наконец напились и исчезли в кустах, солнце почти укатилось за монолит.

Роберт вернулся к тропе, зная, что на таком небольшом расстоянии он бы не мог не заметить длинный караван рабов и надсмотрщиков. Но никто так и не появился. Тогда он прокрался по развалинам к зданию, из которого бежал прошлым вечером. Там тоже никого не оказалось. Убедившись, что все ушли, Вольф стал бродить по заросшим переулкам и улицам и бродил до тех пор, пока не наткнулся на человека, сидевшего под деревом. Одурманенный дхиом, тот почти ничего не соображал, но Роберт, надавав ему пощечин, быстро привел туземца в чувство. Приставив нож к горлу мужчины, он допросил его. Несмотря на ограниченное знание хамшемского языка и еще меньшие навыки в наречии долинов, Вольф выяснил все, что хотел: Абиру с отрядом утром уплыли на трех больших боевых каноэ с наемными долиновскими гребцами.

Ударом кулака Вольф свалил человека наземь и зашагал к пирсу. На пристани не оказалось ни души, и у него появилась возможность выбрать для себя судно по вкусу. Роберт взял узкую легкую лодку с парусом и отправился вниз по реке.

Через две тысячи миль он пересек границу между Тевтонией и цивилизованным Хамшемом. Следуя за караваном, Вольф проплыл триста миль по реке Газирит, а затем шел по суше. Он мог бы давно догнать медленно двигающуюся вереницу людей, но трижды терял след и время от времени скрывался от тигров и топороклювов.

Тропа шла вверх. Неожиданно из джунглей возникло горное плато. Для человека, дважды преодолевшего подъем в тридцать тысяч футов, восхождение на шеститысячник не составило труда. Поднявшись на плоскогорье, Роберт оказался в совершенно другой стране. Правда, температура воздуха оставалась той же, и росли здесь дубы, платаны, тис, самшит, грецкий орех, хлопковое дерево и липа. Только вот животные не соответствовали привычной флоре. Не прошел он и двух миль по сумраку дубового леса, как ему пришлось спрятаться.

Мимо него медленно прошествовал дракон. Увидев человека, он зашипел и двинулся дальше. Чудовище во многом напоминало традиционные западные изображения. Его длина достигала сорока, а высота — десяти футов. Тело покрывали большие чешуйчатые пластины. Но он не дышал огнем. Остановившись в сотне ярдах от дерева, в ветвях которого прятался Вольф, он принялся объедать высокую траву. Так, подумал Вольф, значит, здесь несколько видов драконов. И усомнившись в том, что ему удастся отличить плотоядный тип от травоядного, он решил впредь знакомиться с ними из безопасного и хорошо защищенного места.

Вольф спустился с дерева. Дракон продолжал чавкать, набивая травой желудок, а может быть, и желудки, издавая при этом утробные звуки, которые напоминали слабые раскаты грома.

Теперь Роберт намного осторожнее проходил под ветвями гигантских деревьев и свисавшими с них водопада-

ми зеленого мха. На рассвете следующего дня он вышел из леса. Перед ним простирался пологий спуск. Местность просматривалась на многие мили вперед. Справа в низине протекала река. На противоположной стороне виднелся крохотный замок, венчавший колонну зубчатой скалы. У подножия скалы располагалась небольшая деревня. При виде дымков, тянувшихся из труб, у Роберта перехватило горло. Ему казалось, что на свете нет ничего лучше, чем сидеть за столом и болтать с друзьями ни о чем, наслаждаясь завтраком и чашкой кофе после доброго сна в мягкой постели. О господи! Как он соскучился по обычным человеческим лицам и голосам, приюту, где бы ему никто не угрожал!

По его щекам сбежало несколько слезинок. Он смахнул их и продолжил путь. Выбор сделан, и ему остается принимать хорошее наряду с плохим — точно так же, как он поступал на отвергнутой им Земле. А этот мир, особенно сейчас, казался не таким уж и плохим — свежий, зеленый, без телефонных линий и рекламных щитов, газет и консервных банок, разбросанных повсюду, без смога и угрозы атомного взрыва. Как бы плохо ему здесь ни приходилось, он многое мог бы сказать в пользу этого мира. И Роберт обладал здесь тем, за что многие продали бы душу, — он обрел молодость, сохранив опыт зрелых лет.

Однако уже через час он начал сомневаться, что ему удастся сохранить столь бесценный дар. Вольф вышел на узкую пыльную дорогу и зашагал по ней, как вдруг из-за поворота в сопровождении двух ратников появился рыцарь. Его огромную черную лошадь частично прикрывали латы. На рыцаре сияли черные пластинчато-кольчужные доспехи, которые напомнили Роберту образцы амуниции германских воинов тринадцатого века. Приподнятое забрало открывало мрачное ястребиное лицо с ярко-голубыми глазами.

Рыцарь натянул поводья и окликнул Вольфа на языке средневековой Германии, с которым тот освоился благодаря Кикахе и своей профессии на Земле. Язык, конечно, кое в чем был видоизмененным и пестрел заимствованными словами из хамшемского и других местных наре-

чий. Тем не менее Вольф разобрал большую часть того, что ему говорил всадник.

— Стой смирно, урод! — закричал рыцарь. — Как ты посмел появиться здесь с луком?

— С позволения вашей августейшей светлости, я охотник, — язвительно ответил Роберт, — и потому имею королевское позволение носить свой лук.

— Ты лжец! Я знаю всех законных охотников на много миль вокруг. И ты такой темный, что выглядишь как сарацин или даже идш. Брось лук и сдавайся, или я зарублю тебя как свинью, которой ты, собственно говоря, и являешься.

— Если тебе нужен мой лук, попробуй забрать его, — ответил Вольф, едва сдерживая закипевшую ярость.

Рыцарь взял копье наперевес и пустил коня галопом.

Роберт подавил желание отпрыгнуть в сторону или убежать назад, уклоняясь от блестящего наконечника копья. То, чего он ждал, произошло за долю секунды. Он рванулся вперед — копье опустилось, чтобы пронзить его, но прошло в дюйме над ним и воткнулось в землю.словно прыгун с шестом, рыцарь вылетел из седла и, все еще цепляясь за древко, описал в воздухе дугу. Первой завершила полет его голова в шлеме. Должно быть, при падении он сломал себе шею или позвоночник, поскольку, упав, рыцарь больше не шевелился.

Вольф не стал терять время даром. Он снял с рыцаря меч в ножнах и застегнул пояс на своей талии. Конь убитого, великолепный чалый жеребец, вернулся и остановился рядом с мертвым хозяином. Вольф сел на него и поехал дальше.

Тевтония получила свое название в честь завоевавшего ее Тевтонского ордена, или тевтонских рыцарей госпиталя святой Марии в Иерусалиме. Орден возник во время третьего крестового похода, но позже отклонился от первоначальной цели. В 1229 году Немецкий орден начал завоевание Пруссии с целью обращения в христианство прибалтийских язычников и подготовки земель к колонизации. Один из отрядов ордена попал на этот ярус планеты либо по случайности, что весьма маловероятно,

либо по воле властителя, который умышленно открыл им врата и хитростью вынудил пройти через них.

Какой бы ни была причина, райтеры тевтонских рыцарей покорили аборигенов и создали общество наподобие того, которое оставили на Земле. В ходе естественной эволюции оно, конечно, изменилось, и властителю удалось во многом оформить его на свой собственный лад. Первоначально единое королевство, Великий Маршалиат, выродилось во множество независимых государств. Те в свою очередь состояли из мало связанных друг с другом баронатов, многие из которых управлялись самозванцами и разбойниками.

На этом же плоскогорье находилось государство Идше. Его основатели перенеслись через врата почти одновременно с тевтонскими рыцарями. И опять же, никто не знает, прошли они через них случайно или по замыслу властителя. Тем не менее множество говорящих на идше германцев обосновалось на восточном конце плато. И хотя прежде они занимались торговлей, им тоже удалось стать хозяевами туземного населения. Идши переняли феодально-рыцарскую структуру Тевтонского ордена — видимо, им пришлось так поступить, чтобы сохранить свою независимость. Именно это государство и имел в виду встреченный Вольфом рыцарь, обвиняя его в том, что он идш.

Подумав об этом, Роберт довольно рассмеялся. Итак, немцы попали на уровень, где уже образовался архаично-семитский Хамшем, и их современниками стали столь презируемые ими иудеи. Такое стечение обстоятельств можно было бы объяснить случайностью, но Вольф видел за всем этим ироничное лицо властителя, с улыбкой наблюдавшего за ситуацией.

На самом деле в Дракландии не существовало ни христиан, ни иудеев. И хотя две веры по-прежнему использовали свои первоначальные названия, обе претерпели огромные изменения. Властитель занял место Яхве и Господа, и к нему обращались, используя эти имена. Потом в теологии произошли другие изменения: в церемонии, ритуалы и заповеди вносились тонкие и незаметные искажения. В обеих странах этого мира вера предков отвергалась потомками как ересь.

Вольф направился к владениям фон Элгерса. Ему хотелось оказаться там как можно быстрее, но приходилось избегать дорог и деревень. После гибели рыцаря он не смел вступать во владения барона фон Лорентиса, как планировал прежде. Пропавшего искали по всей округе, и везде шныряли люди с собаками.

Суровые холмы, отмечавшие границу бароната, стали ближайшей выбранной им целью.

Через два дня Роберт добрался до такого места, где, слезая с коня, он не попадал под власть сюзерена фон Лорентиса. Предстояло преодолеть крутой, но не очень-то трудный спуск с холма. За холмом у реки раскинулся широкий луг, и на его противоположных концах располагались два лагеря. В центре каждого из них в окружении множества небольших палаток, походных костров и лошадей стояли нарядные, украшенные флагами и вымпелами шатры. Большинство обитателей лагерей, разделившись на две группы, наблюдали за поединком бойцов, которые атаковали друг друга с копьями наперевес. В тот самый момент, когда Вольф увидел их, противники со страшным лязгом столкнулись на середине поля. Одного из рыцарей от удара отбросило назад; в его щите застряло копьё соперника. Но и другой, не удержав равновесия, с грохотом свалился наземь.

Вольф окинул взглядом живописную картину: сражение не походило на обычный рыцарский турнир. Во-первых, не было крестьян и горожан, которым полагалось толпиться вокруг. Во-вторых, отсутствовал наспех сколоченный помост с рядами, заполненными пышно разодетой знатью и прекрасными дамами. Очевидно, в этом уединенном месте у дороги ставили свои палатки странствующие рыцари, которые вызывали на поединок всех проезжающих рыцарей.

Роберт начал спускаться с холма на виду у всех. Он полагал, что в такой момент вид одинокого странника не вызовет большого интереса. И оказался прав. Никто из обитателей двух лагерей не поспешил к нему с расспросами. Вольф мог подойти к краю луга и не спеша понаблюдать.

Желтый флаг над шатром слева от него украшала звезда Давида. Вольф понял, что там расположил свой лагерь идшский рыцарь. Чуть ниже флага реяло зеленое знамя с серебряной рыбой и ястребом. В другом лагере развевалось несколько государственных и личных вымпелов. Один из них привлек внимание Вольфа, заставив его вскрикнуть от удивления. На белом поле красовалась ослиная голова, а ниже — рука, все пальцы которой, кроме среднего, были сжаты в кулак. Когда Кикаха рассказывал об этом гербе, Роберт хохотал до упаду. Только Кикаха мог носить такой герб на своем щите.

Вольф тут же одернул себя, понимая, что герб, скорее всего, носит какой-нибудь вассал Кикахи, который присматривает за владениями отсутствующего сюзерена.

Роберту захотелось убедиться в том, что обладатель вымпела действительно другой человек, хотя он прекрасно понимал, что кости его друга давно гниют под кучей глины на дне шахты полуразрушенного города в далеких джунглях.

Роберт поехал к лагерю на западной стороне поля. Его никто не останавливал. Ратники и слуги удивленно поглядывали на него, но всякий раз, встретив свирепый взгляд незнакомца, торопливо отворачивались. Кто-то называл его «идшской собакой», но, когда Роберт обернулся, никто не отважился повторить обидные слова. Он объехал привязанных к столбу лошадей и приблизился к рыцарю с заинтересовавшим его гербом. Облаченный в сверкающие красные доспехи с опущенным забралом, тот ожидал своей очереди драться и высоко держал огромное копье. Чуть ниже наконечника развевался вымпел с изображением красной ослиной головы и человеческой руки.

Роберт остановился около гарцевавшего коня и, едва сдерживая волнение, окликнул по-немецки:

— Барон фон Хорстманн?

Раздалось приглушенное восклицание, последовала пауза, и рука рыцаря откинула забрало. Вольф чуть не зарыдал от радости: из-под шлема на него смотрело веселое, длинногубое лицо Финнегана-Кикахи — фон Хорстманна.

— Ничего не говори, — предостерег его Кикаха. — Я не знаю, как ты, черт возьми, нашел меня, но я, разумеет-

ся, этому очень рад. Увидимся через минуту — если, конечно, я останусь в живых. Этот фунем Лейксфалк та еще штука.

Глава 12

Заиграли трубы. Кикаха выехал на указанное герольдами место. Бритоголовый священник в длинной рясе благословил его, в то время как на другом конце поля равнин что-то говорил барону фунему Лейксфалку. Идшский паладин был рослым воином в серебряных доспехах и шлеме в виде рыбьей головы. Он гарцевал на огромном могучем черном жеребце. Трубы грянули вновь. Двое соперников склонили копья, салютуя друг другу. Кикаха быстро переложил копье в левую руку и правой осенил себя крестом. (Он всегда строго придерживался религиозных правил того народа, среди которого находился в данный момент.)

После громкого рева длинных труб с большими рас-трубами раздались мощный стук копыт рыцарских коней и одобрительные крики зрителей. Противники встретились на середине поля, и копья их впились в центры щитов друг друга. Металлический грохот доспехов при падении в который раз за этот день вспугнул птиц с ближайших деревьев. Лошади покатались по земле.

На поле выбежали слуги рыцарей: одни потащили хозяев, другие — коней, сломавших себе шеи. На мгновение Вольфу показалось, что идш и Кикаха мертвы — ни тот ни другой не шевелились. Но когда Кикаху принесли в лагерь, он приподнялся и, слабо улыбнувшись, попросил Вольфа:

— Посмотри, что стало с тем парнем.

Роберт взглянул в сторону другого лагеря.

— С ним все нормально.

— Очень жаль, — произнес Кикаха. — Я надеялся, что он больше не будет путаться у меня под ногами. Этот идш и так уже чересчур задержал меня.

Кикаха велел слугам выйти из шатра и оставить его наедине с Вольфом. Тем, видимо, не хотелось оставлять хозяина с незнакомцем, но они подчинились, подозрительно взглянув на Роберта.

— Я держал путь из своего замка во владения фон Элгерса и повстречал у дороги шатер фунема Лейксфалка. Если бы мы встретились один на один, я бы показал ему нос на его вызов и поспешил бы дальше. Но нас окружали тевтоны, и мне пришлось подумать о вассалах. Я не могу позволить себе обрести репутацию труса, иначе меня забросают тухлой капустой мои же собственные люди, и мне придется сражаться с каждым рыцарем страны, доказывая свою смелость. К тому же я надеялся, что быстро втолкую этому идшу, кто из нас сильнее, и отправлюсь дальше. Но все вышло по-другому.

Герольды назначили мне третью позицию. А это означало, что в течение трех дней я должен был провести поединки с тремя противниками, прежде чем сыграть по крупному. Конечно, я протестовал, но безрезультатно. Поэтому мне оставалось лишь выругаться про себя и стойко перенести испытания. Ты видел мою вторую стычку с фунемом Лейксфалком. В первый раз мы тоже вышибли друг друга из седел. Но и это больше, чем сделали другие. Потому они так и кипятятся: этот идш нанес поражение всем тевтонам, кроме меня. К тому же двух он убил, а одного искалечил на всю жизнь.

Слушая друга, Вольф осторожно снимал с него доспехи. Кикаха попытался сесть, но застонал и сморщился от боли.

— Эй, а как ты, черт возьми, попал сюда? — спросил он.

— В основном на своих двоих. Ведь я думал, что ты погиб.

— Ты был недалеко от истины, приятель. Провалившись в шахту, я ударился о какой-то выступ в стене. И после того как я свалился на дно, меня засыпало. Но я скоро пришел в себя. И поскольку засыпало меня не сильно, я не успел задохнуться. Мне пришлось затаиться, потому что как раз в этот момент в яму заглянули шолкины. Они даже бросили вниз копье, и оно вонзилось на волосок от моего тела. А через пару часов я выполз из-под обломков и мусора. Должен тебе сказать, мне здорово пришлось попотеть, чтобы выбраться из ямы. Глина обваливалась, я всякий раз падал на дно. Но через десять часов мне все-таки повезло. Ну а ты-то как сюда попал?

Вольф рассказал свою историю. Кикаха нахмурился:

— Значит, я правильно рассудил, что Абиру по пути заедет к фон Элгерсу. Слушай, мы должны убраться отсюда, да побыстрее. Как ты смотришь на то, чтобы схлестнуться с этим здоровенным идшем?

Вольф сказал, что ничего не смыслит в правилах турнира, а на их усвоение ему потребуется вся жизнь.

— Ты был бы прав, если бы тебе пришлось биться с ним на копьях,— сказал Кикаха.— Но мы вызовем его состязаться на мечах и без щитов. Конечно, бой на мечах — это тебе не дуэль на рапирах или саблях; здесь требуется сила, но тебе ее не занимать!

— Но ведь я не рыцарь. Все видели, что я пришел, как простой бродяга.

— Чепуха! Ты думаешь, что дворяне не разгуливают, переодевшись нищими? Я скажу им, что ты сарацин, хамшем-язычник и мой лучший и верный друг. Я скажу, что спас тебя от дракона, или расскажу какую-нибудь другую сказку про белого бычка. И они ее проглотят, будь спокоен. Придумал! Отныне ты будешь сарацином Вольфом. Тут где-то бродит знаменитый рыцарь с таким именем. И ты путешествовал под видом бродяги в надежде найти меня и отслужить свое спасение. Я слишком изранен и не в силах преломить еще одно копьё с фунемом Лейксфалком. И это не ложь — я так оглушен и измят, что вряд ли смогу подняться,— поэтому ты принимаешь вызов вместо меня.

Роберт спросил, чем ему мотивировать отказ драться на копьях.

— Я придумаю какую-нибудь байку,— пообещал Кикаха.— Скажу, что какой-то вороватый рыцарь похитил твое любимое копьё и ты поклялся не пользоваться этим оружием, пока не вернешь украденную вещь. Они это поймут. Они каждый день дают такие бестолковые обещания. Эти ребята изображают из себя компанию рыцарей Круглого Стола короля Артура. На Земле подобных рыцарей никогда не существовало, но властителю, по-видимому, нравилось заставлять этих парней вести себя так, словно они только вчера прискакали из Камелота. Что бы они ни говорили, в душе он романтик.

Роберт сказал, что не очень-то хочет драться, но если это ускорит их отъезд к фон Элгерсу, он готов вступить в бой. Доспехи Кикахи оказались ему малы, поэтому для него принесли вооружение идшского рыцаря, которого Кикаха убил за день до этого. Слуги облачили его в голубые латы и кольчугу и подвели к прекрасной лошади опаловой масти, которая тоже прежде принадлежала поверженному Кикахой рыцарю — райтеру рода Ройтфельцеров. Почти не пользуясь помощью, Вольф влез на лошадь. Он думал, доспехи окажутся тяжелыми и его придется поднимать в седло лебедкой. Кикаха подтвердил, что когда-то давно здесь так и делали, но теперь рыцари вернулись к легким латам, а чаще обходились просто кольчугами.

Пришедший секундант объявил, что, несмотря на отсутствие верительных грамот, фунем Лейксфалк принимает вызов сарацина Вольфа. Фунему Лейксфалку вполне достаточно, что за Вольфа ручается доблестный и почтенный разбойник барон Хорст фон Хорстманн. Впрочем, речь вестника представляла собой пустую формальность. Идшский паладин и не подумал бы отвергать брошенный ему вызов.

— Здесь очень важно сохранить лицо,— пояснил Кикаха.

Он, прихрамывая, вышел из палатки и давал другу последние напутствия.

— Эх, парень, как я рад, что ты пришел. Мне не выдержать еще одно падение, но я бы не посмел отказаться.

И вновь затрубили фанфары. Опаловая кобыла и вороной конь рванулись в галоп. Они на всем скаку пронеслись мимо друг друга; всадники взмахнули мечами и с лязгом скрестили их. Вольф почувствовал, что ладонь и рука онемели, как при ударе электрическим током. Но, развернув лошадь, он увидел, что меч противника лежит на земле. Идш быстро спешился, пытаясь добраться до клинка раньше Вольфа. Он так торопился, что поскользнулся и растянулся на земле во весь рост.

Роберт не спеша подскакал к нему и неторопливо слез с лошади, позволив противнику поднять свой меч. При этом рыцарском поступке оба лагеря разразились криками одобрения. По правилам поединка Роберт мог оставить-

ся в седле и убить фунема Лейксфалка, не дав подобрать оружие.

Противники встали друг перед другом. Идшский рыцарь поднял забрало, открывая красивое лицо с густыми усами и бледно-голубыми глазами.

— Умоляю вас позволить мне увидеть ваше лицо, благородный из воинов, — сказал он. — Вы истинный рыцарь, ибо не сразили меня в минуту моей слабости.

Вольф на несколько секунд поднял забрало. После чего они ринулись в бой, и их клинки вновь скрестились. И опять удар Роберта оказался настолько мощным, что меч противника вылетел из рук.

Фунем Лейксфалк вновь поднял забрало.

— Я не могу больше пользоваться правой рукой, — сказал он. — Не разрешите ли вы мне использовать левую руку?

Роберт отсалютовал ему и отступил. Его противник сжал длинную рукоять меча и, шагнув вперед, изо всех сил нанес боковой удар. И снова ответный выпад Вольфа выбил меч могучего идша.

Фунем Лейксфалк поднял забрало в третий раз.

— Вы паладин, какого я до сих пор еще не встречал. Мне очень неприятно признавать это, но вы победили. И я подобных слов не говорил никогда, да и не думал, что когда-нибудь скажу. Вы обладаете силой самого властителя.

— Вы можете сохранить свою жизнь, свою честь, доспехи и коня, — ответил Вольф. — Я лишь хочу, чтобы мне и моему другу фон Хорстманну позволили отбыть по своим делам без дальнейших вызовов на поединок. Нам назначена неотложная встреча.

Идш обещал, что так оно и будет. Роберт вернулся в лагерь, радостно приветствуемый даже теми, кто про себя называл его хамшемской собакой.

Ликующий Кикаха приказал сворачивать лагерь, но Вольф спросил его, не думает ли он, что без свиты они могли бы передвигаться намного быстрее.

— Разумеется, но так обычно никто не делает, — ответил Кикаха. — Ладно, ты прав. Я отошлю их домой. И мы снимем с себя эти чертовы паровозные трубы.

Не успели они отъехать, как услышали стук копыт. Следом за ними по дороге скакал фунем Лейксфалк, но уже без доспехов.

— Благородные рыцари, — улыбаясь, сказал он. — Я знаю, вы отправляетесь на поиски приключений. Не будет ли слишком бестактным с моей стороны просить вашего позволения присоединиться к вам? Я бы считал это за честь для себя. Мне также кажется, что, лишь помогая вам, я могу искупить свое поражение.

Кикаха взглянул на Вольфа:

— Решать тебе. Но мне нравится его учтивость.

— Согласитесь ли вы помогать нам в чем бы то ни было? Конечно, покуда это не роняет рыцарской чести. Мы можем в любое время освободить вас от данного вами обещания, но вы должны поклясться своей святыней, что никогда не будете помогать нашим врагам.

— Клянусь Господней кровью и бородой Моисея.

Вечером, когда они располагались на ночлег в кустарнике у ручья, Кикаха сказал:

— Появление фунема Лейксфалка может вызвать некоторые осложнения. Мы должны снять краску с твоей кожи, и тебе придется сбрить бороду. Иначе при встрече Абиру тут же узнает тебя.

— Одна ложь всегда порождает другую, — проворчал Вольф. — Давай скажем фунему, что я младший сын барона, который прогнал меня, поверив клевете своего завистливого брата. С тех пор я путешествую, приняв облик сарацина. И теперь, после смерти отца, я решил вернуться в родной замок и вызвать на поединок родного дядю.

— Ну просто сказка! Ты скоро станешь вторым Кикахой. А что будет, когда он узнает про Хрисеиду и про рог?

— Что-нибудь придумаем. Возможно, даже скажем правду. Если ему не захочется идти против властителя, он всегда может отказаться.

Все следующее утро они не слезали с коней, пока не добрались до деревни Этцельбранд. Здесь Кикаха приобрел у местного белого мага какие-то химикалии для удаления краски. Выехав из деревни, маленький отряд остановился у ручья. Фунем Лейксфалк сначала с интересом,

затем с изумлением, а потом и с подозрением наблюдал, как у Вольфа исчезает борода и меняется цвет кожи.

— Божьи глаза! Я считал вас хамшемом, а теперь вы сойдете и за идша!

И тогда Кикаха за каких-то три часа поведал ему подробную историю жизни Вольфа — внебрачного сына идшской незамужней дамы и тевтонского странствующего рыцаря. Покрыв себя славой во время турнира, великий воин Роберт фон Вольфрам остановился в идшском замке. Он и дева полюбили друг друга и даже слишком сильно. Дав обет вернуться к любимой женщине по завершении странствий, рыцарь уехал и оставил Райвку беременной. Затем Вольфрам погиб, и дева носила крошку Роберта в бесчестье. Отец избил ее и навечно отправил в маленькую хамшемскую деревушку. При родах она умерла, но старая и верная служанка открыла Роберту тайну его рождения. Внебрачный ребенок поклялся, став большим, отправиться в замок родичей и предъявить права на законное наследство. И вот теперь отец Райвки умер, а замком владеет его брат, злой и мерзкий старик. Роберт хочет отнять у него баронат, если тот не отдаст владения по-хорошему.

Выслушав повесть до конца, фунем Лейксфалк смахнул набежавшие слезы.

— Я поеду с вами, Роберт, и помогу вам в борьбе против злого дяди. И лишь тогда искуплю свое поражение.

Когда они остались одни, Вольф упрекнул Кикаху за то, что тот сочинил такую фантастическую повесть, причем настолько подробную, что он теперь мог легко попасть впросак. К тому же ему ужасно не хотелось обманывать такого человека, как идшский рыцарь.

— Ерунда! Ты не можешь рассказать ему все начистоту, а ложь придумать легче, чем полуправду. Кроме того, посмотри, как он радовался своим скудным слезам! Да, я Кикаха, а «кикаха» — это обманщик, создатель фантазий и реальностей. Я не могу удержаться в границах. Я ускользаю от одних и перехожу к другим. Финнеган тут, Финнеган там. Тебе может показаться, что Кикаха умер, но нет, он появляется вновь и скалит зубы, такой же живой и неумный. Я быстрее тех, кто сильнее меня, и сильнее тех, кто быстрее. Моя верность для немногих, но она не-

рушима. Где бы мне ни довелось побывать, женщины сходят с ума от любви, и слезы льются потоками, когда я ускользаю в ночь, словно рыжеголовый призрак. Но ни слезы, ни цепи не держат меня. Я исчезаю, и никому не известно, где мой след объявится снова и каким будет мое новое имя. Меня называют Слепнем властителя, и он не может спать по ночам, потому что я ускользаю от его Очей-воронов и охотников-гворлов.

Кикаха замолчал и громко засмеялся. Вольф невольно усмехнулся в ответ. Всем своим видом Кикаха давал понять, что просто дурачится. И все же Роберт почти поверил ему. А почему бы и нет? Он не так уж преувеличивал, говоря о себе.

Эта мысль открыла путь цепочке рассуждений, которые окончательно испортили настроение Вольфа. А если под маской Кикахи скрывается сам властитель? Который развлекает себя, бегая то с зайцем, то с гончими? И разве придумаешь лучшую забаву для властителя, который на все готов, лишь бы найти что-нибудь новенькое, чем можно было разогнать свою скуку? Не слишком ли много необъяснимых вещей для одного человека?

Взглянув в глаза Кикахи, Роберт попытался найти ответы на вопросы, но почувствовал, что его сомнения исчезают. Конечно же, веселое лицо друга не могло оказаться маской отвратительного холодного существа, игравшего чужими жизнями. А этот хужеровский* акцент и идиомы Кикахи? Неужели властитель способен даже на это?

А почему бы и нет? Кикаха так же хорошо владел другими языками и диалектами.

Эти мысли не покидали Вольфа весь долгий день пути. Но обед, выпивка и веселые шутки друзей рассеяли тревогу, поэтому к вечеру он забыл о своих сомнениях.

Трое спутников остановились в таверне небольшой деревушки Гназельшист и с аппетитом поужинали. Вольф и Кикаха разделались с жареным поросенком. Но фунем Лейксфалк, несмотря на то что брился и придерживался многих либеральных взглядов относительно своей религии, отказался есть запретную свинину. Идшский барон поужинал телятиной, хотя и знал, что теленка вряд ли

* Хужеры — уроженцы штата Индиана.

резали кошерно. Друзья осушили по несколько кружек превосходного местного темного пива, и между делом Вольф в пьяной беседе поведал фунему немного отредактированную историю поисков Хрисеиды — вот уж действительно благородное дело, решили они, а затем, пошатываясь, отправились спать.

Утром небольшой отряд двинулся напрямик через холмы. Эта тропа сокращала путь на три дня — правда, если людям удавалось добираться по ней до цели. А путешествовали по этой дороге редко и обходили ее не зря, потому что здесь часто встречались разбойники и драконы. Трое друзей мчались во весь опор и не видели лесных озорников, да и дракон им попался только один. Чешуйчатое чудовище выползло из канавы в пятидесяти ярдах от них, фыркнуло и исчезло на другой стороне дороги, не меньше их желая уклониться от стычки.

Спускаясь с холма на столбовую дорогу, Вольф шепнул Кикахе:

— За нами следует ворон.

— Да-да, я знаю, не напрягайся. Они кружат повсюду над этой местностью. Но я сомневаюсь, что они нас узнали. Вернее, мне бы хотелось надеяться на это.

К полудню следующего дня они выехали на территорию владений Трегильна. А еще через двадцать четыре часа перед ними появился замок барона фон Элгерса — его чертоги и средоточие власти. Вольф впервые видел такую большую крепость. Ее построили из черного камня на самой вершине величественного холма в миле от города Трегильна.

Облачившись в доспехи и высоко подняв копы с вымпелами, трое спутников храбро поскакали вперед и остановились около рва, окружавшего огромный замок. Из небольшого блокауза вышел привратник и вежливо осведомился о причинах их появления.

— Передай благородному господину, что трое рыцарей, пользующихся доброй славой, будут рады стать его гостями,— сказал Кикаха.— Также передай, что его приветствуют бароны фон Хорстманн, фон Вольфрам и широко известный идшский барон фунем Лейксфалк Мы ищем благородного вельможу, который нанял бы нас на службу или отправил в рыцарское странствие.

Сержант окликнул капрала, и тот побежал через подземный мост. Через несколько минут из ворот выехал один из сыновей фон Элгерса — довольно красивый и роскошно одетый юноша. Когда гости оказались в огромном внутреннем дворе, Вольф увидел людей, вид которых вызвал у него тревогу: там слонялись без дела и играли в кости несколько хамшемов и шолкинов.

— Они нас не узнают, — успокоил его Кикаха. — Веселей, дружище. Если они здесь, значит, Хriseида и рог тоже в этих стенах.

Удостоверившись, что об их лошадях позаботятся, все трое поднялись в отведенные им покои. Они умылись и надели новые яркие одежды, посланные им хозяином замка. Вольф заметил, что они немного отличаются от нарядов, которые носили в тринадцатом веке. Кикаха сказал, что это, пожалуй, единственное нововведение, возникшее благодаря влиянию аборигенов.

Когда они вошли в огромный пиршественный зал, ужин был в полном разгаре. И слово «разгар» лучше всего описывало происходящее, потому что шум стоял невообразимый. Половина гостей шаталась из стороны в сторону, остальные вообще не шевелились, пройдя стадию пошатывания. Фон Элгерсу удалось приподняться и поприветствовать рыцарей. Он любезно извинился за то, что его застали в столь ранний час в таком непрезентабельном виде.

— Мы несколько дней развлекаем нашего хамшемского гостя. Он подарил нам неожиданное богатство, и мы немного потратили его, отмечая сие чудесное событие.

Барон повернулся, чтобы представить Абиру, но сделал это так быстро, что чуть не упал. Хамшем поднялся и отвесил поклон. Его черные глаза полоснули по незнакомцам, как лезвие меча; улыбка вышла широкой, но неживой. В отличие от других он выглядел абсолютно трезвым. Трое спутников заняли предложенные им места вблизи торговцев рабами. Те, кто сидел здесь раньше, немного перебрали и уже обрели покой под столом. Вольф заметил, что Абиру просто не терпится пообщаться с ними.

— Если вы действительно хотите устроиться на службу к богатому человеку, то я именно тот, кто вам нужен. За деньги барон обещал проводить меня в глубь страны,

но мне могут понадобиться верные мечи. Дорога к моей цели длинна и трудна и сопряжена со многими опасностями.

— И куда же вы держите путь? — спросил Кикаха.

Глядя на него со стороны, никто бы не подумал, что он проявляет к Абиру более чем праздный интерес, поскольку в это время фон Хорстманн с восторгом разглядывал белокурую красавицу, которая скромно сидела напротив.

— Здесь нет никакого секрета, — ответил Абиру. — Говорят, что владыка Кранзелькрахта очень странный человек, а еще говорят, что он богаче самого гроссмаршала Тевтонии.

— Я могу это подтвердить, — заметил Кикаха. — Мне однажды довелось бывать у него и видеть его сокровища. Говорят, много лет назад он дерзнул вызвать недовольство властителя и поднялся по высокой горе на ярус Атлантиды. Там он ограбил сокровищницу великого Радаманта и унес с собой целый мешок драгоценных камней. С тех пор Кранзелькрахт еще больше увеличил свое богатство, завоевав несколько соседних государств. Ходят слухи, что гроссмаршал обеспокоен этим и объявил его еретиком. Но будь это так, разве властитель не поразил бы его давным-давно своей молнией?

Абиру склонил голову и коснулся лба кончиками пальцев.

— Пути властителя неисповедимы. И кто, кроме него, знает истину? Как бы там ни было, я везу Кранзелькрахту рабов и некоторые редкости. Я надеюсь получить огромную прибыль от моего похода, и те рыцари, которые отважатся сопровождать меня, получают немало золота — не говоря уж о славе.

Абиру отвернулся, чтобы отпить из бокала вина, и Кикаха шепнул Вольфу:

— Этот человек такой же большой лжец, как и я. Он хочет с нашей помощью добраться до Кранзелькрахта, который обитает у подножия монолита. Потом он отправит Хрисиду и рог наверх, к атлантам, и те отвоят ему за них груды золота и алмазов — если, конечно, его замыслы не идут еще дальше, чем я в данный момент могу полагать. — Он поднял кружку и отпил добрую треть или сделал вид, что пьет. Со стуком опустив ее на стол, он тихо

зашептал: — Будь я проклят, если Абиру мне незнаком? Когда я его увидел в первый раз, у меня возникло такое же странное ощущение, но в то время ситуация не позволяла задуматься над этим. А теперь я знаю, что где-то видел его раньше.

Вольф ответил, что такое вполне могло быть. Ведь сколько лиц он перевидал за свое двадцатилетнее странствие!

— Возможно, ты и прав, — пробормотал Кикаха. — Хотя не думаю, что наше с ним знакомство было таким поверхностным. У меня руки чешутся — так хочется содрать его липовую бороду.

Абиру поднялся и извинился, сказав, что наступает час молитвы властителю и его личному божеству Тартартару. После исполнения обрядов он обещал вернуться. Выслушав хамшема, фон Элгерс жестом подозвал двух ратников и приказал им сопровождать гостя до его покоев, дабы как следует обеспечить безопасность дорогого Абиру. Тот поклонился и поблагодарил хозяина за заботу. От Роберта не ускользнул смысл, стоявший за вежливыми фразами барона. Фон Элгерс не доверял хамшему, и тот об этом знал. Несмотря на свой пьяный вид, барон держал ситуацию под контролем и замечал все, что выходило за рамки привычных вещей.

— Ты прав насчет него, — сказал Кикаха. — Он бы не сидел на своем месте, если бы поворачивался к врагам спиной. Но постарайся скрыть нетерпение, Боб. Нам еще долго придется ждать. Притворись пьяным, помахай ручкой дамам — тебя посчитают гомиком, если ты этого не сделаешь. Только не уходи ни с кем из них. Мы должны оставаться на виду и, когда наступит подходящий момент, уйти все вместе.

Глава 13

Вольф немного выпил, чтобы расслабиться и избавиться от неловкости и смущения. Он даже заговорил с леди Эдисон — женой барона Вензельбрихта Марча. Черноволосая, голубоглазая, величаво красивая женщина была одета в парчовое облегающее платье с таким низким вырезом, что вполне могла бы удовлетвориться тем хмеля-

щим воздействием, которое тот оказывал на мужчин, но она, ко всему прочему, без конца роняла веер и не спеша поднимала его. В любое другое время Вольф с радостью пофлиртовал бы с ней, и при этом не возникло бы никаких проблем. Баронесса слышала о его победе над фунемом Лейксфалком, и ей даже польстило бы, что великий рыцарь фон Вольфрам проявил к ней интерес. Но он мог думать лишь о Хрисеиде, которая томила где-то в стенах этого замка. Никто не говорил о ней ни слова, а он не решался расспрашивать. И все же ему так хотелось узнать о Хрисеиде, что несколько раз вопрос едва не сорвался с его языка.

Вскоре — и как раз вовремя, потому что, если бы Роберт и дальше пропускал мимо ушей смелые намеки леди Элисон, это могло бы оскорбить ее чувства — к нему на выручку пришел Кикаха. Он привел с собой барона Вензельбрихта, дав тем самым Вольфу достойный повод для ухода. Позже Кикаха признался, что с трудом оттащил мужа леди Элисон от другой женщины, и то лишь после того, как сказал, что его зовет жена. Кикаха и Вольф ушли, и оступевшему от пива барону предстояло объяснить супруге, что именно ему от нее понадобилось. А так как ни он, ни леди Элисон этого не знали, у них начался интересный, хотя и немного путанный разговор.

Роберт жестом предложил фунему Лейксфалку присоединиться к ним. Все трое пьяной походкой побрели на поиски уборной. Но едва друзья удалились из поля зрения пирующих в зале людей, они позабыли о своих мелких нуждах и, пробежав по коридору, без помех одолели четыре лестничных пролета. Появление на пиру в доспехах или с мечом считалось оскорблением, поэтому из оружия у них были только кинжалы. Однако перед ужином Вольф успел отвязать от шторы в своих покоях длинный шнур, который предусмотрительно обмотал под рубахой вокруг талии.

— Я подслушал разговор Абиру с его помощником Рамнишем, — сказал идшский рыцарь. — Они говорили на торговом языке х'вайжум, с которым я немного знаком после путешествий в джунглях по реке Газирит. Абиру спросил Рамниша, выяснил ли тот, где фон Элгерс держит Хрисеиду. Рамниш ответил, что потратил немало золота и вре-

мени, расспрашивая слуг и часовых. Но ему удалось узнать лишь то, что она находится в восточном крыле замка. Гворлы, кстати, сидят в подземной тюрьме.

— Но почему фон Элгерс забрал Хрисеиду у Абиру? — спросил Вольф. — Разве она считается собственностью торговца?

— Возможно, у барона появились на нее свои виды, — сказал Кикаха. — Если она такая необыкновенная и прекрасная, как ты говоришь...

— Мы должны ее найти!

— Не напрягайся. Мы ее найдем. Ого! В конце коридора часовой. Пошли к нему — и притворяйся пьяным.

Часовой поднял копье, когда гости, покачиваясь, приблизились к нему. Вежливо, но непреклонно он сообщил, что они должны повернуть обратно, так как барон под страхом смерти запретил пропускать сюда посторонних.

— Вот так и надо, — ответил Роберт, едва ворочая языком.

Он начал было поворачиваться — но внезапно прыгнул к часовому и выхватил у него копье. Прежде чем испуганный караульный успел раскрыть рот, его придавили к двери и древком копья пережали ему горло. Роберт надавил на древко — глаза часового выпучились, лицо побагровело, затем начало синеть. Минуту спустя он рухнул замертво.

Идш поволок тело по коридору и втащил в боковую комнату. Возвратившись, он сказал, что спрятал труп за большим сундуком.

— Очень жаль, — беззаботно отозвался Кикаха. — Он мог оказаться неплохим парнем. Но если придется прорываться с боем, у нас на пути одним человеком будет меньше.

У мертвого часового ключей от двери не оказалось.

— Вероятно, фон Элгерс — единственный, у кого они есть, и мы хлопот не оберемся, если попробуем у него их взять, — сказал Кикаха. — Ладно. Пошли в обход.

Он повел их обратно в коридор, а затем в другую комнату. Друзья вылезли в высокое стрельчатое окно. За карнизом находилось несколько выступов и камней, вырезанных в форме драконьих голов, демонов и кабанов.

Размещение украшений совершенно не гарантировало легкий подъем, но храбрый и отчаянный человек мог взобраться по ним почти до самой крыши. В пятидесяти футах под ними в свете факелов на подъемном мосту тускло поблескивала вода, заполнявшая ров. К счастью, луну закрывали густые темные облака и охрана внизу не замечала людей, карабкавшихся по стене.

Кикаха взглянул на Вольфа, который цеплялся за каменную горгулью, стоя одной ногой на голове змеи.

— Эй, Боб, я забыл тебе сказать, что барон держит в рву водяных драконов. Они не очень крупные, всего около двадцати футов длиной, и у них вообще нет ног. Но они обычно недокормленные.

— Иногда нахожу твой юмор пошлым,— сердито отозвался Роберт.— Двигай дальше.

Кикаха тихо рассмеялся и продолжал подниматься. Вольф взглянул вниз, удостоверился, что с фунемом все в порядке, и полез следом за Кикахой. Но тот остановился и сообщил:

— Здесь окно, но оно зарешеченное. Мне кажется, внутри никого нет. И там темно.

Кикаха снова полез по стене. Вольф остановился и заглянул в окно. Тьма внутри комнаты напоминала черноту в зрачке рыбьего глаза. Он просунул руку через прутья и пошарил. Пальцы нащупали подсвечник. Осторожно вынув из него свечу, он вытащил ее за решетку. Уцепившись рукой за стальной прут, Роберт повис на стене и попытался достать из маленькой сумки на поясе запасной коробок спичек.

— Что ты там застрял? — прошептал сверху Кикаха.

Роберт объяснил, в чем дело.

— Я дважды назвал имя Хрисеиды,— проворчал Кикаха.— Там никого нет. Не теряй напрасно время!

— Мне хочется убедиться в этом самому.

— Ты слишком дотошный парень, и все твое внимание расходуется по мелочам. Если срубить дерево, надо откалывать щепу побольше. Лезем дальше.

Роберт не ответил и чиркнул спичкой. Она вспыхнула и чуть не погасла на ветру, но он быстро сунул ее в окно. Язычок пламени осветил пустую спальню.

— Теперь доволен? — донесся тихий голос Кикахи. Он успел забраться довольно высоко.

— У нас осталась последняя надежда. Возможно, она в сторожевой башне. Но если и там никого нет... Тогда я просто не знаю, как... о-оу!

Потом Вольф благодарил судьбу за то, что не хотел расстаться с надеждой увидеть в этой комнате Хрисеиду. Он дал спичке догореть и выпустил ее лишь тогда, когда начало жечь пальцы. И тут, сразу после приглушенного восклицания Кикахи, на него обрушилось его тело. Удар оказался таким сильным, что он едва не вывихнул руку. Роберт охнул и повис на одной руке. Несколько секунд Кикаха, вздрагивая, цеплялся за него, затем глубоко вздохнул и снова стал подниматься. Ни тот ни другой не сказали ни слова, но оба знали: если бы не упрямство Вольфа, им бы пришел конец — Кикаха свалил бы Роберта с каменной химеры. Возможно, упал бы и фунем Лейксфалк, так как в этот момент находился как раз под Вольфом.

Большая сторожевая башня, высотой примерно в треть стены, поднималась вверх, поблескивая светом крестообразного окна. Ряды украшений заканчивались неподалеку от ее основания.

Внизу раздался громкий шум, ему вторили голоса, донесшиеся из замка. Вольф остановился и взглянул на подъемный мост. Неужели их заметили? На мосту и прилегавшей территории столпилось множество ратников и гостей. Многие держали факелы, но никто не смотрел на взбиравшихся по стене людей. Все искали кого-то в кустах и среди деревьев.

Роберт подумал, что их отсутствие обнаружили и нашли тело часового. Теперь им придется выбираться с боем. Но сначала они должны найти и освободить Хрисеиду. У них еще будет время подумать о драке.

Сверху его окликнул Кикаха:

— Боб, быстрее сюда!

Его голос был взволнован, и Вольф решил, что его друг нашел Хрисеиду. Роберт полез наверх, гораздо быстрее, чем позволял здравый смысл. Пришлось подниматься по боку выступавшей части башни, так как нижняя сторо-

на поднималась под углом вперед. Кикаха отполз от края крыши и растянулся на плоской вершине башни.

— Чтобы заглянуть в окно, тебе придется повиснуть вверх ногами, Боб. Хriseида там, одна. Но бойница слишком узкая, в нее не пролезть.

Вольф перегнулся через край бордюра башни, и Кикаха схватил его за ноги. Роберт все ниже и ниже свешивался с крыши, прижимаясь к стене. Если бы его не держали, он давно свалился бы в ров. Сквозь узкое окно Вольф увидел лицо Хriseиды — все такое же прекрасное, хотя и перевернутое вверх ногами. Она улыбалась, но по щекам ее катились слезы.

Потом он не мог вспомнить, о чем они говорили друг с другом, так как лихорадочная экзальтация сменялась холодом отчаяния и безнадежности, вслед за которым вспыхивал жар любви. Он мог бы говорить вечно. Роберт протянул руку и коснулся ладони девушки. Она тщетно тянулась к нему сквозь отверстие в толстой каменной стене.

— Не унывай, Хriseида, — прошептал он. — И знай, мы здесь. Мы никуда не уйдем без тебя, я клянусь.

— Спроси ее, где рог, — велел Кикаха.

Услышав его голос, Хriseида ответила:

— Я не знаю, но думаю, что его забрал фон Элгерс.

— А он к тебе не приставал? — свирепо спросил Вольф.

— Пока нет, но, кажется, ему не терпится затащить меня в постель, — ответила она. — Он медлит только потому, что не хочет сбивать цену, которую собирается получить за меня. Барон сказал, что никогда прежде не видел такой женщины, как я.

Роберт выругался, а потом засмеялся. Ну какая другая женщина могла быть настолько откровенной? Впрочем, в мире Сада самовосхищение считалось общепринятой нормой поведения.

— Хватит болтать ерунду, — зашипел Кикаха. — Для этого будет время, когда мы ее оттуда вытащим.

Хriseида отвечала на вопросы Вольфа по возможности сжато и точно. Ей удалось описать путь в свою комнату, но она не знала, сколько человек стояли за ее дверью и в коридорах.

— Мне известно то, о чем барон даже не догадывается, — сказала Хriseида. — Он думает, что Абиру везет меня

к фон Кранзелькрахту. Но это не так. Абиру хочет подняться на Дузвилнававу к атлантам. Он собирается продать меня самому Радаманту.

— Абиру никому тебя не продаст, потому что я его убью,— ответил Вольф.— Я должен уйти, Хресеида, но мы вернемся, и очень скоро. Я приду другим путем. Жди и знай — я люблю тебя.

Хресеида заплакала.

— Тысячу лет никто из мужчин не говорил мне этих слов! О Роберт Вольф, я тоже люблю тебя! Но мне страшно! Я...

— Ничего не бойся,— произнес он.— В этом нет нужды, пока я жив. А умирать я не собираюсь.

Он окликнул Кикаху, и тот втащил его на крышу башни. Роберт встал и чуть не упал: от прилива крови у него закружилась голова.

— Идш уже спустился,— сказал Кикаха.— Я велел ему узнать, можем ли мы вернуться тем путем, каким пришли. Он должен выяснить, отчего в замке такой переполох.

— Думаешь, из-за нас?

— По-моему, нет. Тогда охрана поспешила бы к Хресеиде. А они у нее даже не появились.

Спуск оказался более медленным и трудным, чем подъем, но Роберт и Кикаха спустились без происшествий. Фунем Лейксфалк поджидал их у окна, через которое они выбрались на стену.

— Они нашли убитого часового,— сказал он,— но нас не заподозрили. Из подземной темницы бежали гворлы. Они перебили множество ратников и забрали их оружие. Некоторым удалось с боем вырваться из замка.

Друзья выбежали из комнаты и быстро смешались с людьми, которые разыскивали гворлов. Им не удалось подняться по лестнице в башню, где сидела взаперти Хресеида. Фон Элгерт лично распорядился, чтобы охрану там увеличили в несколько раз.

Пару часов они бродили по замку, знакомясь с расположением комнат. Друзья заметили, что хотя потрясение от побега гворлов несколько отрезвило тевтонов, те по-прежнему едва стояли на ногах. Вольф предложил вернуться в их покои и обсудить план действий. Возможно, им удастся придумать что-нибудь действительно стоящее.

Их комната находилась на пятом этаже, окно располагалось ниже и наискось от бойницы сторожевой башни, где томилась Хрисеида. По пути им встретилось много мужчин и женщин, от которых разило пивом и вином; гости шатались из стороны в сторону, без удержу болтали и ничего не делали. В комнату трех рыцарей никто не входил, и ее никто не осматривал, потому что ключи были только у них и главного привратника. А тому сейчас и без них забот хватало. Но разве гворлы могли бы пройти через запертую дверь?

И все же, как только Роберт вошел в комнату, он понял, что они как-то пробрались сюда. В ноздри ударило затхлой вонью сгнивших фруктов. Он втолкнул спутников внутрь, быстро прикрыл дверь и обернулся, сжимая в руке кинжал. Кикаха тоже выхватил клинок и начал быстро осматривать комнату; его ноздри тревожно дрожали. Лишь фунем Лейксфалк ничего не понимал, хотя и он почувствовал гадкий, неприятный запах.

Вольф шепотом объяснил причину их беспокойства; идш подскочил к стене, где они оставили свои мечи, — и с удивлением застыл на месте. Подставки оказались пустыми.

Ни слова не говоря, Роберт медленно пошел в другую комнату. Кикаха последовал за ним, освещая дорогу факелом. Пламя затрепетало, по полу поползли горбатые тени. Вольф вздрогнул — ему показалось, что это гворлы.

Факел осветил комнату: тени растворились и превратились в безобидные контуры предметов.

— Они здесь, — тихо произнес Роберт, — они только что ушли. Но куда они могли деться?

Кикаха показал рукой на высокие шторы, закрывавшие окно. Вольф бросился к ним и несколько раз проткнул кинжалом пурпурную ткань. Но лезвие встречало только пустоту и каменную стену. Кикаха отдернул шторы — за ними никого не оказалось.

— Они забрались через окно, — сказал идш. — Но зачем?

В этот момент Роберт взглянул на потолок и выругался. Он отступил назад, чтобы предупредить друзей, но они уже смотрели вверх. Там, зацепившись ногами за мас-

сивный железный карниз для штор, висели вниз головой два гворла. Они держали длинные окровавленные ножи.

Один из них сжимал в руке серебряный рог.

Увидев, что их заметили, обе твари разогнули колени, ловко перекувырнулись в воздухе и мягко приземлились на ноги. Тот, что справа, пнул пяткой Вольфа. Тот прокатился по полу и вскочил, приняв боевую стойку. Кикаха сделал выпад ножом, промахнулся, и гворл почти в упор метнул нож в его руку.

Другая тварь бросила нож в фумена Лейксфалка. Лезвие попало идущу в грудь — рыцарь отлетел назад и согнулся. Но через несколько секунд выпрямился. Сквозь порванную рубашку блеснула сталь легкой кольчуги.

В этот момент гворл с рогом полез в окно. Друзья кинулись за ним, но не успели они сделать и двух шагов, как первый гворл набросился на них. Он снова сбил Роберта с ног, на этот раз кулаком. Как вихрь он налетел на Кикаху и, молотя кулаками, отогнал его назад. Идш с ножом в руке прыгнул на гворла, целясь ему в живот, но тварь перехватила его руку и выкрутила запястье — нож выпал, рыцарь застонал от боли.

Лежа на полу, Кикаха поднял голову и врезал пяткой по голени гворла. Тот упал, но перед тем как коснуться пола, оказался в объятиях Роберта. Они завертелись в странном танце, сжимая друг друга руками. Каждый пытался опрокинуть противника на спину или сбить с ног. Вольфу удалось перебросить тварь через бедро. Оба ударились о стену, но гворлу досталось сильнее: он со всего маху ахнулся затылком о каменную плиту.

Это на долю секунды оглушило его. Роберт успел крепко прижать к себе вонючее бугристое существо. Он изо всех сил сжал гворла, стараясь сломать ему позвоночник. Но тот оказался слишком мускулистым и крепким для подобного приема. В этот миг на него набросились с ножами двое других людей. Они несколько раз вонзили в него клинки и продолжали искать уязвимое место в этой жесткой, уплотненной хрящами шкуре, но Вольф оставил их.

Роберт выпустил гворла, и тот, истекая кровью, упал на пол с остекленевшим взглядом. Вольф переступил че-

рез него, выглянул в окно, высматривая убежавшего с рогом гворла. По подъемному мосту проскакал отряд всадников, который направлялся в сторону города. Свет факелов в руках воинов отразился от гладкой черной поверхности воды; отблески осветили стену, но по ней никто не спустился. Вольф повернулся к поверженному гворлу.

— Этого зовут Дискибибол, а второго называли Смилом,— сказал Кикаха.

— Смил, скорее всего, утонул,— произнес Роберт.— Даже если бы он мог плавать, его бы все равно сцапали водяные драконы. А плавать он не умел.

Вольф подумал об инструменте, который сейчас лежал в иле на дне рва.

— Мне кажется, никто не видел, как Смил упал. И значит, какое-то время рог будет в относительно безопасном месте.

В этот момент гворл заговорил. Он говорил по-немецки, но многие звуки произносил неправильно; слова, будто со скрежетом, вылетали из его горла.

— Вы умрете, люди. Властитель победит. Арвур... Властитель. Его не может победить такая мразь, как вы. Но перед смертью вы испытаете на себе самую... самую...— Он закашлялся, разбрызгивая кровь, и кашлял, пока не испустил дух.

— Нам лучше избавиться от тела,— сказал Роберт.— Мы вряд ли потом кому-нибудь объясним, что он у нас делал. А фон Элгерс может связать пропажу рога с появлением гворла в нашей комнате.

Выглянув в окно, он убедился, что поисковый отряд умчался по утоптанной дороге, ведущей в город. И по крайней мере в этот миг на мосту никого не было. Он поднял тяжелый труп и выбросил его из окна. Перевязав рану Кикахе, Вольф и идш уничтожили все следы борьбы.

После того как они закончили уборку, фунем Лейксфалк потребовал объяснений. Его лицо побледнело и стало мрачным.

— Я видел рог властителя и настаиваю, чтобы вы рассказали мне, как он попал сюда и какова ваша роль в этом... в этом богохульстве.

— Теперь самое время открыть ему правду, — произнес Кикаха. — Рассказывай ты, Боб. На сей раз мне что-то не хочется трепаться языком.

Вольф встревожился, увидев побледневшее лицо Кикахи и кровь, проступившую через толстую повязку. Тем не менее он как можно быстрее ввел идша в курс дела.

Рыцарь внимательно выслушал его, не раз прерывая рассказ вопросами и выкрикивая проклятия, когда Вольф описывал что-нибудь особенно удивительное.

— Клянусь Богом, — вымолвил он наконец. — Эта история о другом мире заставила бы меня назвать вас лжецом, если бы равнины не рассказали мне о предках и древних тевтонах, которые пришли именно оттуда. Книга Второго исхода повествует о тех же событиях и говорит о том, что властитель явился к нам из другой вселенной.

До сих пор я считал эти легенды грезами безусловно святых, но немного безумных людей. Конечно, мне и не снилось, что я когда-нибудь скажу об этом вслух — меня бы тут же забросали камнями за подобную ересь. Впрочем, я до конца и не верил этим рассказам. Всем известно, что властитель карает тех, кто не верит в него, и в этом я не сомневаюсь. Вы поставили меня в весьма затруднительное положение. Я знаю вас как самых доблестных рыцарей, которых мне когда-либо выпадало счастье встречать. И такие люди не могут лгать — за это я готов поручиться жизнью. Ваша повесть звенит истиной, как доспехи великого драконоборца фон Зильбербергла. И все же я смущен. — Он покачал головой. — Пытаться пробраться в цитадель самого властителя, чтобы нанести удар владыке мира! Это пугает меня. Первый раз в жизни я, лейб-фунем Лейксфалк, признаю, что мне страшно!

— Вы дали нам клятву, — сказал Вольф. — Теперь мы освобождаем вас от нее, но просим, чтобы ваши поступки соответствовали данному обещанию. Мы просим вас никому не рассказывать ни о нас самих, ни о цели наших странствий.

Идш рассердился:

— Но я не говорил, что собираюсь бросить вас! Я этого не сделаю — по крайней мере пока. Кое-что заставляет меня верить в правдивость произнесенных слов. Власти-

тель всемогущ, но его святой рог успел побывать и в ваших руках, и в лапах гворлов. И властитель ничего не сделал. Может быть...

Вольф заявил, что у него нет времени ждать, когда рыцарь примет решение. Рог надо найти немедленно, пока есть такая возможность. А потом, при первом удобном случае, они должны освободить Хрисеиду. Друзья прошлись по комнатам других гостей, которые все еще предавались веселью. Там они взяли три меча взамен своего оружия, выброшенного гворлами в ров. Через несколько минут они выбрались из замка, сказав охране, что отправляются в лес на поиски сбежавших преступников.

К тому времени большая часть тевтонов вернулась в замок. Трое воинов дождались момента, когда рыскавшие по лесу ратники решили, что гворлов поблизости нет, и как только последние солдаты проехали через мост, Вольф и его друзья погасили факелы. На мосту у ворот замка виднелась пара часовых, но до них было не меньше ста ярдов, и вряд ли они могли заметить в тени деревьев три крадущиеся фигуры. Кроме того, охранники увлеченно обсуждали события этой ночи и настороженно вглядывались во мрак густого леса. Они совсем недавно заступили на пост, так как во время бегства через мост прежних часовых перебили гворлы.

— Рог должен находиться как раз под нашим окном,— прошептал Роберт.— Вот только...

— Водяные драконы,— добавил Кикаха.— Они уволокли тела Смила и Дискибибола в свои норы, но поблизости могут находиться другие чудовища. Я бы нырнул, но кровь из моей раны тут же привлечет их внимание.

— Я просто рассуждаю вслух,— проворчал Вольф и начал стягивать с себя одежду.— Интересно, ров глубокий?

— Нырнешь — узнаешь,— подбодрил его Кикаха.

Вольф вдруг увидел, как свет далеких факелов на мосту отразился красными точками от чего-то темного в кустах. Словно глаза животных, подумал он. И в следующий миг троих друзей накрыла липкая и вязущая сеть. Какой-то материал закрыл глаза — и Роберт ослеп.

Он боролся яростно, но молча. Кто бы на них ни напал, Вольф не хотел поднимать на ноги обитателей замка.

И чем бы ни кончилась стычка, она не имела к тевтонам никакого отношения — это он знал наверняка.

Чем сильнее Роберт сопротивлялся, тем туже стягивала его паутина. В конце концов, задыхаясь, он оказался совершенно беспомощным. И тогда низкий скрипучий голос произнес какую-то команду. Нож рассек паутину, освободив его лицо. В тусклом свете далеких факелов Вольф увидел две высокие фигуры, обмотанные липким материалом, вокруг которых толпилась дюжина сгорбленных силуэтов. Зловоние сгнивших плодов казалось просто невыносимым.

— Я Гагрилл, здррикахгх Аббкмунг. Вы же Роберт Вольф, наш заклятый враг Кикаха и третий, которого я знать не желаю.

— Барон фунем Лейксфалк! — представился идшский рыцарь. — Освободи меня, и ты тут же узнаешь, достоин ли я знакомства с тобой, вонючая свинья.

— Молчать! Нам известно, что вам удалось расправиться с двумя моими лучшими убийцами, Смилом и Дискибиболом, — хотя какой смысл говорить об их свирепости, если они потерпели поражение от таких, как вы? Скрываясь в чаше, мы видели, как вы выбросили Дискибибола из окна. И мы видели, как Смил сорвался с рога в ров. — Гагрилл помолчал. — Ты, Вольф, отправишься в эти воды за рогом и принесешь его нам. Если ты добудешь его, то, клянусь честью властителя, я освобожу всех троих. Властитель приказал привести к нему Кикаху, но рог ему нужнее. К тому же он приказал не убивать его, даже если он попытается бежать. И мы повинемся властителю, потому что он — величайший убийца во вселенной.

— А если я откажусь? — спросил Вольф. — Ров кишит драконами, и меня там поджидает почти верная смерть.

— Если откажешься, погибнешь наверняка.

Роберт задумался. Ему пришлось признать, что гворлам не откажешь в логике. Они ничего не знали о доблести идша и его отношении к делу, поэтому не могли позволить ему отправиться за рогом — он мог и не вернуться. Ценность Кикахи уступала лишь рогу. Кроме того, его ранили, и кровь могла привлечь водяных драконов. А Вольф, если ему дорог его друг Кикаха, обязательно вернется.

Гворлы, конечно, не могли быть уверены в искренности их дружбы, но считали риск вполне оправданным.

Одно Роберт знал наверняка — ни один гворл не рискнет сунуться в такую глубину, если для этого можно найти кого-то другого.

— Хорошо,— произнес Роберт — Развяжи меня, и я пойду за рогом. Но дайте мне хотя бы нож для защиты от драконов.

— Нет,— ответил Гагрилл.

Вольф пожал плечами. После того как его освободили из сети-паутины, он разделся, оставив на себе только рубашку. Она прикрывала обмотанный вокруг талии шнур.

— Не делай этого, Боб! — закричал Кикаха.— Гворлам можно доверять не больше, чем их хозяину. Они отберут у тебя рог, а потом сделают с нами все, что захотят. И они будут смеяться над тобой, заставив работать на себя.

— У меня нет выбора,— ответил Роберт.— Если я найду рог, то вернусь. Если мне не удастся вернуться, ты будешь знать, что я погиб.

— Ты погибнешь в любом случае,— возразил Кикаха.

Раздался глухой удар. Кикаха выругался слабым голосом.

— Если ты скажешь еще что-нибудь, Кикаха,— пригрозил Гагрилл,— я отрежу тебе язык. Властитель этого не запрещал.

Глава 14

Вольф взглянул на окно, по-прежнему освещенное факелами. Он вошел в воду, довольно прохладную, но не ледяную. Ноги погрузились в густой клейкий ил; казалось, гниющая плоть множества трупов стала частью этой грязи. Он подумал о плавающих в глубине ящерах. Ему крепко повезет, если их не окажется рядом. Однако, если они сейчас поглощены трапезой — объедают тела Смила и Дискибибола... Впрочем, лучше на время забыть о драконах и заняться делом.

Ширина рва достигала в этом месте двухсот ярдов. Вольф доплыл до середины и оглянулся, рассматривая берег. С такого расстояния гворлов уже не было видно.

Но, значит, и они не видели Роберта. К тому же Гагрилл не ограничил его во времени. Однако Вольф знал, что если он не вернется до рассвета, то уже не найдет друзей на берегу.

Он нырнул в том месте, куда падал свет из окна. С каждым гребком он опускался все ниже, и вода становилась все холоднее и холоднее. Уши заложило, потом возникла сильная боль. Он выпустил воздух из легких, чтобы ослабить давление, но это почти не помогло. И когда Роберту уже казалось, что барабанные перепонки лопнут, если он спустится ниже, его руки коснулись мягкого ила. Преодолевая желание всплыть на поверхность и избавиться от давления в ушах и глотнуть воздуха, Вольф пошарил руками по дну, но ничего не нашел, кроме ила и чьей-то острой кости. Он заставил себя искать до тех пор, пока не почувствовал, что начинает задыхаться.

Дважды Вольф поднимался на поверхность и снова нырял в глубину. Он понял, что может вообще не найти рог, если даже тот и лежит на дне. Вода была такой мутной, что он мог проплыть в дюйме от него и никогда не узнать об этом. Более того, Смил, видимо, отбросил рог при падении, или водяной дракон мог утащить труп вместе с инструментом в нору и проглотить.

Прежде чем погрузиться в воду в третий раз, Вольф отплыл немного вправо от зоны предыдущих поисков. Он нырнул под прямым углом — вернее, надеялся, что нырнул именно так, поскольку во тьме почти не различал направления. Его руки вспахали ил; он почти касался дна телом, обшаривая пространство вокруг себя, и вдруг его пальцы коснулись холодного металла. Роберт провел ладонью по предмету и нащупал семь маленьких клавиш.

Выбравшись на поверхность, он жадно глотнул воздуха и медленно поплыл назад. Он все больше надеялся на благополучный исход дела: водяные драконы пока не появлялись.

Его удивила полная темнота вокруг, и он забыл об огромных ящерах. Все исчезло — огни факелов на подъемном мосту, слабые проблески луны в гуще облаков, свет из окна над головой.

Вольф заставил себя плыть дальше, размышляя, что произошло. Вместе со светом пропал и ветер; воздух казался застоявшимся, как в склепе. А значит, он мог находиться только в одном месте, и судьба рассудила так, что, вынырнув на поверхность, Роберт оказался именно здесь. Ему повезло, что он поднимался со дна под косым углом.

Некоторое время Вольф не мог понять, где берег и замок, но, сделав еще несколько гребков, он определил направление. Его руки коснулись камня — каменных блоков стены. Двигаясь на ощупь, он обнаружил, что стена изгибается. За плавным изгибом Роберт наткнулся на то, что и надеялся найти. Он нащупал каменные ступени, которые поднимались из воды и вели куда-то наверх.

Роберт медленно поднимался по лестнице, вытянув вперед руку и ощупывая ногой каждый камень. Преодолев двадцать ступеней, он дошел до конца лестницы и увидел коридор, высеченный в скале.

Фон Элгерс или те, кто строил замок, позаботились о потайном ходе. Отверстие в стене ниже уровня воды привело Роберта в небольшую заводь, а затем и в помещения крепости. Теперь он мог пройти незамеченным в замок. Но Вольф не знал, что делать дальше. Может быть, вернуть сначала рог гворлам? А потом он и его спутники проникнут этим путем в обитель барона и разыщут Хрисеиду?

Однако Роберт сомневался, что Гагрилл сдержит слово. Даже если гворлы отпустят пленников, им придется плыть сюда, и кровь из раны Кикахи привлечет водяных драконов. Они погибнут, и у Хрисеиды не останется надежды на спасение. Но оставить Кикаху на берегу и пробираться в замок вдвоем с фунемом тоже нельзя: на рассвете раненого обнаружит стража. Конечно, он может спрятаться в лесу, но там на него могут наткнуться охотники, прочесывающие лес. А этого не миновать, если слуги обнаружат исчезновение трех чужеземных рыцарей.

Вольф решил осмотреть коридор. Ему не хотелось упустить такую возможность. До зари он должен сделать все, что в его силах. Если ничего не получится, он вернется к гворлам с рогом.

А инструмент? Нет смысла брать его с собой. Если Роберта схватят без рога, он может выкупить за него свою жизнь.

Вольф вернулся к лестнице, ступени которой уходили под воду. Он нырнул на дно и оставил рог в иле на глубине около десяти футов.

Вновь выйдя в коридор, Роберт прошел по нему и обнаружил винтовую лестницу, ведущую вверх. Считая ступени, он добрался до пятого этажа. На каждом повороте Вольф ощупывал стену, ища дверь или потайную пружину, но под руку ничего не попадалось.

Где-то на высоте седьмого этажа он заметил вырвавшийся из отверстия в стене крошечный лучик света. Нагнувшись, он заглянул в небольшую щелку. В дальнем конце комнаты за столом восседал барон фон Элгерс. Напротив него расположился Абиру.

Лицо барона покраснелось, но не только от выпитого вина.

— И это все, что ты мне хотел сказать, хамшем? — сердито закричал он на Абиру. — Или ты заберешь рог у гворлов, или я сниму твою голову с плеч! Но сначала тебя бросят в темницу! А там у меня есть любопытные железные устройства, которые могут тебя очень заинтересовать!

Абиру встал. Несмотря на темную кожу, его лицо побледнело так же, как покраснелось лицо барона.

— Поверьте мне, ваша светлость, если рог захватили действительно гворлы, он будет возвращен. Им не удастся уйти с ним далеко — если он только действительно у них. Мы легко выследим их банду. Сами знаете, за людей они сойти не могут. К тому же они так глупы...

Барон взревел, вскочил на ноги и треснул кулаком по столу.

— Глупы! Они оказались достаточно умны, чтобы вырваться из своей подземной тюрьмы, а я готов был поклясться, что этого никому не удастся сделать! Они нашли мои покои и забрали рог! А ты называешь их глупыми!

— По крайней мере, они не похитили девушку, — сказал Абиру. — И я получу за нее свои деньги. Она принесет мне сказочное богатство.

— Она тебе ничего не принесет! Девушка моя!

Абиру свирепо взглянул на него и закричал:

— Хрисеида принадлежит мне! Я завладел ею с риском для жизни и пошел на огромные расходы, чтобы доставить ее сюда. Я имею полное право. Да кто, ты, наконец, — человек чести или вор?

Фон Элгерс ударил его наотмашь и сбил с ног. Потирая щеку, Абиру тут же вскочил и, без страха взглянув на барона, спросил твердым голосом:

— А как насчет моих драгоценностей?

— Они находятся в моем замке! — закричал барон. — А все, что находится в этих стенах, принадлежит фон Элгерсу!

Он пропал из поля зрения Вольфа — очевидно, открыл дверь. Барон кликнул охрану, и ратники, вбежав в комнату, поволокли Абиру под руки в коридор.

— Тебе еще повезло, что я не убил тебя! — в ярости кричал ему вслед барон. — По доброте своей я сохранил тебе жизнь, жалкий пес! Тебе следовало бы пасть на колени и благодарить меня за это! Сейчас же убирайся прочь из моего замка! Если мне донесут, что ты не спешишь покинуть мои владения, я повешу тебя на ближайшем дереве!

Абиру ничего не ответил; дверь закрылась. Какое-то время барон расхаживал взад и вперед по комнате, затем вдруг двинулся к стене, за которой находился Вольф. Роберт отпрянул от щели и отступил на несколько ступеней вниз. Он надеялся, что избрал для отхода верное направление. Если барон вздумает спускаться по лестнице, Вольфу придется вернуться к воде и даже, возможно, вновь выплыть в ров. Но ему почему-то казалось, что владелец замка отправится наверх.

На секунду свет пропал. В отверстии показался большой палец барона — и часть стены отъехала в сторону. Факел в руке фон Элгерса осветил винтовую лестницу. Роберт пригнулся в тени за поворотом. Затем свет начал слабеть: барон поднимался по лестнице — и Вольф последовал за ним.

Он не мог следить за фон Элгерсом все время. Ему приходилось прятаться на поворотах лестницы — а вдруг барон надумает оглянуться? И Роберт не увидел, как фон Элгерс

покинул лестницу. Лишь оказавшись в полной темноте, он сообразил, что барон исчез.

Вольф быстро спустился в комнату, из которой вышел барон, и остановился у глазка. Просунув в него палец, он приподнял вверх небольшую пластину. Вместе с ней поднялась щеколда, замок щелкнул, и перед Вольфом открылась дверь. Ее внутренняя сторона представляла собой часть стены огромных покоев барона. Вольф шагнул в комнату, взял с подставки для оружия тонкий восьмидюймовый кинжал и снова вернулся на лестницу. Закрыв за собой дверь, он двинулся наверх.

Вокруг царил кромешный мрак, и у Вольфа не было никаких ориентиров. Он даже сомневался, что остановился в том месте, где стоял фон Элгерс. Он наспех прикинул расстояние от себя до хозяина замка, когда тот исчез, и ему не оставалось ничего другого, как только попытаться отыскать на ощупь устройство, с помощью которого барон открыл дверь. Роберт приложил ухо к стене, надеясь услышать голоса, но стены хранили молчание.

Его пальцы скользили по кирпичам и крошившейся от старости известке, пока не наткнулись на деревянную панель. Но то оказалась широкая и высокая дверь — и никаких признаков потайного замка.

Он поднялся еще на несколько ступеней и снова ощупал стену. На гладкой поверхности кирпичей не оказалось ни рычагов, ни пружин. Вольф вернулся к стене напротив и ощупал каменные блоки. Ничего.

С ума сойти. Вольф знал: барон отправился в комнату Хрисеиды не для того, чтобы поболтать. Роберт сбежал на несколько ступеней вниз, ощупал стены и вновь ничего не нашел.

Он опять исследовал стены вокруг панели, а затем в отчаянии навалился на дверь. Та даже не шелохнулась. На миг ему захотелось заколотить по ней кулаками. И если бы барон отправился выяснять причину шума, то Вольф мог бы напасть на него сверху.

Но Вольф отбросил эту мысль. Барон слишком хитер, чтобы попасться на такой дешевый трюк. Он вряд ли позовет кого-то на помощь — не пожелает никому открыть секрет потайного прохода. Фон Элгерс может воспользо-

ваться обычным выходом. Конечно, часовой, стоящий за дверью покоев Хрисеиды, удивится внезапному появлению барона. Но он, скорее всего, подумает, что хозяин вошел к пленнице до смены караула. А если охрана начнет проявлять любопытство, барон заткнет им рот на веки веков. Вольф навалился на дверь с другой стороны, и та распахнулась. Она не запиралась на замок, просто требовалось нажать на определенную сторону панели.

Он тихо застонал — как он не догадался об этом сразу? Роберт сделал шаг вперед. Внутри оказалось темно — он попал в небольшую комнату, напоминающую чулан. Все стены, кроме одной, были выложены из блоков известняка. В деревянной перегородке торчал металлический прут. Прежде чем взяться за него, Вольф приложил ухо к доскам двери. До него донеслись приглушенные голоса — слишком слабые, чтобы понять, кому они принадлежали.

Потянув на себя прут, Роберт привел дверь в движение. С кинжалом в руке он переступил порог и вошел в большое помещение, построенное из крупных блоков. Здесь стояла большая кровать с четырьмя резными столбиками из черного глянцевого дерева и ярко-розовым балдахином с кисточками. За ней виднелось узкое крестообразное окно, через которое он осматривал эту комнату вечером.

Фон Элгерс стоял к нему спиной. Барон сжимал в объятиях Хрисеиду и тащил ее к кровати. Девушка, закрыв глаза, откинула голову назад, уклоняясь от поцелуев негодяя. Вольф отметил, что оба они были одеты.

Он бросился к барону, схватил его за плечи и рванул. Тот выпустил Хрисеиду и потянулся за кинжалом, но вспомнил, что не принес с собой оружия. Очевидно, он боялся, что Хрисеида заколет его при удобном случае.

Раскрасневшееся лицо барона начало сереть. Рот задергался, но от изумления и страха он не успел позвать на помощь стражников, которые стояли за дверью.

И Вольф не дал ему такой возможности. Он отбросил кинжал и ударил барона кулаком в подбородок. Фон Элгерс повалился на пол и лишился чувств. Роберт не терял времени зря. Пройдя мимо побледневшей и удивленной Хрисеиды, он оторвал от простыни две полоски. Меньшую

он затолкал в рот фон Элгерса, а большой связал барону руки. Взвалив обмякшее тело на плечо, он повернулся к Хрисеиде и сказал:

— Пошли. Поговорим потом.

Перед уходом Вольф объяснил Хрисеиде, как закрыть за ними дверь. Ему не хотелось, чтобы о расположении тайного хода стало известно сразу в тот миг, когда слуги, обеспокоенные долгим отсутствием барона, в конце концов ворвутся сюда. Хрисеида шла за ним и несла факел, освещая ступени, ведущие вниз. Когда они подошли к воде, Вольф рассказал ей о своем плане побега. Но сначала он отправился за рогом. Достав инструмент со дна, Роберт зачерпнул воду в ладони и плеснул в лицо барону. Увидев, что пленник открыл глаза, он поведал ему о том, что им предстояло сделать.

Фон Элгерс отрицательно замотал головой.

— Либо вы отправляетесь с нами в качестве заложника, рискуя стать добычей водяных драконов, либо умрете прямо сейчас. Каков ваш выбор?

Барон кивнул. Вольф освободил ему руки, но привязал к лодыжке конец шнура. Все трое вошли в воду. Приблизившись к стене, фон Элгерс нырнул. Хрисеида и Вольф последовали за ним. Беглецы проплыли под стеной, край которой находился на четыре фута ниже уровня воды. Вынырнув на другой стороне, Роберт взглянул на исчезающие тучи. Небо прояснялось, а значит, луна скоро всю засияет зеленым светом.

Выполняя указание, барон и Хрисеида поплыли наискось к противоположной стене рва. Вольф плыл последним, держа конец шнура в руке. В такой связке они не могли передвигаться быстро. Через пятнадцать минут луна уйдет за монолит, и с другой стороны появится солнце. У Роберта почти не оставалось времени на осуществление своего плана, но в случае спешки он мог потерять контроль над бароном.

Вольф хотел выбраться на берег в ста ярдах от того места, где его ожидали гворлы и плененные друзья. Еще несколько минут, и они скроются за поворотом замка, и тогда, даже если луна выйдет из-за туч, их не увидят ни гворлы, ни часовые на мосту. Но такой маршрут таил

огромную опасность, и каждую секунду их могли обнаружить драконы.

Когда до цели оставалось не больше двадцати ярдов, Роберт вдруг почувствовал какое-то движение в воде. Он обернулся и увидел, что поверхность немного вспучилась и его настигает большая волна. Вольф согнул ноги, изо всех сил ударил ими обо что-то твердое и прочное. Сила удара была такова, что Роберт отскочил в сторону, выпустив конец шнура. Огромная туша проскользнула под ним и Хрисеидой, наткнулась на фон Элгерса — и исчезла в глубине вместе с заложником Вольфа.

Позабыв об уговоре плыть как можно тише, беглецы гребли изо всех сил. И только достигнув берега, взобравшись на небольшой откос и спрятавшись за деревом, Роберт и Хрисеида перевели дух. Жадно хватая воздух ртами, они прильнули к стволу.

Но времени не оставалось, и Вольф не мог ждать, пока отдышится. Через несколько минут из-за Дузвилнавы появится солнце. Роберт велел Хрисеиде спрятаться. Если он не придет после появления солнца, то не придет очень долго, если вообще придет. В этом случае ей придется затаиться на время в лесу, а потом поступить, как подскажет сердце.

Хрисеида умоляла Вольфа не уходить. Мысль о том, что она останется здесь совершенно одна, казалась ей невыносимой.

— Я должен идти, — ответил он, отдавая ей второй кинжал, который хранил за импровизированным поясом — связанными узлом полами рубашки.

— Если тебя убьют, я заколю себя, — прошептала она.

Роберт чувствовал мучительную боль и сожаление от того, что оставлял ее здесь без помощи, но по-другому он поступить не мог.

— Лучше убей меня, — рыдала Хрисеида. — Я вынесла столько бед — и не выдержу новых.

Вольф коснулся губами ее губ.

— Ты выдержишь и это, — сказал он — Ты сильнее, чем прежде. Ты даже не подозревала, какой сильной была. Посмотри на себя. Не моргнув глазом, ты произносишь такие слова, как «смерть» и «убивать».

Пригнувшись, Вольф побежал к тому месту, где оставил друзей и гворлов. Когда до цели оставалось около двадцати ярдов, он остановился и затаил дыхание. Но ничего не слышал, кроме крика ночной птицы и приглушенных пьяных воплей из замка. Встав на четвереньки и зажав кинжал в зубах, он пополз к берегу напротив освещенного окна их комнаты. В любую секунду Вольф ждал появления тошнотворного запаха и группы темных теней на фоне бледнеющей ночи.

Но на берегу никого не оказалось. Лишь остатки серой блестящей и клейкой сети говорили о том, что гворлы ждали его именно здесь.

Вольф заметался по берегу. Но когда стало ясно, что больше никаких следов нет и выползающее из-за горы солнце выдаст его охране на мосту, Роберт вернулся к Хрисеиде. Она прильнула к нему и всхлипнула.

— Видишь, я все-таки пришел, — сказал он. — Но сейчас мы должны уходить.

— Ты поведешь меня к Океану?

— Нет, мы отправимся вслед за моими друзьями.

Обойдя замок, они двинулись к монолиту. Отсутствие барона скоро заметят, и тогда на много миль вокруг укрыться будет негде. Да и гворлы, поняв это, сейчас спешат к Дузвилнававе. Конечно, им хотелось заполучить рог, но оставаться около замка они не могли. Скорее всего, гворлы решили, что Вольф утонул и его сожрали драконы. Поэтому они смирились с потерей инструмента, рассчитывая вернуться за ним немного позже.

Вольф неудержимо рвался вперед. Делая в пути лишь короткие остановки для отдыха, они наконец достигли густого леса Раухвальд. Там им пришлось ползком пробираться под спутанными ветвями терновника и преодолевать непролазные кусты. Суставы ныли, колени кровоточили, и в конце концов Хрисеида рухнула без сил. Вольф собрал несколько горстей ягод. Они проспали всю ночь, а утром вновь пустились в путь на четвереньках. К тому времени, когда Роберт и Хрисеида преодолели Раухвальд, на их телах не осталось живого места. Но, несмотря на опасения Вольфа, на другой стороне леса их никто не ждал.

Это и еще одно обстоятельство несказанно обрадовали его. Он наткнулся на доказательство того, что гворлы тоже шли этой дорогой. На колючках терновника они находили клочки жесткой шерсти и обрывки ткани. Несомненно, это Кикаха специально отмечал путь на тот случай, если Вольф последует за ними.

Глава 15

Через месяц Вольф и Хрисеида добрались до подножия монолита Дузвилनावавы. Они знали, что находятся на верном пути, так как до них доходили слухи о гворлах. Им даже довелось говорить с людьми, которые видели чудищ издалека.

— Не понимаю, почему гворлы ушли без рога,— недоумевал Вольф.— Может быть, они собираются спрятаться в пещере на склоне горы, а затем вернуться, когда их перестанут искать.

— Или, возможно, они имеют приказ властителя,— добавила Хрисеида.— Приказ привести к нему сначала Кикаху. Он надоел ему, как насекомое в ухе, и властитель, наверное, приходит в бешенство при одной лишь мысли о нем. Очевидно, он хочет убрать Кикаху с дороги перед тем, как отправить гворлов за рогом.

Вольф согласился с ней. И может быть, властитель сам собирался спуститься из дворца по тросам, которыми пользовались гворлы. Хотя это казалось маловероятным — властитель побоялся бы застрять здесь навсегда. Он не мог доверять своим гворлам. А вдруг они отказались бы поднимать его назад?

Роберт осмотрел величественные вершины Дузвилनावавы — на этой горе мог бы уместиться целый континент. По словам Кикахи, ее высота в два раза превышала монолит Абхарплунта, который поддерживал ярус Дракландии. Она тянулась ввысь более чем на шестьдесят тысяч футов, а существа, обитавшие на карнизах, в нишах и пещерах, не уступали в мерзости и кровожадности стражам других монолитов. На поверхности Дузвилनावавы, неровной, иссеченной ветрами и дождем, изрезанной трещинами, имелась огромная впадина, похожая на темный зеваю-

щий рот — казалось, некий гигант готов проглотить любого, кто осмелится досаждать ему.

Осмотрев дикие скалы и оценив их неописуемую высоту, Хрисеида невольно поежилась. Она ничего не сказала, так как давно перестала жаловаться и выказывать страх.

Может быть, она беспокоилась не за себя, подумал Вольф, а за жизнь, которая зарождалась в ней. Хрисеида не сомневалась в своей беременности.

Он обнял ее и поцеловал.

— Я хотел бы начать подъем немедленно, но нам придется потратить несколько дней на приготовления. Мы не справимся с этим чудовищем, если не отдохнем как следует и не запасем еды.

Три дня спустя, облаченные в прочную одежду из оленьей кожи, заготовив веревки, оружие, крюки для восхождения и мехи с водой и едой, они начали подъем. Рог Вольф положил в мягкий кожаный мешок за спиной.

Через девяносто один день они достигли примерно середины пути. Чуть ли не на каждом шагу им приходилось сражаться с гладкой вертикалью, непрочными предательскими скалами и многочисленными хищниками: змеями-многоножками, одну из которых они видели на Таяфаяводе, волками с огромными цепкими лапами, каменными обезьянами размером со страуса и мелкими, но смертельно опасными глотопадами.

Роберт и Хрисеида добрались до вершины Дузвилнавavy. Через сто восемьдесят шесть дней с начала путешествия. Оба они изменились и душой, и телом Вольф еще больше сбросил вес, но в то же время к его силе прибавилась удивительная выносливость. На лице и теле появились шрамы, оставленные глотопадами, каменными обезьянами и топороклювами. Его ненависть к властителю стала еще сильнее, когда примерно на высоте десяти тысяч футов у Хрисеиды произошел выкидыш. Этого следовало ожидать, но, не будь в их жизни властителя, им бы не пришлось карабкаться вверх по чудовищной скале.

Еще до подъема на монолит испытания, выпавшие на долю Хрисеиды, закалили ее физически и психически, но неприятности, поджидавшие их на Дузвилнававе, превосходили прежние беды, и Роберт боялся, что она может не

выдержать. Однако Хрисеида оказалась на редкость мужественной, и Вольф окончательно убедился в том, что у нее сильный характер. Тысячелетнее влияние беззаботной жизни в Саду сошло, как старая кожа. Покорив монолит, Хрисеида вновь превратилась в ту женщину, которую вырвали из жестокой и суровой жизни древних эгейцев. Но теперь она стала намного мудрее.

Добравшись до вершины монолита, Вольф решил несколько дней посвятить отдыху. Он охотился, подтягивал луки, заготавливал стрелы и без устали высматривал в небе орлиц. После разговора с Фтией недалеко от разрушенного города у реки Газирит он больше не встречался с ними. Но ни одна красноголовая птица с зелеными перьями так и не появилась, и, тяжело вздохнув, Роберт решил пробираться через джунгли. Как и в Дракландии, края грани покрывал тысячемильный пояс непроходимых лесов. За ними начиналась Атлантида. Если не считать площади, занимаемой монолитом в центре яруса, на его территории могли бы разместиться Германия и Франция.

Роберту хотелось рассмотреть колонну, на которой находился дворец властителя. Кикаха говорил, что его можно увидеть с края грани. Но весь горизонт застилало огромное темное облако, которое кромсали яркие молнии. Идак-виззурхруз скрывала мгла. И сколько бы раз Вольф ни поднимался на высокие холмы или ни забирался на исполинские деревья, он так его и не увидел. Прошла неделя, но грозовые облака продолжали окутывать саваном каменный столп. Это встревожило Роберта: за все три с половиной года, прожитые на этой планете, он не видел такой грозы.

Прошло пятнадцать дней, а на шестнадцатый, пробираясь по узкой заросшей тропе, они нашли обезглавленный труп. В ярде от тела в кустах лежала покрытая тюрбаном голова хамшема.

— Значит, Абиру тоже идет по следу гворлов, — задумчиво произнес Вольф. — Может быть, покинув замок фон Элгерса, гворлы унесли его сокровища. Или он думает, что рог находится у них.

Через полторы мили они наткнулись на хамшема с распоротым животом, из которого торчали внутренности, и

человек был еще жив. Вольф попытался расспросить его, но понял, что несчастный уже отходит в мир иной. Он избавил его от мук, заметив, что Хрисида при этом даже не отвернулась. Роберт заткнул за пояс нож и подобрал кривую хамшемскую саблю. Он чувствовал, что она ему скоро пригодится.

А еще через полчаса Вольф услышал впереди крики. Путешественники поспешили укрыться в кустах. Вскоре на тропу выбежали Абиру и два хамшема, а за ними по пятам вприпрыжку неслась смерть в образе трех приземистых негроидов с разрисованными лицами и длинными курчавыми, выкрашенными в алый цвет бородами. Один из них метнул копье — оно мелькнуло в воздухе и вонзилось в спину хамшема. Тот без звука рухнул наземь и заскользил по мягкой влажной земле, как парусник, уплывающий в вечность, с копьем в спине вместо мачты. Двое его приятелей решили принять бой и остановились.

Вольф был восхищен ловкостью и мужеством, с которыми сражался Абиру. Вскоре его спутник пал с копьем в груди, но Абиру продолжал махать саблей. Он убил двух дикарей, а третий обратился в бегство. Как только негроид исчез, Вольф бесшумно подкрался к хамшему сзади и ударил его ребром ладони по руке. Хамшем выронил ятаган.

Увидев Вольфа, он так испугался и удивился, что потерял дар речи. А при виде вышедшей из кустов Хрисида еще больше выпучил глаза. Не дожидаясь, когда Абиру придет в себя, Вольф спросил его, что здесь происходит, и тот, сделав над собой усилие, заговорил. Все произошло так, как Роберт и предполагал. Преследуя гворлов со своими людьми и множеством шолкинов, в нескольких милях отсюда Абиру настиг их. Вернее, гворлы устроили своим преследователям засаду, и в ходе стычки добрая треть хамшемов погибла или была ранена. Гворлы же, которые метали ножи из-за деревьев и кустов, обошлись без потерь.

Хамшемы дрогнули и побежали, надеясь сразиться с гворлами в более удобном месте — если таковое попадетсЯ на пути. Но внезапно беглецы и преследователи наткнулись на орду черных дикарей.

— И скоро кто-нибудь из них вернется за тобой, — заметил Роберт. — А что произошло с Кикахой и фунемом Лейксфалком?

— О Кикахе я ничего не знаю. С гворлами его нет. А вот идшский рыцарь с ними.

Вольф задумался. Что делать с Абиру? Вольф привык убивать противника в честном бою. К тому же ему хотелось как следует расспросить хамшема обо всем. Роберт чувствовал, что работоторговец не тот, за кого себя выдает. Подталкивая пленника острием ятагана, Вольф повел его по тропе. Абиру заупрямился и закричал, что их могут убить, но Вольф приказал ему заткнуться. Через несколько минут послышались крики и стоны. Путники перебрались через мелкий ручей и оказались у подножия крутого высокого холма.

Каменистую поверхность изредка разнообразила скудная растительность. Вдоль тропы, выходящей вверх по холму, валялись мертвые и раненые гворлы, хамшемы, шолкины и дикари. Почти у самой вершины, окруженные кольцом черных тел, прижавшись к скале под двумя нависающими огромными камнями, сражались трое — гворл, хамшем и идшский барон. Не успели Вольф и Хресеида ступить на тропу, как хамшемский воин пал, пронзенный несколькими копьями, наконечники которых напоминали размерами лопату. Вольф велел Хрсеиде вернуться. В ответ она натянула тетиву и выпустила стрелу. Один из дикарей покати́лся по склону с древком в спине.

Вольф мрачно усмехнулся и тоже натянул свой лук. Выбирая тех, кто находился с краю толпы, они с Хрсеидой сумели уложить двенадцать дикарей. И тут их заметили: один из дикарей случайно оглянулся и увидел упавшего собрата. Он закричал и начал дергать за руки тех, кто стоял рядом. Дикари завопили и, потрясая копьями, помчались вниз. Большая часть чернокожих продолжала атаковать гворла и идша. Прежде чем дикари добежали до середины склона, четверо из них свалились на землю.

Затем еще трое упали, пронзенные стрелами, и, перелетев через голову, покати́лись вниз. Оставшиеся шестеро потеряли желание вступать в рукопашный бой. Они остановились и метнули в лучников копия, но расстояние ока-

залось слишком большим, и те, без труда увернувшись, ловко и хладнокровно подстрелили еще четверых. Двое уцелевших вопя побежали назад. Но добраться до своих им не удалось, хотя один из туземцев получил ранение лишь в ногу.

К тому времени пал гворл. Фунем Лейксфалк остался один против сорока дикарей. Его небольшое преимущество заключалось в том, что негроиды могли нападать на него только по двое. Стены из валунов и баррикада из трупов не позволяли наброситься на него всем сразу. Фунем Лейксфалк проворно орудовал окровавленным ятаганом и громко пел боевую идшскую песню.

Вольф и Хрисеида нашли небольшое укрытие за двумя обломками скалы и возобновили атаку с тыла. Когда пятеро дикарей упало замертво, колчаны стрелков опустели.

— Вытаскивай стрелы из трупов и используй их вновь! — закричал Роберт. — А я пойду ему на помощь.

Он подобрал копье и побежал к вершине, надеясь, что дикари в пылу схватки не заметят его. Обогнув холм, Вольф увидел двух дикарей, затаившихся на валунах. Навес из огромных камней мешал им прыгнуть на спину рыцаря, и они ждали момента, когда он выйдет из-под своей защиты.

Роберт метнул копье и попал одному из них в ягодицу. Дикарь закричал и свалился со скалы, надо полагать, прямо на своих сородичей. Другой вскочил, повернулся — и, получив удар ножом в живот, упал со скалы спиной вниз.

Вольф нашел камень побольше и потащил его к краю скалы. Подняв камень над головой, он подошел к обрыву и, крикнув, бросил глыбу вниз. Услышав крик, туземцы подняли головы — и увидели летящий на них камень. Он проломил головы по крайней мере троим и покатился вниз по холму. Остальные в панике начали разбегаться. Возможно, они решили, что Вольф не один. Или недисциплинированные воины дрогнули, заметив свои огромные потери. Вид перебитых стрелами сородичей усилил общую панику.

Роберт надеялся, что они не вернутся. Чтобы подлить масла в огонь, он спрыгнул вниз, схватил все тот же валун и кинул его вдогонку убежавшим. Тот запрыгал вниз

по склону словно волк за кроликами, и, перед тем как достичь подножия, раздавил одного из беглецов.

Хрисеида, укрывшись за скалой, выпустила вслед дикарям еще две стрелы.

Вольф повернулся к барону — тот лежал на земле с копьем в груди. Его лицо было серым, из раны струилась кровь.

— Это вы! — слабо воскликнул он. — Человек из другого мира! Вы видели, как я сражался?

— Я видел все. Вы бились, как истинный воин Иисуса, мой друг. Мне никогда еще не доводилось присутствовать при столь великом сражении. Наверное, вы убили не меньше двадцати врагов.

— Двадцать пять. Я считал.

Фунем Лейксфалк едва заметно улыбнулся, затем его улыбка стала шире.

— Мы оба чуть-чуть преувеличили истину, как сказал бы наш друг Кикаха. Впрочем, это действительно был великий бой. Я сожалею лишь о том, что пришлось сражаться одному, без друзей, почти безоружным, и никто не узнает, как фунем Лейксфалк покрыл свое имя славой — неважно, что ему пришлось биться с ордой вопящих голых дикарей.

— Люди узнают о вас, — ответил Роберт. — Когда-нибудь я расскажу им об этом.

Ему не хотелось давать пустых обещаний. И Вольф, и идш знали, что смерть подстерегает их за любым поворотом, нетерпеливо вынюхивая след.

— Скажите, вам известно, что случилось с Кикахой? — спросил Роберт.

— А-а, с этим ловкачом? Однажды ночью он избавился от своих цепей. Кикаха попытался освободить и меня, но ему это не удалось. И он ушел, пообещав вернуться и выручить меня. Наверное, он так и сделает, но будет слишком поздно.

Вольф окинул взглядом холм. По склону поднималась Хрисеида, неся несколько извлеченных из трупов стрел. Оставшиеся в живых дикари столпились у подножия и оживленно заговорили между собой. Из джунглей показалась еще одна группа чернокожих, спешивших на помощь

своим сородичам. Вскоре отряд туземцев снова насчитывал сорок воинов. Главным у них был человек, облаченный в перья и страшную деревянную маску. Он трещал трещоткой, прыгал взад и вперед и, похоже, что-то говорил.

Идш спросил Роберта, что происходит. Тот рассказал ему о том, что видел. Идшский рыцарь что-то тихо зашептал.

— Больше всего на свете мне хотелось сразаться рядом с вами, барон Вольф, — услышал Вольф, склонившись к самым губам барона. — О, какой прекрасной была бы пара благородных рыцарей... в доспехах, с могучими мечами... S'iz kalt.

Его губы перестали шевелиться и начали синеть. Роберт встал и огляделся. Со всех сторон к вершине холма двигались дикари, отрезав путь к отступлению. Вольф стал перетаскивать тела и складывать их штабелями. В глубине души он надеялся, что негроиды станут нападать на него по одному или хотя бы по двое. И если он перебьет пару десятков, они поостынут и уберутся восвояси. Эта слабая надежда не имела под собой никаких оснований — слишком уж упорны были дикари, и даже большие потери могли не устроить их. Кроме того, они могли окружить холм и дожидаться, пока голод и жажда выгонят Вольфа и Хрисеиду из убежища. Добравшись до середины холма, туземцы остановились. Человек в деревянной маске что-то прокричал — и они вновь быстро полезли вверх по склону. Роберт и Хрисеида ждали. Наконец брошенные копья зазвенели о края валунов и вонзились в баррикаду из мертвых. Вольф выстрелил дважды, Хрисеида — трижды. И каждая стрела попала точно в цель.

Роберт выпустил последнюю стрелу. Она вонзилась в маску вождя, и тот кубарем покатился вниз. Однако вскоре он вновь стоял на ногах. Не обращая внимания на кровь, струящуюся из-под маски, вождь опять повел своих воинов в атаку.

И вдруг из джунглей донесся жуткий вой. Дикари остановились, обернулись и застыли, всматриваясь в окружающие холм зеленые заросли. И вновь откуда-то из-за деревьев раздался вой и, постепенно слабея, утих.

Из джунглей выбежал человек с волосами цвета бронзы, одетый в набедренную повязку из леопардовой шкуры.

В правой руке он сжимал копьё, в другой держал длинный нож. На одном плече у него висело лассо, на другом — лук и колчан со стрелами. И тут из леса хлынула лавина обезьян, громадных, длинноруких, с мощной грудью и острыми клыками.

При виде их дикари закричали и попытались укрыться на другой стороне холма, но оттуда на них неслась другая обезьянья лавина. Точно две волосатые челюсти сомкнулись, пожирая черные тела.

Бой закончился быстро. Несколько обезьян упали с копьями в животах, а большая часть дикарей, покидав оружие, бросилась наутек. Оставшиеся дрожа распластались по земле — их было двенадцать.

Вольф с облегчением рассмеялся.

— Как же тебя зовут на этом ярусе? — прокричал он человеку в леопардовой шкуре.

Кикаха усмехнулся:

— Сам догадайся. Но только с первой попытки.

Увидев барона, он перестал улыбаться.

— Черт! Мне потребовалось слишком много времени, чтобы найти обезьян и привести их сюда! Он был хорошим парнем, этот идш, и мне нравилась его учтивость. Ах, черт! Так или иначе, я обещал ему, если он погибнет, отвезти его прах в замок предков. И я сдержу обещание — правда, не сейчас. Мы еще не закончили свои дела.

Кикаха подозвал несколько обезьян и представил им Роберта.

— Как видишь, они больше похожи на твоего друга Ипсева, чем на обычных обезьян. Ноги у них длиннее, а руки короче. Подобно Ипсеvu и в отличие от больших обезьян любимого автора моего детства, у них человеческий мозг. Эти ребята ненавидят властителя за то, что он сделал с ними. И хотят не только отомстить ему, но и обрести возможность еще раз погулять в человеческих телах.

Только теперь Роберт вспомнил про Абиру. Его нигде не было. Очевидно, он убежал в джунгли, когда Вольф бросился на помощь фунему Лейксфалку.

Ночью, сидя у костра и лакомясь жареным мясом оленя, Роберт и Хрисеида слышали историю о катаклизме, который сотрясал Атлантиду.

Все началось со строительства нового храма, который задумал возвести Радамант, владыка Атлантиды, дабы прославить властителя. Его решено было построить выше любого известного на планете здания. Строить храм Радамант согнал все население страны. Он возводил этаж за этажом, словно хотел достичь самого неба.

Люди спрашивали друг друга, когда же наступит конец работе. Все жили как рабы, с одной лишь целью — строить. Но никто не смел роптать в открытую. Солдаты Радаманта убивали всякого, кто пытался возражать или не мог трудиться. И вскоре стало ясно, что в безумном мозгу Радаманта крылась не только идея строительства храма. Владыке Атлантиды понадобилось воздвигнуть башню, чтобы взять приступом небесный дворец властителя.

— Здание высотой в тридцать тысяч футов? — удивленно спросил Вольф.

— Да. Конечно, проект немислимый, даже с технологией атлантов. Но Радамант совсем потерял голову. Он действительно планировал штурм дворца. Возможно, его поощряло многолетнее отсутствие властителя, и он решил, что слухи о его исчезновении верны. Вороны отговаривали его, но ему казалось, что они лгут, перестраховываются.

Кикаха сказал, что стихийные бедствия, разрушающие Атлантиду, нечто большее, чем месть властителя за дерзкое высокомерие Радаманта. По-видимому, властитель в конце концов раскрыл секреты устройств, которые находились во дворце.

Исчезнувший властитель принял меры предосторожности, чтобы новый владелец небес не мог манипулировать законами этого мира. Властителю удалось узнать, где находится устройство для вызова бури. И доказательством тому — гигантские ураганы, торнадо и непрерывный ливень, смывавший почву. Разгневанный властитель решил избавиться от жизни на этом ярусе.

Навстречу путешественникам двигался нарастающий поток беженцев, которые рассказывали об огромных зданиях, разрушенных ветром; о людях, унесенных ураганом; о потопах, смывающих не только деревья и живые существа, но даже большие холмы.

Чем дальше шел отряд Кикахи, тем сильнее становился ветер, и вскоре путешественники с трудом преодолевали его напор. Над ними клубились облака, ливень сек тела, со всех сторон ослепительно сверкали молнии.

Но иногда дождь прекращался и молнии гасли. Энергия устройств, используемых Арвуром, истощалась, и, прежде чем вновь пустить в ход, их приходилось перезаряжать. В периоды сравнительного затишья идти становилось легче, и отряд медленно, но верно продвигался вперед. Они переправлялись через вышедшие из берегов реки, в водах которых плыли останки цивилизации — обломки домов, деревья, мебель, колесницы, тела мужчин, женщин и детей, трупы собак, лошадей, птиц и диких животных. Леса завалило вывороченными с корнем или расщепленными молнией деревьями. Все долины остались под водой; низины заполняли грязные потоки. В воздухе стояла душливая вонь.

Но когда путешественники прошли добрую половину пути, тучи начали рассеиваться. Они вновь увидели солнце, но лучи его падали на безмолвную мертвую землю. Лишь шум воды и крики чудом уцелевших птиц разбивали могильное надгробие тишины. Иногда по их спинам пробегал холодок от воя сошедших с ума людей.

С неба исчезли последние тучи. Впереди засверкал белый монолит Идаквиззурхруза, до которого нужно было идти еще миль триста по равнине, лишенной горизонта. Город атлантов или то, что от него осталось, виднелся на расстоянии сотни миль. И потребовалось двадцать дней, чтобы добраться до его окраин.

— А властитель нас может заметить? — как-то спросил Роберт.

— Наверное, может — через какой-нибудь телескоп. Я рад, что ты заговорил об этом — нам действительно лучше идти по ночам. Впрочем, он и так о нас узнает. — И Кикаха показал на пролетавшего ворона.

Проходя через развалины столицы, путешественники оказались неподалеку от императорского зоопарка Радаманта, где чудом уцелело несколько клеток. В одной из них сидела орлица. На загаженном полу валялись кости, перья и черепа: запертым в клетке птицам, обреченным

на голодную смерть, пришлось поедать друг друга. Источенная, слабая и несчастная орлица печально сидела на высоком насесте.

Вольф открыл клетку. И не успели они с Кикахой заговорить с орлицей Армонидой, как та попыталась напасть на них. Но Роберт бросил ей несколько кусков мяса и, пока птица насыщалась, рассказал ей о цели путешествия. Армонида обозвала его лжецом и заявила, что он преследует какую-то свою человеческую, а следовательно, недобрую цель. Но, выслушав Роберта до конца, орлица оставила подозрения — она поверила человеку. И когда Вольф сказал, что у него есть план мести властителю, ее тусклые глаза засветились: идея проникнуть во дворец владыки мира воодушевила ее больше, чем мясо.

Три дня Армонида оставалась со своими спасителями, отъедалась, набиралась сил и запоминала слова, которые требовалось передать Подарге.

— Ты увидишь гибель властителя и вернешь себе молодое прекрасное женское тело,— говорил ей Вольф.— Но только в том случае, если Подарга выполнит нашу просьбу.

Армонида прыгнула с утеса и, взмахнув крыльями, начала набирать высоту. Вскоре она превратилась в черную точку и через миг растворилась в зеленом небе.

Роберт и его отряд укрылись в буреломе и с наступлением темноты отправились дальше. Что-то изменилось — и теперь лидером отряда был Вольф. Прежде, с всеобщего молчаливого согласия, бразды правления держал Кикаха. Однако что-то произошло, и теперь решения стал принимать Вольф. Он сам не понимал, как это случилось. Кикаха, по-прежнему шумный и энергичный, безропотно уступил власть Роберту, который отнюдь не стремился к такому положению дел. Ситуация выглядела так, будто Кикаха только и ждал, когда Вольф узнает от него все, что нужно, а затем добровольно уступил ему свое место.

Они продвигались только по ночам и за это время увидели лишь несколько воронов. Очевидно, в такой близости к монолиту путники находились под пристальным наблюдением самого властителя. А возможно, он просто не ожидал, что кто-то посмеет вторгнуться на эту терри-

торию после того, как его гнев разрешился столь чудовищной катастрофой.

Вскоре отряд подошел к огромной груде развалин башни Радаманта. Здесь они нашли столько металла, что его с лихвой хватило для осуществления плана Роберта. Но возникло две проблемы: где раздобыть достаточное количество еды и как скрыть шум при распилке и ковке металла в их маленьких потаенных кузницах. Обнаружив склад зерна и сушеного мяса, они решили первую проблему. Большую часть запасов уничтожил пожар, а затем потоп, но уцелевших продуктов могло хватить на несколько недель. Со второй проблемой они управились, работая в глубоких подземных мастерских. На рытье туннелей ушло пять дней, но сроки пока не волновали Вольфа. Он понимал, что пройдет немало времени, прежде чем Армонида доберется до Подарги — если только вообще доберется. В пути с ней может случиться все, что угодно, не исключая и нападения воронов.

— Что будет, если она не долетит? — спросила как-то раз Хрисеида.

— Тогда мы придумаем что-нибудь еще, — ответил Роберт. Он погладил рог и нажал на семь маленьких клавиш. — Кикаха помнит, где находятся врата, через которые он покинул дворец. Мы можем воспользоваться ими. Хотя из этого, скорее всего, ничего не получится. Нынешний властитель не так глуп и наверняка выставил там надежную охрану.

Прошло три недели. Еды оставалось так мало, что нескольких обезьян пришлось отправить на охоту. Опасность подстерегала путешественников даже ночью: поблизости всегда мог оказаться какой-нибудь ворон. Кроме того, Вольф догадывался, что у властителя есть приборы ночного видения.

В конце четвертой недели Роберт решил отказаться от своих расчетов на Подаргу. Либо Армонида не добралась до нее, либо хозяйка орлиц отказалась ее выслушать.

Ночью, сидя под огромной пластиной, согнутой из стали, он задумчиво смотрел на луну и вдруг услышал хлопанье крыльев. Вольф взглянул в темное небо. В лунном свете мелькнула бледная тень — и перед ним опустилась

Подарга. За ней виднелось множество крылатых силуэтов, и сияние луны отражалось в желтых клювах и пылавших огнем свирепых глазах.

Вольф провел гостей вниз по туннелю в большое помещение. В свете маленьких костров он вновь взглянул на трагически прекрасное лицо гарпии. Но теперь, готовясь нанести властителю ответный удар, Подарга светилась счастьем. Ее стая принесла запас еды, и, пока птицы отдыхали, Роберт объяснил гарпии свой план. Когда они обсуждали детали, одна из обезьян, охранявших вход, привела человека. Она поймала его, когда он крался по руинам. Пленником оказался хамшем Абиру.

— Это несчастье для тебя и печальное событие для меня, — произнес Вольф. — Я не могу связать тебя и оставить здесь. Если ты сбежишь и донесешь о нас воронам, властитель будет предупрежден заранее. Поэтому ты должен умереть — если, конечно, тебе не удастся убедить меня в обратном.

Абиру взглянул ему в глаза и увидел там свою смерть.

— Очень хорошо, — ответил он. — Но я не хочу и не буду говорить перед всеми. Поверь мне, я должен переговорить с тобой наедине. Речь идет не только о моей жизни, но и о твоей.

— Мне нечего скрывать от присутствующих, — ответил Роберт. — Рассказывай.

Кикаха нагнулся к уху Вольфа и прошептал:

— Лучше сделай, как он говорит.

Слова друга удивили Вольфа. К нему вернулись сомнения насчет истинного лица Кикахи. Обе просьбы казались настолько странными и неожиданными, что у него на миг возникло чувство неестественной отстраненности. Он как будто уплывал куда-то от всех.

— Если никто не возражает, я хотел бы выслушать его наедине, — произнес Вольф.

Подарга нахмурилась и открыла рот. Но не успела она ничего сказать, как ее перебил Кикаха:

— О Великая, настало время для доверия. Ты должна поверить нам и положиться на судьбу. Неужели ты хочешь упустить единственную возможность отомстить и вернуть себе человеческое тело? Нам нужна твоя помощь. Но если ты сейчас вмешаешься, все пропало.

— Я не знаю, что здесь затевается, но чувствую, что меня хотят обмануть,— сказала Подарга.— Я сделаю, как ты скажешь, Кикаха, ибо я знаю тебя и верю, что ты злейший враг властителя. Но не испытывай моего терпения слишком долго.

И тут Кикаха прошептал Вольфу нечто еще более странное:

— Я узнал Абиру. Меня вводила в заблуждение его борода и краска на коже. К тому же я двадцать лет не слышал его голоса.

Сердце Роберта забилося от смутного и тревожного предчувствия. Он взял ятаган и проводил Абиру, которому связали руки, в маленькую комнату. И здесь он выслушал его.

Глава 16

Через час Вольф вернулся. Он выглядел совершенно ошеломленным.

— Абиру пойдет с нами,— сказал он.— Он может оказаться очень полезным. А сейчас нам нужны каждые лишние руки. К тому же Абиру многое знает.

— Ты не хотел бы объясниться? — спросила Подарга.

Она сузила глаза, на ее лице застыла маска бешенства.

— Нет, не хочу и не буду,— ответил Вольф.— Я как никогда уверен в себе и в победе. Но не устали ли твои орлицы, Подарга? Они летели сюда всю ночь. Может быть, дать им отдохнуть до завтрашней ночи?

Гарпия ответила, что они готовы хоть сейчас выполнить любое поручение. Она не хотела оставаться здесь ни минуты.

Роберт отдал распоряжения. Кикаха передал их обезьянам, которые подчинялись только ему. Они вынесли наружу большие металлические брусья и веревки, остальные последовали за ними.

В ярком свете луны они скрепили тонкие, но крепкие брусья крест-накрест. Люди и пятьдесят обезьян залезли в плетеные люльки, прикрепленные к крестовинам, и на всякий случай привязались ремнями. Одни орлицы взяли за веревки, продетые в кольца на концах брус-

ев, другие за канаты, привязанные к перекрестиям. Вольф подал сигнал. И хотя возможности потренироваться не было, все птицы разом захлопали крыльями, оторвались от земли и медленно взлетели. Вольф с Кикахой рассчитали, что для того, чтобы набрать высоту, длина канатов должна составлять не меньше пятидесяти футов, и лишь тогда птицы могли бы поднять конструкции с привязанными к ним пассажирами.

Вольф почувствовал внезапный рывок и оттолкнулся ногами от земли. Крестовина накренилась, несколько люлек едва не врезались в соседние брусья, но Подарга, взлетевшая выше всех, быстро отдала необходимые распоряжения. Орлицы стали подтягивать канаты, и равновесие мало-помалу восстановилось. Через несколько секунд все крестовины оказались на одном уровне.

На земле этот план не удался бы. Птица размером с орлицу могла бы подняться в воздух, лишь спикировав с высокого утеса. Но и тогда ей не хватило бы скорости полета — она бы все больше теряла высоту, пока не рухнула бы на землю. Однако властитель наделил орлиц мышцами, сила которых соответствовала их весу.

Они поднимались все выше и выше. Бледная поверхность монолита в миле от них мерцала в лунном свете. Роберт впился в ремни своей люльки и посмотрел на других. Хriseида и Кикаха помахали ему. Абиру не пошевелился. Руины великой башни Радаманта становились все меньше и меньше. Поблизости не было видно ни одного ворона, а значит, никто не мог предупредить властителя. Но чтобы этого не случилось, орлицы, которым не досталось нести живой груз, развернулись в воздухе широкой цепью. Казалось, они заполнили все пространство; от громкого хлопанья крыльев у Вольфа заложило уши, и ему почудилось, что этот шум разносится на много миль вокруг.

Теперь он мог одним взглядом окинуть опустошенную Атлантиду, которая раскинулась вниз. Вскоре стал виден край яруса, под которым лежала Дракландия — огромный темный полудиск. Через несколько часов показался массив Америкиндии — и снова край яруса. Сад Океана казался таким далеким, что почти не был виден.

Здесь, на этой высоте, монолит был настолько узок, что можно было видеть сразу и луну, и солнце. Пока орлицы летели в тени Идаквиззурхруза. Но это не могло продолжаться долго. Вскоре появится солнце, и первый же ворон увидит их за много миль. Поэтому птицы подлетели к монолиту поближе, и теперь их мог заметить только тот, кто стоял бы на самом краю грани.

Через четыре с лишним часа, как раз в тот момент, когда стаи коснулись первые лучи солнца, они оказались у вершины. Прямо у края яруса начинался сад властителя неопишуемой красоты. За ним возвышались башни, минареты, арочные и кружевные конструкции дворца высотой футов двести, который занимал, по словам Ки-кахи, больше трехсот акров.

Но путешественники не успели полюбоваться чудесным зрелищем: вороны в саду подняли гвалт. Сотни любимиц Подарги налетели на них и стали рвать в клочья. Другие птицы устремились к многочисленным окнам, намереваясь ворваться внутрь и отыскать властителя.

Роберт заметил, что многим из них это удалось, — но тут начали действовать ловушки. Пролетая в проемы, птицы с громким треском вспыхивали и, обугленные до костей, падали с карнизов на землю, на крыши беседок и арки переходов.

Люди и обезьяны выбрались из люлек недалеко от ромбовидных ворот из розовых каменных плит, украшенных рубинами. Орлицы выпустили из когтей канаты и собрались возле Подарги, ожидая ее приказаний.

Вольф отвязал канаты от металлических колец на поперечных балках, поднял крестовину над головой и, отойдя на несколько шагов от ромбовидного проема, метнул в него стальной крест. Одна переключина влетела в проход, а перпендикулярная ей штанга зацепилась за косяк.

Ворота объяло пламя. Грохот оглушил Вольфа. Рядом с ним вспыхнули дуги электрических разрядов. Внезапно из дверей дворца повалил дым, и молнии исчезли. Разрядное устройство либо сгорело от перегрузки, либо временно отключилось.

Роберт быстро осмотрелся. Из всех входов рвалось пламя или валил дым от перегоревших блоков защиты. Орли-

цы хватали перекладыны люлек и бросали их в окна наверху. Вольф перепрыгнул через лужу раскаленной добела жидкости, оставшуюся от металлических балок, и ворвался в здание. К нему присоединились Хрисеида и Кикаха, вбежавшие в другую дверь. За Кикахой ввалилась толпа гигантских обезьян с мечами и боевыми топорами.

— Ты начинаешь вспоминать? — спросил Кикаха.

Вольф кивнул:

— Еще не все, но надеюсь, пока и этого хватит. Где Абиру?

— За ним присматривают Подарга и пара обезьян. Он может воспользоваться ситуацией и навредить нам.

Роберт повел отряд через зал, настенные фрески которого вызвали бы восторг и благоговение даже у самых разборчивых землян. В дальнем конце помещения находился низкий проем, края которого покрывала ажурная сеть из мерцающего голубоватого металла. Не успели путешественники подойти к нему, как под потолком пронесся ворон, пытавшийся скрыться от настигавшей его орлицы.

Птица юркнула в проход — и наткнулась на невидимый экран. В мгновение она превратилась в мелкие кусочки мяса, костей и перьев. Летевшая следом орлица пронзительно закричала и попыталась увернуться, но по инерции проскочила в проем — и ее тоже разрезало на мелкие кусочки.

Вольф осторожно подошел к проходу.

— Теперь все должно быть в порядке, — сказал он. — Хорошо, что ворон первым активировал экран. Я о нем совсем забыл.

На всякий случай Роберт выставил вперед меч, но сообразил, что ловушка, вероятно, настроена на живую материю. Оставалось лишь довериться возвращавшейся памяти. Он шагнул вперед и почувствовал только слабое дуновение ветерка. Остальные последовали за ним.

— Властитель сидит в центре дворца — там, где расположен пульт управления обороной, — сказал Вольф. — Часть охраны рубежей работает автоматически, но остальной аппаратурой он может управлять сам — если, конечно, уже выяснил, как она действует. Впрочем, времени для этого у него было достаточно.

Они прошли не меньше мили по коридорам и комнатам, которые человек со вкусом мог бы рассматривать несколько дней. Время от времени грохот и крики подсказывали им, что где-то во дворце сработала еще одна ловушка.

Раз двенадцать Вольф останавливал отряд. Хмурясь, о чем-то думал, словно вспоминал, и, вспомнив, улыбался. Потом сдвигал какую-нибудь картину под определенным углом или касался какого-нибудь места на фреске: глаза раскрашенного дикаря, рога буйвола на пейзаже Америкиндии или рукоятки меча в ножнах тевтонского рыцаря на батальной картине. И отряд двигался дальше.

Наконец Вольф подозвал к себе орлицу.

— Приведи Подаргу и остальных, — велел он. — Им больше не надо жертвовать собой. Я знаю дорогу. — Он обернулся к Кикахе: — С каждой минутой мое *deja vu* становится сильнее. Я почти ничего и не помню — только некоторые детали.

— Но пока они имеют решающее значение, нам больше ничего и не нужно, — улыбнулся Кикаха. Его лицо светилось упоением боя. — Теперь ты понимаешь, почему я не смел объявиться здесь раньше? Наглости у меня хоть отбавляй, но не хватало знаний.

— Ничего не понимаю, — сказала Хрисеида.

Роберт привлек ее к себе и сжал в объятиях.

— Скоро ты все узнаешь — если только нам удастся победить. Мне придется многое рассказать, а тебе многое простить.

Внезапно дверная панель перед ними отъехала в сторону, и в комнату с лязгом шагнул человек в доспехах. В одной руке он держал огромный топор, размахивая им, словно перышком.

— Это не человек! — закричал Вольф. — Это один из голосов властителя!

— Робот! — воскликнул Кикаха.

Да, робот, подумал Вольф, но не совсем такой, как он представляет себе Кикаха. Робот состоял не только из стали, пластика и электрических проводов. Наполовину он представлял собой протеиновое существо, созданное в биобанках властителя. Робот обладал потрясающей жиз-

неспособностью, недоступной для неодушевленных машин. В этом была его сила и в то же время слабость.

Вольф быстро отдал необходимые распоряжения, и Ки-каха приказал стоявшим позади обезьянам подчиниться Роберту. Двенадцать обезьян вышли вперед и, встав бок о бок, одновременно метнули в толоса боевые топоры. Тот попытался уклониться, но несколько топоров попали в цель — и если бы не доспехи, разнесли бы механического человека на части. Робот упал, перекатился и попытался встать. Но Вольф подбежал к нему и ударил ятаганом по шее. Клинок сломался, даже не поцарапав металл. Но толос снова рухнул.

Роберт отбросил оружие, обхватил робота за пояс и поднял. Лишенное голосовых связок, бронированное существо молча отбивалось. Вольф ударил толоса о стену, и чудище в доспехах рухнуло на пол. Когда робот вновь стал подниматься на ноги, Вольф выхватил кинжал и вонзил его в одно из глазных отверстий. Раздался треск, кончик ножа обломился, и бронированный кулак отбросил Роберта в сторону. Но Вольф тут же снова подскочил к противнику, схватил металлическую руку, вывернул ее и перебросил робота через плечо. После чего поднял толоса и, подбежав к окну, бросил с четвертого этажа головой вниз.

Толос несколько раз перевернулся в воздухе и с лязгом грянулся о землю. Несколько мгновений он лежал, как сломанная игрушка, и вдруг снова стал подниматься. Роберт позвал орлиц, сидевших на высокой арке. Они вспорхнули, спланировали вниз — две пары когтей вцепились в руки толоса и подняли его в воздух. Но, очевидно, он оказался слишком тяжелым, и птицы спустились вниз, неся робота в нескольких дюймах от земли. Они полетели над травой между арок и замысловатых резных колонн к краю монолита, с которого намеревались сбросить свой груз. Вряд ли доспехи толоса выдержали бы силу удара при падении с высоты тридцати тысяч футов.

Где бы ни прятался властитель, он видел гибель выпущенного им толоса. Дверь вновь отъехала в сторону, и в комнату вошло еще двадцать роботов с топорами. Вольф велел обезьянам приниматься за дело, и те опять начали

метать топоры, сбивая толосов с ног. Обезьяны, каждая размером поболее гориллы, бросались в атаку и наседали на толосов небольшими группами. И хотя андроиды были гораздо сильнее обезьян, но вдвое уступали им в численности. Пока одна обезьяна боролась с роботами, другая хватала голову-шлем и сворачивала ее набок. Металл трещал, шейные соединения лопались с резким звуком, шлемы катились по полу, и из них вытекала жидкость, напоминающая сукровицу. Обезглавленных толосов поднимали, передавали из рук в руки и выбрасывали из окон. А орлицы уносили их за край яруса.

И все же семь обезьян погибли: одни пали под ударами топоров, другим андроиды открутили головы. Быстро обучавшиеся протеиновые мозги полуавтоматов заставляли своих хозяев слепо имитировать действия противников — словно это могло им помочь.

Расправившись с роботами, отряд вышел в коридор. И вдруг спереди и сзади, откуда-то сверху начали опускаться толстые металлические листы. Вольф вспомнил об этой ловушке только тогда, когда перегородки поползли вниз. Они двигались довольно быстро, но Вольф успел опрокинуть мраморную статую вместе с пьедесталом. Конец упавшей колонны угодил прямо под перегородку и помешал ей полностью закрыться. Край металлической пластины начал медленно крошить камень пьедестала. Люди и обезьяны быстро выползли на спинах через сокращавшуюся щель. Коридор начало заливать водой. Если бы перегородка успела закрыться, всех ожидала бы неминуемая гибель.

Бредя по колено в воде, они прошли по другому коридору и поднялись еще на один лестничный марш. Вольф остановился у окна и метнул в него топор. Убедившись, что система защиты обезврежена, он выглянул наружу и подозвал к себе орлиц. После того как скользящие плиты преградили им путь, птицы выбрались наружу и пытались найти другой маршрут.

— Мы приближаемся к центру дворца, — сообщил всем Роберт. — Здесь в одной из комнат находится властитель. Начиная с этого места, в стенах коридоров установлены дюжины лазерных установок. Лучи создают заслон, через

который никто из нас живым не пройдет. — Он помолчал и добавил: — Властитель может сидеть там вечно. Лазеры потребляют очень мало энергии, а еды и питья ему хватит, чтобы выдержать самую долгую осаду. Но есть одно старое военное правило, которое гласит: любую оборону, какой бы внушительной она ни казалась, можно прорвать, если найти правильное направление атаки. — Вольф повернулся к Кикахе. — Когда тебе пришлось отправиться через врата на ярус Атлантиды, ты оставил полумесяц здесь. Может быть, ты помнишь, где он лежит?

Кикаха усмехнулся:

— Конечно! Я сунул его под статую в комнате, которая находится неподалеку от бассейна. А вдруг его нашли гворлы?

— Тогда мне придется придумать что-то еще. Надо посмотреть — может быть, нам удастся найти полумесяц.

— Что ты задумал? — тихо спросил Кикаха.

Роберт объяснил, что у Артура есть путь к отступлению. Насколько он помнил, в центре управления находится полумесяц, вделанный в пол, и здесь же хранилось несколько запасных половинок. Каждая из них, входя в контакт с неподвижным полумесяцем, открывала врата во вселенную, на которую была наведена. Но ни одна из этих половинок не обеспечивала доступ на другие уровни многоярусной планеты. И только рог мог открывать врата между ними.

— Хорошо, — согласился Кикаха. — Но даже если мы и найдем полумесяц — какая нам от него польза? Его надо совместить с другой половинкой. А где ее взять? И потом — любой, кто воспользуется кругом, тут же окажется на Земле.

Вольф ткнул пальцем в кожаный мешок, который висел у него за спиной.

— У меня есть рог.

Друзья зашагали по коридору. Подарга бросилась за ними.

— Что вы затеваете? — свирепо закричала она.

Вольф ответил, что пытаются найти способ проникнуть в центр управления, и попросил Подаргу остаться за старшую, пока их не будет. Но она не согласилась, сказав,

что чем ближе они подходят к властителю, тем больше ей хочется не спускать с них глаз. И если они задумали пробраться в покои хозяина дворца, им придется взять ее с собой. Гарпия напомнила Вольфу, что когда-то он пообещал отдать ей властителя, чтобы она могла сделать с ним все, что пожелает. Вольф только пожал плечами и двинулся дальше.

Они отыскивали комнату со статуей, под которой Кикаха спрятал полумесяц, но во время битвы обезьян и гворлов ее сбросили с пьедестала. По всей комнате валялись трупы. Вольф замер от удивления. С тех пор как они вступили во дворец, он не видел ни одного гворла и считал, что все они погибли во время боя с дикарями. По-видимому, властитель отправил за Кикахой только часть своих помощников.

— Полумесяц исчез! — воскликнул Кикаха.

— Удивляться нечему — прошло столько лет, — произнес Вольф. — Но, скорее всего, половинки забрали после того, как статую свалили. И я, кажется, знаю, кто присвоил полумесяц. Вы видели Абиру?

Воспользовавшись суматохой в начале штурма, Абиру скрылся, и гарпия, которой поручили не спускать с него глаз, больше его не видела.

Кикаха и Роберт помчались к лаборатории. Подарга, растопырив крылья, поспешила следом. Пробежав по коридорам около трех тысяч футов, Вольф остановился у двери лаборатории и с трудом отдышался.

— Ваннакс мог уже добраться до центра управления и уйти, — сказал Роберт. — Но возможно, он еще складывает полумесяцы, и если мы хотим застать его врасплох, нам надо подкрасться незаметно.

— Ваннакс? — переспросила Подарга.

Роберт выругался про себя. Ему не хотелось до поры до времени раскрывать личность Абиру. Подарга так ненавидела властителя, что тут же убила бы его. А Вольфу он был нужен живым, так как мог оказаться весьма полезным в поисках властителя. За помощь Роберт обещал отправить его в другой мир, чтобы тот еще раз мог попытаться счастья. Ваннакс поведал Вольфу о том, как ему удалось вернуться в эту вселенную.

После того как Кикаха (а тогда Финнеган) по воле случая прошел через круг, забрав с собой полумесяц, Ваннакс, не жалея сил, продолжал поиски другой половинки, и удача улыбнулась ему в скобяной лавке города Пеория, штат Иллинойс. Как он туда попал и какой властитель потерял его на Земле, никто никогда уже не узнает. Несомненно одно: в разных местах на Земле хранились и другие полумесяцы. С помощью найденной половинки он прошел через врата, расположенные на ярусе Американдии. Затем Ваннакс поднялся по Абхарплунте в Хамшем, и ему повезло еще раз — он захватил гворлов, Хрисеиду и рог. После этого он отправился в Атлантиду, надеясь так или иначе проникнуть во дворец.

— Старая поговорка гласит: нельзя доверять властителю,— прошептал Вольф.

— Что ты сказал? — вскричала Подарга. — Я еще раз спрашиваю, кто такой Ваннакс?

Вольф облегченно вздохнул — она не знала этого имени.

— Так иногда называли Абиру.

Не желая и не имея больше времени отвечать на другие вопросы, он распахнул дверь и вбежал в лабораторию. Помещение оказалось таким широким, с таким высоким потолком, что, пожалуй, могло вместить дюжину реактивных авиалайнеров. Но почти все свободное место было уставлено шкафами и консолями с различной аппаратурой. В сотне ярдах друзья заметили Ваннакса, который склонился над огромным пультом и нажимал какие-то кнопки.

Все трое молча двинулись к нему. Подойдя поближе, они увидели на пульте два соединенных полумесяца. На широком экране перед Ваннаксом появилось призрачное изображение третьей половинки. По экрану побежали волнистые светлые линии.

Когда рядом с изображением полумесяца появилось другое, Ваннакс ахнул от восторга, быстро нажал на несколько клавиш и сблизил половинки. Они слились в одно кольцо.

Роберт знал, что машина запустила частотный искатель и обнаружила частоту полумесяца, вделанного в пол центра управления. Вслед за этим Ваннакс подверг сцеплен-

ные на пульте половинки какому-то воздействию, в результате чего их резонансная частота и полумесяца в центре управления совпала. Где Ваннакс раздобыл вторую половинку, оставалось тайной. Вольф подумал о полумесяце, который Ваннакс пронес через ворота в Американдию. Ему как-то удалось скрыть эту вещь при обыске, когда его поймала обезьяна. Очевидно, он прятал полумесяц в каком-то укромном месте.

Ваннакс поднял голову и увидел троих преследователей. Быстро взглянув на экран, он сорвал полумесяцы с пружинных зажимов на пульте. Вольф и Кикаха бросились к нему — но поздно: Ваннакс положил на пол обе половинки, захохотал, сделал непристойный жест и шагнул в круг, сжимая в руке кинжал.

Роберт закричал от отчаяния. Они не успели помешать ему. Внезапно помещение озарила мощная вспышка — Вольф остановился и закрыл лицо руками. Он услышал, как позади вскрикнули Кикаха и Подарга. А затем раздался вопль Ваннакса, и в воздухе запахло паленым мясом и горящими тряпками.

Вольф вслепую сделал несколько шагов, и его ноги коснулись труп.

— Что происходит, черт возьми? — спросил Кикаха. — Боже мой, я надеюсь, мы не ослепнем навсегда!

— Ваннакс хотел проскочить через ворота в центр управления, — сказал Вольф. — Но Арвур расставил там ловушку. Он мог бы просто разрушить аппаратуру, но ему хотелось убить человека, который попытается использовать его.

Роберт стоял и ждал, сознавая, что драгоценное время уходит. Но он ничем не мог помочь ни делу, ни друзьям, пока к нему не вернется зрение. Наконец, после невыносимо долгого ожидания, зрение начало восстанавливаться.

Ваннакс лежал на спине, обугленный до неузнаваемости. Оба полумесяца по-прежнему составляли круг. С ними ничего не случилось.

Роберт повернулся к Кикахе и тихо шепнул:

— Он предал нас, но сослужил нам добрую службу. Я собирался проделать такой же трюк. И если бы мы нашли полумесяц под статуей, я бы изменил его резонанс, а затем активировал половинку с помощью рога.

Делая вид, что осматривает пульты в поисках других ловушек, Вольф увлек Кикаху подальше от Подарги.

— Я не хотел этого делать, но, видимо, придется,— прошептал он.— Если мы хотим выманить Арвура из центра управления или добраться до него, прежде чем он сбежит через круг из полумесяцев, нам придется воспользоваться рогом.

— Я не понимаю тебя,— сказал Кикаха.

— Во время строительства этого дворца я внедрил термическое вещество в пластиковую оболочку центра управления. Его можно сдетонировать определенной последовательностью звуков рога. Нужно только проделать один небольшой трюк. Мне очень не хочется воспламенять этот материал, потому что тогда пропадет и центр управления. И тогда дворец будет незащищен перед другими властями.

— Тебе виднее,— сказал Кикаха.— А тут есть какая-нибудь штука, которая могла бы помешать Артуру смыться через полумесяцы?

Вольф улыбнулся и показал на пульт.

— Ему следовало уничтожить это оборудование, вместо того чтобы ублажать свое садистское воображение. Как и всякое оружие, оно обоюдоострое.

Он активировал управление, и на экране снова засияло изображение полумесяца и побежали волнистые светлые линии. Вольф перешел к другой стойке и, распахнув небольшую дверцу наверху консоли, открыл панель приборов управления без поясняющих надписей. Щелкнув двумя переключателями, он нажал на кнопку. Экран погас.

— Резонанс его полумесяца изменен,— сказал Вольф.— Когда он захочет воспользоваться им и соединит его с любой из других своих половинок, ему придется испытать дьявольское потрясение. Хотя и не такое сильное, как Ваннаксу. Ему попросту некуда будет бежать — врата исчезнут.

— Вы, властители, подлый, изобретательный и коварный народ,— сказал Кикаха.— И все равно мне нравятся твои манеры.

Кикаха вышел из помещения, и через мгновение в коридоре раздался его крик. Подарга бросилась было на по-

мощь, но у двери вдруг остановилась и устремила на Вольфа подозрительный взгляд. Тот поспешно направился к двери. Подарга, убедившись, что он следует за ней, выскочила в коридор. Вольф сразу остановился, быстро вынул из футляра рог, сунул палец в раструб и нащупал небольшое отверстие в паутинообразной сеточке. Потом вытащил сеточку, перевернул, вставил на место, положил рог обратно в чехол и бросился следом за гарпией.

Та уже стояла рядом с Кикахой. Оказалось, что его ввела в заблуждение рыскавшая по коридорам орлица, которую он принял за гворла. Вольф сказал, что им надо вернуться к остальным. Он не стал объяснять, что рог должен находиться на определенном расстоянии от стен центра управления.

Когда они вернулись к проходу в убежище Арвур, Вольф открыл чехол. Кикаха встал позади Подарги. Если она вздумает помешать, он просто оглушит ее. Как тогда справиться с орлицами — другой вопрос. Возможно, на них придется напустить обезьян.

Однако, увидев инструмент, Подарга лишь вскрикнула.

Роберт поднес рог к губам, надеясь, что ему удастся правильно воспроизвести последовательность нот. После случая с Ваннаксом он многое вспомнил, но большая часть сознания по-прежнему дремала.

Но не успел Вольф протрубить, как в коридоре загремел голос. Казалось, что он шел из пола, стен и потолка — отовсюду. Он говорил на языке властителей. Вольф обрадовался — Подарга не знала этого языка.

— Ядавин! Я увидел рог и узнал тебя. А то все гадал, на кого ты похож. Да, мне следовало бы узнать тебя раньше. Но столько времени прошло! Ты-то сам помнишь?

— Века. А может, тысячелетия. Все зависит от временной шкалы. Итак, мы, два заклятых врага, снова встретились лицом к лицу. Но на сей раз у тебя нет выхода. Ты умрешь, как умер Ваннакс!

— И как же ты доберешься до меня? — проревел голос.

— Я заставлю расплавиться стены твоей, казалось бы, неприступной крепости. А ты либо останешься в ней и зажаришься живым, либо выйдешь ко мне и примешь иную смерть. Но я не думаю, что тебе удастся там усидеть.

Внезапно ему в голову пришла тревожная мысль: а ведь он несправедлив. Если Подарга убьет Арвур, она отомстит не тому, кто виноват в том, что с ней случилось. И неважно, что Арвур сделал бы то же самое, будь он в то время властителем этого мира.

С другой стороны, Вольф тоже не виноват. Он больше не владыка Ядавин, который создал эту вселенную и так дурно управлял ею и множеством существ, похищенных с Земли. Потеря памяти оказалась полной. Ядавин исчез, и из пустоты возник Роберт Вольф — совершенно новый человек. И он не мог поступить так, как действовал Ядавин и любой другой властитель.

И, несмотря на возвращение памяти о прожитой жизни, он по-прежнему оставался Вольфом. Воспоминания будили в нем боль, раскаяние и стремление исправить ошибки. И сейчас он даст Артуру погибнуть страшной смертью за преступление, которое тот не совершал, — разве это будет достойным началом?

— Ядавин! — проревел Арвур. — Ты можешь думать, что выиграл этот ход! Но на самом деле победил я! Я могу выложить на стол еще одну монету, и ее цена намного выше цены твоего рога!

— И что же это за монета? — спросил Вольф. У него появилось недоброе предчувствие, что Арвур говорит правду.

— Когда меня выселили из Чиффаенира, я прихватил с собой несколько бомб и одну из них установил под твоим дворцом. Когда мне будет нужно, она взорвется и снесет всю макушку этого монолита. Конечно, я тоже погибну, но прихвачу в могилу своего старого врага. Как жаль, что твою женщину и твоих друзей ожидает смерть! Подумай о них!

Вольф подумал. И ему стало не по себе.

— Каковы твои условия? — спросил он. — Я знаю, что тебе не хочется умирать. Ты жалок, и мне давно следовало бы убить тебя. Все эти десять тысяч лет ты только и делал, что цеплялся за свою никчемную жизнь.

— Довольно оскорблений! Так ты согласен пойти на уступки? Мой палец в дюйме от кнопки! — прокричал Арвур и захохотал. — Даже если я блефую, а это не так, ты же не станешь рисковать?

Вольф передал свой разговор с Арвуром друзьям, которые слушали, но не понимали ни слова. Впрочем, они и так догадывались, что грядет решающий момент. Роберт рассказал все, опустив лишь подробности своей связи с властителем.

Подарга выглядела разочарованной и взбешенной.

— Спроси, каковы его условия, — злобно прошипела она. Потом придвинулась к Вольфу и тихо добавила: — После того как все кончится, тебе, о Вольф, придется объяснить мне очень многое.

В ответ на вопрос Арвур злорадно расхохотался:

— Ты должен отдать мне серебряный рог — самую драгоценную и уникальную работу мастера Илмарволкина. Я открою им ворота на дне бассейна и спущусь на ярус Атлантиды. Это все, чего я хочу. И ты должен пообещать мне, что никто не последует за мной, пока не закроются ворота.

Вольф несколько секунд обдумывал предложение.

— Прекрасно. Можешь выходить. Как Вольф я клянусь тебе рукой Детьюва. Я клянусь, что отдам тебе рог и не пошлю за тобой никого, пока не закроются ворота.

Арвур засмеялся:

— Я выхожу.

Дверь в конце коридора распахнулась. Зная, что Арвур теперь его не слышит, Вольф быстро объяснил Подарге свой план.

— Арвур считает, что мы у него в руках, и, по-видимому, вполне в этом уверен. Он выйдет через ворота неподалеку от Иквеквы, пригорода столицы Атлантиды. Он бы достался тебе и твоим орлицам, не будь в десяти милях оттуда другой резонансной точки. Когда он протрубит в рог, там откроется проход, через который Арвур войдет в другую вселенную. Я покажу тебе, где находится это место, когда он уйдет через бассейн.

Арвур уверенно приближался. Это был широкоплечий и красивый мужчина с волнистыми белокурыми волосами и голубыми глазами. Он взял у Вольфа рог, отвесил иронический поклон и зашагал дальше по коридору. Подарга смотрела ему вслед с таким бешенством, что Роберт испугался, как бы она не бросилась на врага. Пришлось напомнить гарпии, что он дал слово не только ей, но и Артуру.

Арвур шел мимо притихших и грозных бойцов с таким равнодушием, словно прогуливался среди мраморных статуй. Роберт не стал дожидаться, когда он доберется до бассейна, и тут же направился к центру управления. Окинув взглядом приборы, он понял, что Арвур включил временной таймер взрывателя бомбы. И конечно же, оставил какой-то запас времени, чтобы успеть уйти. Отсоединяя устройство взрывателя, Вольф взмок от волнения. Вернулся Кикаха, который следил за Арвуром до самых врат в бассейне.

— Он ушел, это точно,— сказал Кикаха,— но переход оказался не таким легким, как он думал. Место выхода было под водой. Он нырнул и поплыл. Когда врата закрывались, он все еще плыл.

Вольф отвел Подаргу в огромный зал с картами на стенах и показал городок, вблизи которого располагались врата. Затем показал этот же район на экране вблизи. Подарга с минуту изучала карту и экран. Потом велела орликам следовать за собой и стремительно вылетела в окно. Даже обезьян ужаснули глаза птиц, горящих жадной смерти.

Арвур уже находился в сорока милях от монолита, но ему предстояло преодолеть еще десять миль. А гарпия и ее птицы покинули ярус на высоте тридцати тысяч футов. Они так рассчитали спуск, что сумели набрать огромную скорость. Подарга начала свою долгожданную охоту.

Отойдя от экрана, Роберт задумался. Когда-нибудь он расскажет Хрисеиде о своей прежней жизни и странном превращении в Вольфа. Он расскажет ей, как однажды отправился в другую вселенную, чтобы навестить одного из друзей-властителей. Порою всемогущим владыкам становилось одиноко и время от времени хотелось пообщаться с равными. Возвращаясь в свою вселенную, он попал в ловушку, расставленную Ваннаксом — одним из лишенных владений властителем. Ядавина перенесло на Землю, но он прихватил с собой и своего врага. После жестокой схватки на склоне холма Ваннакс скрылся, унося с собой полумесяц. Что случилось с другой половиной, Вольф не знал. Но и Ваннаксу она не досталась, это уж точно.

А потом Ядавин потерял память. По сути дела, он стал младенцем. Некогда грозного властителя нашли и прию-

тили Вольфы, и с тех пор началось его земное существование.

Роберт мог только догадываться о причинах амнезии. Возможно, она наступила после того, когда во время схватки Ваннакс ударил его по голове, или всему виной был ужас, охвативший его, когда он оказался на совершенно незнакомой планете. Властители настолько привыкли пользоваться достижениями науки, что, лишаясь этой возможности, становились совершенно беспомощными.

А может быть, потерю памяти вызвал долгий спор с собственной совестью. До того как его насильно вытолкали в другой мир, он долгие годы мучился угрызениями совести, испытывая отвращение к делам своим и терзаясь печалью одиночества и боязнью потерять положение. Никто не мог превзойти властителей в могуществе, но и не было людей более одиноких, чем они. Каждая минута жизни могла стать последней. Против Ядавина ополчились другие властители, и ему все время приходилось быть начеку.

Как бы там ни было, он стал Вольфом. Но оказалось — это заметил даже Кикаха, — что между ним, рогом и точками резонанса существовало некое притяжение. И он не случайно оказался в подвале дома в Аризоне, когда протрубил рог. Кикаха давно подозревал, что Вольф — изгнанный властитель, который по каким-то причинам потерял память.

Теперь Роберт понял, почему ему так легко давались местные языки. Он их попросту вспоминал. И это неожиданное влечение к Хрисеиде тоже возникло неспроста. Она была его любимой фавориткой, и он даже подумывал поселить ее во дворце, чтобы сделать своей госпожой. Встретив Вольфа, Хрисеида не узнала в нем своего прежнего владыку. Она никогда не видела лица властителя. Дешевый фокус с ослепительным сиянием всегда скрывал его черты. Что же касается голоса, то он использовал прибор, который усиливал и искажал звуки. Это внушало еще большее благоговение поклонявшимся ему жителям мира. И даже его огромная сила объяснялась не естественным развитием, а использованием биопроцессов, с помощью которых он нарастил свои мышцы.

Ему предстояло ответить за жестокость и надменность Ядавина, который теперь был лишь малой частью его естества. Он создаст в биоцилиндрах новые человеческие тела и вложит в них мозги Подарга, ее сестер, обезьян Кикахи, Ипсева и всех тех, кто захочет новых изменений. Он поможет народу Атлантиды отстроить город и больше не будет для них тираном. Он перестанет вмешиваться в дела Многоярусного мира без крайней необходимости.

Кикаха позвал Вольфа к экрану. Арвур каким-то образом удалось найти в этой опустошенной стране полуживую клячу, и теперь он яростно погонял ее.

— Везет же дьяволу, — сказал Кикаха и тяжело вздохнул.

— Нет, я думаю, дьявол гонится за ним по пятам, — ответил Роберт.

Арвур обернулся, взглянул на небо и начал колотить лошадь палкой.

— А ведь он доберется! — воскликнул Кикаха. — Храм властителя всего в полумиле от него!

Вольф посмотрел на огромное белокаменное строение, венчавшее вершину высокого холма. Там находилось тайное помещение, которым он не раз пользовался в ту пору, когда его называли Ядавином.

Он покачал головой:

— Нет, не успеет!

На экране появилась Подарга. Хлопая крыльями и вытянув хищное лицо, которое на фоне зеленого неба казалось смертельно белым, она снижалась на огромной скорости. За ней летела стая орлиц.

Арвур гнал лошадь по склону холма. Внезапно ноги кобылы подкосились, и она упала. Арвур бросился бежать. За ним по пятам летела Подарга. Он запетлял, как удирающий от ястреба кролик. Гарпия следовала за ним. Когда Арвур в очередной раз метнулся в сторону, она изловчилась и вцепилась когтями в спину властителя. Тот вскинул руки вверх и в ужасе завопил, но люди, следившие за ним у экрана, не слышали крика.

Арвур упал. Сверху на него опустилась Подарга. Со всех сторон к месту происшествия слетались орлицы. Им хотелось посмотреть, что будет дальше.

Книга вторая
Врата творения

Глава 1

Тысячелетия назад, пытаясь обойтись без сна, власти-тели использовали наркотики, электронику, гипнотизм и различные виды психотехники. Днями и ночами в течение долгих месяцев их тела оставались бодрыми и энергичными, а глаза — незатуманенными дремотой. Но сознание со временем начинало разрушаться. Возникали галлюцинации, безграничный гнев и беспричинное чувство обреченности. Некоторые в конце концов сходили с ума, и их приходилось убивать или лишать свободы.

И тогда властители поняли, что сон необходим даже им — создателям вселенных и обладателям науки, стоящим лишь ступенью ниже богов. Бессознательная часть ума, лишенная общения со спящим сознанием, взбунтовалась, и ее оружием стало безумие, которое опрокидывало все опоры разума.

Поэтому властители вновь начали спать и видеть сны.

Спал и Роберт Вольф, некогда известный как Ядавин — владыка многоярусной планеты, напоминающей по конструкции Вавилонскую башню.

Ему снилось, что в окно спальни медленно всплыла шестиконечная звезда. Вращаясь, она повисла в воздухе над кроватью у самых его ног. То был пандугалуз — один из символов древней религии, в которую властители больше не верили. Вольф, привыкший думать в основном по-анг-

лийски, назвал бы ее гексакулумом. Центр шестигранной звезды казался раскаленным добела, грани вспыхивали разными цветами — алым, оранжевым, лазурным, пурпурным, черным и желтым. Гексакулум пульсировал, как солнечное ядро, пронзая Роберта лучами, которые проникали сквозь веки. Сияние царапало кожу: так домашний кот, вытянув лапу и слегка выпустив когти, настойчиво будит заснувшего хозяина.

— Что тебе нужно? — спросил Вольф, понимая, что это всего лишь сон.

Гексакулум источал опасность, и даже тени между лучами выглядели густыми и зловещими. Вольф знал, что гексакулум мог послать только его отец Уризен, которого он не видел две тысячи лет.

— Ядавин!

Голос сплетался из безмолвия, и слова создавались шестью лучами, которые тревожно изгибались, свертывались в кольца и извивались, как огненные змеи. Они превращались в буквы древнего алфавита — первоначальной и почти утраченной письменности властителей. Вольф видел их сияние, но смысл воспринимал не глазами, а через голос, который звучал внутри его сознания. И казалось, что цветные лучи проникали в самый центр мозга, воскрешая давно забытую речь. Слова возникали из такой глубины, что буквально сотрясали сущность Вольфа, приводя ее в смятение и угрожая изломать в кошмарные фигуры, которые могли веками сохранять свою форму.

— Проснись, Ядавин! — воззвал голос отца.

При этих словах Вольф понял, что лученосный гексакулум существует не только во сне, но и в реальности. Он открыл глаза и удивленно осмотрел свод потолка, озаренный мягким струящимся светом с красными, черными, желтыми и зелеными прожилками. Роберт протянул левую руку к Хрисеиде и обнаружил, что жены в постели нет.

Он сел, посмотрел по сторонам и, не увидев ее в комнате, громко позвал:

— Хрисеида!

И тут он заметил сверкавший предмет, который, пульсируя шестью лучами, висел в шести футах над краем его

кровати. И из него, но уже не в пламени, а в звуке, донесся голос отца:

— Ядавин! Сын мой! Враг мой! Не ищи малышку, которую ты удостоил чести быть твоей супругой. Она исчезла и больше не вернется.

Вольф спрыгнул с постели. Как этот предмет мог проникнуть во дворец, который он считал неприступной крепостью? Задолго до того как посторонний предмет достиг бы спальни в центре замка, Роберта разбудили бы тревожные гудки; во всем огромном здании захлопнулись бы массивные двери, включились лазерные лучи, готовые искрошить пришельцев в куски, пришли бы в действие сотни других ловушек. Гексакулум должны были разбить вдребезги, рассечь, утопить, сжечь, взорвать и раздавить.

Но ни один огонек не светился на огромной противоположной стене, которая на первый взгляд могла показаться причудливой декорацией, а на самом деле представляла собой панель сигнализации, отображавшей состояние охранных рубежей замка. Она тускло мерцала, и это означало, что в миллионе ближайших миль нет ни одного незванного гостя.

Он услышал смех отца.

— Неужели ты думал, что твоя ничтожная защита может удержать Владыку властителей? — прокричал Уризен. — Я мог бы сейчас убить тебя прямо там, где ты стоишь, мой изумленный и бледный, дрожащий и покрытый потом Ядавин.

— Хрисеида! — снова закричал Вольф.

— Она уже далеко. Твоя постель и вселенная не убежали от нее. Бедняжку забрали так быстро и бесшумно, как вор крадет драгоценный камень.

— Что ты хочешь от меня, отец? — спросил Вольф.

— Я хочу, чтобы ты последовал за ней. Попробуй вернуть ее.

Вольф взревел, вскочил на кровать и через спинку прыгнул на гексакулум. На миг он забыл об осторожности и доводах разума, которые говорили ему, что объект может оказаться смертельно опасным. Его руки схватили многоцветный сверкающий предмет — и сомкнулись в воздухе, а Вольф упал на пол, изумленно разглядывая пустое

место над собой, где прежде находился гексакулум. Как только его руки коснулись пространства внутри усыпанного звездами многогранника, фигура тут же исчезла.

Возможно, предмет не существовал в физической реальности и был лишь изображением, переданным с помощью каких-то средств.

Но Роберт отмел напрасные предположения. Эту конфигурацию энергий, или полей, составили и передали откуда-то издалека. Человек, пославший ее, мог находиться в соседнем мире или за миллионы вселенных отсюда. Расстояние здесь не играло роли. Имело значение только то, что Уризену удалось пройти сквозь стены личного мира Вольфа и тайно похитить Хрисеиду.

Роберт не ждал от отца поблажек. Уризен не сказал, куда он забрал Хрисеиду, что с ней будет и как ее найти. Но Роберт знал, что ему предстояло сделать. Так или иначе, он должен определить местонахождение скрытого закапсулированного космоса своего отца, а затем найти врата, которые позволят ему пройти в эту малогабаритную вселенную. А проникнув в нее, он должен вовремя распознать и избежать ловушки, расставленные для него отцом. И если ему это удастся — что весьма маловероятно, — он доберется до Уризена и убьет его. Только так можно спасти Хрисеиду.

Вольф снова попал в водоворот древней игры властителей, которая длилась многие миллионы лет. На протяжении десяти тысячелетий ему, Ядавину, седьмому сыну Уризена, удавалось оставаться живым в этой смертельной забаве, но лишь потому, что он все время был в собственной вселенной. В отличие от большинства властителей Ядавин не уставал от сотворенного им мира. Он наслаждался своим детищем — хотя, как понимал теперь, эти наслаждения были жестокими и грубыми. Жертвами его увеселений становились не только местные жители, но и многие властители, попавшие в ловушки созданной им обороны, — мужчины и женщины, а иногда братья и сестры, которых он обрекал на медленную и ужасную смерть. Вольф раскаивался в том, что издевался над обитателями Многоярусного мира, но убитые и замученные властители не вызывали в нем чувства вины. Они знали, на что шли,

когда проникали в его вселенную, и, если бы им удалось одолеть защиту, Ядавина ожидали бы не менее долгие муки перед смертью.

А потом властителю Ваннаксу удалось забросить его в земной мир. Правда, при этом он тоже оказался там. И миром Ядавина завладел третий властитель — Арвур.

Оставшись без оружия и не имея возможности вернуться в собственный мир, он оказался в чужой вселенной, и потрясение от потери бывшего могущества лишило его памяти о прошлой жизни. Он превратился в младенца, *tabula rasa*. Усыновленный четой фермеров, позабывший себя Ядавин получил имя Роберта Вольфа. К шестидесяти годам он так и не вспомнил, что произошло с ним до того момента, когда он, едва живой, спустился с гор Кентукки. Всю жизнь проработав преподавателем латыни, иврита и греческого языка, он вышел на пенсию и переехал в округ Финикса, штат Аризона. Осматривая перед покупкой новый дом, Роберт пережил ряд рискованных приключений, прошел через врата и вернулся в созданную им вселенную, которой он управлял как властитель десять тысяч лет.

Вернувшись в свой мир — единственную планету его вселенной, похожую на Вавилонскую башню, размеры которой не уступали Земле, — он с боем одолел путь от самого нижнего уровня до крепости-дворца властителя Арвура. Здесь Вольф встретил Хрисеиду и влюбился в творение собственных рук. Здесь он снова стал властителем, но не тем, который некогда покинул этот мир. Ему удалось остаться по-земному добрым и гуманным. И доказательство тому — горькие слезы от потери Хрисеиды и страх за ее дальнейшую судьбу. Ни один властитель не проливал слез по другому существу, хотя рассказывали, что несколько тысячелетий тому назад Уризен рыдал от радости, поймав в западню двух своих сыновей.

Не теряя времени, Вольф приступил к осуществлению намеченных планов. Прежде всего ему хотелось, чтобы кто-то поселился в замке на время его отсутствия. Не стоило повторять того, что случилось в прошлый раз, когда он покинул этот мир. Вернувшись, Вольф нашел во дворце другого властителя. И теперь только один человек мог

занять его место. Только ему он доверял всей душой. Роберт подумал о Кикахе. Именно Кикаха (некогда Пол Янус Финнеган из Терре-Хота, штат Индиана, Земля) помог ему обрести свой мир, отдав в руки Вольфа заветный рог. Именно его помощь позволила Роберту вернуть прежние владения.

Рог!

С ним он может найти мир Уризена и отыскать засекреченный вход! Роберт торопливо зашагал по плитам из хризопраза и, подойдя к тайнику, опустил часть стены с резным изображением гигантской орлицы. Открыв рот от изумления, он замер на месте. Рог исчез, и углубление в стене, в котором он хранил инструмент, было пустым.

Уризен не только похитил Хрисеиду, но и выкрал древний рог Шамбаримена.

Ну что ж, ладно. Потеря Хрисеиды привела его в отчаяние, но горевать о вещи, какую бы ценность она собой ни представляла, он не станет.

Роберт быстро прошел через несколько комнат, отмечив по пути, что ни одно сигнальное устройство не сработало. Вокруг по-прежнему царил покой той мирной и счастливой поры, которая началась здесь с возвращением Вольфа во дворец на вершине мира. Он не мог сдержатъ невольной дрожи. Роберт всегда боялся отца. И теперь, когда его безумный родитель вновь продемонстрировал свои огромные возможности, этот страх стал еще сильнее. Но он все равно пойдет по его следам. Он должен выследить Уризена и убить его — или погибнуть в смертельной схватке.

В одной из огромных комнат с контрольным оборудованием Роберт сел перед пультом, напоминавшим пагоду, и включил аппаратуру, которая автоматически демонстрировала вид тех мест планеты, где находились установленные им видеокамеры. На каждом из четырех уровней имелось по десять тысяч таких устройств, которые он спрята- л в скалах и на деревьях. С их помощью можно было видеть все, что происходило в различных местах планеты. В течение двух часов Роберт сидел, разглядывая мелькавшие на экране изображения. Зная, что можно просидеть здесь не один день, он заложил образ Финнегана в память

машины и поставил ее в режим поиска. При появлении Кикахи на экране пульт должен был перейти в режим стоп-кадра и соответствующим сигналом уведомить Вольфа о выполнении задания.

Он задействовал еще десять установок, и те начали автоматическое исследование «параллельных вселенных», разыскивая и отождествляя миры властителей. Последние записи содержали информацию семидесятилетней давности — таким образом к уже известным тысяча восьми сотворенным вселенным могло прибавиться еще сколько-то. А Вольфа интересовали только новые вселенные. Уризен больше не жил в Гардазринтах — в том мире, где вырос Вольф и его многочисленные братья, сестры и кузены. К этому времени их отец, которому миры надоедали с такой же быстротой, как избалованному ребенку новые игрушки, давно покинул Гардазринтах и успел трижды поменять место обитания. Поэтому теперь он, очевидно, находился в четвертом мире, который требовалось не только отыскать, но и обезвредить.

Однако, несмотря на существование системы регистрации миров, вселенная отца могла остаться необнаруженной. Если мир полностью капсулирован, его просто невозможно отыскать. Расположение вселенных определялось только через врата, но каждый проход отличался уникальной частотой. И если Уризен хотел затруднить Вольфу поиски, он мог создать врата тройного действия, которые открывались бы через регулярные интервалы времени или вообще наугад, по желанию хозяина. А если аппаратура поиска исследовала «параллельный коридор» и врата мира в этот момент оставались закрытыми, вселенная как бы ускользала от глаз наблюдателя и, как бы ни старался определитель врат, зона выглядела абсолютно «пустой».

Но Уризен намеренно завлекал Вольфа в свой мир, и вряд ли он стал бы создавать излишние трудности или делать поиски невозможными.

Властители тоже должны питаться. Вольф проглотил легкий завтрак, приготовленный толосом — одним из полубелковых роботов, — похожим на рыцаря в доспехах; их у него было не меньше тысячи. Потом побрился, принял

душ в кабинке, вырезанной из гигантского изумруда, и оделся. На этот раз он предпочел вельвет. Наряд состоял из плотно облегающих брюк, туфель и рубашки с открытым воротом, короткими рукавами и высокой стойкой. Роберт подпоясался широким ремнем из мамонтовой кожи и надел на шею золотую цепь, с которой свисал жадеитовый образок Шамбаримена, подаренный ему в честь десятилетия величайшим художником и изобретателем среди всех ныне живущих властителей. Красный жадеит ярким пятном выделялся на фоне однотонной коричневой одежды. В своем замке Вольф одевался просто, а нередко вообще предпочитал ходить голым. Лишь в редких случаях, спускаясь на нижние уровни, чтобы почтить присутствием церемонии и торжества, он облачался в роскошные одеяния и надевал особую шляпу властителя. Но чаще он спускался на ярусы инкогнито, одевшись в наряды местных жителей или вообще без одежды.

Вольф вышел в сад и прошелся по одной из сотен террас, окружавших стены дворца. Здесь, на дереве, обитало Око — огромный ворон размером со стервятника. После штурма замка, когда Роберт отвоевал этот мир у Артура, в саду осталось лишь несколько таких птиц. И с тех пор как умер Артур, вороны присягнули на верность Вольфу.

Он приказал ворону разыскать Кикаху. Птице следовало сообщить об этом задании другим Очам властителя и орлицам Подарги. А они должны были передать Кикахе, что во дворце необходима его помощь. Если же Кикаха, получив сообщение, прибудет в замок слишком поздно и не застанет Вольфа, он должен временно возложить на себя обязанности властителя. Если Вольф будет отсутствовать слишком долго, Кикахе предоставлялась полная свобода действий и предписывалось поступать по своему усмотрению.

Роберт знал, что в этом случае Кикаха станет разыскивать его, но налагать какие-то запреты не имело смысла.

Ворон улетел, безмерно счастливый оттого, что получил задание. Вольф вернулся в замок. Пульт управления видеокамерами по-прежнему отслеживал Кикаху. Определители врат, которым требовалось несколько микросекунд на поиск и обследование огромных пространств, уже неод-

нокрратно обыскали все вселенные и сейчас совершали обход в шестой раз. Он дал им закончить цикл на тот случай, если врата каких-то миров работали импульсами и прохождение сканирующего луча до сих пор не совпадало с открытым состоянием этих сложных устройств. Аппаратура вывела на бумагу результаты первых пяти обходов, отпечатав их классическими идеограммами древнего языка.

Из тридцати пяти новых вселенных только одна имела открытые врата, причем единственные.

Роберт вывел их спектральное изображение на экран. Перед ним возникла шестиконечная звезда, но теперь не с белым, а красным центром. Красный цвет означал опасность.

Вольф знал, в чей мир вели эти врата; казалось, что сам Уризен кричал ему: «Я здесь! Приди и возьми меня — если хватит смелости!»

Он вспомнил отца: его красивые соколиные черты лица, большие глаза, похожие на влажные черные алмазы. Возраст не имел значения для властителей: их тела сохраняли физиологическую молодость первых двадцати пяти лет жизни. Но эмоции оказались сильнее науки властителей. Действуя в союзе со временем, они врезались в неприступные скалы плоти. И в последний раз, когда Вольф видел отца, он заметил морщины, оставленные ненавистью. С тех пор Уризен жил лишь завистью и злобой, и только Богу известно, как глубоко эти чувства исказили его лицо.

Всю жизнь Ядавин относился к отцу с глубокой неприязнью. В отличие от многочисленных братьев и сестер он никогда не желал ему смерти и просто старался не иметь с ним ничего общего. Но теперь, после похищения Хriseиды, у Вольфа возникло чувство гадливого отвращения к Уризену. И он решил покончить с ним раз и навсегда.

Изготовление врат, соответствовавших частотной матрице гексакулума, велось автоматически. И все же на сооружение этого устройства машинам потребовалось двадцать два часа. К тому времени система планетарного обзора завершила работу и сообщила, что Кикахи в поле зрения не оказалось. Конечно, это еще ни о чем не говорило, и его неуловимый друг по-прежнему находился на плане-

те. Просто он не попал в сферу обзора видеокамер, а таких мест насчитывалось до нескольких сотен тысяч. По площади планета не уступала Земле, и аппаратура контролировала лишь крошечную часть ее территории. Поэтому могло пройти несколько месяцев, прежде чем Кикаха будет обнаружен.

Вольф решил не терять времени и, едва машины создали аналог гексакулума, тут же приступил к сборам. Не имея понятия о том, что его ждет по другую сторону врат и как долго ему придется обходиться без еды и питья, Роберт слегка перекусил и напился воды. Его вооружение составляли лучемет, нож, лук и полный колчан стрел. Могло показаться странным, что с помощью такого примитивного оружия он рассчитывал одолеть непостижимо сложные устройства уничтожения, с которыми ему предстояло столкнуться. Но, вопреки технологий властителей, условия игры, в которой они принимали участие, делали иногда такое оружие весьма эффективным.

Впрочем, Вольф не рассчитывал, что ему дадут воспользоваться этим оружием. Он слишком хорошо знал, насколько разнообразными могут быть ловушки, которыми пользовались властители.

«Пора уходить,— сказал себе Роберт.— Нет смысла тянуть время».

Он вошел в узкое пространство воссозданного гексакулума.

Ветер ударил в лицо и засвистел в ушах. Его поглотила чернота. Тело сдавило, словно в стальной хватке огромных рук. Все смешалось в одной ошеломляющей вспышке...

Роберт стоял на траве. Неподалеку возвышались гигантские деревья с широкими листьями, рядом плескалось голубое море, а над головой сияли красные небеса. Он находился на острове. В этом мире не было солнца, и свет шел прямо с неба, со всех сторон. При пересечении врат ему почудилось, будто с него сорвали одежду. Однако это лишь почудилось — он по-прежнему был одет. Его даже не лишили оружия.

Он находился где угодно, но только не в обители Уризена. Это был самый необычный мир, который он когда-либо видел.

Роберт оглянулся, чтобы рассмотреть гексакулум, через который он прошел, но тот уже исчез. Вместо него на широком плоском валуне стоял высокий шестиугольник из фиолетового металла. Вольф вспомнил, как что-то толкнуло его внутрь фигуры, и ему даже пришлось сделать несколько шагов, чтобы удержаться на ногах. Сила толчка была такой, что, пролетев через врата, он выскочил в нескольких футах от валуна.

Значит, Уризен заменил гексакулум другими вратами и переправил Вольфа в какое-то иное место. И вскоре Роберту предстояло узнать, что именно приготовил для него отец.

Он представлял, что могло произойти при попытке возвратиться в пространство врат. Но Вольф не привык отступать. Он вошел в шестигранник — и оказался с другой стороны валуна.

Как он и ожидал, врата действовали только в одном направлении.

Позади него кто-то тихо покашлял, и Вольф быстро повернулся, приподняв ствол лучемета.

Глава 2

Берег резко обрывался, и за ним сразу начиналось море. Животное, только что вынырнувшее из воды, находилось всего лишь в нескольких шагах от него. Оно сидело, как жаба, на огромных перепончатых ступнях, изогнув похожие на столбы ноги, словно те вообще не имели костей. Торс, весь в складках жира, напоминал тело гуманоида, а живот выступал, как грудина гуся, откормленного на День благодарения. Длинную гибкую шею венчала человеческая голова с плоским носом с длинными узкими ноздрями и огромными глазами цвета сочной зелени мха. Рот окаймляли усики из красной плоти. Уши отсутствовали. Голову, лицо и тело покрывал темно-синий маслянистый мех.

— Ядавин! — вскричало существо на древнем языке властителей. — О, Ядавин, не убивай меня! Неужели ты меня не узнаешь?

Вольф удивился, но не настолько, чтобы забыть осмотреться вокруг. Появление существа могло быть отвлекающим маневром.

— Ядавин! Ты не узнаешь собственного брата?

Вольф действительно не узнавал его. Лягушачье тело, тюленья голова без ушей, синий мех и расплюснутый нос с длинными прорезями совершенно не способствовали установлению личности. А еще следовало учитывать время. Если он и называл это существо своим братом, то с тех пор, вероятно, минуло несколько тысячелетий.

Вот только голос... Роберт копался в пыльных пластах памяти, как собака, ищущая старую кость. Он перебирал слой за слоем, но...

Вольф покачал головой, оглянулся и осмотрел разлапистую растительность.

— Кто ты? — спросил он.

Существо захныкало, и Роберт понял, что его брат — если только это действительно его брат — находился в теле гадкого чудовища долгие и долгие годы. Обычно власти не хнычут.

— Значит, и ты отказываешься от меня? Значит, и ты такой, как все? Они меня терпеть не могут. Они издеваются надо мной, плюют в лицо, смеются, пинают, гонят. Они говорят...

Существо со шлепком сложило передние плавники, его лицо сморщилось, и большие слезы побежали из зеленых глаз по синим щекам.

— Ах, Ядавин, не будь таким, как остальные! Я же любил тебя больше всех. Я уважал тебя, как никого на свете! Не будь жестоким, как они!

«Он говорит об остальных,— подумал Вольф.— Значит, здесь побывали и другие. Но сколько времени прошло после их появления?»

— Кем бы ты ни был, довольно хитрить,— сказал он с нетерпением.— Назови свое имя!

Существо приподнялось на гибких ногах и сделало шаг вперед. Под слоем жира на миг проступили мощные мышцы. Роберт не отступил, но на всякий случай приподнял ствол лучемета.

— Не приближайся ко мне! Назови свое имя!

Существо остановилось и зарыдало еще горше.

— Ты такой же плохой, как и все. Ты думаешь только о себе, и тебя совершенно не интересует, что случилось со мной. Неужели тебе наплевать на мои страдания, одиночество и бесконечные муки? О безжалостное, неизменяемое время!

— Возможно, я вел бы себя по-другому, если бы знал, кто ты такой и что с тобой случилось, — ответил Вольф.

— О Владыка властителей! И это мой брат!

Существо сделало еще один шаг, и из-под огромной перепончатой стопы брызнула жидкая грязь. Вытянув плавник, словно умоляя дать ему руку, тварь остановилась и быстро взглянула через плечо Вольфа. Роберт тут же отпрыгнул влево и оглянулся, стараясь держать в поле зрения и существо, и того, кто стоял сзади. Но сзади никого не оказалось.

Тварь только этого и ждала. В тот самый момент, когда Вольф отступил и оглянулся, она прыгнула на него. Резиновые ноги выпрямились, подбросили огромное тело, полетевшее, словно из катапульты. Если бы тварь упала на Вольфа, тут бы ему и пришел конец, но он увернулся, и плавник чудовища только задел его по левому плечу. Удар едва не сбил Вольфа с ног. Выронив лучемет, он схватился за плечо. Роберт был необычайно вынослив и силен; благодаря науке властителей сила его мышц в два раза превосходила человеческую, а нервы передавали импульсы от мозга с удвоенной скоростью. Будь Роберт простым землянином, ему не удалось бы уберечься от второго прыжка рассерженного существа.

Тварь приземлилась туда, где только что стоял Вольф, и завизжала от ярости и разочарования. Ее ноги сжались, словно пружины, мгновенно распрямились, и она вновь прыгнула на Роберта. Все это происходило с такой быстротой, что прыжки существа напоминали порывистые движения актера при ускоренной перемотке кадров.

Вольф метнулся к лучемету. Тварь с пронзительным визгом пронеслась над ним. Казалось, она вопила прямо в ухо Роберта. Он схватил лучемет, перекатился с боку на бок и вскочил. Тварь прыгнула на него в третий раз. Вольф перевернул оружие и, сжав ствол правой рукой, со всего

маху опустил на макушку существа приклад из легкого, но практически неразрушаемого металла. Толчок огромного тела отшвырнул его назад, и он покатился по земле.

Морская тварь неподвижно лежала, уткнувшись лицом в траву. Из тюленьей головы сочилась кровь.

Внезапно кто-то захлопал в ладоши. Вольф обернулся и ярдах в тридцати увидел две фигуры, стоявшие в тени широких листьев. Мужчина и женщина, одетые в величественные мантии властителей, двинулись ему навстречу. Они шли с пустыми руками, их мечи были вложены в грубые кожаные ножны. Несмотря на то что выглядели они миролюбиво, Роберт не стал терять бдительности. Когда они приблизились на двадцать ярдов, он велел им остановиться. Существо на земле застонало, шевельнуло головой, но не отважилось подняться. Вольф отошел на несколько шагов — от этой странной прыгающей твари надо держаться подальше.

— Ядавин! — произнесла женщина.

Звуки прекрасного контральто заставили затрепетать его сердце и всколыхнули память. И хотя они не виделись более пяти сотен лет, Вольф узнал ее.

— Вала! — вскричал он. — Что ты здесь делаешь?

Вопрос был чисто риторический; он догадался, что ее, видимо, тоже заманил в ловушку отец. А потом Вольф узнал и мужчину — это был Ринтрах, один из его братьев. Так, значит, сестричка Вала и братец Ринтрах тоже попали в эту западню.

Вала улыбнулась, и сердце Роберта дрогнуло. Она по-прежнему была самой красивой женщиной из всех, кого он знал, за исключением любимой Хрисеиды и его другой сестры, Ананы Светлой. Но вид Ананы не пробуждал в нем таких сильных чувств, а Валу он обожал и смертельно ненавидел.

Она снова захлопала в ладоши.

— Прекрасная работа, Ядавин! Ты не потерял ни ловкости, ни смекалки. Эта тварь опасна. Поначалу она раболепствует и скулит, пытаясь втереться в доверие, а потом — бах! — и впивается в горло! Эта мерзкая жаба едва не убила Ринтраха, когда он впервые попал сюда, — да и убила бы, не будь меня рядом. Мне удалось оглушить ее

обломком скалы. Так что, как видишь, я тоже имела с ней дело.

— А почему вы не убили ее? — спросил Вольф.

Ринтрах улыбнулся:

— Неужели ты не узнал своего младшего брата? Когда-то ты любил славного, милого малютку Теотормона.

— О господи! — вскричал Роберт. — Теотормон! Кто же сделал его таким?

Никто не произнес ни слова. Впрочем, все и так было ясно. Этот мир создал Уризен, и только он мог так жестоко изменить облик их брата.

Теотормон застонал и сел. Приложив плавник к кровоточащей ране на голове, он тихо заскулил и стал раскачиваться взад и вперед. Зеленые глаза, похожие на два пятна лишайника, злобно уставились на Вольфа, и, не смея подать голос, он беззвучно клял противника на чем свет стоит.

— Ты хочешь сказать, что вы сохранили ему жизнь из родственных чувств? — с иронией спросил Роберт. — Я слишком хорошо вас знаю, чтобы поверить в это.

Вала засмеялась:

— Конечно нет! Я просто решила, что его можно будет как-то использовать. Он живет на этой маленькой планете с незапамятных пор и знает о ней почти все. Теотормон оказался трусом, брат Ядавин. Он не осмелился испытать судьбу в лабиринте Уризена и предпочел остаться на острове, где превратился в такого же выроodka, как все остальные туземцы. Наш отец устал ждать, когда его сын соберет свое несуществующее мужество. И в наказание за малодушие Уризен изловил его и перенес в крепость Аппирмацум, где превратил в отвратительную морскую тварь. Но даже тогда Теотормон не осмелился пройти через врата во дворец заклятого врага. С тех пор он ведет здесь жизнь отшельника, презирая себя и ненавидя все живые существа, особенно властителей. Он живет, питаясь фруктами, птицами, рыбой и другими обитателями моря, которых ловит вблизи острова и поедает сырыми. Если повезет, он убивает и пожирает местных жителей. Впрочем, они вполне заслуживают такой участи. Это сыновья и дочери других властителей, которые подобно Теотормону прояви-

ли малодушие. Они прозябают на этой планете: рожают и растят детей, а приходит час — отправляются в мир иной. Уризен поступил с ними так же, как с Теотормоном. Он забирал их в Аппирмацум, уродовал и возвращал на остров. Отец надеялся, что, живя в обличье монстров, они научатся ненавидеть и устремятся в Аппирмацум. Но они оказались слишком трусливы, чтобы мстить за себя. Они могли бы умереть достойно, как истинные властители, но предпочли жизнь в таком виде, от которого желудок выворачивает.

— Я бы с удовольствием выслушал еще пару историй о проказах нашего отца. Но могу ли я вам доверять? — спросил Вольф.

Вала улыбнулась:

— Мы оказались на острове не по своей воле. Нас заманил в ловушку Уризен. Некоторые пробыли здесь только несколько недель, но вот Лувах, например, живет тут уже полгода.

— А кто еще здесь живет?

— Твои братья и кузены. Кроме Ринтраха и Луваха ты встретишь здесь Эньена, Аристана, Тармаса и Паламаброна. — Она весело засмеялась и, протянув руки к красному небу, воскликнула: — О, отец! Ты поймал в западню почти всех! И после тяжелой тысячелетней разлуки мы снова собираемся вместе. Такого счастливого воссоединения семьи не мог бы представить себе ни один смертный.

— Зато я могу представить, — проворчал Вольф. — Но ты не ответила на мой вопрос.

— Нам пришлось заключить соглашение об общем перемирии, — пояснил Ринтрах. — Мы нуждаемся друг в друге и должны действовать сообща, отбросив обычную неприязнь. Только так можно одолеть Уризена.

— Насколько я знаю, об общем перемирии не слышали уже давно, — задумчиво произнес Роберт. — Помню, мать рассказывала мне, что такое случилось однажды, за четыре тысячи лет до моего рождения, когда властителям угрожали Черные Звонари. И теперь я вынужден признать, что Уризен совершил два чуда. Он заманил в ловушку сразу восьмерых властителей и вынудил их заключить перемирие. Это может стоить ему жизни.

Немного подумав, Вольф тоже захотел присоединиться к перемирию. Именем Эпонима Лоса, отца всех властителей, он поклялся соблюдать правила мирного соглашения до тех пор, пока остальные не откажутся от данных обязательств или не умрут. Но, произнося клятву, он знал, что на других полагаться нельзя — каждый из них мог предать его в любую минуту. Роберт чувствовал, что Ринтрах и Вала тоже так думают и доверяют ему не больше, чем он им. Тем не менее они могли бы какое-то время действовать вместе. И вряд ли сейчас кто-нибудь посмеет нарушить перемирие. Они решатся на это лишь тогда, когда представится удобный случай и у них будет полная уверенность в своей безнаказанности.

— Ядавин,— заскулил Теотормон,— мой добрый брат. Ты клялся любить и защищать меня до конца жизни. Но ты такой же, как и все остальные. Ты хотел покалечить и даже убить меня, своего младшего брата.

Вала плюнула в него и закричала:

— Ах ты, мерзкая трусливая тварь! Ты больше не властитель и не наш брат! Почему бы тебе не нырнуть в пучину и не остаться там вместе с твоей трусостью и вероломством? Оставь в покое нас и тех, кто дышит воздухом свободы! Пусть рыбы сожрут твою жирную тушу, хотя, мне кажется, даже их будет тошнить от тебя.

Раболепно приседая и жалостно протягивая плавник, Теотормон подполз к Вольфу.

— Ядавин! Ты не знаешь, как я страдаю. Неужели тебе меня несколько не жаль? Я всегда считал, что у тебя есть то, чего не хватает другим. Я думал, что у тебя есть доброе сердце и сострадание, которые навсегда утратили эти бездушные чудовища.

— Но ты хотел меня убить,— возразил Роберт.— И снова попытаешься это сделать при первой возможности.

— О нет, нет! — запричитал Теотормон, пытаясь улыбнуться.— Ты не так меня понял. Да, я согласился влачить жалкое существование, хотя мог бы принять благородную смерть как властитель. И мне казалось, что ты возненавидишь меня за такой выбор. Я хотел отнять у тебя оружие, чтобы ты в гневе не причинил мне вреда. А потом бы я рассказал тебе о том, что со мной произошло. Тогда бы

ты понял, как я дошел до такой крайности. Тогда бы ты пожалел своего брата и сохранил те чувства, которые питал ко мне, когда возился со мной во дворце нашего отца. Я только хотел объяснить тебе свое положение. Мне не нужна твоя ненависть — мне нужна любовь. Я не хотел причинить тебе боль, клянусь Лосом.

— Мы поговорим с тобой позже, — ответил Вольф. — А сейчас уходи.

Теотормон поплелся прочь. Но, подойдя к обрывистому берегу, он повернулся и начал выкрикивать в адрес Роберта непристойности и оскорбления. Чтобы припугнуть его, Вольф поднял лучемер. Тварь вскрикнула и, словно гигантская лягушка, прыгнула в воду. В воздухе мелькнули толстые ноги и перепончатые пальцы. Теотормон скрылся в воде и больше не появлялся.

— Как долго он может оставаться под водой? — спросил Роберт.

— Не знаю. Возможно, полчаса. Но сомневаюсь, что он станет утруждать себя, удерживая дыхание. Скорее всего, залезет в одну из пещер под корнями деревьев или в какую-нибудь из пустот, которые находятся в основании острова, — ответила Вала. — А не желаешь ли ты повидаться с родичами?

Роберт согласился.

Шагая рядом с братом по роще широколиственных деревьев, Вала начала рассказывать ему о физических особенностях этого мира.

— Ты, наверное, уже заметил, как близок здесь горизонт. Диаметр планеты составляет две тысячи сто семьдесят миль. («Почти как у земной луны», — подумал Вольф.) Однако сила тяжести чуть меньше, чем на нашей родной планете. («Не больше, чем на Земле», — подумал Вольф.) Гравитация резко убывает при подъеме в атмосферу и почти незаметна в окружающей вселенной, — продолжала Вала. — Все другие планеты обладают подобной структурой поля.

Роберта это абсолютно не интересовало. Властители могли выделять с энергетическими полями и гравитацией такое, что землянам даже и не снилось.

— Эта планета целиком покрыта водой.

— А как же остров? — спросил он.

— Он плавает. В его основании находятся растения, которые начинают свой жизненный цикл на дне моря. Когда они созревают, их пустоты заполняются газом, выделяемым бактериями. Они отрываются от корней, всплывают на поверхность и выпускают отростки, которые переплетаются с отростками других растений этого вида. Постепенно возникает обширная колония. Со временем растения верхнего слоя погибают, а нижняя часть продолжает разрастаться. Сгнившие остатки верхнего слоя образуют почву. Птицы удобряют ее пометом и таким образом разносят семена. Так появляются деревья, кусты и другая растительность.— Вала показала на заросли растений, которые немного походили на бамбук.

— А откуда берутся эти камни? — Вольф кивнул в сторону нескольких беловатых глыб, видневшихся за бамбуковыми зарослями. Диаметр каждого камня составлял как минимум футов двенадцать.

— Растения с газовыми полостями, из которых создан остров,— один из нескольких тысяч видов. Некоторые из них цепляются к глыбам на морском дне и, поднимаясь на поверхность, увлекают камни за собой. Местные жители собирают небольшие скальные обломки и обкладывают ими остров. Эти белые камни чем-то привлекают птиц гаржу, которых туземцы убивают или приручают и разводят в домашнем хозяйстве.

— А как насчет питьевой воды?

— Тут ее целый океан.

Вольф взглянул вверх усыпанных ягодами кустов и в просветах между пурпурными листьями, раскрашенными желтыми полосами, увидел огромный черный полукруг, который выползал из-за горизонта. Через шестьдесят секунд он превратился в сферу, медленно всходящую над морем.

— Это наша луна,— сказала Вала.— Здесь все наоборот. Солнца нет — свет излучает все небо. А ночь наступает с приходом луны, которая закрывает собой часть неба. Конечно, это не настоящая ночь, но все же лучше, чем ничего. Чуть позже ты увидишь планету Аппирмацум. Она находится в центре вселенной Уризена, и вокруг нее вращаются пять планет-спутников. Отсюда они выглядят

как черные диски, заполняющие собой все небо, и во многом похожи на луну.

Вольф поинтересовался, откуда у нее столько сведений об этом мире. Оказалось, что обо всем им рассказал Теотормон, и, конечно же, не по собственной воле. Находясь в плену у Уризена, он многое узнал, но делиться с кем-либо своим секретом не торопился, поскольку был утрюм и эгоистичен. И вот как-то раз братья и кузены поймали его и заставили отвечать на вопросы.

— У него зажили почти все раны,— закончила Вала и расхохоталась.

«Значит, у брата есть веская причина желать им всем смерти,— подумал Вольф.— Интересно, правду ли говорила сестра, рассказывая об их взаимоотношениях? Надо будет еще раз побеседовать с Теотормоном. Да не забыть бы держаться во время разговора на безопасном расстоянии».

Внезапно Вала схватила Вольфа за руку. Он попытался вырваться — что она задумала? Но Ринтрах и сестра с тревогой смотрели куда-то вверх.

Глава 3

В небе за деревьями, достигавшими в высоту шестидесяти футов, висел какой-то объект. Вскоре Вольф рассмотрел черную массу, которая проплывала в пятидесяти футах над островом,— огромный овал в четверть мили шириной, милую длиной и около пятидесяти футов толщиной. Объект несло по ветру, который дул с неизвестной части света. В этом мире без солнца понятия «север», «юг», «восток» и «запад» теряли всякий смысл.

— Что это? — спросил он.

— Остров, который дрейфует в воздухе. Поспешим. Мы должны добраться до деревни, пока не началась атака.

Вольф побежал за братом и сестрой. Время от времени он посматривал через просветы в кронах на аэронезус. Тот быстро опускался на противоположный конец острова. Догнав Валу, Роберт спросил ее, как управляется этот небесный паром. Она ответила, что его обитатели применяют особые клапаны в гигантских пузырях, наполненных

водородом. Клапаны открываются вручную, и такая процедура требует участия почти всего населения летающего острова. Поэтому во время спуска им в основном приходится заниматься навигацией.

— Но как они управляют такой машиной?

— Пузыри имеют отверстия. Когда абуталам необходимо двигаться в определенном направлении, они выпускают газ из пузырей на противоположной стороне острова. Они очень искусны и научились обходиться без сильных рывков. Однако им приходится бороться с ветрами, поэтому маневры не всегда удаются. Абуталы уже дважды пробовали атаковать нас, но всякий раз проскакивали мимо острова. Для медленного спуска они используют морские якоря — большие камни, привязанные к концам канатов. Два раза абуталы опускались рядом с нашим островом, и, вместо того чтобы сразаться с нами, им приходилось биться с морскими волнами. Так что у них ничего не получилось. — Вдруг Вала остановилась. — О нет! — вскричала она. — Это илмавиры. Да поможет нам Лос!

От летающего острова отделилось около пятидесяти механизмов, которые Вольф поначалу принял за небольшие самолеты. Но когда они начали заходить на посадку против ветра, он понял, что это планеры. Зубчатые крылья длиной в пятьдесят футов были сделаны из какого-то бледно мерцавшего материала. На нижней стороне каждого крыла был нарисован красный глаз, а над ним — скрещенные мечи. Кожух на фюзеляже отсутствовал, и вся оснастка, элероны и рули, покрашенные в ярко-красный цвет, были на виду; место пилота находилось в плетеной корзине чуть впереди монокрыльев. Закругленный нос планера оканчивался длинным рогом, который выступал вперед почти на двадцать футов. «Прямо как нарвал», — подумал Вольф. Позже ему удалось узнать, что это были рога гигантских рыб.

Планер прошел над ними, направляясь к тропе, вполне пригодной для посадки. Роберт мельком увидел пилота. Его рыжие волосы, ежиком торчавшие почти на фут, блестели от фиксирующего масла. На лице виднелась боевая раскраска, которая придавала ему сходство с краснокожим индейцем. Черные полосы сбегали вниз до щек и плечам, пересекая красные и зеленые круги.

— До деревни осталось не больше полумили, — сказала Вала. — Она находится на самом конце острова.

Вольф не понимал, почему она так обеспокоена. С каких пор властителей волновала судьба других людей? Вала объяснила, что, если илмавирам удастся опуститься, они перебьют все население острова, а затем оставят здесь своих людей для образования новой колонии.

Плавучий остров лишь на первый взгляд казался плоским. То тут, то там встречались небольшие холмы, образованные гигантскими пузырями. Роберт взобрался на вершину одного из них и осмотрелся. Абута опустилась до пятидесяти футов и, медленно снижаясь, стала приближаться к деревне, которая представляла собой скопление сотни похожих на соты хижин, построенных из бревен и листьев. Деревню окружала стена в двадцать футов высотой, возведенная из камней, бамбука и каких-то тускло-серых столбов, которые, похоже, были костями колоссальных морских животных.

За стеной мужчины и женщины готовились к бою, несколько групп находилось на открытой местности. Все их вооружение состояло из копий, луков и стрел.

Позади деревни располагались доки, сооруженные из бамбука. У пристани и вдоль берега стояли лодки разных размеров и конструкций.

Снизу летающий остров представлял собой густое переплетение толстых корней. В днище находились отверстия, откуда на землю падали большие камни, привязанные к тросам из растительных волокон. Белые камни, с виду похожие на гипс, вырезанные в форме плоских дисков, с плеском шлепались в море. Когда их подтаскивали к острову, они цеплялись за грунт. Несколько канатов зацепилось за настил доков.

Другие якоря падали на защитную стену и увязали в гуще материала, заполнявшего ее. Камни сыпались на деревенские улицы и рушили стены хижин. Из люков в днище абуты на людей внизу валились стрелы, копья, камни и горящие предметы. Некоторые из островитян падали, сбитые с ног. Хижины начали гореть. Взрывались газовые бомбы, из них валил густой черный дым.

Но и защитники не оставались в долгу. Из большого строения в центре деревни мужчины и женщины выно-

сили странные круглые приспособления. Они поджигали их, те быстро взмывали в воздух, застревали в переплетении корней, и корявые заросли начинали гореть. А потом взрывался газ внутри шаров, и огонь растекался по днищу абуты.

Крыша центральной хижины поднялась, откинулась, словно крышка люка; стены разъехались и опустились на землю. На невысокой платформе стояла катапульта — гигантский лук для стрел, сделанный из рога того же существа, из которого изготавливались тараны на носсах планеров. К каждой стреле крепилось несколько горючих пузырей. Тетиву отпустили, и горящая стрела полетела вверх, неся огонь к утробе летающего острова.

Люди у катапульты начали снова оттягивать тетиву. Но тут из отверстия в днище абуты выпрыгнул человек, а за ним еще около десятка. Они спускались на некоем подобии парашютов — связках пузырей, прикрепленных ремнями к плечам и груди. Первого абутала стрела пронзила еще в воздухе. Вскоре смерть настигла и трех других воинов.

Оставшиеся в живых приземлились в нескольких шагах от катапульты. Они быстро отстегнули ремни — и пузыри взвились вверх. Десантников окружили, но абуталы сражались с такой яростью, что одному из них удалось прорваться к катапulte. Смельчака остановили двумя ударами копья.

Летающий остров стало сносить ветром. В воздухе снова замелькали камни на канатах, и несколько штук застряло в переплетении стены. Около десятка веревок упало на деревья, огромные петли затянулись вокруг стволов. Летающий остров развернулся и навис над поверхностью острова плавучего.

Закончили посадку планеры, но не всем им удалось приземлиться удачно. Остров так порос растительностью, что пилотам приходилось опускаться на деревья. Некоторые из них повисли на макушках деревьев, другие застряли среди ветвей, третьи увязли в густой поросли кустарника.

Однако Вольф насчитал не меньше двадцати пилотов, которые устремились в джунгли. Там, видимо, прятались и другие абуталы.

Вольфа окликнули — у подножия холма стояла Вала.

— Что ты собираешься делать? — сердито спросила она. — Хочешь ты или нет, но тебе придется стать на чью-то сторону. Иначе абуталы убьют тебя.

— Наверное, ты права, — ответил он, спускаясь. — Просто я хотел посмотреть, что происходит. Не в моих правилах бросаться в бой, не зная, где кто находится и как развиваются события.

— Всегда осторожный и хитрый Ядавин, — сказала она. — Ладно, все правильно. Вижу, ты уже не тот глупец, которого я когда-то знала. Поверь, ты нужен мне так же, как я тебе. Нам не справиться поодиночке.

Вольф пошел вслед за Валой, и вскоре они заметили Ринтраха, который прятался за стволом дерева. Жестом он велел им молчать. Затаившись рядом, Вольф взглянул туда, куда указывал брат. Слева из сломанных кустов поднимался хвост разбитого планера, а в двадцати ярдах от них стояли пятеро воинов-абуталов. Их вооружение состояло из небольших круглых щитов из кости и бамбуковых копий с костяными наконечниками. У некоторых были луки и стрелы. Короткие и сильно изогнутые луки, сделанные из какого-то материала, похожего на рог, состояли из двух частей, которые соединялись в центральном углублении дуги. Воины находились слишком далеко, и Роберт не слышал, о чем они говорили.

— Как далеко бьет твой лучемер? — спросила Вала.

— Он убивает на расстоянии пятидесяти шагов, — ответил Роберт. — Следующие двадцать футов — третья степень ожога, еще двадцать — вторая, еще дальше — легкий ожог, ну а еще дальше — ничего.

— Тогда действуй. Напади на них. Ты можешь уничтожить всех пятерых одним махом, и они даже не поймут, что произошло.

Вольф вздохнул. Придет ли такое время, когда ему не нужно будет выслушивать наставления Валу? Прежде он бы давно перебил абуталов и с удовольствием следовал советам сестры и Ринтраха. Но он больше не считал себя Ядавином. Он стал Робертом Вольфом, и Вала либо не догадывалась об этом, либо принимала его колебания за проявление слабости. Он не хотел убивать, но чувство-

вал, что уговоры на абуталов не подействуют. Вала знала этих людей и, вероятно, говорила о них правду. А значит, нравится ему это или нет, он действительно должен занять чью-то сторону.

Позади них раздался крик. Вольф откатился в сторону, сел и увидел в сорока футах от себя трех абуталов, которые выбежали из-за деревьев и помчались к ним навстречу, грозно вскинув копья.

Роберт повернулся к нападавшим, нажал на пластину в нижней части трехфутового ствола — и ослепительно белый луч, с карандаш толщиной, чиркнул по животам трех воинов. Трава у них под ногами задымилась. Все трое упали ничком, выронив копья.

Роберт встал на одно колено и повернулся к оставшимся пятерым абуталам. Двое из них остановились и выкинули луки. Вольф срезал их первыми, затем расправился с остальными. После чего пригнулся к земле и осмотрелся, выискивая тех, кто мог прийти на зов абуталов. Но тишину нарушал лишь ветер в листве, приносящий из деревни крики и приглушенные звуки далекой битвы.

Запах горелой плоти вызывал тошноту. Роберт поднялся и осмотрел сначала три трупа, затем — остальные пять. Он понимал, что никто из них не мог остаться в живых, но ему хотелось убедиться в этом наверняка. Луч рассек тела пополам. Кожа вдоль глубоких ран покрылась запекшейся кровью. Энергия луча, поглощенная телом, сожгла легкие и внутренние органы. Мускульное сокращение кишечника извергло испражнения.

Вала взглянула на лучемет. Ее распирало любопытство, но сестра знала, что Вольф не даст оружие в чужие руки и просить его об этом бесполезно.

— Я смотрю, у тебя две степени регулировки, — сказала она. — И что он может делать на полной мощности?

— Может разрезать десятифутовую стальную плиту, — ответил Роберт. — Но тогда заряд иссякнет через шестьдесят секунд. На половинной мощности лучемет работает до десяти минут без перезарядки.

Она посмотрела на его карманы. Вольф улыбнулся: он не собирался говорить ей, сколько у него там зарядов.

— А где ваше оружие? — спросил он.

Вала тихо выругалась и ответила:

— Его украли, пока мы спали. И я не знаю, кто это сделал. Скорее всего, Уризен или этот скользкий Теотормон.

Вольф направился к месту битвы, сестра и брат старались не отставать от него. Летающий остров отбрасывал бледную тень, которая вскоре обещала стать более густой, поскольку луна, приносящая ночь, все больше наползала на эту сторону планеты. Илмавиры, мужчины и женщины, выпрыгивали из отверстий в днище острова. Другие, зависнув в воздухе на связках пузырей, тушили пожар у корневых основаниях с помощью странных многосегментных предметов, из которых разбрызгивалась вода.

— Это живые морские существа,— объяснила Вала.— Вид амфибий, которые могут передвигаться по суше резкими рывками, выбрасывая струи воды.

Вольф установил лучемер на полную мощность и по пути стал перерезать канаты, на которых висели каменные якоря, и веревки, затянутые вокруг деревьев. Трижды ему попадались абуталы, и Роберт расправлялся с ними, переключая лучемер на половинную мощность. К тому времени, когда они приблизились к деревне, он перерезал сорок канатов и убил около двадцати мужчин и женщин.

— Нам повезло, что ты появился здесь,— сказала Вала.— Мне кажется, мы бы не справились без твоей помощи.

Вольф пожал плечами. Он достал силовой пакет и вставил в затвор оружия небольшой цилиндр. У него осталось шесть обойм, и, если дело так пойдет, он вскоре останется с пустыми руками. Но экономить боезапас в подобной обстановке не приходилось.

Деревню штурмовали около девяноста абуталов. Те, кто спустился на шарах внутрь укрепления, погибли. Большая часть местных жителей теперь тушила пожар. Им уже не приходилось опасаться нападения сверху. После потери такого количества якорей остров илмавириров снесло ветром на четверть мили, и лишь сотня канатов удерживала его над сушей.

На вершине одинокого холма у самой деревни Вольф уничтожил лучом группу абуталов. Как только осаждающие деревню поняли, откуда исходит опасность, полови-

на воинов окружила холм. Все его подножие ошетинилось копьями. На властителей в любую минуту мог обрушиться мощный залп стрел, и они укрылись за спинами четырех белых каменных идолов, стоявших на вершине холма.

— Теперь им придется подумать об обороне, — сказала Вала. — Если они этого еще не поняли, то скоро поймут. И тогда мы этим воспользуемся. Возможно...

Она замолчала, ожидая, пока Вольф расправится с тремя воинами, которые побежали к оврагу у холма.

— Возможно — что? — спросил он.

— Наш любимый папочка оставил на этом острове послание. Он сообщил нам, что мы должны сделать, если захотим добраться до его замка. Прежде всего следует отыскать врата, ведущие туда. На нашем острове их нет, но он намекнул, что пара врат есть на другом острове, хотя и не сказал, где именно. Нам придется искать их самим, поэтому я подумала...

Над толпами абуталов пронесся пронзительный крик, и воины, стоявшие в передних рядах, бросились в атаку. Стрелки прикрывали их, выпуская разом по тридцать стрел. Вольф велел Вале и Ринтраху спрятаться за идолами, что они и сделали весьма охотно. Как ни жаль было тратить заряд, обстоятельства вынуждали к этому. Роберт переключил лучемет на полную мощность и повел белым лучом по головам приближавшихся воинов. От растений и тел повалил дым. Лучники, пытаясь сделать прицельный выстрел, выскакивали из укрытий, попадали под луч и гибли один за другим.

Вокруг Вольфа мелькали стрелы и отскакивали от каменных идолов. Одна оцарапала его плечо, другая, отрикошетив, воткнулась в землю между ног. Вскоре поток стрел иссяк. Увидев обуглившиеся тела и вдохнув запах горелого мяса, абуталы дрогнули. И едва Роберт направил луч на задние ряды, люди в ужасе бросились в джунгли.

— Так что ты задумала? — спросил он Валу.

— Если мы будем плавать на этом острове, наши поиски могут длиться тысячелетиями, и, возможно, нам никогда не удастся найти остров, на котором установлены врата. Очевидно, это и входило в планы отца. О, как бы он наслаждался, наблюдая за нашими тщетными поисками, за нашим отчаянием, разногласиями, а то и резней, кото-

рые неизбежно возникли бы среди нас в столь длительном путешествии. А вот на абуте мы будем двигаться быстрее, к тому же сверху все очень хорошо видно.

— Прекрасная идея,— сказал Вольф.— Но как мы уговорим абуталов принять нас в свою компанию? И где гарантии, что они не набросятся на нас при первом удобном случае?

— Ты забыл, какими способностями обладает твоя младшая сестра. Неужели после стольких лет нашей любви ты не помнишь, как я умею убеждать?

Она встала, повернувшись к стороне джунглей, где, казалось, не было ни души, и громко изложила условия сделки. Ответа не последовало. Немного подождав, она повторила свой ультиматум. Вскоре из зарослей вышел офицер — высокий, хорошо сложенный мужчина, чуть старше тридцати лет и довольно красивый — это было заметно, даже несмотря на то, что его лицо было размалевано разноцветными кругами. Помимо черных узоров на шее и плечах его украшало изображение птицы иифтарз, нарисованное на груди, — знак отличия командира эскадрильи. За офицером следовала его жена, одетая в короткую юбку из красных и синих перьев морской птицы. Рыжая коса была уложена кольцами на макушке, лицо пестрело зелеными и белыми ромбами, на шее висело ожерелье из костей отрубленных пальцев. На обнаженной груди тоже виднелось изображение иифтарз, вокруг пупка были нарисованы три круга: малиновый, черный и желтый. По обычаю абуталов она сопровождала мужа в бою. Если он погибал, ей полагалось отыскать убийц супруга и либо уничтожить их, либо погибнуть в отчаянной схватке.

Пара приблизилась к подножию холма и по приказу Вольфа остановилась. Вала вновь заговорила. Слушая ее, мужчина улыбался, а его жена внимательно следила за каждым движением властителей.

Глава 4

Офицер Дагарн согласился на капитуляцию только после согласования определенных условий. Он наотрез отказался покинуть остров без компенсации потерь и потребовал, по крайней мере, хотя бы часть того, что илмавиры

намеревались захватить в ходе атаки. Вала без колебаний пообещала ему в качестве трофеев домашнюю птицу и животных (морских крыс и небольших тюленей), принадлежавших защитникам деревни. Кроме того, абуталам разрешили изувечить трупы своих врагов и снять с них скальпы.

Обитатели плавучего острова, которые называли себя фрииканами, узнав о таких условиях, начали протестовать. Но Вольф предупредил их вожаков, что, если они не примут предложения, битва будет продолжаться. И он, Вольф, на сей раз не встанет на их сторону. Фрииканы с угрюмым видом согласились выполнить его требования, и абуталы отняли у жителей деревни все, что посчитали ценным.

Властители Лувах, Энъен, Аристон, Тармас и Паламаброн во время сражения отсиживались за высокими стенами. Увидев Роберта, они удивились и с завистью воззрились на его лучемер. Наверное, только Лувах искренне обрадовался появлению Вольфа. Самый низкорослый из всех, с волосами песочного цвета, он мог бы слыть красавцем, если бы не слишком широкий и пухлый рот. Его лицо оживляли темно-синие глаза и россыпь бледных веснушек на щеках и горбатом носу.

Лувах обнял Роберта, прижался к его груди и чуть не расплакался. Вольф не стал вырываться, от души надеясь, что брат не воспользуется случаем, чтобы нанести предательский удар кинжалом. Детьми они были неразлучны; их объединяли не только фантазии и игры, но и полное безразличие к делам и помыслам других честолюбивых братьев. Фактически Лувах не принимал участия в смертельной игре властителей, которая заключалась в том, чтобы убивать или лишать других власти и владений.

— Как отцу удалось выманить тебя из мира, где ты наслаждался счастьем и покоем? — спросил Роберт.

Лувах криво усмехнулся:

— Я мог бы спросить тебя о том же. Возможно, он проделал с нами один и тот же трюк. Ко мне явился его вестник — пылающий гексакулум, — якобы посланный тобой, и сообщил, что ты зовешь меня в гости, ибо, устав от одиночества, хочешь пообщаться с одним из членов семьи, который не желает твоей смерти. Приняв меры предосторожности, которые мне тогда казались достаточ-

ными, я покинул свою вселенную. Посчитав эти врата твоими, я вошел в них — и оказался на острове.

Вольф покачал головой:

— Ты, как всегда, поторопился, брат, и поплатился за свою опрометчивость. Но я польщен, что ты пренебрег собственной безопасностью и решил навестить меня. Вот только...

— Только мне следовало быть настороже и убедиться, что сообщение пришло действительно от тебя. В другое время я бы так и поступил. Но в тот момент мне вспомнилось детство, и я затосковал о тебе, мой брат. Сам знаешь, даже у властителей есть слабости.

Вольф помолчал, наблюдая, как ликующие илмавиры тащат домашнюю птицу, животных, ожерелья и кольца из морских зеленовато-желтых камней.

— Мы попали в очень неприятную ситуацию, Лувах, — сказал он. — Конечно, самая опасная персона — наш отец. Но не менее опасны и те, от кого мы будем во многом зависеть. Несмотря на слово чести, мы должны присматривать за нашими союзниками. Поэтому я предлагаю тебе взаимную поддержку. Когда я буду спать, ты будешь сторожить мой сон. Когда ты заснешь, я встану рядом с тобой на страже.

Лувах печально улынулся.

— Но даже во сне ты будешь следить за мной. Не так ли, брат? — Заметив, что Вольф нахмурился, Лувах торопливо добавил: — Не сердись, Ядавин. Нам с тобой удалось прожить так долго лишь потому, что мы никогда не теряли веры в лучшее будущее. И у нас были на то основания. Я часто с печалью вспоминаю, как когда-то все мы, братья и сестры, жили вместе. Мы росли, учились и играли. Мы были чисты, невинны и любили друг друга. А теперь нас превратили в алчных, ненасытных волков, готовых перегрызть друг другу глотки. Но почему? Почему? У меня есть ответ на этот вопрос. Потому что власти-тели сошли с ума. Они возомнили себя богами, хотя все время были простыми людьми и ничем не отличались от этих дикарей. Им просто посчастливилось стать наследниками великой цивилизации, и они слепо используют ее науку и технологию, не понимая даже принципов, стоя-

щих за ними. Они, как злые дети, забавляются, создавая и разрушая целые миры. Великие мудрецы, одарившие их могуществом, давно обратились в прах, их знание и наука на грани вымирания, а добро, присущее космическим силам, низведено до злобных утех властителей, которые перестают свою неумную гордыню.

— Мне это известно, брат, — сказал Вольф. — И, возможно, даже лучше, чем тебе, потому что еще недавно я был таким же эгоистичным и порочным существом, как остальные. Но мне пришлось многое пережить, и когда-нибудь я расскажу тебе о своих приключениях. Переживание изменило меня и превратило в человека, которого, я надеюсь, ты оценишь по достоинству.

Илмавиры опустили с абуты огромные шароподобные лестницы с тяжелыми грузами. К ним привязали награбленное добро и с помощью направляющих тросов втащили в отверстия нижней части летающего острова. Туда же подняли планеры, которые можно было починить. Затем наверх полезли абуталы, закончившие грабеж.

На Роберта надели кожаный корсет, привязанный к паре пузырей, и он начал подниматься. Вольф держал лучемер наготове, поскольку абуталы могли воспользоваться случаем и попытаться убить его. Однако тревоги и опасения оказались напрасными. Роберта втащили в отверстие, две улыбающиеся женщины подхватили его под руки, оттащили в сторону и освободили от лямок. Пузыри унесли в темное нутро огромного помещения, где, очевидно, находилось хранилище шаров.

Когда все властители оказались на летающем острове, Дагарн и его жена Ситаз повели их по винтовым пролетам лестниц на верхнюю часть острова. Ступени были сделаны из легких, тонких как бумага, но очень прочных затвердевших оболочек газовых пузырей. На абуте, где вес играл решающую роль, применялись лишь самые легкие вещи. Эта особенность, как позднее обнаружил Вольф, повлияла даже на разговорный язык. В целом речь абуталов почти не отличалась от языка предков. Тем не менее произношение некоторых звуков изменилось, и появились новые слова, связанные с весом, формой, гибкостью, размерами, вертикальными и горизонтальными направлениями

движения. Они использовались для определения понятий, о которых старшее поколение даже не догадывалось. Все имена существительные, а также некоторые прилагательные применялись только с соответствующими новыми определениями. Вдобавок абуталы разработали более подробную терминологию для морской и воздушной навигации.

Лестничная клетка представляла собой ствол шахты, вырезанный в густом переплетении корней. Поднявшись наверх, Роберт оказался в центре некоего амфитеатра. Полom служили широкие полосы затвердевших оболочек, а покатые стены состояли из огромных пузырей, скрепленных друг с другом корнями. На огромной палубе имелось только одно строение — длинная, открытая со всех сторон беседка с соломенной крышей. Это общественное здание предназначалось для увеселений и торжеств. Здесь же находились плоские камни, на которых каждая семья готовила себе пищу. Повсюду носились морские крысы и разгуливала домашняя живность, а в небольшом бассейне в центре палубы играли тюлени, которых разводили на мясо.

Ситаз, жена вождя, показала гостям их жилье. Комнаты представляли собой крошечные спальни, вырезанные в толще корней. Пол и стены покрывали оболочки пузырей. Отверстия в полу позволяли спускаться вниз по складным лестницам. Свет проникал через люк или шел от небольших ламп, направленных рыбьим жиром. Места едва хватало, чтобы сделать пару шагов от стены до стены. Каждая комната имела нишу в стене, где в углублении, похожем на гроб, лежал тюфяк из тюленьей кожи, набитый перьями морских птиц. Большая часть дневной и ночной жизни острова проходила на «главной палубе». Ни о каком уединении не могло быть и речи. Единственным исключением являлся капитанский мостик.

Вольф ожидал, что абуталы поднимут якоря и тут же отправятся в путь. Но Дагарн заявил, что придется немного подождать. Во-первых, прежде чем начинать полет над открытым морем, острову необходимо набрать высоту. Бактерии, которые вырабатывали газ, при усиленной подкормке работали очень быстро, но, по расчетам Дагарна, на заполнение пузырей требовалось около двух дней, и только тогда расход газа на маневры не стал бы влиять на высоту.

Во-вторых, при вторжении абуталы понесли значительные потери. Для оперативного управления островом не хватало людей. Поэтому Дагарн предложил последовать обычаю, к которому абуталы прибегали в крайне редких случаях, и восполнить численность населения завербованными фрииканами. Убедившись, что «гости» благополучно разместились, вождь илмавиров решил спуститься на плавающий остров. Вольф из любопытства последовал за ним, а Вала напросилась в провожатые. Роберт так и не понял, что побудило ее к этому — любознательность или желание не спускаться с него глаз. Скорее всего, свою роль сыграли оба мотива.

Дагарн объяснил вождю фрииканов свои требования, и тот удрученно махнул рукой, давая понять, что теперь ему уже все равно. Предводитель илмавиров собрал уцелевших жителей, огласил предложение о вербовке, и, к удивлению Вольфа, многие из них согласились. Вала сказала, что эти два народа обычно враждуют между собой, но сейчас фрииканы потерпели поражение. Кроме того, молодых людей влекла романтика жизни на летающем острове.

Дагарн осмотрел добровольцев и выбрал тех, кто хорошо проявил себя в бою, но в основном отдал предпочтение женщинам, особенно тем, у кого были маленькие дети. После этого последовала церемония ритуальной пытки, которая состояла из легкого прижигания паха у избранных мужчин и женщин. Обычно захваченного врага пытали и мучили до смерти, но, если он выказывал исключительную смелость и стойкость, его принимали в племя. Однако в критических ситуациях пытки были чисто символическими.

Позже, когда остров поплывет по воздушным просторам, новобранцам предстояло принять участие еще в одной церемонии, во время которой каждый из них смешает свою кровь с кровью илмавиров. Это предотвратит возможную месть и предательство, поскольку кровное братство считалось здесь священным.

— Есть и другая причина для пополнения команды, — заметила Вала. — Жители островов, как плавающих, так и летающих, склонны к инцесту. Поэтому, чтобы избежать вырождения, пленников часто принимают в племя.

Вала теперь вела себя с Вольфом очень дружелюбно и старалась проводить с ним все время. Она снова начала называть его словом «уивкрат», которое на языке властителей означало «милый». При любом удобном случае Вала лънула к нему всем телом и даже пару раз дарила легкий поцелуй. Вольф на это никак не реагировал. Он не мог забыть, как пятьсот лет назад, в самый разгар их любовной связи, она пыталась убить его.

Роберт отправился к шестиграннику, через который попал на этот остров. Вала пошла вместе с ним. На ее расспросы он отвечал, что хочет еще раз поговорить с Теотормоном.

— С этим морским слизняком? Чего ради он тебе потребовался?

— Возможно, он мне что-нибудь расскажет.

Они приблизились к воротам. Теотормон не появился, и Вольф подошел к краю острова. Почва под ногами раскачивалась и проседала. По всей вероятности, пузыри здесь прилегали друг к другу не очень плотно.

— Интересно, сколько таких островов на планете и каков их максимальный размер? — спросил он.

— Я не знаю, — ответила Вала. — С тех пор как меня забросило сюда, мы видели издали парочку, но фрииканы говорили, что их очень много. Туземцы упоминали о Матери островов — относительно большом куске суши, о котором они слышали. Еще есть множество летающих островов, и их размеры ничем не отличаются от абуты илмавилов. Но зачем нам обсуждать такие скучные вещи, когда мы могли бы поговорить друг о друге?

— И о чем же, например? — спросил Вольф.

Она повернулась и придвинулась к нему. Ее губы почти касались его подбородка.

— Почему бы нам не забыть того, что случилось между нами? В конце концов, прошло столько времени, а мы были тогда молоды и глупы.

— Сомневаюсь, что ты изменилась с тех пор, — сказал он.

Вала улыбнулась.

— Откуда тебе это знать? Позволь мне доказать, что я стала другой. — Вала обняла Роберта и прижалась лицом

к его груди. — Я другая во всем, кроме одного. О, какая страсть сжигала меня в ту пору. Ты помнишь? И стоило мне увидеть тебя вновь, как я поняла, что любовь в моем сердце так и не угасла.

— Зачем же ты пыталась убить меня в постели? — спросил он.

— Ах, ты об этом! Милый мой, я думала, ты спутался с этой мерзкой и хитрой Алаграадой. Мне казалось, что моя любовь предана. Как ты можешь обвинять женщину в том, что она сходила с ума от ревности? Ты же знаешь, какая я ужасная собственница.

— Вот это я знаю очень хорошо, — сказал он, отталкивая Валу. — Ты с детства любила только саму себя. Все властители эгоистичны, но ты в этом отношении — непревзойденный лидер. Понять не могу, что я в тебе тогда нашел.

— Мерзавец! — закричала она. — Ты любил меня, потому что я Вала. Я — Вала, и этого достаточно!

Он покачал головой:

— Возможно, когда-то так оно и было. Но теперь все изменилось. И никогда не повторится.

— Ты любишь другую! Я ее знаю? Это, случайно, не Анана, моя глупая и кровожадная сестра?

— Нет, — ответил он. — Анана кровожадна, но не глупа — даже Уризену не удалось заманить ее в ловушку. По крайней мере, я не вижу здесь нашей любимой сестры. Или с ней что-то случилось? Она умерла?

Вала пожала плечами и отвернулась.

— Я ничего не слышала о ней уже триста лет. Но твоё беспокойство доказывает, что она тебе не безразлична. О, Анана! Кто бы мог подумать?

Вольф не стал разубеждать ее. И счел неразумным упоминать о Хрисеиде. Хотя Вала никогда с ней не встречалась, такими вещами рисковать не стоило.

Вала повернулась к Вольфу:

— А что случилось с той девчонкой с Земли?

— С какой еще девчонкой? — спросил он, застигнутый врасплох.

— С какой девчонкой? — передразнила она его. — Я говорю о Хрисеиде, той глупышке-смертной, которую ты

похитил с Земли около двух с половиной тысяч лет назад. Там рядом находился город, который назывался Троя — или как-то в этом роде. Потом ты сделал ее бессмертной, и она стала твоей возлюбленной.

— Как и несколько тысяч ей подобных, — небрежно ответил он. — А почему ты вспомнила о ней?

— О, я знаю! Я все знаю! Ты и впрямь стал вырождением, мой братец Вольф-Ядавин.

— Откуда тебе известно мое земное имя? Да, теперь я предпочитаю называться именно так. А что ты еще узнала обо мне? И главное, откуда?

— Я всегда была любопытна и старалась получить любую возможную информацию о каждом из властителей, — ответила она. — Вот почему мне удалось прожить так долго.

— И вот почему погибло так много других людей.

Ее голос снова стал нежным, она улыбнулась ему:

— У тебя нет причин для ссоры со мной. Почему бы нам не оставить прошлое в прошлом?

— А кто ссорится? Ты права: что прошло, то прошло. На то оно и прошлое. Но властители не помнят добрых дел и никогда не забывают своих обид. И пока ты не убедишь меня в обратном, я буду относиться к тебе, как к прежней Вале — такой же красивой и даже более прекрасной, чем раньше, но по-прежнему с черной и прогнившей душой.

Она попыталась улыбнуться.

— Ты, как всегда, слишком резок. Но, возможно, поэтому я тебя и люблю. Ты лучший из всех мужчин. И я считаю тебя первым в числе моих любовников.

Она ожидала, что он вернет ей комплимент, но Роберт ответил:

— Людей в любовников превращает любовь. И я любил тебя. Но эти времена прошли.

Он повернулся и зашагал по краю берега, изредка оглядываясь. Она шла за ним на расстоянии двадцати шагов. То тут, то там почва проседала под ногами.

Вольф остановился, подождал Валу и разочарованно сказал:

— На дне, должно быть, много пещер. Как же нам вызвать Теотормона?

— А никак. Пещер здесь действительно много. Иногда погибает целая группа пузырей — от болезни, возраста, или их объедают рыбы, которым нравится вкус оболочек, — и тогда возникают пустоты, хотя со временем их заполняет новая поросль.

Роберт принял ее слова на заметку. Если дела сложатся слишком плохо, человек всегда может укрыться под островом. Но Вала, очевидно, догадалась, о чем он подумал, — этот дар выводил Вольфа из себя, когда они были супругами.

— Я бы туда ни за что не полезла. Вода буквально кишит пожирателями плоти.

— А как же тогда удается жить Теотормону?

— Не знаю. Возможно, он слишком быстр, силен, и рыбам его не одолеть. И потом, он полностью приспособлен к такой жизни — если только это можно назвать жизнью.

«Жаль, что не удалось повидаться с Теотормоном», — подумал Вольф и зашагал обратно в джунгли. Вала поспешила за ним. Роберт позволил сестре идти сзади, зная, что, пока он нужен ей, она не решится на убийство.

Но не прошел Вольф и нескольких ярдов, как его сбил с ног сильный удар. Сначала он подумал, что на него набросилась Вала. Он откатился в сторону, пытаясь вытащить лучемер из кобуры, и увидел того, кто швырнул женщину ему в спину. На него летело огромное, блестящее и мокрое тело Теотормона. Массивная туша навалилась на Роберта, и от четырехсотфунтовой тяжести перехватило дыхание. Теотормон уселся на поверженного брата и яростно заколотил по его лицу плавниками. Первый же удар поверг Роберта в полубессознательное состояние, второй — погрузил в бездну тьмы.

Глава 5

Вольф на несколько секунд лишился чувств, но частичку сознания ему удалось сохранить. Высвободив руки, он крепко ухватился за оба плавника и развел в стороны покрытые скользкой слизью конечности. Как только к нему вернулась способность рассуждать, он рывком вы-

вернул их. Теотормон завизжал от боли, приподнялся, и Вольф тут же воспользовался этим. Он оттолкнул от себя выпиравшее брюхо, откатился в сторону и, согнув правую ногу, изо всех сил пнул. Теперь дыхание перехватило у Теотормона.

Роберт вскочил на ноги и ударил противника еще раз. Конец туфли угодил в самое слабое место монстра — в голову. Теотормон схватился за лоб и опрокинулся на спину. Вольф ударил его в челюсть, а затем пнул в живот. Зеленые, как мох, глаза остекленели и закатились, ноги подогнулись, прикрывая пах.

Но морской зверь не сдался, и, когда Роберт подошел поближе, чтобы закончить расправу, Теотормон нанес ему удар огромной ступней. Вольф ухватился было за нее, но не удержал и отлетел назад. Монстр вскочил, пригнулся и прыгнул. Роберт метнулся навстречу, выставив правое колено. Удар пришелся Теотормону в подбородок, и оба вновь упали на землю. Вольф выскользнул из-под противника, потянулся за лучеметом, но кобура оказалась пустой. Его брат поднялся на ноги. Соперники стояли лицом к лицу, тяжело дыша, — их разделяло шесть футов. Только сейчас они начали ощущать боль от полученных ударов.

Когда-то с помощью особых процедур Роберт удвоил естественную силу своих мышц. Его кости окрепли и вполне соответствовали приобретенной силе. Но через это прошли все властители, поэтому, вступая друг с другом в рукопашный бой, они обладали примерно одинаковой мощностью. Уризен придал телу Теотормона другую форму, и тот был тяжелее Вольфа на добрых сто шестьдесят фунтов. Однако силу его Уризен увеличивать не стал, поэтому Вольфу пока удавалось давать отпор. Тем не менее вес имел для поединка большое значение, и Роберт в этом уже успел убедиться. Он знал, что, если Теотормон еще раз воспользуется своим преимуществом, встреча может закончиться печально.

Немного отдышавшись, чудище прорычало:

— Сейчас я выбью из тебя дух, Ядавин. А когда ты потеряешь сознание, унесу твоё тело в море, затащу в пещеру под островом, и мои рыбки будут поедать тебя заживо.

Роберт осмотрелся вокруг. Вала стояла невдалеке — на ее лице сияла возбужденная улыбка. Он не стал тратить силы и время на просьбы о помощи, а бросился вперед и подпрыгнул, надеясь ударом обеих ног свалить Теотормона наземь. Тот на мгновение замер от неожиданности — и присел. Именно на это и рассчитывал Роберт, целясь ему в живот. Но Теотормон оказался проворнее и прыгнул еще ниже. Вольф пролетел над чудовищем — его туфли скользнули по мокрой спине — и приземлился на ягодицы позади противника. Мгновенно перекатившись по земле, он вскочил. Теотормон развернулся и прыгнул, ожидая застать Вольфа лежащим, но, к своему огорчению, получил очередной удар в челюсть.

И Теотормон не устоял. Его темная тюленья шкура окрасилась кровью, вытекавшей из лопнувшей губы, разбитой челюсти и сломанного носа. Он лежал на земле, тяжело дыша и всхлипывая. Роберт несколько раз ударил его по ребрам и, убедившись, что тот не скоро встанет, отошел.

Вала захлопала в ладоши и закричала:

— Ну ты ему и дал! Недаром я тебя когда-то любила... и до сих пор люблю.

— Почему же ты мне не помогла?

— А тебе не требовалась помощь. Я знала, что ты выбьешь из этого рыдающего увальня все его дурацкие мозги.

Вольф быстро осмотрел траву — лучемер исчез. Вала как ни в чем не бывало стояла на месте.

— Почему ты не пырнул его ножом?

— Зачем? — удивился Роберт. — Я не хотел его убивать. Мы возьмем его с собой.

Ее глаза удивленно расширились.

— О Лос! Какая от него польза?

— Нам могут пригодиться его способности.

Теотормон застонал и сел. Присматривая за ним краем глаза, Вольф продолжал свои поиски.

— Ладно, Вала. Давай его сюда, — наконец сказал он.

Раздвинув складки мантии, она вытащила лучемер.

— А ведь я могу сейчас убить тебя.

— Тогда поспеши и не трать время на глупые угрозы. Тебе меня не испугать.

— Ах так! Тогда получай! — яростно крикнула она и вскинула лучемер.

«Зря я так раздражил ее, — пронеслось в голове у Вольфа. — Властители горды — слишком горды и очень быстро реагируют на оскорбления».

Но она направила оружие на Теотормона, и белый луч рассек конец одного из плавников. Заклубился дым, запахло горелой плотью. Теотормон упал на спину, разинув рот в беззвучном крике и выпучив от боли глаза.

Вала, улыбаясь, передала лучемер Вольфу. Тот выругался и сказал:

— Какая ты злая, Вала. Злая и глупая. Я же говорил тебе, что однажды он может склонить чашу весов в нашу пользу. И, возможно, от него будет зависеть, жить ли нам дальше.

Вала медленно подошла к поверженному существу и склонилась над ним. Осмотрев его, она приподняла плавник с обугленным концом.

— Он еще жив... пока. Если ты хочешь, его можно спасти. Но плавник придется ампутировать — он обгорел почти наполовину.

Роберт молча зашагал прочь.

Он попросил илмавилов помочь ему доставить Теотормона на остров. С помощью четырех пузырей морское чудовище подняли и втащили через люк. Затем его отнесли в сторону и уложили на полу «брига» — клетки с очень легкими, но крепкими как сталь прутьями из расщепленных оболочек пузырей.

Вольф сам взялся делать операцию. Влив в горло Теотормона наркотический напиток, который принес колдун илмавир, он осмотрел несколько пил и хирургические инструменты. Весь набор принадлежал колдуну, который заботился не только о духовном, но и о физическом благе людей своего племени.

Отобрав несколько пил с зубьями акулородной рыбы, Роберт принялся пилить плавник чуть ниже плеча. Плоть расчленилась легко, но, чтобы отпилить кость, Вольфу пришлось сменить две пилы. Колдун опалил огромную рану пылающим факелом, на рану наложили целебную мазь. По словам колдуна, она спасала жизнь даже тем, кто обгорал наполовину.

Вала наблюдала за ходом операции и тихонько улыбалась. Когда Вольф на секунду оторвался от работы, их взгляды встретились и она засмеялась. Он вздрогнул, хотя ее прекрасный и удивительный смех напоминал звук гонга, который он слышал однажды, путешествуя по реке Газирит в стране Хамшем на третьем уровне своей планеты. Звук казался сотканным из золотистых нот, и смех Валу был таким же. Бронзовый гонг висел в темном адитуме древнего полуразрушенного храма из жадеита и халцедона. Звук приглушали каменные стены и густые заросли зеленых джунглей. Он был бронзовым, но излучал золотистые вибрации. И они звучали, как смех Валу, бронзово-золотой и в то же время какой-то неуловимо зловещий.

— Если дать ране зажить, ему никогда не удастся отрастить новый плавник. Ты же знаешь: если рана начинается, восстановления тканей не происходит.

— Это уже не твоя забота, — ответил он. — Ты сделала все, что могла.

Она фыркнула и стала подниматься по узкой винтовой лестнице на главную палубу. Вольф выждал некоторое время и, убедившись, что шок Теотормона миновал, последовал за ней.

Принятых в племя фрииканов обучали новым обязанностям, и Роберт с интересом понаблюдать за их муштрой. Потом он спросил у Дагарна, чем питаются огромные газовые растения. Ему казалось, что запасы корма должны быть довольно большими, ведь на острове насчитывалось по меньшей мере четыре тысячи пузырей, каждый размером с отсек цеппелина.

Дагарн объяснил, что растущий пузырь не нуждается в питании. Созрев, он отмирает, его оболочка засыхает, твердеет, но ее обрабатывают особым материалом, и она сохраняет гибкость и способность растягиваться. Затем в этот пузырь помещают колонии газообразующих бактерий. Вот их-то и подкармливают, но количество газа, которое они производят, во много раз превышает вес требуемой пищи. На корм в основном идет сердцевина растений, но бактерии могут питаться и рыбой, мясом или разлагающейся растительной массой.

Сославшись на занятость, Дагарн ушел. Тень от луны сползла с острова, и над ним вновь засиял дневной свет.

Абута с силой натягивала удерживающие ее веревки. В конце концов вождь решил, что газа для взлета накопилось достаточно. Каменные якоря были подняты, и веревки, обмотанные вокруг деревьев, обрублены. Летающий остров стал медленно подниматься; ветер подхватил его и понес. Какое-то время абута лежала на высоте ста пятидесяти футов, но, когда газ полностью заполнил пузыри, она поднялась на пятьсот футов. Дагарн приказал приостановить питание бактерий. Он лично осмотрел весь остров и вернулся на мостик только через несколько часов.

Вольф спустился вниз навестить Теотормона. Колдун доложил, что их пациент идет на поправку быстрее, чем можно было ожидать.

Роберт поднялся по лестнице на вершину боковой стены. Здесь он встретил Луваха и Паламаброн — прекрасно сложенного красавца, самого темнокожего в их семье. Его коническую шляпу с шестигранным ободом по обеим сторонам украшали изумрудно-зеленые фигурки сов. Черный плащ со стоячим воротником и эполетами в форме львов, приготовившихся к прыжку, был подбит зеленовато-мерцающим материалом с узором — трилистник, пронзенный окровавленным копьем. На сине-зеленой рубашке выделялся кант с изображением белых черепов. Талию стягивал великолепный кожаный пояс с золотой отделкой, расшитый алмазами, изумрудами и топазами. Мешковатые штаны в черно-белую полоску доходили до икр. Наряд завершали ботинки из мягкой светло-красной кожи.

Удивительно красивая фигура — предмет гордости Паламаброна — была результатом действия особых устройств. Он кивнул в ответ на приветствие Вольфа и ушел. Взглянув ему вслед, Роберт тихо рассмеялся:

— Паламаброн всегда старался не замечать меня. Я бы встревожился, если бы его отношение ко мне изменилось.

— Пока мы здесь, на летающем острове, они ничего не предпримут, — сказал Лувах. — Если, конечно, поиски не затянутся. Интересно, сколько на это уйдет времени? Мы можем вечно летать над морем, но так и не найти врата.

Вольф окинул взглядом красные небеса, зелено-синий океан и оставленный ими остров — кусочек дрейфующей суши, который с высоты казался не больше монетки. Над головой, истошно крича, кружили белые птицы с огромными крыльями. Желтые изогнутые клювы и обведенные оранжевыми крутами глаза придавали им такой вид, словно они знали обо всем на свете. Одна из птиц уселась неподалеку от братьев и, вытянув шею, уставилась на Роберта зеленым немигающим глазом. Вольф вспомнил о воронах Многоярусного мира. А что, если в этих не по-птичьи огромных черепах находятся частички человеческого мозга? Не исключено, что они — соглядатаи Уризена. Ведь отец должен был позаботиться о средствах наблюдения, иначе не получил бы полного удовольствия от своей игры.

— Дагарн сказал, что абуа всегда следует одним и тем же курсом. Она обходит Водный мир виток за витком по спиральной орбите. Так что в конечном счете траектория полета охватывает всю площадь планеты.

— Но остров, на котором находятся врата, может двигаться в ином направлении.

Роберт пожал плечами.

— Тогда мы не найдем его.

— По-видимому, Уризен этого и добивается. Он получит огромное удовольствие, если мы сойдем с ума от досады и скуки, а затем перегрызем друг другу глотки.

— Да, похоже на правду. Но абуа может менять курс по желанию людей. Это очень медленный процесс, но осуществимый. Вот только...

Он молчал так долго, что Лувах потерял терпение.

— Что «вот только»?

— Наш добрый отец населил этот мир не только людьми, но и прочими тварями — птицами, рыбами и животными. Мне кажется, на некоторых островах, как плавающих, так и летающих, мы можем встретить очень злобных летающих тварей.

Снизу братьев окликнула Вала: всех властителей приглашают на обед. Они спустились на палубу и устроились в конце стола. Дагарн поведал им свои планы. Он хотел изменить курс абуы, потому что где-то на юго-западе

дрейфовал еще один летающий остров, который населяли их злейшие соперники — ваериши. Теперь, когда у илмавиров есть Вольф и его лучемер, они могли бы окончательно разделаться с врагами и добыть в битве победу, которая навеки покроет славой великое племя. А недругов пусть поглотят воды океана.

Вольф согласился: возражать в данный момент не имело смысла. Он надеялся, что они не найдут ваеришей, и хотел сохранить силовые пакеты для более важных дел.

Бесконечной чередой тянулись ярко-красные дни и бледно-розовые ночи. Поначалу Вольф еще находил для себя занятие. Он разузнал все, что мог, об управлении абутой. Он изучал нравы племени и характерные особенности обитателей острова. Остальные властители, за исключением Валы, практически не интересовались подобными вещами. Все свое время они проводили на носовой палубе, проклиная абуталов, переругиваясь друг с другом и высматривая остров с заветными воротами Уризена. Среди них всегда находился обидчик и оскорбленный, но пока властители старались не доводить ссоры до откровенной свары.

С каждым днем Роберт чувствовал к ним все большее отвращение. Кроме Луваха, никто из них не заслуживал спасения. Надменность властителей раздражала абуталов. Вольф несколько раз предупреждал об этом братьев, напоминая, что сейчас их жизни во многом зависят от островитян. Стоит разгореться вражде, и зазнавшихся гостей просто вышвырнут за борт. К его советам прислушивались, но проходило время, и ими овладевала тысячелетняя вера в свое богоподобие.

Большую часть времени Вольф проводил на мостике рядом с Дагарном, считая необходимым хоть как-то разряжать напряженность, создаваемую его беспечными братьями и кузенами. Он начал посещать занятия по планеризму, поскольку человек, не освоивший крылатый аппарат, не мог рассчитывать на дружбу и уважение абуталов.

Однажды Роберт спросил вождя, почему полетам придается такое большое значение. Сам он считал планеры забавой и источником проблем, ненужной тратой ресурсов и времени.

Дагарна удивил такой вопрос. Он даже не сразу нашел нужные слова.

— Как почему? Потому что... так надо. Человек становится взрослым только тогда, когда совершит свою первую самостоятельную посадку. И я не согласен с твоим утверждением, что планеры не окупают внимания и затрат. Придет день, когда мы найдем своих врагов, и ты поймешь, как ошибался.

На следующий день Вольф совершил пробный полет. Он и Дагарн сели в двухместный учебный планер. Два огромных пузыря, привязанных к концу каната, подняли машину в воздух. Они набирали высоту до тех пор, пока абута не превратилась в небольшой коричневый овал. Быстрые верхние потоки воздуха отнесли планер на несколько миль от острова. Дагарн, выполняя обязанности инструктора, отсоединил подъемный механизм. С помощью тонкой, но крепкой веревки пузыри втянули назад на абуту, чтобы использовать еще раз.

За свою долгую жизнь Вольф-Ядавин летал на многих приспособлениях. На Земле у него имелось удостоверение пилота, позволявшее управлять небольшим одномоторным самолетом. И хотя последний раз Роберт летал много лет назад, он не забыл прежних навыков. Когда планер начал спиральное снижение, Дагарн доверил Вольфу рычаги управления. Через пару минут он похлопал ученика по плечу, одобрительно кивнул и вновь взялся за штурвал. Машина неслась, подгоняемая ветром, затем отклонилась в сторону и плавно приземлилась на посадочной полосе широкой палубы.

Роберт совершил пять тренировочных вылетов, причем два последних — с самостоятельной посадкой. На четвертый день он поднялся в воздух без инструктора. Это произвело на Дагарна огромное впечатление, и он сказал, что большинству новичков обычно требуется вдвое больше времени. Как-то Вольф поинтересовался, что происходит с тем, кто промахивается при посадке на абуту. Его интересовало, как островитяне поднимают планер наверх.

Дагарн улыбнулся и, подняв ладони к небу, сказал, что неудачника оставляют на волю судьбы. Больше на эту тему они не говорили, но Роберт заметил, что при

каждом его вылете вождь приказывал оставить на острове луче­мет. Вольф доверял оружие только Лува­ху, зная, что в случае его гибели тот не употребит луче­мет во зло. Вер­нее, не до такой степени, как остальные вла­стители.

После полета Роберту приходилось ходить с обна­женной грудью, как полагалось мужчине, на груди которого красовалось изображение иифтарз. Дагарн вы­разил же­лание стать его братом по крови. Услышав об этом, ос­та­ль­ные вла­стители получили повод для язвительных насме­шек:

— Неужели Ядавин, прямой потомок Лоса, сын ве­ликого владыки Уризена, станет брататься с разрисован­ным невежественным дикарем? Да есть ли у тебя гордость, брат?

— Только не вам говорить о братстве, — ответил он. — Во всяком случае, абуталы не таят ко мне ненависти и не жа­лают смерти, чего не скажешь о всех вас, за исклю­чением Луваха. На вашем месте я бы не презирал этих людей. Они хозяева своих маленьких миров. А вы — без­домные крикуны, загнанные в ловушку, как стая безмоз­глых гусей. Так что не торопитесь задирать нос передо мной и ими. Лучше найдите среди них друзей. Могут при­йти такие времена, когда их помощь вам очень пригодится.

В мелком бассейне, прижимая к груди розовый полу­отросший плавник, сидел Теотормон. Услышав спор брать­ев, он тоже выразил свое мнение:

— Все равно вам крышка, проклятые подонки. Вот уж вы покричите, когда Уризен в конце концов захлопнет свою западню. А если говорить о Ядавине, я скажу, что он, в отличие от вас, настоящий мужчина. И только ему я желаю удачи! О, как мне хочется, чтобы он добрался до нашего любимого папаши и отомстил за все его дела. Вам же, остальным моим братьям, я желаю погибнуть ужас­ной смертью.

— Закрой свою пасть, гадкая жаба! — закричал Ари­стон. — Хватит того, что нам приходится смотреть на тебя. У меня желудок выворачивает от твоего вида. Я не жа­лаю слушать такую мразь, как ты. Хотелось бы мне оказаться в моем прелестном мире и увидеть тебя в цепях у подножия трона. Вот тогда бы, чудовище, я позволил тебе говорить,

но в твоих словах была бы только мольба о пощаде. А потом я скормил бы тебя, дюйм за дюймом, моим маленьким крошкам. Ах, мои прекрасные девочки! Как мне их не хватает!

— Однажды ночью я сброшу тебя с летающего острова, — зашипел Теотормон, — и буду хохотать, наслаждаясь, как ты машешь руками в воздухе и визжишь от страха.

— Довольно этих детских перебранок, — оборвала их Вала. — Разве вы не знаете, что каждая ссора между нами лишь радует Уризена? И он обрадуется еще больше, когда вы разорвете друг друга на части.

— Вала права, — сказал Вольф. — Вы называете себя властителями, творцами и правителями огромных вселенных, а ведете себя как избалованные злые дети. Неужели ваша взаимная ненависть так сильна, что вы забыли о том, кто научил вас этому лютому чувству? Но помните, Уризен жив и уже готовит для вас эшафот. Мы можем его остановить! И мы уничтожим его, даже если ради этого нам придется погибнуть. Поэтому постарайтесь вести себя с достоинством — хотя бы теперь. И, быть может, это облагородит ваш конец.

Аристон зарычал и рванулся к Роберту. Его лицо покраснело, рот искривился от злобы. Он был значительно выше Вольфа, но уступал ему по комплекции. Картинно взмахнув руками, Аристон сбросил с плеч шафрановую мантию с орнаментом из зеленовато-алой чешуи.

— Я достаточно натерпелся от тебя, ненавистный брат! — вскричал он. — Твои оскорбления и намеки выводят меня из себя. Ты превращаешься в одного из этих скотов, но считаешь, что чем-то лучше нас. И я ненавижу тебя. Я ненавидел тебя всегда! Сильнее, чем всех остальных! Ты просто ничтожество... ты подкидыш!

Обвинение в том, что властитель не является прямым потомком избранной расы, считалось самым страшным оскорблением, и после такого очевидного вызова Вольф уже не удивлялся, увидев нож в руке Аристона. Роберт встал в боевую стойку и приготовился к поединку, от души надеясь, что до этого не дойдет. Ссора властителей на виду у абуталов могла сильно подорвать их престиж.

С гондолы на носу острова раздались крики. Забили боевые барабаны, и абуталы побросали все дела. Вольф поймал пробежавшего мимо мужчину и спросил, чем вызвана тревога.

Илмавир указал на левый борт и ткнул пальцем куда-то вверх. Роберт повернулся и увидел на красном куполе неба какой-то темный пушистый предмет.

Глава 6

Когда Вольф побежал к мостику, в небе появился новый объект. Не успел он достичь гондолы, как впереди возникли еще два пятна. Роберт встревожился; по спине пополз холодок недоброго предчувствия. Сначала он не понимал, чем вызвана тревога, но люди в гондоле объяснили ему причину смятения. Объекты не дрейфовали по ветру — они двигались под прямым углом к потокам воздуха. Значит, их приводила в движение какая-то сила.

Дагарн попросил Вольфа остаться на мостике, затем повернулся к своим помощникам и отдал несколько распоряжений. Остальным властителям предложили оправдать их пребывание на острове. Дагарн слышал, как они похвалялись доблестью, и вот наступило время, когда хвастливые воины могли доказать свою храбрость мечами, а не болтовней.

Во время боя связь на летающем острове осуществлялась с помощью барабанов. Приказы тем, кто находился во внутренних помещениях или занимал посты у бортовых бойниц и люков днища, передавались через хитроумные устройства. Всю абуту пронизывала сеть тонких труб. Изготовленные из костей рыбы-гиррель, они обладали высокой проводимостью звука. До семидесяти пяти футов абуталы вели переговоры по трубам. На более далекие расстояния сигнал передавался кодом, который выстукивали маленьким молотком.

Вольф наблюдал за Дагарном, чьи приказы прекрасно обученная команда выполняла быстро и точно. Даже дети по мере возможности брались за мелкие поручения, освобождая тем самым взрослое население для более трудных

и опасных дел. Увидев Валу, которая тоже поднялась на мостик, Роберт тихо шепнул:

— Мы называем себя богоподобными властителями, а этих людей — дикарями, но они многому могли бы научить нас по части взаимоотношений и сотрудничества.

— Не сомневаюсь, — ответила Вала, потом осмотрелась и добавила: — Их уже шесть. Что это за шары?

— Дагарн назвал их гнездами ничиддоров, но не успел объяснить мне, кто они такие. Потерпи. Скоро мы все узнаем. И я полагаю, даже слишком скоро.

К планерам прикрепили подъемные пузыри. Пока пилоты рассаживались по кабинам, «наземные» команды подвешивали к крыльям взрывчатые бомбы-пузыри. Вдоль строя планеров продефилировал облаченный в плащ и маску колдун. Поднимая раздвоенный посох, он благословлял машины и пилотов. Колдун останавливался перед каждой парой планеров, тряс священным посохом над носами летательных аппаратов и выкрикивал заклинания. Дагарн терял терпение, но не смел торопить колдуна. Как только посох коснулся последнего из двадцати пилотов и молитва закончилась, вождь дал сигнал. Пузыри с белокрылым грузом отпустили. Они поднимались все выше и выше, пока не достигли высоты в тысячу футов над поверхностью летающего острова.

— Они сбросят бомбы, когда будут пролетать над гнездами ничиддоров, — сказал Дагарн. — Храни их Лос, потому что лишь немногим удастся вернуться. Но если гнезда будут разрушены...

— Их уже восемь! — воскликнул Роберт.

До ближайшего из них осталось не больше полумили. Объект походил на шар диаметром около трех сотен ярдов. Из-за множества неровных отростков его очертания казались расплывчатыми. Поросль скрывала газовые пузыри, расположенные неравномерными концентрическими кругами. На поверхности сфероидного гнезда виднелись сотни крошечных фигур. «Как помет в воздухе», — подумал Вольф.

Дагарн указал в небо, и Роберт увидел несколько маленьких темных точек.

— Их разведчики,— сказал вождь.— Ничиддоры не начнут атаки, пока не получат о нас предварительных сведений.

— А кто они такие, эти ничиддоры?

— Вон один из них спускается, чтобы рассмотреть нас получше.

Размах крыльев с черным оперением достигал по крайней мере пятидесяти футов. Они росли из широких пятифутовых плеч, ниже которых виднелся безволосый человеческий торс. Грудная кость выступала на несколько футов, а под ней находился живот с человеческим пупком. Тонкие ноги заканчивались огромными ступнями с большими когтями-пальцами. Позади торса торчал длинный, черный оперенный хвост. Лицо походило бы на человеческое, если бы не чрезвычайно гибкий нос, который вытягивался на несколько футов, словно хобот слона. Пролетая над ними, ничиддор поднял патрубок носа и пронзительно затрубил.

Дагарн бросил взгляд на лучемет Вольфа, но тот покачал головой:

— Не стоит раскрывать наше преимущество раньше времени. Запас питания моего луча ограничен. Я хочу дожидаться момента, когда одним выстрелом можно будет сразить нескольких врагов.

Он наблюдал, как ничиддор, энергично замахав крыльями, полетел к ближайшему гнезду. Крылатые люди, вне всяких сомнений, были творением Уризена, который поселил их здесь ради забавы. Когда-то они, скорее всего, были людьми, и необязательно властителями, но злобный тиран превратил их в чудовищ. Он мог похитить этих людей из других миров, и некоторые, видимо, происходили от землян. С тех пор они вели странную жизнь под красными небесами и темной луной, рождаясь и вырастая в воздушных гнездах, которые носило ветрами над бесконечной гладью океана. Основным продуктом питания служила рыба, которую ничиддоры ловили на лету когтями. Но, встречая плавучие и летающие острова, они убивали их обитателей и поедали сырое человеческое мясо.

Теперь Вольф понял, каким образом гнезда двигались против ветра. Сотни ничиддоров, ухватившись когтями

за отrostки, дружно махали крыльями. Загаженную небесную колесницу тащили самые странные из когда-либо существовавших птиц.

Когда гнездо приблизилось на четверть мили, взмахи крыльев замедлились. Постепенно приближались другие гнезда. Два из них заходили снизу — ничиддоры собирались атаковать остров со стороны днища. Еще одна пара перекрыла тыл и заняла позицию с противоположной стороны. Дагарн хладнокровно ожидал, когда ничиддоры выстроятся боевым порядком.

Вольф спросил, почему он не прикажет планерам атаковать.

— Если планеры сбросят груз до того, как основная масса ничиддоров ринется в бой, крылатые люди взлетят и перехватят бомбы, — ответил вождь илмавилов. — И новым планерам не прорвать их строй. Но когда мы отвлечем основные силы на себя, у пилотов появится возможность добраться до гнезд. Я это знаю по собственному опыту.

— Неужели ничиддоры не понимают, что сначала надо уничтожить планеры? — спросил Роберт.

Дагарн пожал плечами.

— Ты сразу уловил суть дела. А вот они никогда не следуют тому, что, казалось бы, подсказывает сама стратегия боя. На мой взгляд, лишившись рук, ничиддоры потеряли и часть разума. Конечно, они могут манипулировать предметами с помощью ног и хоботов, но используют орудия труда только в очень редких случаях. Я могу ошибаться, но мне кажется, что ничиддоры получают какое-то наслаждение, оставляя нам шанс на победу. А может быть, они самонадеянны, как морские орлы, которые атакуют акул, на тысячу фунтов превосходящих весом птиц. Акулы коварны и опасны, поэтому орлы не могут их убить, но и в противном случае у них не хватило бы сил перетащить добычу куда-нибудь на поверхность острова.

Ветер доносил до абути бормотание множества голосов и рев сотен хоботов. Внезапно наступила тишина. Дагарн застыл, настороженно озираясь. Затем медленно поднял руку. Воин, стоявший рядом с ним, держал в руке

пузырь. У его ног лежал похожий на чашу камень с горящими углями. Юноша не спускал глаз с вождя.

Тишину разорвал дружный вопль ничиддоров, затрубивших в носы-змеи. Со всех сторон послышался рокот, напоминавший далекий гром. Крылатые люди выпрыгивали из гнезд, складывая крылья за спиной перед первым взмахом. Дагарн махнул рукой. Воин погрузил короткий запал в огонь и выпустил шар. Он взмыл на пятьдесят футов вверх и взорвался.

Планеры отсоединили подъемные пузыри и устремились к гнездам. Вольф взглянул на темную волну приближавшихся тел, и, несмотря на лучемет, который он держал в руках, его охватили сомнения. Илмавиры не раз уже отбивали атаки ничиддоров, хотя и несли при этом большие потери. Но никогда еще абу́ту не окружали целых восемь гнезд.

В вышине пронеслась огромная белая птица. Вольф услышал ее крик и снова подумал, что она могла оказаться «оком» Уризена. Не следил ли отец за ними, используя глаза и разум этих птиц? Если это так, он увидит зрелище, от которого затрепещет его кровожадное сердце.

Ничиддоры окружили остров густым черно-коричневым облаком. Оставаясь за пределами досягаемости стрел, они принялись летать вокруг острова. Они кружили и кружили вокруг абу́ты, все ближе и ближе. Илмавиры-лучники, все как один мужчины, ждали сигнала вождя. Рядом с ними стояли женщины, вооруженные пращами.

Дагарн понимал, что, разместив людей вдоль стен, он лишь ослабит оборону, поэтому основные силы сконцентрировались на носу. Ничиддоры могли без помех совершить посадку на противоположном конце острова, но они не воспользовались такой возможностью. Скорее всего, им не хотелось участвовать в битве, передвигаясь на слабых и немощных ногах.

Вольф поискал взглядом планеры. Некоторые исчезли из поля зрения и, видимо, атаковали два гнезда под днищем острова. Другие в крутом вираже приближались к цели. Из обители врага им навстречу летели ничиддоры.

Две машины промчались над ближайшим гнездом. От них отделились маленькие шарики, которые, оставляя в

воздухе полосы дыма, попадали в центр птичьего острова. Хлопая крыльями, к ним помчались самки ничиддоров. Раздался взрыв, полыхнул огонь, и в небо взметнулся столб дыма. За ним последовал следующий взрыв.

Оба планера резко взлетели вверх. Пользуясь восходящим потоком взрывной волны, они сделали вираж, набрали высоту и развернулись для нового, последнего захода. Их бомбы достигли цели. Огонь в мгновение ока распространился по сухим растениям и добрался до гигантских газовых ячеек. Пронзительный визг самок наполнил пространство и перекрыл шелест крыльев и трубный вой кружившихся орд. Самки вылетали из пожарища, унося в когтях своих детенышей. А потом пузыри взорвались. Пылавшие клочья гнезда сжигали самок в полете, жар опалял их крылья, и детеныши падали в море, беспомощно размахивая слабыми крылышками.

Вольф видел, как отважная мать, по-ястребиному сложив крылья, бросилась вслед за падающим детенышем. Ей удалось поймать его, и, отчаянно замахав крыльями, она медленно набирала высоту, направляясь к уцелевшему гнезду.

Еще два сфероида, охваченные пламенем, взорвались и упали в океан. Несколько сотен самцов нарушили кольцо блокады и понеслись к планерам, которые далеко внизу готовились к посадке на воду.

Гнезда за бортом оставались вне пределов досягаемости лучемета. Но Вольф подумал о тех двух шарах, которые атаковали абуку снизу. Сообщив вождю о своем плане, Роберт спустился по пятидесятифутовой лестнице к люку в днище острова. Как он и полагал, здесь гнезда находились совсем близко. Установив лучемет на полную мощность, он одним движением поразил оба сфероида. Взрыв пузырей оказался настолько мощным, что волна горячего воздуха подбросила его вверх и ударила о платформу. Люк заволокло густым дымом, а когда немного прояснилось, Роберт увидел летящие вниз куски горящих растений. Тела детенышей и самок с плеском падали в море.

Воины-мужчины из этих гнезд попытались ворваться в люк на дне острова. Вольф без устали косил их лучом, работавшим вполсилы. Очистив пространство под собой,

он перебегал по трапу от люка к люку и жег противника огнем. Роберт уничтожил около сотни нападавших, но ничиддоры пробили брешь в обороне абуталов и проникли в недра острова через кормовые люки. Вольф сражался с ними довольно долго, так как приходилось действовать с предельной осторожностью, чтобы не попасть лучом в многочисленные огромные пузыри. Уничтожив на корме около тридцати противников, Вольф понял, что со всеми ему не справиться. Величина острова не позволяла защищать лабиринты нижней части в одиночку.

Когда он снова поднялся на палубу, ничиддоры предприняли массированную атаку. Носовую часть острова захлестнул визжащий, кричащий и вопящий водоворот. Повсюду валялись мертвецы.

При первой атаке лучники и пращники нанесли врагу тяжелый урон, но второй вал накрыл палубу, ничиддоры надели абуталов, и битва превратилась в рукопашный бой. Используя в качестве оружия лишь крылья и когти на ногах, летающие люди компенсировали этот недостаток потрясающей силой. Взмахом крыла ничиддор сбивал ил-мавира с ног и, прыгая на теле оглушенного, истекавшего кровью противника, разрывал его на части крючковатыми когтями. Абуталы защищались копьями и мечами, лезвия которых усеивали зубы акул. В ход шли ножи, изготовленные из крепкого, похожего на бамбук, растения.

Вольф методично убивал всех ничиддоров, которых встречал на пути. Властители сбились в кучу и, встав спиной к спине, отбивали очередное нападение. Тщательно прицелившись, Роберт перебил наседавших на них врагов. Заметив мелькнувшую рядом тень, он упал на спину и выстрелил в воздух. На палубу рухнули два ничиддора. Один из них едва не свалился на Вольфа. Его накрыло огромным крылом, в ноздри ударил запах рыбы. Он выбрался из кучи смятых перьев и успел сразить двух противников, которые прижали Дагарна к стене. Рядом лежала Ситаз, жена вождя. Ее копьё застряло в животе крылатого человека. Лицо и грудь женщины были истерзаны в клочья. Раненый ничиддор в ярости разрывал ее живот. Вольф выстрелил — и чудовище рухнуло на спину, сжимая в лапах кишки своей жертвы.

А затем и Роберт оказался на грани смерти. На него со всех сторон налетали враги, он крутился как волчок, и луч, рассекая пространство вокруг, встречал все новых и новых ничиддоров. Дымящихся, разрезанных пополам трупов становилось все больше и больше. Перебравшись через мертвые тела, Вольф побежал на другой фланг. Он стрелял налево и направо, луч разил врагов, но пару раз в пылу сражения под него попали и абуталы. Этого избежать не удалось, и ему повезло, что подобных жертв оказалось немного.

Несмотря на отчаянное сопротивление, илмавиры потеряли половину своих воинов и, как ни старался Вольф, терпели поражение. Атака ничиддоров, понесших огромные потери, превратилась в безумный шквал ярости. Они и не думали отступать. Они жаждали истребить врага, пусть даже ценой гибели собственного племени.

Роберт еще раз очистил пространство вокруг властителей. Залитые кровью, они твердо стояли на ногах и ловко орудовали мечами. Вольф крикнул, чтобы братья собрались вокруг него. И пока они отбивали нападение с флангов, он защищал их от атак сверху. Стоя на гряде мертвых ничиддоров и упираясь ногами в скользкие трупы, Роберт хладнокровно продолжал обстрел. У него осталось только два силовых пакета. Он знал, что этот боезапас понадобится в коридорах крепости Уризена. Но у него не оставалось выбора — если он не воспользуется лучеметом, ему, да и тем, кто сражался вместе с ним, придется умереть.

Услышав крик Валы, которая стояла впереди, Вольф взглянул туда, куда она указывала, и увидел стремительно приближавшийся темный объект. По небу мчалась черная комета. Она появилась в самый разгар битвы, и люди заметили ее слишком поздно.

Стоявшие неподалеку абуталы тоже посмотрели вверх. Издав вопль отчаяния, они побросали оружие и, не обращая внимания на крылатых людей, побежали к ближайшим люкам. Ничиддоры, обнаружив в небе причину их паники, с криками заметались по палубе. Одни взмывали в воздух и мчались к гнездам, другие пытались скрыться под днищем острова.

Крепко сжав лучемер, Вольф вслед за остальными бросился к ближайшему укрытию. Дагарн рассказывал ему о черных кометах, которые время от времени проносились над планетой, поэтому Роберт знал об опасности, которая сопровождала каждое их появление.

Подбегая к люку, Роберт услышал позади тихий свистящий звук. На поверхности стен появились дыры; из обшивки главной палубы показались маленькие струйки дыма. Ничиддор, зависший в десяти футах над палубой, неистово замахал огромными крыльями, пронзительно закричал и рухнул на палубу. На его теле виднелись кровавые раны, от крыльев валил дым. На палубу все падали и падали крылатые люди, а затем смерть настигла и нескольких абуталов. Трупы подергивались под градом крохотных капель.

Мощный удар ртутной капли выбил лучемер из рук Роберта. Он остановился, подобрал оружие и снова побежал. Однако подобраться к люку ему не удалось, потому что вокруг толпились властители. Одни отпихивали друг друга, ругались и зывали к Лосу. Другие молили Уризена о пощаде и выкрикивали имя давно умершей матери.

На миг Вольфа охватила паника, и ему захотелось расчистить себе дорогу лучемером. Именно так и поступил бы любой из них, за исключением разве что Луваха. Палуба стала пастью смерти, и в счет шли доли секунды.

Застравший в люке человек наконец протиснулся внутрь, остальные ногами и руками пробивали себе путь к спасению.

Вольф нырнул в люк, как в воду. Что-то чиркнуло по его брюкам, опалив икры ног. Летящие брызги просвистели над головой, горячая ртуть впиалась в затылок. Он кубарем скатился по ступеням короткой лестницы, выронил лучемер и, приземлившись на руки, перекувырнулся, чтобы ослабить силу удара. Роберт поднялся и обнаружил рядом Паламаброна, который начинал спускаться по второй лестнице. Испугавшись, что его опередят, Паламаброн закричал и, заспешив, сорвался вниз. Вольф заглянул в шахту лестничной клетки и увидел его в куче упавших властителей. Все кричали и проклинали друг друга. Однако никто не пострадал.

В другое время Роберт бы от души посмеялся. Но теперь приходилось думать о себе, и он начал выскабливать из волос мелкие шарики горячей ртuti. Вольф осмотрел ноги и, убедившись, что капли только задели его, спустился по лестнице к братьям. Он понимал, что сейчас лучше всего находиться в самом низу. Если этот тяжелый и неторопливый ливень разрушит верхнюю палубу, раскаленная ртутная дробь пробьет большие газовые пузыри — и тогда обитателям абуты конец.

Глава 7

В полумраке у трапа возле круглого отсека Вольфа встретила Вала. Она смеялась, и ее смех не казался истерическим. Роберт знал, что, будь здесь достаточно света, он увидел бы в ее глазах блеск радости и счастья.

— Я рад, что ты находишь это забавным,— сказал он. Его с ног до головы покрывала кровь ничиддоров, которую постепенно смывал обильный пот. Тело сотрясал озноб.— Ты всегда казалась мне странной, Вала. Даже ребенком тебе нравилось дразнить нас и разыгрывать грубые шутки. А став женщиной, ты испытывала наслаждение не от любви, а от вида крови и страданий других людей.

— Да, я настоящий отпрыск властителей,— ответила она.— Я дочь своего отца. И могу добавить — сестра своего брата. Ты ничем не отличался от меня, дорогой Ядавин, пока не превратился в сентиментального человеколюбивого Вольфа, дегенерата-полуземлянина.— Она подошла к нему и, понизив голос, сказала: — У меня давно не было мужчины, Ядавин. А ты не касался женщины с тех пор, как прошел через врата. Я же знаю, что ты еще тот самец и начинаешь скрипеть зубами, если хоть раз в сутки не переспишь с женщиной. Может быть, отложишь столь очевидную ненависть ко мне, которую я, кстати, не понимаю, и немного прогуляешься со мной? Здесь сотни укромных мест, где тепло, темно и уютно... где нам никто не помешает. Ты видишь, я почти забыла о своей гордости и прощу тебя об этом.

Она говорила правду. Роберта переполняла сила и энергия мужчины. И теперь он чувствовал, как им овладевало

желание, которое он день за днем подавлял, с головой погружаясь в дела и заботы. А когда наступала ночь и он укладывался спать, ему приходилось отвлекать себя составлением планов предстоящей битвы с отцом, где Роберт старался учесть тысячи случайностей и выискивал самые лучшие варианты.

— Сначала кровавый пир, а на десерт похоть и страсть,— усмехнулся он.— Но тебя возбуждали звон клинков и струи крови, а не я.

— Ты прав — и то, и другое,— сказала она, протягивая руку.— Идем же со мной.

Он покачал головой:

— Нет. И я не хочу больше слышать об этом. Между нами все кончено — раз и навсегда.

— Как скоро будет покончено и с тобой! — закричала она.— Еще никто не смел...

Вала резко отвернулась и ушла, а когда он вновь увидел ее, она о чем-то возбужденно говорила с Паламаброном. Через несколько минут они встали и скрылись в полумраке коридора.

В какой-то миг ему захотелось вернуть их. Формально они покинули свои посты. Опасность нападения ничиддоров, похоже, миновала, но, если ртутный дождь усилится и верхние перекрытия будут серьезно повреждены, летающий остров начнет разрушаться.

Он пожал плечами и отвернулся. В конце концов, у него нет никакого права командовать этими людьми. Сотрудничество среди властителей подкреплялось лишь устным соглашением, поэтому никаких твердых условий, а тем более системы наказаний между ними не предполагалось. К тому же любое вмешательство с его стороны могли расценить как проявление ревности. И такое обвинение имело бы реальные основания. Увидев, что Вала уходит с другим мужчиной, он почувствовал приступ боли и тоски. Она до сих пор много значила для него, и, несмотря на прошедшие пятьсот лет, ее измену и попытку убить его, Вольф по-прежнему хранил в сердце частичку любви.

— Как долго длится ртутный ливень? — спросил он у Дагарна.

— Около получаса,— ответил вождь.— Капли несутся в хвосте черных комет. Мы называем их «смехом Уризе-

на», потому что они — творение его рук. Уризен самый жестокий и кровожадный бог. Он радуется, когда его народ страдает.

Предводитель илмавинов относился к Уризену иначе, чем властители. За те многие тысячелетия, которые прошли здесь потомки попавших в ловушку властителей, имя Уризена стало синонимом зла, а сам он превратился в злого демона божественного пантеона абуталов. Представления Дагарна о космосе поражали невежеством и наивностью. Он считал свой мир единственным во вселенной, а властителей причислял к рангу полубогов, как сыновей и дочерей Уризена от смертных женщин. Он знал, что властителей можно убить, несмотря на всю их сверхъестественную мощь.

Раздался взрыв. Вольф подумал, что в дальнем конце острова пробило один из газовых пузырей, и испугался. Но абуталы, стоявшие у люков, закричали, что это взорвалось еще одно гнездо ничиддоров. Менее защищенное, чем остров, оно попало под ртутный дождь: пузыри начали взрываться один за другим, и цепная реакция охватила весь сфероид.

Вольф подошел к Теотормону, который скорчился в темном углу. Младший брат посмотрел на него с ненавистью и страданием и, когда Роберт заговорил с ним, гордо отвернулся. Вольф молча сел рядом. Через минуту Теотормон беспокойно заерзал на месте и, в конце концов взглянув на Роберта, сказал:

— Отец говорил мне, что есть четыре планеты, которые вращаются вокруг пятой. На центральной планете — Аппирмацуме — расположена его крепость. Все планеты равны по размерам, и каждую из них от Аппирмацума отделяет не более двадцати тысяч миль. Вселенная Уризена довольно старая. Отец создал ее по меньшей мере пятнадцать тысяч лет назад, но держал свои планеты закрытыми, активируя врата только в тех случаях, когда хотел войти или выйти. Вот почему ваши определители миров не могли обнаружить эту вселенную.

— До сих пор я видел только три планеты, — задумчиво произнес Роберт. — Значит, они расположены по углам квадрата, и противоположная планета всегда скрыта Аппирмацумом.

Его не интересовало, каким образом столь большие небесные тела удерживаются в сравнительной близости друг от друга и остаются на постоянных орбитах. Наука властителей выходила за рамки его понимания — как, в сущности, и всех других потомков древней расы. Они унаследовали и использовали силы, принципы действия которых никто уже не понимал. Но знание основ науки не заботило властителей. Им хватало того, что они владели этими силами.

Иногда недостаток знаний делал властителей очень уязвимыми. У каждого из них имелось множество машин и механизмов. Если какая-нибудь вещь ломалась, терялась или ее похищали, властителям не оставалось ничего другого, как в свою очередь красть такую же вещь у сородичей — если только у тех имелось нечто подобное. Создаваемые ими оборонительные системы, несмотря на, казалось бы, абсолютную неприступность, всегда имели слабые места, которыми пользовались другие властители. Вся стратегия заключалась в умении выжить в настойчивых атаках и поиске подобных слабых мест. Поэтому какой бы беспомощной ни казалась их группа, Вольф не терял надежды на победу.

Ожидая окончания ртутного ливня, он погрузился в размышления. Из глубины сознания совершенно не к месту пришла мысль, которая занимала его последнее время. Она не имела никакого отношения к сложившейся ситуации. Но ее, видимо, направило к нему подсознание, чтобы хоть как-то облегчить тревогу о Хрисеиде, которой он в этот момент ничем помочь не мог.

С тех пор как он восстановил в памяти всю прожитую жизнь Ядавина — владыки Многоярусного мира, — Роберта не переставали удивлять имена его отца, братьев, сестер, кузенов и кузин. Уризен, Вала, Лувах, Анана, Теотормон, Паламаброн, Энъен, Аристон, Тармас и Ринтрах — все эти имена упоминались в обширных мрачных родословных, которые можно найти в дидактических и символических произведениях Уильяма Блейка. И Вольф не верил, что данный факт объяснялся простым совпадением. Но как о них узнал английский мистик? Неужели он встретил изгнанного властителя, который скитался по Земле и по

каким-то причинам рассказал поэту о древней расе создателей вселенных? Такое вполне могло произойти, после чего Блейк положил некоторые из его рассказов в основу своих апокалипсических поэм. Но если это так, то Блейк сильно искажил услышанную историю.

Вольф решил, что, если ему когда-нибудь удастся выбраться из ловушки отца, он обязательно отправится на Землю и проведет там исследования, а затем расспросит всех властителей, которые согласятся с ним встретиться и поговорить.

Стук ртути о борта прекратился. Подождав для большей уверенности еще с полчаса, островитяне поднялись на главную палубу. Настил оказался сломан, прожжен и пробит во многих местах. Стены изрешетило так сильно, что корни и листья превратились в почерневшие лохмотья. Но больше всего пострадала гондола — от нее остались одни обломки. По всей палубе валялись маленькие блестящие шарики.

— Ртутный ливень абсолютно не похож на метеоритный дождь, — сказал Теотормон. — Капли летят со скоростью около сотни миль в час, но, попадая в атмосферу, замедляют скорость, а перед тем как упасть в море, разлетаются на мелкие брызги. Однако сам видишь...

Он махнул плавником, указывая на разрушенную поверхность летающего острова.

Роберт осмотрел пространство над морем. Уцелевшие гнезда медленно удалялись к горизонту. У крылатых людей теперь хватало своих проблем, и илмавиры их больше не интересовали. Одно гнездо оказалось настолько перегруженным беженцами с разрушенных сфероидов, что начало постепенно терять высоту.

Дагарн выглядел мрачным и опечаленным. Большая часть племени погибла; абутам едва удавалось управлять островом, и любая встреча с противником могла окончиться гибелью их летающего дома. Отныне им предстояло беспомощно дрейфовать над океаном, обходя по спирали небольшую планету. Они могли вернуть себе былую славу только после того, как подрастут дети. Но вряд ли враги оставят их в покое на такое долгое время.

— Мой народ обречен, — грустно произнес вождь.

— Ничто не потеряно, пока ты продолжаешь сражаться,— ответил Роберт.— В конце концов, вы можете избежать стычек с летающими и плавающими островами. Я слышал, что единственной причиной ссоры между двумя абутами служит то, что они подходят друг к другу слишком близко. Но этого можно избежать. А ничиддоры появляются очень редко, и за последние пятнадцать лет вы ни разу не встречали столько гнезд.

— О чем ты говоришь! Уклоняться от сражений! — вскричал Дагарн, у которого от удивления отвисла челюсть.— Это же... Такое и в голове не укладывается. Нас посчитают за трусов, и наши имена станут словом презрения в устах врага.

— Все это вздор,— сказал Вольф.— Другие абуталы даже не разглядят вас, если вы не позволите им приблизиться. Впрочем, поступай, как знаешь. Если илмавиры не захотят отказаться от своих предрассудков, ваша гибель неизбежна.

Роберт начал помогать другим очищать остров от трупов. Мертвых и раненых ничиддоров побросали за борт. Павшим в сражении абуталам устроили долгую похоронную церемонию, которую пришлось проводить вождю, поскольку колдуну во время битвы открутили голову. В конце ритуала тела героев перекинули через борт, и их приняло море.

Дни и ночи остров медленно сносило ветром. Вольф часами следил за движением огромных коричневых планет, которые, как и центр вселенной, Аппирмацум, находились всего лишь в двадцати тысячах миль. И близко и далеко. С таким же успехом планета могла находиться за миллионы миль. Неужели он никогда не попадет туда? У Роберта возникла идея, и идея настолько фантастическая, что он почти отказался от нее. Хотя при наличии необходимых материалов он, наверное, мог бы воплотить в жизнь этот план.

Абута пролетала над полярной областью, но поверхность воды внизу ничем не отличалась от других районов планеты. Дважды на горизонте появлялись вражеские острова. Однако когда они начинали приближаться к абуте илмавилов, вождь скрепя сердце приказывал отходить на

предельной скорости. По бортам открывались клапаны газовых пузырей, летающий остров набирал боковое ускорение, и расстояние между двумя абутами не менялось. Через какое-то время противник прекращал преследование, не рискуя больше тратить газ своих пузырей.

Дагарн объяснил, что маневры абуталов перед началом битвы иногда занимают до пяти дней.

— Я никогда не встречал людей, которые бы так стремились к смерти, — ответил на это Вольф.

Многие властители уже потеряли всякую надежду и считали, что полет над пустынными водами океана никогда не приведет к намеченной цели. Но однажды крик дозорного заставил их вскочить на ноги.

— «Мать островов»! — кричал он. — Прямо по курсу? «Мать всех островов»!

По сравнению с «мамой», «детки» ее были совсем крохотные. С высоты трех тысяч футов Вольф одним взглядом окинул плавающую массу от берега до берега. Кусок суши не превышал двенадцати миль в длину и тридцати — в ширину. Но величина — понятие относительное, и по меркам этого мира остров действительно мог считаться континентом.

Здесь имелись заливы и бухты, в низинах виднелись озера морской воды. В былые времена какая-то сила — а может быть, и столкновение с другими островами — измяла берега острова, образовав при этом холмы. И вот на вершине одного из них Роберт заметил врата.

Он увидел пару шестиугольников из какого-то мерцающего металла, огромные отверстия которых напоминали арки ангаров для дирижаблей.

Вольф поспешил к Дагарну. Но вождь уже заметил врата и отдавал приказы. Когда-то он дал Роберту клятву, что, когда врата найдутся, илмавиры исполнят свое обещание и высажат с абуты Вольфа и других властителей.

Времени на выпуск газа и снижение почти не оставалось. Прежде чем достичь желаемой высоты, абута могла пройти над Мицей — «Матерью всех островов». Поэтому властители поспешили на нижнюю палубу, где для них уже подготовили упряжь парашютов-пузырей. Застегнув ремни на плечах, груди и ногах, они столпились вокруг

люка. Здесь же собрались илмавиры: им хотелось проводить гостей. Но слова прощания предназначались только Вольфу и Луваху. Им с поцелуями вручили по цветку молодого растения, производящего газ. Роберт произнес ответную речь, а затем скользнул в люк. За ним последовали остальные властители.

Падение ничем не отличалось от прыжка с раскрытым парашютом. Вольф попытался спуститься на поляну среди деревьев, но, не рассчитав силы ветра, налетел на макушку дерева, которая согнулась под ним и замедлила падение. Все приземлились довольно удачно, правда, некоторые получили синяки и царапины. Теотормону, который весил четыреста пятьдесят фунтов, для спуска выделили дополнительную оснастку, но он все равно приземлился раньше всех. Его резиновые ноги спружинили, он покатился кувырком, ударился головой и вскочил, завывая от боли.

Пока родичи приходили в себя, Роберт помахал рукой илмавирам, которые наблюдали за ними из люков. Остров пролетел над Мицей и вскоре скрылся из виду. Властители направились через джунгли к холму. Рассматривая Мицу с абуты, они видели множество туземных поселений, поэтому шли с опаской, замирая при каждом звуке. Но на пути к воротам они не встретили ни одного аборигена и без происшествий добрались до огромных шестигранников.

— А почему их два? — спросил Паламаброн.

— Я уверена, что это еще одна из загадок нашего отца, — сказала Вала. — Одни ворота должны вести в его дворец на Алпирмацуме. Но вот куда ведут другие, никому не известно.

— Как же мы узнаем, куда нам идти? — спросил Паламаброн.

— Глупый! — захохотала Вала. — Мы это поймем, когда войдем в какой-нибудь гексакулум.

Роберт чуть заметно улыбнулся. С тех пор как сестра прогулялась с Паламаброном в темный уголок, она обращалась с ним еще с большим презрением и ненавистью, чем с остальными. Паламаброн это озадачивало. Видимо, он ожидал от нее большей благодарности.

— Мы все должны пройти в одни ворота,— сказал Вольф.— Неразумно делить силы. Угадаем мы или нет, но нам надо держаться вместе.

— Ты прав, брат,— ответил Паламаброн.— Кроме того, если мы разделимся и одной группе удастся уничтожить Уризена в его крепости, она может захватить власть. И тогда вторая группа будет обречена.

— Я не это имел в виду, предлагая остаться вместе,— проворчал Вольф.— Но мыслишь ты логично.

— Только неизвестно чем,— подхватила Вала.— Паламаброн такой же никчемный мыслитель, как и любовник.

Кузен побагровел и положил руку на эфес меча.

— Мне надоело сносить твои оскорбления, ты, грязная, течная сука! — закричал он.— Еще одно слово, и твоя голова покатится с плеч.

— Нам еще представится случай помахать мечом,— вмешался Роберт.— Прибереги свою ярость для тех, кто нас ждет по другую сторону этих врат.

Вдруг в кустах за сотню ярдов от холма он заметил какое-то движение. Из-за кустов показалось лицо: за ними наблюдал туземец. «Интересно,— подумал Вольф,— неужели никто из местных жителей не пытался пройти через врата? И если такие попытки все же предпринимались, исчезновение людей должно было приводить аборигенов в ужас. Возможно, сюда им вообще не разрешается ходить».

Отношение туземцев к вратам интересовало Роберта по той причине, что он в будущем рассчитывал на их помощь. Но сейчас на расспросы не оставалось времени. Вернее, он не хотел терять это время. Хрисеида находилась в крепости Уризена, и каждый миг промедления мог приносить ей нестерпимые мучения. Отец способен не только на душевные, но и на физические пытки.

Вольф вздрогнул и попытался выбросить из головы мрачные картины, которые рисовало его воображение. Всему свой черед.

Властители выжидающе смотрели на Вольфа. Они давно считали его своим лидером, хотя всячески отрицали это. Самым старшим среди них был Тармас, но братья не признавали старшинства по возрасту. Когда им в этом ми-

ре угрожала опасность, помощь шла только от Вольфа, и только он принимал неотложные и эффективные меры. К тому же у него имелся лучемер, но, помимо прочего, они чувствовали в нем что-то такое, чего не хватало им. Однако они отрицали и это. Пожив на Земле, Роберт без труда справлялся с тем, что властители считали для себя слишком приземленным и недостойным внимания. Не приученные к тяжелому труду, не соприкасавшиеся раньше с вещами и проблемами, они чувствовали себя в чужой вселенной потерянными. Да, они создавали свои личные миры и правили ими как боги или полубоги. Но теперь властители чувствовали себя не лучше — а иногда даже и хуже — дикарей, которых они так презирали. И только Ядавин — или Вольф, как они уже начинали называть его, — знал, как выжить в этом диком мире.

— Ну что же, братья! От судьбы не уйдешь, — воскликнул он. — Орел или решка.

— Это что еще за варварский язык? — спросила Вала.

— Один из земных. И вот что я вам скажу. Раз уж Вала среди нас единственная женщина...

— Но более мужественная, чем многие из вас, — добавила она.

— ...пусть она и выбирает, в какие врата нам войти. Думаю, этот вариант решения ничем не хуже других.

— Эта мерзавка ни разу в жизни не поступала правильно! — вскричал Паламаброн. — Но я согласен, пусть она выбирает врата. И мы не ошибемся, если войдем в те, на которые она не укажет.

— Дело ваше, — сказала Вала. — Но я говорю — вот те врата! — И указала на правый шестигранник.

— Хорошо, — произнес Вольф. — Я с лучемером пойду первым. Не знаю, что нас ждет по ту сторону. Вернее, знаю — смерть, но неизвестно, в какой форме. Поэтому, прежде чем уйти, мне хочется сказать вам пару слов. Были времена, братья, кузены и ты, сестра, когда мы любили друг друга. Нас опекала мать, и мы жили счастливо. Конечно, мы боялись отца — мрачного, далекого и неприступного Уризена. Но мы не питали к нему ненависти. А потом наша мать умерла. Как она умерла, мы до сих пор не знаем. Как и некоторые из вас, я думаю,

что ее убил Уризен. Ровно через три дня после ее смерти он взял в жены Арагу, властительницу соседнего мира, и тем самым объединил их владения. Но кто бы ни убил нашу мать, мы знаем, что произошло после этого. Мы быстро поняли, что стали обузой Уризену. Он был одним из немногих, кто растил детей настоящими властителями. Наша раса вымирает. Мы разыгрываем из себя бессмертных богов и обладаем огромным могуществом, но все же постепенно угасаем. Цена власти — потеря единственного чувства, которое наполняет жизнь смыслом, — любви.

— Любви! — повторила Вала.

Она захохотала, и вместе с ней засмеялись остальные. Только Лувах улыбался украдкой.

— Вы похожи на стаю гиен! — закричал Вольф. — Вы похожи на пожирателей падали — сильных, пакостных и злобных существ, чье зловоние и мерзкие повадки вызывают у всех ненависть и презрение. Но даже гиены бывают полезны, чего нельзя сказать о вас.

Да, я говорил о любви. И повторю это слово еще раз. Для вас оно пустой звук — слишком много тысячелетий прошло с тех пор, как мать дарила вам это чувство. И сомневаюсь, что кто-нибудь из вас потом испытывал что-то подобное. Но я помню тот момент, когда мы догадались о злобных планах Уризена. Возможно, он хотел изгнать нас из владений или низвести до уровня туземцев на одной из планет его вселенных. Он мог оставить тот мир без врат, и нам никогда не удалось бы нанести ему ответный удар. Но мы бежали. Он погнался следом, пытаясь уничтожить нас. А мы выжили и, победив других властителей, завладели чужими мирами.

Мы забыли о том, что когда-то были братьями и сестрами. Жизнь превратила нас в настоящих властителей — злобных интриганов, завистливых собственников и убийц, беспощадных друг к другу и тем несчастным существам, которые населяли наши миры...

— Хватит болтать, братец, — перебила его Вала. — К чему ты клонишь?

Вольф вздохнул. Он напрасно терял время и силы.

— Я хочу сказать, что Уризен, сам того не желая, оказал нам большую услугу. И теперь мы снова можем воскре-

сить в себе нашу детскую любовь, те братские чувства... — Он умолк.

Лица властителей напоминали равнодушные лики каменных идолов. Их могло разрушить время, но любви уже никогда не разгладить эти черты.

Вольф повернулся и вошел в правые врата.

Глава 8

Вольф поскользнулся, упал на бок и покатился по гладкому, похожему на стекло склону холма, на вершине которого находились врата. Поверхность под ним была сухой и скользкой, но казалась какой-то маслянистой. Как он ни пытался притормозить каблуками, как ни хватался руками, скорость все увеличивалась, как при спуске с ледяной горы.

Перевернувшись одним конвульсивным движением на живот, он бросил взгляд вниз. Склон впереди мягко выравнивался, падение немного замедлилось, но, будучи не в силах остановиться, Вольф по-прежнему скользил со скоростью не меньше шестидесяти миль в час. Приподняв голову, чтобы не поранить лицо, Вольф вытянул руки вперед. Благодаря одежде он не обжигал тело, а ощущал лишь легкое тепло; к тому же без нее Роберт наверняка бы весь изранился.

Над ним сияли пурпурные небеса, над краем горизонта показалась луна — он почему-то решил, что это именно луна. На фоне неба ее полукруг выделялся темным пурпурным пятном. Он снова не попал во дворец отца. Его забросило на другую планету. Судя по расстоянию до горизонта, она почти не отличалась по размерам от только что покинутого им мира. Значит, он находился на одном из тех небесных тел, за которыми наблюдал с летающего острова.

Уризен опять посмеялся над ними. Врата перебросили их на одну из планет, вращавшихся вокруг Аппирмацу-ма. Не исключено, что другой шестигранник в Водном мире действительно был вратами крепости отца. Однако скорее всего он тоже вел сюда. Теперь об этом можно было лишь гадать.

Куда бы ни вел другой проход, ситуацию не изменишь. Вольф снова попал в очередную ловушку Уризена. Веселенькая шутка — если только смерть можно назвать веселой.

Когда Роберт проехал на животе около двух миль, скат начал выравниваться, а затем пошел вверх. Вскоре скорость уменьшилась до тридцати миль в час, хотя утверждать что-либо наверняка он, пожалуй, не мог, поскольку не хватало точек отсчета. Справа вдаль виднелось несколько странных деревьев. Но, не зная, какова их высота и удаленность, он не мог судить о скорости падения.

Когда ему показалось, что движение замедлилось до десяти миль в час, поверхность под ним вдруг резко пошла вверх. Его вынесло на край ледяного трамплина, подбросило в воздух, и Вольф полетел в пропасть. Из его груди вырвался крик: внизу, в сорока или пятидесяти футах, мчался бушующий поток около ста футов в ширину. На другой стороне виднелась стена из того же стекловидного материала, по которому он недавно скользил.

Роберт падал в каньон и извивался в воздухе, пытаясь сохранить вертикальное положение, чтобы упасть в воду солдатиком. Река оказалась немного ближе, чем он думал, — футах в тридцати пяти от края пропасти. Он глубоко погрузился в теплую воду, но быстро выплыл на поверхность. Течение понесло его вдоль стен каньона по большой дуге плавного изгиба. Перед поворотом он оглянулся и увидел, как в воду рухнул следующий властитель, а другой с криком летел вниз.

Каньон вдруг расступился, и река стала шире. Вольфа понесло через пороги. К счастью, камни оказались из того же стекловидного вещества, гладкими и ровными. Он не изранился, не порезался, но набил немало синяков. После порогов течение замедлилось. Роберт поплыл к берегу, который плавно вставал из воды, но на сушу ему выбраться не удалось — он вновь и вновь соскальзывал в реку.

Поток нес его вдоль берега, и Вольф надеялся, что рано или поздно он найдет более пологое место, где можно будет выбраться на сушу. Одежда, лук, колчан, нож и лучемер тянули Роберта вниз. Ему не хотелось лишаться их, и он боролся, сколько мог, но вскоре начал уста-

вать. Сначала он расстался с луком и колчаном стрел, потом отстегнул пояс с кобурой и ножнами, а лучемер и нож засунул в брюки. А еще через какое-то время он избавился от ножа.

Время от времени Вольф оглядывался и видел, как среди волн мелькают восемь голов. «Пока все живы», — подумал он. Но если и дальше берега такие же неприступные, вскоре они все найдут свой конец на дне реки. Все, кроме Теотормона, который, несмотря на полуотросший плавник, мог держаться на воде сколько угодно.

И тут Роберта осенило. Он поплыл против течения, борясь с волнами, и, поравнявшись с Луваком, Валой и Тармасом, крикнул, что им следует плыть против течения, если они хотят спасти свои жизни.

Через пару минут рядом с ним показалась огромная, маслянистая темно-синяя туша Теотормона. За ним плыли Аристон, Эннен и Ринтрах. Самым последним оказался хвастливый Паламаброн, из трусости прошедший врата после всех. Его лицо побледнело, дыхание было хриплым и прерывистым.

— Спаси меня, брат! — закричал он. — Я больше не могу держаться на воде. Я умираю!

— Побереги дыхание, — отозвался Вольф и, повернувшись к Теотормону, сказал: — Ты сейчас нам очень нужен, брат. Только ты, когда-то презираемый всеми, можешь помочь нам. Без твоей помощи мы все утонем.

Теотормон рассмеялся и легко поплыл против течения.

— А зачем мне это? Вы все время плевали мне в лицо и говорили, что вас тошнит от моего вида.

— Я никогда не плевал на тебя, — ответил Вольф, — и никогда не говорил тебе обидных слов. Вспомни: только благодаря моим настояниям ты пошел вместе с нами. И я знал, что нам понадобится твоя помощь. Новое тело позволяет тебе делать то, чего не можем мы. Смешно, но Уризен, который приготовил для нас эту ловушку, не учел, что сам превратил тебя в морское существо, способное выжить в такой западне. Он дал тебе возможность не только спастись самому, но и выручить из беды всех нас.

Борьба с течением и долгий монолог лишили Вольфа сил, но он не забыл воздать должное Теотормону — ведь

тому ничего не стоило бросить братьев умирать, глумясь над ними в последние минуты их жизни.

— Ты хочешь сказать, что Уризен перехитрил самого себя? — спросил Теотормон.

Вольф кивнул.

— И как же я вам могу помочь?

— В воде ты быстрый и сильный, как тюлень. Ты можешь разогнаться и выскочить на берег. И вытолкнуть на сушу нас, одного за другим. Я знаю, для тебя это не составит труда.

Теотормон лукаво усмехнулся:

— А чего ради мне выталкивать вас на берег?

— Если ты этого не сделаешь, то останешься один в незнакомом мире, — ответил Вольф. — Возможно, тебе удастся прожить здесь очень долго. Но ты всегда будешь одинок. И сомневаюсь, что ты найдешь кого-нибудь, с кем можно хотя бы поговорить. Не забывай: чтобы выбраться из этого мира, тебе придется разыскать врата, ведущие из него. Ты сделаешь это в одиночку? Там, на суше, тебе понадобится мы.

— Да катитесь вы ко всем чертям! — закричал Теотормон. Он подпрыгнул вверх и скрылся под водой.

— Брат! — воскликнул Роберт.

Остальные эхом повторили его зов. Они барахтались в воде и с отчаянием смотрели друг на друга. В эти минуты на их лицах не осталось и следа прежней надменности и высокомерия.

Внезапно Вала закричала и, взмахнув руками, исчезла под водой. Она скрылась с такой быстротой, будто ее дернули за ноги.

Прошло несколько секунд, и над водой появилась темно-синяя маслянистая голова Теотормона, а через миг и рыжие локоны Вала. Длинными пальцами ног он вцепился в волосы сестры, поддерживая ее голову над водой.

— Ну давай, извиняйся! — закричал Теотормон. — Проси у меня прощения! Скажи, что ты больше не считаешь меня отвратительным слизняком! Расскажи мне, как я прекрасен. Обещай любить меня, как ты любила на острове Паламаброна!

Она вырвалась из его лап, оставив в корявых пальцах несколько клочков темно-красных волос.

— Я убью тебя, жалкий прыщ! И умирать я пока не собираюсь! Но если мне это все же предстоит, я лучше выберу смерть, чем буду умолять тебя, придурок!

Глаза Теотормона расширились. Он отплыл от нее подалше и повернулся к Вольфу.

— Видишь? — закричал он. — Зачем же мне спасать ее или кого-нибудь другого? Вы все равно будете ненавидеть меня, а я вас.

Паламаброн закричал и яростно заколотил руками по воде.

— Спаси меня, Теотормон! Мне больше не удержаться. Я слишком устал. Я сейчас утону!

— Вспомни мои слова об одиночестве, — тяжело дыша, произнес Вольф.

Теотормон усмехнулся и нырнул. Вынырнув, он уперся головой в ягодицы Паламаброна и, мощно загребая воду плавниками и огромными перепончатыми лапами, стал толкать его к берегу. Паламаброн вылетел на стеклянный берег, откатился на шесть-семь шагов, да так и остался лежать, дыша как загнанная лошадь. Из его носа текла вода, изо рта тянулась струйка слюны.

Теотормон по очереди вытолкал на берег всех властителей, и те повалились на склон, едва живые от усталости. Одна лишь Вала отказалась от его помощи. Собрав последние силы — Вольфу даже не верилось, что у нее осталось их так много, — она разогналась, сделала рывок, выскочила на берег и, помогая себе локтями, медленно поползла вверх по наклонной поверхности. Выбравшись на относительно ровное место, она осторожно села и, осмотрев мужчин, презрительно сказала:

— И это мои братья? Всемогущие повелители вселенных? Кучка полузадохшихся крыс! Пресмыкающиеся перед морским слизняком, запрашивающие разрешение на жизнь.

Теотормон выскочил на берег и прошлепал мимо спасенных людей. Проходя мимо Валы, он даже не взглянул на нее.

Придя в себя и отдышавшись, властители тоже поползли на ровный участок суши. Вид у всех был жалкий — многим пришлось избавиться от одежды и оружия. Только

Вала и Вольф остались одетыми. Он умудрился сохранить лучемер, Вала — меч. Ее одежда имела водоотталкивающие свойства, и, если бы не мокрые волосы, со стороны можно было не догадаться, что она побывала в воде.

Лувах дважды порывался встать и подойти к Вольфу, но оба раза поскальзывался и падал на ягодицы. Его лицо снова порозовело, веснушки на щеках и носу перестали быть такими заметными.

— Отец поймал нас, как детей, игравших в прятки, — сказал он. — Но сейчас из детей мы превратились в грудных сосунков. Мы даже не можем ходить и вынуждены ползать. Тебе не кажется, что наш отец хочет этим что-то сказать?

— Не знаю, — ответил Вольф. — Но не сомневаюсь, что Уризен вынашивал свой план долгие и долгие годы. Я начинаю верить, что он создал планеты вокруг Аппирмацума только по одной-единственной причине: и этот, и другие миры предназначены для того, чтобы муками и болью испытать нашу волю.

Лувах невесело рассмеялся:

— Какой же будет награда, если мы пройдем через все испытания?

— Мы получим возможность убить его... или сами погибнем от руки отца.

— Неужели ты действительно веришь, что он поведет честную игру? А если он сделал свою крепость неприступной? Я никогда не поверю в честность Уризена.

— Честность? А что такое честность? Согласно непisanому договору, каждый властитель оставляет в своей системе обороны несколько лазеек, какой-нибудь дефект, воспользовавшись которым ловкий и умный противник может пробраться внутрь. Не знаю, многие ли следуют этому правилу. Но властителей убивали и лишали собственности, несмотря на то что они чувствовали себя в полной безопасности. И я не думаю, что победителям везло только потому, что им удавалось обнаружить эти специально оставленные лазейки. Они пробивали брешь в защите совершенно по другой причине.

Причина в том, что властители наследуют оружие от своих предшественников. Они не могут получить его иным

путем, и, если нет наследства, оружие приходится красть или отбирать силой. Наша раса потеряла древнюю мудрость и мастерство; мы стали потребителями и расточителями. Мы перестали создавать. Поэтому каждый властитель может пользоваться только тем, что у него есть. И если его средства обороны не предусматривают каждую случайность, если в защите остаются дыры, ими обязательно кто-нибудь воспользуется.

И еще. Властители сражаются для того, чтобы остаться в живых и убить другого. Тем не менее многим удается выжить в течение долгого времени. Им все уже надоело; они давно желают смерти. В глубоких безднах подсознания, под пластами тысячелетних воспоминаний, пресыщенные властью и иссушенные отсутствием любви, все они жаждут смерти. И именно поэтому в их стенах появляются щели.

Лувах открыл от удивления рот.

— Неужели ты веришь в эту дикую теорию? Давай возьмем в пример меня. Я ничуть не устал от жизни. Я люблю ее так же сильно, как и в первую сотню лет. И другие тоже будут защищаться до последнего.

Вольф пожал плечами.

— Это только моя теория. Я придумал ее после того, как стал Робертом Вольфом. Знаешь, сейчас я замечаю то, чего не видел раньше и что не видит никто из вас.— Он подполз к Вале и сказал: — Одолжи мне на минуту меч. Я хочу проделать один опыт.

— Хочешь выяснить, легко ли моя голова отделяется от плеч? — спросила она.

— Если бы я хотел убить тебя, то воспользовался бы лучементом,— ответил он.

Вала вытащила из ножен короткий клинок и вручила его Вольфу. Он слегка стукнул острием по стекловидной поверхности. И когда лезвие не оставило никаких следов, он ударил посильнее.

— Что ты задумал? — закричала Вала.— Ты же сломаешь острие!

Он указал на отметину, оставленную вторым ударом.

— Выглядит как царапина на льду. Это вещество более скользкое и твердое, чем лед, но в остальном, как мне кажется, похоже на замерзшую воду.

Он отдал ей меч, вытащил лучемер и, установив его на половинную мощность, выстрелил в поверхность склона. Стекловидный материал вспучился, и из него потекла жидкость. Он выключил лучемер и выдул жидкость из выемки. Заинтересованные происходящим, к ним стали подползать другие властители.

— Странный ты человек, — сказала Вала. — Ну кто еще додумался бы до этого?

— Зачем он делает дырки? — спросил Паламаброн. — Может быть, наш братец спятил? — К нему вернулось былое высокомерие, и он вновь говорил надменным тоном.

— Нет, он не спятил, — ответила Вала. — Просто он любознательный, вот и все. Наверное, ты забыл, что такое любознательность. Разве не так, Паламаброн? Неужели ты такой же вялый, как... и все, что ты делаешь? Впрочем, нет, извини. Несколько минут назад ты вел себя довольно живо.

Паламаброн вспыхнул, но ничего не сказал. Нахмутив брови, он наблюдал, как на стенках дыры и вдоль ее краев появились и начали расти крошечные кристаллы.

— Самовосстановление, — произнес Вольф. — Я прочитал о древней науке наших предков все, что мог достать, но не встречал и никогда не слышал ничего подобного. Очевидно, Уризен обладает знаниями, которые утрачены другими.

— Возможно, он получил их от Рыжего Орка, — сказала Вала. — Говорят, что Орк знает больше, чем все остальные властители, вместе взятые. Он последний из древних, и говорят, будто ему уже полмиллиона лет.

— «Говорят, говорят», — проворчал Вольф. — Рыжего Орка никто не видел около сотни тысячелетий. Я думаю, он давно уже умер и от него остались одни легенды. Но хватит об этом. Нам нужно найти следующую группу врат, хотя трудно сказать, куда они нас могут привести — Он осторожно поднялся и медленно сделал несколько шагов.

Помимо бесплодного стекла этот мир имел и растительность. На расстоянии нескольких сотен ярдов виднелись редкие деревья, и между ними росли кусты, похожие на грибы. Тонкие спиральные стволы деревьев с красными

и белыми полосками напоминали щипцы парикмахера. Они поднимались на двадцать футов, а затем изгибались вправо и влево. Там, где начинался изгиб, росли ветви, и каждая из них выглядела как положенная горизонтально цифра «9». Ветви покрывал тонкий серый пух, нити которого достигали двух футов в длину.

Обнаженный Ринтрах задрожал.

— Мне не холодно, — сказал он, — но я чувствую какую-то тревогу. Возможно, все дело в тишине. Вы только прислушайтесь — как тихо.

И они прислушались. До них доносился лишь шелест ветра в кустах, легкое постукивание петлеобразных ветвей и плеск воды у берегов. На этом перечень звуков исчерпывался. Ни пения птиц, ни криков животных, ни человеческих голосов. Только ветер и река. Но даже они звучали так тихо, словно их накрыло пуховиком пурпурных небес.

Во все стороны до горизонта простиралась глянцевая белая равнина. Невдалеке возвышалось несколько округлых холмов; самым высоким был тот, с которого путешественники столь молниеносно спустились. Осматривая ландшафт, Роберт с минуту разглядывал этот холм и врата — темное крошечное пятнышко на самой вершине. Остальные, более низкие холмы располагались на относительно ровной местности.

«Как же выбраться отсюда? — подумал Вольф. — Мы должны разгадать намек Уризена, иначе поиск врат может затянуться на века. И мы будем бродить по ледяным холмам до конца жизни — если только найдем по пути какую-нибудь еду».

— Мне кажется, нам следует идти вдоль реки, — сказал он вслух. — Она течет по наклонной плоскости и, следовательно, приведет нас к какому-то большому водоему. Уризен не зря бросил нас в реку. По всей вероятности, это намек на то, что река может стать нашим проводником к следующему гексакулуму... или группе врат.

— Возможно, ты и прав, — сказал Энъен. — Но у твоего отца и моего дяди уродливый и извращенный ум. Его мозги работают в другую сторону, и он мог использовать реку как намек на движение вверх, а не вниз.

— Ты прав, кузен,— ответил Вольф.— Но есть только один способ выяснить это. Я предлагаю идти вдоль берега вниз по течению, хотя бы потому, что так легче двигаться.— Он повернулся к Вале и спросил: — А ты как считаешь?

Она пожала плечами:

— Не знаю. В прошлый раз я ошиблась с выбором. Почему ты меня спрашиваешь?

— Потому что ты всегда была ближе всех к отцу. И ты лучше других знаешь его манеру мышления.

Она чуть заметно улыбнулась:

— Не думаю, что ты хотел польстить мне этим. Но я готова считать твои слова комплиментом. Несмотря на свою ненависть к Уризену, я восхищаюсь им и уважаю за ум. Он вышел живым из переделок, где погибла большая часть его современников. Но раз уж ты меня спрашиваешь, я говорю, что нам надо идти вниз по реке.

— Что думают об этом остальные? — спросил Роберт.

Для себя он уже сделал выбор. Но ему не хотелось выслушивать жалобы, если путь окажется неверным. Пусть все разделит ответственность за принятое решение.

Паламаброн выступил вперед и закричал:

— А я говорю, «нет»! Я настаиваю, чтобы...

Глава 9

Ветер принес издалека странный вопль; путешественники повернулись и стали разглядывать берег вверх по течению реки. В нескольких сотнях ярдов от них из-за холма появилось высокое животное ростом со слона. Заметив людей, оно остановилось между двумя крупными камнями. Если бы не оленьи рога, его голова на конце длинной шеи была бы похожа на верблюжью. Хотя огромные глаза и мощные клыки, как у плотоядного хищника, придавали ей несколько иной колорит. Скошенное от плеч к спине мускулистое туловище покрывала красно-коричневая шерсть. Тонкие, как у жирафа, ноги заканчивались огромными темно-синими чашами, и казалось странным, что столь немощным конечностям удавалось поддерживать такое тяжелое тело.

Увидев чашеподобные ступни, Вольф тут же догадался об их назначении. Это было одно из приспособлений,

с помощью которых животные передвигались по гладкой поверхности, своего рода присоски, или вакуумные прокладки.

— Стойте спокойно,— сказал он остальным.— Нам от него не убежать. Да и в любом случае бежать некуда.

Тварь фыркнула и медленно двинулась к ним. Она выгибала шею вперед и назад, вертела головой во все стороны и часто оглядывалась. Правая передняя и левая задняя ноги одновременно поднялись, чаши на ступнях издали чмокающий звук, и животное сделало шаг. Затем поднялись левая передняя и задняя правая ноги, и все повторилось аналогичным образом. Подойдя ярдов на пятьдесят, тварь остановилась и подняла голову. Из ее пасти вырвался вопль, похожий на крик осла и звук сирены воздушной тревоги. Зверь изогнул шею, уперся нижней челюстью в землю и начал скрести зубами по стекловидному грунту, царапая глянцевую поверхность.

Это движение напомнило Вольфу земного быка, который роет копытами землю. Роберт установил лучемер на половинную мощность, но решил не торопить события. Внезапно существо подняло голову и, завизжав, как раненый кролик, галопом помчалось на людей. Скакало оно сравнительно медленно, так как присоски мешали набрать скорость. Тем не менее людям его бег казался слишком быстрым.

Немного подождав, Вольф убедился, что тварь настроена серьезно. Когда расстояние между ними сократилось до двадцати ярдов, он прицелился туда, где шея переходила в грудь. Бурый мех задымился и почернел. Животное снова завизжало и побежало быстрее. Вольф продолжал разить его лучом. Но, обнаружив, что зубастая голова вот-вот дотянется до них, переключил оружие на максимальную мощность.

Тварь издала последний вопль. Длинные тонкие ноги подогнулись. Чаши копыт присосались к почве, колени раскорячились в разные стороны, и грузное тело мягко опустилось вниз. Шея вытянулась, голова поникла, красно-пурпурный язык вывалился наружу, карие глаза остекленели.

Наступившую тишину разорвал смех Валь:

— Вот наш ужин, завтрак и обед. Причем мясо уже прожарено.

— Если только оно съедобное,— добавил Вольф.

Вала и Теотормон, который сжимал нож пальцами ноги, выбрались из укрытия и отрезали по куску полустоговшего мяса. Понюхав, Теотормон пробовать его отказался. Роберт осторожно заскользил к ним, но ноги его разъехались в стороны, и он упал на бок. Вала и Теотормон, которым удалось добраться до зверя, ни разу не поскользнувшись, расхохотались. Вольф поднялся и продолжил свой путь.

— Если смелых нет, мясо придется пробовать мне,— сказал он.— Возможно, оно и несъедобно, но голосованием этого не решишь.

— Я не боюсь,— сказала Вала.— Просто немного противно. От него так мерзко пахнет.

Она откусила кусочек, брезгливо пожевала его и проглотила. Теперь Вольфу было незачем рисковать. Как и другие, он стал ждать, а когда прошло полчаса и Вала не почувствовала себя плохо, Роберт тоже отведал мяса. Остальные, кто ползком, кто с трудом переставляя ноги, добрались до туши и принялись есть. Однако утолить голод им не удалось, так как большая часть мяса обуглилась, и оставалась лишь узкая полоска, где плоть оказалась прожаренной, или, точнее, полупрожаренной.

Вольф взял у Теотормона нож, отрезал еще кусок мяса и неохотно, жалея заряд, пропек сочную вырезку. Каждый взял свою порцию, и отряд зашагал вниз по реке. Роберт немного задержался: ему хотелось отделить стопы-присоски, чтобы использовать их для передвижения. Но, проверив толщину костей и прочность хрящей в месте соединения ноги и вакуумной стопы, он отказался от своей затеи. Правда, с помощью меча Вала Вольф справился бы с этой работой, но острое клинка испортил бы безнадежно.

Передвигаясь ползком, они преодолели пару миль и добрались до зарослей кустов неподалеку от берега реки. Кусты достигали трех футов в высоту и напоминали по форме грибы. Верхняя часть выдавалась вперед и нависала над тонким гибким стволом. Толстые штопорообразные ветви покрывал пух. При более близком рассмотрении

пушинки оказались похожими на тонкие иглы. С концов ветвей свисали грозди больших темно-красных ягод.

Вольф сорвал одну и понюхал. Она пахла орехом pekan. Гладкую кожу покрывала какая-то маслянистая влага.

Он долго не решался отведать ее. И снова Вала оказалась отважнее всех, первой вкусив незнакомую пищу. Она попробовала ягоду и издала одобрительное восклицание. За полчаса она съела еще штук шесть. Вольф тоже проглотил несколько ягод. И тогда к ним присоединились остальные. Паламаброн ждал до последнего, а потом пожаловался, что ему почти ничего не досталось.

— Кто же виноват, что ты такой трус? — удивилась Вала.

Паламаброн свирепо взглянул на нее, но ничего не ответил. Теотормон, решив, что пристыженный сородич теперь не посмеет отвечать на оскорбления, поспешил добавить к мнению Валу свое. И когда Паламаброн ударил его по лицу, он взревел от ярости, прыгнул вперед, но поскользнулся и упал под ноги обидчику. Паламаброн рухнул, словно сбитая кегля, и тут же откатился в сторону, уворачиваясь от мощного удара плавником. Оба настойчиво, но безуспешно пытались вцепиться друг другу в горло.

Наконец Вольф, который не стал презрительно хохотать со всеми, приказал им остановиться.

— Эти детские выходки отнимают время. Если такое еще раз повторится, мне придется вмешаться. И я не буду прибегать к помощи лучемета — мне жаль тратить заряд на таких, как вы. Мы просто уйдем или прогоним вас. В нашем союзе не должно быть разногласий. Иначе Уризен порадует, увидев, как мы уничтожаем друг друга.

Теотормон и Паламаброн обменялись плевками, но драку прекратили. Отряд молча продолжал двигаться по скользкой поверхности. Равнину медленно покрывала бледно-пурпурная тень луны. С наступлением ночи тишине пришел конец. Послышался далекий блеющий крик, словно где-то заблудилась овца. Ему вторило мычание крупного животного, вдали кто-то рывкнул, как лев. Проходя мимо зарослей кустов, путешественники заметили небольших двуногих животных, поедавших ягоды. Существа до-

стигали двух с половиной футов в высоту; их тела покрывал коричневый мех, а узкоглазые мордочки, похожие на физиономии лемуров, украшали большие заячьи уши. Верхние конечности заканчивались лапами, нижние — дисками с присосками. Сзади виднелись короткие, как у кроликов, алые хвостики. При виде людей они перестали есть и, шевеля носами, уставились на непрошенных гостей. Убедившись, что пришельцы не представляют опасности, звери снова вернулись к ягодам, искоса поглядывая на властителей и изредка облаивая их по-собачьи.

Внезапно из-за низкого холма выскочило четырехногое животное размером с норвежскую охотничью собаку. Покрытое желтоватым мехом и косматое, как овчарка, оно походило на лису. Ноги существа заканчивались тонкими костяными «коньками», и хищник на огромной скорости помчался к двуногим «зайчатам». Те пролаяли сигнал тревоги, стая выбежала из кустов и бросилась наутек. Несмотря на присоски, они двигались довольно быстро, но «волк-конькобежец» догонял их без видимых усилий. Сообразив, что бегством не спастись, вожак двуногих приотстал и поравнялся с самым последним из бегущих. Он толкнул слабака, сбил его с ног и бросился бежать за остальными. Жертва закричала, попыталась подняться на присоски, но ее тут же повалил рычащий «волк». Последовала краткая схватка, и вскоре челюсти хищника сомкнулись на шее двуногого существа.

— Так вот откуда царапины, которые мы замечали на поверхности, — сказал Вольф. — Некоторые из этих животных катаются на коньках.

Он замолчал. Как быстро они могли бы передвигаться, будь у них коньки. Вот только где их достать?

Вскоре путешественникам встретилось еще одно животное с длинной шеей, телом гиены и оленьими рогами на голове. Не обращая внимания на чужаков, оно впилось зубами в скалу из стекловидной массы, отломало кусок и принялось жевать. Не сводя с незнакомцев глаз, оно порывилось от удовольствия, наслаждаясь вкусом глыбы. В его желудке гроыхало, как в водопроводных трубах старого дома.

Властители отправились дальше и по пути в трехстах ярдах увидели стадо существ, которые паслись на скалах. Среди них были детеныши. Одни малыши неуклюже играли друг с другом, другие прижимались к матерям. При виде пришельцев некоторые самцы закричали, а один даже погнался за ними. Чуть позже отряд прошел мимо животных, похожих на антилоп. Белые шкуры были покрыты красным ромбовидным узором. На головах ветвились густые рога. Вместо копыт на ногах были костяные коньки.

Вольф начал подыскивать место для ночлега. Для стоянки он облюбовал ложбину, окруженную четырьмя холмами.

— Первым дежурить буду я,— сказал он.

После себя Роберт назначил Эннена, за ним Луваха. Эннен стал возражать: дескать, по какому праву Вольф ему приказывает.

— Если хочешь, можешь не дежурить,— ответил Вольф.— Но если во время своего дежурства ты будешь спать, то рискуешь оказаться в пасти вон того зверька.— И показал пальцем за спину Эннена.

Тот резко повернулся и едва устоял на ногах. Остальные тоже взглянули туда, куда показывал Вольф. С вершины одного из холмов за ними следило огромное гривастое животное. Кошачье тело венчала голова короткорылового крокодила, а ноги заканчивались широкими чашами присосок.

Роберт поставил лучемер на минимальную мощность и, прицелившись в гриву, выстрелил, слегка коснувшись активирующей пластины. Шерсть зверя задымилась, и тварь, зарывав, скрылась за холмом.

— Настало время сосредоточить власть в одних руках,— сказал Вольф.— До сих пор мы, а точнее вы, уклонялись от принятия этого решения. Пока никто из вас не возражал против того, что предлагал вам я. Впрочем, вы слишком ленивы и заняты своими собственными проблемами, чтобы взять на себя ответственность за всех нас. Но больше откладывать нельзя. Мы погибнем, если среди нас не окажется лидера, приказы которого будут исполняться в критических ситуациях беспрекословно. Поэтому я жду ваших предложений.

— Милый братец, — сказала Вала. — Я думаю, ты уже доказал всем нам, что можешь повести за собой. Я отдаю свой голос за тебя. Кроме того, ты обладаешь лучеметом, что делает тебя самым сильным из нас. Конечно, если только некоторые не прячут оружия, о котором мы не знаем.

— Лишь на тебе есть одежда, в которой можно что-то скрыть, — ответил он. — Что касается лучемета, то он будет в руках каждого, кто станет на страже.

При этих словах все удивленно подняли брови.

— Я по-прежнему не доверяю вам, — пояснил Роберт. — Но не думаю, что кто-нибудь из вас окажется настолько глуп, чтобы пытаться присвоить оружие и использовать его для собственной выгоды. Я надеюсь, что завтра перед выступлением в поход лучемет мне вернут.

За Вольфа проголосовали все, кроме Паламаброна. Тот отказался принимать участие в голосовании, сославшись на то, что его мнение все равно будет отвергнуто большинством.

— Я надеюсь, брат, ты не собирался выставить свою кандидатуру? — спросила Вала. — Конечно же нет. Даже с твоим чудовищным эгоизмом до этого трудно додуматься.

Паламаброн пропустил ее слова мимо ушей. Он повернулся к Вольфу и спросил:

— Почему ты не назначил меня в караул? Ты мне не доверяешь?

— Можешь дежурить первым завтра вечером, — ответил Роберт. — А теперь давайте спать.

Вольф остался на страже, а остальные властители уснули на твердых белых камнях. Он чутко прислушивался к далеким крикам животных — вою, визгу и каким-то непонятным звукам, которые сменялись пронзительным свистом, жалобными рыданиями и треском. Один раз что-то прожужжало над головой и послышался шелест крыльев. Он вскочил и медленно осмотрелся вокруг. А еще через полчаса Вольф разбудил Эньюна и отдал ему лучемет. У него не было часов, но, как и все властители, он мог определять время с точностью до секунды. Еще ребенком он прошел несколько сеансов гипноза, после чего раз-

вил способность чувствовать время с точностью хронометра.

Заснул Роберт не сразу. Его мучила тревога по поводу завтрашнего первого дежурства, когда лучемер перейдет к Паламаброну. Из всех властителей он оказался самым неустойчивым. К тому же его ненависть к Вале переросла в настоящее безумие. Устоит ли он перед искушением убить ее спящей? Вольф решил поговорить с ним утром. Кузен должен понять, что, убив сестру, он должен будет расправиться и с остальными. Завладев лучемером, Паламаброн без труда может уничтожить всех, но тогда он останется один. А самое любопытное заключалось в том, что, хотя властители и не терпели друг друга, еще больше они страшились одиночества. При других обстоятельствах братья лишней секунды не оставались бы вместе, но сейчас их объединял страх перед отцом, и каждый чувствовал себя спокойнее перед лицом столь огромной опасности, имея товарищей по несчастью.

Едва он стал засыпать, его осенила идея. Роберт даже выругался. Почему он не подумал об этом раньше? Почему до этого не додумались другие? Как просто и очевидно! Нет нужды ползти и скользить по земле. Плыть на лодке не только гораздо быстрее, но и намного безопаснее, так как в воде им не угрожало нападение хищников. И Вольф решил, что утром они должны обдумать этот вопрос.

На рассвете его разбудили крики. Роберт сел и увидел, что Тармас стреляет в гривастую тварь той же породы, что и тот львиный аллигатор, которого он отпугнул, подпав ему жесткую гриву. Тварь быстро спускалась с холма, чмокая присосками. Позади нее лежали три мертвые самки. До людей оставалось не больше десяти шагов, когда ужасный хищник упал с рассеченным надвое рылом.

Уставившись на тушу, Тармас продолжал кромсать ее лучом. Вольф закричал, чтобы он выключил питание. Луч метнулся по склону холма. Тармас пришел в себя и дезактивировал оружие, но большая часть заряда уже пропала. Выругавшись, Вольф забрал лучемер. Теперь у него остался только один силовой пакет.

Все принялись за работу. Ножам Теотормона и Валы они по очереди снимали жесткие шкуры мертвых живот-

ных. Дело шло медленно, поскольку работать никто не умел, да и не хотел. К тому же приходилось действовать на скользкой поверхности. Властители не могли удержаться от споров, раздраженно заявляя Вольфу, что этот тяжелый труд абсолютно бесполезен. Ну где же они достанут каркас для лодки, которую он задумал? Даже если использовать эти шкуры, их все равно не хватит.

Он велел им замолчать и продолжать работу. Роберт знал, что делать. Взяв Луваха, Валу и Теотормона, он направился к ближайшим кустам. Здесь ему пришлось воспользоваться лучементом, чтобы убить животное, похожее на китайского дракона, которое поедало ягоды и не хотело покидать свое убежище. Когда они приблизились к логову, чудовище зашипело и угрожающе бросилось на них. Толстая кожа в складках и зубьях напоминала броню, и ее удалось пробить лишь лучом, установленным на полную мощность. Глаза дракона оказались прекрасно защищенными. Вольф выстрелил в них, но луч попал в прозрачные щитки. Тварь затрясла головой, и Роберту не удавалось удержать луч на одном месте. Но он нашел слабое место в панцире на затылке чудовища и сделал смертельный выстрел. Хищник завалился на бок, ошетинился зубчатыми пластинами и околел, задрав вверх крохотные диски присосок, на которых передвигался.

— Если и дальше так пойдет, мы останемся без лучемета, — проворчал Роберт. — Нам остается только молиться, чтобы этот момент не наступил слишком скоро.

Осмотрев кору кустарника, Вольф убедился, что она достаточно крепка. Теперь предстояло срубить кусты, вырезать из ветвей рейки для остова лодки — но этот долгий и кропотливый труд приведет в негодность их последний меч. И вот тут, взглянув на дракона, Роберт увидел в нем почти готовый челн — пусть не совсем доведенный до ума, но для его завершения требовалось гораздо меньше усилий, чем для создания судна, которое он первоначально задумал.

Мощными ударами меча он начал отделять двигательные пластины от бронированного тела дракона. Ножом и мечом они вырезали внутренние органы. Вскоре к ним присоединились остальные властители и, сменяя друг дру-

га, завершили работу. Кровь чудовища, покрывавшая их с ног до головы, залила площадку у кустов, отчего поверхность стала еще более скользкой, а ее запах привлек нескольких львиных аллигаторов. Обезумев от терпкого аромата крови, хищники набросились на людей, и, чтобы избавиться от них, Вольфу пришлось еще немного разрядить последний силовой пакет.

Вместо весел они решили использовать петлеобразные ветви спиральных деревьев. Кора не поддавалась острию меча, и Вольф снова воспользовался лучеметом. Он срезал несколько ветвей, из которых властители сделали десять весел. Поскольку Теотормон мог грести плавником, у них оказалось три запасных весла. Иголочки колючего пуха легко удалялись ножом.

В результате получилось довольно сносное каноэ, длина которого составляла около шестидесяти футов. Единственными отверстиями оставались рот и ноздри дракона. Но этот дефект устранили, загнув переднюю часть лодки кверху и привязав к ней плащом Валу небольшой обломок скалы. Вес камня не давал носовой части распрямиться и таким образом поддерживал ее над уровнем воды — по крайней мере, на это надеялись. Выжигая куски хрящей и кровь, прилипшую к внутренним стенкам костяной брони, Роберт потратил еще часть заряда. А затем, передвигаясь ползком и на коленях, властители потащили импровизированное судно к реке.

У кромки воды они поднялись на ноги и, перевалившись через борта, забрались в драконий челн и уселись парами, бок о бок, стараясь удержать лодку в равновесии. Когда все устроились, Вольф и Вала столкнули судно на воду, запрыгнули на борта, и братья втянули их в лодку.

Из-за горизонта показалась луна, наступила ночь, а драконий челн все плыл и плыл по течению. Двое властителей остались дежурить на веслах, остальные постарались уснуть. А когда луна ушла на другую сторону планеты, над ними засиял яркий пурпур небес. Река плавно несла свои воды; рябь и волны улеглись. Путешественники миновали череду каньонов и снова поплыли вдоль покатых берегов. День прошел без происшествий. Властители

жаловались на запах гниющего мяса и крови. Вскоре вонь стала невыносимой. Но каждый раз, когда кого-нибудь тошнило и выворачивало наизнанку, остальные начинали высмеивать беднягу. Все ворчали, твердили о том, что почти не спали предыдущую ночь, и со страхом говорили о ловушках, которые могли ожидать их на пути, когда — и если — они найдут врата, ведущие во дворец отца.

Властители плыли день и ночь. Утром на вторые сутки каноэ миновало широкий изгиб реки. Впереди появилась скала — большой белый купол тридцати футов в высоту, который рассекал русло на два рукава. На его вершине, почти касаясь друг друга, стояла пара золотистых шестигранников.

Глава 10

Сидя на берегу реки рядом с вытасненным из воды драконьим челном, Вольф размышлял. Бесполезно карабкаться по скользкой и почти отвесной скале без помощи каких-либо средств. А если бросить наверх веревку и зацепить ее за что-нибудь? Но ширина гексакулумов не позволит накинуть на них петлю.

Мог бы помочь абордажный крюк. Допустим, на той стороне врат — то есть на другой планете, как он надеялся — есть за что зацепиться.

Если разрезать шкуры животных, можно связать полосы вместе и сделать веревку. Но чтобы придать коже гибкость, их сначала придется как следует выдубить. А вот где достать металл для крюка?

Конечно, в этом мире где-то есть металл, и даже, возможно, не очень далеко. Но чтобы найти и пронести его по этой стеклянной равнине, понадобится слишком много времени. Хотя можно придумать кое-что получше. Однако Вольф сомневался, что с его планом будут согласны те двое, от кого зависел успех операции.

Так оно и оказалось. Вала не хотела отдавать меч, а Теотормон наотрез отказался жертвовать ножом.

Роберт спорил с ними несколько часов, доказывая, что, если они сейчас не отдадут оружие, их все равно со временем ждет смерть.

Наконец после решительного отказа Теотормона Вольф заявил:

— Ладно. Пусть будет по-вашему. Оставайтесь при своем упрямстве. Но если нам удастся добраться до врат, мы не возьмем вас с собой. Клянусь! И вы будете скитаться в мире блестящих ледяных камней, пока вас не сожрет какой-нибудь зверь или не подкосит старость.

Вала осмотрела властителей, которые сидели вокруг, и, улыбаясь, произнесла:

— Ты меня уговорил. Вот мой меч.

— Вы все равно не получите мой нож! — закричал Теотормон. — Я это вам тоже обещаю!

Властители начали потихоньку приближаться к нему. Он вскочил и попытался убежать. Огромные ступни позволяли ему передвигаться по скользкой поверхности склона, где остальные не могли бы удержаться, но Вольф поймал его за лодыжку и опрокинул на спину. Теотормон отбивался изо всех сил, но на него навалилась куча тел. В конце концов он расплакался и сдался, а затем, бормоча проклятия, отошел в сторону и уселся у воды.

Найдя камень, похожий на мел, Роберт прочертил на мече Валу несколько линий и, установив лучемер на полную мощность, быстро нарезал несколько треугольников. Потом закрепил три куска и установил на них круглые пластины, тоже вырезанные из лезвия. Включив лучемер на половинную мощность, он приварил зубцы к круглым деталям конструкции, охладил раскаленный металл в холодной воде и, вновь разогрев зубцы в середине, придал им слегка изогнутую форму. Он вырезал из меча еще одну полоску и, нагревая и постукивая по ней рукояткой лучемета, аккуратно согнул в кольцо. Приварив эту деталь, Роберт получил трехпалый крюк, к которому можно было крепить веревку.

Кинжал не пригодился, и его вернули Теотормону. Вольф заострил уцелевшую часть меча, сделал из него некое подобие короткого кинжала и отдал Вале.

— Все лучше, чем ничего, — сказал он ей.

На изготовление веревки ушло несколько дней. Убить и освежевать животных, а затем нарезать полосы из шкур не составило труда. Вся проблема заключалась в дубле-

нии. Несмотря на долгие поиски, нужные материалы найти не удалось. В конце концов Вольф решил смазать сплетенную веревку жиром убитых животных в надежде, что это как-то поможет.

На рассвете, когда багряная тень луны очистила небо, драконий челн спустили по воде к скале с вратами. Пока властители гребли против течения, Вольф встал на носу судна и забросил в арку врат абордажный крюк с привязанной веревкой.

Трезубец влетел в шестиугольник и исчез. Роберт потянул его, и лодка ударилась носом о скалу. Поначалу ему показалось, что крюк зацепился, но трезубец вылетел из врат, и Вольф едва устоял на ногах. Лодка сильно качнулась, перевернулась набок, и все оказались в воде. Властители уцепились за перевернутую лодку. Роберту удалось удержать в руке веревку и крюк.

Через полчаса они сделали еще одну попытку.

— Попытка — не пытка, — подбодрил их Вольф. — Это старая поговорка землян.

— Слушай, избавь меня от своих пословиц! — закричал Ринтрах. — Я промок, как тонущая крыса, и чувствую себя хуже некуда. Неужели ты думаешь, что в твоих попытках есть какой-то смысл?

— А разве у нас есть выбор? За дело, ребята. Вспомним прежние студенческие годы.

Братья недоуменно взглянули на него и со вздохами уселись за весла. На сей раз Вольф задумал более трудный бросок. Он забросил крюк на самую вершину шестигранника. Гексакулум возвышался над скалой по крайней мере на двенадцать футов, и расстояние от воды до вершины составляло около сорока двух футов. Тем не менее бросок удался, и крюк перелетел на другую сторону сооружения.

— Попал! — закричал Вольф, широко улыбаясь.

Он подтянул веревку, выбирая свободный конец. Лодка вдруг скользнула вдоль правой стороны белого купола скалы. Вольф велел команде грести против течения, но челн притирало к монолиту, и все усилия властителей оказались напрасными. Лодку занесло в стремительный поток. Вольф, стоявший на носу, понимал, что, если их

снесет еще немного, зубья крюка соскочат с вершины гексакулума.

Он вцепился в сыромятную веревку, и драконий челн уплыл из-под него. Вольф повис на веревке, по пояс погружившись в воду. Он попробовал подтянуться и упереться ногами в скалу, но они скользили по гладкой поверхности. Роберт отказался от такого способа и начал подтягиваться, перебирая руками по сальной веревке. Это требовало огромных усилий, так как скала изгибалась куполом, веревка плотно прилегала к поверхности, и самое сильное натяжение приходилось на то место, где он держался. Роберт с трудом просовывал руки между веревкой и скалой.

Тем не менее он медленно поднимался вверх. На полпути к вершине Вольф почувствовал, что веревка поползла. Раздался треск, почти не слышимый в шуме водоворота у основания скалы, и, вскрикнув от разочарования, Роберт упал в реку.

Когда Вала и Энъен вытащили его из воды, он обнаружил, что на крюке обломились два зубца — как раз в том месте, где они соединялись с основанием. И теперь обломки лежали где-то на дне реки.

— Что еще прикажешь делать? — сердито закричал Паламаброн. — Ты изломал все наше оружие, израсходовал почти весь заряд лучемета, а мы ни на шаг не приблизились к вратам. Но если бы только это! Посмотри на нас. Посмотри на меня. Я блюю водой, как старая рыба, поднятая из бездны. Мы все устали. О, Лос, как я устал!

— Да брось ты! Мы только запустили пробного змея, — сказал Вольф. — Это еще одна земная поговорка.

Он вдруг замолчал — его глаза расширились — и задумчиво произнес:

— А если мы...

Паламаброн вскинул руки к небу.

— О нет, довольно с меня твоих замечательных идей! — закричал он.

— Замечательные они или нет, но это идеи, — ответил Вольф. — И пока я единственный, кто хоть что-то предлагает... а не скулит, не ноет и не злословит.

Некоторое время он лежал на спине, устремив взгляд в пурпурное небо, и жевал кусочек мяса, который ему

дал Лувах. А не слишком ли фантастична мысль о воздушном змее? И даже если им удастся его построить, взлетит ли он?

Идею о воздушном змее пришлось оставить. Если сделать полотно настолько большим, чтобы оно понесло тяжелый крюк, змей не пройдет в шестигранник. Хотя постой-ка... А что, если воздушный змей со свисающим на веревке крюком пролетит над шестиугольником? Вольф чертыхнулся и еще раз отказался и от этой идеи. Он понял, что ничего не получится.

Внезапно Вольф сел.

— А все-таки можно сделать! Двумя!

— О чем ты? — спросил Лувах, очнувшись от дремоты.

— О змеях!

— Разве кто-то говорил о змеях?

— Потребуется две лодки и двое мужчин для броска! — вскричал Вольф. — И тогда мы можем рассчитывать на удачу. Вот так-то лучше. А то я уже начал думать, что мои идеи иссякли, а от вас их и ожидать не приходится. Вы тысячелетиями использовали мозги только для того, чтобы убивать друг друга. На остальное у вас уже не хватает сил. Но, клянусь Лосом, я заставлю вас сгодиться на что-нибудь иное!

— Ты устал, — сказала Вала. — Ляг и отдохни.

Она улыбалась. Это удивило Роберта. Чему тут радоваться? Она промокла, расстроилась, да и тело у нее, должно быть, ломит от усталости, как у всех других.

Но, может быть, под слоем ненависти в ее сердце по-прежнему жила любовь к нему? Возможно, она гордится тем, что он продолжает искать выход и борется, тогда как остальные лишь возмущаются? Или только притворяется, что по-прежнему любит его и гордится им? А нет ли у нее тайных причин разыгрывать дружелюбие?

Ответа он не знал. Оставалось следовать правилу, которое гласило: ни один властитель не должен доверять мотивам другого властителя. До сих пор это правило действовало без исключений.

Когда его помощники заканчивали мастерить остовы двух лодок, Вольф доработал план. Поначалу он хотел сделать два небольших каноэ, которые обошли бы белый

купол скалы с обеих сторон. Но потом Роберт решил, что три лодки справятся с задачей лучше.

Из ветвей кустов и деревьев, располосовав шкуру на крепежный материал, он сделал высокий помост. На трех лодках и драконьем челне располагалось по одной из его четырех опор. После того как властители несколько раз отрепетировали порядок действий, Вольф начал операцию. Лодки в основании четырехугольного помоста аккуратно спустили на воду. Течение у берега было медленным и не шло в сравнение со стремниной в центре реки, поэтому властителям без труда удавалось сохранять расстояние между лодками. Пока они расставляли лодки, Вольф вскарабкался на помост по узкой лестнице, прикрепленной к одной из опор. Ее специально установили на драконьем челне, поэтому жестко закрепленный столб не слишком сильно раскачивался. Тем не менее задача оказалась непростой, и в какой-то момент Роберт едва не опрокинул лодку. Он медленно пополз на животе по тонким планкам помоста, и сооружение снова выровнялось.

Остальные властители парами расположились в большой и трех маленьких лодках. Чтобы сохранить равновесие, они следовали заранее определенному порядку. Вала, Теотормон и Лувах одновременно забрались в маленькие каноэ и помогли усесться Паламаброну, Энъену и Аристонну. Тармас, самый проворный из всех, одним движением поднялся на борт драконьего челна и быстро перекатился на дно.

Властители взяли за весла и начали выравнивать помост, но поначалу им это плохо удавалось. Каноэ готовили под опоры, и их чрезмерная ширина мешала управлять. Однако по пути к скале гребцы немного приноровились, и это позволило им доставить сооружение к цели.

Вольф цеплялся за переднюю часть постройки, которая возвышалась над водой. Мостик раскачивался, его края заносило то в одну, то в другую сторону, и дважды Роберту казалось, что настил вот-вот проломится под ним. Прямо впереди возник купол скалы с парой золотых шестигранников. Вольф крикнул властителям, и те начали выгребать против течения. Надо было уменьшить скорость,

чтобы помост не врезался в скалу. Шаткое строение не выдержало бы сильного удара.

Роберт решил пройти через левые ворота, потому что в прошлый раз Вала выбрала правые. Но когда помост приблизился к скале, его снесло в сторону. Он резко накрепился и наискось пошел к правому шестиугольнику. Вольф поднялся на ноги, пригнулся и, выждав момент, прыгнул. Помост с громким треском врезался в скалу, но Роберт уже влетел в гексакулум. За его поясом торчал лучемет, с плеча свисала свернутая в моток веревка.

Глава 11

Вольф не имел ни малейшего представления о том, что ожидало его на другой стороне, но надеялся, что окажется на другой планете или, возможно, даже в крепости Уризена. Он подозревал, что их отец еще не наигрался с ними, а значит, его, скорее всего, занесет на третью планету, которая вращалась вокруг Аппирмацума. При доле везения Роберт мог удачно приземлиться или, наоборот, еще раз свалиться в пропасть. В одном из худших случаев его могла подстергать яма с дикими хищниками.

Но, пролетев через ворота, он увидел перед собой склон холма. Склон оказался гладким, но не скользким. Наклон не превышал сорока пяти градусов. Осмотревшись, Роберт понял, почему его абордажный крюк выскочил назад при первой попытке. Основание шестигранника Уризен выложил гладкими каменными плитами, и зубьям просто не за что было зацепиться.

Роберт усмехнулся и покачал головой. Отец предвидел использование крюков и пресек такую возможность. В отличие от врат, через которые они попали в Водный мир, этот гексакулум действовал в обоих направлениях. Повидимому, Уризена не волновало, что его дети могут вернуться на планету с пурпурными небесами. А возможно, он знал, что им не захочется возвращаться на нее.

Пройдя по каменным плитам, Вольф достиг вершины холма. Там он обвязал один конец веревки вокруг небольшого дерева, спустился к воротам и швырнул сквозь них свободный конец. Вербку дернули, и вскоре в простран-

стве шестиугольника появилось лицо Валы. Он помог ей выбраться, и они вдвоем начали вытаскивать властителей, которые карабкались через проход.

Последним поднялся Ринтрах, и, оказав ему помощь, Роберт просунул голову во врата, чтобы бросить прощальный взгляд на мир, который они только что покинули. Едва он это сделал, его охватил испуг. «Как странно сознавать, что тело находится на планете, удаленной на двадцать тысяч миль от головы», — подумал Вольф. И если бы в этот миг Уризен дезактивировал врата, это стало бы одной из его лучших мрачных шуток — как раз в духе отца.

Край помоста находился в трех футах ниже шестигранника. Он по-прежнему держался прямо, но через какое-то время течение утащит одну из лодок, опоры разъедутся в стороны, и вся конструкция рухнет.

Вольф отошел от гексакулума с таким чувством, словно только что встал из-под гильотины.

Властители могли бы ликовать, но слишком уж они устали от трудов и тревог о будущем. Все понимали, что их забросило на следующий спутник Аппирмацума. Небо над ними отливало темной желтизной. Вокруг, во все стороны от холма, тянулась равнина. Землю покрывала трава в шесть дюймов высотой. Повсюду виднелись заросли кустарника. Растительность во многом напоминала известные Вольфу земные растения, и по крайней мере дюжину видов усыпали ягоды разных размеров, цветов и форм. Однако ягоды имели одно общее свойство — от них шел очень неприятный запах.

Неподалеку от холма с вратами начинался берег моря. Широкая желтая полоса песчаного пляжа тянулась насколько хватало глаз. Вольф взглянул в противоположную сторону и увидел горы. Склон одной из них имел странные очертания, которые напоминали человеческий лик. Чем дольше он всматривался в них, тем больше убеждался, что это действительно изображение лица.

— Мне кажется, наш отец подает нам знак, — сказал Роберт остальным властителям. — Скорее всего это указатель на пути к следующим вратам. Хотя сомневаюсь, что его подсказка пойдет нам на пользу.

Они направились по равнине к далекой горной гряде. Подойдя к широкой реке, властители устроили привал. Вода оказалась чистой и свежей. Пищей им служили ягоды и мясо, которые они прихватили с собой из пурпурно-белого мира. А затем горизонт накрыла луна, принесящая ночь. Она была лиловато-красной и, подобно спутникам других планет, окутывала поверхность бледными сумерками.

Наутро властители вновь пустились в путь и шли весь день. Отряд двигался в полном молчании; люди устали и сбили ноги, многие нервничали, потеряв все свое оружие. Их молчание сливалось с тишиной, нависшей над этим миром, и ее не тревожили ни крики зверей, ни пение птиц. Кроме растений, не было заметно никаких признаков жизни. Несколько раз путешественникам казалось, что вдаль пасутся группы каких-то небольших существ, но, подойдя ближе, они никого не находили.

Путь в горы занял три дня. Черты изображения на скале начали проясняться. Вечером второго дня они узнали лицо Уризена. Оно улыбалось им, глаза пристально смотрели на пришельцев. Властители стали еще более молчаливыми и нервными. От гигантского каменного лица отца некуда было деться. Оно насмехалось над ними все время.

На четвертый день они достигли подножия горы, как раз под подбородком Уризена. Огромная гряда из монолита прочной и твердой скалы сводила с ума цветом розоватой плоти. Неподалеку виднелась расщелина — узкий каньон, который рассекал гору надвое. Отвесные стены уходили к самой вершине как минимум на десять тысяч футов.

— Похоже, другого пути, кроме этого прохода, мы не найдем, — сказал Вольф. — Хотя можно обойти гору. Но, думаю, выбрав второй вариант, мы только зря потеряем время.

— Зачем нам делать то, что хочет отец? — спросил Паламаброн.

— У нас нет выбора, — ответил Роберт.

— Да, и мы будем танцевать под его дудку, пока он не поймает нас и не насадит на вертел вместо жаркого? — возмутился Паламаброн. — У меня есть предложение: нам

надо отдохнуть перед этой утомительной и постылой дорогой.

— И где ты собираешься расположиться? — спросила Вала. — Здесь? В этом райском уголке? Ты, конечно, слишком глуп, чтобы заметить, братец, что у нас почти не осталось еды. Мясо на исходе, а запас ягод иссяк сегодня утром. В этом мире мы не видели ничего съедобного. Если хочешь, можешь попробовать дары местной природы. Но мне кажется, они ядовитые.

— О, Лос! Ты думаешь, Уризен хочет уморить нас голодом? — вскричал Паламаброн.

— Да, если мы не найдем какой-нибудь еды, то, безусловно, умрем с голоду, — ответил Вольф. — А мы ее точно не найдем, если останемся здесь.

Он повел отряд в каньон. Их путь пролегал по голой гладкой скале, которая некогда была дном горного потока. Река передвинулась к другой стороне каньона и ревела в нескольких шагах ниже каменных берегов. Изредка то здесь, то там по краям потока встречались кусты.

Властители шли извилистой тропой целый день. Вечером они доели остатки мяса, и с приходом рассвета каждый встал не только с пустым животом, но и с горьким чувством, что на сей раз удача покинула их. Роберт вел отряд почти без остановок, понимая, что им лучше побыстрее пройти этот мрачный каньон. На всем протяжении пути они так и не нашли ничего съедобного. Рыба в реке не водилась; птиц и насекомых не было.

На второй день вынужденной голодовки люди увидели первую живую тварь. Они молча и не спеша огибали очередной поворот, и их неожиданное появление с подветренной стороны застало животное врасплох. Не больше двух футов ростом, оно чем-то напоминало мелкого кенгуру и, стоя на мощных задних ногах, перебирало передними лапками ветви куста. Заметив их, животное перестало поедать ягоды, быстро осмотрелось вокруг и бросилось наутек большими прыжками, вытянув торчком длинный тонкий хвост.

Роберт устремился за ним, но вскоре отказался от погони: зверек улепетывал слишком быстро. Отбежав на сотню ярдов, животное остановилось и обернулось. Если бы не

уши, как у американского зайца, его голова походила бы на голову чистопородного персидского кота. Тело покрывала короткая шерстка цвета хаки, шоколадную голову венчали красные, как фуксин, длинные уши.

Вольф направился к нему, но животное вновь поскакало по тропе и скрылось из виду. Он решил вооружить властителей дубинками на тот случай, если им снова удастся подкрасться к прыгающему животному. С этой целью он нарезал в кустах массивные и тяжелые сучья, которые сгодились бы для такого дела.

На вопрос Паламаброна, почему он не убил животное лучеметом, Вольф ответил, что у них осталась только часть заряда, поэтому его надо экономить. К тому же зверь убежал так быстро, что он вряд ли попал бы в него. Однако Роберт понимал, что в следующий раз ему придется забыть об экономии. Если он не воспользуется оружием, им нечего будет есть.

Они продолжали идти по тропе, встречая все новых и новых прыгунов. Звери держались на безопасном расстоянии и убегали при приближении людей, очевидно, предупрежденные тем животным, с которым путники столкнулись ранее.

А еще через два часа отряд подошел к широкой трещине, которая рассекала обе стены каньона. Вольф исследовал ее, и небольшой проход вывел его в закрытое с трех сторон тупиковое ущелье, которое располагалось на тридцать футов ниже основного каньона. Ущелье уходило в глубь скалы на четыреста ярдов; ширина составляла около трехсот ярдов. И там, в гуще кустов, он увидел прыгуна.

Роберт вернулся к братьям и рассказал им о своем плане. Лувах и Теотормон остались в узком проходе, а остальные вошли в ущелье. Они обошли животное подальше и стали подкрадываться к зверю сзади.

Прыгун стоял на широкой прогалине, подергивал носом и быстро мотал головой из стороны в сторону. Вольф велел властителям остановиться и медленно пошел к нему, спрятав дубинку за спиной. Животное подпустило Роберта на десять шагов и — исчезло.

Вольф быстро развернулся, решив, что зверь перепрыгнул через него с такой скоростью, что он не заметил, как это произошло, — но животного позади не оказалось. Роберт увидел лишь удивленные лица братьев и их разинутые рты. Все задавали один и тот же вопрос.

Примерно через три секунды зверь возник перед ними снова. Он появился в тридцати шагах от людей, но, когда Роберт направился к нему, прыгун опять испарился в воздухе.

Еще через три секунды они увидели на прогалине двух животных. Одно из них стояло в десяти футах от Валы, другое находилось слева от Вольфа — в каких-нибудь пятнадцати шагах.

— Что за черт? — воскликнул Роберт.

Чудеса с прыгуном удивили его — не только удивили, но и привели в замешательство.

Животное, возникшее недалеко от Валы, вновь исчезло. И теперь на поляне остался только зверек, который находился слева от Вольфа. Роберт бросился к нему и, замахнувшись дубинкой, закричал, надеясь ошеломить животное и нанести удар.

Зверь исчез. И чуть позже появился справа. Тут же стоял и второй прыгун.

Властители начали приближаться к ним. Внезапно на поляне очутились пять животных.

Ущелье заполнилось криками надежды и разочарования. Несколько зверьков запрыгали за спинами властителей, и часть загонщиков бросилась за ними в погоню.

А потом осталась только пара существ.

Как только вместо двух появились трое, дикая охота возобновилась.

Через три секунды двое животных исчезли.

Властители кинулись к последнему зверьку, но рядом возникла еще одна пара прыгунов.

Три секунды люди преследовали их.

Затем снова осталось одно животное.

Загонщики метнулись к нему со всех сторон — из воздуха материализовались еще два прыгуна, один из них оказался прямо перед Паламатроном. Это так удивило властителя, что он споткнулся на бегу и растянулся во

весь рост. Зверь перепрыгнул через него и, заметив Ринтраха с поднятой дубинкой, исчез.

Теперь на поляне скакали два прыгуна.

Потом их стало трое.

Какой-то миг не оставалось ни одного.

Властители замерли на месте и изумленно смотрели друг на друга. Тишину ущелья нарушали лишь порывы ветра и тяжелое дыхание людей.

Внезапно между ними появились три зверька.

Охота началась сначала.

Остался один.

Пять.

Три.

Шесть.

В течение шести секунд они видели трех животных.

Потом их снова стало шесть.

Вольф велел прекратить бессмысленную беготню. Властители вернулись в узкий проход и уселись на камни, переводя дыхание. Немного отдохнув, они начали обсуждать невероятные повадки прыгунов. Каждый находил все новые и новые вопросы, но отвечать на них было некому.

Вольф задумчиво рассматривал шестерых зверьков, которые паслись в сотне ярдов от них. Забыв о панике, животные как ни в чем не бывало поедали ягоды.

Властители притихли и выжидающе уставились на Роберта.

— Что ты об этом думаешь, Ядавин? — спросила Вала, нарушив затянувшееся молчание.

— Я все вспоминаю, как исчезло то первое животное, — сказал он. — Мне хочется отыскать взаимосвязь между периодом исчезновений и возросшим числом прыгунов. — Он с сомнением покачал головой. — Не знаю. Все говорит о том, что это невозможно. Но как тогда объяснить происходящее? Или, вернее, не объяснить, а хотя бы как-то описать. Скажите, кто-нибудь из вас слышал о властителе, которому удавалось бы перемещаться во времени?

Паламаброн засмеялся.

Вала обозвала его болваном и, обратившись к Вольфу, сказала:

— Ходят слухи, что Рыжий Орк много лет бился над загадкой времени, пытаясь раскрыть его принципы. Но

говорят, он отказался от этой затеи, заявив, что расчленить время так же невозможно, как объяснить происхождение нашей галактики.

— А почему ты об этом спрашиваешь? — поинтересовался Аристон.

— Существует крошечная субатомная частица, которую земные ученые называли «нейтрино», — ответил Вольф. — Эта частица не несет заряда и обладает нулевой массой покоя. Вы понимаете, о чем я говорю?

Все отрицательно покачали головами.

— Ты же знаешь, мы все когда-то получили прекрасное образование, — сказал Лувах. — Но с тех пор прошло несколько тысячелетий. И вряд ли кто-нибудь из нас интересовался проблемами науки, помимо той техники, которую мы использовали для своих целей.

— Тогда вы действительно кучка невежественных богов, — усмехнулся Вольф. — Самые могущественные существа в космосе на самом деле оказались неграмотными варварами.

— Какое это имеет отношение к нашей ситуации? — возмутился Энъен. — Зачем ты обижаешь нас? Ты сам сказал, что мы должны прекратить взаимные оскорбления, если хотим выжить.

— Прошу прощения, — извинился Вольф. — Просто меня самого иногда поглощают несоответствия характера... Не обращайтесь внимания. Так вот, нейтрино ведет себя очень странно. В частности, предполагается, что оно может перемещаться во времени.

— И оно действительно перемещается? — спросил Паламатрон.

— Сомневаюсь. Но независимо от того, поворачивает оно вспять хронологический процесс или нет, поведение нейтрино можно описать в терминах временных перемещений. И мне кажется, такой подход вполне применим к прыгунам. Возможно, они действительно носятся во времени взад и вперед. Возможно, Уризену известна тайна создания таких существ. Но я сомневаюсь в этом. Скорее всего, он переместил их сюда из какой-нибудь вселенной, о которой мы еще не знаем. Тем не менее, каким бы ни было происхождение прыгунов, их способ перемещения

создает у нас впечатление, будто они скачут во времени. И я бы даже сказал, что они скачут с трехсекундной задержкой. — Концом дубинки он нарисовал на земле круг. — Допустим, это животное, которое мы увидели первым. — Он начертил линию, идущую от круга, и на ее конце нарисовал второй круг. — Эта линия изображает исчезновение зверька или его несуществование в нашем мире. Она как бы переносит его во времени.

— Я могу поклясться, что первый зверь исчез сначала не больше чем на три секунды, — сказала Вала.

Вольф продолжил линию из второго круга, нарисовал на ее конце третий круг, после чего провел под прямым углом следующую черту и изогнул ее назад к позиции, противоположной второму кругу.

— Итак, он прыгнул в будущее — вернее, это мы описываем его действие как прыжок во времени. Затем зверек вернулся по временному следу на то же место, которое занимал перед первым прыжком. Таким образом, мы видели его шесть секунд, но не знали, что он уже побывал в будущем и вернулся. После этого животное — давайте назовем его кенготемпусом — сделало еще один прыжок в тот период, где оно побывало в первый раз. И тогда мы с вами получили двух прыгунов. На самом деле это было одно и то же животное, удвоенное временным перемещением. Первое существо прыгнуло на три секунды вперед, и мы потеряли его из виду. Второе в этот момент скакало по поляне. Но стоило второму номеру закончить временную петлю, как номер первый вернулся назад. И мы снова увидели двух животных.

— А как потом появилось сразу пять? — спросил Ринтрах.

— Давай посмотрим. Мы видели двух. Теперь номер первый делает прыжок и становится первым из пяти. Он прыгает обратно и превращается в одного из предыдущих двух. Затем он снова переносится в будущее и становится номером третьим из пяти. В тот момент, когда перед нами оставался только один кенготемпус, номер второй совершил прыжок и стал вторым из пяти. Первый и второй номера прыгнули вперед и вернулись, став номером четыре и номером пять. Далее четвертый и пятый номера

ушли в будущее — в тот период, когда здесь остались только два зверя. Тем временем номер первый совершил прыжок на три секунды, номер четыре остался на месте, а номер пять вернулся. Поэтому мы снова увидели только двух.— Он усмехнулся, глядя на откровенно скучающие лица.— Теперь вы понимаете?

— Все это чушь! — сказал Тармас.— Перемещения во времени! Ты сам знаешь, что они невозможны!

— Да, я знаю. Но если животные не путешествуют во времени, то что же они делают? Ни тебе, ни мне это неизвестно. Поэтому, если я опишу поведение зверей с хронологической точки зрения и такое описание поможет нам их поймать, зачем же возражать против теории?

— Почему бы тебе не воспользоваться лучеметом? — спросил Ринтрах.— Мы все очень проголодались. А после охоты за этими мельтешащими призраками я совсем обессилел.

Вольф пожал плечами, встал и пошел к кенготемпусам. Они продолжали насыщаться, искоса поглядывая за ним. Когда он приблизился на тридцать ярдов, они поскакали прочь. Роберт последовал за ними, и вскоре они оказались перед тупиковой стеной ущелья. Кенготемпусы начали разбегаться. Вольф установил лучемет на половинную мощность и прицелился в одного из них.

Наверное, зверька напугало поднятое оружие. Как только Вольф выстрелил, животное исчезло, и энергию луча поглотила каменная скала.

Он выругался, пожалев заряд, и нацелил оружие в другого прыгуна. Зверь легко уклонился от выстрела и отпрыгнул. В сторону. Роберт повел стволом и почти настиг добычу, но животное сделало еще один прыжок, едва увернувшись от луча. Вольф плавным движением поймал кенготемпуса в прицел, однако зверек тут же исчез.

Он быстро развернулся и направил оружие на группу остальных животных. Прямо перед ним возник еще один прыгун, и Роберт чиркнул по его боку белым лучом.

Зверь мгновенно исчез; позади Вольфа послышались крики. Он оглянулся и увидел, что властители показывают на мертвое животное, которое лежало в нескольких яр-

дах слева от него. На шерсти кенготемпуса чернели следы лучевого ожога.

Вольф заморгал от удивления. Подбежавшая Вала объяснила ситуацию:

— Он выскочил из воздуха живым и здоровым, а когда коснулся земли, превратился в мертвую, зажатую тушку.

— Но я же не попал ни в одного, кроме последнего, — возразил он. — И зверь, которого я задел лучом, до сих пор не появился.

— Прыгун умер при выходе из временной петли, — сказала она. — Ровно за три секунды до того, как ты выстрелил в другого зверька. — Она замолчала, улыбнулась и добавила: — Хотя при чем здесь другой? Это и есть тот самый, которого ты убил. Он умер раньше, чем тебе удалось в него попасть. Или нет... ты сначала попал в него, а потом он прыгнул назад во времени.

— Ты хочешь сказать, что я убил его еще до выстрела? — тихо спросил Вольф.

— Конечно, на самом деле тут все по-другому. Но выглядело именно так. Впрочем, не знаю. Я запуталась.

— Как бы там ни было, у нас теперь есть еда, — сказал он. — Правда, не слишком много. Этот кусочек нас не насытит.

Он повернулся и прочертил лучом горизонтальную линию. Луч прошелся по скалам, приблизился к кенготемпусу и неожиданно исчез. Вольф продолжал нацеливать лучемет на зверя, но животное твердо стояло на ногах и кротко мигало большими глазами.

— Черт, заряд иссяк, — проворчал Вольф.

Он извлек силовой пакет и сунул лучемет за пояс. Оружие превратилось в бесполезный механизм, но он не собирався его выбрасывать. Вольф надеялся добыть несколько заряженных пакетов в крепости Уризена.

Он велел властителям взять дубинки и продолжить охоту.

Но братья запротестовали. Слабые и голодные, они требовали свою долю пищи немедленно. И хотя мясо полубогорело, все с жадностью набросились на него. Урчание в животах утихло. Люди немного отдохнули, набрались сил и начали новую облаву.

Они решили растянуться в широкое кольцо, а затем медленно сокращать его, пока дело не дойдет до дубинок. При их приближении звери отчаянно запрыгали. Кенготемпусы то появлялись, то исчезали из реальности... или времени. В какой-то миг их стало девять — очевидно, они одновременно прыгнули в будущее и вернулись назад. Но то, что происходило во время охоты, почти не поддавалось описанию.

Сначала Вольф без труда вел счет животным — шесть, ни одного, снова шесть, потом три, еще раз шесть, один, семь.

Вперед-назад, туда-сюда, из одного времени в другое. А владельцы бегали вокруг, завывая, как стая голодных волков, и размахивали дубинками, надеясь зацепить какого-нибудь прыгуна в момент его выхода из хронопрыжка. Внезапно дубинка Тармаса разможила голову кенготемпуса, который возник перед ним. Прыгун свалился, дернулся несколько раз и затих.

Из воздуха материализовались восемь зверьков. Один остался позади лежащей тушки, а остальные исчезли. В следующий момент вместо семи животных появилось восемь. Через три секунды их число сократилось до трех. Еще через три секунды на поляне оказалось девять прыгунов. Ни одного. Девять. Два. Одиннадцать. Семь. Два.

Когда их стало одиннадцать, Вольф метнул дубинку и попал в спину одного из зверьков. Удар сбил животное с ног. Вала оказалась рядом и добила прыгуна, прежде чем тот очнулся.

Число животных возросло до пятнадцати, но тут же уменьшилось до тринадцати: Ринтрах и Теотормон убили по одному кенготемпусу. Зверьки исчезали и появлялись вновь.

За минуту численность кенготемпусов резко возросла. Страшно напуганные, они носились во времени взад и вперед. Их стало двадцать восемь, потом ни одного, снова двадцать восемь, ни одного, пятьдесят шесть или около того, если только Вольф не ошибался. Конечно, точный подсчет тут был невозможен. Но чуть позже, считая, что всякий раз их становится вдвое больше, Роберт

дошел до невероятной суммы — вокруг скакали тысяча · семьсот девяносто два кенготемпуса.

И как бы ни хотелось властителям сократить это число, новых потерь среди животных не оказалось. Несмотря на мельтешащие орды, людям не удалось убить ни одного животного. Прыгуны сбивали их с ног, колотили со всех сторон, напрыгивали сверху, царапали, лягали, колотили лбами.

А затем зверьки в панике помчались к выходу из ущелья. Они стремительно пронеслись мимо людей, битком набились в узкий проход, но каким-то образом протиснулись в него и убежали прочь.

Избитые и расстроенные властители медленно поднимались с земли. Увидев четырех мертвых животных, они потрясенно покачали головами. Из восемнадцати сотен животных, крутившихся под самым носом, остались только четыре маленькие тушки. И что бы там ни говорила теория вероятности, им еще крупно повезло.

— По половине прыгуна на каждого — не так и плохо,— сказала Вала.— Все лучше, чем ничего. Но что мы будем делать завтра?

Этого никто не знал. Братья начали собирать дрова для костра. Вольф одолжил у Теотормона нож и принялся снимать со зверей шкуры.

Утром путешественники позавтракали остатками от вчерашнего пира, и Вольф повел их дальше. В каньоне было так же тихо, как и прежде; безмолвие нарушало лишь журчание воды в реке. Скалы в далекой вышине почти сходились друг с другом, а между ними сияло желтое небо. Иногда поодаль появлялись кенготемпусы. Роберт бросал в них камни, и однажды чуть не попал в одного. Прыгун исчез, словно растаял в воздухе, но через три секунды появился в двадцати шагах от Вольфа и быстро поскакал по тропе, будто вспомнил о каком-то важном деле.

Через пару дней после последнего завтрака властители стали все чаще посматривать на местные ягоды. Паламаброн утверждал, что скверный запах еще ни о чем не говорит и ягоды могут оказаться вполне съедобными. И даже если их вкус не очень приятен, вряд ли они ядовиты. А раз

уж им все равно суждено умереть, то почему бы не отве-
дать ягод?

— Ну так давай,— сказала Вала.— Это твоя теория и
твое предложение. Чего же ты ждешь? Проглоти несколь-
ко штук!

Она злорадно усмехнулась, видя, как в нем борются
голод и страх.

— Нет! — вскричал Паламаброн.— Я не стану вашей
подопытной свинкой. Зачем мне жертвовать собой ради
вас? Я начну есть ягоды только вместе со всеми.

— Тебе захотелось умереть в хорошей компании? —
спросил Роберт.— Кончай, Паламаброн. Или покажи се-
бя, или заткнись, как говорят земляне. Ты только тратишь
наше время на споры. Либо делай дело, либо забудь об
этом.

Паламаброн понюхал ягоду, которую держал в руке,
и, скорчив гримасу, бросил ее на скалистый грунт. Вольф
пошел дальше, остальные последовали за ним. А еще че-
рез час он заметил новое боковое ответвление и отправил-
ся на разведку. Входя в ущелье, Роберт поднял круглый
камень. Он хотел незаметно подкрасться к кенготемпусу
и сбить его с ног, когда тот попытается скрыться.

Узкое ответвление не шло в сравнение с тем ущельем,
в котором властители вели свою первую охоту. В дальнем
его конце, объедая ягоды с куста, стоял единственный
кенготемпус. Вольф опустился на четвереньки и медлен-
но пополз к нему, прячась за камнями. Вольф преодолел
уже половину пути, когда животное что-то заметило. Пры-
гун вдруг перестал жевать, сел и настороженно осмотрел-
ся. Его нос задергался, уши завибрировали, словно теле-
визионные антенны при сильном ветре.

Вольф припал к земле и застыл. Голодная диета да-
вала себя знать — от усилий и нервного напряжения он
обливался потом. Ему хотелось вскочить, помчаться к
прыгуну, наброситься на него, разорвать на части и съесть
сырым. Он мог бы съесть его целиком, от кисточек ушей
до кончика хвоста. Он переломал бы ему все кости и вы-
сосал костный мозг.

Но, преодолев голодное безумие, Роберт неподвижно
распластался на земле. Он надеялся, что животное вскоре

забудет о причине испуга и тогда к нему можно будет подползти поближе.

Но тут из-за скалы рядом с кенготемпусом появилось еще одно животное. Серый хищник напоминал размерами лису или койота. Длинную заостренную морду украшали волчьи уши красного цвета; сзади виднелся пушистый хвост. Пока кенготемпус смотрел в другую сторону, серый хищник пригнулся и прыгнул на зазевавшуюся жертву.

Но челюсти зверя поймали только воздух. Прыгун исчез, улизнув в будущее перед самой пастью врага.

Едва коснувшись земли, хищник тоже пропал из виду.

А затем перед Вольфом появились трое животных — два прыгуна и один хищник. Роберт, которому нравилось давать имена, тут же назвал его хроноволком. Он впервые видел существо, которое по воле природы или Уризена не давало кенготемпусам перенаселять этот мир.

Устроившись поудобнее, Вольф с интересом следил за развитием событий. Пара прыгунов исчезла, затем их число увеличилось до трех. А значит, первый кенготемпус и хроноволк прыгнули в будущее, но прыгун задержался там только на долю микросекунды и вернулся. Он как бы продублировал себя, и теперь хищник гонялся за двумя прыгунами.

Звери снова растаяли в воздухе, и вскоре Роберт увидел уже четверых — двух кенготемпусов и двух хроноволков. Охота продолжалась не только в пространстве, но и в странных коридорах прошлого и будущего.

Дождавшись, когда животные вновь одновременно прыгнули в никуда, Вольф подбежал к валуну, вокруг которого росло несколько кустов, юркнул под их защиту и выглянул из-за ветвей.

Рядом с ним появились семь животных. На этот раз при выходе из будущего волк оказался позади прыгуна. Он бросился на добычу, впился зубами в шею кенготемпуса — послышался громкий хруст, и жертва упала замертво.

Осталось семь живых зверей и одно мертвое. Животные носились взад и вперед.

Прыгуны исчезли. Волк отложил трапезу до лучших времен и последовал за ними. Он, видимо, не хотел оставлять их в покое.

И вновь шесть животных заметались по поляне. Внезапно два волка сцепились друг с другом, и один перегрыз другому горло.

На три секунды животных поглотило будущее. Вольф выскочил из-за кустов и замер. На этот раз он не прятался, надеясь, что неподвижная поза плюс ужас кенготемпусов и кровожадность волков на время отвлекут внимание животных, и они не заметят человека.

Из матки времени родился еще один вояк — прямо какой-то партеногенез хроновиаторов.

Два волка набросились друг на друга, в это время третий хищник наблюдал за ними со стороны. Вокруг, охваченные паникой, скакали кенготемпусы.

Третий хроноволк отделился от своих сородичей, рванулся в гущу прыгунов и схватил за горло кенготемпуса, который в суматохе едва не налетел на него.

Теперь на земле лежали два хроноволка и два прыгуна.

Живые звери опять исчезли. При возвращении из будущего волку удалось поймать еще одного кенготемпуса. Жертва пискнула и упала со сломанной шеей.

Роберт медленно поднялся на ноги и повернулся к паре сцепившихся хищников. Когда один из них умер, он бросил камень в победителя. Тот, должно быть, краем глаза уловил движение и тут же исчез. Камень ударился о скалу. Вскоре хроноволк вновь появился из потока времени и быстро помчался к выходу из маленького ущелья.

— Прости, что я лишил тебя законной добычи! — крикнул ему вслед Роберт. — Но ты можешь поохотиться где-нибудь еще.

Он вернулся к своим спутникам и объявил, что удача вновь улыбнулась им. Мяса шестерых животных хватило, чтобы не только наполнить животы, но и запастись едой на следующий день.

Хорошие времена длились недолго, и наступил момент когда владельцы трое суток оставались без еды. Они исхудали, их щеки запали, глаза ввалились, животы прилипли к спинам. В тот день Вольф разбил их по парам и отправил на охоту. Он думал попытать счастья в одиночестве, но Вала настояла, чтобы Роберт взял с собой Луваха. Ей захотелось поохотиться самостоятельно. Он спросил ее о

причинах такого решения, и сестра ответила, что не намерена оставаться наедине с голодным мужчиной.

— Неужели ты считаешь, что кто-то из нас может съесть тебя? — пошутил Вольф.

— Вот именно,— ответила она.— Ты сам знаешь, что, если нам не подвернется какая-нибудь пища, мы начнем поедать более слабых. Возможно, это и задумал Уризен. Он будет млеть от восторга, видя, как мы убиваем друг друга и набиваем животы плотью и кровью родственников.

— Тогда поступай, как знаешь,— сказал Вольф.

Вместе с Лувахом он осмотрел несколько боковых ответвлений. В одном из них они заметили стайку прыгунов, объедавших кусты. Братья терпеливо подкрадывались к ним пару часов и были уже в дюйме от успеха. Но камень, брошенный Робертом, пролетел над головой предполагаемой жертвы, и все их усилия оказались напрасными. Кенготемпусы даже не стали скрываться во времени. Они ускакали в расщелину и исчезли из виду.

Вольф и Лувах гнались по следу прыгунов, пока не вошла луна, ознаменовавшая наступление очередной голодной и бессонной ночи. Когда незадачливые охотники подошли к месту встречи, обеспокоенные властители сообщили им, что Паламаброн и его напарник Энъен не вернулись.

— Не знаю, как остальные,— сказал Тармас,— но я слишком истощен, чтобы идти на поиски этих проклятых дураков.

— И все же нам придется идти,— ответила Вала.— Возможно, им повезло, и они теперь наедаются от пуза. Вряд ли наши братья станут делиться с нами.

Тармас выругался, но все-таки отказался от участия в поисках.

— Если им повезло,— проворчал он,— я все равно узнаю об этом по их лицам. Им ничего не удастся скрыть от меня. И тогда я убью их за эгоизм и жадность.

— Если бы тебе повезло, ты поступил бы точно так же,— сказал Вольф.— И я не понимаю, почему вы все так раскричались. Мы же не знаем, что с ними произошло на самом деле. В конце концов, это только предположе-

ние Валы. Пока нет доказательств, одних обвинений недостаточно.

Властители поворчали, поругались, но вскоре усталость и истощение взяли свое, и люди заснули тяжелым сном. Роберт тоже заснул, но что-то разбудило его посреди ночи. Ему показалось, что он услышал в отдалении чей-то крик. Вольф сел и осмотрелся. Все его спутники, кроме Паламаброна и Эннена, спали у костра.

Вала тоже проснулась и приподняла голову:

— Ты что-то услышал, брат? Или это урчание наших желудков?

— Крик раздался в верховьях реки,— сказал он, поднимаясь на ноги.— Думаю, мне надо пойти и посмотреть.

— Я с тобой,— воскликнула она.— Мне больше не заснуть. Мысль о том, что они, возможно, пируют там без нас, приводит меня в ярость и лишает сна.

— Прыгуны слишком малы для большого пира,— сказал он.

— Ты думаешь...— тихо прошептала Вала.

— Не знаю. Ты уже описала один из возможных вариантов. И по мере того как мы слабеем от голода, такая ситуация становится все более правдоподобной.

Он взял дубинку, и они пошли вдоль берега реки. Глаза без труда различали тропу: лунная ночь была похожа на сумерки. И хотя стены каньона сгущали их, света вполне хватало, чтобы уверенно продвигаться вперед.

Они увидели Паламаброна еще до того, как он их заметил. Его голова на миг показалась над валуном около стены каньона. Профиль хищного лица мелькнул и тут же исчез. Они начали подкрадываться, прижимаясь к скале. Ветер донес до них звуки, похожие на стук камней.

— Он пытается развести огонь,— шепнула Вала.

Вольф не ответил. Он представил себе причину, которая заставила Паламаброна разводить огонь, и ему стало дурно. Роберт подполз к огромному камню, за которым находился Паламаброн. На миг его захлестнуло отвращение. Он не хотел видеть того, что сулило ему воображение.

Паламаброн сидел к ним спиной. Он склонился над кучей хвороста и колотил куском кремня о большой тяжелый камень.

Вольф с облегчением вздохнул. Тело, лежавшее рядом с Паламаброном, оказалось убитым прыгуном.

Но где Энъен?

Приподняв дубинку, Вольф тихо зашел за спину Паламаброна и громко произнес:

— Ну что, брат, попался?

Властитель вскрикнул и нырнул головой в кучу хвороста. Сделав кувырок, он вскочил на ноги и повернулся к ним лицом. В его руке Роберт увидел грубый кремневый нож.

— Это мое! — закричал Паламаброн. — Я убил зверя без вашей помощи и хочу съесть его один. Он мой! Я умру, если не съем хотя бы кусочка мяса.

— Но мы все в таком состоянии, — ответил Роберт. — А где твой кузен?

Паламаброн сплюнул и закричал:

— Энъен скотина, а не мой кузен! Откуда мне знать, куда он подевался? Почему я должен об этом волноваться?

— Ты ушел вместе с ним, — напомнил Вольф.

— Я не знаю, где он. Во время охоты мы разошлись в разные стороны.

— Нам показалось, что мы слышали крик, — сказала Вала.

— А это прыгун кричал, — торопливо произнес Паламаброн. — Да-да, прыгун. Я ведь убил его совсем недавно. Он попался мне спящим... и когда я ударил его, зверь закричал и умер.

— Странно, — с сомнением сказал Роберт.

Не спуская глаз с Паламаброна, он медленно отошел на безопасное расстояние и направился вдоль берега реки. Не пройдя и сотни ярдов, Вольф заметил руку, торчащую из-за валуна. Он обошел обломок скалы и увидел Энъена. Тот лежал с разможенным черепом, а рядом валялся окровавленный заостренный камень, которым его убили.

Роберт вернулся к тому месту, где они обнаружили Паламаброна. Вала по-прежнему стояла у валуна, но брат и кенготемпус исчезли.

— Почему ты его не задержала? — спросил Вольф.

Она пожала плечами и улыбнулась:

— Я только женщина. Не требуй от меня слишком многого.

— Ты бы запросто справились с ним, — сказал он. — Я думаю, ты захотела насладиться погоней. Но вынужден тебя огорчить — охоты на Паламаброна не будет. У нас не осталось сил осматривать здесь каждую щель. А после сытной пищи он убежит от любого из нас.

— Ну и ладно, — ответила она. — А что ты предлагаешь делать нам?

— Идти дальше и надеяться на лучшее.

— И подыхать от голода? — вскричала она. Потом указала на глыбу, за которой лежало тело Эньюна: — Там хватит еды для каждого из нас.

У Вольфа даже не нашлось слов, чтобы ответить. Ему не хотелось думать об этом, но обстоятельства требовали принятия радикального решения. Вала была права. Как бы ему ни претила мысль о *такой еде*, без нее им не выжить. В некотором смысле Паламаброн оказал им любезность. Совершив убийство, он взял всю вину на себя. И теперь они могли утолить голод, не превращаясь в братоубийц. Конечно, сам факт подобной смерти вряд ли встревожит остальных. Но Вольф сошел бы с ума, если бы ему пришлось для этой цели убить человека.

Что касается еды, Роберт чувствовал лишь легкое отвращение. Голод притупил его естественный ужас перед каннибализмом.

Вала подняла острый обломок, брошенный Паламаброном, а Вольф отправился будить остальных. Когда они вернулись, она не только развела огонь, но и разрежала тело на куски. Сначала Вольф отошел в сторону, но потом решил, что, согласившись принять участие в еде, он должен разделить и долю труда. Роберт попросил у Теотормона нож и занялся разделкой тела. Другие предлагали свою помощь, но он отказывался от нее. Выполняя самую грязную работу, он как бы нес искупительное наказание.

Когда мясо поджарилось, или, вернее, полупрожарилось, Роберт взял свою порцию и укрылся за валуном. Он чувствовал, что его может стошнить. Вольф знал, что, если он увидит за едой других властителей, его вывернет наизнанку И Роберт от души надеялся, что в одиночестве ему не будет так плохо.

Рассвет застал их за трапезой; в путь они тронулись только к полудню. Оставшееся мясо властители завернули в листья и забрали с собой.

— Если Уризен наблюдал за нами,— заметил Вольф,— он, должно быть, неплохо повеселился.

— Пусть веселится,— сказала Вала.— Когда-нибудь придет и моя очередь.

— Твоя? Ты хотела сказать, наша?

— Вы можете делать все, что вам угодно. Меня же интересует то, что сделаю я.

— Вполне типично для властителей,— бесстрастно произнес Вольф.

Он еще долго следил за ней, удивляясь ее жизнеспособности. Конечно, основательно подкрепившись, можно было шагать так быстро. Но откуда этот румянец на щеках и такая сила в теле? Вопрос показался ему интересным. Даже тогда, когда все отчаянно голодали, она не страдала, как остальные, и не выглядела истощенной.

«Если кому и удастся выжить, а затем вцепиться в глотку отца, то это будет Вала,— подумал Вольф.— О Боже, не дай мне отстать от нее,— молился он.— Я почти забыл о мести Уризену. Мне бы только спасти Хрисеиду».

Глава 12

Мясо кончилось, а еще через сутки тропа наконец вывела путешественников из каньона. Перед ними начинался длинный пологий склон, а ниже расстилалась равнина, уходящая до самого горизонта. В четверти мили от горы находился небольшой холм, на котором виднелись два гигантских шестигранника.

Заметив долгожданную цель, люди застыли на месте.

— Я предлагаю побыстрее пройти через какие-нибудь ворота,— сказал Вольф.— Возможно, на той стороне мы найдем что-то съедобное.

— А если нет? — спросил Тармас.

— Лучше погибнуть, прорывая оборону Уризена, чем медленно умирать от голода. А в данный момент наши дела выглядят...— Он замолчал, понимая, что властители и без того чувствуют себя не лучшим образом.

Спутники вяло последовали за ним к подножию золотых, украшенных драгоценными камнями сооружений. Роберт повернулся к Вале:

— Сестра, окажи нам честь и выбери врата. Но поспеши. Я чувствую, что мои силы на исходе.

Она подняла камень и, повернувшись спиной к шестиугольникам, бросила его через голову. Тот влетел в правый гексакулум, едва не ударившись о перекладину.

— Так тому и быть, — объявил Роберт. — Он осмотрел остальных и усмехнулся. — Ну что, ребята! Бравые властители, а вернее, бродяги! Готовьте к бою дубины, сломанный меч, нож и мышцы, дрожащие от слабости. Подтяните животы, скулящие от голода. Когда еще крепость властителя атаковала такая жалкая компания?

Вала засмеялась:

— Но у тебя-то, Ядавин, осталось немного мужества. А это что-нибудь да значит.

— Надеюсь, что так, — отозвался он.

Вольф разбежался и, прыгнув в правые врата, оказался под темно-голубым небом. Земля, на которую он приземлился, немного проседала под ногами. Плоскую местность разнообразило несколько крутых холмов — таких шероховатых и темных, что они выглядели скорее как наросты, чем как геологические образования. Его сомнения усиливал и тот факт, что поверхность под ним не походила на землю. Она была коричневой, гладкой и испещренной маленькими отверстиями. Из каждой дыры рос тонкий и трубчатый стебель в фут высотой.

«Словно кожа гиганта», — подумал он.

Единственной так называемой растительностью являлись редкие деревья около сорока футов в высоту, с тонкими стволами и ровными заостренными ветвями, которые тянулись вверх под углом в сорок пять градусов. Ветви отличались более темной окраской, чем шафрановые стволы, и их местами покрывали лезвиеобразные листья не менее двух футов в длину.

Через минуту из врат начали выходить остальные властители. Вольф повернулся к ним и язвительно сказал:

— Я рад, что не нашел ничего, с чем не мог бы управиться без вашей помощи.

— Они надеялись, что врата на этот раз приведут в крепость Уризена,— объяснила Вала.

— И ждали, что я приму на себя удар первых ловушек,— добавил Роберт.— Решили пожертвовать мной, чтобы пожить на пару минут дольше?

Властители молчали. Вольф с упреком посмотрел на Луваха — щеки того покраснели.

Роберт проверил врата, но их, видимо, уже отключили, либо они действовали только в одну сторону.

Чуть дальше он увидел длинную черную линию, которая могла оказаться берегом озера или моря. Этот мир, в отличие от предыдущего, не имел указателей направления, в котором им следовало двигаться. Однако с той части склона, куда выводили врата, он заметил два шершавых темных холма, стоявших неподалеку друг от друга. Они могли служить своеобразным знаком, установленным Уризенем. Но правильность любой догадки проверяется только действием. Поэтому Вольф принял решение без колебаний.

Он зашагал по слегка пружинящей почве. Остальные поспешили следом. Рядом мелькнула тень, и все посмотрели вверх. Белая птица с красными лапами превосходила размерами стервятника. На обезьяньей мордочке вместо носа торчал загнутый крючком птичий клюв. Она пролетела так низко, что Лувах не удержался и бросил в нее дубинку. Толстая палка задела яркий разноцветный хвост. Птица негодуяще вскрикнула и быстро набрала высоту.

— Мне кажется, на дереве есть гнездо,— сказал Роберт.— И, возможно, мы найдем там яйца.

Лувах побежал вперед, чтобы подобрать дубинку, но вдруг резко остановился. Вольф взглянул туда, куда он указывал.

Почва покрылась рябью. По ней пошли волны в дюйм высотой, приближаясь к дубинке. Лувах развернулся, собираясь убежать, но передумал, метнулся к палке и поднял ее. Прямо за ним земля вспухла, вздыбилась и понеслась вперед, словно штормовая волна.

Вольф закричал. Лувах оглянулся и стремительно бросился в сторону, пытаясь уклониться от надвигавшегося вала. Роберт помчался за движущимся гребнем, еще не

зная, чем помочь брату, но рассчитывая на какой-нибудь случай.

Внезапно волна исчезла. Роберт и Лувах остановились. Вдруг Вольф почувствовал, как земля вздулась прямо у него под ногами, и увидел другую волну, которая поднялась в десяти шагах от Луваха. Братья повернулись и бросились бежать. Но то, что находилось у них под ногами, гналось за ними следом.

Они поспешили к вратам, надеясь, что там почва окажется более устойчивой.

Братья добрались до безопасного места как раз вовремя. Поверхность склона за их спинами внезапно провалилась, и возникла широкая и мелкая дыра, которая начала сужаться и углубляться. А когда стенки сблизились друг с другом, раздался чавкающий звук, и процесс пошел в обратную сторону. Яма расширилась, стенки разгладились, почва стала такой же ровной, как и раньше, только тонкие ростки в фут высотой продолжали подрагивать.

— О, Лос! Что же это было? — вскрикивал Лувах снова и снова.

Он побледнел от страха. На его лице темной чертой проявилась дорожка веснушек.

Роберт тоже чувствовал себя неважно. Колебания почвы под ногами напоминали сильное землетрясение. И он подозревал, что его первая догадка могла оказаться печальной истиной.

Кто-то вскрикнул за его спиной. Вольф оглянулся и увидел Паламаброна, который безуспешно пытался ускользнуть в гексакулум, из которого только что вышел. Очевидно, он следовал за ними по пятам, а потом какое-то время ждал по ту сторону врат. Решив, что они удалились на значительное расстояние, он прошел в шестигранник и попал в ту же ловушку, что и остальные.

Но его ожидало кое-что похуже, и у Роберта появилось несколько идей по этому поводу. Он растолкал братьев, которые навалились на Паламаброна, и велел им оставить его в покое. Они неохотно повиновались и отошли от лежавшего на земле дрожащего властителя.

— Паламаброн,— сказал Вольф,— ты нарушил перемирие и убил нашего брата. За это мы приговариваем тебя к смерти.

Осознав, что ему не грозит немедленная расправа, Паламаброн набрался мужества. Возможно, он надеялся заслужить прощение и тем самым сохранить свою жизнь.

— По крайней мере, я не ел моего брата, как вы! — закричал он. — Да, мне пришлось его убить, но он напал на меня первым!

— Ты ударил Эньюна сзади! — возразил Роберт.

— Я сбил его с ног! — кричал Паламаброн. — Он начал подниматься, и мне ничего не оставалось, как проломить ему череп. Разве я виноват, что он подставил затылок? Неужели я должен был ждать, пока он повернется ко мне лицом?

— Теперь нет смысла говорить об этом, — оборвал его Вольф. — Ты можешь уходить. Мы не хотим пачкать руки твоей кровью. Но мы требуем, чтобы ты ушел немедленно. Иначе никто из нас не будет чувствовать себя в безопасности, засыпая по ночам или поворачиваясь к тебе спиной.

— Вы разрешаете мне уйти? — удивился Паламаброн. — Но почему?

— Довольно болтать! — рявкнул Вольф. — В твоём распоряжении десять минут, а потом тебе уже никто не поможет. Так что лучше уходи. Время пошло.

— Нет, подождите, — встревожился Паламаброн. — В этом есть что-то подозрительное. Я никуда не пойду! Вольф подал знак:

— Вперед! Убейте его!

Паламаброн завопил и бросился бежать. Пробежав ярдов тридцать, он начал спотыкаться — видимо, голод и одиночество лишили его сил. Обернувшись несколько раз, он понял, что погони нет, и устало перешел на шаг.

Почва позади него взбухла и взметнулась вверх, пока не достигла высоты в два человеческих роста. В тот миг, когда она, закручиваясь, нависла над своей жертвой, Паламаброн еще раз оглянулся. Увидев гигантскую волну, которая настигала его, он захлебнулся в диком крике и бросился бежать. Волна опала, почва содрогнулась, и Паламаброн не удержался на ногах. Но тут же вскочил и, шатаясь, побежал дальше.

Прямо перед ним раскрылась дыра. Вскрикнув, он круто свернул вправо. Ужас придал ему сил. Дыра исчезла — и

снова появилась перед ним. И вновь ему удалось спастись, отпрыгнув в сторону.

Навстречу поднималась еще одна волна. Он попытался повернуть, но поскользнулся и упал. Перекатившись по земле, Паламаброн хотел встать и снова оступился. Огромный вал, возникший позади него, достиг такой высоты, что скрыл беглеца от глаз властителей. На миг волна застыла, ее края слегка завибрировали — а потом она медленно опала, и равнина вновь стала плоской, за исключением пологого холмика в шесть футов длиной.

— Эта штука сожрала его! — вскричала Вала.

Она дрожала от возбуждения, широко раскрытые глаза излучали восторг, в уголке рта повисла струйка слюны, язычок нервно бегал по губам.

— Похоже, что наш отец создал настоящего монстра, — произнес Роберт. — И я не удивлюсь, если вся планета покрыта кожей этого... вельттира.

— Кого? — спросил Теотормон.

Его глаза остекленели от ужаса. В ядовитом мире прыгунов он страдал от голода больше всех. Кожа и так обвисла на нем складками, но, судя по виду, за две последние минуты Теотормон потерял не меньше пятидесяти фунтов.

— Вельттир — мир-зверь. Я взял это название из земной, а точнее, германской мифологии.

«Планета, покрытая кожей», — подумал он. — Или, может быть, не кожей, а амебой размером с целый континент, которая растянулась по всей поверхности». Эта идея испугала его.

Тем не менее кожа существовала — сей факт Вольф отрицать не мог. Но как она до сих пор не умерла от голода? Миллионам тонн протоплазмы необходима пища. Возможно, она поедает животных, но вряд ли они водятся здесь в таком количестве, чтобы удовлетворить ее аппетит.

Вольф решил выяснить этот вопрос, как только представится возможность. Он был любопытен, как обезьяна или сиамский кот. Его ум постоянно оценивал, размышлял, рассчитывал и анализировал. Он не мог успокоиться, пока не находил решения или не узнавал причины.

Роберт подсел к остальным и погрузился в раздумья. Все властители, кроме Вала, расположились на отдых. Она же, двигаясь осторожно и внимательно, уходила из «безопасной зоны» все дальше. Наблюдая за ней, Вольф понял, что задумала сестра. И как он сам не догадался? Вала шла, избегая соприкосновений с волосками, которые тянулись из пор кожи. Пройдя по кругу радиусом в двадцать пять ярдов, она вернулась к воротам, но смертоносная рябь так и не появилась. Кожа ни разу не дрогнула.

Вольф встал и восхищенно произнес:

— Ты молодец, Вала. Я потрясен. Значит, эта тварь — как ты ее ни назови — обнаруживает добычу по сигналам, идущим от щупалец, или волосков. Если мы будем продвигаться с предельной осторожностью, то можем пересечь эту местность. Но меня тревожат те горки. Как нам их одолеть?

Он указал на видневшиеся вдали роговые наросты, похожие на холмы. У их основания волоски росли очень густо, а за ними вообще устилали землю сплошным ковром.

Вала пожала плечами:

— Не знаю.

— Ладно, подойдем поближе, а там видно будет, — сказал он.

Вольф пошел вниз по склону, осторожно обходя чувствительные усики. Властители гуськом следовали за ним, и только Вала шла справа от Роберта на расстоянии пяти-шести ярдов.

— Трудновато будет охотиться в таких условиях, — произнес Вольф. — Придется одним глазом следить за волосками, а другим выслеживать добычу. Ситуация — хуже не придумаешь.

— Я бы на твоем месте так не переживала, — засмеялась она. — Может быть, тут вообще нет зверей.

— В существовании одного из них я уверен, — ответил Вольф.

Вала недоуменно взглянула на него, но он не пожелал объяснять смысл своих слов и направился к дереву, на ветвях которого заметил гнездо. Круглая кучка из веток и листвы около трех футов в поперечнике покоилась на

стыке ствола и массивного сука. Ветки гнезда крепились друг к другу каким-то клейким веществом.

Вольф шагнул между двумя чувствительными усиками и на всякий случай постучал дубинкой по стволу. Взобравшись до середины дерева, Роберт осмотрелся и увидел на одном из холмов-наростов верхние перекладыны двух шестигранников. Оказавшись под гнездом, Роберт покрепче прижался к стволу, просунул руку сквозь сучья и, вытащив два больших яйца, бросил их Вале. Яйца, раза в два крупнее индюшиных, имели странную окраску из зеленых и черных пятен.

В тот же миг его атаковала птица. Более крупное, чем у стервятника, тело покрывал белый пух с голубоватыми полосками. На обезьяньей морде торчали волчьи уши, ястребиный клюв и огромные острые клыки. Парад нелепостей завершали крылья летучей мыши, хвост археоптерикса и лапы грифа.

Сложив крылья, она помчалась к нему и едва не нанесла удар. Подлетев к дереву, птица с треском раскрыла крылья и издала крик, похожий на звук при распиливании железа. Скорее всего, она пыталась ошеломить своего врага, но это ей не удалось. Роберт разжал руки и съехал по стволу. Над ним раздался треск и еще один крик, полный разочарования и паники, — птица промахнулась и врезалась в гнездо. По-видимому, она намеревалась вцепиться в тело Вольфа и в порыве ярости не рассчитала скорости.

Роберт слетел на землю и покатился кубарем, не в силах избежать соприкосновения с чувствительными усиками. Он вскочил на ноги и попал под град склеенных сучьев и листьев, которые посыпались из разоренного гнезда. Вольф отпрыгнул в сторону и успел уклониться от падающего тела полуоглушенной птицы. Инстинктивно раскрыв крылья, она замедлила падение, и удар о землю не причинил ей большого вреда.

К тому времени земля-кожа получила сигнал от волосков. Их потревожил не только Вольф, но и властители, суетливо отбежавшие назад при падении Роберта.

— Все к дереву! — закричал Вольф.

Вале его совет не понадобился — она уже карабкалась по стволу. Он полез вслед за ней и вдруг почувствовал,

как острые, словно раскаленные добела крюки, когти впились ему в спину. Летящая тварь, ожив, атаковала снова. Роберт свалился с дерева. Падая, он зацепился ногой за ствол и приземлился на спину, но на свое счастье придавил собой птицу, иначе удар мог оказаться очень сильным.

Быстро придя в себя, Вольф скатился с пернатой хищницы, вскочил и пнул ее по ребрам. Коричневый клюв твари раскрылся, обнажая два острых клыка, покрытых слюной и кровью. Роберт ударил ее еще раз, повернулся к дереву, но его тут же сбили с ног два властителя, которые совсем обезумели от паники. Тармас наступил ему на голову и уцепился за нижнюю ветвь. Ринтрах стащил его вниз, оттолкнул и начал карабкаться по стволу. Тармас свалился на Вольфа, который в этот момент поднялся было на четвереньки.

Сидя на ветке у самой макушки дерева, Вала заливалась истерическим смехом. Она хохотала и хлопала себя по бедрам. Вдруг ее голос превратился в визг: сорвавшись с ветки, Вала полетела вниз, сломала несколько сучьев, перевернулась в воздухе, рухнула неподалеку от ствола и потеряла сознание.

Теотормон перепугался больше всех. Несмотря на потерю многочисленных фунтов жира, он никак не мог забраться на дерево. Его плавники скользили по стволу, он раз за разом срывался, то и дело оглядывался назад и что-то жалобно бормотал.

Роберту наконец удалось подняться на ноги. Вокруг него — вернее, вокруг дерева — кожа ходила ходуном. Она вздымалась бушующими волнами, которые преследовали Луваха и Аристона. Оба брата бегали кругами сломя голову. Страх наполнил силой их слабые, изможденные тела. Но земная плоть поднималась все выше, и огромный вал уже настигал беглецов, нависая над их головами. Впереди появлялись все новые и новые волны, а ямы под ногами становились все глубже и глубже.

Внезапно Лувах и Аристон пробежали мимо друг друга. Два шквала бутров и впадин, которые преследовали каждого из них, столкнулись с мощным чавкающим звуком.

А затем Вольфа ошеломил хаос метаний, взлетов, ударов и глотательных движений протоплазмы. То, что происходило вокруг, напоминало скопление гигантских водоворотов.

Не получив новых сигналов для переориентации, кожа потеряла Луваха и Аристона. Они подбежали к дереву, но в панике никак не могли на него взобраться. Пока испуганные братья отталкивали друг друга, Вольф поднял тело птицы и швырнул его как можно дальше. Оно упало на приближавшуюся опухоль, и, соприкоснувшись с тушей, волна мгновенно улеглась. Вокруг тела тут же образовалась выемка. Она медленно углубилась, затем затянулась толстой пленкой. Края дыры закрылись, и на месте погребения остался лишь небольшой бугорок с неровным швом.

Вольф пожертвовал птицей, которую хотел сохранить для еды. Поверхность вокруг дерева выровнялась и, дернувшись несколько раз, неподвижно застыла, словно действительно была земной твердью. Вольф обошел ствол и помог Вале подняться. Она села, тяжело переводя дыхание, и ее лицо исказилось от боли. Кожа спружинила, удар оказался не таким уж и сильным, но она ушибла плечо, лицо и не могла шевельнуть рукой.

Роберту показалось, что больше всего пострадало ее чувство собственного достоинства. Она проклинала властителей, называя их кучкой трусливых дураков и самцами, достойными лишь рабской доли. Мужчины рассердились. Они знали, что она права, и многим было на самом деле стыдно. Но властители не собирались признавать истинность ее слов.

Ситуация показалась Вольфу настолько забавной, что он захохотал, но, почувствовав боль в спине, со стоном выпрямился. Он забыл о ранах, нанесенных когтями летающего зверя. Лувах осмотрел спину брата и пощелкал языком: из ран сочилась кровь.

— Скоро она уймется, — сказал он, — но возможна инфекция, ведь у нас нет никаких лекарств.

— Ты очень любезен, — проворчал Вольф. — А что с яйцами?

Оказалось, что одно яйцо разбилось и его содержимое размазалось вокруг дерева, а второго не нашли — вероятно, его проглотила кожа.

— О, Лос! — застонал Аристон. — Что же нам теперь делать? Мы умираем от голода, потеряли последнее яйцо и рискуем быть поглощенными чудовищной землей, если отойдем от дерева. Отец почти погубил нас, а мы так и не приблизились к его крепости.

— Да, — согласился Роберт. — Вы, повелители и создатели вселенных, довольно жалкие существа, когда вас лишают оружия. Но я скажу вам еще одну земную поговорку. Запомните ее, братья: безвыходных ситуаций не бывает. А по поводу нашей гибели — это еще бабушка надвое сказала.

— Какая бабушка? Где? — оживился Теотормон. — Я бы сейчас мог съесть дюжину бабушек.

Вольф поднял глаза к небу и ничего не ответил. Он велел всем залезть на дерево или спрятаться за ствол. Взяв у Теотормона нож, Роберт отошел на несколько шагов, присел на корточки и изо всех сил воткнул лезвие в кожу. Убедившись в том, что она эластична и способна создавать различные псевдоформы, он хотел выяснить, насколько она уязвима.

Роберт выдернул нож, встал и отошел на десяток шагов. В коже появилась дыра, похожая на конус, и превратилась в кратер. Вольф терпеливо ждал. Вскоре кратер уменьшился, разровнялся, и дыра исчезла. Вместо крови появилась тоненькая струйка бледной жидкости.

Избегая чувствительных волосков, Роберт снова подошел к этому месту. Он быстро проткнул кожу, вырезал кусок дрожащей плоти и отбежал к дереву. И вновь плазма охватила бурей форм — взметнулись волны, замелькали кратеры, гребни и быстрые водовороты, из которых вскипали винтообразные столбы. Но прошло время, и все улеглось.

— Кожа вокруг дерева кажется более крепкой и менее податливой, чем на расстоянии, — заметил Вольф. — Думаю, здесь мы находимся в безопасности, хотя кожа может слопать нас, смыв... приливной волной. Но мы ее тоже попробуем.

Властители по очереди отбегали от дерева и вырезали куски кожи. Сырая плоть оказалась жесткой, скользкой от сукровицы и дурно пахла, но ее можно было жевать и глотать. Набив желудки, путешественники почувствовали себя лучше, и это прибавило им оптимизма. Некоторые отправились спать, а Вольф решил прогуляться к берегу. Вала и Теотормон пошли вместе с ним. Увидев, что они уходят, Лувах тоже присоединился к компании. У воды поверхность резко обрывалась. Чувствительные усики здесь почти отсутствовали. Спутники Роберта немного расслабились, а он подошел к краю и заглянул в воду. Мир погружался в сумерки, но вода оказалась такой прозрачной, что можно было видеть, что происходит в глубине.

У самого берега плавало множество рыб различных форм, размеров и расцветок. Наблюдая за ними, Вольф увидел, как какое-то длинное, тонкое, белесое щупальце, появившееся из-под края кожи, схватило большую рыбу. Та забилась, но ее быстро втянуло под край берега. Роберт встал на четвереньки и склонился над водой, пытаясь рассмотреть существо, которому досталась добыча. Край берега, на котором он стоял, выдавался в воду довольно далеко, но Вольф так и не заметил основания почвы. Вместо него крутой откос усеивала масса извивавшихся щупалец, многие из которых тянулись за рыбами. Щупальца виднелись насколько хватало глаз и терялись в непроглядной бездне. Вскоре еще одно из них втянулось, вытащив из глубины гигантскую рыбу.

Вольф торопливо убрал голову, потому что ближайший отросток выполз к самому краю и устремился вверх к его лицу.

— А я-то думал, как этот монстр добывает себе пищу? — воскликнул Вольф. — Значит, он питается морскими обитателями. Я готов поспорить, что животное, на котором мы стоим, — огромное плавающее чудовище. Как и острова в Водном мире, оно свободно плавает по океану.

— Конечно, это интересный факт, — сказал Лувах, — но как он нам поможет?

— Сейчас мы должны позаботиться о еде, — ответил Вольф. — Теотормон, ты плаваешь лучше всех. Не мог бы ты прыгнуть в воду и немного поплавать у берега? Но

будь готов выскочить в любую секунду. Выпрыгивай очень быстро, как тюлень.

— Но почему я? — возмутился Теотормон. — Ты же видел, как эти щупальца хватают рыбу.

— Мне кажется, они хватают добычу вслепую. По-видимому, отростки улавливают вибрации в воде, но ты достаточно быстр, чтобы ускользнуть от них. К тому же щупальца у самого края небольшие.

Теотормон покачал головой:

— Нет, я не хочу рисковать жизнью ради твоих догадок.

— Ты погибнешь с голоду, если не сделаешь этого, — настаивал Роберт. — Мы больше не можем вырезать куски кожи вокруг дерева. Она становится слишком раздражительной.

Он указал на жирную и вялую рыбу, которая всплыла к самой поверхности. Ее голова немного напоминала сфинкса.

— Неужели ты не хотел бы впиться в нее зубами?

Теотормон сглотнул слюну, в животе у него заурчало, но он не сдвинулся с места.

— Ладно, давай свой нож, — сказал Вольф.

Теотормона охватил дух противоречия, но, прежде чем он успел дотянуться до рукоятки корявыми пальцами ноги, Роберт выхватил оружие из ножен и, разбежавшись изо всех сил, нырнул как можно дальше в воду. Рыба вильнула хвостом и метнулась в сторону. Она плыла медленно, но в руки не давалась. Но Вольф и не собирался ловить рыбу. Он хотел узнать, потянутся ли к нему щупальца, почувствовав вибрацию всплеска и гребков.

Одно из них выползло из-под края. Извиваясь, словно змея, оно выросло из мясистого основания, к которому крепилось широкой частью, и потянулось за человеком. Опустив голову в воду, чтобы следить за тем, что там происходит, Роберт поплыл к берегу. Увидев, что щупальце быстро движется навстречу, он вытянул руку и схватил кончик отростка. Щупальце могло оказаться таким же ядовитым, как у медузы, но Вольф отбросил эту возможность, поскольку рыба, которую схватил другой отросток, отча-

янно вырывалась из колец белесой плоти и не выказывала никаких признаков отравления.

Щупальце изогнулось, сложилось петлей и обхватило кисть руки. Роберт отпустил кончик присоски, развернулся и схватил отросток на расстоянии двенадцати дюймов от своего запястья. Как только он начал отрезать ножом легко поддающуюся плоть, щупальце сократилось, задержалось и стало тянуть его к краю. Он упорно продолжал кромсать его. Вода потемнела — Вольфа все больше затягивало за край. Но нож рассек плоть до конца, и Роберт поплыл назад, зажав в зубах отрезанный кусок.

Он бросил добычу на берег и начал выползать на сушу, но что-то схватило его за правую ногу. Вольф оглянулся и увидел, что его держит другое щупальце с пастью на конце. Пасть была беззубой, но достаточно сильной и крепко держала его за ступню. Он вцепился руками за край берега и закричал:

— Помогите мне!

Теотормон сделал несколько шагов и остановился. Вала заливалась хохотом, не сводя возбужденных глаз с толстого отростка. Лувах выхватил сломанный меч из ее ножен и нырнул в воду. Не переставая смеяться, Вала последовала вслед за ним. Она вынырнула, вырвала у Вольфа кинжал и снова скрылась под водой. Совместными усилиями они быстро отрезали щупальце в нескольких футах от пасти. Роберт выбрался на сушу и выпутался из ампутированного отростка, который накрепко присосался к его ноге.

Два куска плоти съели после того, как хорошенько поколотили их о ствол дерева. Мясо стало немного мягче, но все равно напоминало резину. Тем не менее в животах властителей появилась пища.

Чуть позже они осторожно пересекли равнину и остановились у первого нароста, где волосы росли густыми пучками. В полумиле от них, на вершине высокого нароста, виднелась пара золотых шестиугольников.

Вольф принес с собой ветвь, вторую Вала сломала, падая с дерева, и, размахнувшись, бросил ее изо всех сил в густые заросли волосков. Поверхность мгновенно

пришла в движение. Волны ряби бушевали более яростно, чем там, где волосков было меньше. Кожу буквально штормило.

— О, Лос! — воскликнул Аристон. — Все кончено. Мы никогда не прорвемся к вратам. — Он поднял кулак к небесам и закричал: — Ты слышишь, отец! Я ненавижу тебя! Ты мне отвратителен, и я проклинаю тот день, когда судьба выплеснула меня из твоего гнусного лона! Ты можешь считать, что поймел нас, куда хотел! Но клянусь Лосом и кривым Энитормоном, мы еще доберемся до тебя!

— Вот это уже по-мужски, — заметил Вольф. — Я было думал, что ты собираешься заскулить, как больная собака. Давай, скажи этому ублюдку все, что думаешь! Возможно, он действительно слышит нас.

Задыхаясь от злости и по-прежнему сжимая кулаки, Аристон отвернулся и проворчал:

— На проклятия у меня смелости хватит. Но хотел бы я знать, что мы будем делать дальше?

— Есть какие-нибудь идеи? — спросил Вольф, оглядывая спутников.

Властители покачали головами.

— Где же ваша дьявольская ловкость и хитрость проворной ласки, которыми так славятся дети Уризена? — укоризненно произнес Роберт. — Я слышал легенды о каждом из вас — о том, как вы нападали на крепости многих властителей, отнимая целые вселенные одной лишь силой разума. Что же с вами происходит?

— Все они храбрецы и умники, когда вооружены до зубов, — ответила Вала. — Но мне кажется, они еще не оправились от потрясения, после того как наш папочка с неимоверной легкостью прибрал их к рукам и лишил привычных механизмов. Без них они перестали быть властителями. Теперь это только мужчины, причем довольно жалкие мужчины.

— Мы все очень устали, — сказал Ринтрах. — Мои мышцы болят и горят огнем. Они обвисли и дрожат, словно я нахожусь на планете с большой силой тяжести.

— Мышцы? — воскликнул Вольф. — Мышцы!

Он повел всех обратно к дереву. Несмотря на боль в израненной спине, возникавшую при каждом движении,

Роберт работал не покладая рук. Братья дружно помогали ему, и вскоре каждый из них набрал по большой охапке веток. Они вернулись к краю густой поросли волосков и начали по очереди бросать сучья, стараясь закинуть их подальше. Кожа взбесилась. Она бушевала, как море во время шторма. Волны, кратеры и рябь сменяли друг друга в неистовой пляске.

Однако постепенно яростные движения затихали, и, когда запас ветвей подошел к концу, кожа уже почти не реагировала на удары. Последний сук вызвал лишь появление мелкого углубления и слабую, быстро пропавшую волну.

— Теперь она тоже устала,— сказал Вольф.— Но мы не знаем, как быстро она восстанавливает силы, поэтому я предлагаю поспешить.

Он быстро зашагал вперед. Поверхность колыбалась и горбилась. Вокруг появились широкие дыры в три-четыре дюйма глубиной. Вольф обошел их и бросился бежать. Он бежал до тех пор, пока не достиг подножия нароста, который ничем не отличался от первого, мимо которого они проходили, и казался огромной бородавкой на коже великана. Его склоны возвышались над поверхностью почти перпендикулярно, но на них было множество складок, и властители, цепляясь руками и ногами, одолели тяжелый подъем и выбрались на широкую и плоскую вершину.

— Право выбора снова предоставляется тебе, Вала,— сказал Вольф.— Какие врата ты нам укажешь?

— Она ни разу не угадала! — воскликнул Аристон.— Почему все время выбирает сестра?

Вала набросилась на него, как тигрица:

— Если ты, братец, считаешь себя более удачливым, пожалуйста, выбирай сам! Но тогда мы попросим тебя войти в выбранные врата первым!

Аристон отступил и отмахнулся.

— Ладно, ладно. Не будем нарушать сложившихся традиций.

— Ах, это стало уже традицией? Хорошо, я выбираю левый гексакулум.

Вольф знал, что на сей раз они могут оказаться в крепости Уризена, но, несмотря на слабость от голода и отсутствие оружия, без колебаний прошел через ворота.

Поначалу он не мог понять, где находится и что происходит. При виде странных предметов, которые проносились над ним, у Роберта закружилась голова.

Глава 13

Он стоял на огромном сером металлическом цилиндре, который вращался с огромной скоростью. Над его головой и вокруг при каждом обороте на фоне бледно-розового неба появлялись все новые и новые цилиндры.

Между каждой парой продолговатых объектов возникало три пылающих луча лиловато-красного цвета. Два из них начинались в десяти шагах от концов цилиндра, а третий вспыхивал из середины. Время от времени по лучам пробегали разноцветные огоньки, то вверх, то вниз. Они вспыхивали, как сигнальные ракеты, красным, оранжевым, черным, белым и пурпурным цветами, затем проскакивали по лучам, словно их дергали за невидимые нити. Удаляясь на двенадцать футов от цилиндров, они ярко вспыхивали и быстро угасали.

Вольф прикрыл глаза, преодолевая головокружение и тошноту. Когда он снова открыл их, рядом стояли остальные властители. Аристон и Тармас тут же упали, прижимаясь к поверхности всем телом. Теотормон сел, словно испугался, что сила вращения оторвет его от металла и швырнет в пространство между движущимися цилиндрами. И только Вала оставалась безучастной. Она улыбалась, но ее мужество, скорее всего, было показным.

И тем не менее она заслуживала восхищения.

Осматривая цилиндры, каждый из которых напоминал размерами небоскреб, Роберт тщательно изучал окружающую обстановку.

Он не понимал, почему центробежная сила не сбрасывает их с цилиндра, ведь тела людей не обладали значительной массой. Но они оставались на поверхности.

Конечно, Уризен мог установить баланс сил, который позволял объектам с такой большой, как у цилиндров,

массой не падать друг на друга. И, возможно, разноцветные огоньки, пробежавшие по лучам, служили признаком непрерывно возобновляющегося равновесия.

Вольф понятия не имел, какой статике и динамике подчинялись небольшие, но тяжелые небесные тела, не уступавшие по весу Земле. Наука, унаследованная властителями, выходила за рамки того, что знали земляне.

Вокруг мелькали тысячи, даже, вероятно, сотни тысяч подобных цилиндров. Сохраняя между собой интервалы в одну милю, они вращались вокруг оси и медленно перемещались друг относительно друга в сложном и запутанном танце.

«Издаലെка,— подумал Вольф,— отдельные тела выглядят сплошной монолитной массой». Очевидно, это одна из планет, за которыми он наблюдал из мира воды.

Каким бы отчаянным ни казалось их положение, оно имело одно преимущество. В каждом мире им полагалось отыскать очередную пару врат. На относительно небольшом цилиндре это не должно составить труда, хотя вряд ли Уризен сделал их путь настолько легким.

Роберт вернулся к вратам и вошел в них. Его ожидания оправдались — пройдя через гексакулум, он оказался на краю цилиндра. Вольф снова шагнул в шестигранник — и вышел с другой стороны. Попытка оказалась бесплодной, и тогда он принялся искать новые врата, обходя цилиндр по окружности. Преодолев половину пути, Вольф увидел два шестиугольника.

Они находились у самого края и висели в нескольких дюймах над поверхностью. Между нижними перекладинами врат и цилиндром розовой полосой поблескивало бледное небо. Вольф позвал своих спутников и направился к шестигранникам, стараясь не смотреть на пляску объектов над головой.

Вольф шел впереди и поэтому первым заметил неожиданное перемещение гексакулумов-близнецов. Когда он приблизился к ним на пятьдесят футов, они начали отодвигаться. Он пошел быстрее, но врата продолжали оставаться на том же расстоянии. Роберт побежал — шестиугольники стали двигаться быстрее, но он понемногу начал сокращать расстояние. Вольф остановился — врата засты-

ли на месте. Он бросился к ним — и они тут же пришли в движение. Роберт побегал быстрее и снова выиграл несколько футов.

Властители бежали следом. Тонкий слой атмосферы заполнился топотом ног и тяжелым дыханием людей. Вольф снова остановился. Врата по-прежнему висели в пятидесяти футах от него. Все, кроме Валы, собрались вокруг Роберта, и кто-то заголосил:

— О, Лос! Сначала Уризен едва не уморил нас голодом... а теперь решил загонять до смерти.

Переведя дух, Вольф возбужденно сказал:

— Мне кажется, их можно поймать. Они начинают двигаться медленнее, когда я наращиваю темп. Тут есть какая-то пропорциональная зависимость. Но у меня не хватает скорости и сил, чтобы ухватиться за перекладину. Кто из нас самый быстрый?

— На короткой дистанции я мог бы обогнать любого из вас,— сказал Лувах.— Но сейчас я устал, ослаб я...

— И все-таки попробуй,— попросил Вольф.

Лувах неуверенно улыбнулся и направился к вратам. Паря над поверхностью, они начали удаляться. Он стремительно бросился к ним и вскоре скрылся за дугой цилиндра. Вольф повернулся и побегал в обратную сторону. Вала поспешила следом. Невероятно близкий горизонт метнулся навстречу, Роберт понесся изо всех сил — и увидел Луваха, который преследовал врата. Ему оставалось до них около десяти футов, но он уже устал и постепенно замедлял темп. Его ноги бежали все медленнее, дыхание с хрипом вырывалось из груди, и шестигранники удалялись от него все дальше и дальше.

Вольф побегал вратам наперерез, но, когда он приблизился к ним на то же расстояние, что и Лувах, они скользнули в сторону, словно мыло из рук. Вала попыталась преградить им путь, но пара гексакулумов, поменяв направление движения, убежала и от нее. Люди остановились и, отдышавшись, образовали квадрат, в одном из углов которого находились шестигранники.

— Да где же остальные? — сердито крикнул Вольф.

Лувах ткнул пальцем за спину. Роберт оглянулся и увидел встревоженные лица властителей, выползавших из-

за дуги их крошечного мира. Он позвал их, и его голос в странной атмосфере цилиндра прозвучал неестественно жутко. Лувах тоже хотел подойти, но Роберт велел ему стоять на месте.

Аристон, Тармас, Ринтрах и Теотормон растянулись в цепь. Следуя указаниям Вольфа, они образовали пятиугольник, посреди которого находились врата. Затем люди начали сближаться, двигаясь с одинаковой скоростью и окружая коварные шестиугольники. Врата дергались то взад, то вперед, но оставались на месте.

После двух минут медленного и терпеливого сближения властители ухватились за стойки гексакулумов. Вольф, не спрашивая совета Валу, прошел в левые врата.

Остальные побежали вслед за ним. Их лица скривились от ужаса, из груди вырвались крики разочарования: они оказались на другом цилиндре, на дальнем конце которого виднелась следующая пара врат.

После утомительной погони люди вновь окружили шестиугольники. Они опять вошли в гексакулум — на этот раз в правый. И оказались на следующем цилиндре.

Это повторялось пять раз. Властители смотрели друг на друга запавшими от голода и красными от усталости глазами. Их ноги дрожали, легкие болели, тела покрывал скользкий пот. В горле было сухо, как в Сахаре. Они с трудом цеплялись за шестигранники.

— Мы не можем больше бегать, — прохрипел Ринтрах.

— Это нам и без тебя известно, — ответила Вала. — В другой раз придумай что-нибудь пооригинальнее.

— Будь осторожна, сестра! — завопил Ринтрах. — Я так хочу пить, что могу соблазниться твоей кровью. И если вскоре мне не дадут глотка воды, клянусь тебе, я так и поступлю.

Вала засмеялась:

— Как только ты ко мне приблизишься, я проткну тебя этим мечом. Твоя кровь пожиже и дурно пахнет, но ею тоже можно смочить пересохшее горло.

— Почему мы всегда выбираем врата, которые ведут куда угодно, но только не в мир Уризена? — воскликнул Роберт. — Может быть, нам стоит разделиться. По крайней мере хоть кто-то доберется до нашего отца.

Все, за исключением Валы и Луваха, заспорили. И тогда Вольф объявил:

— Я пройду через эти ворота с Валой и Лувахом. Остальные пересекут другой гексакулум. Вот так и поступим.

— А почему с Валой и Лувахом? — спросил Теотормон. Он подозрительно прищурился, и в его голосе послышались скулящие нотки. — Почему с ними? Наверное, вам троим известно что-то такое, чего не знаем мы. И как давно вы задумали избавиться от нас?

— Я беру Луваха, потому что он единственный, кто вызывает у меня доверие, — ответил Вольф. — А Вала уже не раз доказала, что она лучше и отважнее всех вас.

Оскорбленные братья подняли шум, но Вольф в сопровождении Луваха и Валы все-таки прошел через левые ворота. А через несколько минут к ним присоединились и остальные. Все удивленно смотрели друг на друга.

— Но мы же прошли через правые ворота! — воскликнул Ринтрах.

Вала засмеялась:

— Отец сыграл с нами еще одну из своих злых шуток.

Любые ворота в паре шестигранников ведут на один и тот же цилиндр. Я подозреваю, что и остальные пары действуют подобным образом.

— Но это нечестно! — закричал Аристон.

Услышав эти слова, Вольф и Лувах засмеялись — и вскоре хохотали все.

Когда хохот с нотками отчаяния захлебнулся и стих, Вольф печально произнес:

— Я могу ошибаться, но мне кажется, что каждый цилиндр в этом... мельтешащем мире имеет свою пару врат. И если мы будем действовать, как раньше, нам придется побывать на тысячах и тысячах цилиндров. А значит, мы умрем, так и не отыскав истинный путь. Поэтому нам надо придумать что-то другое.

Наступило долгое молчание. Одни властители сидели, другие лежали на твердом сером металле, а над ними в безмолвной сарабане вращались бесчисленные цилиндры, и ворота, парившие на их концах, казались насмешливым оскалом Уризена.

— Не думаю, что ситуация такая уж безвыходная,— наконец сказала Вала.— И вряд ли наш отец решил прекратить игру. Пока мы дышим и можем бороться, он будет подбрасывать нам все новые и новые испытания. Уризен хочет довести нас до агонии и сломить нашу волю. И я уверена, что по его плану мы должны в конце концов найти врата, ведущие в крепость. Он наверняка подготовил для нас в замке достойный прием и будет разочарован, если не использует всех своих штучек. Поэтому мне кажется, мы упустили какую-то возможность. Нам уже ясно, что врата на всех цилиндрах замкнуты между собой и мы только потеряем время, если будем по привычке проходить с той стороны, которая украшена драгоценными камнями. Что, если врата биполярны, то есть работают с двух сторон? Может быть, другая грань врат приведет нас туда, куда мы хотим?

— Когда мы появились в этом мире, я проверил другую сторону врат,— сказал Вольф.

— Да, ты проверил первые врата. Но ты не опробовал ни один из двойных гексакулумов.

Вольф огорченно покачал головой:

— Усталость и жажда высушили мои мозги. Я мог бы додуматься до этого. Во всяком случае, ничего другого не остается.

— Тогда встаем и начинаем действовать! — скомандовала Вала.— Соберитесь с силами. Возможно, мы в конце концов вырвемся из этого проклятого мира.

Они еще раз окружили пару шестиугольников и ухватились за металлические опоры. Вала первой вошла с той стороны, где отсутствовали драгоценные камни,— и исчезла. Вольф последовал за ней. Пройдя через гексакулум и опять очутившись на цилиндре, он почувствовал, что его воодушевление рассеивается, как вино, вылитое в вакуум. Но потом Роберт увидел золотые врата и понял, что они выбрали правильный путь.

Здесь, у самого края цилиндра, в нескольких дюймах над поверхностью парил один-единственный шестигранник. Он вращался вокруг своей оси, совершая полный оборот за полторы секунды.

К Вале и Вольфу начали по очереди подходить остальные властители. Снова попав в мельтешащий мир, многие

принялись ругаться, но при виде единственных вращавшихся врат их настроение переменялось — одни взбодрились, другие пали духом при мысли о новой опасности, с которой им предстояло столкнуться.

— А почему они вращаются? — испуганно спросил Аристон.

— Этого я тебе, братец, сказать не могу, — ответила Вала. — Но, зная отца, подозреваю, что гексакулум имеет только одну безопасную сторону. Выбрав правильную плоскость, мы пройдем через врата без вреда. Но если ошибемся... сам понимаешь. Как видите, ни одна из сторон не имеет драгоценных украшений; они обе голые и ничем не отличаются друг от друга.

— Я так устал, что меня это уже не волнует, — заявил Аристон. — Я с радостью приму смерть, какой бы она ни была, — лишь бы уснуть на века и освободиться от страданий телесных и душевных.

— Если тебе действительно все равно, можешь первым опробовать эти врата, — предложила Вала.

Все стали в один голос уговаривать брата, Вольф молчал. Однако Аристон, похоже, умирать расхотел и наотрез отказался идти первым, сказав, что не так глуп, чтобы жертвовать собой ради других.

— Да, братец, ты не только слабак, но и трус, — заметила Вала. — Хорошо, первой пойду я!

Уязвленный Аристон рванулся к вращавшемуся шестиугольнику, но в двух шагах от него остановился как вкопанный. И стоял так, не сводя глаз с врат, пока Вала не осыпала его насмешками. Она оттолкнула его в сторону, и Аристон, потеряв равновесие, упал на серую поверхность цилиндра. Присев на корточки перед золотой вращающейся дверью, Вала несколько минут следила за ее оборотами. Потом внезапно прыгнула вперед и исчезла в отверстии. Врата продолжали вращаться.

Аристон встал и, не отвечая на насмешки, подошел к гексакулуму. Он подождал несколько секунд, затем присел и нырнул в пространство шестигранника.

Пролетев врата насквозь, Аристон упал на поверхность цилиндра с другой стороны.

Вольф подбежал к нему и перевернул неподвижное тело.

Рот мертвеца так и остался открытым, глаза остекленели, кожа приобрела серый оттенок.

Роберт поднялся на ноги и пожал плечами.

— Он вошел не с той стороны. Теперь мы знаем, что происходит в таких случаях.

— Этой сучке Вале опять повезло.— вскричал Гармас.— Ты не заметил, с какой стороны она прыгнула?

Вольф покачал головой. Он исследовал шестигранник при свете розовых сумерек. Стороны действительно ничем не отличались друг от друга. Роберт не заметил никаких отметин. Он позвал Луваха, они взяли тело Аристана за ноги и за руки, раскачали его немного и по сигналу Вольфа бросили труп в гексакулум. Тот пролетел через ворота и снова упал на поверхность цилиндра.

Братья подтащили Аристана к воротам, вновь раскачали тело и бросили его в пространство шестигранника. На этот раз оно исчезло.

Вольф повернулся к Ринтраху:

— Ты считаешь?

Ринтрах кивнул.

— Подними руку и махни, когда появится нужная сторона. Только не тяни.

Ринтрах выждал пару оборотов и подал знак. Вольф бросился в центр шестигульника, надеясь, что брат не ошибся.

И упал на тело Аристана. Где-то рядом плескались морские волны, над головой сияло красное небо. Неподалеку стояла Вала и весело смеялась, словно ее действительно забавляла шутка отца.

Они вновь вернулись на остров в Водном мире.

Глава 14

Один за другим из врат появлялись остальные власти. Последним прошел Ринтрах. Как ни странно, братья не выглядели удрученными. По крайней мере, они оказались на знакомой земле — можно сказать, почти дома. И как выразился Теотормон, каждый мог отъедаться, сколько душе угодно.

На сей раз они прошли через правые ворота огромной пары гексакулумов. Оба шестигранника стояли на низком

холме. Окрестности выглядели до странности знакомыми. Расположившись на берегу, владельцы утолили жажду, после чего зажарили и съели несколько рыбин, которых поймал Теотормон. После чего установили режим дежурств, проспали всю ночь, а на следующий день приступили к осмотру местности.

Вскоре ни у кого не осталось сомнений, что они вернулись на тот сравнительно большой клочок суши, который туземцы называли «Матерью островов».

— Это те самые врата, с которых началось наше печальное хождение по кругу, — сказал Вольф. — Тогда мы прошли в правые врата. А значит, левые могут привести нас в мир Уризена.

— Но, возможно, мы... — робко произнес Тармас. — Я согласен, здесь не самый желанный из миров. Но лучше радоваться жизни на этом острове, чем умирать или корчиться от мук в одной из клеток отца. Почему бы нам не забыть о вратах? Тут есть еда, вода и местные женщины. И пусть Уризен сидит на своем троне веками. Пусть он сгниет от злости, ожидая, когда мы придем к нему.

— Не забывайте, без необходимых лекарств вы вскоре состаритесь и умрете, — напомнил братьям Вольф. — Неужели вы этого хотите? К тому же, если мы не пойдем к Уризену, нет никаких гарантий, что он сам не заявится сюда. Конечно, если хотите, можете сидеть здесь и презирать о своих мирах, но я намерен сражаться до конца.

— Видишь ли, Тармас, — криво усмехаясь, сказала Ва-ла, — у Ядавина есть хорошая причина для мести. Его женщина — к слову сказать, не нашей расы, а дикарка с Земли — находится в плену у Уризена. И он не может успокоиться, зная, что она в руках нашего отца.

— Поступайте, как знаете, — произнес Роберт. — А я сам себе хозяин.

Он осмотрел красные небеса и две огромные на вид планеты, которые в этот момент зависли над горизонтом. Между ними сияла крошечная полоска, прочерченная черной кометой.

— Но зачем же входить через парадный вход, где нас поджидает Уризен? — воскликнул он. — Почему бы не прокрасться через черный ход? Или через окно, если вам так больше нравится?

И в ответ на вопросы братьев Роберт объяснил им идею, которая осенила его, пока он рассматривал планеты и комету. Братья заявили, что он сошел с ума, а его идея — просто чистое безумие.

— А почему бы и нет? — воскликнул он. — Я же говорю, все необходимое мы можем достать, даже если для этого придется еще раз пройти через врата. А до Алпирмацума всего лишь двадцать тысяч миль. Почему бы нам не отправиться в его крепость на корабле, который я вам предлагаю?

— Космический корабль на воздушном шаре? — закричал Ринтрах. — Ядавин, твоя жизнь на Земле плохо повлияла на рассудок!

— Мне нужна помощь каждого из вас, — сказал Вольф. — Это огромная и сложная задача. Она потребует напряженной работы и займет много времени. Но ее можно выполнить!

— Допустим, что так, — вмешалась Вала. — Но что помешает нашему отцу обнаружить твой корабль, когда мы будем болтаться между двумя планетами?

— А ты сама подумай! Зачем ему аппаратура для обнаружения космических кораблей? Единственный вход в эту вселенную — врата, которые он контролирует.

— А что, если один из нас предатель? — спросила она. — Ты еще не задумывался о том, что кто-то может оказаться слугой и шпионом Уризена?

— Я думал об этом, как, наверное, и все остальные. Но мне не верится, что предатель стал бы подвергать себя тем опасностям, через которые нам пришлось пройти.

— Вполне возможно, что Уризен прямо сейчас наблюдает за нами и подслушивает разговор, — сказал Теотормон.

— Ты прав, такая возможность существует. Но мне кажется, мы должны рискнуть еще раз.

— Да, это лучше, чем сидеть без дела, — согласилась Вала.

После долгих споров властители в конце концов согласились помочь Вольфу в его начинании. Даже самые ярые оппоненты понимали, что в случае удачного завершения плана всех тех, кто откажется помогать, навсегда оставят на острове. Мысль о том, что братья вновь вер-

нута в свои владения, а оставшимся придется удовлетвориться жизнью среди туземцев, оказала на властителей сильнейшее воздействие.

Первым делом Вольф наладил отношения с местными жителями. К его удивлению, аборигены не проявляли признаков враждебности. Они видели, как властители исчезли в шестиграннике, а затем вернулись. Только боги и полубоги могли проделать такое. Поэтому властители превратились в особых, уважаемых и опасных существ. Туземцы с радостью согласились помочь Роберту, и это решение во многом предопределила их религия — искаженная форма прежней веры властителей. Они верили в доброго бога Лоса и злодея Уризена, которого считали своего рода местным Сатаной. Их предсказатели и знахари утверждали, что однажды злой бог Уризен будет свергнут, и тогда все жители островов взойдут на Элалос — райские небеса.

Вольф не пытался их разубеждать — пусть верят, во что хотят, лишь бы помогали. Поручив братьям работу, которую можно было выполнить с помощью имевшихся в этом мире материалов, он в сопровождении Луваха отправился через врата на другие планеты. Газовые пузыри, прикрепленные к спинам, несли их по воздуху. Вооружение составляли короткие мечи, лук и стрелы. Они путешествовали от одних врат к другим, выискивая необходимые вещи. Они знали, что ожидало их в пути и каких опасностей следовало избегать. Но приключений, выпавших на долю братьев в этой и во всех последующих экспедициях, хватило бы на несколько толстых книг. А главное, им удавалось обходиться без потерь.

В следующий раз Вольфа и Луваха сопровождали Ринтрах и Вала. Из мира, в котором животные передвигались на коньках и присосках, они принесли куски стекловидного вещества. Из вельттира прихватили птичий помет, который вместе с испражнениями туземцев шел на изготовление кристаллов натриевой селитры.

Ртугь достали у туземцев, которые в больших количествах собирали ее на поверхности острова после пролета черных комет. Капли ртути считались предметами поклонения, и Роберт получил их только после долгих заверений в том, что они потребуются для сражения с Уризенем.

Он нашел на острове растение, при переработке которого получался древесный спирт. При обжиге других растений люди заготавливали древесный уголь. Планета кенготемпусов снабдила их серой.

Для получения азотной кислоты в качестве катализатора требовалась платина. Еще находясь в мельтешащем мире и оценивая массу цилиндров, Роберт решил, что они должны состоять из платины или ее сплава. Этот металл плавился при 1773,5 градуса по Цельсию и обладал высокой прочностью. Лувах считал, что выплавить или вырезать куски из цилиндра без соответствующей аппаратуры невозможно, но Вольф заявил, что они будут использовать для этой цели устройства Уризена.

Несмотря на протесты Теотормона и Тармаса, в следующей экспедиции Роберта сопровождали все власти. Окружив подвижные врата-близнецы, они оттеснили их к краю цилиндра. И тогда стало ясно, почему в это путешествие пригласили Теотормона. Его вес понадобился для того, чтобы опрокинуть врата на край цилиндра. Силы, которые удерживали шестигранники в вертикальном положении, не устояли перед общим натиском братьев.

Край закругленного торца вошел в створ одного из шестиугольников. Если бы гексакулум оставался неподвижным, кусок торца просто выступил бы из соответствующих врат на другом цилиндре. Но когда власти начали подталкивать всю конструкцию вдоль края, врата, действуя 'наподобие огромных ножниц, срезали ту часть, которая прошла через створ.

Установив гексакулумы вертикально, братья перешли на следующий цилиндр и собрали куски платины. Используя еще один набор шестигранников, они разрезали металл на более мелкие полосы.

Оказавшись на цилиндре с вращающимися вратами, Вольф кинул в смертоносный проход несколько камней. Отследив грань, в которой камни исчезали, он пометил безопасную сторону желтой краской, специально заготовленной в Водном мире. После этого гексакулум смерти уже не доставлял им хлопот.

Вскоре Роберт определил взаимосвязь всех врат и научился попадать в различные миры кратчайшим путем.

Остров в Водном мире превратился в огромную дымную кузницу. Властители и туземцы пытались роптать. Выслушивая их жалобы, Вольф смеялся, шутил или угрожал, требовал и без устали подгонял людей. Минуты триста шестьдесят темных лун. Работа продвигалась медленно, принося порою не только разочарования, но и беды. Вольф и Лувахи продолжали скитаться по мирам, добывая в ходе рискованных путешествий необходимые материалы.

К тому времени космический аэростат был наполовину построен. Еще немного, и он умчит властителей к вершинам атмосферы. А затем, если верить словам Теотормона, поле псевдогравитации начнет резко ослабевать, и корабль, используя притяжение темной луны, наберет еще большую скорость. Пороховые ракеты придадут ему требуемое ускорение, а маневры будут выполняться благодаря выпуску газа из клапанов пузырей или с помощью небольших взрывов.

Дело оставалось за герметично закрывающейся гондолой. К тому же Роберт еще не решил проблем, связанных с обновлением и циркуляцией воздуха, и его все больше волновал вопрос невесомости. Впрочем, сила тяжести на корабле частично останется. Для компенсации убывающего ускорения можно использовать в пространстве пороховые ракеты. За счет подъемной силы расширяющегося в пузырях газа аэростат будет подниматься до верхней границы атмосферы. Пройдя ее, корабль сбросит подъемное устройство и попадет в зависимость притяжения луны. Небольшой импульс заряда самодельных ракет поможет преодолеть притяжение мира воды.

Тем не менее, вылетев за пределы планеты, они могли оказаться пленниками луны, захваченными полем ее тяготения.

— Нам вряд ли удастся определить безопасную орбиту и необходимый вектор движения, — объяснял Роберт. — Будем действовать по наитию.

— Надеюсь, оно нас не подведет, — сказал Лувах. — Ты и вправду считаешь, что у нас есть шанс?

— С помощью того, что я придумал, мы наверняка провремся, — ответил Вольф. — Но на сегодняшний день меня волнует другое. Например, скафандры, которые нам при-

дется носить во время полета. Мы не можем полагаться на полную герметичность гондолы.

Чуть позже они изготовили гремучую ртуть для взрывных капсулей. Этот темно-коричневый порошок был получен в результате взаимодействия ртути, спирта и концентрированной азотной кислоты.

Азотную кислоту, которая окислила серу до серной кислоты, братья получили с помощью нескольких химических превращений. Нитрат натрия, возникший при кристаллизации птичьего помета и человеческих экскрементов, нагрели вместе с серной кислотой. (Последнюю добыли, сжигая серу с селитрой, то есть с калием или нитратом натрия.)

Свободный азот, содержащийся в воздухе, «фиксировали» соединением его с водородом (из газовых пузырей). Полученный в результате аммиак смешали при соответствующей температуре с кислородом (из пузырей, которые его вырабатывали). Смесь подвергли катализу, пропустив ее через тонкую проволочную сетку, сплетенную из гладких полосок платины.

Образовавшуюся окись азота разбавили водой и путем перегонки превратили в концентрированную кислоту.

Горны, тигли и трубы изготавливались из стекловидного вещества с планеты конькобежцев.

Черный порох сделали из древесного угля, серы и селитры.

Роберту удалось изготовить нитрат аммония — взрывчатый порошок огромной мощности.

— А ты не считаешь, что у нас слишком много взрывчатых веществ? — спросила его однажды Вала. — Мы можем взять на судно лишь часть этих запасов. Иначе корабль никогда не оторвется от земли.

— Верно, — ответил он. — Тебя, наверное, интересует и то, почему я храню взрывчатку в разных местах, по возможности удаленных друг от друга. Видишь ли, порох может самовозгореться. В нашем же случае, если одна из бочек взорвется, другие останутся целыми.

Многие властители побледнели.

— Ты хочешь сказать, что взрывчатка, которую мы возьмем на корабль, может в любую минуту взорваться? — с тревогой спросил Ринтрах.

— Да. Но мы должны рискнуть. Ты сам знаешь, что даже сейчас наши жизни висят на волоске. И все же мне хотелось бы добавить к своим словам веселую нотку. В случае удачи мы сможем посмеяться над тем, что Уризен сам предоставил нам все средства для собственного уничтожения. Он обеспечил нас оружием, которое разрушит его супертехнологию.

— Если мы останемся в живых, то непременно посмеемся, — сказал Ринтрах. — Но мне почему-то кажется, что смеяться будет Уризен.

— На Земле говорят: не рой другому яму, сам в нее попадешь. И есть еще одна поговорка: хорошо смеется тот, кто смеется последним.

Той ночью Вольф отправился в хижину Луваха. Почувствовав руку брата на плече, Лувах тут же проснулся и потянулся за ножом, который сделал из куска кремня с планеты кенготемпусов.

— Я пришел поговорить с тобой, а не убивать, — сказал Роберт. — Лувах, ты единственный, кому я могу довериться. И мне требуется твоя помощь.

— Я польщен этим, брат. Ты лучший из нас. И я знаю, что ты не станешь предлагать мне измены.

— Часть того, что я планирую сделать, может показаться изменой. Но нам придется пойти на это. Слушай внимательно, младший брат.

Через час, взяв топоры и лопаты, они покинули хижину и направились к холму, на котором стояли врата-близнецы. Там их ожидали около двадцати туземцев, пользовавшихся особым доверием Вольфа. Все дружно начали прорубаться сквозь путаницу сгнивших корней и растений, которые служили основанием острова. Люди работали быстро и слаженно, и к тому времени, когда луна, уходя за горизонт, унесла с собой ночь, канава вокруг холма была готова. Они продолжали вынимать грунт до тех пор, пока лишь несколько дюймов почвы и корней не отделяло их от уровня воды. Затем в канаву заложили нитрат аммония и взрывчатые капсулы. Сделав это, туземцы забросали канаву грунтом и тщательно замаскировали следы земляных работ.

— И все равно я бы с первого взгляда догадался о вырытой канаве, — сказал Вольф. — Но будем надеяться,

что сюда никто не придет. Я объявил день отдыха, поэтому братья и сестра не встанут с постелей до полудня.— Он осмотрел врата.— Теперь нам придется сделать последний круг. И мы должны поторопиться.

Когда они оказались на планете кенготемпусов, Вольф передал Луваху одно из своих духовых ружей. Их изготавливали из полых, похожих на бамбук растений, которые росли на «Матери всех островов». Туземцы использовали их для стрельбы заостренными иглами, сделанными из костей особого вида рыб. Смазывая кончики игл усыпляющим веществом, они охотились на птиц и крыс, обитавших на острове.

Вольф и Лувах вошли в каньон и подстрелили там пять кенготемпусов. Роберту удалось найти вход в нору хроноволка. Он сунул конец духового ружья в темное отверстие, выпустил иглу, подождал пару минут и, забравшись внутрь, вытащил оттуда спящего волка.

Животных, все еще находившихся в бессознательном состоянии, бросили во врата, которые вели — вернее, должны были вести — в мир Уризена. Хотя, возможно, оба прохода вели лишь на следующую второстепенную планету, как и те врата, которые они нашли в мире вращавшихся цилиндров.

— Надеюсь, что эти маленькие зверьки активируют систему тревожной сигнализации Уризена,— произнес Роберт.— И ее сигналы на какое-то время займут его внимание. Умение прыгать во времени и создавать дубли поможет кенготемпусам и волку выжить в самых экстремальных условиях. А когда число дублей увеличится до максимума, они разбегутся по всему дворцу и приведут в действие ловушки и защитные системы. Я думаю, Уризен не скоро поймет, что вызвало такой переполох. И это отвлечет отца от тех врат, через которые он задумал нас встретить.

— Хорошо бы, если так,— отозвался Лувах.— Но эти шестигранники и врата в Водном мире могут вести на какую-нибудь второстепенную планету.

— Ты прав. В любой из многочисленных вселенных нет ничего определенного,— сказал Вольф.— И даже бессмертных властителей за каждым углом подстерегает гибель. Тем не менее нам придется завернуть за этот угол.

Они прошли через ворота и оказались в вельтире. Роберт с радостью подметил, что прыгунов здесь нет — видимо, животные действительно попали в крепость Уризена.

Братья вернулись в Водный мир, и Лувах отправился выполнять свою миссию. Вольф проводил его задумчивым взором. Возможно, он не прав, подозревая Валу в сговоре с отцом. Но слишком уж ей везло. При малейшей угрозе она всегда находила безопасное местечко. А как быстро и ловко она при этом действовала! Даже когда они погибали в реке на планете ледяных скал, она выглядела слишком уверенной и жизнерадостной. Он подозревал, что в поясе на ее талии находилось устройство, с помощью которого Вала без труда держалась на воде. Выбор врат всегда предоставлялся ей, и братья постоянно попадали на какую-нибудь второстепенную планету. Хотя бы раз, но они должны были наткнуться на ворота в мир Уризена! А эта неприкрытая самоуверенность казалась странной даже для нее. Так можно вести себя, когда играешь в хорошо знакомую игру.

Несмотря на смертельную ненависть к отцу, она могла объединиться с ним, чтобы погубить братьев и кузенов. Она ненавидела их не меньше Уризена. Отец, внедрив в ее тело приемник-передатчик, мог не только слышать, но и видеть все, что она делала. Вала наслаждалась игрой, как участник событий, и чем серьезнее становилась грозящая им опасность, тем большее возбуждение испытывала ее порочная натура. А Уризен, сидя перед экраном телеустановки, получал удовольствие, наблюдая за их схватками со смертью, воспринимая опасные приключения сыновей как своеобразное спортивное состязание.

Вольф вернулся к холму и приступил к выполнению последней фазы плана. К тому времени туземцы загрузили судно черным порохом, нитратом аммония и гремучей ртутью. Полупостроенное сооружение состояло из двух каркасов, собранных из стеблей бамбука. В каждом из них располагались ячейки с газовыми пузырями. Первый каркас предназначался для нижних палуб корабля; верхнюю часть планировали присоединить позднее.

Но Роберт с самого начала знал, что аэростат для космических полетов непригоден. Он знал, что корабль не

взлетит, а если и взлетит, то все равно полет на Алпирма-цум невозможен. В любом случае шансов на успех практически не было.

Тем не менее он притворялся, что уверен в успехе, и работа продолжалась. Все это делалось для отвода глаз тех согладатаев Уризена, которые могли оказаться среди властителей и аборигенов.

Возможно, отец наблюдает за ними даже сейчас, ломая голову над тем, что задумал Вольф. Если это действительно так, ему недолго ждать разгадки. Он вскоре все поймет, но будет слишком поздно.

Туземцы освободили от якорей обе половинки корабля, которые поднялись на несколько футов и повисли — тонны взрывчатки не позволяли им взлететь выше. Но эта высота вполне устраивала Роберта. Он дал сигнал, и аборигены потащили обе части корабля вверх по холму, пока нос первого каркаса не оказался перед самым входом в шестиугольник. Собственно говоря, Вольф строил корабль из двух частей только потому, что целый остов не влез бы в сравнительно небольшое пространство врат. И даже теперь разделенные каркасы могли пройти в отверстие едва ли не впритирку.

Роберт поджег фитили на каждой стороне двух паривших в воздухе половинок и дал сигнал своим людям. Запев молитву, они втолкнули каркасы внутрь врат. Стоя рядом с опорой гексакулума, Роберт видел по другую сторону врат лишь ландшафт острова. Как только первая половинка вплыла в шестигранник, ее будто сжевало, или, точнее сказать, срезало. Вскоре не осталось видно ничего, кроме кормы второго каркаса, но и она потом тоже исчезла.

Лувах вышел из джунглей, неся на плече бесчувственное тело Вала. За ним шагали напуганные, ошеломленные и встревоженные властители. Вольф вкратце объяснил им свой план:

— Я не мог доверять никому из вас, кроме Луваха, и поэтому скрывал истину до последнего. Мне кажется, Вала — шпионка отца, но она может оказаться невиновной. Однако я не мог рисковать и попросил Луваха оглушить ее во время сна. Мы возьмем сестру с собой на тот случай,

если мои подозрения напрасны: К тому времени, когда Вала очнется, события уже развернутся, и у нее не останется времени на коварные подножки. А теперь надевайте скафандры. Как я вам уже говорил, они так же хороши в воде, как и в безвоздушном пространстве. Впрочем, в воде они еще лучше, потому что предназначены именно для погружения.

Лувах посмотрел на врата.

— Ты думаешь, взрывчатка уже сработала?

Вольф пожал плечами:

— Трудно сказать. Эти врата односторонние, так что взрыва мы, конечно, не услышим. Но я надеюсь, что первый заслон ловушек уже разрушен. И мне кажется, Уризен сейчас очень расстроен и озабочен тем, что мы сделали.

Лувах надел скафандр на Валу, затем облачился в свой костюм. Вольф приказал поджечь фитили взрывчатки, закопанной у подножия холма. Огоньки побежали через полые трубки из стеблей бамбука, которые вели к капсулам и смеси взрывчатых веществ.

Глава 15

Раздался грохот, дрогнула земля. Вместе с огромным облаком черного дыма в воздух взлетели корни, грунт и сгнившая растительность. Как только дым рассеялся и град обломков прекратился, Вольф повел властителей к холму. Тот быстро погружался в воду. Его полностью отрезало от острова, нижнюю часть разорвало в куски, и под тяжестью золотых шестиугольников величественный купол холма все больше затягивало вниз.

Чтобы ускорить спуск гексакулумов в море, Роберт бросил в их основание несколько бомб с зажженными фитилями. Шестигранники начали заваливаться набок; верхняя часть врат ударилась о край ямы, образованной взрывом. Вольф велел братьям приготовиться и, когда золотые перекладины ушли под воду, подал знак.

Роберт быстро надел маску, включил подачу кислорода и проверил крепление ножа и кремневого топора, висевших на поясе. Сжав в руке копье, он разбежался и прыгнул в воду.

Вершина врат исчезла из виду. Вольф вынырнул, чтобы сориентироваться, но взбаламученная вода превратилась в коричневую жижу, в которой плавали куски корней. Нашупав верхнюю грань шестиугольника, падавшего на дно, он ухватился за нее и начал погружаться.

Увидев Луваха, который тащил за собой Валу, Роберт схватил его за лодыжку. К ним присоединился еще один властитель. И только Теотормон чувствовал себя как рыба в воде и терпеливо ожидал, когда все соберутся около гексакулумов.

Убедившись, что он находится у левых врат, Вольф всплыл в арку шестигранника — точнее, его внесло туда напором морской воды.

Течение стремительно понесло Роберта по длинному коридору. Сияющие стены излучали свет, и взору предстала живописная картина. Некоторые плиты частично вырвало из стены или согнуло дугой. В конце коридора виднелись искореженные створки массивной двери из белого металла. Взрыв удался на славу. Если бы двери оказались закрытыми, массы воды из морских глубин все равно сломали бы их, но властители к тому времени погибли бы от огромного давления.

Вольфа пронесло мимо измятых дверей и выбросило в коридор. Увидев поворот, он сделал кувырок в воде и поплыл ногами вперед. Ударяясь о стену, вода кипела и изливалась в слегка наклонный коридор. Роберт стукнулся о стену ногами, оттолкнулся, и течение потащило его вниз. В тусклом свете, идущем от стен, он разглядел под собой ряды длинных металлических шипов. Они, видимо, предназначались для незваных гостей, но вода несла властителей гораздо выше.

Наклон внезапно увеличился. Поток мчался под углом в пятьдесят градусов, и у Вольфа почти не оставалось времени, чтобы осмотреться. Проход разделялся надвое, но Роберта неотвратимо влекло к огромному окну в конце коридора.

Он падал вниз, кувыркаясь и едва замечая, как по сторонам мелькают стены.

Мощный удар о поверхность воды оглушил его, но Вольф всплыл из глубины и, почти ничего не соображая,

добрался до края пруда, который образовался на месте затопленного сада.

Повезло, подумал Роберт. Не будь здесь столько воды, он мог бы разбиться насмерть. По-прежнему сжимая в руке копье, Вольф выбрался на каменную плиту и стал выуживать из воды остальных властителей, одного за другим. Первым оказался Теотормон, за ним упал Лувах, не выпуская из рук пришедшую в себя, но перепуганную Валу. Через несколько секунд появился Ринтрах. Тармас всплыл лицом вниз у самого края пруда. Раскинув руки в стороны, он безжизненно покачивался на воде. Рольф вытащил его на берег и уложил на каменные плиты. Скорее всего, перед тем как упасть, он ударился о раму окна. Из разбитого колена струилась кровь, на виске виднелась глубокая ссадина.

Вала набросилась было на Роберта с упреками, но он велел ей заткнуться — времени на споры не оставалось. В нескольких словах он объяснил причину и смысл своих поступков.

Вала быстро овладела собой. Все еще бледная, она улыбнулась и сказала:

— Ты еще раз сделал это, Ядавин! Ты снова обратил устройства Уризена против него самого!

— Я не знаю, в сговоре ты с нашим отцом или нет, — перебил ее Вольф. — Возможно, моя подозрительность преувеличена, хотя такое трудно представить, когда имеешь дело с властителями. Если ты не виновата, прости меня. В противном случае запомни: наш отец наверняка подумает, что ты предала его и переметнулась на нашу сторону. Он уничтожит тебя, даже не выслушав объяснений. Поэтому именно тебе придется убить его. У тебя фактически нет выбора.

— Ядавин, ты хитер как лиса. Пусть будет так! Я убью отца, как только представится случай! Еще несколько часов назад я поклялась бы, что, вступив в его владения, мы попадем в западню. Но вот мы здесь, и смертельная опасность грозит Уризену! — Она указала на огромное окно, через которое извергалось море. — По-видимому, ворота находятся на верхнем этаже дворца. Вскоре вода затопит крепость. И если Уризен в ближайшее время не предпримет самых решительных мер, он утонет как крыса, пой-

манная в собственной норе.— Вала повернулась и осмотрела окрестности дворца.— Как видишь, крепость построена в долине, которую со всех сторон окружают высокие горы. Пройдет какое-то время, и море Водного мира перельется на Аппирмацум. Вода будет прибывать и прибывать, пока врата на той планете не окажутся на высохшем дне. Сначала море затопит долину, потом вода потечет из кратера этих гор и покроет остальную часть планеты.

— Я предлагаю отправиться в горы и полюбоваться, как будет тонуть наш отец! — воскликнул Ринтрах.

Вольф покачал головой:

— Нет, где-то здесь находится Хрисеида.

— Ну а нам-то что до этого? — удивленно спросил Ринтрах.

— Скорее всего, у Уризена есть летательный аппарат, — добавил Роберт.— И когда ему удастся выбраться на нем из дворца, он перестреляет нас поодиночке. Поймите, если мы скроемся в горах, нас все равно ожидает гибель. Мы окажемся в западне и, возможно, умрем от голода. Нет, если вы хотите выбраться отсюда и вернуться в свои вселенные, вам придется помочь мне убить Уризена.— Он повернулся к Теотормону: — Когда ты был в плену у отца, то относительно свободно мог передвигаться. Если бы мы нашли ту часть дворца, которая тебе известна, нам удалось бы избежать ловушек.

— В саду есть подземный ход, — сказал Теотормон.— Это самый лучший путь для проникновения во дворец. Оттуда мы можем добраться до этажей, которые еще не затоплены. Если мы не будем касаться пола и стен, ловушки не сработают.

Они переплыли пруд и, стараясь не попасть под молот падавшей воды, обогнули водопад сзади. Вход во дворец искать не пришлось — их затащило туда течением. Поток принес их к широкой лестнице, которую украшали скульптуры из красного и черного камня. Они поплыли вверх и, миновав несколько поворотов, выбрались на другой этаж. Тот тоже оказался затопленным, и братья продолжили подъем. Вода залила следующий пролет всего лишь на несколько дюймов, но уровень быстро поднимался, и они решили отправиться на четвертый этаж.

По древней традиции властителей дворец Уризена был прекрасным во всех отношениях. В другое время Вольф часами любовался бы картинами, скульптурами и сокровищами, похищенными хозяином из разных миров. Но теперь его занимали только два вопроса — как убить Уризена и спасти свою большеоковую Хрисеиду.

Перед тем как двинуться вперед, он осмотрелся вокруг и спросил:

— Где Вала?

— Секунду назад она шла за мной, — ответил Ринтрах.

— Значит, с ней все в порядке, — с усмешкой заметил Роберт. — Но теперь у нас могут возникнуть большие проблемы. Если она ускользнула, чтобы присоединиться к Уризену...

— ...то нам лучше добраться до него быстрее, чем это сделает она, — закончил Лувах.

Вольф шел впереди, каждый миг ожидая, что вот-вот сработает ловушка. Он надеялся только на то, что Уризен не ожидал их появления отсюда. Каждый вход наверняка охранялся какой-нибудь аппаратурой, но отец, видимо, не рассчитывал, что они войдут именно с этой стороны. К тому же вода, прибывавшая сверху и снизу, могла дезактивировать силовые батареи. К каким бы случаям Уризен ни готовил свою систему обороны, он никогда бы не подумал о том, что в его владения могут перелить море другой планеты.

— Меня держали в заточении этажом выше, — сказал Теотормон. — Там же находятся личные покои Уризена.

Вольф поднялся по лестнице на один пролет. Он двигался медленно, внимательно высматривая признаки ловушек. Братья без происшествий добрались до следующего этажа и остановились, тревожно озираясь вокруг. Чем ближе они подбирались к Уризену, тем быстрее сдавали их нервы. Ненависть к отцу все больше отступала перед напором бывшего страха и благоговения, запавшего в сердца с детских лет.

Они находились в огромном помещении, стены которого покрывал белый мрамор. На многочисленных барельефах изображались сцены и ландшафты различных планет. На одном из них Уризен сидел на троне. Под ним

из хаоса возникала новая вселенная. На другой картине он стоял на лугу, а вокруг него бегали дети. Вольф узнал себя, своих братьев и сестер, кузенов и кузин. Он вспомнил те счастливые времена, хотя их уже тогда омрачало смутное предчувствие надвигающихся дней ненависти и тревог.

— Я слышу шум воды, которая поднимается вверх! — крикнул Теотормон. — Еще немного, и этот этаж тоже будет затоплен.

— Возможно, Хрисеиду держат там, где когда-то находился ты! — воскликнул Роберт. — Веди меня туда.

Отталкиваясь мощными и гибкими, как резина, ногами, Теотормон быстро запрыгал вперед. Он без труда находил дорогу в веренице комнат и залов, казавшейся остальным братьям запутанным лабиринтом.

Перед высоким овальным входом из алого камня Теотормон остановился. Арку украшали пурпурные скульптуры косматых крылатых созданий. За проходом виднелось большое помещение, стены которого сияли тускло-красным светом.

— Вот комната, в которой я провел долгие годы, — сказал он. — Но я боюсь проходить через эту арку.

Вольф сунул копьё в проход.

— Не спеши, — предупредил Теотормон. — Ловушка может работать с замедлением, чтобы ни одному из вошедших не удалось спастись.

Роберт продолжал держать копьё. Он считал секунды и осматривал помещение, в которое им предстояло войти — если только это действительно окажется возможным. Вспышка света ослепила его и отбросила назад.

Когда зрение восстановилось, Вольф заметил, что копьё наполовину обрублено. Из прохода повеяло жаром и запахом горелого дерева.

— Тебе повезло, что большая часть тепловой волны локализована и направлена вверх, — заметил Теотормон.

Ловушка тянулась на целых двадцать ярдов. Дальше проход под аркой кончался и начиналось жилое помещение. Всего лишь двадцать ярдов, но как им одолеть смертельную преграду?

Вольф отступил на несколько шагов, швырнул в проем обломок копья и повернулся спиной. Новая вспышка вы-

светила тени властителей на стенах коридора. Из-под арки хлынула волна горячего воздуха. Вольф кинул в ловушку стрелу и быстро отвернулся, считая секунды. Не успел он досчитать до трех, как ловушка сработала.

Роберт объяснил братьям свой план, и они спустились на лестничную клетку, которая уже наполовину заполнилась водой. Надев кислородные маски, они окунулись в воду, а затем бегом вернулись к злополучной арке, надеясь, что вода на их костюмах не высохнет слишком быстро. Вольф бросил стрелу в проход, и как только свет погас, а жар начал расползаться в стороны, он со всех ног помчался в зал с темно-красными стенами. Теотормон и Лувах последовали его примеру. Преодолев за три секунды двадцать ярдов, они предусмотрительно отбежали на несколько шагов. Жар высушил воду на их костюмах и как следует пропек спины. Но преграда осталась позади.

Ринтрах оросил в проход стрелу и вместе с Тармасом вбежал в жаркое марево. Как только вспышка погасла, Вольф обернулся и, заметив нерешительный старт Тармаса, предостерегающе крикнул. Тармасу надо было подождать и сделать новую попытку, но он не обратил внимания на возглас брата или, возможно, не расслышал его. Выпучив от ужаса глаза, он мчался изо всех сил.

Когда Ринтрах выскочил в зал, Роберт отвернулся от прохода. Сверкнула ослепительная вспышка, раздался крик и глухой стук, на властителей пахнуло жаром. Они почувствовали вонь опаленной рыбьей кожи, которая покрывала водолазный костюм, но ее тут же перебил запах сторевшей человеческой плоти.

Останки Тармаса темной массой лежали на полу. Пальцы ног и рук сгорели почти дотла.

Братья молча отвернулись и прошли через зал. Недалеко от арочного прохода находилась узкая дверь, и после очередной проверки Теотормон провел их в просторное помещение со сферическим потолком. У дальней стены ярдов на сто тянулась шеренга пустых клеток, но в одной из них властители увидели человека.

Вольф взглянул на обитателя этой клетки, и из его груди вырвался крик:

— Уризен!

Помимо крана питьевой воды, дыры для экскрементов и автоматического раздатчика пищи в клетке размером десять на десять футов имелось лишь тонкое одеяло, которое лежало на полу. Высокий и худой мужчина, стоявший за решеткой, напоминал истощенного, но по-прежнему гордого сокола. Волосы ниспадали по спине до икр, борода доходила до колен. Заметив седые пряди, Вольф понял, что отца держали в клетке очень долго. Даже после того как его лишили лекарств, дарующих так называемое бессмертие, их эффект должен был длиться несколько лет.

Подойдя к решетке, Уризен держался настороженно и старался не касаться прутьев. Роберт шепотом велел братьям остановиться. Шагнув к клетке, он сделал вид, что хочет схватиться за нее. Уризен не сказал ни слова, но его выдали искорки возбуждения, вспыхнувшие в запавших слезящихся глазах. Вольф остановился в нескольких дюймах от решетки.

— Я вижу, твоя ненависть все так же сильна,— сказал он.— И ты по-прежнему желаешь нам смерти.

Он поскреб прутья острием стрелы, и по металлу побежали голубые полосы электрических разрядов.

Уризен мрачно улыбнулся и заговорил глухим, полным боли голосом:

— Прикосновение к решетке болезненно, но не смертельно. А ты, Ядавин, всегда отличался лисьей хитростью! Никто, кроме тебя, не мог бы пробраться сюда — вернее, никто, кроме тебя, твоей сестрицы Вала и, возможно, Рыжего Орка.

— Так, значит, ей удалось не только избежать твоих ловушек, но и поймать самого охотника! — воскликнул Вольф.— Да, моя сестренка действительно замечательная женщина.

— Где она? — спросил Уризен.— Неужели Вала до сих пор жива? Я знаю, она шла вместе с вами. Девчонка как-то рассказала мне о своем плане.

— Вала во дворце и по-прежнему надеется свести с нами счеты,— ответил Роберт.— Все это время она пугала нас тобой, и мы до последней минуты считали тебя вла-

дыкой вселенной. Она наслаждалась игрой, делила с нами опасности и притворялась союзником. Я подозревал, что Вала действует в сговоре с тобой, но чтобы так... Такое мне и во сне не приснилось бы.

— Я обречен,— тихо произнес Уризен.— Мне никогда не выйти отсюда, и тебе не удастся открыть клетку, чтобы освободить меня. Даже если вы захотели бы сделать это, вам такое не по силам. А без квалифицированной помощи я скоро умру. Вала ввела мне медленно действующую и очень болезненную культуру раковых клеток. По правде сказать, она делала это три раза, удаляя опухоль как раз перед тем, когда я начинал умирать. Вала лечила меня и, едва я поправлялся, повторяла всю процедуру заново.

— Я солгу, если скажу, что мне тебя жалко,— ответил Вольф.— Впрочем, тебе это и так известно. Ты просто получил по заслугам.

— Ядавин! — воскликнул Уризен.— И это ты читаешь мне мораль?

Его глаза запылали прежним огнем, и Роберт почувствовал, как внутри у него что-то дрогнуло. Даже сейчас он по-прежнему боялся отца.

— Я слышал, что ты сильно изменился после жизни на Земле, но эти слухи казались мне злобным наветом. Теперь я вижу, это правда.

— Мы пришли сюда не для того, чтобы спорить с тобой,— ответил Вольф.— И для разговоров почти не осталось времени. Скажи мне, отец, как мы можем пробраться к пульта управления? Если ты хочешь отомстить Вале, то должен нам рассказать. Она снова свободна и, возможно, сейчас уже находится там.

— Зачем же мне вам о чем-то рассказывать? — с усмешкой спросил Уризен.— Я вскоре умру, но умру с улыбкой, зная, что вместе со мной погибнут четыре врага, четыре ненавистных сына — ты, Ринтрах, Лувах и Теотормон.

— А что станет с твоей улыбкой, когда ты узнаешь, что Вала снова одержала верх? Что она жива и будет жить? Что твое тело набьют опилками и выставят в зале как охотничий трофей?

Уризен злобно усмехнулся:

— Если я скажу тебе то, что ты хочешь, Вала, возможно, умрет, но вы-то останетесь в живых. О, сын, ты предложил мне очень мерзкий выбор. В любом случае я многое теряю.

— Ты, можешь ненавидеть нас, сколько угодно, — воскликнул Вольф, — но мы никогда не издевались над тобой, как Вала...

— Вода скоро заполнит этот этаж, и тогда мы все умрем! — прокричал Теотормон. — А Вала будет сидеть перед экраном в центре управления и хохотать, видя, как мы бьемся в судорогах. А потом она исполнит ту месть, которую приготовила для Хriseиды!

Роберт почувствовал себя беспомощным. Он понимал, что угрозы на отца не подействуют. А чем еще можно убедить его?

— Уходим, — сказал он. — Мы больше не можем терять время. — Вольф повернулся к Уризену: — Прощай навсегда, отец. Тебе предстоит умереть — причем довольно скоро. Твое сердце жаждет отмщения! И если бы ты ответил на наш вопрос, мы повергли бы Валу в прах. Но ненависть ослепила твой разум, и ты обокрал самого себя.

Они повернулись, чтобы уйти, но Уризен окликнул их:

— Подождите!

Роберт нетерпеливо повернулся к клетке. Уризен облизал пересохшие губы.

— Если я помогу тебе, ты окажешь мне одну услугу?

— Мне не удастся освободить тебя, отец, — ответил Вольф. — Ты сам знаешь, у нас совершенно нет времени. Но даже будь у меня ключи от этой клетки, я бы ее не открыл. Иначе мне пришлось бы убить тебя.

— Услуга, которую я требую взамен, как раз в этом и состоит, — тихо произнес Уризен. — Я прошу смерти. Меня терзает боль, мой сын. До сих пор гордость не позволяла мне сознаться в этом. Но каждая минута жизни кажется мне тысячелетием. Если бы не гордость, я бы давно встал на колени и умолял вас прекратить мои мучения. Но вы этого не увидите никогда! Уризен не опустится до просьб! Но вот договор, сделка — это другое дело.

— Я согласен,— ответил Роберт.— Стрела, пушенная между прутьями, подведет итог нашей встрече.

Уризен перешел на шепот и в нескольких словах объяснил, как захватить столь необходимый сейчас центр управления. Едва он кончил говорить, из дальнего конца помещения послышался смех. Вольф оглянулся и увидел Валу, которая шла навстречу. Он знал, что без эффективных средств защиты она никогда не посмела бы предстать перед ними, и все же вставил стрелу в тетиву.

Но, разглядев стену сквозь ее полупрозрачное тело, он понял, что это проекция изображения. Роберт надеялся, что сестра не слышала последних слов Уризена. В противном случае они оказались бы в полной ее власти.

— Мой план немного изменился,— сказал ее образ.— Но лучшего я бы и желать не могла. Какая трогательная встреча — отец и дети в последние минуты их жизни. Счастливое воссоединение семьи! Моя мечта исполнилась, и вы станете свидетелями предсмертных конвульсий друг друга. А потом я оставляю эту планету, эту печальную вселенную, и отправлюсь в погоню за последним оставшимся в живых братом и моей любимой сестрой Ананой. Но прежде я задержусь немного и от души позабавлюсь с твоей Хрисеидой.

— Тебе еще ни разу не удавалось взять над нами верх и, поверь, никогда не удастся! — закричал Вольф.— Даже если ты убьешь нас, твоя радость не продлится долго! Ты, наверное, знаешь о яде этсфагво, которым пользуются туземцы островов? Ты знаешь, что его можно подмешать в еду и яд не оставит ни запаха, ни вкуса? Да-да, тот самый яд, который действует внезапно и терзает жертву ужасной болью в течение нескольких часов. Смертельная жидкость, от которой нет противоядия! Так вот, Вала: я давно заподозрил тебя в предательстве. А прошлым вечером я влил этсфагво в твой ужин. Ты вскоре почувствуешь его, сестра, и тогда тебе будет уже не до смеха.

Конечно, Роберт ничего подобного не делал и до последней минуты даже не помышлял об этом. Но перед лицом смерти ему хотелось наказать Валу несколькими часами душевных мук.

Ее изображение закричало от ярости и отчаяния:

— Ты лжешь, Ядавин! Ты бы не поступил так со мной! У тебя слишком мягкое сердце. И тебе не удастся меня напугать!

— Скоро ты поймешь, что я говорил тебе правду! — ответил Вольф.

Он повернулся к клетке и, выполняя обещание, данное Уризену, выпустил сквозь прутья решетки стрелу. Но едва он двинулся к выходу, образ Валу поблек, и из скрытых в потолке труб на братьев хлынула зеленая пена. Она в один миг покрыла пол и поднялась до колен. Едкие испарения вызывали кашель. У Роберта заслезились глаза. Он нагнулся, поднял выпавшие из рук лук и стрелы и закашлялся еще сильнее.

Пена поднималась к шее. Вольф отчаянно пробирался через зеленые сугробы к двери в дальнем конце помещения, хотя там их могла поджидать еще одна ловушка. Пена поднялась выше головы. Вольф задержал дыхание, натянул маску и выдул собравшуюся там пену. Он надеялся, что братья тоже вспомнят о масках.

Когда до двери осталось несколько шагов, Роберт почувствовал, что пена начала твердеть. Он продирался сквозь нее изо всех сил. Сопротивление вязкой массы возрастало, и он продвигался вперед слишком медленно. А затем пена вдруг превратилась в желе, и все вокруг поглотил зеленоватый мрак. Его поймали, как муху в янтаре.

Он не мог обернуться и посмотреть на тех, кто шел следом. Вольф видел лишь арку прохода. Он пошевелил руками и обнаружил, что может немного двигать ими. Ценой огромных усилий Роберт передвинулся на дюйм вперед, но желе, словно волна отлива, вернуло его назад и вновь сжало в своих объятиях. Ему оставалось лишь ждать, когда в баллоне кончится воздух. Система подачи кислорода имела закрытую циркуляцию и, поглощая двуокись углерода, перерабатывала выдыхаемый воздух. К счастью, маска была лишена выходных отверстий, иначе смерть наступила бы мгновенно. Желе сжимало тело так плотно, что для выхода отработанного воздуха не оставалось места.

Через какие-нибудь полчаса ему придет конец. Теперь Вала может смеяться до упаду. Но потом она возьмется за Хрисеиду, и страшно подумать, что ждет его прекрасную жену. Неужели ее заставляют сейчас смотреть на сцену их гибели? Или Вала развлекается, описывая ей предстоящие пытки?

Прошло пятнадцать минут, но он думал только о том, как ему выбраться. Ситуация казалась безвыходной. Вот и закончилась его жизнь, длившаяся двадцать пять тысяч лет, — жизнь богоподобного существа, наделенного непостижимой властью. Он прожил ее напрасно, и лучше бы ему было не родиться. Он скоро умрет, а потом сестра убьет Хрисеиду, и их мумии будут стоять в ее трофейном зале среди прочих экспонатов.

Но нет, вот этому как раз и не бывать. Сестре придется спасаться бегством. Потоки воды, с шумом вытекавшие из неподвижных врат на верхнем этаже дворца, лишат ее такого удовольствия. И их тела останутся лежать на дне моря, во тьме холодных вод, пока плоть не сгниет и течение не разбросает кости по этажам и залам затопленного замка.

Вода! Он совсем забыл, что, когда они проходили через комнаты этого этажа, вода уже поднималась по лестнице. И если только...

Первая волна, прокатившись под смертоносной аркой, налетела на дрогнувшую массу желе и вырвала из нее огромный кусок. Коридор вскоре заполнился водой, и желе начало растворяться. Время шло, с каждой минутой вода подбиралась к Вольфу все ближе и ближе, проедаая себе путь и превращая желе в зеленую пену, которая быстро растворялась в жидкости. Прошло более получаса с тех пор, как он надел маску, и, по его оценкам, в баллонах почти не осталось воздуха. Каждый глоток кислорода мог стать последним.

Желе превратилось в зеленую пену, и Вольф по-прежнему ничего не видел. Рядом с ним отвалился толстый кусок массы. Вольф мощным рывком вырвался из мягких и цепких оков. Однако теперь ему угрожала еще большая опасность. Кислород кончался, а становиться утопленником Роберту не хотелось.

Разглядев под зеленой вуалью пены неподвижные фигуры братьев, он подплыл к ним и освободил от кусков желе, которые не выпускали их из своих объятий. Ринтрах был мертв. Он вовремя надел маску, но в системе подачи воздуха произошла какая-то поломка. Роберт жестом велел Теотормону и Луваху следовать за ним и поплыл к противоположной двери, на которую возлагал все свои надежды. Они не могли вернуться в коридор, через который врвалась вода. Впрочем, хотели они того или нет, их все равно несло к дальней стене.

Вольф разбросал куски желе, закупорившие проход, и течение потащило его в следующую комнату. Братья рванулись следом и, проскочив на гребне волны всю комнату, врезались в противоположную стену. Выбравшись из колючих и пенистых струй, они поднялись на ноги. Роберт выключил подачу кислорода и поднял маску. Все трое знали, что через минуту или две комната заполнится водой, поэтому каждый старался сохранить тот маленький запас воздуха, который еще оставался в баллонах.

— Уризен сообщил мне, где находится потайная дверь в аварийный центр управления, — сказал Роберт. — Он оборудовал это помещение специально на тот случай, если кто-то проберется к главному пульту. Там даже есть устройства, которые могут отключить всю аппаратуру основного центра. Чтобы добраться туда, нам придется пройти через дверь с ловушкой из тепловых лучей. Я не успел узнать, как отключается механизм их запуска. Поэтому мы подождем, когда вода заполнит комнату, а затем наденем маски и проскочим. Поток пены должен закоротить пусковые головки лучей. Вернее, я надеюсь на это.

Они подняли маски на лбы и забились в угол, чтобы их не снесло стремительным течением. Вода колотила в стену напротив арочного прохода, мчалась по полу и втекала в дверь, оборудованную ловушкой. Увидев, что пена не активизирует лучи, Роберт бросил в проем каменный топор. Вспышка ошеломила его, хотя он и успел закрыть веки. Вода на пороге закипела, и от нее повалил пар.

Море стремительно вливалось во врата на вершине замка. Встревоженные своим положением, властители вскоре оказались под потолком. Когда над головой остался лишь фут не занятого водой пространства, они надели

маски. Вольф нырнул и поплыл к двери. Внезапно кислород иссяк. Он задержал дыхание и поплыл быстрее. Вспышка света ослепила его, вода обожгла руки и затылок, не защищенные костюмом. Он ударился о край арки, и поток втащил его в следующую комнату. Роберт оттолкнулся ногами от пола и стал всплывать, вытянув вверх руки, чтобы не удариться о потолок головой. В глазах после вспышки рябило, и он ничего не видел.

Коснувшись каменной плиты, Вольф сорвал с себя маску и сделал вдох. Легкие наполнились воздухом, но в рот попала вода, и он закашлялся. К тому времени зрение восстановилось. Теотормон и Лувах плавали рядом. Роберт вытащил из воды руку и указал вниз.

— Давайте за мной!

Он нырнул, открыл глаза и быстро подплыл к нише в стене. Здесь находилась небольшая, в фут высотой, статуя из зеленого жадеита — сидевший в позе лотоса идол, которому некогда поклонялись племена ныне далекой вселенной. Вольф повернул голову божка, секция стены отошла в сторону, и вода хлынула в большую комнату, увлекая за собой властителей. Они вскочили на ноги. Роберт подбежал к пульту и потянул рычаг с красной рукояткой. Дверь медленно, но все же закрылась, уровень воды на полу успел достичь одного фута.

Отыскав пульт, о котором рассказывал Уризен (а тут их было не меньше тридцати), Вольф нажал на прямоугольную пластину, отмеченную идеограммой древнего символа властителей. Он отступил назад и впервые за долгое время улыбнулся.

— Отныне Вала бессильна, — сказал он. — Я не только отключил главный пульт, но и запер ее в центре управления. Все врата в тех помещениях дезактивированы, и бегство невозможно. Но я оставил проход из Водного мира открытым, поэтому крепость все равно будет затоплена.

Роберт потянулся к кнопке, которая включала экран обзорной камеры, установленной в центре управления, но тут же отдернул руку и на несколько минут погрузился в размышления.

— Чем меньше сестра знает о действительном положении вещей, тем лучше для нас, — сказал он. — Теотормон, иди сюда и слушай внимательно...

Вольф и Лувах спрятались за пультом. Сквозь вентиляционные щели приборной стойки они внимательно гляделись в экран. Теотормон нажал концом плавника на клавишу. Появившаяся на экране Вала изумленно вскрикнула и уставилась на него. С мокрых длинных темно-красных волос стекали струйки воды. Прекрасное лицо искажилось от ярости.

— Ты! — прошипела она.

— Приветствую тебя, сестричка! — ответил Теотормон. — Не ожидала увидеть меня живым? А как ты почувствуешь себя, узнав, что я перекрыл тебе все пути к спасению? Бедняжка! Я сделал тебя совершенно беспомощной.

— А где твои братья? — спросила Вала, разглядывая комнату у него за спиной. — Где твои лучшие друзья?

— Они мертвы. В баллонах не хватило кислорода. У меня тоже кончился воздух, но благодаря телу, дарованному отцом, я смог удерживать дыхание до тех пор, пока вода не растворила твоё желе.

— Ты хочешь сказать, что Ядавин погиб? Я тебе не верю. Ты обманываешь меня, глупая пиявка!

— Ты не в том положении, чтобы распускать язык.

— Покажи мне его тело! — крикнула она.

Теотормон пожал плечами:

— Не сходи с ума. Оно плавает где-то во дворце. Я едва пробрался в эту комнату, и, если выйду отсюда, её тут же затопит до потолка.

Вала взглянула на пол, залитый водой, и улыбнулась:

— Так, значит, ты тоже в ловушке? Ах ты, провонявший рыбой идиот! У любой жабы больше мозгов, чем у тебя! Ты сейчас признался, мне, что и сам находишься в такой же ситуации!

Теотормон открыл рот.

— Но... но...

— Ты можешь думать, что я в твоей власти, — сказала Вала. — И отчасти так оно и есть. Но ты ничем не отличаешься от меня. А я, между прочим, знаю, где находится космический корабль. Он мог бы унести нас на другую планету, где находятся врата, через которые мы покинули бы эту вселенную. Впрочем, ладно. Наверное, у тебя другие планы. Но мне интересно, что ты собираешься делать?

Теотормон почесал мохнатую макушку кончиком плавника и растерянно ответил:

— Я не знаю.

— Конечно не знаешь! Потому что ты глуп! Но ты не настолько глуп, чтобы нам не удалось сторговаться. Если ты выпустишь меня, я позволю тебе остаться со мной на корабле. Пойми, у нас нет другого выхода.

Вольф не мог видеть лица Теотормона, но по тону его голоса тут же представил коварную и подозрительную ухмылку брата.

— Но как я узнаю, что могу тебе доверять?

— А нам и не надо доверять друг другу. Мы должны устроить все так, чтобы один не мог заманить в ловушку другого. Ты согласен?

— Ну, я не знаю...

— Центр управления, в котором я нахожусь, не страдает даже в том случае, если море поднимется на милю, навеки поглотив дворец в своей пучине. Запасов еды и питья мне хватит на год. Я-то отсижусь, а вот ты погибнешь. И тогда, поверь мне, я придумаю какой-нибудь способ, чтобы выбраться отсюда. Я обязательно что-нибудь придумаю.

— Но почему бы тебе в таком случае не обойтись без моей помощи? — спросил Теотормон.

— Потому что я не хочу сидеть в этой комнате целый год. У меня слишком много дел.

— Вот и хорошо. А что будет с Хрисеидой?

— Она полетит со мной. У меня есть кой-какие планы относительно нее, — ответила Вала. Очевидно, к ней снова вернулась подозрительность. — А что это ты вдруг о ней беспокоился?

— Как же, стану я о ком-то беспокоиться. Просто спросил, вот и все. Хотя знаешь... может быть, ты отдашь ее мне? Ядавин говорил, что она очень красивая.

Вала засмеялась и весело сказала:

— Да, о такой попытке для нее я не подумала. И все же этого мало. Прости, браток, но ты ее не получишь.

— Тогда никакой сделки, — с обидой произнес Теотормон. — Можешь подавиться ею. Сиди там с ней взаперти целый год. В любом случае я не верю, что ты доплывешь

до звездолета. А давление воды с каждым днем будет становиться все больше и больше.

— Ты глупый эгоистичный кусок дерьма! — закричала Вала. — Тебе и умереть не жалко, лишь бы отнять что-нибудь у других! Ладно, забирай ее себе.

Роберт улыбнулся. Чтобы не возбудить подозрений сестры, он велел Теотормону поторговаться насчет Хрисеиды. Его притязания должны были показаться такими неуместными, эгоистическими и смешными, что Вала вполне могла попасться на крючок и поверить в искренность его слов.

Теотормон завизжал и радостно захлопал плавниками. Вольф надеялся, что восторг брата диктовался лишь правилами розыгрыша, но не мог удержаться от мысли о возможном предательстве.

— Ладно, договорились, — сказал Теотормон. — А как мы доберемся до звездолета?

— Сначала освободи меня. Я не могу тебе этого сказать, иначе ты улизнешь один.

— Но если я открою дверь твоей комнаты, ты можешь выйти раньше меня.

— Неужели ты не можешь установить переключатели с задержкой, чтобы моя дверь открылась на несколько минут позже? Сколько тебе нужно времени, чтобы добраться до центра?

Теотормон ругнулся, как бы сожалея о том, что такая простая мысль не пришла ему в голову.

— Хорошо. Только ты должна выйти из комнаты совершенно голой. Вы обе должны выйти без одежды и с пустыми руками. Я тоже приду на встречу без оружия. Мы выйдем из своих комнат одновременно и встретимся в коридоре, который соединяет два наших центра управления.

Вала вздохнула и изумленно произнесла:

— Ах вот как! Значит, ты все время знал, как можно выйти отсюда... Теперь понятно, где находится аварийный пульт управления! А я-то думала, что коридор упирается в глухую стену.

— Все равно эта информация тебе уже не поможет, — сказал Теотормон. — Ты не выйдешь, пока я тебя не вы-

пушу. И запомни: разденешь Хрисеиду тоже! Я не хочу, чтобы ты спрятала на ней какое-нибудь оружие.

— Не любишь рисковать, братишка? — спросила Вала. — Да ты, похоже, умней, чем я думала.

Вольф прикрыл глаза и погрузился в размышления. В чем же заключается ее хитрость? Встретив Теотормона в середине коридора, Вала окажется совершенно беспомощной, и как только она раскроет местоположение звездолета, ее сильный брат может сделать с ней все, что угодно. Тем не менее она согласилась на встречу — значит, у нее имелся хитроумный план.

На самом деле братья знали, где находится корабль. Теотормон притворялся глупцом только для того, чтобы дать ей чувство мнимого преимущества. Вольф знал свою сестру — если ее не выманить из комнаты, она оттуда не выйдет. Вала скорее умрет, чем сдастся, но при этом она прихватит с собой Хрисеиду. И ее не убедить никакими обещаниями, ибо слово и честь для властителей — пустой звук. Она все равно будет ожидать подвоха. Хотя в каком-то отношении Вала права. Пусть Вольф и не считал себя больше властителем, в душе он знал, что не сдержал бы обещание, данное ей при таких обстоятельствах. А что уж тогда говорить о Теотормоне?

Так что же все-таки задумала Вала?

Теотормон перешел к обсуждению их встречи, всем своим видом демонстрируя неуверенность и страх. Выяснив детали, он дезактивировал экран и повернулся к братьям. Роберт открыл дверь, в которую ему и Луваку предстояло войти раньше назначенного времени. Как и говорил Теотормон, два центра управления соединялись коридором. Оба помещения находились в огромной капсуле, защищенной особо прочной металлической оболочкой, толщина которой составляла четырнадцать футов. Она могла выдержать любое давление воды и уцелела бы даже при прямом попадании водородной бомбы. Внутреннее покрытие стен включало в себя вещество, которое могло отражать излучение нейтронной бомбы. Уризен специально поместил тайный центр управления вблизи от основного пульта, предусмотрев похожую на их случай ситуацию захвата. Любой враг, овладевший главным пультом, превращался в легкую добычу, которую застигали

врасплох, проходя в помещение через замаскированный в стене проход.

И хотя коридор предполагалось использовать только в критических ситуациях, в подобной роскоши можно было проводить даже светские приемы властителей. Ни одному земному миллиардеру, даже самому богатому, не удалось бы приобрести таких картин, скульптур и мебели. Да взять хотя бы люстру, висевшую на массивной цепи из золотистого сплава. Ее сделали из цельного граненого алмаза, вес которого достигал полутонны. Впрочем, здесь имелись и более ценные вещи.

Вольф спрятался за тахтой, покрытой шелковистой шоколадно-лазурной шкурой какого-то животного. Луваж скрылся за пьедесталом статуи. Убедившись, что братья приготовились, Теотормон вернулся к пульту и сообщил Вале, что они могут двигаться навстречу друг другу. Он нажал на кнопку и освободил стопор замка ее двери.

Стена в другом конце коридора ушла под потолок. Из прямоугольного отверстия заструился свет ярких ламп, и Вала осторожно выглянула из проема. То же самое проделал Теотормон. Он шагнул вперед, готовый в любую секунду при виде оружия отпрыгнуть в комнату и захлопнуть за собой дверь. Вала тихо рассмеялась и вышла в коридор, вытянув перед собой руки. Ее нагое тело казалось невероятно красивым.

Однако Вольф почти не удостоил ее взглядом. Его глаза неотрывно следили за обнаженной женщиной, которая шла следом. Он снова видел Хрисеиду — прекрасную нимфу с большими глазами и волосами в тигровую полоску.

— Рог Шамбаримена! — вскричал Теотормон. — Я чуть не забыл о нем! Где он?

— В комнате, у пульта, — ответила Вала. — Я не взяла его, потому что ты велел мне выйти с пустыми руками.

— Принеси его, Хрисеида, — сказал Теотормон. — Но когда будешь возвращаться, держи инструмент высоко над головой и не направляй его на меня. Если ты сделаешь хотя бы одно резкое движение, я убью тебя.

Смех Валу заполнил коридор.

— Ты так подозрителен, что боишься даже эту девчонку? Хрисеида не причинит тебе вреда! Она скорее умрет, чем согласится мне помочь.

Теотормон промолчал. Следуя инструкциям Вольфа, он играл роль чрезмерно подозрительного властителя, который ожидает любого подвоха. При другом его отношении к событиям Вала тут же почувствовала бы фальшь.

Сестра и брат начали медленно сближаться друг с другом, шагая в ногу. Их величавые ритмичные движения напоминали странные фигуры какого-то плавного церемониального танца.

Роберт пригнулся к полу и ждал. Он заранее избавился от водолазного костюма, и теперь ему ничего не мешало. Тело от напряжения покрылось потом. И ему, и Луваху приходилось рассчитывать только на силу рук. Они растеряли свое оружие по дороге к центру управления, а внутри потайной комнаты оружия, к их огорчению, не оказалось. Очевидно, Уризен посчитал его ненужным. Или, что более вероятно, он один знал, где его найти. Уризен не успел рассказать об этом — даже если хотел.

По плану полагалось ждать момента, когда Вала будет проходить мимо Луваха, который прятался в той части коридора. Увидев его позади сестры, Теотормон должен был наброситься на Валу спереди. К тому времени Вольф выбрался бы из-под тахты и пришел на помощь братьям.

В нескольких шагах от алмазной люстры Вала остановилась, и Теотормон тут же замер на месте.

— Ладно, мой гадкий братец, кажется, ты выполнил свою часть сделки.

Он кивнул и быстро спросил:

— Так где звездолет?

Теотормон сделал еще один робкий шаг, надеясь, что она тоже подойдет поближе. Однако Вала стояла неподвижно. На ее лице появилась злая улыбка.

— Вход в него — по другую сторону этого зеркала в форме розы. Ты давно мог бы войти в него и оставить меня умирать. К счастью, ты не знал о нем, безмозглая мерзость!

Теотормон зарычал и прыгнул на нее. Лувах выскочил из-за статуи, но столкнулся с Хрисейдой. Вольф выкатился из своего тайника, вскочил на ноги и устремился к Вале.

Она вскрикнула и вытянула правую руку ладонью вперед. Из центра ладони вылетел ослепительно белый луч,

не толще вязальной спицы. Она повела рукой влево — луч чиркнул по шее Теотормона, и у него отвалилась голова. Секунду тело стояло, бурая кровь фонтаном била из шеи. А потом обезглавленный труп рухнул на пол.

Вольф резко остановился и, как сбитый с ног полевой игрок, кубарем покатился к ногам Теотормона. Услышав проклятие Луваха, которым тот выдал себя, столкнувшись с Хriseидой, Вала обернулась. Вероятно, она подумала, что он подошел к ней ближе всех, и у нее еще будет время разобраться с Робертом.

Хriseида среагировала молниеносно. Как только голова упала и покатилась, она спряталась за статую, и луч Вала лишь отщепил кусок от пьедестала. Спасаясь от выстрела, Лувах на бегу пригнулся. Вала ловко отпрыгнула в сторону и нанесла ему удар ребром левой ладони. Лувах свалился на пол и потерял сознание.

Она могла убить его своим крошечным лучеметом, вживленным в плоть ладони, но почему-то не сделала этого. Возможно, Вала хотела сохранить ему жизнь, чтобы потом подвергнуть пыткам, — вполне в духе властителей.

Роберт беспомощно лежал на полу — вернее, Вала считала его беспомощным. Она подошла к нему и засмеялась.

— А сейчас я тебя убью, — сказала она. — Ты так опасаешься, что тебя нельзя оставлять в живых.

— Но я еще не мертв! — закричал Вольф.

Схватив окровавленную голову Теотормона, он швырнул ее в Валу и, вскочив на ноги, рванулся вперед. Вольф знал, что это ему ничем не поможет, но надеялся на какую-нибудь случайность.

Сестра подняла руку, защищаясь от ужасного снаряда. Луч раскрыл голову пополам. Потом, скользя по потолку, луч пробежал по массивной цепи из золотистого сплава, и полутонная алмазная люстра обрушилась прямо на Валу, едва не задев Вольфа, но тот успел отпрыгнуть в сторону.

Вала смотрела на него снизу, в глазах ее еще теплилась жизнь. Руки и тело злодейки придавило алмазом; по полу растекалась лужица крови.

— Тебе... удалось это, брат,— тихо выдохнула она.

Хрисеида выскользнула из-за статуи и бросилась в объятия Роберта. Рыдая от счастья, она прижалась к его груди. У Вольфа перехватило дыхание. О, как он понимал ее чувства! Но надо было действовать.

Поцеловав Хрисеиду несколько раз, он прижал ее к себе; затем отстранился.

— Нам нужно выбраться отсюда, пока есть возможность. Нажми на третий завиток в левом верхнем углу зеркала.

Она нажала, и зеркало повернулось. Вольф взвалил на плечи бесчувственного брата и пошел к потайному ходу.

— Роберт! — воскликнула Хрисеида.— А что же будет с ней?

Он остановился.

— С ней?

— Неужели ты так и оставишь ее? Ей же больно! И неизвестно, сколько продлится ее муки, прежде чем она умрет.

— Ну и что? — ответил он.— Она это заслужила.

— Роберт!

Вольф вздохнул. На секунду он снова стал властителем, и в нем вновь заговорил Ядавин.

Он положил Луваха на пол и направился к Вале. Вдруг ее рука шевельнулась, часть отколотого алмаза упала на пол. Роберт подскочил к сестре и сжал ее запястье как раз в тот момент, когда из ладони вырвался луч. Он выкрутил руку так сильно, что затрещали кости. Вала вскрикнула от боли и умерла: направленный Робертом луч рассек ее пополам.

Вскоре Вольф, Хрисеида и Лувах перебрались на космический корабль. Звездолет поднялся по стволу пусковой шахты на вершину дворца и устремился к воротам, спрятанным в горах планеты кенготемпусов. И только тогда Хрисеида поведала Роберту о том, как Вале удалось выманить ее из родного замка и перенести в этот мир.

— Меня разбудил гексакулум,— рассказывала она.— Ты еще спал. Голос Валы предупредил, что, если я попытаюсь разбудить тебя, ты будешь убит самым страшным образом. Но Вала сказала, что я могу спасти тебя, беспрекословно выполнив все ее инструкции.

— Ты просто не знала о ее подлой натуре,— сказал Вольф.— Если бы она могла мне как-то навредить, то сделала бы это без промедления. И мне кажется, в тот момент ты перепугалась за меня. Прекрасно понимая, что ее слова могут оказаться пустой болтовней, ты все-таки не решилась рисковать моей жизнью.

— Да. Я хотела закричать, но испугалась, что она может исполнить свои угрозы. Я так боялась за тебя, что совсем потеряла голову. И мне пришлось войти в указанные ею врата, которые вели на нижний уровень нашей планеты. Перед уходом по ее приказу я отключила систему тревожной сигнализации и забрала рог. Вала встретила меня в пещере по другую сторону врат. Мы прошли в поджидавший нас гексакулум и оказались в этой вселенной. Остальное ты уже знаешь.

Роберт передал управление Луваху, после чего обнял и поцеловал Хрисеиду. Она заплакала, и у Вольфа тоже навернулись слезы на глаза. Его переполняла радость от того, что он вернул ее живой и здоровой; от того, что кончилась невероятно напряженная битва за жизнь любимой женщины. Но это были и слезы скорби по погибшим братьям и сестре. Облик взрослых и безжалостных властителей рассеялся в небытии минувших дней, и он снова видел их детьми, с которыми провел лучшее время жизни. Он оплакивал светлые чувства и взаимную детскую любовь. Он горевал о потере близких, которые так и не стали близкими.

Книга третья
Личный космос

Глава 1

Под зеленым небом и желтым солнцем, на черном жеребце с темно-красной гривой и голубым хвостом, Кикаха скакал навстречу судьбе.

Сто дней назад, за тысячу миль отсюда, он покинул деревню хроваков — людей «медвежьего народа». Устав от охоты и простой жизни, Кикаха соскучился по манерам и, более того, по вкусу цивилизации. В конце концов он решил заточить острие интеллекта. К тому же у тишкветмоаков, единственного цивилизованного народа на этом уровне, имелось еще много такого, чего он не знал.

Поэтому, оседлав и снарядив в дорогу двух коней, Кикаха попрощался с вождями и воинами, расцеловал своих жен и позволил им взять себе новых мужей, если он не вернется в течение шести месяцев. Верные жены пообещали ждать его вечно, но их слова вызвали у Кикахи улыбку — они поклялись в этом и своим прежним мужьям, перед тем как те ушли по тропе войны и больше не вернулись.

Некоторые воины хотели проводить его через горы до самых Великих прерий, но он отказал в их просьбе и уехал один. Ему потребовалось пять дней, чтобы преодолеть перевал. А потом он потерял еще один день, сбивая со следа двух молодых воинов из племени вакангишушей. Очевидно, они ждали его на перевале Черной ласки не-

сколько месяцев, зная, что однажды Кикаха будет проезжать по этой тропе. Из всех наиболее желанных скальпов сотни лучших воинов пятидесяти народностей Великих прерий и приграничных горных хребтов волнистые волосы Кикахи считались самым ценным трофеем. Не меньше двухсот храбрецов пытались подстеречь Кикаху и заполучить его скальп, но никто из них не вернулся живым. Многие боевые отряды забирались в горы, чтобы атаковать укрепленную частоколом крепость, которую хроваки возвели на высоком холме. Они надеялись застать «медвежий народ» врасплох и добыть в бою голову величайшего из воинов. Но лишь большой набег ошангстеров — племени полуконей — оказался близок к успеху. Весть об этом набеге и о победе над ужасными кентаврами облетела сто двадцать девять племен прерий. Ее воспевали на советах старейшин и в вигвамах вождей во время Кровавых фестивалей.

Два вакангишуша, удерживая почтительную дистанцию, по-прежнему шли по следу. Они хотели дожждаться момента, когда Кикаха устроится на ночлег. Смелчаки вели себя тихо и осторожно. И они могли бы преуспеть там, где потерпели неудачу остальные, но красный ворон, размером с орла, спустился в сумерках с небес и дважды каркнул, пролетая над Кикахой.

Птица зависла над одним из спрятавшихся храбрецов, сделала двойной круг, подлетела к дереву, за которым припал к земле второй воин, и вновь описала два круга. Кикаха с улыбкой наблюдал за ней, радуясь тому, что не пожалел труда на приручение разумной птицы. Той ночью он пронзил стрелой первого индейца, который подкрался к его стоянке, а тремя минутами позже заколол ножом второго.

У него возникло искушение отклониться от намеченного маршрута миль на пятьдесят и швырнуть копье позора с привязанными к нему скальпами воинов прямо в середину лагеря враждебных вакангишушей. Подобными подвигами он завоевал себе имя Кикахи — божественного ловкача и обманщика — и теперь при каждом удобном случае старался поддерживать свою репутацию. Однако на этот раз он решил отказаться от подобного удовольст-

вия. Образ Таланака, города-горы, манил его, как драгоценный камень, сиявший в свете костра.

Поэтому Кикаха удовлетворился тем, что повесил оба оскальпированных трупа вниз головами на толстой ветке дерева, и снова поскакал на восток, сохранив тем самым жизни нескольким вакангишушам, а возможно, и собственный скальп. Кикаха любил прихвастнуть своей хитростью, быстротой и силой, но сам он понимал, что никто не застрахован от поражения и гибели.

Когда-то его называли Полом Янусом Финнеганом. Он родился в Терре-Хоте, штат Индиана, на планете Земля, в ближайшей отсюда вселенной. (А все вселенные примыкают друг к другу.) При росте в шесть футов и один дюйм он весил сто девяносто фунтов и, несмотря на реальный возраст, выглядел мускулистым и широкоплечим молодым человеком. Его загорелую кожу покрывали медные пятнышки веснушек, а также более трех дюжин глубоких или мелких шрамов, которые виднелись на лице и других частях тела. Густые и волнистые волосы цвета расплавленной бронзы доходили до плеч и были заплетены на этот раз в две тугие косички. Светло-зеленые глаза, вздернутый нос, длинная верхняя губа и раздвоенный подбородок придавали лицу веселое и добродушное выражение.

Головную тесьму из льиной кожи украшали торчавшие вверх медвежьи зубы, а с правой стороны располагалось длинное черно-красное перо из хвоста ястреба. Ожерелье из больших льиных зубов свисало на обнаженную грудь. Пояс из медвежьей кожи, расшитый бирюзовым бисером, поддерживал брюки из кожи пятнистого оленя. Наряд завершали мягкие и удобные мокасины. С каждой стороны пояса свисали ножны. В одних находился длинный стальной кинжал, в других — небольшой и хорошо сбалансированный метательный нож.

Кикаха использовал стремяна и седло облегченного типа, которые племена прерий ввели недавно в употребление вместо одеял. В одной руке он сжимал копье, в другой — поводья. Колчаны и кожаные сумки, притороченные к седлу, содержали разнообразное оружие, а на деревянном седельном крюке висел небольшой круглый

щит с нарисованной головой рычавшего медведя. Ближе к крупу крепилась свернутая накидка из медвежьей шкуры, в которой хранилась походная утварь для приготовления пищи. На другом седельном крюке, в плетеной корзине, висел глиняный кувшин с водой.

Вторая лошадь, бежавшая позади, несла седло, какое оружие и легкое снаряжение.

Кикаха не торопясь спускался с гор. Тихо насвистывая мелодии этого мира и песни родной Земли, он ни на секунду не терял бдительности: внимательно осматривал местность, лежавшую впереди, и часто оглядывался назад.

Желтое солнце над головой медленно двигалось по дуге в безоблачном светло-зеленом небе. Воздух казался сладким от аромата белых цветов, сосновых игл и слабого запаха, исходившего от изредка встречающихся кустов с пурпурными ягодами.

Однажды он услышал крик ястреба, и пару раз из рощи доносилось рычание медведей. Кони настороженно подергивали ушами, но панике не поддавались. Они выросли вместе с прирученными медведями, которых хроваки держали в стенах крепости.

Вот так, настороже, но наслаждаясь дорогой, Кикаха спускался с гор в Великие прерии. К тому времени он достиг высшей точки пологого изгиба, который протянулся на сто шестьдесят миль, и огромная территория раскинулась перед ним как на ладони. Ровный склон на протяжении восьмидесяти миль казался настолько плавным, что Кикаха почти не чувствовал спуска. В низине изгиба ему предстояло пересечь реку или озеро, чтобы затем так же незаметно начать подниматься вверх. Слева, как будто бы милях в пятидесяти, а на самом деле на расстоянии в тысячу миль, находился монолит Абхарплунты. Он возносился вверх на сотню тысяч футов, и на его вершине располагались следующая страна и еще один монолит. Там, на верхнем уровне, находилась Дракландия, где Кикаху знали как барона Хорст фон Хорстманна. Он не был там уже два года, и если бы вернулся, то оказался бы бароном без замка. Его жена, дракландская баронесса, не пожелав мириться с долгими отлучками супруга, развелась с ним и вышла замуж за лучшего друга фон Хор-

стманна — барона Зигфрида фон Листбета. Кикаха отдал им свой замок и ушел на уровень Американдии, который нравился ему больше всех остальных.

Кони неслись вперед в свободном и легком галопе, а Кикаха по-прежнему высматривал признаки врагов. Он внимательно следил за животными, в число которых входили не только породы, сохранившиеся или давно вымершие на Земле, но и звери из других вселенных. Всех их в этот мир перенес властитель Вольф — хотя в ту пору его называли Ядавином. Некоторых существ он создал сам в биолaborаториях своего дворца, который находился на вершине самого верхнего монолита.

Повсюду паслись огромные стада бизонов — тот мелкий вид, который до сих пор известен в Северной Америке, и гиганты, вымершие в американских прериях примерно десять тысяч лет назад. В отдалении маячили огромные серые туши мастодонтов и мамонтов с изогнутыми бивнями. В траве паслось несколько гигантских существ, чьи большие головы сгибались вниз под тяжестью многочисленных шишковатых рогов и загнутых клыков, которые выступали из ороговевших губ. Ужасные волки высотой по грудь Кикахе крались за стадом бизонов, ожидая, когда какой-нибудь детеныш отобьется от матери. Чуть дальше, в зарослях высокой травы, Кикаха заметил огромное девятисотфунтовое тело в черную и желтовато-коричневую полоску. Это прятался «фелис атрокс» — безгривый лев, некогда бродивший по травянистым равнинам Аризоны. По всей видимости, он хотел утащить детеныша мамонта у зазевавшейся мамы или, возможно, затеял охоту на одну из многочисленных антилоп, которые паслись поблизости.

В небе кружили ястребы и канюки. Нечеткий клин уток, пролетев над головой, с криком направился к рисовым болотам в горах.

Навстречу Кикахе двигалось стадо неуклюжих длинноногих существ, которые чем-то напоминали дальних родственников верблюдов — что, впрочем, соответствовало действительности. С ними шли несколько тонконогих верблюжат, и именно их надеялась умыкнуть стая ужасных волков, выжидавшая момент, когда взрослые самцы потеряют бдительность.

Жизнь и обещание смерти царили везде. Воздух пьянил сладостью, и вокруг не было ни одного человека. Вдали промчалось стадо диких лошадей, ведомое великолепным чалым жеребцом. Взгляд всюду натывался на диких зверей, и это нравилось Кикахе. Прерии таили опасность, но они возбуждали его, и он думал о них как о своем собственном мире — несмотря на то что планетой по праву создателя владел властитель Вольф, а он, Кикаха, объявившись здесь как незванный гость, незаконно пребывал в чужих владениях. Но в некотором смысле этот мир принадлежал и Кикахе. Во всяком случае, он пользовался его дарами больше, чем Вольф, который обычно жил во дворце на вершине последнего монолита.

На пятидесятый день Кикаха увидел Большой торговый путь тишкветмоаков. Никакого пути в привычном смысле слова не было. Трава здесь росла так же густо, как и везде вокруг. Но через каждую милю дорогу отмечали два деревянных столба, торцы которых венчала маска Ишкветламму — тишкветмоакского бога торговли. Путь начинался у границ могучей империи тишкветмоаков и тянулся на несколько тысяч миль, пересекая по дуге Великие прерии и объединяя собой многочисленные, почти неизменные торговые места степных и горных племен. По этому пути огромные фургоны везли оружие и прочие товары, предназначенные для обмена на меха, шкуры, травы, слоновую кость и клыки, на пойманных животных и взятых в плен людей. Священный договор защищал торговый путь от нападения, и, оставаясь на нем, любой человек — по крайней мере, теоретически — находился в относительной безопасности. Соответственно, за пределами узкой тропы, отмеченной резными столбами, ему приходилось полагаться на самого себя, так как он становился добычей для всех и каждого.

В надежде отыскать караван тишкветмоаков и разузнать свежие новости Кикаха ехал по торговому пути несколько дней. Так никого и не встретив, он свернул с дороги, уводившей его в сторону, и помчался по дикой прерии в далекий Таланак. Через сто дней после того, как он покинул деревню хроваков, священная тропа вновь пересекала его путь. Теперь она вела прямо к цели, и Кикаха решил оставаться на ней.

Через час после рассвета появились полукони.

Кикаха не мог понять, что они делали в такой близости от тишкетмоакской границы. Видимо, кентавры совершали набег — придерживаясь соглашения о ненападении на торговом пути, они без зазрения совести атаковали тишкетмоаков за его пределами.

Какой бы ни была причина их появления, Кикахе грозила смертельная опасность. Полукони нарушили бы любой священный договор, лишь бы поймать своего заклятого врага.

Кикаха пустил коней в галоп. Кентавры, заметив беглеца, тут же помчались в погоню. Конечно, эти существа могли скакать быстрее, чем конь, отягощенный всадником, но они находились в миле слева от него. А Кикаха знал, что впереди, в каких-то четырех милях, располагалась пограничная застава. Внутри ее стен ему бы ничего не угрожало.

Первые две мили он гнал жеребца на предельной скорости. И тот отдал хозяину последние силы. Пена летела из открытой пасти. Грудь стала мокрой от пота. Кикахе было жаль коня, но он не собирался щадить животное, ведь речь шла о его собственной жизни. Кроме того, полукони все равно забили бы жеребца на мясо.

Проскакав две мили, полукони приблизились настолько, что ему удалось определить их племя. Они оказались шойшателями. Эти существа обычно разбойничали в трехстах милях отсюда — около Деревьев Множества Теней. Они выглядели как кентавры из земного мифа, но отличались более крупными формами, а их лица и внешние черты вообще не имели к Греции никакого отношения — то были темные, скуластые и широкие лица степняков. Огромные головы раза в два превосходили по размерам человеческий череп. Их украшали оперенные шапочки и разноцветные ленты. Длинные и черные волосы по традиции народов прерий заплетались в одну или две косы.

Верхний человеческий торс кентавра содержал большой мехоподобный орган, который закачивал воздух в пневматическую систему лошадиной части тела. Он раздувался и опадал под грудной костью, придавая кентаврам причудливый и зловещий вид.

Полуконей создал Ядавин — властитель Многоярусного мира. Он вырастил их тела в своих биолaborаториях и наделил первых кентавров разумом. Для этого Ядавин воспользовался человеческими мозгами, изъатыми у скифских и сарматских кочевников Земли, а также у представителей ахейских и пеласгийских* племен. Некоторые полукони до сих пор говорили на этих языках, но большинство из них постепенно перенимали наречия индейских племен.

Шойшателы упорно преследовали Кикаху. Они почти уверовали в возможность изловить своего смертельного врага. Почти — потому что горький опыт многих степных племен давно рассеял иллюзии о том, что Кикаху можно поймать или, поймав, удержать.

Конечно, шойшателям хотелось захватить его живым, чтобы позже насладиться изошренными пытками. Но они решили убить его по возможности быстрее. Пленение Кикахи потребовало бы от них сдержанности и терпения. А при малейшем промедлении коварный враг мог снова ускользнуть от погони.

Пересев на другую лошадь — черную кобылу с серебристой гривой и белым хвостом, — Кикаха пустил ее в быстрый галоп. Жеребец отстал. Его грудь побелела от пены; он дрожал и задыхался. Вскоре копые полуконя повергло животное наземь.

Рядом пронеслось несколько стрел. Позади, не долетая, падали копыя. Но Кикаха даже не удосужился ответить врагам парой метких выстрелов. Пригнувшись к шее кобылы, он понукал животное криками. Вскоре полукони сократили дистанцию настолько, что копыя и стрелы стали пролетать в опасной близости от него. И тогда на вершине небольшого холма Кикаха увидел сторожевую заставу. Квадратный двор защищала ограда из вкопанных в землю заостренных бревен. Чуть выше ее с каждой стороны выступали крыши блокаузов. В центре форта на высоком шесте развевался тишкветмоакский флаг, где на зеленом фоне алый орел попирает лапами черную змею.

Он увидел часового, который, разглядев орду полуконей, поднес к губам тонкий конец длинного горна. Но

* Пеласги — древнейшее население Греции.

Кикаха не слышал сигнала тревоги — ветер дул от него, а громкий стук копыт заглушал все остальные звуки.

С морды кобылы срывались клочья пены, но она продолжала свой безумный бег. Полукони неотвратимо приближались; стрелы и копья едва не задевали Кикаху. Над головой пролетела бола, три камня которой были связаны в треугольник смерти. Когда ворота заставы открылись и появилась тишкветмоакская кавалерия, его кобыла оступилась, однако собрала последние силы и выровняла бег. Но Кикаха знал, что виной тому не усталость, а стрела, попавшая ей в крестец. Пробив плоть и кожу, наконечник снова вышел наружу. И теперь лошадь уже не могла скакать по-прежнему.

Еще одна стрела вонзилась в ее тело позади седла. Кобыла начала падать: осев на передние ноги, она повалилась на голову. Вовремя выскочив из седла, Кикаха не удержал равновесия и покатился кубарем. Над ним в кувырке пролетело тело лошади. Животное рухнуло наземь и замерло. Кикаха вскочил на ноги и побежал к тишкветмоакам.

Позади него раздался ликующий крик полуконя, и, оглянувшись, Кикаха увидел вождя в оперенном головном уборе. Тот мчался к нему наперерез, потрясая массивным копьем. Кикаха выхватил метательный нож, развернулся и выждал момент, когда кентавр занес копье. Метнув нож, Кикаха тут же отпрыгнул в сторону. Копье пролетело над плечом, едва не задев шею. Метательный нож вонзился в мехоподобный орган, чуть ниже груди кентавра. Полуконь рухнул на всем скаку, сломав при падении кости лошадиных ног и позвоночник человеческого торса. Над головой Кикахи в полуконей полетели копья. Одно из них сразило храбреца, который задумал добиться успеха там, где потерпел поражение вождь. Не рискнув проявить себя в метании, он решил пронзить врага копьем, вложив в удар всю силу своего пятисотфунтового тела.

Когда полуконь упал, Кикаха поднял копье и метнул его в ближайшего кентавра. Наконечник застрял в грудной лошадиного торса. А затем кавалерия, превосходившая полуконей по численности, проскакала мимо него и вступила в рукопашный бой. Кентавров отогнали, но это до-

рого обошлось людям. Поймав лошадь, хозяина которой сразил томагавк полуконя, Кикаха вскочил в седло и поскакал за тишкветмоаками к открытым воротам сторожевой заставы.

— От вас всегда одни неприятности,— сказал ему чуть позже командир гарнизона.

Кикаха усмехнулся:

— Лучше признайтесь начистоту: вам и самим хотелось встряхнуться. Вы же здесь умирали от скуки, разве не так?

Командир улыбнулся и махнул рукой.

Вечером, нанизав на острие копья длинное перо белой цапли, к форту приблизился полуконь. Проявив уважение к символу вестника, командир запретил открывать огонь. Кентавр остановился у ворот заставы и закричал Кикахе:

— Ты снова ушел от нас, Ловкач! Но тебе никогда не удастся вернуться в прерии, потому что мы будем ждать тебя! И не думай, что на Большом торговом пути ты будешь в безопасности! Мы уважаем торговый путь. Любого, кто пойдет по этой тропе, полукони пропустят с миром. Любого, но не тебя, Кикаха! Ты будешь убит! Мы поклялись не возвращаться в свои жилища, к нашим женщинам и детям, пока не убьем тебя!

— Тогда ваши жены найдут других мужей, а дети вырастут, позабыв лица отцов! — прокричал в ответ Кикаха.— Вам никогда не поймать меня, жалкие полуклячи!

На следующий день в форт прибыла смена караула, и многие кавалеристы отправились на отдых в Таланак. Кикаха уехал вместе с ними. Полукони так и не появились. А потом городская жизнь завертела его, и он начисто забыл об угрозах шойшателей. Но однажды ему пришлось вспомнить о них.

Глава 2

Река Ватцеткол начиналась из бокового русла великой Газирит, которая пересекала страну хамшемов в Дракландии на монолите Абхарплунты. Петляя по густым джунглям, она доходила до самого края уровня, врывалась в узкий каньон, прорезанный за столетия в твердой скале,

и падала вниз сплошной стеной воды. Достигая подножия отвесного склона, высота которого равнялась ста тысячам футов, потоки гигантского водопада превращались в водяную пыль. Облака, клубившиеся на середине монолита, скрывали от людских глаз брызги и пену, а основание утопало в стене тумана. И те, кто посмел войти в него, говорили, будто там темнее ночи, а сырость настолько плотна, что мешает дышать.

В миле или двух от скалы монолита сырое марево кончалось, и туман снова конденсировался в воду, возрождая реку. Поток с ревом мчался по узкому руслу среди глыб известняка, а чуть позже расширился и петлял по равнине около пяти сотен миль. Пройдя прямой отрезок протяженностью в двадцать миль, река разветвлялась и, обогнув с двух сторон скалистую гору, вновь сливалась в единое русло. Затем она резко сворачивала на запад и через шестьдесят миль исчезала в огромной пещере, проникая по сети подземных каналов внутрь монолита, на вершине которого находился ярус Америкиндии. Только властитель Вольф, Кикаха и орлицы Подарги знали, где она выходила наружу.

Гора, которую огибала река, состояла из одной сплошной глыбы жадеита.

Создавая эту вселенную, Ядавин выплавил пирамиду в три тысячи футов высотой. Жадеит с примесями нефрита представлял собой умопомрачительную гамму полос яблочно-зеленого, изумрудного, коричневого, розовато-лилового, желтого, голубого, серого, красного и черного цветов с различными оттенками. Ядавин установил пирамидальную скалу на краю Великих прерий и направил русло реки вокруг ее основания.

Тысячи лет жадеитовая гора оставалась неприкосновенной. Лишь птицы гнездились на ней, и рыбы вились у ее подножия среди холодных и скользких водорослей. Когда в этот мир через врата-ловушку пришли предки современных америкиндейцев, они наткнулись на жадеитовую гору и сделали ее своим божеством. Но кочевые племена предпочитали селиться на почтительном расстоянии — как можно дальше от нее.

Чуть позже властитель перенес к жадеитовой горе могучий и цивилизованный народ из древней Мексики. По словам Ядавина (ставшего впоследствии Вольфом), это произошло около тысячи пятисот земных лет назад. Невольные переселенцы могли принадлежать к той цивилизации, которую в современной Мексике считают эпохой ольмеков. Но они называли себя тишкветмоаками. Этот удивительный народ, облюбовав пирамиду, построил деревянные дома и бревенчатые стены вдоль западного и восточного берегов реки. Они дали горе имя своего бога-ягуара, и с тех пор она называлась Таланак.

Кочульти (буквально, дом бога), или, попросту, храм Тошкун — богини письма, математики и музыки, — находился на полпути к пирамидальной вершине ступенчатого города. Портал храма выходил на улицу Общих Благословений и снаружи выглядел довольно невыразительно. Фасад, изображавший лицо Тошкун — птицы-ягуара, — едва выделялся на склоне горы. Как и все другие внутренние помещения города, храм создали и украсили резьбой по камню с помощью притирания и сверления. Жадеит нельзя отколоть или стесать; его можно только сверлить. Но большая часть работы по созданию каменных шедевров искусства делалась с помощью притирания. Трение рождало очарование и полезность.

Для создания храма потребовалось несколько поколений рабов, которые притирали черно-белый жадеит, используя вместо наждака раздробленный корунд, стальные и деревянные инструменты. Рабы выполняли основную черновую работу, а потом за дело принимались мастера и художники. Тишкветмоаки утверждали, что в каждом камне сокрыта форма, выявление которой является праведным делом — тем более если речь шла о городе Таланак.

«Боги прячут, человек находит», — говорили зодчие.

Пройдя в проем двери, который сжимали кошачьи клыки Тошкун, посетитель храма попадал в огромную пещеру. Она освещалась сотней бездымных факелов и солнечным светом, который проникал через отверстия в потолке. За красно-белой жадеитовой перегородкой, высота которой доходила до пояса, стоял хор послушников, облачен-

ных в черные мантии. Их выбритые головы были окрашены в алый цвет. Хор возносил молитвы великой богине Тошкун и властителю мира Оллимамлу.

В каждом из шести углов помещения находился алтарь в форме зверя, птицы или молодой женщины, стоявшей на четвереньках. На поверхности алтарей виднелись изображения картограмм, небольших фигурок животных и абстрактных символов — результат многих лет самоотверженного труда и неутолимой страсти. На одном из алтарей лежал изумруд величиной с голову взрослого мужчины, и история камня имела непосредственное отношение к Кикахе. Откровенно говоря, его терпели в Таланаке только из-за этого изумруда. Однажды камень выкрали из храма, но Кикаха выследил хамшемских разбойников и, догнав их на следующем уровне, вернул изумруд — хотя и не бесплатно. Впрочем, это другая история.

Кикаха находился в библиотеке храма. Огромный зал располагался в глубине горы, и посетители попадали сюда только через общий алтарный зал и длинный широкий коридор. Помещение освещалось солнечным светом, который вливался сквозь шахты в потолке, но в основном здесь пользовались факелами и масляными лампами. Стены сверлили и терли до тех пор, пока не возникло несколько тысяч небольших ниш. Теперь в них хранились тишкетмоакские книги — вернее, свитки из сшитых вместе овчин. К каждому концу свитка крепился цилиндр из черного дерева. Цилиндр в начале книги закрепляли на высокой жадеитовой раме, и человек, стоя перед ней, разматывал свиток в процессе чтения.

Кикаха устроился в самом освещенном углу помещения — как раз под отверстием в потолке. Одетый в черное, жрец Такоакол объяснял Кикахе значение некоторых картограмм. Во время прошлого визита Кикаха усердно изучал письменность тишкетмоаков. В тот раз ему удалось запомнить только пятьсот рисунков-символов, а для беглого чтения требовалось знать по крайней мере пару тысяч.

Такоакол многозначительно поднял палец, выкрашенный в желтый цвет, и постучал длинным ногтем по сим-

волу дворца могущественного миклосимла — императора тишкветмоаков.

— Подобно дворцу властителя, который стоит на вершине самого верхнего уровня мира, дворец миклосимла венчает высочайший уровень Таланака, величайшего из городов мира.

Кикаха ему не возражал. Когда-то столица Атлантиды — страны, занимавшей внутреннюю часть предпоследнего по высоте уровня, — в четыре раза превосходила Таланака по численности жителей и своему великолепию. Но прежний властитель разрушил ее, и теперь руины прекрасного города заселили летучие мыши, птицы и ящерицы.

— Но там, где у мира пять уровней, — продолжал жрец, — Таланак имеет трижды по трижды три уровня, или улицы.

Жрец поднял руки к груди, сложил кончики пальцев в молитвенном жесте и, прикрыв раскосые глаза, нараспев произнес проповедь о магических и теологических свойствах тройки, семерки, девятки и цифры двенадцать. Кикаха не прерывал его, хотя и не понимал большую часть особых технических терминов.

И тут из коридора до него донесся странный лязгающий звук. Он прозвучал лишь раз, но Кикахе хватило и этого. Тот, кто знаком с наукой выживания, не нуждается во втором предупреждении. Жизнь в диком и жестоким мире пропитала его тело раствором разумного беспокойства. И наверное, поэтому даже в моменты отдыха и любовных утех он всегда сохранял бдительность и готовность к действию. Останавливаясь в каком-нибудь месте, будь это даже безопасный и сотни раз проверенный дворец властителя, он неизменно проверял сначала все возможные пути отхода и укрытия для засад.

Вот и сейчас он знал, что в этом городе и особенно в святилище храмовой библиотеки ему не может угрожать никакая опасность. Но сколько раз в его жизни случалось так, что причин для беспокойства не было, а опасность вдруг грозила превратиться в неотвратимую смерть.

Слабое позвякивание повторилось. Кикаха, забыв извиниться за свое поведение, быстро побежал к сводчатому проходу, из которого доносился странный и зловещий

шум. Многие жрецы в черных мантиях смотрели ему вслед, оторвав взоры от конторок с наклонными крышками, на которых они рисовали новые свитки. Послушники и ученики косились на него из-за книг, висевших перед ними. Кикаха выглядел как состоятельный тишкветмоак. Куда бы его ни забрасывала судьба, он старался во всем походить на местных жителей. Но, несмотря на загар, белая кожа отличала его даже от самого светлого из них. Кроме того, Кикаха носил на поясе два ножа, и одно это уже выделяло его в среде духовенства. Он первый, кроме самого императора, посмел войти в храм при оружии.

Такоакол окликнул его и спросил о причине беспокойства. Повернувшись к нему, Кикаха приложил палец к губам, но жрец начал выкрикивать язвительные насмешки. Кикаха пожал плечами. Конечно, дело могло кончиться тем, что его посчитают чужаком или чрезмерно подозрительным к посетителям. Такое случалось уже много раз в других местах. Но это его не волновало.

Едва он подошел к сводчатой арке, как раздалось новое позвякивание, а затем какое-то легкое поскрипывание. Звуки походили на медленные или, вернее, осторожные шаги людей, облаченных в латы. Причем люди в коридоре явно не принадлежали к тишкветмоакам. Местные воины носили доспехи из стеганой одежды, а она не могла так лязгать. У них имелось стальное оружие, но брентание ножен отличалось от звуков, которые он теперь слышал.

Кикаха хотел отступить через библиотеку и скрыться в проходе, который выбрал заранее. В тени арочного проема он мог бы наблюдать за всеми, кто входил в библиотеку.

Но, не устояв перед желанием рассмотреть незваных гостей, Кикаха отважился выглянуть из-за угла.

В двадцати футах от себя он увидел человека, с ног до головы облаченного в стальные доспехи. Позади него попарно шагали четверо рыцарей и около тридцати солдат, лучников и меченосцев. Воинов могло оказаться гораздо больше, потому что цепочка людей уходила за поворот коридора. Сколько раз в жизни Кикахе приходилось удивляться, пугаться и переживать потрясения. Но

никогда еще его реакция не была такой заторможенной, как теперь. Несколько секунд он не мог даже шевельнуться, и только потом ледяная корка оцепенения начала понемногу таять.

Он узнал этого высокого рыцаря во главе отряда, чье лицо виднелось сквозь открытое забрало шлема. Им оказался король Эггесхайма — Эрих фон Тарбет.

Но он и его люди не могли находиться на этом уровне! Они жили в Дракландии, на следующем ярусе планеты. Их горное плато располагалось на вершине монолита, который возносился выше облаков. Кикаха, известный в Дракландии под именем барона Хорста фон Хорстманна, гостил несколько раз у короля фон Тарбета и однажды сбросил его с коня в рыцарском поединке.

В принципе он мог бы допустить появление короля и его людей на уровне Американдии, хотя для этого им пришлось бы спуститься вниз по отвесной скале монолита, высота которого составляла сто тысяч футов. Однако их вторжение в город вообще не поддавалось объяснению. Никто не мог пройти незамеченным через своеобразные оборонительные рубежи города. Правда, Кикахе это однажды удалось, но тогда он шел сюда один.

Сбросив оцепенение, Кикаха развернулся и побежал. Он понял, что тевтоны могли попасть в город только через ворота, которые обеспечивали мгновенный переход из одного места в другое. Но как они их нашли? Даже тишкетмоаки не знали о воротах, ведущих в Таланак. Никто из посторонних не мог бы догадаться об их существовании. Ими пользовались только властитель Вольф, его супруга Хрисеида и Кикаха — вернее, они знали, как ими пользоваться.

И все же тевтоны ворвались в город. Как они нашли ворота и почему прошли через них в Таланак — на эти вопросы предстояло ответить позже — если, конечно, у Кикахи появится такая возможность.

На Кикаху накатила волна паники, но он тут же отогнал ее прочь. Вторжение тевтонов могло означать только одно — этим миром овладел неизвестный властитель. Он послал людей в погоню за Кикахой, слолив сопротивление.

ление Вольфа и Хрисеиды. Следовательно, они либо убиты, либо бессильны что-либо сделать и нуждаются в его помощи. Ага! Значит, им снова нужна его помощь! И он опять должен убегать, спасая свою жизнь!

В городе находилось трое врат. Первая пара располагалась в храме Оллимамла — на самой вершине Таланака, рядом с дворцом императора. Одни из них были довольно крупными. Очевидно, ими и воспользовались люди фон Тарбета, если они двинулись такими силами. А тевтоны должны располагать большими силами, иначе им никогда не одолеть отрядов гарнизона, фанатичных горожан и многочисленных телохранителей императора.

Если только завоеватели не пленили каким-то образом императора, подумал Кикаха. Тишкветмоаки будут подчиняться приказам своего правителя в любом случае — независимо от того, диктует он их сам или повторяет слова захватчиков. Но это не может длиться долго. Народ Таланака — люди, а не муравьи, и они в конце концов должны взбунтоваться. Горожане почитали императора как воплощение бога и второе лицо после всемогущего создателя Оллимамла, но еще больше они любили жадеитовый город и уже дважды в своей истории совершали убийство богоподобных миклосимлов.

Кикаха стремительно приближался к проходу на противоположной стороне огромного зала. А в библиотеку уже входили завоеватели. Возгласы удивления и последовавшие за этим крики заставили его бежать еще быстрее. Кричали в основном жрецы. Среди возгласов ужаса и негодования Кикаха услышал отборную брань дракландских воинов, которые говорили на языке средневековой Германии. Лязг мечей и доспехов смешался с криками и мольбой.

Кикаха надеялся, что дракландцы воспользовались только одним коридором. Если они перекрыли все выходы из зала библиотеки... Но нет, это просто невозможно. Насколько он знал, арочный проход, к которому он приближался, шел куда-то в глубь горы. Проход мог пересекать и другие коридоры, но ни один из них не выходил наружу. Так ему говорили жрецы. Возможно, по каким-

по причинам они обманули его или непреднамеренно ввели в заблуждение, не разобрав искаженную речь Кикахи на тишкветмоакском языке.

Лгали они ему или говорили правду, он выбрал этот путь. Единственная проблема заключалась в том, что коридор заканчивался где-то в глубине горы.

Глава 3

Библиотека занимала огромное помещение. Чтобы создать этот зал, пятьсот рабов высверливали его по двадцать четыре часа в сутки в течение двадцати лет. Расстояние между двумя противоположными арками составляло около ста восьмидесяти ярдов. Вбежавшие в библиотеку захватчики могли выстрелить в Кикаху в любой момент.

Зная это, Кикаха бежал зигзагами. Достигнув арки, он прыгнул вперед и в кувырке преодолел проход. Просвистев над его головой, несколько стрел отрикошетили от каменной стены и заскользили по плитам пола. Кикаха вскочил на ноги и помчался по коридору. Свернув за поворот, он резко остановился. Мимо него быстрым шагом прошли два жреца. Они заметили его, но ничего не сказали. А когда их слух пронзили ужасные крики, жрецы, забыв о нем, побежали на шум голосов. Лучше бы они бежали в другом направлении, подумал Кикаха. Судя по стонам и воплям, дракландцы устроили в библиотеке настоящую резню.

Однако эта пара жрецов могла наткнуться на его преследователей и тем самым задержать их на несколько секунд. Конечно, жаль жрецов, но не его вина, если их убьют. Впрочем, он мог бы рассказать им об опасности. Но Кикаха не собирался тратить время и предупреждать посторонних ему людей, когда молчание могло помочь ему оторваться от погони.

Он снова побежал. Сворачивая в проход, который шел под углом в сорок пять градусов, Кикаха услышал позади крики. Он остановился и снял с подставки горевший факел. Подняв его повыше, Кикаха осмотрел потолок. В двадцати футах над его головой находилось круглое отверстие. Свет оттуда не проникал, а значит, вентиляцион-

ная шахта где-то изгибалась перед тем, как стыковаться с другой, догадался Кикаха.

Таких шахт в горе насчитывалось около тысячи. Каждая из них была более трех футов в диаметре, иначе рабы, сверлившие шахты и туннели, просто не могли бы работать.

Мысль о шахте понравилась ему, но, не имея под рукой ни лестницы, ни шеста, Кикаха, к своему великому огорчению, отказался от нее.

Услышав скрежет металла о камень, Кикаха забежал за поворот и прижался к стене. Плававший факел впился в лицо первого дракландца. Лучник закричал и, отшатнувшись, сбил с ног второго солдата, который следовал за ним. Конические стальные шлемы со звоном покатались по каменным плитам пола.

Кикаха пригнулся, метнулся вперед и, используя солдата с обожженным лицом как прикрытие, выхватил из ножен дракландца длинный меч. Прижав к лицу обе руки, ратник кричал, что ему выжгли глаза. В это время поднялся тот солдат, которого сбили с ног. Его фигура помешала лучникам открыть стрельбу. Кикаха выпрямился, рассек мечом незащищенную голову воина, а затем, пригнувшись, убежал за поворот.

Лучники упустили момент. Стрелы попали в каменную стену. Кикаха вбежал в большое складское помещение. Здесь хранилось множество ценных предметов, но его интересовали только длинные раздвижные лестницы, которые использовались в библиотеке. Он поднял одну из них и приставил верхний конец к краю шахты в потолке. Прислонив к нижним ступенькам дракландский меч, Кикаха схватил другую лестницу и побежал по коридору к следующей двери. Оказавшись в новом проходе, он остановился под отверстием шахты и, воспользовавшись лестницей, начал взбираться по вертикальному туннелю. Прижимаясь спиной к одной стене шахты и упираясь ногами в другую, Кикаха медленно поднимался вверх.

Он надеялся, что первая лестница и меч под ней введут в заблуждение его преследователей. Пуская стрелы в темное отверстие, они потеряют время. И когда до них дойдет, что он не собирается падать вниз, как медведь

из душла, они, возможно, начнут шевелить мозгами. Скорее всего дракландцы подумают, что он успел добраться до изгиба шахты. Кому-то из них прикажут подняться по туннелю и продолжить погоню. Но какими бы проворными ни оказались солдаты, им придется задержаться, чтобы снять тяжелые кольчуги, броню, гамаши и стальные шлемы.

Хотя если они действительно умны, кое-кто сможет раскусить его трюк. И тогда солдаты начнут осматривать коридоры, ведущие в глубь горы. А значит, они скоро окажутся под этим отверстием, и стрелы пронзят тело несчастного беглеца.

Мысль о подобной кончине подстегнула Кикаху, и он стал карабкаться еще быстрее. Он поднимался вверх на несколько дюймов, прочно упирался ногами в стену, а затем распрямлял колени. Переставив ногу выше, он преодолевал следующие пять-шесть дюймов; спина скользила вдоль стены, и только потом поднималась вторая нога. Хорошо, что жадеитовые стены оказались гладкими и скользкими, а не такими твердыми, как сталь, и шероховатыми, как скала или дерево. Поднявшись на двадцать футов — а это означало возможное падение с высоты сорока футов, — он достиг шахты, которая шла под прямым углом, то есть горизонтально полу.

Кикаха изогнулся и, вытянув шею, взглянул вниз. Под ним по-прежнему была лишь лестница, приставленная к краю вертикальной шахты. Снизу не доносилось ни звука. Он подтянулся вверх и забрался в горизонтальное ответвление.

В этот момент до него донесся слабый голос. Очевидно, дракландцы попались на его хитрость. И теперь они либо поднимались вверх по первой шахте, либо, одолев ее, ползли по тому же горизонтальному туннелю, что и он.

Кикаха решил охладить их пыл. Если он как-то обнаружит себя, они полезут за ним или — что еще хуже — окажутся под ним. Солдаты в шахте могут передать друг другу по цепочке луки и стрелы и подстрелить его без всякой опасности для себя.

Пытаясь определить направление той шахты, к которой он приставил первую лестницу, Кикаха добрался до

соединения, где три горизонтальных туннеля встречались с одним вертикальным. В проходе стало гораздо светлее. Быстро проскочив мимо отверстия в полу, он приблизился к освещенному месту, осторожно заглянул за поворот и увидел тевтона, сидевшего спиной к нему. Солдат как раз принимал факел, который ему передали из вертикальной шахты. Мужчина в отверстии бранился и жаловался, что факел опалил его, а ратник, сидевший на краю горизонтального туннеля, свирепо шикал и шептал, что им следует соблюдать тишину.

Поднимавшиеся воины сняли латы и оставили внизу все оружие, кроме кинжалов в ножнах. Солдат на лестнице передавал им луки и колчаны стрел. Люди в вертикальной шахте по цепочке поднимали оружие вверх. Кикаха подумал, что на их месте он сначала послал бы в горизонтальный туннель шестерых или семерых надежных воинов, предотвращая тем самым возможность нападения со стороны беглеца.

Он хотел наброситься на этого единственного пока солдата, но решил подождать, когда тому передадут все оружие, которым тевтоны планировали воспользоваться во время погони. И так лук за луком, колчан за колчаном, мечи и даже латы передавались наверх, а солдат, сидевший у края отверстия, складывал их рядом с собой. Кикаха недоумевал: неужели они не понимали, что латы будут затруднять их движения и дадут беглецу преимущество? К тому же в тяжелых кольчугах и нательной одежде им придется задыхаться и потеть. Он понимал, что единственной причиной, по которой солдаты ташили весь этот скарб, было строгое соблюдение устава. Если правила предписывали ношение лат в каждой боевой операции, то доспехи надевались независимо от того, требовала этого обстановка или нет.

Солдат, поднимавший оружие, и люди, висевшие в шахте, ругались шепотом. Кикаха едва различал их голоса. Очевидно, они боялись вызвать нарекания офицеров, которые стояли внизу.

На полу туннеля лежало уже тридцать пять луков и столько же колчанов, мечей, шлемов и кольчуг. Значит, около этой шахты солдат собралось больше, чем Кикаха

видел в коридоре рядом с библиотекой. А ведь какое-то количество воинов должно остаться внизу, и в том числе офицеры, которым не захочется тратить время и силы, снимая с себя стальные пластины и кольчуги. Солдат, сидевший в туннеле, и офицер, стоявший внизу, стали перекрикиваться. Видимо, им не приходило в голову передавать свои сообщения через людей, находившихся в шахте. Как выяснилось, человек в туннеле был шликрумом. (Это местное туземное слово, заимствованное германскими завоевателями с Земли, обозначало у дракландцев чин сержанта.)

Кикаха внимательно слушал, надеясь узнать о планах врага. Тевтоны могли воспользоваться и другими шахтами. Они могли загнать его в ловушку или спокойно расстрелять из-за угла. Тем не менее разговор касался иных тем, и Кикаха остался при своих опасениях. Он настороженно оглядывался и вел себя как птица, заметившая ко-та, хотя пока ничто не предвещало появления дракландцев. Шликруму тоже не помешала бы такая бдительность, но он, очевидно, чувствовал себя в полной безопасности.

И это чувство его подвело. Когда сержант согнулся, подавая руку ближайшему ратнику в шахте, Кикаха вогнал свой нож в его правую ягодицу. Шликрум закричал и упал головой вперед в отверстие. Кикаха пинком подбавил ему скорости. Раненый сержант повалился на солдата, который пытался выбраться из шахты; они оба рухнули на следующего воина; вскоре десять тевтонов с пронзительными криками вывалились из отверстия в потолке. Они падали друг на друга, и звуки ударов становились глуше по мере того, как росла куча тел. Шликрум, упавший последним, растянулся на верху живой пирамиды. Несмотря на рану, он пострадал намного меньше остальных. Скатившись на пол, сержант попытался встать, но не удержался на ногах и, упав рядом с телами товарищей, так и остался лежать, издавая тихие стоны.

Офицер в тяжелых доспехах рыцаря с лязгом подошел к нему и нагнулся, намереваясь спросить, что случилось. Из-за шума внизу Кикаха не мог расслышать слов, а потому решил заняться стрельбой из лука. Позиция оказалась

неудобной, однако он научился стрелять под любым углом, и стрела, как всегда, угодила в цель. Попад в щель между плечевой и шейной пластинами, она вонзилась в плоть. Рыцарь рухнул наземь, придавив собой раненого сержанта. Кикаха заметил на спине офицера серебристый ранец, пристегнутый к доспехам ремнями. Он никогда не видел ничего подобного, но, к сожалению, на любопытство уже не оставалось времени.

Солдаты, взявшиеся было уносить раненых и убитых, побросали своих товарищей и разбежались, спасаясь от стрел. Послышался шум голосов, но после окрика офицера наступила тишина. Кикаха узнал голос фон Тарбета. И тогда он вдруг понял, что означало это вторжение или, вернее, дикая охота за его головой.

Фон Тарбет был королем независимого государства Эггесхайм — горной страны с населением около шестидесяти тысяч человек. Кикаха, проживавший в Дракландии под именем барона Хорста фон Хорстманна, одно время поддерживал с ним дружеские отношения. И их дружба продолжалась до тех пор, пока он не одолел короля в турнире на копьях. А когда фон Тарбет застиг в объятиях барона свою дочь, невинную принцессу, его недовольство переросло во враждебность. Король как бы ненароком, но довольно ясно дал понять придворным, что не будет мстить за смерть фон Хорстманна, если кто-то убьет его в стенах замка фон Тарбета. Узнав об этом, Кикаха тут же скрылся, а позже, поддерживая репутацию барона-разбойника, ограбил торговый караван, направлявшийся в Эггесхайм. Затем появились гворлы и Арвур. Кикахе пришлось забыть о титуле и замке. Спасая жизнь, он бежал на уровень Америкиндии. И с тех пор прошло уже несколько лет.

И все же вряд ли фон Тарбет пошел на такой риск ради мести Кикахе. А главное, откуда он узнал, что Кикаха здесь? Кто мог ему сказать, что Кикаха и есть фон Хорстманн? Допустим, по стечению невероятных обстоятельств он обнаружил врата и раскрыл способ их применения. Но почему тогда король вторгся в Таланак — самый неприступный город планеты? Слишком много вопросов оставалось без ответа.

Какое-то время спустя послышались тихие голоса и топот кожаных сапог. Конец лестницы отодвинулся от края отверстия, а потом ее вообще убрали. Кикаха понял, что тевтоны решили забраться наверх по другим шахтам. Конечно, многие из них остались без доспехов и оружия. Он задумчиво взглянул на груды амуниции у своих ног. Но фон Тарбет мог послать за подкреплением. И поэтому Кикаха решил убраться.

Увидев раненого воина, который выбирался из-под тел упавших солдат, Кикаха выпустил в него стрелу. Потом быстро выстрелил еще в пятерых, поскольку любой из оставшихся в живых со временем может стать его потенциальным убийцей. В течение пяти минут он переходил из туннеля в туннель, двигаясь то вправо, то влево. Трижды он замечал солдат, пробиравшихся вверх по шахтам, и посылал стрелу в переднего ратника. Дважды он стрелял через отверстия в людей, проходивших по коридорам.

Но Кикаха знал, что, как бы он ни старался, ему не перекрыть всех шахт. А короля дракландцев не устрашат потери. В шахты, которые он очистил от солдат, вновь лезли ратники — свет факелов и голоса указывали на то, что по ним поднимались новые и новые воины. Кикаха отбросил лук и колчан, оставив себе только ножи. Отыскав очередную вертикальную шахту, он начал карабкаться вверх. Он надеялся найти место, где отверстие шахты выходило наружу. И там, на склоне горы, выше улицы Общих Благословений, он мог бы попытаться скрыться.

Однако фон Тарбет наверняка учел эту возможность и, конечно же, послал лучников на верхние и нижние улицы.

Если бы удалось сбить солдат со следа, затеряться в путанице туннелей и дожидаться темноты, Кикаха мог бы спуститься ночью по жадеитовому склону горы. Во многих местах ее покрывали выступы барельефов и орнаментов. Он мог бы добраться по ним до самой реки.

Кикаху томила жажда. Увлечшись изучением тишкетмоакских символов, он ничего не пил с самого утра. А теперь потрясение, бой и бегство иссушили его, как лист гербария. Небо покрылось толстыми сталактитами

густой слюны; казалось, что в горле перекачивалась пустынная галька, раскрошенная копытами верблюдов.

В случае необходимости он мог бы перебиться без воды остаток дня и всю следующую ночь. Но это ослабило бы его. Следовательно, требовалось раздобыть воду. А поскольку существовал только один способ получить ее, Кикаха не долго мучился с выбором пути.

Он ползком вернулся к шахте, по которой только что карабкался вверх. И тут его осенило. Он даже улыбнулся. Да что это на него нашло? Неужели потрясение оказалось настолько сильным, что он лишился хитрости и нетрадиционного мышления? Надо же! Он едва не упустил свой шанс на спасение. Конечно, идея была абсолютно безумной, но ее ненормальность служила Кикахе лучшей рекомендацией и делала успех весьма вероятным. Если только еще не слишком поздно...

Без труда спустившись вниз, он добрался до груды доспехов. Солдаты больше не поднимались по этой шахте; видимо, теперь они предпочитали более удаленные проходы. Кикаха снял с себя тишкетмоакскую одежду и, засунув ее в кольчугу, спрятал в куче. Он торопливо надел доспехи, но долго не мог найти подходящей блузы и шлема. Наконец, разобравшись со снаряжением, он склонился над отверстием и окликнул солдат внизу. Кикаха в совершенстве умел имитировать чужую речь, и, хотя прошло несколько лет с тех пор, как он слышал эггесхаймский диалект, ему довольно легко удалось воспроизвести требуемые интонации.

Солдаты, затаившиеся внизу, заподозрили обман. Они, как оказалось, имели на плечах не только шлемы, но и головы. И все же им не хватило ума, чтобы до конца разобраться в происходящем. Они подумали, что Кикаха пытается заманить их в зону обстрела.

— Ikh'n d'untershlikrum Hayns Gimbat! — прокричал он. — Я капрал Хейнц Чимбет!

Имя «Хейнц» считалось самым распространенным в Дракландии, а фамилию «Чимбет» вполне мог носить уроженец Эггесхайма, где почти все фамилии оканчивались на «бет». Среди низших классов Дракландии, где поощрялись смешанные браки германцев и туземцев, Чимбе-

ты встречались в каждой захудалой деревушке. Поэтому Кикаха не сомневался, что в отряде штурмовиков найдет-ся несколько солдат с такой фамилией.

В секторе обзора появился сержант. Пристально всматриваясь в ствол шахты, он громко спросил:

— Vo iss de trickmensch? Где Ловкач?

— E n'iss hir, nettrlikh. Ikh hap durss, — ответил Кикаха. — Где угодно, только не здесь. А меня мучает жажда.

— Frakk zu fyer de vass? — взревел сержант. — Ты про-сишь воды? В такое время? Shaysskopp!

Искренняя просьба, вызвав возмущение сержанта, тем не менее сняла с Кикахи все подозрения. Пока сержант бушевал, оба конца туннеля озарились светом факелов, возвещавших о приближении солдат, которые благополучно выбрались в горизонтальный проход. Заметив среди прибывших ратников офицера, Кикаха отошел от отверстия шахты и поспешил к нему с докладом. Этому рыцарю пришлось-таки снять доспехи. Очевидно, фон Тарбет решил возложить руководство погоней на одного из своих офицеров.

Кикаха даже узнал его. Это был барон фон Дибрис, правитель небольшого княжества у границы Эггесхайма. Он приезжал к королю на несколько дней, когда там го-стил Кикаха.

Пригнув голову, чтобы оставить часть лица в тени, лжекапрал повысил голос на пол-октавы. Фон Дибрис вы-слушал его, но не удостоил своим вниманием. Перед ним стоял безликий низкородный солдат, вот и все. Кикаха доложил, что Ловкач бесследно исчез. И еще он поспешил добавить, что сержант внизу отказался подавать наверх воду, посчитав эту просьбу безрассудной.

Барон, облизав пересохшие губы, не согласился с мнени-ем сержанта. И вскоре ратники, стоявшие на лестни-цах, подняли привязанные к шестам бутылки с водой. По-лучив свою порцию, Кикаха попытался отползти назад, чтобы скрыться с глаз рыцаря. Он надеялся спуститься в коридор и под шумок покинуть помещения храма. Однако фон Дибрис нарушил его планы, приказав разведать путь до следующего горизонтального уровня. Барон обругал его и заставил снять доспехи. Стягивая кольчугу, Кикаха при-

готовился нанести удар: без шлема и лат его должны были узнать с первого взгляда. К счастью, барон интересовался только поисками варвара-убийцы.

Кикахе не терпелось задать несколько вопросов. Но его любопытство вызвало бы новые подозрения, поэтому он решил вести себя тихо. И он покорно лез вверх по шахте, а затем передавал луки, колчаны и длинные мечи. После этого отряд разделился на две части, и обе группы разошлись в противоположных направлениях. Через какое-то время они снова встретились и, немного передохнув, полезли выше.

В туннелях, которые они оставляли внизу, становилось светло и шумно. По шахтам взбирались все новые и новые люди. Кольцо облавы неудержимо сжималось. Фон Тарбет, или тот, кто командовал вторжением, прекрасно владел обстановкой и не щадил сил многочисленных солдат.

Кикаха оставался в той же группе воинов. Никто из них его не знал, так что проблем не возникало. Когда им встречались другие группы, Кикаха старался помалкивать. Как и многие другие ратники, он не расставался со шлемом — тем более что барон фон Дибрис не приказывал его снимать.

Шахты сузились. Двигаться стало значительно труднее. Люди перешли на гусиный шаг, и отряд вытянулся в одну длинную цепь. Солдаты находились в хорошей форме, но подобный вид передвижения вызывал дрожь в ногах и боль в спине. Хотя Кикаха и не испытывал таких мук, он тоже жаловался и ругался, стараясь ничем не отличаться от других.

Могло показаться, что прошло несколько часов, но на самом деле поиски длились около восьмидесяти минут. Наконец их группа из шести человек пробралась в большое круглое помещение. В противоположной стене имелось круглое отверстие, выходившее наружу. Подойдя к необычному окну, солдаты подставляли ветру разгоряченные лица и смотрели вниз. У подножия горы стояли войска, а на улице Общих Благословений виднелась группа рыцарей. С высоты они казались маленькими фигурками, но их гербы и вымпелы говорили о многом. Кикаха

узнал флаги и униформу Эггесхайма. Тут же реяли знамена дюжины королевств и нескольких баронатов.

Повсюду лежали тела убитых и раненых. Очевидно, бои между тевтонами и таланацким гарнизоном перешли в другой район — на самые верхние ярусы города.

Далеко внизу протекала река. По двум мостам, которые мог видеть Кикаха, прокатывались потоки беженцев, спешивших уйти на окраины и в старый город.

Чуть позже с верхней улицы по длинному пологому спуску проскакал верховой тишкветмоак. Он остановился перед фон Тарбетом, который к тому времени вышел из храма. Король вскочил на лошадь и, оправив мантию, позволил вестнику заговорить. Голову тишкветмоака украшал роскошный убор из длинных, изогнутых белых перьев; на нем была алая накидка и зеленые гамаши. По-видимому, он являлся важным должностным лицом при императоре. Вельможа докладывал о чем-то фон Тарбету, а это означало, что император находился в плену.

Если бы Кикахе удалось удрать, он вряд ли нашел бы укрытие в городе. Жители Таланака покорно подчинялись приказам правителя, и если закон обязывал их докладывать о появлении Кикахи, они будут делать это как истинные патриоты.

Один из солдат заговорил о награде, обещанной тому, кто даст информацию, способствующую поимке Кикахи, — десять тысяч дракнеров, титул, баронат Хорстманна, его замок, земли и подданных. Если же награду заслужит простолюдин, он и его жена будут причислены к знати. Денег предлагалось больше, чем король Эггесхайма получал за два года от сбора пошлины.

Кикахе хотелось узнать о судьбе его бывшей жены Лизы фон Хорстманн и его друга фон Листбета, который владел баронатом все это последнее время. Но, почувствовав тошноту при мысли об их возможной участи, он счел лучшим оставаться в неведении.

Кикаха высунулся из окна, чтобы глотнуть свежего воздуха, и его внимание привлек человек, которого он уже видел второй или третий раз. Этот рыцарь всегда находился позади фон Тарбета, сжимая в одной руке меч и держа в другой металлический ранец. Теперь он сопровож-

дал фон Тарбета на улице, и, когда король возвращался в храм, за ним, едва не наступая на пятки, шел рыцарь с серебристым ранцем.

Очень странно, подумал Кикаха. События последнего дня напоминали ему дикий и кошмарный сон. Он никак не мог понять, что же здесь происходит. Но одно Кикаха знал наверняка: Вольфа лишили власти над этим миром, иначе такого бы не случилось. А значит, он либо мертв, либо захвачен в плен в собственном дворце. Возможно, ему приходится скрываться в этой или другой вселенной.

Вскоре капрал приказал группе возвращаться назад. Ратники снова обследовали все шахты их сектора. Когда они спустились в коридор, голод, жажда, жара и усталость валили их с ног. Самочувствие солдат еще больше ухудшилось от злобных нападков и проклятий офицеров. Рыцари не могли поверить, что Кикахе удалось сбежать. Фон Тарбет был вне себя от гнева. Он переговорил с офицерами, уточнил планы, а затем приказал возобновить поиски. Во время передышки ратникам раздали бутылки с водой, твердые сухари и полоски сушеного мяса. Кикаха сидел у стены среди других солдат и говорил только тогда, когда к нему обращались. Воины в его группе служили вместе и хорошо знали друг друга. Но никто из них даже не поинтересовался, из какого взвода чужак, — все слишком устали, чтобы о чем-то говорить или надоедать вопросами.

Поиски прекратились только через час после наступления сумерек. Офицер объявил, что Ловкач никуда от них не денется. Все мосты перекрыты, и потоки беженцев возвращены обратно в город. Каждый мост охранялся многочисленными постами, а другой берег реки прочесывали патрули. Кроме того, в городе начались повальные обыски домов.

И солдаты поняли, что поспать им этой ночью не удастся. Сутки на ногах из-за какого-то смутяна и мошенника! К тому же офицер сказал, что, если Кикаху не найдут, поиски будут продолжаться весь следующий день и всю следующую ночь.

Солдаты не протестовали. Они знали, что любое недовольство карается побоями, а затем кончается кастра-

цией или петлей на шее. Но среди своих они болтали о многом, и Кикаха внимательно слушал длинные разговоры, стараясь извлечь интересовавшие его сведения. Эти крепкие закаленные воины воспринимали свою тяжелую долю как должное. Они привыкли подчиняться и не задумываясь выполнили бы любой, даже бессмысленный приказ.

Их колонна шла по улицам города, печатая твердый шаг; из уст солдат рвались безмолвные крики от боли в бедрах. Кикахе удалось пристроиться в задний ряд, и, когда взвод свернул на темную и безлюдную улицу, он скрылся в нише одного из дверных проемов.

Глава 4

Дверь, рядом с которой он стоял, так просто снаружи не открывалась. Жители Таланака запирали дома изнутри на большие засовы, защищая себя и свое имущество от воров и преступников, которые царствовали в городе по ночам.

Там, где есть цивилизация, всегда находятся и воровы. И в данный момент Кикаха решил воспользоваться этим обстоятельством. Во время предыдущего визита в Таланак он преднамеренно сблизился с пятью-шестью представителями преступной среды. Эти люди знали множество скрытых ходов, которые вели в город и из него, а Кикаха интересовался ими на тот случай, если ему когда-нибудь придется бежать, спасая свою жизнь. Преступники, с которыми он познакомился — в основном контрабандисты, — оказались интересными людьми. Но никто из них не мог сравниться с прекрасной Клататол. У нее были длинные и блестящие черные волосы, большие карие глаза, густые ресницы, гладкая кожа с бронзовым оттенком и пышная фигура, хотя, как и большинство тишкветмоакских женщин, ее немного портили широкие бедра и толстые икры. Но Кикаха редко требовал совершенства от других людей. Он знал, что небольшая асимметрия являлась фундаментом истинной красоты.

Став любовником Клататол, он продолжал ухаживать за дочерью императора. Постепенно двойная жизнь за-

путала его окончательно, и тогда, по любезным просьбам брата императора и шефа полиции, он покинул гостеприимный Таланак. Ему разрешили возвратиться в любое время, но только после того как дочь императора выйдет замуж и скроет лицо под чадрой, как того требовал обычай благородной знати. Кикаха уехал, так и не простившись с Клататол. Он отправился на восток, в одно из небольших независимых государств, которое называлось Кватслслет. Когда-то давно его покорили тишкветмоакские войска, и оно до сих пор выплачивало Таланаку дань. Тем не менее этот цивилизованный народ* сохранил свои традиции и довольно своеобразную культуру. Чуть позже Кикаха узнал, что дочь императора, следуя традиции, вышла замуж за своего дядю. Он мог бы вернуться в жадеитовый город, но тоска погнала его прочь, и Кикаха уехал к хровакам — «медвежьему народу» — в далекие горы у границы Великих прерий.

И вот теперь он решил пробраться к дому Клататол, чтобы выяснить, может ли она тайно вывести его из города... И захочет ли она помочь ему после их ссоры, подумал он. В последний раз при встрече она попыталась убить его. Но даже если Клататол уже простила ему прежнюю измену, она могла рассердиться вновь, узнав, что он вернулся в Таланак, но ни разу не захотел с ней встретиться.

— О, Кикаха! — прошептал он. — Ты считаешь себя умным и ловким, но всегда остаешься в дураках! К счастью, я единственный, кто знает об этом. И каким бы болтуном меня ни называли, я никому не расскажу о моем великом секрете!

Появилась луна, но не серебряная, как на Земле, а зеленая, как сыр, из которого, по словам юмористов-фольклористов, она и сделана. Превышая в два с половиной раза размеры земной луны, она важно шествовала через беззвездное черное небо, разливая серебристо-зеленый свет по жадеитовой дороге с белыми и коричневыми прожилками.

* В первой главе Филип Фармер пишет, что тишкветмоаки были единственным цивилизованным народом на этом уровне.

Небесное светило медленно двигалось в вышине, и его свет, как упряжка, которую тащили мыши, вытягивался вперед и все ближе подбирался к нише, в которой прятался беглец.

Кикаха взглянул на луну, и ему захотелось оказаться на ней. Они с Вольфом бывали на ее поверхности много раз, и если бы ему удалось добраться до маленьких врат, спрятанных на верхнем ярусе Таланака, он мог бы вновь вознестись туда. Но фон Тарбет, очевидно, знал о существовании малых врат. В любом случае это следовало выяснить наверняка. Одни из врат находились в святилище храма тремя улицами выше подножия горы; другие располагались почти у вершины города.

К тому времени захватчики перекрыли все улицы и начали обход домов на нижнем уровне. Зная, что Кикаха скрывается где-то в городе, тевтоны решили оттеснить беглеца на верхние улицы и гнать до тех пор, пока он не нарвется на мощную цепь солдат, которая размещалась двумя уровнями ниже дворца. Все улицы до завершения облавы предполагалось изредка патрулировать небольшими отрядами ратников. На большее у фон Тарбета не хватало людей.

Кикаха выбрался из ниши, перешел улицу и, одолев небольшую ограду, начал спускаться вниз по барельефам богов, животных, людей и абстрактных символов, которые выступали на поверхности горы между двумя улицами. Он двигался медленно и осторожно. Руки и ноги не всегда находили опору на гладком камне. К тому же он заметил группу воинов, охранявших пологий спуск с верхнего яруса. В свете пылавших факелов Кикаха увидел среди них нескольких всадников.

На полпути он прильнул к стене и замер, как муха, которая заметила вдали смутные очертания грозной и огромной руки. Внизу проскакали четверо конных патрульных. Они остановились у спуска, немного поболтали с охраной и двинулись дальше. Кикаха тоже тронулся в путь. Спустившись на улицу, он начал пробираться вдоль стены, куда выходили фасады домов и ниши затемненных дверных проемов. Кикаха по-прежнему нес лук и колчан, хотя без них мог бы двигаться более свободно и бесшумно.

Тем не менее, предчувствуя, что оружие понадобится, он мирился с неудобствами и дополнительной тяжестью.

Время шло, и луна на северо-западе уже готовилась уплыть за монолит, когда Кикаха наконец достиг улицы Клататол. Это был район бедняков и рабов, которые недавно приобрели свободу. Здесь располагались ночлежные дома и таверны для матросов речного торгового флота. Тут же обитали наемные охранники и погонщики торговых караванов, которые сопровождали фургоны с добром на просторах Великих прерий. В этих кварталах жили воры и убийцы, которых еще не прибрала к рукам полиция, а их уличенные в преступлениях собратья скрывались здесь от правосудия.

Обычно в этот час улицу Подозрительных Запахов наводняли толпы шумной и лихой публики. Но военное положение, введенное захватчиками, изменило ситуацию в корне. По опустевшей улице изредка проносились конные патрули, а местные жители прятались в домах, закрыв окна и двери на крепкие засовы.

Этот уровень, как и большую часть нижних улиц, строили — вернее, протирали — в самом начале, когда тишкетмоаки решили превратить жадеитовую гору в свою столицу. Дома и лавки стояли здесь на улице, а не врезались в гору. По крышам этих строений проходила следующая улица, с домами поменьше, выше которых находилась третья улица. На ней тоже стояли дома, и их крыши венчала последняя, четвертая улица. Таким образом, на большой ступенчатой пирамиде города существовала маленькая пирамида бедных кварталов.

Улочки на крышах домов соединялись узкими лестницами, протертыми в жадеитовой скале между каждым пятым и шестым домом основной улицы. По ступеням без труда можно было провести небольшое животное, например овцу или свинью, но лошадь, скорее всего, поскользнулась бы на узких выступах крутого подъема.

Кикахе оставалось пересечь бульвар Зеленых Птиц, который начинался сразу же после четвертого уровня домов на улице Подозрительных Запахов. Дом Клататол — если только она жила на прежнем месте — находился на третьем уровне. Кикаха собирался перелезть через ограж-

дение и, повиснув на руках, прыгнуть на крыши верхних домов, а затем сходным образом перебраться на улицу третьего уровня. В этом районе города в скале не делали барельефов, по которым мог бы спускаться уставший и загнанный беглец.

Перебегая бульвар Зеленых Птиц, он услышал цокот железных подков. Из крытой галереи храмового фасада выехали трое всадников на черных конях. Впереди скакал рыцарь в тяжелых доспехах; чуть сзади, почтительно приотстав, его сопровождала пара вооруженных ратников. Конь перешли в галоп; всадники пригнулись к шеям скакунов. Черные накидки взвивались, словно зловеющий дым от пламени дьявольских намерений.

Их разделяло значительное расстояние, и Кикаха мог бы удрать, преодолев ограждение и прыгнув на крыши домов нижней улицы. Но если у них есть луки и стрелы — а он не исключал такой возможности, — они могли сойти с коней и спокойно подстрелить его. Луна здесь светит намного ярче, чем ее сестричка на Земле. К тому же, если стрелы не попадут в него, они позовут других тевтонов и начнут повальный обыск во всех домах этого района.

Впрочем, обыск начнется теперь в любом случае, подумал Кикаха. Хотя... Если он убьет их до того, как кто-нибудь услышит... Но они тоже могут... Ладно, попытка — не пытка.

При других обстоятельствах Кикаха целился бы в седоков. Он с детства любил лошадей. Но когда речь шла о его собственной жизни, сентиментальность отходила на второй план. Кикаха знал, что смерть в конце концов находит каждого человека, но ему хотелось отложить эту встречу на максимально возможный срок.

Целясь в коней, он довольно быстро уложил двух животных. Они тяжело упали на бок, придавив телами седоков. Но рыцарь неудержимо приближался. Он опустил копьё, нацелив острие в живот Кикахе. И тогда стрела вонзилась в шею коня. Животное упало на голову, задние ноги задрались выше крупа. Всадник вылетел из седла. Даже в воздухе он продолжал сжимать копьё. Рыцарь выпустил его только перед самым падением. Тело сложилось как огромный черный эмбрион; от удара о камен-

ную плиту конический шлем треснул, отскочил в сторону и со звоном покатился по улице. Воин проехал на боку несколько ярдов; перевязь мантии лопнула, и накидка осталась чернеть позади, как тень, оторвавшаяся от тела.

Несмотря на падение и тяжелые латы, рыцарь вскочил на ноги и вытащил меч из ножен. Он открыл рот, чтобы позвать на помощь тех, кто мог его услышать. Но стрела прошла между зубами и впиалась в мозг. Он выронил меч и упал на спину.

Взглянув на мертвого коня, Кикаха увидел серебристый ранец, привязанный к седлу. Он оказался закрытым. Ключ, вероятно, находился в нательной одежде рыцаря, но на его поиски не оставалось времени.

Итак, он имел трех мертвых коней, одного убитого рыцаря и, возможно, еще парочку трупов. Стычка прошла сравнительно тихо. Во всяком случае, никто пока тревоги не поднимал.

Однако груду тел на дороге могли заметить с верхних улиц. Решив не искушать судьбу, Кикаха перебросил лук и колчан через ограждение, а затем и сам последовал за ними. Не прошло и шестидесяти секунд, как он уже стоял на третьем уровне и стучал в толстые ставни дома Клататол. Условный пароль состоял из трех ударов, пятисекундной паузы, повторных двух ударов, четырехсекундной паузы и завершающего удара. В другой руке Кикаха сжимал нож.

Как он ни прислушивался, ответа не последовало. Вспомнив еще одно воровское правило, Кикаха выдержал паузу, сосчитал до шестидесяти и еще раз отстучал условный код. И тут на верхней улице послышался стук копыт, а чуть позже тишину разорвали встревоженные голоса. Раздались крики, затрубил сигнальный рог. Вверху и на основной нижней улице замелькали факелы. Где-то в стороне забили боевые барабаны.

Внезапно ставни распахнулись. Едва не получив удар в лицо, Кикаха быстро пригнулся. В комнате было темно, но он уловил неясные очертания женского лица и голого тела. От женщины исходил запах чеснока, жареной рыбы и подгнившего сыра, столь любимого всеми тишкветмоа-

ками. Кикахе никогда не удавалось примирить красоту выделанного жадеита с этим зловонием, исходившим от людей. А во время первого визита к Клататол он вообще оконфузился. Но он просто ничего не мог с собой поделаться — ассоциации иногда вызывают очень нежелательный результат.

Теперь же этот запах говорил ему о Клататол, прекрасной и одновременно отвратительной, как ее сыр. Или лучше сказать, как ее похабный язык. Судя по всему, темперамент воровки по-прежнему оставался горячим, как исландский гейзер.

— Ш-ш-ш! — шепнул Кикаха. — Нас могут услышать соседи!

Клататол извергла еще одну скатологическую и богохульную серию проклятий.

Кикаха зажал ей рот рукой, откинул голову женщины назад и напомнил, что без труда может сломать ей пару позвонков. Оттолкнув Клататол в глубь комнаты, он влез в окно, прикрыл ставни, а затем повернулся к своей хозяйке и помог ей встать на ноги. Женщина молча достала масляную лампу и зажгла ее. При слабом мерцающем свете она приблизилась, покачивая бедрами, прильнула к Кикахе, обвила его руками и начала целовать в лицо, шею и грудь. Слезы стекали по ее щекам, и она сквозь рыдания шептала нежные слова.

Кикаха тоже целовал ее в ответ, стараясь не замечать тяжелого дыхания, в котором смешались запахи чеснока, перегара и гнилого червивого сыра.

— Ты одна? — тихо спросил он.

— Разве я не поклялась, что буду хранить тебе верность? — удивилась она.

— Да, но я о таком и мечтать не мог. Это была твоя идея. Тем более мы оба знаем, что ты не прожила бы без мужчины и недели.

Она рассмеялась и повела его в заднюю комнату. Помещение, похожее на куб, с потолком в форме купола, служило ей спальней и рабочим кабинетом. Здесь она планировала свои контрабандные операции и распределяла товар. Мебель почти отсутствовала, а предметом первой необходимости являлась кровать, которая состояла

из деревянного остова, кожаных натянутых ремней и наваленной на них кучи мехов и оленьих шкур. Кикаха лег на постель. Заметив, что он выглядит усталым и голодным, Клататол пошла на кухню. Он крикнул ей вслед, что его устроит сушеная говядина, хлеб и вода. Еще он попросил фруктов, если только они у нее есть. Одним словом, все, кроме сыра. Местный сыр он не переносил — ни запаха, ни его червей.

Набив рот, он попросил ее рассказать о вторжении. Клататол сидела на постели и кормила гостя из своих рук. Она хотела возобновить их любовную связь, прерванную несколько лет назад, но Кикаха охладил ее пыл, сказав, что в его положении люди обычно думают о собственной жизни, а не о любви.

Несмотря на прочие недостатки, Клататол отличалась практичностью и, возможно, поэтому согласилась немного повременить. Она встала, надела блузу, украшенную зелеными, черными и белыми перьями, затем накинула на себя розовый хлопчатобумажный плащ. Пополоскав рот вином, разбавленным десятью частями воды, она положила на язык кусочек благовоний, села рядом с Кикахой и начала рассказывать.

Клататол обитала на самом дне общества и имела доступ к тайным информационным каналам уголовного мира. Но даже она не могла рассказать того, что он хотел знать. Завоеватели появились как бы из ниоткуда и полились сплошным потоком из задних покоев храма Оллимамла. Они смели охрану, ворвались во дворец и захватили семью императора, подавив сопротивление телохранителей, а затем и сил гарнизона.

Захват Таланака спланировали и исполнили почти идеально. Пока второй предводитель, фон Свиндеберн, удерживал дворец и занимался преобразованием полиции и войск Таланака, фон Тарбет повел непрерывно возрастающее число захватчиков на штурм города.

— Все парализовано, — рассказывала Клататол. — Нападение оказалось абсолютно неожиданным. Эти белые воины в доспехах выливались потоком из храма Оллимамла... как будто их посылал сам властитель. И у наших ратников просто опускались руки.

Горожан и полицию, которые пытались организовать сопротивление, безжалостно перебили. Остальное население укрылось по домам, а когда слух о вторжении достиг нижних улиц, многие бежали через мосты на другую сторону реки. Но вскоре все пути отхода были перекрыты.

— Странная вещь...— сказала Клататол. Она немного поколебалась, но решила закончить фразу: — Складывается такое впечатление, что им абсолютно нет дела до наших богатств и власти над городом. Ты мог бы назвать захват Таланака побочным следствием. Я правильно повторила твои слова? Мне кажется, они захватили город только потому, что считают его садком, в котором плавают золотая рыбка.

— Ты имеешь в виду меня? — спросил Кикаха.

Клататол кивнула:

— Я не знаю, зачем ты им так сильно понадобился. Но, может быть, это известно тебе?

— Нет,— ответил Кикаха.— Кое о чем догадываюсь, но точно не знаю. Мои домыслы лишь собьют тебя с толку и займут время. А мне сейчас нужно выбраться из города и бежать. И здесь, любовь моя, без твоей помощи не обойтись.

— Тогда полюби меня,— попросила она.

— С радостью, будь у нас время.

— Я могу спрятать тебя в таком месте, где у нас будет сколько угодно времени,— сказала она.— Конечно, там есть и другие люди.

Ее последние слова пробудили в Кикахе подозрительность. Ему не хотелось быть с ней грубым, особенно в сложившейся ситуации, но она понимала только язык силы. Схватив ее за запястье, он резко выкрутил его. Лицо Клататол исказилось от боли, и она попыталась вырвать руку.

— Какие другие люди?

— Прекрати делать мне больно, и я скажу. Может быть, скажу. Вот если поцелуешь, то точно скажу.

Дело стоило того, чтобы потратить несколько секунд, поэтому он ее поцеловал. Аромат благовоний, исходивший изо рта Клататол, наполнил ноздри Кикахи и пробрал

его до кончиков ног. Он почувствовал легкое опьянение и на миг решил отдаться в плен ее ласк.

Но разум взял свое — он засмеялся и мягко отстранился от нее.

— Ты по-прежнему самая красивая и желанная женщина из всех, кого я видел, а мне встречались тысячи и тысячи красавиц. Я сожалею, Клататол. По улицам шагает смерть, и она ищет меня.

— Интересно, что ты скажешь, когда увидишь ту, другую женщину... — начала она.

Клататол застенчиво опустила взор, и ему снова пришлось сжать ее руку, напоминая, что любые недомолвки будут автоматически приводить к страданиям. Она не обижалась — возможно, потому, что в ее понимании эротическая любовь всегда включала некоторую долю грубости и боли.

Глава 5

За несколько дней* до вторжения войск фон Тарбета из внутренних покоев храма Оллимамла выбежали трое светлокожих чужаков. Первой появилась черноволосая женщина. Клататол — ужасно ревнивая и резкая в суждениях — назвала ее самой прекрасной на свете. Позже к женщине присоединились двое мужчин — огромный толстяк и дохляк-коротышка. Все трое носили странную одежду, и никто из них не говорил по-тишкветмоакски. Между собой они разговаривали на вишпавамле — литургическом языке жрецов. Так уж получилось, что воры, укрывшие троих чужаков, знали лишь несколько слов священного языка, да и то в основном из молитв и повседневных восхвалений.

Кикаха понял, что Клататол говорила о властителях. Именно их язык Вольф ввел в этом мире как священный.

Бегство от фон Тарбета указывало на то, что они лишились собственных вселенных и проникли в Многоярус-

* В оригинале: «...всего на несколько минут раньше фон Тарбета», но эта фраза вступает в противоречие с седьмой главой, где говорится о том, что они прошли в Таланак за четыре дня до вторжения дракландцев.

ный мир в поисках спасения. Но каким образом такой незначительный король, как фон Тарбет, мог вмешаться в дела властителей?

— За этих троих назначили награду? — спросил Кикаха.

— Да. По десять тысяч кватлумлов за каждого! А за тебя — тридцать тысяч и высший официальный пост во дворце миклосимла. Возможен даже брак с членами императорской семьи, хотя на это только намекнули.

Кикаха промолчал. Желудок Клататол заурчал, словно переваривал обещанную награду. Через вентиляционное отверстие в потолке доносились слабые вибрирующие голоса. В комнате, где прежде царила прохлада, стало невыносимо жарко. Пот струился по его рукам; на темно-бронзовой коже женщины поблескивали желтые капельки. Из соседней комнаты, где находились кухня, душ и туалет, слышалось тихое журчание и бульканье воды.

— У тебя, наверное, дух захватывает при мысли о таких деньгах, — произнес наконец Кикаха. — Почему бы тебе и твоей шайке не получить их за наши головы?

— Мы воры и контрабандисты! Среди нас есть даже несколько убийц. Но запомни: мы не предатели! И пусть завоеватели с розовыми лицами обезьян засунут себе эти деньги... — Клататол замолчала, заметив улыбку Кикахи, и мрачно усмехнулась в ответ. — То, что я говорю, правда. Однако сумма огромная! Ты должен понять нас, мудрый и хитрый койот. Розоволицые могут когда-нибудь уйти. В противном случае горожане поднимут мятеж. И мы не хотим, чтобы толпа разорвала нас на куски, подвергнув пыткам и посчитав продажными предателями.

— Однако, наверное, есть и другие доводы?

Она улыбнулась:

— К тому же три беглеца обещали заплатить нам во много раз больше того, что предложили розоволицые. От нас требуется только вывести их из города.

— А как они исполнят это обещание? — спросил Кикаха. — Вряд ли им удастся вернуться в свои вселенные...

— Куда вернуться?

— Они могут предложить вам что-нибудь материальное... прямо сейчас?

— У них есть драгоценные камни, и цена камешков выше, чем награда за их головы, — ответила она. — Зна-

ещь... Я никогда не видела ничего подобного. Они словно не от мира сего!

Кикаху позабавила уместность этой избитой фразы. Ему хотелось спросить, есть ли у беглецов оружие, но он сообразил, что Клататол не отличит лучемер от палки. Кроме того, вряд ли властители доверяли своим «благодетелям».

— А как насчет меня? — спросил он, даже не поинтересовавшись, что трое беглецов предложили кроме драгоценностей.

— Ты — Кикаха, любимец властителя, и этим все сказано. К тому же каждый знает, что тебе известны все сокровища мира. Разве может быть нищим человек, вернувшийся огромный изумруд Ошкватсму?

— Скоро в твои двери начнут барабанить розоволицы, — сказал Кикаха. — Они перевернут весь этот район вверх дном. Надо уходить, пока не поздно.

Клататол настояла на том, чтобы он позволил ей завязать ему глаза. Проверив повязку, она покрыла его голову капюшоном. Понимая бесполезность споров, он безропотно отдал себя в ее руки. Еще раз проверив, что он ничего не видит, она несколько раз повернула его на одном месте, а затем заставила опуститься на четвереньки.

Послышался легкий скрип камня, который повернула Клататол. Она втолкнула Кикаху в узкий проход, куда ему едва удалось протиснуться. Когда он поднялся на ноги, она взяла его за руку. Спотыкаясь и держась за стены, он поднялся по ста пятидесяти ступеням, прошел двести восемьдесят шагов по пологому склону, спустился вниз по лестнице, насчитав триста перекоординат, а затем прошел еще сорок шагов по прямой. Клататол остановила его и сняла с него капюшон и повязку.

Кикаха заморгал. Он находился в круглом помещении около сорока футов в диаметре. По стенам змеились зеленые и черные полосы жадеита. Над головой виднелось вентиляционное отверстие в три фута шириной. Укрепленные на стенах факелы наполняли комнату мерцающим светом. Кикаха с удивлением рассматривал сундуки, кресла из жадеита и дерева, рулоны материи и мехов, бочонки с пряностями, бочки с водой, кое-какое санитарное

оборудование и стол с блюдами, сухарями, мясом и неизменным вонючим сыром.

У стены на корточках сидели шесть тишкветмоаков. Их лоснившиеся черные челки прикрывали настороженные глаза. Некоторые курили небольшие сигары. Вооружение мужчин составляли кинжалы, мечи и небольшие топоры.

В креслах сидели трое светлокожих людей. Ближайший из них, с бледной сероватой кожей, большим носом и акульным ртом, не доставал Кикахе и до груди. Второй выглядел, как огромный мешок сала, и из кресла во все стороны свешивались застывшие водопады жира.

Но при виде женщины Кикаха раскрыл рот от изумления.

— Подарга! — вскричал он.

Женщина превосходила по красоте всех, кого он видел когда-либо в своей жизни. Тем не менее Кикаха встречал ее раньше — вернее, видел ее лицо. Но вот тело в ту пору было другим.

Окликнув ее еще раз, он заговорил на искаженном ми-кенском наречии, которым пользовались она и ее орлицы:

— Подарга! Я не знал, что Вольф вытащил тебя из тела гарпии и перенес твой мозг в такую прекрасную оболочку. Я восхищен...

Кикаха замолчал. Она смотрела на него так, словно совершенно не узнавала. Очевидно, она не хотела, чтобы остальные знали о ее прошлой жизни в птичьем теле. А он, обычно тактичный и сообразительный в подобных ситуациях, разболтался от избытка чувств, как мальчишка...

Но ведь Подарга узнала, что Вольф и есть тот Ядавин, который выкрал ее из Пелопоннеса три тысячи двести лет назад. Это он поместил ее мозг в тело гарпии, которое для забавы создал в биолaborатории. Заподозрив Вольфа в новых злых умыслах, она не позволила ему исправить содеянное. Лелея ненависть к нему, она осталась в крылатом теле с птичьими ногами и поклялась отомстить Вольфу во что бы то ни стало.

Неужели она передумала? Он заметил, что ее голос звучал по-другому — наверное, изменился при перемещении мозга из тела в тело.

— Что ты там бормочешь, лебляббий? — спросила она на языке властителей.

Кикаха почувствовал желание дать ей пощечину. Лебляббиями властители презрительно называли людей, которые населяли их вселенные и почитали своих владык как богов. Само же слово означало маленьких ласковых животных из той вселенной, в которой некогда обитала раса властителей. Эти зверьки ели лакомства с рук хозяев и могли съесть даже их экскременты. И еще они часто сходили с ума.

— Ладно, Подарга, можешь притворяться, что не понимаешь по-микенски, — сердито сказал он. — Но все-таки следи за языком. Что-то ты перестаешь мне нравиться.

На ее лице появилось удивленное выражение.

— Так ты жрец? — спросила она.

Вот же, черт, подумал Кикаха. Работая над телом, Вольф определенно постарался. В каждой черточке сквозило совершенство. Все та же белая безупречная кожа, какой он ее помнил; все те же длинные черные и блестящие волосы. Конечно, черты лица не были идеально правильными, но легкая асимметрия лишь усиливала красоту. И при других обстоятельствах Кикаха давно бы уже заболел от страсти.

Ее наряд состоял из шелкового на вид светло-зеленого халата и сандалий. По всей вероятности, она собиралась лечь в постель, когда обстоятельства заставили ее спастись бегством. Но почему Подарга связалась с этими властителями? В уме Кикахи тут же возник ответ. Конечно же, она находилась во дворце Вольфа, когда туда ворвались захватчики. Но что произошло потом?

— Где Вольф? — спросил он.

— О ком ты хочешь узнать, лебляббий? — удивленно отозвалась она.

— Ядавин иногда называл себя Вольфом, — пояснил Кикаха.

Она пожала плечами:

— Его здесь нет. А если он и находился в этом мире, то его, наверное, убили Черные Звонари.

Кикаха запутался еще больше.

— Черные Звонари?

Однажды Вольф рассказывал о них — очень кратко, потому что разговор прервало появление Хрисеиды. Позже, когда они с Вольфом отбили дворец у Ваннакса*, Кикаха хотел расспросить его о Черных Звонарях. Но так и не удосужился сделать это.

Один из тишкветмоаков заговорил с Клататол резким голосом. Кикаха понял смысл его слов — старый контрабандист перечислял вопросы, которые ему предстояло задать троим чужеземцам. Тишкветмоаки не понимали их языка.

На вопросы отвечала светлокожая женщина.

— Я Анана, сестра Ядавина. Этот тощий — Нимстовл, прозванный нами Висельником. Тот другой — Толстяк Юдубра.

И тогда Кикахе стало все ясно. Вольф рассказывал ему о своей сестре Анане Светлой. Это ее лицо он использовал в качестве модели, когда создавал в биолaborатории Подаргу. Он воспроизводил облик сестры по памяти, так как не видел ее к тому времени более тысячи лет. Значит, сейчас с момента их последней встречи прошло около четырех тысячелетий.

Вольф говорил, что Черные Звонари использовались когда-то как хранилища воспоминаний. Зная, что даже сложный человеческий мозг не может вместить в себя объем тысячелетнего опыта, властители экспериментировали с пересадкой воспоминаний. При необходимости записанные воспоминания можно было переносить из хранилища обратно в человеческий мозг или демонстрировать их другим лицам.

Раздался робкий стук. Круглая дверь в дальнем конце помещения повернулась вокруг оси, и вошел еще один мужчина. Он жестом подозвал воров, и они, собравшись в круг, о чем-то зашептались. Чуть позже Клататол отошла от них и заговорила с Кикахой.

— Награду за каждого из вас устроили, — прошептала она. — Кроме того, розоволицые пообещали покинуть Та-

* В первой книге «Многоярусного мира» Кикаха и Вольф захватили замок властителя Арвура, а Ваннакс, хотя и был властителем, играл в сюжете совершенно другую роль. Очевидно, Фармер перепутал имена.

ланак, как только тебя поймают. Король фон Тарбет поклялся, что все здесь пойдет по-старому.

— Если бы ты решила сдать нас властям, то не стала бы мне этого говорить, — задумчиво ответил Кикаха.

Но, возможно, она просто притворялась нежной и влюбленной, стараясь усыпить его бдительность. Если они нападут на него, их будет восемь против одного. Он не знал, на что способны властители, поэтому не брал их в расчет. С двумя ножами в такой небольшой комнате... Впрочем, ладно, чему быть — того не миновать. Поживем — увидим.

— Фон Тарбет объявил, что, если тебя не приведут к нему в течение двадцати четырех часов, он убьет императора и его семью, а затем уничтожит всех жителей города. Он сказал это во время офицерского совета. Один раб подслушал их беседу, и теперь о ней знает весь город.

— Если фон Тарбет говорил на германском языке, как его мог понять тишкветмоак? — сердито спросил Кикаха.

— Фон Тарбет говорил с фон Свиндеберном и другими офицерами на языке властителей, — ответила она. — Тот раб прислуживает в храме и знает священный язык.

На тайну вторжения могли пролить свет только Черные Звонари. Кикаха довольно долго жил при дворе короля и встречался с тевтонскими рыцарями каждый день. Во время церемоний и богослужений они едва понимали слова жрецов и уж тем более не знали священный язык настолько, чтобы говорить на нем. А значит, в их облике и под их именами действовали другие существа...

Клататол оборвала его размышления.

— Розоволицые нашли тайник за стеной моей спальни, — сказала она, — а значит, они скоро обнаружат и тайный ход. Мы больше не можем оставаться здесь.

Двое мужчин вышли из комнаты и тут же вернулись с раздвижной лестницей. Когда ее вытянули во всю длину, конец лестницы вошел в вентиляционное отверстие. Кикаха немного успокоился, но полностью его подозрения не рассеялись.

— Теперь вы могли бы смело сдать нас фон Тарбету. Никто не посчитал бы вас предателями. Наоборот, как истинные патриоты, вы...

Двое мужчин скрылись в вентиляционном отверстии. Остальные велели, чтобы теперь Кикаха и трое чужаков поднялись по лестнице.

— Мы слышали, что император одержим демоном,— ответила наконец Клататол.— Его душа отлетела в холод мимо луны, а его тело занял демон. Он еще не освоился в теле миклосимла и иногда действует очень неловко. Жрецы тайно разнесли эту весть по всему городу. Они призывают нас бороться с этим величайшим злом. И мы не выдадим тебя, Кикаха, любимец властителя Оллимамла, как не выдадим и других.

— Он одержим? — переспросил Кикаха.— Откуда вы это знаете?

Клататол не отвечала, пока они не поднялись по вертикальной шахте до горизонтального туннеля. Один из контрабандистов зажег потайной фонарь, лестницу втащили наверх, сложили и понесли с собой.

— Император вдруг начал говорить только на священном языке,— продолжила Клататол.— И жрецы заметили, что он не понимает других тишкветмоаков. Фон Тарбет и фон Свиндеберн тоже пользуются только вишпавамлом, поэтому они заставляют жрецов переводить их приказы.

Кикаха не понимал, зачем демону понадобилось овладеть императором Квотшамлом. К тому же, по идее, литургический язык должен был опалить уста и уши демонов, если бы они попытались говорить на нем. Но Кикаха не хотел указывать на отсутствие логики в тех рассуждениях, которые благоприятствовали ему.

Отряд торопливо передвигался по туннелю — толстый Юдубра громко пыхтел и жаловался. Он с трудом протиснулся в шахту; к тому же порвал одежду и исцарапался.

Кикаха спросил Клататол, насколько хорошо охраняется храм Оллимамла. Он все еще надеялся, что малые тайные ворота не обнаружены. Но она ничего не знала об охране храма. Кикаха спросил, как они собираются выбраться из города. Клататол ответила, что этого ему лучше не знать, ибо тогда, попав в плен, он никого не выдаст. Кикаха не стал с ней спорить. Не имея понятия, как они покинут город, он уже представлял, что случится дальше. Во время своего прошлого визита в Таланак он выяснил,

как она и ее друзья провозили контрабанду мимо таможен. Клататол пока ничего не знала об этом.

Впереди в дрожавшем свете фонаря мелькали ноги, руки и шея Ананы. Кикаха коснулся ее руки и сказал:

— Женщина Клататол говорит, что император и по крайней мере два предводителя завоевателей одержимы демонами. По ее словам, они внезапно перестали понимать родную речь и начали говорить только на языке властителей.

— Черные Звонари,— ответила Анана после небольшой паузы.

Внезапно по туннелю прокатились крики. Отряд остановился; фонарь тут же погасил. С обоих концов туннеля приближались пятна света; голоса падали из каменных пастей верхних шахт и вскипали в зевах нижних проходов.

Кикаха обратился к властителям:

— Если у вас есть оружие, лучше снимите его с хранителей.

Никто ему не ответил. Отряд сомкнулся в плотную цепь. Все держали друг друга за руки. Седой контрабандист повел их по проходу, который пересекал предыдущий туннель. Около пятидесяти ярдов пришлось идти гусиным шагом. Голоса преследователей становились все громче и ближе. А потом послышался шум воды. Фонарь загасил снова. Через несколько секунд беглецы оказались в небольшом помещении. Единственным выходом была дыра в полу у противоположной стены. Из отверстия около четырех футов в диаметре вырывались брызги воды и неясный глухой рев. От ужасной вони заслезились глаза.

— Шахта идет под крутым углом, а туннель для сточных вод, с которым она соединяется, находится пятьюдесятью футами ниже,— объяснила Клататол.— По этой шахте можно скользить. Но мы пользуемся ею только в самых критических случаях. Если вы не будете притормаживать и сорветесь, вас затянет в туннель, который полон нечистот. Он почти вертикально уходит в реку и кончается глубоко под водой. Если вам удастся остаться в живых и выплыть на поверхность, вас выловят патрули, которые объезжают этот участок реки на лодках.

Клататол объяснила технику спуска. Люди уселись на скользкий мокрый желоб и начали спускаться по шахте,

тормозя руками и ногами. Преодолев две трети пути — во всяком случае, им так показалось, — беглецы пролезли в забитое грязью отверстие и оказались в шахте, о которой знали только опытные контрабандисты. Ее создавали несколько поколений преступников, и она вела вверх, к туннелям богатых кварталов, выше уровня, с которого они только что бежали.

Клататол сказала, что этот сложный маршрут приведет их в помещение, где они войдут в другую, более широкую сточную трубу. Тридцать лет назад крупная банда преступников с большими усилиями и даже жертвами замуровала ее вход, и благодаря их усилиям она теперь оставалась сухой. Поток нечистот отвели в два боковых сточных туннеля. Сухая труба уходила вниз, глубоко под воду. Но у самого конца ее пересекала горизонтальная шахта, которая вела к отверстию, достаточно удаленному от стоков и патрульных лодок. На другом берегу реки находилась пристань, где стояли торговые корабли. Чтобы добраться до них, надо было проплыть милю или около того.

Поднявшись по внутренним переходам на три улицы вверх, отряд добрался до горизонтальной шахты, которая открывала путь к спасению и вела к сухому стоку.

Кикаха так никогда и не узнал, что там произошло на самом деле. Вряд ли тевтоны могли разгадать их хитроумный замысел. Скорее всего, они направили несколько поисковых групп на различные уровни, и одна из них случайно оказалась в нужном месте. К сожалению, охотники увидели свою добычу первыми.

Внезапно вспыхнули факелы, послышались крики, вопли, и что-то с глухим звуком начало вонзаться в тела. Несколько тишкветмоаков повалились навзничь, а потом перед Кикахой упала Клататол. Он увидел застывшее лицо, голубовато-черное в тусклом свете фонаря, который стоял на полу туннеля. Челюсть отвисла, взгляд устремился в вечность. В дюйме выше правого уха торчала короткая арбалетная стрела. Кровь струилась по голубовато-черным волосам, заливая ухо и шею.

Кикаха медленно переполз через тело. Мышцы онемели от потрясения, вызванного внезапным нападением, и в ожидании своей роковой стрелы. Он стремительно

побежал по туннелю и метнулся в проход, который показался ему пустым. Позади него в темноте послышалось тяжелое дыхание. Потом кто-то жалобно выругался, и Кикаха узнал голос Ананы. Он поинтересовался судьбой двух других властителей, но она не знала, что с ними произошло.

Они ползли и шли утиным шагом, пока их ноги и спины не заныли от боли, пробиравшей до мозга костей. Без всякой системы, полагаясь только на интуицию, они сворачивали в боковые проходы и дважды поднимались по вертикальным шахтам. Наступил момент, когда беглецы оказались в полной темноте и безмолвии. Они слышали лишь бешеный стук своих сердец. Им снова удалось оторваться от погони.

Отдохнув, они направились дальше вверх. Поскольку им предстояло выйти на поверхность, Кикаха решил дожидаться наступления ночи. Путь предстоял тяжелый. Но, несмотря на огромную усталость, сон не шел, и они продолжали бодрствовать. Их тревога, спрыгнув с трамплина подсознания, достигла той точки, когда глаза уже больше не закрывались. Ноги подергивались, руки дрожали; и даже примирившись с этим, они не могли ни забыться во сне, ни проснуться полностью. Время от времени один из них постанывал от злобных кошмаров.

Ночь заглянула в отверстие шахты, выходящей на поверхность горы. Они выползли из нее и начали пробираться по каменным выступам. Внизу виднелись патрули. На верхней улице послышались стук копыт и голоса солдат. Когда конные ратники исчезли в темноте, беглецы перелезли через ограждение и взобрались по склону к следующей улице.

Нижние кварталы города искрились точками нескольких сотен факелов. Солдаты и полиция проверяли дома. Они все дальше продвигались вверх; кольцо блокады сжималось, и зона поиска становилась все меньше и меньше. Поисковые отряды были повсюду.

— Если тебя полагалось взять живым, то почему же они открыли стрельбу в туннеле? — спросила Анана. — В такой темноте они могли попасть в любого.

— Мы появились так неожиданно, что солдаты просто испугались,— ответил Кикаха.

Он устал. Его томили голод и жажда. В груди вскипала ненависть к убийцам Клататол. Печаль придет позже — печаль, но не чувство вины. Он никогда не винил себя, если существовала хоть какая-нибудь причина для оправдания. Конечно, Кикаха имел некоторые невротические слабости и истерические достоинства — этого не избежал еще ни один человек,— но чувство необоснованной вины среди них не числилось. В любом случае он не нес ответственности за ее гибель. Она вошла в дело по собственной воле и знала, на что идет.

Тем не менее в любом событии можно найти и светлую сторону, даже в смерти Клататол — на ее месте мог оказаться он.

По лабиринту шахт Кикаха спустился за едой и питьем. Анана отказалась ждать его на поверхности склона. Она испугалась, что он не найдет дорогу назад, и решила сопровождать его в этой опасной вылазке. Туннель вывел их к отверстию в потолке какого-то дома. Хозяева похрапывали в своих постелях. Комнату наполнял густой аромат вина и кислого пива. Чуть позже Кикаха снова вернулся в шахту, прихватив несколько веревок, хлеб, фрукты, говядину, сыр и две бутылки с водой.

А потом они снова ждали, когда ночь, обжевав монолит, захватит город. И они вновь карабкались по склону горы или перебирались во внутренние шахты, когда неподалеку появлялось слишком много солдат. Как-то раз Анана спросила его, почему они выбрали это направление, и Кикаха ответил, что других вариантов попросту нет. Нижние районы города, снаружи и внутри, напоминали пчелиный улей.

Глава 6

В полночь они пробрались по вентиляционной шахте в жилой дом и тихо проскользнули мимо спящих. Улица, на которой находился дом, располагалась на уровень ниже императорского дворца, и здесь сеть внутренних шахт кончалась. Все лестницы и дороги, ведущие вверх, охранялись

отрядами тевтонов. Кикаха надеялся, что им удастся подняться по склону горы, но это оказалось невозможным. Поверхность склона на протяжении сорока футов намеренно оставили голой и гладкой.

Беглецы перебежали в тень у подножия скалистой стены и неожиданно наткнулись на ноги в сапогах, которые торчали из темной ниши. Ноги принадлежали убитому часовому; рядом лежал еще один мертвый солдат. Одному перерезали горло, другого придушили куском проволоки.

— Здесь побывал Нимстовл! — прошептала Анана. — Ты знаешь, мы за такие штучки прозвали его Висельником.

В трехстах ярдах от них вспыхнули факелы приближавшегося патруля. Кикаха выругал Нимстовла за то, что тот оставил здесь тела. Впрочем, для патруля не составляло большой разницы, убиты часовые или ушли со своего поста. В любом случае за этим последовала бы тревога.

Небольшая калитка в стене оказалась незапертой. Она закрывалась снаружи на засов. Кикаха и Анана, схватив оружие караульных, вошли в нее и побежали по ступеням лестницы, протертой в гладком неприступном склоне. Запыхавшись и жадно глотая воздух открытыми ртами, они в конце концов достигли верхней площадки.

Снизу слышались крики. В проходе калитки появились факелы, и солдаты загрохотали сапогами по ступеням. Забили барабаны, взревели сигнальные трубы.

Оба беглеца метнулись вперед, но не к дворцу справа от них, а к ряду ступеней слева. За невысокой оградой мерцали серебряные кровли и серые железные клетки. В ноздри ударил запах соломы и животных, вонь старого мяса и свежего кала.

— Зоопарк императора, — сказал Кикаха. — Я тут когда-то бывал.

В дальнем конце длинной, вымощенной плитами дорожки что-то шевельнулось, как нить бахромы на кромке ночи. Темная тень пересекла несколько пятен лунного света и исчезла в огромном проеме колоссального белого здания.

— Нимстовл! — воскликнула Анана.

Она хотела броситься за ним, но Кикаха грубо дернул ее за руку. Лицо женщины исказилось и превратилось в отвратительную маску, отлитую из белого серебра луны. Глаза расширились, как у взбешенной совы. Она вырвалась и отпрянула от него.

— Как ты посмел касаться меня, лебляббий?

— Запросто, — резко ответил он. — И запомни впредь — не называй меня лебляббием. Я могу не только ударить. Я могу тебя убить. Мне претит высокомерие тех, кого я презираю. Твоя гордость основана на пустом, отвратительном и болезненном эгоизме. Ты ничем не лучше меня и сама об этом знаешь. Если я еще раз услышу от тебя унижительные оскорбления, можешь распрощаться с жизнью. К тому же ты пока во всем зависишь от меня.

— Я? Завишу от тебя?

— Конечно, — ответил он. — Разве у тебя есть какой-нибудь план спасения? Хотя бы что-нибудь пригодное, пусть даже с риском для жизни?

Содрогнувшись от усилий, она взяла себя в руки и успокоилась. Ей даже удалось улыбнуться. И если бы он не знал о ярости, kloкотавшей в ее груди, эта улыбка могла бы показаться ему самой прекрасной, очаровательной и соблазнительной из того, что он видел в двух вселенных.

— Да! У меня нет плана. Ты прав. Я завишу от тебя.

— Как бы там ни было, мыслишь ты реально, — сказал он. — Большинство властителей, как я слышал, надменны и тупы. Они скорее умрут, чем признают свою зависимость и слабость.

Однако подобная гибкость делала ее более опасной. Ему не следовало забывать, что она — сестра Вольфа. Судя по его рассказам, Вала и Анана являлись наиболее опасными из всех ныне живущих женщин. Возможно, он немного преувеличивал, и здесь сказывалась вполне простительная семейная гордость, но в словах Вольфа, очевидно, имелась доля правды.

— Оставайся здесь! — приказал Кикаха, а затем быстро и бесшумно побежал за Нимстовлом.

Кикаха не мог понять, как двум властителям удалось пройти сюда. А главное, откуда они узнали о малых тай-

ных вратах, спрятанных в храме? Пока он видел только одно объяснение: во время пребывания во дворце Вольфа они нашли карту с расположением всех врат. По-видимому, Анана в тот момент находилась где-то в другом месте или, зная о карте, по каким-то личным причинам притворялась теперь несведущей.

Но если о вратах узнали оба властителя, то почему их не нашли Черные Звонари, тем более что у них было гораздо больше времени? Через минуту он получил ответ на свой вопрос. Звонари знали о вратах и выставили охрану из двух человек. Кикаха наткнулся на их трупы — одного убили ножом, другого задушили. Кикаха увидел сдвинутую в сторону угловую панель стены. Из потайной комнаты пробивался луч света. Проскользнув в узкое отверстие, он попал в небольшой склеп. На плитах пола сверкали четыре серебряных полумесяца, вделанных в камень. Однако половинки к ним, некогда висевшие на стене, исчезли. Два беглых властителя прошли во врата и унесли с собой оставшиеся полумесяцы, чтобы никто больше не мог воспользоваться ими.

Взбешенный, Кикаха вернулся к Анане и сообщил ей эту новость.

— Путь к спасению закрыт, но мы еще не проиграли,— добавил он.

Они побежали по извилистой аллее из диоритовых плит, украшенных по краям драгоценными камнями. Кикаха остановился перед огромной клеткой, в которой сидели две орлицы, достигавшие в высоту десяти футов. Они повернули к нему бледно-красные головы. Желтые клювы хищно раскрылись, когти импульсивно сжались, а крылья и тела затрепетали. Свет луны переливался на зеленых, как полуденное небо, перьях. Глаза казались алыми щитами, в центре которых чернели пятна зрачков.

Одна из них заговорила голосом гигантского попугая:

— Кикаха! Что ты здесь делаешь, подлый обманщик?

В огромной голове орлицы находился мозг женщины, похищенной Ядавином три тысячи двести лет назад с берегов Эгейского моря. Ради забавы властитель перенес этот мозг в тело птицы, которое он создал в своей биолaborатории. Лишь некоторые из зеленых орлиц имели

человеческий мозг. И только сорок из первых пяти тысяч особей выжили с тех давних времен. Они размножались партеногенезом, поэтому остальные миллионы гигантских орлиц являлись их потомками.

Кикаха ответил на микенском наречии:

— Девиванира! А что ты делаешь в этой клетке? Я думал, ты птица Подарги, а не императора.

Орлица вскрикнула и вцепилась в прутья решетки. Кикаха, стоявший слишком близко, отскочил назад и засмеялся:

— Верно говорят, что вы глупые птицы! Вы готовы убить даже тех, кто хочет дать вам свободу!

— Свободу? — спросила другая орлица.

— Да,— быстро ответил Кикаха.— Мы предлагаем вам бежать вместе с нами. Если вы поможете нам выбраться из Таланака, мы выпустим вас из клетки. Но прежде дайте нам свое слово. Да или нет? Говорите быстрее. У нас мало времени.

— Подарга приказала нам убить тебя и Ядавина-Вольфа! — закричала Девиванира.

— Вы можете с этим немного повременить,— ответил Кикаха.— Но в случае отказа вам уже никогда не вырваться из клетки. Неужели вы не хотите снова ощутить чувство полета и еще раз увидеть своих подруг?

На ступенях дворца заматались факелы. Их огненная дорожка направилась к зоологическому саду.

— Да или нет? — крикнул Кикаха.

— Да! — ответила Девиванира.— Клянусь грудью Подарги, да!

Чтобы помочь Кикахе, из тени выбежала Анана, и орлицы, рассмотрев ее лицо, захлопали крыльями:

— Подарга!

Кикаха не стал говорить, что она сестра Ядавина-Вольфа, но на всякий случай успокоил орлиц:

— Лицо Подарги делалось с натурщицы.

Однажды, во время экскурсии с императором, он не пожалел времени и обследовал каждый уголок зоопарка. Теперь же, похвалив себя за предусмотрительность, Кикаха сбегал в кладовку и вернулся с несколькими обрезками веревок. Он спрыгнул в небольшой ров перед клеткой

и всем телом налег на железный рычаг. Сталь скрипнула, и массивная дверь открылась.

Анана на всякий случай натянула тетиву лука. Девиванира, пригибая голову, выбралась из клетки и безропотно позволила Кикахе привязать к своим ногам концы веревок. Ее подруга Антиопа, с трудом протиснувшись сквозь дверь, терпеливо ждала своей очереди.

Кикаха объяснил им план побега, и, когда солдаты ворвались в зоопарк, две огромные птицы вскочили на край низкой ограды, которая окружала территорию верхнего уровня. Орлицы не привыкли взлетать подобным образом; обычно, находясь на земле, они разбегались и отталкивались вверх в мощном прыжке. Но теперь им приходилось полагаться только на силу крыльев и медленное планирование.

Кикаха подлез под Девиваниру, сел на веревку, ухватился за ноги орлицы чуть выше огромных когтей и закричал:

— Анана, ты готова? Давай, Девиванира! Летим!

Несмотря на тяжесть, обе птицы подпрыгнули в воздух на несколько футов и забили крыльями. Кикаха почувствовал, как веревка впилась в его тело. Последовал резкий рывок вперед и вверх; ограда осталась позади. Внизу виднелись угловатые склоны, исполосованные зелеными и серебристыми нитями жадеита. Между ними проступали улицы, искрившиеся точками пылавших факелов. А затем все это угрожающе понеслось на него.

В трех тысячах футов, у подножия горы, изгибалась широкая река, блиставшая черным расплавленным серебром.

Склон проносился в опасной близости от них. Будучи во много раз сильнее земных орлов, зеленые птицы могли удерживать довольно значительный вес, но взрослый человек был для них чересчур тяжелым. И в этой ситуации они лишь пытались замедлить падение.

Орлицы снижались параллельно склону и неистово колотили крыльями, пролетая над ограждениями, выступавшими по краям улиц. Потом они мучительно медленно — или это так казалось Кикахе — удалялись от поверхности горы и, стремительно пронесшись над улицей, зависали

у края очередного уровня. Белые, коричневые, красные, серые и черные полосы жадеитовой горы мелькали у самых ног. Птицы взбивали крыльями воздух, и все повторялось сначала.

Обоим седокам приходилось подтягивать ноги, чтобы не цепляться за выступы склона и решетки оград. Сердце останавливалось при каждом новом спуске и тут же заходило в бешеном стук, словно пытаясь вырваться из груди.

Дважды их царапали и били ветви деревьев, когда они проносились над вершинами крон. А один раз орлицы с трудом отвернули в сторону, едва не врезавшись в высокую башню, построенную на крыше зажиточного дома. При этом они еще больше приблизились к склону горы, и седоков протащило по черно-коричневой жадеитовой скале. К счастью, поверхность оказалась гладкой, и люди лишь слегка ободрали кожу. Орнамент барельефа мог бы переломить им кости или нанести глубокие порезы.

Позади остался последний уровень — улица Отвергнутых Жертвоприношений. (Кикахе так и не удалось узнать, по какой причине она получила столь странное название.) Они пролетели чуть ли не в дюйме над жадеитовой оградой, и, увидев острые пики на ее конце, Кикаха почувствовал в ягодицах почти физическую боль. Тем не менее все кончилось благополучно.

Они падали в реку под острым углом.

Ширина русла равнялась примерно одной миле. На противоположном берегу виднелись доки и баркасы; чуть ближе на якорях стояли торговые корабли. В основном это были длинные двухпалубные галеры с высокой кормой и одной-двумя мачтами, на которых крепились квадратные паруса.

Кикаха быстро оценил ситуацию, и, когда орлицы снизились к серой, с черными бликами воде, он приготовился сделать то, о чем заранее договорился с Ананой. Кикаха предвидел, что птицы, вырвавшись из города и глотнув воздух свободы, первым делом попытаются убить своих освободителей. Поэтому он посоветовал Анане сохранять бдительность и прыгать в воду при первых признаках опасности.

До поверхности воды оставалось футов пятьдесят, когда Девиванира попыталась вонзить в Кикаху клюв. К счастью для Кикахи, ей не удалось согнуться настолько, чтобы схватить и разорвать намеченную жертву. Огромный желтый клюв промелькнул в восьми дюймах над его годовой.

— Прыгай! — закричала она. — Ты утащишь меня в воду! Я же утону!

Кикаха этого и добивался, поскольку боялся, что птицы догадаются об очень простом и эффективном способе уничтожения своих ездоков. Если бы Девиванира зависла в воздухе, а Антиопа спустилась к Кикахе, она могла бы как следует ошипать его клювом. Затем две птицы поместились бы местами и расправились с Ананой.

Он откинулся назад, перекувырнулся в воздухе и, вытянувшись всем телом, без всплеска нырнул в воду вниз головой. Выплыв на поверхность, он увидел завершение великолепного прыжка Ананы. Беглецы находились в двухстах пятидесяти ярдах от ближайшей из пяти заякоренных галер. На расстоянии полутора миль вниз по течению показались приближающиеся яркие огни. В свете факелов поблескивали шлемы и мелькали весла, взбивавшие воду.

Над рекой, набирая высоту, летели орлицы — два черных пятна в потоках лунного света.

Кикаха окликнул Анану, и они поплыли к ближайшему кораблю. Одежда и оружие тянули Кикаху ко дну. Он сбросил с себя тунику, а потом скрепя сердце избавился от пояса и длинного ножа. Ему не хотелось расставаться с ними, но испытания последних сорока восьми часов и нехватка еды истощили его силы. Анана сделала то же самое.

В конце концов они добрались до галеры и вцепились в якорную цепь, переводя дыхание и со всхлипами втягивая воздух в натруженные легкие. На палубе судна царил абсолютная тишина. Если тут и был вахтенный матрос, то он, очевидно, спал.

Патрульная лодка быстро двигалась вверх по течению. Однако Кикаха считал, что солдаты их заметить не могли. Он быстро изложил Анане план дальнейших действий. Набрав в легкие побольше воздуха, Кикаха нырнул под корпус корабля. Добравшись до середины судна, он раз-

вернулся и направился вдоль продольной балки к корме, ощупывая доски через каждые несколько гребков. Наконец он всплыл под нависавшей кормой, так и не отыскав того, что хотел. Анана, которая исследовала дно передней половины галеры, встретилась с ним у якорной цепи. Она тоже ничего не нашла.

Кикаха отдышался и заговорил:

— Может случиться так, что ни на одном из этих кораблей не окажется тайника для контрабандных товаров. По теории вероятности мы можем обыскать еще сотню посуды, но так ничего и не найти. А патруль все ближе и ближе.

— Тогда давай уйдем по суше,— предложила Анана.

— Только в том случае, если мы не найдем тайника. Без коней на суше нечего делать. И нам не удастся уйти от погони.

Кикаха поплыл к следующей галере и снова исследовал киль. Это и еще одно судно не имели потайных камер. К тому времени Кикаха уже отчетливо слышал плеск весел патрульной лодки.

Внезапно с той же стороны донесся хлопок, похожий на выстрел из слоновьего ружья. Потом раздался второй хлопок, и вслед за этим послышались крики орлиц и людей.

Корпус галеры закрывал обзор, но Кикаха догадался, что случилось. Зеленые орлицы вернулись, чтобы выследить и убить его. Не обнаружив Кикаху, они решили выместить злобу за долгий плен на ни в чем не повинных солдатах. Упав с ночного неба, они атаковали речной патруль. Хлопающие звуки раздались после того, как орлицы раскрыли свои огромные крылья, замедляя стремительное падение. И теперь, оказавшись в лодке, они рвали людей когтями и клювами.

Послышалось несколько всплесков. Крики и вопли длились около минуты. А затем наступила тишина.

Клич триумфа, похожий на рев слона, сменился хлопанием огромных крыльев. Кикаха и Анана нырнули под четвертую галеру, стараясь скрыться от зорких глаз орлиц.

Всплыв на поверхность воды под высокой кормой, Кикаха услышал шелест крыльев. Чуть позже он увидел,

как птицы, сделав несколько кругов над соседним судном, поднялись в воздух и исчезли в темно-зеленой мгле ночного неба. Очевидно, они отказались от затеи найти его. Или просто хотели набрать высоту, чтобы неожиданно напасть с небес. Он окликнул Анану, но она куда-то исчезла. Кикаха не видел ее уже несколько минут. А значит, она либо утонула, либо нашла тайник для контрабанды, либо попросту испарилась в воздухе.

Он поплыл к передней части судна, и вскоре его рука прошла по краю отверстия, вырезанного в киле. Кикаха приподнял голову и разглядел светлый проем, выделявшийся на фоне темно-серого днища. Проникнув в это отверстие, он оказался в квадратном помещении, которое освещалось небольшой лампой. Верхняя часть люка выдавалась над водой на пару футов, а выше находился настил, который служил полом потайной камеры. Кикаха проморгался и увидел Анану, стоявшую на четвереньках. Сжимая нож в руке, она с усмешкой смотрела то на него, то себе под ноги.

Взобравшись на борт люка, Кикаха понял причину ее странных взглядов. На полу, растянувшись у ее ног, лежал мужчина в тишкветмоакской одежде.

— Он спал, когда я вылезла из воды, — с улыбкой сказала Анана. — Наверное, мне просто повезло, потому что он мог бы проткнуть меня копьём еще до того, как я бы что-то заметила. Мне пришлось на всякий случай ударить его по шее, и теперь, вероятно, он еще долго не проснется.

Ширина настила от стены до люка с каждой стороны равнялась примерно четырем футам. Тайник был пуст, не считая небольшой кучи мехов, одеял, бочонка с картограммой джина и нескольких деревянных ящиков с металлическими уголками, в которых могла храниться еда — а Кикаха очень надеялся на это. Пустота тайника имела одно большое преимущество — контрабандный товар уже забрали, а значит, можно не ожидать появления пловцов, нанятых для приема груза. Дым от лампы поднимался к множеству мелких отверстий в потолке и верхней части стены. Прислонившись щекой к нескольким из них, Кикаха почувствовал легкий сквознячок. Он понимал, что

свет из тайника невозможно заметить с палубы — даже тем, кто будет находиться прямо над ними. Но Кикаха хотел убедиться в этом наверняка.

— Такие тайники есть на многих галерах, — сказал он Анане. — Иногда капитаны знают о них, а иногда — не знают. — Он указал на мужчину. — Мы допросим его позже.

Кикаха связал тишкветмоаку лодыжки и, перевернув пленника на живот, скрутил ему руки за спиной. Несмотря на усталость и желание заснуть, он снова погрузился в воду. Вынырнув рядом с якорной цепью, Кикаха вскарабкался по ней на палубу и тщательно осмотрел галеру. Постовых он не обнаружил, но получил хорошее представление о конструкции судна. Кроме того, он нашел несколько полосок сушеного мяса и сухари, сложенные в водонепроницаемые кишки. Орлиц в поле зрения не оказалось. Патрульную лодку снесло течением, и ему не удалось разглядеть в ней тела — если только они там были.

Когда он вернулся в тайник, пленник уже пришел в себя.

Петоток сказал, что прятался здесь от полиции, но отказался говорить, за что именно и по какому обвинению. Он ничего не знал о вторжении. И более того, даже не поверил их рассказу.

Кикаха на миг задумался, а затем обратился к Анане:

— Я думаю, наш побег видели многие, поэтому поиски в городе скоро прекратятся. Они начнут искать нас в старом городе, на фермах и в сельской местности. Они обыщут каждый корабль. А потом, потеряв наш след, драк-ландцы позволят городу вернуться к нормальной жизни. И эта галера отправится куда-нибудь по реке.

Кикаха спросил Петотока, где они могут достать еды, чтобы им троим хватило ее на месяц. Глаза Ананы расширились.

— Жить месяц в этой сырой и вонючей дыре? — недоверчиво спросила она.

— Если ты только хочешь остаться в живых, — ответил Кикаха. — Я искренне надеюсь, что мы не задержимся здесь слишком долго, но мне хотелось бы иметь резерв продуктов на случай непредвиденных обстоятельств.

— Но я сойду здесь с ума! — закричала она.

— Сколько тебе лет? — спросил он. — Не меньше десяти тысяч, верно? Неужели ты до сих пор не научилась правильно относиться к таким ситуациям, как эта?

— Я никогда не предполагала, что окажусь в подобной ситуации, — огрызнулась она.

Кикаха улыбнулся:

— Так, значит, за десять тысячелетий случилось что-то новенькое? Ты должна быть рада развеять старую скуку. Она неожиданно засмеялась:

— Я устала и немного расстроилась. Но ты прав. Лучше прятаться от смерти, чем смертельно скучать. И то, что с нами случилось... — Она развела руки в стороны, показывая, что у нее нет слов.

Действуя по указке Петотока, Кикаха вновь взобрался на палубу и спустил на воду небольшую шлюпку. Причалив к берегу и взломав дверь небольшого товарного склада, он наполнил лодку продуктами и вернулся к галере. Потом ему пришлось привязать лодку к якорю и сплавить за Ананой. А дальше начался каторжный труд. Они ныряли, плавали и снова ныряли, переноса в сетках пакеты с едой. К концу работы они так устали, что едва выползли из воды на борт люка. Кикаха отпустил шлюпку, и ее снесло течением. Проводив ее взглядом, он нырнул в последний раз.

Дрожа от холода и перенапряжения, Кикаха отчаянно боролся со сном. Имея за плечами богатый опыт, он опасался оставлять контрабандиста без охраны. Анана предложила не создавать себе лишних проблем. По ее мнению, пленника полагалось прикончить. Петоток с тревогой прислушивался к разговору, хотя они говорили на языке властителей, которого он не понимал. Увидев, как Анана чиркнула пальцем по горлу, пленник догадался о причине спора, и, несмотря на темную кожу, его лицо побледнело.

— Я не буду убивать без надобности, — сказал Кикаха. — Кроме того, если он даже умрет, нам все равно придется дежурить по очереди. Что, если явятся другие контрабандисты? Застав нас спящими, они воспользуются моментом, и мы окажемся в их власти. Клататол и ее друзья устояли перед соблазном получить награду, хотя я не уверен, что они удержались бы от большей суммы. Однако другие могут не проявить такого благородства.

Он нес первое дежурство и не засыпал только потому, что все время поливал лицо и голову водой, беседовал с Петотоком и шагал по настилу тайника. Когда прошло два часа, Кикаха разбудил Анану, похлопав ее по щекам и брызнув в лицо водой. Взяв с нее обещание не поддаваться дремоте, он закрыл глаза и погрузился в беспробудный сон.

Они дважды сменяли друг друга. Потом Анана разбудила его в третий раз, но уже не для того, чтобы передать дежурство.

Закрыв ладонью рот Кикахи, она шепнула ему на ухо: — Тихо! Ты храпел! А на борт поднялись люди!

Кикаха долго лежал, прислушиваясь к торопливому топоту, разговорам, крикам, ударам и грохоту груза, который передвигали с места на место. Солдаты простукивали переборки и палубы, пытаясь отыскать потайные отсеки.

Прошло тысяча двести секунд, каждую из которых Кикаха молча отсчитал. В конце концов поисковая группа ушла.

И снова Кикаха с Ананой пытались по очереди навострять упущенный сон.

Глава 7

Когда беглецы почувствовали себя достаточно отдохнувшими, чтобы бодрствовать вместе, Кикаха спросил Анану, как она оказалась в такой ситуации.

— Черные Звонари,— ответила та и подняла правую руку.

На среднем пальце сверкнуло кольцо из черного металла с большим темно-зеленым драгоценным камнем.

— Я отдала все свои драгоценности контрабандистам, но это оставила себе,— сказала Анана.— Я отказалась отдать им его. Мне пришлось сказать, что они могут снять кольцо только с моего трупа. И в какой-то момент я подумала, что они убьют меня.— Она помолчала.— Дай-ка вспомнить, как это началось. Сначала Черные Звонари не представляли никакой угрозы. Около десяти тысяч лет назад ученые нашей расы создали искусственную форму

жизни. И они подошли к ее созданию во время поисков истинного бессмертия.

Звонари имели форму колокола. Они изготавливались из черного материала, не поддававшегося разрушению. Звонарь не пострадал бы даже в том случае, если бы рядом с ним взорвалась водородная бомба. Его можно было бросить в центр пылающей звезды, и он оставался бы там невредимым миллиарды лет.

Ученые создали Звонарей таким образом, что те действовали чисто автоматически. Они не имели собственного разума и первоначально изготавливались как обычные устройства. Прибор помещали на голову человека, крохотные датчики считывали поверхностный потенциал кожи, и колокол автоматически выпускал два очень тонких, но крепких электрода. Они проникали сквозь череп и внедрялись в мозг.

Через эти электроды Звонарь разгружал содержание человеческого ума и расчленял цепочки гигантских протеиновых молекул, составляющих память. Он разрывал сложнейшие нервные связи, уничтожая все, что хранилось в сознании и подсознании человека.

— А какой в этом смысл? — спросил Кикаха. — Зачем властителям понадобилось разлагать разум на части, то есть разгружать себе мозг? Они же превращались в ничего не сознающих младенцев — *tabula rasa*.

— Конечно, но ты не понял их идеи до конца. Все содержание разгруженного и расчлененного мозга вносилось в сознание человека, который принадлежал властителю, — раба.

Кикаха привык ничему не удивляться. И слова Ананы вызвали у него скорее не изумление, а тошноту.

— Но зачем? Для чего...

— Это было необходимо, — серьезно и рассудительно ответила Анана. — Раб все равно бы когда-нибудь умер. Так какая разница? А властитель мог бы сохранить жизнь — даже в том случае, если бы его телу нанесли смертельную рану.

Она не стала говорить о величии той технологии, которая позволяла властителям жить тысячи и даже миллионы лет, не будь в их мире несчастных случаев, самоубийств

и взаимного истребления. Кикаха знал это и без нее. Отсутствие старения, даже в легкой степени, наблюдалось у всех существ многоярусной планеты. Воды этого мира содержали синтезированные Вольфом субстанции, которые предохраняли людей от старения примерно тысячу лет. Эта же вода уменьшала способность к воспроизведению потомства, поэтому проблем перенаселения не возникало.

— Поначалу Звонари представляли собой устройства, с помощью которых воспоминания властителя могли переписываться в мозг носителя. Подобным образом властитель как бы переходил в новое тело, если старое умирало от ран.

На случай непредвиденных обстоятельств матрицу-колокол создавали с таким расчетом, чтобы запись, дублировавшая мозг, могла храниться потрясаяще долгое время. Колокол оснастили мощным энергоблоком, который при желании потребителя мог обеспечивать любое функционирование записанного ума. Кроме того, матрица автоматически откачивала нервную энергию носителя для подзарядки своей силовой батареи. В процессе сканирования ума нервные связи расчленялись. Это вызывало разрушение всех ячеек психоструктуры, и после перезаписи в колокол мозг становился абсолютно пустым. Его содержание копировалось в матрицу, которая превращалась не только в хранилище, но и в дубликат записанного ума.

— Я могу это повторить, лишь бы ты понял,— добавила Анана.

— Пока мне все ясно,— ответил Кикаха.— Но я не думаю, что каким-то расчленением и разрушением молекул, сканированием и копированием разума можно достичь истинного бессмертия. Мозг — не чашка, а разум — не вода. Его не перелить из одной головы в другую. И это не настоящий перенос разума. На самом деле ваши ученые переписывали содержание обоих полушарий и других долей мозга, стирая при этом всю информацию, которая хранилась в них. Но разве созданные ими колокола имели подсознание? Мне это напоминает запись на магнитофоне — лента прокручивается, и создается идентичный мозг, но только в другом вместилище. Однако дублиро-

ванный мозг всегда будет оставаться лишь жалким подобием оригинала. В действительности первый мозг умирал. А второй воспринимал себя первым только потому, что нес в себе его воспоминания. Но на самом деле оставался копией.

— Устами младенца глаголет истина, — с усмешкой сказала Анана. — И ты был бы прав, не будь на свете такой штуки, как психика или душа. А у властителей имелось неоспоримое доказательство того, что в каждом разумном существе обитает некая надпространственная и вневременная сущность. Она есть даже у вас, людей, и является своего рода воплощением психической памяти тела, или сомы. Она как бы отражает психосому или, возможно, наоборот.

В любом случае психика представляет собой вторую половину «реального» человека. И когда скопированный телесный мозг встраивался в матрицу-колокол, психика, или душа, тоже переходила туда. Вот почему, передавая запись разума новому носителю, колокол наделял его и новой душой.

— У вас есть доказательства того, что душа существует? — удивленно спросил Кикаха. — Это что — фотографии? Чувственные симптомы? Какие-то предметные факты?

— Сама я о них ничего не знаю, — ответила Анана. — И честно говоря, не знаю таких людей, которые видели бы эти доказательства. Но нас заверяли, что они существуют.

— Прекрасно! — воскликнул он с сарказмом, который она просто не могла не заметить. — И что же дальше?

— Первая стадия эксперимента потребовала свыше пятидесяти лет, и только потом, мне кажется, колокола стали абсолютно безопасными и идеально настроенными. Исследования в основном велись на рабах. Многие из них погибли или стали идиотами.

— Во имя науки!

— Во имя властителей! — поправила она. — Во имя бессмертия для властителей. Но подопытные люди, а позже и подопытные властители сообщали о невыносимом чувстве разобщения с реальностью, о муках раздвоения, которые они переживали все то время, пока их разум нахо-

дился в колоколах. И тогда ученые обнаружили, что при выдвинутых электродах мозг в матрице обретал способность к восприятию внешнего мира — вернее, к фрагментам внешнего мира, поскольку восприятие оказалось очень ограниченным. Чтобы преодолеть чувство изоляции и паники, ученые улучшили разрешающую способность электродов-антенн. С тех пор колокола могли воспринимать звуки, запахи и простейшие зрительные образы.

— Значит, Черные Звонари являются бывшими властителями? — спросил Кикаха.

— Нет. Кто-то из ученых случайно наткнулся на зачатки разума у неиспользованных колоколов, и оказалось, что они могут развивать свою собственную сущность. Фактически любая неиспользованная матрица являлась недоразвитым Звонарем. И если с ней беседовали, играли, обучали речи и называли по имени, то есть развивали эмбриональную личность, устройство переставало быть вещью и превращалось в разумное существо — пусть очень странное и чуждое нам, но разумное.

— Другими словами, ведро для мозгов обретало сознание,— подытожил Кикаха.

— Вот именно. Ученых пленило это открытие. Они создали отдельную программу по обучению разумных матриц. Они обнаружили, что колокол может стать таким же многофункциональным и умным, как взрослый властитель. К тому времени о первоначальном проекте забыли. Но недоразвитые колокола по-прежнему использовались как хранилища для избыточных воспоминаний властителей.

— Мне кажется, я знаю, что случилось потом,— сказал Кикаха.

— Никто не знает, что там случилось на самом деле,— возразила Анана.— Ученые вырастили десять тысяч полностью развитых матриц и какое-то число малышей. Однажды какому-то колоколу удалось ввести свои иглы-антенны в череп властителя. Он расчленил и уничтожил его мозг, а затем перенес свой разум в тело носителя. И тогда, одного за другим, они захватили всех занятых в проекте ученых.

Догадка Кикахи оказалась верной. Властители создали своего собственного Франкенштейна.

— К тому времени мои предки увлекались созданием личных вселенных. Каждый творил, что хотел, — продолжала Анана. — Как истинные властители, они считали себя богами — если только боги действительно существовали когда-то на свете. Тем не менее наша первая вселенная продолжала оставаться домом для подавляющей массы населения.

Используя тела носителей, Звонари перебрались из материнской вселенной в личные миры. Со временем истина раскрылась, но никто не знал, кого они уже захватили, а кого еще нет. Слишком многие из властителей прошли через процедуру перемещения памяти, и по крайней мере десять тысяч из них оказались, как мы это называем, «прозвоненными».

Война с Черными Звонарями длилась двести лет. И я родилась в эпоху великих битв. К тому времени они уничтожили почти всех ученых и технологов. Больше половины населения погибло в боях. Родную вселенную властителей разграбили и превратили в ядерный циклон. Это стало концом прогресса и науки. Это стало началом солипсизма* властителей. Те, кто выжил, имели в своем распоряжении огромное могущество, великолепную аппаратуру и хитроумные устройства, но знание принципов, стоявших за этой технологией, было утеряно навсегда.

Из десяти тысяч Звонарей спаслось лишь пятьдесят. Они исчезли, и нам не удалось отыскать их след. Остальных девять тысяч девятьсот пятьдесят Звонарей загнали в специально созданную для них вселенную. Вокруг нее установили тройное ограждение, чтобы никто не мог ни войти, ни выйти.

— А пропавшие пятьдесят?

— Их так и не нашли. Какое-то время властители жили на грани паники, подозревая всех и каждого. Однако случаев «прозвонки» не наблюдалось, и страхи понемногу улеглись. Но о пятидесяти пропавших Звонарях мы не забывали никогда. — Анана снова подняла правую руку. — Видишь это кольцо? Оно может обнаружить колокол Черного Звонаря на расстоянии двадцати футов. К сожален-

* Солипсизм — доведенный до крайности субъективный идеализм.

нию, оно не может распознать Звонарей, которые находятся в телах носителей. Но они не любят удаляться от своих матриц. Когда тело получает серьезное ранение, Звонарь старается перенести свой мозг обратно в матрицу, иначе вместе с телом погибнет и он.

Кольцо, обнаружив матрицу-колокол, включает тревожное устройство, вживленное в мозг властителя. Сигнал от него стимулирует особую зону нервной системы, и властитель слышит звон колоколов. Вот почему этих существ прозвали Звонарями. Насколько мне известно, колокольный звон не раздавался около десяти тысяч лет. Но две недели назад мы трое услышали его вновь, и каждый из нас понял, что древний ужас вырвался на свободу.

— Так это те пятьдесят, которых вы недосчитались? — спросил Кикаха.

— Возможно, не все пятьдесят. Сама я видела лишь нескольких, — ответила Анана. — Мне кажется, исчезнувшие Звонари прятались в одной из личных вселенных. Они вернулись в матрицы и пролежали где-то десять тысячелетий, пока какой-то человек, какой-то лебля... — Она замолчала, увидев выражение лица Кикахи, а затем продолжила: — Какой-то человек случайно натолкнулся на их тайное убежище. Он оказался любопытным и положил одну из матриц себе на голову. Колокол автоматически выпустил иглы-антенны, пробудив Звонаря от многовекового сна. Он произвел обезболивание кожи и на несколько мгновений лишил человека подвижности, чтобы тот не оказал сопротивления при внедрении в мозг. Звонарь вонзил электроды в череп, разрядил воспоминания и разрушил конфигурацию нервной системы. Он перенес свой разум в тело жертвы, а затем в образе человека нашел носителей для остальных сорока девяти Звонарей. И вот теперь эта свора оборотней решила нанести молниеносный ответный удар.

Трудно сказать, сколько вселенных посетили Звонари и скольких властителей они убили или превратили в носителей. Однако им не повезло с троими: Ананой, Нимстовлом и Юдуброй. Анане и Нимстовлу удалось сообщить Юдубре о грозившей опасности, и тот разрешил им укрыться в его вселенной. Только Черные Звонари могли заставить властителей забыть о вечной вражде с сородичами.

Но когда Юдубра начал восстанавливать свою систему защиты, через нее прорвался враг. Троиим властителям удалось открыть врата в Многоярусный мир и попасть во дворец Вольфа.

До них дошли слухи, что Ядавин стал слабым, больным и мягкосердечным. Они выбрали его мир в надежде на то, что он даст им приют, если они проявят к нему дружелюбие. Но дворец оказался пустым, и они встретили только толосов — полуметаллических, полупротеиновых роботов, которые прислуживали Вольфу и Хрисеиде и охраняли их.

— Вольф исчез? — удивленно переспросил Кикаха. — И Хрисеида тоже? Но куда?

— Я не знаю, — ответила Анана. — У нас почти не было времени на осмотр дворца. Нам пришлось бежать из центра управления. И мы вошли во врата, даже не зная, куда они ведут. По воле судьбы они доставили нас в храм Оллимамла, из которого мы бежали в город Таланах. Нам посчастливилось встретить Клататол, и ее шайка укрыла нас от посторонних глаз. Не прошло и четырех дней, как город захватили дракландцы. Я не знаю, как Черные Звонари овладели фон Тарбетом и его людьми.

— Они прошли через врата в Дракландию и захватили двух королей, подданные которых до сих пор ни о чем не догадываются, — ответил Кикаха. — Звонари, конечно же, не знали, что я нахожусь в Таланак. Однако по фильмам и записям во дворце они посчитали меня ключевой фигурой этого мира. Звонари явились сюда за вами, но кто-то проболтался им о моем приезде в Таланах. И они решили устроить на меня облаву.

— А зачем им нужен ты?

— Я знаю почти все о тайных вратах и ловушках дворца. Звонари, очевидно, хотят пробраться в арсенал Вольфа, но для этого необходим условный код. Вот почему я нужен им живой. И ради этой информации они готовы идти на любые жертвы.

— Скажи, а во дворце есть какие-нибудь летательные аппараты? — спросила Анана.

— Нет, у Вольфа никогда их не было.

— Значит, Звонари принесут сюда самолеты из моего мира. Им придется разобрать их на части, чтобы прота-

щить через узкие ворота во дворец. Какое-то время уйдет на сборку. Но если люди увидят самолет, они потребуют от Звонарей каких-то объяснений.

— Да, и Звонари скажут им, что это магические лодки,— ответил Кикаха.

Он вспомнил о роге Шамбаримена, или Илмарволкина, как иногда его еще называли. Эх, будь у него этот рог... Когда в резонансных точках любой вселенной на нем проигрывали определенную последовательность нот, эти точки становились воротами между двумя вселенными. Кикаха знал, как использовать рог для открытия врат Многоярусного мира. А значит, они могли бы обойтись без серебристых полумесяцев. Но Анана не видела рога. Возможно, Вольф и Хрисеида забрали его с собой.

Дни и ночи, сменявшие друг друга, не отличались особым комфортом. Чтобы размять ноги, беглецам приходилось кружить вокруг колодца люка, но, когда это делал Петоток, Кикаха предусмотрительно привязывал к его шее веревку. Спали они по очереди, сменяясь через два часа. Поначалу Кикаха решил экономить масло и зажигать лампу только в исключительных случаях, но темнота в крошечном тайнике действовала настолько угнетающе, что они держали лампу зажженной большую часть времени.

Третий день ожидания принес перемены. На борт поднялось множество людей. Якорь выгасили, и судно отогнали к пристани. Сквозь деревянные переборки и настил палубы доносились звуки погрузки. Она продолжалась сорок восемь часов без перерыва. Наконец галера покинула гавань, и гребцы взялись за работу. Шли дни, а спрятавшиеся в тайнике люди слышали только стук колотушки, задававшей темп, визгливый скрип уключин, плеск весел и журчание воды.

Глава 8

Путешествие продлилось шесть дней, а затем судно остановилось, бросило якорь, и звуки разгрузки заполнили узкое пространство их убежища. Кикаха не сомневался, что они плыли на запад к краю Великих прерий.

Когда все затихло, он нырнул в воду. Всплыв под изогнутой кормой, Кикаха увидел доки, корабли, костер пе-

ред большим бревенчатым зданием и невысокую, поросшую лесом гряду, которая тянулась на востоке.

Он узнал последний приграничный порт для речных кораблей. Здесь товары перегружались в гигантские фургоны и отправлялись караванами по Большому торговому пути.

Кикаха не собирался отпускать Петотока. Тем не менее он проявил такт и спросил пленника, хочет ли тот остаться или рискнет присоединиться к тишкетмоакам. Петоток ответил, что его разыскивают за убийство полицейского, поэтому он хотел бы пойти с ними.

Пробравшись на ферму у городской окраины, они украли одежду, трех лошадей и оружие. Для этого им пришлось оглушить фермера, его жену и двух сыновей, пока те спали крепким сном.

Тихо проскользнув мимо укреплений города и форта, беглецы поскакали к холмам и за час до рассвета оказались у границы Великих прерий. Они решили какое-то время следовать по торговому пути, направляясь в деревню хроваков, которая находилась в горах, за тысячу миль отсюда. Там они могли спланировать поход к любым тайным врагам на этом уровне.

Во время заточения в тайнике галеры Кикаха всеми силами старался поддерживать моральный дух Ананы. Он шутил и смеялся, правда, потихоньку, чтобы не услышали матросы. Теперь же он походил на извергавшийся вулкан — смех, юмор и восторженные крики изливались из него подобно лаве. Анана назвала его самым счастливым человеком, какого она когда-либо видела в своей долгой жизни. И действительно, Кикаха буквально сиял от радости.

— А почему бы и нет? — Он взмахнул рукой, показывая на Великие прерии. — Этот воздух напоен ароматами солнца, земли и жизни. Куда ни посмотри, везде обширные холмистые степи. Они похожи на прерии Северной Америки до прихода белых людей, но я бы назвал их более экзотическими, романтическими, цветастыми, и ты сама можешь выбрать для них какое угодно определение. Тут пасутся миллионы бизонов, диких лошадей, оленей и антилоп. Здесь можно увидеть огромных хищников — полосатых степных львов, прозванных учеными «фелис

атрокс», и бегущих львов, которые напоминают пуму, прошедшую эволюцию гепарда. Крутом рыщут ужасные степные волки, койоты и собаки прерий. Это царство жизни! Ты увидишь не только доколумбовских животных, но и множество вымерших на Земле зверей, которых Вольф успел протащить через врата в свое время. Ты увидишь мастодонтов, мамонтов, уинтатериев, степных верблюдов и многие другие паритеты.

А сколько здесь кочевых племен америндейцев! Это какое-то смешение американских индейцев, скифов, сарматов, белых кочевников из России и Сибири. А полукони! Ты бы только видела этих кентавров, созданных Ядавином! Их речь и обычаи во многом такие же, как и у остальных племен прерий.

Об этих местах можно говорить бесконечно! А сколько я еще не знаю, но узнаю однажды! Представь, этот уровень занимает площадь, на которой могли бы поместиться Северная и Южная Америки моей родной Земли!

Это сказочный мир! Мой мир! Я верю, что рожден для него, и именно поэтому мне повезло попасть сюда! Это опасный мир — но скажи, какой мир, включая и Землю, не опасен? Ты права! Возвращаясь в прерии, я чувствую себя самым счастливым из людей! И меня не затащишь теперь на Землю ни за какие деньги — потому что этот мир мой!

Анана слегка улыбнулась и покачала головой:

— Ты восторгаешься так только потому, что еще молод. Подожди, пока тебе стукнет десять тысячелетий. И ты вряд ли тогда найдешь повод для радости.

— Хорошо, я подожду, — ответил Кикаха. — Мне уже пятьдесят лет, но я чувствую себя трепетным двадцатипятилетним юношей — если ты, конечно, извинишь меня за такую банальную фразу.

Анана не знала, что означают банальные фразы, и Кикаха постарался ей это объяснить. Он выяснил, что Анана бывала на Земле несколько раз и что ее последний визит приходился на 1888 год. По ее словам, она отправлялась туда «на каникулы».

На исходе дня они подъехали к роще. Кикаха сказал, что им следует устроить здесь стоянку на ночь. Он отпра-

вился на охоту и вернулся с карликовым оленем. Путешественники освежали его и зажарили мясо над небольшим костром. Потом, нарубив ветвей и соорудив платформу на развилке двух больших суков, они договорились нести часовые вахты. Анана сомневалась, стоит ли ей спать во время дежурств Петотока, но Кикаха сказал, что беспокоиться не о чем. Тишкветмоак провел всю жизнь в городе. Этот дикий край казался ему открытой пастью смерти. И он был слишком напуган мыслью об одиночестве, чтобы замышлять побег или убийство своих спутников. Анана смущенно улыбнулась и призналась, что рада компании Кикахи.

Слова Ананы удивили его — причем удивили приятно.

— В общем-то, ты тоже человек, — ответил он. — И возможно, с тобой еще не все потеряно.

Она рассердилась, повернулась к нему спиной и притворилась, что засыпает. А он еще долго усмехался, неся первую вахту.

В небе светил зеленый прожектор луны. Вокруг раздавалось множество звуков, но все они шли издалека — где-то в прерии трубил мамонт или мастодонт, а из глубины роши порывивал лев. Чуть позже он услышал фыркание дикой лошади, вслед за которым донесся свист гигантской ласки. Протяжный звук заставил Кикаху похолодеть; кони встряхнули головами и тихо заржали. После людей и полуконей самым опасным зверем в прерии считалась ласка. Кикаха насторожился. Но прошел час; огромная тень так и не появилась. Лошади постепенно успокоились.

Разбудив Петотока, Кикаха рассказал ему о животном и приказал высматривать каждую тень, похожую на длинное верткое тело. Заметив испуг в глазах тишкветмоака, Кикаха посоветовал ему стрелять во все, что покажется подозрительным. Теперь он знал, что Петоток не заснет во время своего дежурства.

Уже на рассвете, заканчивая очередное дежурство, Кикаха заметил странный отблеск на белом пятне, появившемся в небе. Сначала он подумал, что ему помешало, но луч солнца вновь отразился от летающего объекта. Самолет находился далеко, но быстро приближался. Вскоре Кикаха разглядел длинный, похожий на иглу

корпус. Когда самолет пронесся над рошей, он заметил выпуклость в верхней части корпуса, напоминавшую кабину, а в ней — силуэты четырех человек.

Потом самолет помчался в сторону прерий и исчез в бескрайних просторах.

Кикаха разбудил Анану и рассказал ей о том, что видел.

— Наверное, Звонари протащили самолет из моего дворца. Это плохо, — ответила она. — Самолет может быстро покрывать огромные расстояния. К тому же он оснащен двумя дальнобойными лазерами. Кроме того, у Звонарей есть ручные лучеметы.

— Нам придется пробираться по ночам, — задумчиво сказал Кикаха. — Однако и тогда мы будем часто оказываться на открытой местности. В прерии достаточно рощ, но на нашем пути их не так много.

— Они могли унести из моего мира несколько самолетов, — сказала Анана. — И один из них может летать по ночам. У них есть приборы ночного видения, которые определяют местоположение тел по излучаемому теплу.

С тревожным чувством путешественники выехали на открытую местность, надеясь, что судьба все-таки не сведет их со Звонарями. На следующий день, поднимаясь на гребень небольшого холма, Кикаха увидел всадников, которые скакали вдали. Сначала он решил, что это кочевники прерий или ташкветмоаки. Но Кикаха ошибся. Латы воинов поблескивали на солнце; несмотря на жару, солдаты носили шлемы и кирасы. Он обернулся, чтобы предупредить попутчиков.

— Это скорее всего тевтоны из Дракландии, — сказал он. — Я не знаю, как они добрались сюда так быстро. Впрочем, подожди... Ну да! Очевидно, они прошли через врата в десяти милях отсюда. Полумесяцы вделаны в вершины двух вкопанных глыб вблизи небольшого родника. Я думал завернуть туда по пути, чтобы осмотреться. Хотя в этом мало толку — врата действуют только в одну сторону.

Тевтонов, видимо, послали на поиски Кикахи, чтобы перерезать ему путь, если он попытается уйти в горы к хровакам.

— Им потребуются миллионы людей, чтобы найти нас в Великих прериях, и даже тогда мы можем без труда улизнуть от них,— сказал Кикаха.— Но меня беспокоит самолет. И, честно говоря, кое-что еще.

Три дня прошло без происшествий, если не считать случая, когда в небольшом овраге они наткнулись на семейство «фелис атрокс». Взрослые животные вскочили на ноги и предостерегающе зарычали. Самец весил около девятисот фунтов; на его темно-желтой шкуре выделялись бледные полосы. Голову украшала короткая грива, не более дюйма длиной. Самка уступала ему в размерах и весила не больше семисот фунтов. Рядом резвились два детеныша ростом с небольших оцелотов.

Кикаха тихо велел спутникам держаться позади него, затем медленно развернул дрожавшего жеребца и не спеша, почти шагом, направился обратно. Львы кинулись следом, но, сделав несколько прыжков, остановились, свирепо рыча и сверкая глазами. Они не стали продолжать погоню. Позади них лежала наполовину обглоданная туша дикого полосатого осла, и у них не было желания гоняться за незванными гостями.

На четвертый день они увидели торговый караван тишкетмоаков. Кикаха скакал в полумиле от него. Его не могли узнать с такого расстояния, и, пользуясь этим, он хотел собрать о караване по возможности больше сведений. Кикаха не мог объяснить Анане точной причины своего любопытства — просто ему нравилось узнавать всякие вещи, чтобы потом не оставаться в дураках, когда случалось что-то непредвиденное. Вот и все.

Анана боялась, что Петоток воспользуется случаем и убежит с караваном. Но Кикаха не расставался с луком, а их спутник не раз уже видел его мастерство в обращении с оружием.

Караван состоял из сорока огромных фургонов. Для дальних перевозок тишкетмоаки предпочитали двухъярусные десятиколесные повозки. Каждый фургон тянула упряжка из сорока мулов, более крупных, чем першероны. Рядом катили небольшие фургончики, оборудованные под спальни и столовые для охранявших караван кавале-

ристов. Кикаха насчитал около пятидесяти охранников. Позади тянулась вереница запасных лошадей для кавалерии и сменных мулов для повозок. Всего в караване оказалось около трехсот пятидесяти мужчин, женщин и детей.

Кикаха по-прежнему сохранял выбранную им дистанцию, изучая каждую деталь.

— Что ты об этом думаешь? — спросила его Анана.

Он усмехнулся:

— Караван пройдет в двухстах милях от гор хроваков. Он будет добираться туда чертовски долго, поэтому мой план не очень практичен. К тому же он слишком смел. И еще надо учесть, что с нами едет Петоток.

Дав немного поуживаться, он рассказал ей о своем плане. Поначалу Анана решила, что он спятил. Но после недолгих размышлений признала, что риск и нестандартность идеи действительно могут привести к успеху — если только им очень повезет. Но, как Кикаха уже сказал, приходилось брать в расчет Петотока.

Несколько раз, уловив момент, когда тишкветмоак удалялся по нужде, Анана заводила разговор о его убийстве. Она твердила, что их спутник опасен, что он может вонзить в их спины нож при любом удобном случае, не говоря уже о предательстве в обмен на свободу и жизнь. Кикаха соглашался с ней, но не желал совершать неоправданное убийство. Он подумывал, не оставить ли Петотока в прерии, но боялся, что его поймают преследовавшие их Звонари.

Беглецы удалились от каравана и пару дней двигались параллельным курсом на расстоянии трех-четырех миль. По ночам они отъезжали еще дальше, поскольку Кикаха не хотел, чтобы караванщики застали их врасплох. На третий день он решил оставить караван и отправиться на юг.

Под вечер, заметив в небе блестящую точку, их маленький отряд помчался к группе редких деревьев, которые могли прикрыть их густыми кронами. Привязав лошадей к кустам, они прокрались в высокой траве на вершину холма и начали следить за караваном.

Тишкветмоаки находились довольно далеко, и трое беглецов едва различали фигуры людей. Самолет опустился

перед первым фургоном и завис в фуге от земли. Караван остановился.

Через какое-то время у самолета собралась группа людей. Даже с такого расстояния Кикаха видел, как они яростно махали руками. Но торговцы протестовали напрасно. Когда они вернулись к фургонам, начался тщательный обыск, который длился весь день. Тишкветмоаки работали не покладая рук. Разгрузив повозки, они отошли в сторону, после чего Звонари осмотрели каждую щель.

— Хорошо, что мы отказались от моего плана, — заметил Кикаха. — Нас бы уже нашли! Я смотрю, твои Звонари — довольно доскональные парни!

Ту ночь они провели в густых зарослях кустарника. О горячем ужине и костре пришлось на время забыть.

Утром Кикаха подполз к каравану и увидел, что самолет улетел. Тишкветмоаки, вставшие, очевидно, на рассвете, уже заканчивали погрузку и сборы. Он вернулся на ночную стоянку и разбудил дремавшую Анану.

— Теперь, когда Звонари обыскали караван, они вряд ли повторят подобную проверку. Мы могли бы осуществить наш замысел. Вот только Петоток...

Тем не менее Кикаха решил повременить с путешествием на юг. Они продолжали двигаться вблизи каравана. Ему казалось, что Звонари какое-то время не будут появляться в этих местах.

На пятый день, оставив Анану и Петотока под двумя деревьями на южном склоне холма, Кикаха отправился поохотиться и через пару часов вернулся с небольшим оленем в седле. Его спутники по-прежнему находились там, где он их оставил. Однако Кикахе не понравилась поза тишкветмоака, который неуклюже растянулся на спине. Его рот был открыт, глаза неподвижно застыли. Из солнечного сплетения торчала рукоятка ножа.

— Этот лебляббий напал на меня! — заявила Анана. — Он хотел овладеть моим телом! И когда я отказалась удовлетворить его похоть, он попытался силой добиться своего!

Это верно, Петоток иногда посматривал на Анану с явным вожделением, но так поступал бы любой мужчина. Однако он никогда не тянул к ней руки и не выказывал

никаких намеков. Возможно, он не упустил бы своего при удобном случае, но Кикахе не верилось, что Петоток посмел силой домогаться Ананы. Он боготворил ее и всегда смущался, оставаясь с ней наедине.

С другой стороны, Кикаха не хотел предъявлять Анане обвинений в убийстве и лжи. Дело сделано, и уже ничего не поправишь. Поэтому он просто сказал:

— Вытащи нож и вытри его о траву. Мне всегда было интересно, что ты сделаешь, если я сообщу о желании обладать тобой. Теперь я это знаю.

Она удивила его своим ответом:

— Ты — не он. Да и тебе ничего не докажешь, пока не покажешь, правда?

— Нет, не правда,— жестко ответил Кикаха и с любопытством взглянул ей в лицо.

По словам Вольфа, властители не имели понятия о морали — вернее, большая часть их расы. Анана была исключительно красивой женщиной. И вряд ли она отказалась от любовных утех. Тем не менее тысячелетия могли покрыть ее чувства толстой коркой льда. Он знал, что наука властителей преодолела фригидность. Но могла ли такая привлекательная женщина сохранить свою страстную натуру через сотню веков?

С другой стороны, Вольф говорил, что, несмотря на опыт и меры предосторожности, каждый властитель жил одним днем. Подобно людям, они плыли в потоке событий и времени. Их память тоже являлась глубоким омутом, в котором воспоминания лишь изредка всплывали на поверхность. И хотя тоска и скука одолевали их значительно чаще, чем так называемых смертных, они не страдали от пресыщенности чувств. Самоубийства среди них случались намного реже, чем в сопоставимой группе людей. Но это могло объясняться и тем, что склонные к самоубийству властители покончили с собой несколькими тысячелетиями ранее.

Какими бы ни были чувства Ананы, она не раскрывала их Кикахе. И если ее, как и Кикаху в данный момент, терзала сексуальная неудовлетворенность, она стойко переносила страдания. Возможно, Анана считала просто невозможным делить ложе с низкородным и отвратительным

для нее существом. Однако он не раз слышал истории о сексуальном интересе, который властители проявляли к своим наиболее привлекательным подданным. Вольф и сам говорил, что, будучи Ядавином, он предавался безудержному разврату среди самых прекрасных женщин этого мира. Пользуясь безраздельной властью, он получал все, что хотел.

Кикаха пожал плечами и тяжело вздохнул. К счастью, ему следовало подумать о более значительных делах. В конце концов жизнь и смерть были важнее.

Глава 9

В течение двух следующих дней путешественники скакали вдали от каравана, так как охотничьи отряды тишкветмоаков заготавливали продовольствие и охотились на бизонов, оленей и антилоп. Скрываясь от них, двое беглецов едва не столкнулись с небольшим отрядом сатвикилапов.

Эти америндейцы, разрисованные с головы до ног черно-белыми полосами, имели довольно внушительный вид — свитые в косы, длинные черные волосы были сложены в кольца, образуя на макушках маленькие башенки; из носовых перегородок торчали кости; на шеях висели ожерелья из львиных зубов, а боевой наряд дополняли панталоны из львиной кожи и олени мокасины. Они проскакали в ста ярдах от Ананы и Кикахи. К счастью, сатвикилапы преследовали стадо бизонов и в пылу охоты не заметили укрывшихся в овраге всадников.

В общем-то, тишкветмоаки преследовали тех же бизонов, но находились с другой стороны стада. Их отделяла от индейцев огромная, в милю шириной, колонна животных.

И тогда Кикаха принял окончательное решение. Он сказал, что этой ночью они сделают то, о чем договаривались раньше. После некоторых колебаний Анана согласилась попробовать. На самом деле она согласилась бы на все, лишь бы укрыться от Звонарей.

С наступлением сумерек они приблизились к лагерю тишкветмоаков и стали ждать своего часа. Поужинав жа-

ренным мясом, а затем напившись джина и водки, караванщики разошлись спать. По обеим сторонам растянутой цепочки фургонов, на довольно значительном расстоянии друг от друга, стояли трезвые караульные. Но поскольку караван находился на Большом торговом пути и их охраняли резные столбы с деревянными ликами бога торговли, постовые, конечно же, не ожидали нападения со стороны людей или полуконей. Их выставляли для того, чтобы в лагерь не забрело какое-нибудь животное. Случалось, что гигантская ласка или лев нападали на лошадей и даже тишкветмоаков, но такое происходило редко, поэтому караульные в основном дремали на своих постах.

Сняв с лошадей всю упряжь, Кикаха шлепнул их по крупу, и они убежали в степь. Он знал, что этим домашним животным, скорее всего, не выжить в дикой прерии. Но жалость — плохой советчик, и у каждого своя судьба. По правде говоря, их шансы на жизнь ничем не отличались от его собственных.

Кикаха и Анана привязали к спинам бутылки с водой и съестные припасы, а затем, зажав в зубах ножи, прокрались в испятнанной лунным светом темноте к заснувшему каравану и незаметно проскользнули мимо двух караульных, которых отделяло друг от друга не меньше сорока ярдов. Кикаха выбрал двенадцатый по счету десятиколесный фургон, и они направились к нему, обходя небольшие повозки, в которых похрапывали мужчины, женщины и дети. К счастью, собак здесь не было, и, кстати сказать, по довольно веской причине. Гепардовые пумы и ласки считали их особым деликатесом, поэтому тишкватмоаки отказывались брать в прерии своих любимых животных.

Им с трудом удалось пробраться через плотно упакованный груз на нижней платформе фургона. Отодвинув несколько деревянных сундуков и распахив по сторонам рулоны тканей и ковров, они, как могли, замаскировали нору, в которой собирались провести дневные часы. С невероятными усилиями Кикаха затолкал вытащенные товары туда, куда они могли войти. Он надеялся, что никто не заметит перестановки предметов.

У беглецов имелись две пустые бутылки для естественных нужд; ворох одеял заменял им ложе, которое они

считали вполне удобным, пока фургон не тронулся в путь. Рессоры у повозки отсутствовали; и хотя пешему путнику прерия казалась достаточно ровной, тряска превращала фургон в чрезвычайно неудобную обитель.

Скрываясь в тайнике на корабле, Анана жаловалась, что замкнутое пространство действует на нее угнетающе. Теперь же, по ее словам, она чувствовала себя замурованной под гигантским обвалом. И хотя полуденная температура редко превышала семьдесят пять градусов по Фаренгейту*, Кикаха и Анана задыхались в душной тесноте. Отыскав несколько отверстий, они прижимались к ним лицами, пытаясь освежить легкие небольшой дозой свежего воздуха.

Кикаха расширил отверстия. Ему не хотелось делать большие щели — их могли заметить караванщики. Но он успокаивал себя тем, что в пути на нижнюю платформу обычно никто не заглядывал.

В первый день беглецы почти не спали. Ночью, дождав-шись часа, когда лагерь погрузился в сон, они выползли наружу и прокрались мимо часовых в открытую степь. Отыскав источник, Кикаха и Анана выкупались, наполнили водой бутылки и удовлетворили свои естественные нужды, потому что в фургоне это было невозможно сделать — вернее, можно, но с большими неудобствами. Они поупражнялись, разминая мышцы, которые затекли от тесноты, тряски и непрерывных рывков.

Кикаха с усмешкой подумал о том, что он никогда еще не совершал таких дерзких поступков. А разве это не наглость? Они скрывались буквально под носом, а точнее, под задом тишкветмоаков. Будь Кикаха один, он чувствовал бы себя более удобно и непринужденно. В общем-то, Анана почти не жаловалась, но ее невольные вскрики, несдержанные стоны и ругательства раздражали его все больше и больше. Там, в тесном пространстве их берлоги, они часто натыкались друг на друга. И каждый раз Анана реагировала слишком уж бурно. Она велела ему оставаться на другой половине «катафалка», просила не трястись над ней и изводила насмешками.

* Около 24°C.

Кикаха начал всерьез подумывать о том, чтобы предложить ей скрываться от Звонарей порознь. Если она откажется, он может оглушить ее, оттащить подальше в прерию и оставить там. Временами ему даже представлялось, как он перерезает ей горло или привязывает Анану к дереву, чтобы львы и волки могли без помех терзать ее тело.

И какой черт дернул его начать эту любовную интрижку?

И тут Кикаха поймал себя на слове. Да, он сам сейчас подумал о любви. Но как он мог влюбиться в такую злобную, надменную и кровожадную сучку?

Тем не менее Кикаха влюбился. Несмотря на отвращение, презрение и ненависть, он начинал любить Анану.

Ему доводилось влюбляться много раз — и в этом, и в предыдущем мире... но никогда еще обстоятельства не складывались таким странным и трагическим образом.

Спору нет, если не считать Подарги, походившей лицом на Анану, и действительно чудесной, почти неземной Хрисеиды, его спутница была самой прекрасной женщиной из всех, кого он когда-либо видел.

Но Кикаха не придавал этому большого значения. Конечно, он ценил в женщинах красоту и формы, но любил в основном тех, кто обладал приятным характером, сообразительностью и юмором. Он терпеть не мог тупых и надменных красавиц. Встретив умеренно привлекательную и, возможно, даже некрасивую женщину, он мог бы влюбиться в нее, если бы нашел какие-то родственные интересы.

Но Анану он считал высокомерной и безжалостной.

Тогда откуда в нем это чувство любви, которое бок о бок уживалось с неприязнью?

«А кто его знает,— подумал Кикаха.— Чужая душа — потемки, а своя собственная — дремучий лес. И я этому даже рад. Мне бы не хотелось знать все о себе заранее».

К сожалению, его любовь была, по-видимому, безответной. Конечно, Анана могла проявлять к нему какой-то сексуальный интерес, но это скоротечное чувство будет нести в себе амбиции и презрение. А она никогда не полюбит лебляббия. И вряд ли она вообще способна лю-

бить. Властители считали себя выше подобных чувств. Во всяком случае, так говорил ему Вольф.

Второй день прошел гораздо быстрее первого; обоим удалось поспать. Ночью, во время прогулки к ручью, они столкнулись с львиным прайдом, явившимся на водопой почти одновременно с ними. Людям пришлось забраться на дерево. Время близилось к рассвету, а львы не выказывали желания уходить. В конце концов Кикаха начал отчаиваться. Солнце вот-вот могло появиться из-за монолита, и тогда им уже не удастся проскользнуть в фургон. Он сказал Анане, что они должны спуститься вниз и криками отпугнуть больших кошек.

Как обычно, у Кикахи имелся собственный своеобразный план. Он подозревал, что у Ананы есть какое-то припрятанное или вживленное в тело оружие. И Кикаха надеялся, что она теперь воспользуется им. Но оружия у нее не оказалось, или она просто не посчитала ситуацию столь безнадежной, чтобы раскрывать свои неучтенные резервы. Анана сказала, что, если ему так хочется, он может отпугивать чудовищ сам; она же намеревалась оставаться на дереве до тех пор, пока животные не уйдут по доброй воле.

— При обычных обстоятельствах я бы согласился с тобой,— сказал Кикаха.— Но нам надо вернуться в фургон буквально через полчаса.

— Я не собираюсь туда возвращаться,— ответила Анана.— Кроме того, ты не успеешь добыть еды. А я не хочу голодать целый день в этом гробу.

— У нас есть сушеное мясо и фрукты,— напомнил он.

— Я и так не ела весь день,— ответила она.

Кикаха полез вниз. Большинство львов даже не обратили на него внимания. Но один самец прыгнул на ствол, и его лапа с длинными когтями промелькнула в шести дюймах от ноги человека. Кикахе пришлось подняться повыше.

— Наверное, они не в том настроении, чтобы пугаться,— сказал он.— Бывают такие дни, когда их ничем не проймешь,— вот, например, как сегодня...

Забравшись на вершину дерева, он разглядел фургоны, белевшие невдалеке в лунном свете. Потом луна ушла за

монолит, и на востоке появилось солнце. Караван пробуждался — дымились походные костры, люди торопливо готовили завтрак и собирались в долгий путь. Кикаха с беспокойством следил за группой солдат, которые седлали коней. Воинов украшали алые стеганные панцири, зеленые юбки, желтые гамаша и деревянные каски с длинными разноцветными перьями. Кавалеристы растянулись в цепь и образовали полумесяц, внутри которого шагали мужчины и женщины, несшие горшки, котелки, кувшины и прочую посуду. Они направлялись к ручью.

Кикаха застонал. Ему не раз случалось попадать в силки собственной хитрости. Но эта ситуация могла закончиться очень печально. Поэтому он ни секунды не сомневался в выборе дальнейших действий — лучше столкнуться лицом к лицу со львами, чем попасть в плен к тишкветмоакам. Возможно, ему удалось бы уговорить их не выдавать его тевтонам. Но шанс был так мал, что он просто не мог рисковать, полагаясь на их великодушие.

— Анана, я ухожу на север,— сказал Кикаха,— и уходи немедленно. Ты пойдешь со мной?

Она взглянула вниз на большого самца, который кружил у подножия дерева и следил за людьми, сверкая злыми зелеными глазами. Открыв пасть, он ощерил четыре изогнутых клыка — два сверху и два снизу,— которые напоминали длинные и острые ножи.

— Ты, наверное, сошел с ума,— сказала она.

— Если хочешь, можешь оставаться здесь — до тех пор, пока тебя отсюда не снимут!

Перебравшись на другую сторону дерева, он начал спускаться. Огромная львица вскочила на ноги и встревожено зарычала. Вслед за ней поднялись и другие львы. Ветер донес до них запах приближавшихся людей.

С минуту львы металась по берегу, не зная, что делать. Самец, стоявший под деревом, рывкнул и бросился в заросли; остальные последовали за ним. Спрыгнув с нижней ветви, Кикаха побежал в том же направлении. Он не оглядывался, но надеялся, что у Ананы хватит ума поспешить за ним следом. Если солдаты ее поймают или хотя бы заметят, они обшарят все вокруг в поисках других беглецов.

Он услышал шелест травы за спиной, и Анана догнала его. Оглянувшись, Кикаха увидел мелькнувшую среди ветвей голову солдата и, схватив Анану, увлек ее в заросли высокой травы.

Но их успели заметить. Послышался крик. В общем-то, этого следовало ожидать, и теперь...

Кикаха поднял голову и осмотрелся. Первый всадник выехал на открытое место, приподнялся в стремях и замахах рукой, указывая в ту сторону, где прятались беглецы. К нему торопливо приближались остальные. Взяв копьё наперевес, кавалерист поскакал вдогонку за чужаками.

Кикаха уныло осмотрел местность — равнина, высокая трава да несколько деревьев. Вдали виднелась серая многогорбая масса — стадо мамонтов или мастодонтов. Где-то в траве затаились львы.

Большие кошки могли стать его козырной картой. Вспугнув их, он мог не только спастись от плена, но и заставить бежать своих преследователей.

— За мной! — воскликнул Кикаха и помчался вперед.

Он бежал изо всех сил. Позади него кричали солдаты и слышался приближавшийся стук копыт.

Но львы подвели его. Они разбежались в стороны, прыгая как кузнечики. Животные не поддались панике и не пожелали ввязываться в схватку. Они не дали ему возможности убежать. План не удался — лошади и всадники не попадали под натиском львов, разъяренных внезапной атакой.

Проскакав мимо беглецов, кавалеристы развернули коней; их копыта образовали полукруг. Солдаты, оставшиеся за спиной, сделали то же самое. Кикаха и Анана оказались зажатыми в кольцо. Куда бы они ни побежали, их везде поджидала острая сталь.

— Вот что значит быть слишком хитрым, — сказал Кикаха.

Анана даже не улыбнулась. Да и ему не очень-то хотелось смеяться.

Кикаха приуныл еще больше, когда их, связанных и беспомощных, отвели назад к каравану. Предводитель

Клишкват уведомил пленников, что награда за них утрачена. И хотя он слышал о Кикахе и, конечно же, восхищался им и уважал как любимца властителя, правила теперь диктовали розоволицые люди. А ведь это в корне меняет дело, не так ли?

Кикаха признал, что Клишкват прав, и спросил, жив ли до сих пор император. Предводителя удивил такой вопрос. Да, миклосимл жив и здоров. Это он предложил награду за беглецов. И лишь благодаря его стараниям империя тишкветмоаков заключила союз с розоволицыми волшебниками, которые прилетали к ним три дня назад в бесколесном фургоне. И так далее, и тому подобное.

Кикаха хотел поговорить с караванщиками и объяснить им истинную ситуацию в Таланаке. Он надеялся уговорить их отпустить его, но из этого ничего не вышло. Имперская сеть сигнальных барабанов и почтовых пони уже ознакомила приграничные города с положением дел в великой столице. Большую часть этих сообщений составляли ложь и подтасованные факты, но Клишкват верил им, а не словам Кикахи. И тот не винил его за это.

Двух пленников хорошо накормили; женщины вымыли их, намазали маслом, причесали и одели в богатые одежды. В это же время между владельцами фургонов и солдатами завязался отчаянный спор. Предводитель считал, что кавалеристы, поймавшие беглецов, должны разделить награду с ним. Его помощники тоже надеялись получить какие-то деньги. Затем появились представители остальной части караванщиков. Они потребовали, чтобы награду разделили поровну на всех и каждого.

Начальники и солдаты принялись кричать на вновь прибывших. Назревала стычка. Наконец предводитель успокоил своих подчиненных и сказал, что видит только один выход из создавшегося положения: их спор должен решить сам император. По сути, это означало разбирательство в верховном суде Таланака.

Солдаты запротестовали. Эта история могла затянуться на годы. А судебные издержки сожрали бы большую часть полученных денег.

Напугав людей верховным судом, Клишкват предложил компромисс, который, как он надеялся, устроил бы мно-

гих, если не всех. По его мнению, одну треть награды следовало отдать солдатам; вторую — руководству каравана, то есть предводителю и его помощникам; оставшуюся треть — поровну распределить среди остальных караванщиков.

Спор не затихал ни за обедом, ни за ужином. Все это время караван не трогался с места.

Когда же все стороны наконец пришли к полюбовному согласию, возникли новые вопросы. Надо ли каравану двигаться дальше в надежде, что магическая небесная лодка прилетит к ним еще раз, как пообещали розоволицые люди? В этом случае они могли бы передать пленников прямо в руки великих волшебников. Или лучше отправить их в Таланак в сопровождении солдат, а самим продолжать путь?

Некоторые закричали, что волшебники могут не вернуться. Но если они даже вернутся, в их лодке не хватит места для беглецов.

Другие говорили, что солдатам нельзя доверять доставку пленников в столицу. Они могут забрать всю награду себе. К тому времени, когда караван вернется в город, конвоиры истратят полученные деньги и обращаться в суд будет уже бесполезно.

И так далее, и тому подобное.

Кикаха спросил одну из женщин, как розоволицые разговаривали с предводителем каравана.

— Мы видели четырех розоволицых, и каждый из них имел в магической машине свой трон, — ответила она. — Их слова переводил жрец. Он сидел в ногах того, кто находился спереди и справа. Розоволицые говорили на вишпавамле. Я узнала священный язык, на котором читают молитвы. Сами-то мы его не понимаем, поэтому жрец сначала выслушивал приказы волшебников, а затем переводил их нашему предводителю.

Поздно ночью, когда луна забралась на середину небесного моста, спор разгорелся с новой силой. Кикаху и Анану увели на ночлег. Они спали на постелях из мехов и одеял, которые им приготовили на верхней платформе фургона. Утром они проснулись от того, что караван тро-

нулся в путь. Тишкветмоаки решили взять пленников с собой в надежде, что магическая лодка вернется, как и обещали розоволицы.

В течение дня Кикахе и Анане разрешали идти пешком в колонне каравана. Шестеро солдат стерегли их днем, и шестеро других стояли по ночам на страже у фургона.

Глава 10

На третью ночь события начали развиваться именно так, как предполагал Кикаха. Шестерым охранникам не захотелось делить награду со всем караваном. Они провели большую часть ночи, перешептываясь друг с другом, и Кикахе, которого разбудили, чтобы проверить, хорошо ли он связан, удалось подслушать все, о чем они говорили.

Он велел Анане не оказывать никакого сопротивления, если в ближайшее время ее разбудят караульные. Через полчаса пленников грубо растолкали и посоветовали им помалкивать, пообещав в противном случае перерезать глотки. После чего провели их мимо двух оглушенных воинов.

В небольшой роще их ждали оседланные кони. Похитители заранее запаслись всем, что могло понадобиться в долгом путешествии, включая еду и запасных лошадей. Отряд крадучись отъехал на несколько миль, а затем перешел на легкий галоп. Они скакали всю ночь и первую половину следующего дня, не слезая с коней, пока не убедились, что ушли от погони. Оставив торговый путь в стороне, солдаты отклонились далеко на север, и вряд ли преследователи могли бы найти их след.

Второй день они снова провели в седле, двигаясь параллельно торговому пути. А потом тишкветмоаки решили вернуться на безопасную тропу. Долгое пребывание за ее пределами заставляло их нервничать.

Кикаха и Анана скакали в центре отряда. Руки им связали с таким расчетом, чтобы они могли держать поводья. В поддень солдаты устроили привал. Но едва они успели доест жареного кролика и приступить к овощному рагу, как с ближайшего холма раздался крик дозорного. Он галопом поскакал к ним и, приблизившись, повторил:

— Полукони!

Воду из горшков тут же вылили в костер, а мокрую золу закидали пылью. В панике солдаты забыли собрать свою утварь. Двоих пленников посадили в седла, и отряд помчался к торговому пути, который находился в нескольких милях к югу.

Вот тут-то они и увидели стадо бизонов, похожее на волну, катившую по прерии. Огромное стадо растянулось в бесконечную колонну, ширина которой достигала нескольких миль. Ее правый фланг находился в трех милях от всадников, и земля дрожала от топота четверти миллиона копыт.

По какой-то причине, известной только бизонам, животные бежали. Они неслись на запад — причем так быстро, что могли отсечь отряд тишкветмоаков от торгового пути. Тем не менее у солдат оставались шансы на успех. И чтобы оценить их по достоинству, им следовало приблизиться к стаду.

Полукони заметили людей и перешли на быстрый галоп. Их было около тридцати — вождь в оперенном головном уборе, закаленные воины, чьи волосы украшали разноцветные перья, и три-четыре новичка, еще не побывавших в бою.

Кикаха тяжело вздохнул; ему показалось, что по иронии судьбы они наткнулись на отряд шойшателей. Однако кентавры находились еще слишком далеко, и он пока не различал их боевой раскраски. Но осанка вождя напоминала ему того полуконя, который выкрикивал угрозы у ворот тишкветмоакской заставы.

Кикаха засмеялся и покачал головой. Теперь уже не имело значения, из какого они племени. Полукони считали его своим заклятым врагом, и, оказавшись он в их власти, они поиздевались бы над ним с исключительной жестокостью.

Он обернулся к Таквоку, вожаку солдат, и крикнул:

— Разрежь веревки на наших запястьях! Они нам мешают! Мы не убежим от вас, можешь не беспокоиться!

Таквок направил было к нему коня, но вдруг изменил свое решение. Он не захотел приближаться к Кикахе

на такой скорости. По-видимому, он испугался, что их кони столкнутся друг с другом или что коварный пленник выбьет его из седла. Тишкветмоак покачал головой и помчался дальше.

Кикаха выругался и, припав к шее жеребца, попытался выжать из него все, на что тот был способен. Но великолепный конь не реагировал на его понукания — он и без того бежал на пределе своих сил.

Жеребец летел как на крыльях и все же почти на полкорпуса отставал от коня, на котором скакала Анана. Скорее всего, животные обладали равными силами, однако Анана меньше весила. Тишкветмоаки немного отстали и растянулись в неровный полукруг, в центре которого находились Анана и Кикаха. По обе стороны от них мчалось по трое солдат. Полукони только что перевалили на другую сторону холма. При виде огромного стада они замедлили бег, но уже через миг, свирепо замахав оружием, поскакали по склону за добычей и славой.

Стадо с топотом неслось на запад. Солдаты и пленники под углом в сорок пять градусов приближались к его правому флангу. Поднимаясь на холм, полукони отклонились немного в сторону и подгадали направление погони. Кроме того, огромная скорость позволяла им все больше сокращать расстояние между собой и намеченными жертвами.

Оценив угол, образованный флангом и передними рядами огромной колонны бизонов — почти квадратный строй, — Кикаха понял, что их отряд может проскочить перед стадом. С этой минуты скорость и удача означали спасение, а любое промедление грозило смертью под копытами бежавших животных. Двигаясь наперерез, всадники попали бы под натиск левого фланга; поэтому им следовало скакать наискось — вперед и под углом.

Вскоре им предстояло выяснить: способны ли кони выдержать такой рывок и не оступится ли кто-нибудь из них на ходу.

Анана оглянулась — Кикаха что-то прокричал, подбадривая ее. Его крик потонул в грохоте копыт, сотрясавших землю. Низкий вибрирующий гул напоминал вулкан, вот-

вот готовый выплеснуть на земную твердь потоки раскаленной лавы.

Рев, запах животных и облако пыли ошеломили Кикаху. Вместе с испугом пришло возбуждение. Страх не в первый раз помогал ему выйти из оцепенения, приводя в состояние, похожее на экстаз. События вдруг стали крупномасштабными, погоня — прекрасной, и призом в этих скачках могло стать как неожиданное спасение, так и быстрая смерть. Кикаха почувствовал себя чуть ли не богом. В подобные моменты, когда смерть так близка и возможна, он буквально ощущал свое бессмертие.

Это чувство быстро проходило, но, пока оно длилось, Кикаха знал, что переживает мистическое состояние.

Со стороны могло показаться, что он решил столкнуться с ближним углом стада, образованным флангом и передними рядами животных. Перед ним вздымались косматые коричневые бока гигантских бизонов. Он видел горбы, сновавшие вверх и вниз, словно бурые дельфины в волнах. Мелькали темные коричневые лбы, массивные опущенные головы, мокрые черные носы, красные глаза, черные глаза, белые глаза с красными прожилками; а ноги двигались так быстро, что сливались в какую-то круговерть. Пена падала из открытых слюнявых и зубастых пастей на лохматые груди и ноги. Уши наполнял неопишуемый грохот, будто сама земля, не выдержав тяжести огромных тел, начинала раздвигаться в стороны. На миг Кикахе показалось, что еще секунда — и равнина треснет под копытами, а из открывшейся бездны повалит огонь и дым.

В ноздри бил терпкий запах бизонов — тех самых, которые вымерли на Земле десять тысяч лет назад. Ничто не сравнилось бы с видом этих гигантских зверей: бока, потные от панического, разрывавшего сердце бега; рога, выступавшие в стороны и вперед на добрых десять футов. Жижиз-под хвостов пачкала бежавших следом. В общий смрад влеталось зловонье пены, летевшей из пастей, и крови из легких — хотя здесь Кикаху, возможно, немного подводило воображение.

Сюда же примешивался запах коня, вспотевшего от страха и безумного бега.

— Хаи-ий-яя! — закричал Кикаха, обернувшись к полуконям.

Как ему хотелось сейчас освободиться от пут, чтобы погрозить кентаврам поднятым оружием. Клич потонул в грохоте бежавшего стада. Но Кикаха надеялся, что полукони увидели его открытый рот и усмешку. Он надеялся, что они поймут, как он презирает смерть и своих врагов.

К тому времени кентавры находились в ста пятидесяти ярдах от беглецов. Они прилагали невероятные усилия, стараясь догнать людей. Их темные, широкие и скуластые лица исказились от напряжения.

Слава победы ускользала у них из рук, и они знали это. Полукони понимали, что, когда отряд людей пройдет под углом перед правым краем стада, они по-прежнему будут отставать ярдов на пятьдесят. И когда их воины доберутся до передних рядов, добыча вырвется далеко вперед. А потом бизоны будут постепенно настигать кентавров, и лучшие из них, так и не добравшись до другой стороны стада, падут под ударами опущенных лбов, изогнутых рогов и мощных острых копыт.

Несмотря на это, полукони продолжали погоню. Впереди всех мчался необстрелянный юнец, чья тесьма на голове еще не познала ни пера, ни скальпа. Молодой кентавр скакал с невероятной скоростью. Кикаха даже выпучил глаза. Никогда прежде ему не доводилось видеть такого резвого полуконя — а уж он-то перевидал многих. С каждой секундой юнец приближался на несколько ярдов. Лицо его побагровело и исказилось от усилий. Казалось, еще немного, и лицевые мышцы порвутся, как перетянутые струны.

Полуконь взмахнул рукой — и в воздух взвилось копье, описывая длинную пологую дугу. В самый последний момент Кикаха вдруг понял, что может случиться почти невероятное.

Копье летело в сторону его жеребца. Сnižаясь по кривой, оно пролетело над тишкветмоакскими всадниками. Кикаха дернул поводья, направляя коня влево, но тот лишь мотнул головой и немного замедлил бег. Почувствовав легкий толчок, Кикаха понял, что копье вонзилось в животное.

Жеребец начал падать. Его передние ноги подогнулись, задние оттолкнулись от земли, и круп взлетел в воздух. Шея просела под седоком, и Кикаха вылетел из седла.

Он не знал, как это у него получилось. Что-то сработало в нем, как срабатывало и прежде. Кикаха не упал и не покатился по земле — он приземлился на ноги и побежал к черно-коричневой стене стада. Позади раздался стук копыт. Он прозвучал так близко, что Кикаха услышал его даже сквозь рев и топот огромного стада. А потом звуки завертелись вокруг, сила инерции выбила землю из-под ног. Кикаха упал на траву и заскользил на животе.

Над ним пронеслась тень — силуэт всадницы и коня. Рядом проскакали остальные шестеро. Кикаха увидел, как Анана оглянулась через плечо, но в следующий миг ее и тишкветмоаков скрыла накатившая волна бизоньего стада.

Они ничем не могли ему помочь. Секундное промедление означало смерть под копытами бизонов или от копий полуконей. И если бы на его месте оказалась Анана, он сделал бы то же самое. У каждого своя судьба, так что же пенять на других...

Наверное, полукони вопили в тот миг от восторга. Жеребец Кикахи был мертв. Копье воткнулось в его круп, и животное при падении сломало шею. Перед кентаврами, беспомощный и безоружный, стоял их величайший враг — Ловкач, так часто ускользавший у них прямо из-под носа. Но теперь ему никуда не деться — если только он не бросится под копыта гигантов, скакавших в десяти шагах от него.

Как видно, эта мысль и пришла преследователям в головы, потому что они стремглав понеслись к нему, а необстрелянный юнец попытался отрезать Кикаху от стада. Побросав копья, томагавки, дубины и ножи, кентавры мчались к своему врагу с голыми руками. Они хотели взять его живым.

Кикаха не размышлял ни секунды. Он быстро вскочил на ноги и побежал к стаду. Перед ним замелькали косматые бока. Животные, достигавшие шести футов в холке, бежали с такой быстротой, словно за ними гналось

само время, угрожая уничтожить, как сделало это с бизонами на Земле.

Взглянув на подбегавшего юнца, Кикаха издал свирепый вопль и, вытянув перед собой руки, отчаянно прыгнул вперед. Его колено ударилось о массивное плечо, и он вцепился в косматую шкуру. Быстро подтянувшись вверх и изогнувшись всем телом, Кикаха оседлал огромного самца и прижался животом к его спине.

Между двумя бизонами зияла темная щель. Кикаха поднялся, чтобы снова прыгнуть, но, почувствовав тошноту, тут же опустился вниз и уткнулся лицом в подскакивавший круп. Он медленно, но верно соскальзывал вниз.

Тогда он ухватился за торчавшие космы на правом боку и одним рывком развернулся так, что мог теперь упираться ногами в заднюю часть бизоньей спины, цепляясь за горб.

Кикаха и сам почти не надеялся на спасение; что же касается молодого полуконя, считавшего Ловкача своим пленником, так тот вообще не верил своим глазам. Он скакал рядом с бизоном, на котором сидел Кикаха, и, открыв рот, изумленно смотрел на человека. Кентавр даже протянул к нему руки, будто надеялся, что Ловкач через миг свалится в его объятия.

Кикаха держался из последних сил. Он знал, что вскоре полуконь оправится от потрясения. И, вытащив из-за пояса нож или томагавк, сделает смертельный бросок. На таком расстоянии промахнуться почти невозможно. И наверняка запас оружия у кентавра на этом не закончится.

Кикаха подтянул ноги к животу, присел на корточки и сблизил стопы, по-прежнему цепляясь за шерсть. Едва сохраняя равновесие, он медленно повернулся боком, прыгнул и упал на спину соседнего бизона, который бежал рядом.

Что-то темное пролетело, вращаясь, над его правым плечом. Томагавк угодил в горб соседнего животного и, отскочив, исчез в гуще стада.

Кикаха поспешно подобрался к горбу бизона, снова подобрал под себя ноги и прыгнул. Но, поскользнувшись, потерял равновесие и сорвался в щель между двумя живот-

ными, в последний момент ухватившись за шерсть. Он беспомощно висел на боку бизона, и, когда животное приседало в бешеной скачке, ноги Кикахи касались травы. Соскользнув немного вниз, он оттолкнулся от земли и вцепился в шерсть на спине огромного самца. Подгадав момент, Кикаха забросил ногу на круп, подтянулся и устроился верхом позади высокого горба.

Молодой полуконь продолжал погоню. Остальные немного отстали. Скорее всего, они подумали, что Кикаха сорвался и погиб под копытами бизонов. Увидев его восставшим из мертвых, они испытали настоящее потрясение. Верткий и хитрый неуловимый враг смеялся над ними прямо из пасти смерти.

Юнец, увидев Кикаху, буквально ошалел. Оттолкнувшись всеми четырьмя копытами, он подпрыгнул и оказался на спине крайнего бизона. Полуконь тут же прыгнул снова и, как горный козел, скачущий по съезжающим глыбам, оседлал горб следующего животного.

Теперь удивляться пришлось Кикахе. Полуконь замахнулся ножом, его лицо исказила усмешка. Он словно хотел сказать: «Ты умрешь, Кикаха! Ты умрешь прямо сейчас! А меня будут воспевать в каждом жилище, в каждом вигваме всех народов прерий и гор! Отныне я буду самым великим воином среди людей и полуконей!»

Что-то такое явно носилось в его огромной голове. И он действительно мог стать самым известным среди всех обитателей прерии. В случае успеха он на всю жизнь прославился бы как убийца Кикахи-Ловкача.

Тот-кто-проскакал-по-бешеным-бизонам-и-перерезал-горло-Кикахе.

Но при третьем прыжке его копыто соскользнуло со спины бизона. Он перекатился через горб и упал между двумя животными. Его задние ноги взлетели вверх, круп задрался. Это был конец, хотя Кикахе не удалось разглядеть, что с ним сделали копыта бизонов.

Тем не менее попытка героя почти удалась. И хотя он был всего лишь полуконем, Кикаха воздал должное его храбрости. А потом ему пришлось подумать о собственной участи.

Поравнявшись с Кикахой, кентавры начали осыпать его стрелами.

Заранее предугадав их маневр, он соскользнул на бок бизона и, намотав на руки шерсть, повис, зацепившись ногой за спину. Такое положение оказалось очень ненадежным. Шерсть выскальзывала из рук, а соседнее животное бежало так близко, что грозило раздавить его своей массой.

Над головой проносились стрелы. Что-то чиркнуло по ноге и взлетело в воздух. Томагавк, отскочив от головы бизона, едва не задел лицо Кикахи. Внезапно животное захрапело, и Кикаха догадался, что легкие зверя пробила стрела. Огромный самец немного пригнулся, пару раз споткнулся, но все-таки выровнял бег.

Кикаха дотянулся до соседнего бизона и, ухватившись за него, намотал на руку его длинные пряди. Отпустив раненое животное и сбросив ногу с его спины, он снова повис на руках. И вновь, как цирковой наездник, оттолкнулся обеими ногами от земли, подпрыгнул и закинул левую ногу на спину бизона.

Позади с ревом рухнул раненый самец. Скользнув по траве, он замер на боку — из его тела торчали две стрелы. Двое животных успели перепрыгнуть через него, но третье споткнулось, и тут же образовалась куча мала. По меньшей мере десять огромных бизонов сучили ногами, брыкались, бодались и умирали, когда в них врезались все новые и новые животные.

А потом что-то случилось в голове колонны. Кикаха почти ничего не видел, поскольку висел на боку бизона и изо всех сил старался удержаться на двух прядках шерсти. Ему были видны лишь хвост, круп и ноги. Внезапно животные замедлили бег и повернули налево.

Бизон справа от Кикахи яростно взревел, словно получил смертельную рану. Впрочем, так оно и было. К счастью, его повело в другую сторону, иначе он просто раздавил бы человека. Животное рухнуло наземь; из огромной дыры в спине хлынула кровь.

И тут Кикаху озадачили сразу два обстоятельства: за какие-то три-четыре минуты громоподобные звуки панического бегства ослабли настолько, что он слышал мычание отдельных животных, когда те падали в траву, получив жестокие ранения; а во-вторых, его ноздри заполнил запах паленых шкур и горелой плоти.

Ближайшее животное рухнуло на всем скаку, и бизон, за которого цеплялся Кикаха, остался один. Он мчался вперед, минуя тела убитых и тяжело раненных сородицей. Перепрыгивая через самку с полуотсеченной головой, он едва не упал, и резкий толчок ослабил хватку цепких рук. Кикаха свалился в траву, перекувырнулся и вскочил на ноги, готовый встретиться с тем, чего еще не понимал.

Мир покачивался перед ним, как штормящее море. Кикаха задыхался, дрожал и обливался потом. Тело его покрывали бизоний навоз, засохшая пена и пыль. Постепенно Кикаха пришел в себя. Готовый прыгнуть в любую сторону, он медленно осмотрелся.

Повсюду лежали мертвые бизоны. Время от времени взгляд натывался на трупы полуконей. Уцелевшая часть стада свернула влево. Поток из миллионов тонн плоти удалялся все дальше и дальше. Шум копыт превратился в почти неразличимый гул.

Внезапно громкий треск заставил Кикаху подпрыгнуть. Звук напоминал кораблекрушение тысячи больших галер, брошенных на острые рифы. А потом он увидел гибель множества животных. Целый ряд протяженностью в милю и более того скосило за каких-то шесть-семь секунд. Набегавшие животные натывались на павших, в них тут же врезались все новые бизоны, копыта стучали по копытам.

Стадо остановилось. Уцелевшие животные тупо стояли, тяжело дыша. В огромной куче тел жалобно мычали задавленные трупам и раненные бизоны. Их пронзительные стенания еще больше подчеркивали гнетущую тишину, которая нависла над местом кровавой бойни.

А потом Кикаха увидел тех, кто остановил гигантское стадо. Слева, в четверти мили от него и в двадцати футах над землей, завис самолет. Он походил на иглу и не имел крыльев. Белый металл корпуса украшали черные пятна

и причудливые узоры. В верхней передней части находил-ся прозрачный купол. Внутри виднелось пять силуэтов.

Самолет гнался за тишкетмоаком, который пытался ускориться на лошади. Однако слово «гнался» не передает того, что происходило на самом деле. Аппарат двигался быстро, но как будто лениво и без усилий. В один миг он оказался позади беглеца. Из цилиндра спереди кабины вырвался ярко-белый луч и коснулся крупы лошади. Та упала. Тишкетмоака выбросило из седла. Он тяжело рухнул наземь, перелетел через голову и, корчась от боли, поднялся на ноги.

Кикаха осмотрелся и в четверти мили от себя увидел Анану. Рядом с ней стояли несколько тишкетмоаков. Двое человек лежали на земле — очевидно, мертвые. Одного из них придавила лошадь. Чтобы люди не смогли скрыться, пришельцы уничтожили всех коней.

И более того, они расстреляли всех полуконей.

Вряд ли Звонари подозревали, что среди этих людей находятся те, кого они ищут. Скорее всего, увидев погоню, они спустились и решили спасти туземцев в обмен на какую-нибудь информацию. К тому же кожа Ананы и Кикахи была более светлой, чем у солдат, которые сопровождали их. Но тишкетмоаки тоже различались оттенками кожи, и некоторые выглядели довольно светлокожими. Поэтому Звонари решили проверить каждого человека. Или... Впрочем, возможных вариантов было много, и любой из них теперь не имел значения. Как ни крути, а выходило одно — Кикаха и Анана снова оказались в безвыходном положении. И не могли убежать. С таким оружием, как у Звонарей, шутить не приходится.

Усталость понуждала его смириться с судьбой, но Кикаха и не думал сдаваться. Его размышления прервал тихий стук копыт. Услышав за спиной дыхание, он прыгнул вперед и откатился в сторону, рассчитывая ускользнуть от врага, нападавшего сзади, — если его действительно атаковали.

Мимо пролетело копьё. Когда оно упало в траву, позади Кикахи раздался разъяренный рев. Кикаха обернулся и увидел полуконя, который медленно надвигался на него.

Тело кентавра покрывали ожоги и раны. Круп обгорел, хвост наполовину обуглился. Он подволакивал задние ноги, но упорно двигался вперед, решив перед смертью покончиться с Кикахой. В левой руке у него поблескивал длинный тяжелый нож.

Подобрав копьё, Кикаха метнул его в кентавра. Закричав от отчаяния, полуконь попытался уклониться, но его подвели искалеченные ноги. Не успел он сделать и шага, как копьё вонзилось в его человеческий торс. Наконечник вошел в мехоподобный орган, выпиравший под грудной костью. Кентавр упал. Но жизнь еще теплилась в его теле. Собрав последние силы, он поднялся на передние ноги, вырвал копьё из груди и, не обращая внимания на кровь, хлеставшую из раны, метнул оружие в Кикаху. Тот как раз направлялся к поверженному полуконю, намереваясь вогнать копьё поглубже и тем самым прикончить врага.

Кикаха не ожидал броска. К счастью, рука умиравшего кентавра ослабла. Копьё пролетело несколько футов и воткнулось в землю у ног Ловкача. Полуконь взревел от обиды и разочарования. Наверное, он надеялся на хвалебные песни здесь и на небесном совете мертвых. Но теперь он понял, что если Кикахе и суждено погибнуть от руки полуконя, то слава этого подвига достанется кому-то другому.

Кентавр упал на бок и выронил нож. Его передние ноги задергались, свирепое лицо обмякло, а черные глаза с укором уставились на врага.

Кикаха быстро обернулся и увидел самолет, который находился примерно в четверти мили от него. Зависнув в футах над землей, аппарат догонял двух тишкетмоаков, которые убегали к холмам. Анана лежала на земле. Кикаха не знал, что с ней произошло. Скорее всего, она притворилась убитой, что, собственно говоря, собирался сделать и он.

Вымазав себя кровью кентавра, Кикаха лег неподалеку от него и, припрятав под бедром длинный нож, зажал под мышкой копьё. Древко поднималось вертикально вверх, и издали казалось, что оно торчит из его тела — вернее, Кикаха надеялся, что это будет выглядеть подобным образом.

Трюк был продиктован отчаянием и вряд ли бы удался. Но большего он придумать не мог. Оставалось полагаться лишь на то, что Звонари, обладая другим типом сознания, могли не знать некоторых человеческих хитростей. В любом случае попытка стоила усилий. Каким бы печальным ни оказался результат, Кикаха, в общем-то, и не собирался жить вечно.

Поймав себя на вранье, Кикаха улыбнулся. Он ничем не отличался от других людей и, как все, надеялся жить долго и очень долго. Он сражался за жизнь, не скупясь на хитрости и усилия, и пока этот стиль давал неплохие результаты.

Время шло, но ничего не происходило. Прохладный ветер сушил на теле Кикахи кровь и пот. Солнце перебралось на последнюю четверть зеленого неба. Кикаха подумал, что с приходом сумерек его шансы на успех возросли бы вдвое. А если бы у него еще оказалась пара лошадей, то ничто не помешало бы ему удрать.

Перед глазами промелькнула тень. Кикаха напрягся. Самолет? Послышалось резкое карканье. Да это же ворона.

Скоро сюда слетятся все пожиратели падали, подумал Кикаха. Их тут будет, как перца в жарком, — галки, вороны, канюки, огромные грифы, гигантские кондоры, ястребы и орлы и даже зеленые орлицы Подарги размером с молодого мамонта.

А потом на праздничный пир прибегут койоты, степные лисы, обычные и ужасные волки, которые уже сейчас задирают носы и ловят запах поживы.

Он представил, как из высокой травы выходят огромные хищники, не брезгующие мясом дармовой дичи. Разогнав другое зверье, они начнут пожирать бизонов и полуконей. Следом появятся девятисотфунтовые степные львы и, ссорясь между собой, будут кидаться на всех и каждого, распугивая птиц и мелких зверей.

От этого видения Кикаху прошиб пот. Тихо шикнув, он отогнал от себя любопытную ворону. Где-то рядом завыл волк. Невдалеке пролетел кондор, нацеливаясь на бизонью тушу.

Почти вслед за ним промелькнула еще одна тень. Сквозь ресницы Кикаха увидел над собой самолет. Машина беззвучно пронеслась над ним и пошла на снижение. Побоявшись повернуть голову, Кикаха потерял ее из виду. Но Звонари пролетели на высоте пятидесяти футов и вряд ли заметили с такого расстояния его маленький обман с копьем.

Кто-то закричал на языке властителей. Порыв ветра заглушил слова, и Кикаха не понял смысла фразы.

Стало тихо, а затем до него снова донеслись голоса, на сей раз с подветренной стороны. Если Звонари по-прежнему находились в кабине, то самолет двигался где-то между ним и Ананой. Кикаха надеялся, что какой-нибудь Звонарь придет осмотреть его «тело». Конечно, они могли подлететь к нему на самолете, и это был бы наихудший вариант. Машина умела зависать в воздухе на любой высоте, а значит, они могли бы даже пощекотать его, не вылезая из кресел. Впрочем, бояться им нечего. У Звонарей имелись ручные лучеметы, и вряд ли они держали их на предохранителе. Для прикрытия тех, кто выйдет наружу, они могли использовать мощный лазер, установленный в кабине.

Он не услышал шагов приближавшегося Звонаря. А тот, видимо, наставил на Кикаху лучемет и без колебаний выстрелил бы, обнаружив копьё, зажатое под мышкой. В принципе Кикаха оказался в действительно безнадежном положении.

Но удача по-прежнему сопутствовала ему. На сей раз Кикахе помог бизон. Он поднялся позади Звонаря, замычал и бросился в атаку на двуногого врага. Звонарь резко повернулся. Кикаха тут же откатился за мертвого полукопья и, используя его как прикрытия, осторожно поднял голову.

Не сделав и трех шагов, тяжело раненный бизон упал. Звонарю даже не пришлось стрелять из лучемета. Тем не менее на несколько мгновений он повернулся к Кикахе спиной, а его спутники в кабине следили в это время за другим Звонарем, который пробирался по горе трупов к Анане.

Услышав мычание бизона, один из сидевших в кабине повернулся и стал наводить ствол лазера, но Звонарь, поставив ногу на тело упавшего бизона, успокоил его движением руки и указал на труп животного. Человек в кабине кивнул и перевел взгляд на другого Звонаря. Кикаха поднялся и, сжимая в руке нож, бросился на врага. Звонарь медленно обернулся и на миг застыл в изумлении. Потом вскинул лучемет, однако Кикаха успел метнуть нож первым.

Скорее всего, тяжелый клинок вообще не предназначался для бросков, и о балансировке даже мечтать не приходилось. Но практике метания ножей Кикаха посвятил несколько тысяч часов. Он бросал ножи любых видов с любого расстояния и под любым углом — даже стоя на голове. Кикаха буквально извел себя строгой дисциплиной, бросая ножи до тех пор, пока ему не начинало казаться, что он даже дышит ножами. Дело дошло до того, что при виде их он терял аппетит.

Бесконечные часы тренировок, пот, усилия и дисциплина окупилась сполна. Клинок вонзился в горло Звонаря, и тот упал на спину. Лучемет лежал на земле.

Кикаха рванулся к оружию, поднял его и осмотрел. Эта модель была ему незнакома, но действовала так же, как и все другие лучеметы. Небольшая задвижка на боку приклада выполняла роль предохранителя. Спусковым крючком служила выпуклая пластина, слегка выступавшая на внутренней стороне рукоятки.

Звонарь на заднем сиденье кабины повел стволом лазера в сторону Кикахи. Синий луч искрился белыми пятнами и прожигал в земле дымящуюся борозду. Он скользнул по куче бизонов, и те вспыхнули языками пламени. Однако лазер работал вполсилы.

Кикаха даже не успел выстрелить. Луч сбоку поразил Звонаря, и он рухнул на пол. Полоска ослепительного света приподнялась и упала, рассекая самолет пополам. Звонарей в кабине охватило пламя.

Кикаха осторожно поднялся на ноги и закричал:

— Анана! Это я, Кикаха! Не стреляй!

Из-за холмика косматых и рогатых трупов появилось лицо Ананы. Она улыбнулась ему и весело закричала:

— Значит, это правда? Я их всех уложила!

Кикаха поискал глазами того Звонаря, который пошел к Анане, и увидел его распростертое тело. Сделав пару шагов навстречу Анане, Кикаха почувствовал тревогу.

Теперь у нее есть лучемер и самолет — вернее, часть самолета. Возможно, спутник ей больше не нужен...

Но, сделав еще пару шагов, Кикаха понял, что его опасения пока напрасны. Он ускорил шаг и улыбнулся. Анана не знала этот мир так хорошо, как он, а силы, которым она противостояла, были слишком велики. Она не откажется от такого полезного союзника.

— Как, во имя Шамбаримена, тебе удалось уцелеть? — изумленно спросила Анана. — Я же сама видела, как стадо отрезало тебе путь к спасению. И эти ужасные полукони гнались по твоим следам...

— Они оказались слишком самонадеянными, — ответил Кикаха и усмехнулся.

Он рассказал ей о том, что произошло. Какое-то время Анана молчала, а затем спросила:

— А ты точно не властитель?

— Точно. Я человек, да еще и хужер*, хотя не такая уж это и заслуга, чтобы ею хвастаться.

— Ты дрожишь, — заметила она.

— Просто я быстро возбуждаюсь, — ответил Кикаха и еще раз улыбнулся. — Ты тоже похожа на листик на ветру.

Анана взглянула на лучемер, зажатый в ее дрожащей руке, и мрачно усмехнулась.

— Мы оба многое пережили.

— Ничего, не рассыплемся, — сказал Кикаха. — И нечего тут оправдываться. Пошли посмотрим, что тут у нас есть.

Тишкветмоакские солдаты казались издали маленькими фигурками. Когда Анана открыла стрельбу из лучемета, они разбежались. И, по всей видимости, не думали возвращаться. Кикаху это устраивало. Ему не хотелось связываться с ними, а тем более помогать.

— Я притворилась мертвой, а потом бросила в него копье и убила, — рассказывала Анана. — Звонари в само-

* Хужеры — уроженцы штата Индиана.

лете так удивились, что даже застыли. Мне оставалось только поднять лучемер и перебить их, как вонючих крыс.

Простая, чистая и прекрасная сказка, но Кикаха не верил ей. У Ананы не было такого отвлекающего фактора, как поднявшийся на ноги бизон. Если бы она вскочила и замахнулась копьем, лучемер рассек бы ее на кусочки. Звонарь действительно лежал с торчавшим из горла древком, но слишком уж мало крови выступило из раны. Кикаха не заметил на нем других повреждений, но при тщательном осмотре он мог бы найти на трупке одно или два небольших отверстия. Наряд Звонаря состоял из кольчуги, металлической юбки и конического шлема, поэтому дыра, прожженная в броне, бросилась бы в глаза.

Однако Кикаха не стал переворачивать труп и демонстрировать Анане свою подозрительность. Он пошел к самолету, половинки которого по-прежнему висели над землей. В каждой из них лежал мертвый Звонарь. В носовой части находился обугленный труп жреца-переводчика. Кикаха вытащил тела и осмотрел летательный аппарат. В кабине располагалось четыре ряда кресел, по два в каждом; между ними тянулся узкий проход. Передние кресла принадлежали пилоту и штурману. На передней панели находилось множество приборов и указателей. Анана сказала, что помечавшие их иероглифы взяты из классической письменности властителей. Теперь этими символами пользовались крайне редко, и смысл их стал забываться.

— Они утащили самолет из моего дворца,— сказала Анана.— У меня четыре таких машины. Я думаю, Звонари разобрали их и перенесли сюда по частям.

Она вкратце объяснила Кикахе устройство летательного аппарата. Когда самолет останавливался, килевая пластина заряжалась гравитонами, находившимися в статическом состоянии. Именно поэтому обе половинки не падали на землю. Все необходимое для полета оборудование находилось в передней части, которая по-прежнему могла летать как целый самолет. Кроме аппарата предстояло парить над землей довольно долгое время. В процессе разрядки гравитонного поля она начнет медленно опускаться вниз и когда-нибудь окажется на земле.

— Жаль терять кормовой лазер,— сказал Кикаха.— Кроме того, он может попасть в плохие руки. У нас осталось только два лучемета — все остальное оружие превратилось в расплавленный металл. Давай возьмем его с собой.

— И куда мы полетим? — спросила Анана.

— К Подарге — царице зеленых орлиц,— ответил он.— На данный момент она самый толковый союзник из всех, кого я знаю. Если мы убедим ее не убивать нас какое-то время, она может нам здорово помочь.

Кикаха прошел в кормовую часть самолета и, достав из складского отделения кое-какие инструменты, начал отсоединять от турели массивный лазер, но внезапно остановился и с усмешкой сказал Анане:

— Я представляю, какими будут ваши лица, когда вы увидите друг друга! Наконец-то ты увидишь себя со стороны!

Анана промолчала. Используя лучемет и нож, она разделала тушу молодого бизона. Они перенесли мясо к ручью и поджарили его на костре. Оба так проголодались, что буквально исходили слюной. Им стало казаться, что кишки в их урчавших животах поедают друг друга, как алчные хищники. И они постарались набить их под завязку, лишив, так сказать, свою плоть своей же плоти.

После ужина они едва шевелили ногами и руками. Но, несмотря на усталость и полусонное состояние, Кикаха настоял, чтобы они отправились в полет без промедления. Он хотел добраться до гряды далеких гор. Там можно было спрятать самолет в пещере или за выступом скалы, а затем как следует отоспаться. Кикаха сказал, что оставаться в прерии опасно. Если появится еще один самолет, Звонари могут заподозрить неладное и спуститься. Кроме того, они могут выйти с ними на связь и, не получив ответа, расстрелять самолет из лазера.

Анана согласно кивнула — и уснула. Хорошо, что Кикаха успел расспросить ее о кнопках управления. Он поднял половинку самолета в воздух и на всей скорости повел ее к горам. От встречного ветра его защищал обтекатель кабины, но потоки воздуха, завывая, врывались в открытую заднюю часть и трепали волосы Кикахи. По крайней мере, это не давало ему заснуть.

Они подлетели к горам на грани ночи, когда солнце уже ушло за монолит. Покружив минут пятнадцать над скалами, Кикаха остановил свой выбор на небольшой пещере с отверстием около двадцати футов в диаметре. Она располагалась на высоте двух тысяч футов, почти у самой вершины отвесной скалы. Включив заднюю скорость, Кикаха ввел самолет в пещеру, заглушил двигатель и, устроившись в проходе между креслами, провалился в зыбкие топи сна.

Но даже при такой усталости и в таком безопасном месте Кикаха спал вполглаза; он как бы парил у самой поверхности подсознания. Тревожные сны тянули к нему свои корявые пальцы, заставляя просыпаться и вскакивать не меньше дюжины раз. Несмотря на это, Кикаха проспал гораздо дольше, чем предполагал, и к тому времени, когда он проснулся, солнце успело одолеть уже целую четверть неба.

Он позавтракал куском бизоньего мяса и горстью круглых печений, которые нашел в небольшом отсеке под одним из кресел. Не обнаружив никакой другой еды, Кикаха решил, что Звонари разместили временный аэродром недалеко от места бизоньей бойни. Или, наоборот, самолет пробыл в полете так долго, что весь рацион экипажа подошел к концу. В принципе он мог бы придумать и другие объяснения.

Если и есть что-то общее в обоих мирах, так это неопределенность.

Приоткрыв полусонные глаза, Анана лениво наблюдала, как ее спутник, покончив с едой, выполнял серию энергичных упражнений и разминал затекшие мышцы. Завершив зарядку, Кикаха сполоснул руки и лицо водой. Прошлым вечером он выкупался в ручье, и теперь его вид мог претендовать на вполне приличную оценку. О бритье ему тревожиться не приходилось, поскольку, покидая деревню хроваков, он использовал средство, замедлявшее рост бороды на несколько месяцев. Это средство ему подарил Вольф, причем действие мази можно было нейтра-

лизовать в любое время с помощью другой пасты, которую Кикаха оставил дома, в деревне хроваков.

Даже при пробуждении Анана выглядела так, будто собралась куда-то в гости. Однако она пожаловалась на плохой запах изо рта и посетовала, что вынуждена справлять нужду при свидетеле.

Кикаха пожал плечами и сказал, что старой женщине, прожившей десять тысяч лет, следует быть выше человеческих слабостей. Анана не стала сердиться и лишь скромно спросила:

— Мы полетим сейчас? Или сегодня можно отдохнуть? Кикаху удивила ее уступчивость. Анана отдавала ему право выбора, и, честно говоря, он не ожидал такого от властительницы. Уже который раз Анана демонстрировала реальный взгляд на жизнь и исключительную гибкость натуры. Она понимала, что это его мир, и полагалась на решения Кикахи. Кроме того, она, очевидно, оценила его ловкость и умение выходить из любых критических ситуаций. Однако Анана скрывала свои настоящие чувства. Скорее всего, она останется с ним до определенного времени, а потом бросит его, когда он станет для нее обузой. В каком-то смысле Кикаха и сам одобрял подобные отношения. По крайней мере пока они довольно мило уживались друг с другом. Впрочем, не очень-то мило — Анана ясно дала ему понять, что никогда не согласится вступить с ним в близкие отношения.

— Я тоже не прочь отдохнуть, — сказал Кикаха. — Но среди хроваков мы будем в большей безопасности. Я даже знаю пещеру неподалеку от деревни, где мы спрячем самолет. А потом, отдохнув и набравшись сил, мы поговорим с моим народом, и я натравлю их на Звонарей, если только они захотят хорошей битвы. А они захотят. Они любят сражаться.

Анана заметила мигавший огонек на приборной панели.

— С нами пытается связаться другой самолет. Но запрос может идти и из штаба во дворце Ядавина. Мне кажется, они встревожились, не получив своевременного отчета.

— Я бы с удовольствием подучил их, но с моим знанием языка властителей мне вряд ли удастся ввести их в

заблуждение,— сказал Кикаха.— Конечно, могла бы попытаться и ты, но я думаю, они сразу узнают голос женщины. Пусть эта штука мигает. Пока меня тревожит другое... Скажи, а Звонари могут каким-то образом отследить местоположение нашего самолета?

— Да, могут, но лишь в том случае, если мы на несколько минут выйдем с ними на связь,— ответила она.— Или если самолет окажется у них на виду. Это мои машины, и я оснастила их некоторыми защитными устройствами — жаль, что только некоторыми.

— Не забывай, что они собрали у себя аппаратуру из четырех дворцов,— напомнил Кикаха.— Помимо твоей техники у них есть приборы Вольфа, Нимстовла и Юдубры. И они могли установить их на самолетах.

— Тогда почему же они не установили их на этом самолете? — возразила Анана.

Она зевнула и прикрыла глаза, собираясь вздремнуть. Кикаха возмущился: она проспала уже двенадцать часов и могла бы в конце концов оторвать от кресла свою прекрасную задницу. И вообще, если она хочет остаться живой, ей лучше включиться в работу не мешкая. Добавив несколько грубых фраз, он немного успокоился и посоветовал ей сделать соответствующие выводы.

Анана согласилась, что он прав. Это удивило Кикаху и даже немного насторожило. Анана села в кресло пилота, включила источник статического поля и сказала, что ждет дальнейших указаний.

Скользнув параллельно склону горы, самолет направился к краю уровня. Анана старалась держать машину в нескольких футах над острыми выступами скал. Через два часа они подлетели к грани монолита, на котором находился ярус Американдии. Каменная стена почти вертикально уходила вниз более чем на сотню тысяч футов. У ее основания располагался уровень Океана, хотя никакого океана там не было. Монолит у основания мира опоясывало море, ширина которого нигде не превышала трех сотен миль.

На другой стороне Океана виднелась полоска суши, окружавшая нижний ярус планеты. Ее ширина составляла около пятидесяти миль, но с высоты края монолита она

выглядела тоненькой, как нить. Там, на пляже и холмах, густо поросших деревьями, жили люди, человекообразные существа и сказочные животные. Многие из них появились на свет в биолaborаториях Ядавина. Это он наделил их долголетием и неувядавшей юностью. Это по его прихоти ожили русалки и водяные, сатиры с копытами и козьими рогами, рогатые фавны с поросшими шерстью ногами, небольшие кентавры и другие существа, которым Ядавин придал сходство с героями греческой мифологии. Полоска суши являлась своего рода раем, садом Эдема с небольшой добавкой неземных штрихов, заимствованных из других вселенных.

На другой стороне Сада находилась грань мира — по сути дела, настоящий конец света. Кикаха несколько раз посещал эти места, устраивая себе так называемый «отпуск», а однажды за ним там гнались ужасные гворлы, которые пытались убить его и завладеть рогом Шамбаримена. Как-то раз он заглянул за грань, и это зрелище вызвало у него трепет и страх. Зеленая бездна внизу, под планетой, казалась бездонным небом, и, сорвись он тогда со скалы, его падение длилось бы вечно.

Поведав все это Анане, Кикаха добавил:

— Мы могли бы укрыться внизу на долгое время. Там прекрасное место — без войн и кровопролитий, если, конечно, не считать одного-двух разбитых носов. Это мир чувственного наслаждения без всяких интеллектуальных прикрас и измышлений. К сожалению, через несколько недель он нагоняет такую тоску, что поневоле становишься алкоголиком или наркоманом. Но хуже всего то, что однажды туда спустятся Звонари. И к тому времени их сила значительно окрепнет.

— Можешь в этом не сомневаться, — кивнув, согласилась Анана. — Они начнут создавать новых Звонарей. Я полагаю, в одном из дворцов они найдут все необходимые материалы. В моем их нет, но...

— У Вольфа есть, — подхватил Кикаха. — Однако, чтобы вырастить и воспитать молодежь, достойную их общества, Звонарям понадобится как минимум десять лет, не так ли? И до этого времени их по-прежнему пятьдесят — вернее, сорок четыре.

— Сорок четыре или четыре, они не остановятся, пока не поймают и не убьют тебя и нас троих. Я сомневаюсь, что Звонари отважатся на захват других вселенных, пока не расправятся с нами. Загнав нас в этот мир, они будут продолжать охоту до тех пор, пока не уничтожат каждого.

— Или пока мы не расправимся с ними,— добавил Кикаха.

Анана улыбнулась:

— Вот этим ты мне и нравишься. Жаль, что ты не властитель. Мы бы...

Он попросил ее не уточнять детали и посоветовал вести машину вдоль края монолита. Спускаясь, они заметили, что отвесная скала оказалась не такой уж и гладкой. Во многих местах ее покрывали трещины, наросты и довольно плоские выступы. Тут имелись карнизы и выбоины, которые служили тропами для многочисленных тварей, знакомых и не знакомых Анане и Кикахе. В некоторых местах скала треснула, и образовались огромные разломы. Со временем они расширились и превратились в сравнительно большие долины, где не только струились ручьи и сверкали каскады водопадов, но даже текла река в полмили шириной. Она с ревом вырывалась из большой пещеры в конце громадного разлома и, низвергаясь с гигантского обрыва, устремлялась в море, которое находилось на семьдесят пять тысяч футов ниже.

Кикаха объяснил, что основные зоны обитания этой планеты располагаются на горизонтальных вершинах пяти монолитов. Их общая площадь приблизительно равняется той части Земли, которую покрывают моря и океаны, и она значительно превосходит поверхность земной суши. Сюда же следует прибавить обитаемые области на вертикальных монолитах, а они не уступают по площади африканскому континенту. Кроме того, здесь имеются обширные подземные территории — огромные пещеры, которые пронизывают бесконечными лабиринтами всю пирамиду Многоярусного мира. В них обитают различные племена и животные, приспособившиеся к подземной жизни.

— Если все это учесть, а затем прибавить тот факт, что здесь нет засушливых пустынь и районов, покрытых

льдом и снегом, мы получим площадь, которая в четыре раза превышает зону обитания моей родной Земли.

Анана заявила, что во время своих визитов она старалась не задерживаться на Земле и поэтому не помнит ее точных габаритов. Но кто-то ей говорил, что планета ее собственной вселенной примерно тех же размеров.

— Поверь мне на слово, это чертовски большое место,— сказал Кикаха.— Я здесь уже двадцать три года, и вся моя жизнь представляет собой одно большое путешествие. Тем не менее я видел лишь маленькую часть. И у меня просто дух захватывает от того, сколько еще предстоит увидеть и узнать, если, конечно, я останусь жив.

Машина быстро снижалась и теперь парила в десяти футах над зеленоватыми волнами Океана. Прибой взбивал белую пену у рифов и с ревом таранил монолит. Решив, что здесь недостаточно глубоко, Кикаха попросил Анану пролететь еще две мили над морем. Там они и сбросили четыре ранца, в которых находились матрицы Звонарей. Чистая вода позволяла видеть довольно глубоко, а солнце светило как раз под нужным углом. Ранцы все дальше и дальше уходили вглубь, пока их не поглотила зеленая мгла. Они проносились сквозь косяки рыб, которые мерцали всеми оттенками радуги; они проплывали мимо бробдингнаговских осьминогов, расцвеченных пурпурными и белыми полосами. Щупальца спрутов на миг касались металла, но тяжелые контейнеры неуклонно и быстро погружались на дно.

Кикаха считал, что топить ранцы было вовсе не обязательно. Матрицы пусты, а Звонари, некогда обитавшие там, погибли в телах своих носителей. Но Анана сказала, что не успокоится, пока до них может добраться какое-нибудь разумное существо.

— Шесть долой. Осталось сорок четыре,— попытожил Кикаха.— Теперь мы полетим в деревню хроваков, к племени «медвежьего народа». Моего народа.

Облетая монолит, самолет преодолел семьсот миль пологой дуги основания. Взяв управление на себя, Кикаха повел их «половинку» вверх и уже через десять минут воспарил на двенадцать миль выше отвесного края Америк-

дии. После часа осторожных маневров над горными хребтами и получасовой разведки они подлетели к небольшому холму, на вершине которого располагалась деревня хроваков.

И тут Кикаха почувствовал себя так, словно ему в сердце вонзилось копьё. Высокие заостренные бревна, некогда ограждавшие деревню, исчезли. Тут и там из-под пепла торчали почерневшие пеньки.

Огромный вигвам для совета старейшин, жилища холостяков, медвежьи загоны, конюшни, зернохранилище, копильни и бревенчатые дома семейных жителей — все это исчезло или было погребено под серыми холмиками пепла.

Несмотря на дождь, прошедший ночью, кое-где все еще поднимались слабые струйки дыма.

На склоне холма виднелось несколько дюжин обугленных трупов — женщин, детей, медведей и собак. Они спасались бегством, когда их настиг луч.

Кикаха не сомневался, что это сделали Черные Звонари. Но как они узнали о его связях с хроваками?

Мысли корчились и ползли, как раненные звери. Наконец он вспомнил, что когда-то давно рассказал о хроваках двум тишкетмоакским жрецам. Однако они не знали даже примерного расположения деревни. А хровакские мужчины, направляясь к Большому торговому пути, всегда удалялись от нее на двести миль и дальше, тем самым сбивая со следа хитрых тишкетмоакских караванщиков. И хотя индейцы любили поговорить и похвастаться, они никогда не раскрывали местонахождения своей деревни.

Однако у «медвежьего народа» имелось множество врагов. Возможно, они и рассказали Звонарям о хроваках. И еще существовали фильмы о деревне и Кикахе, отснятые Вольфом. Он хранил их где-то во дворце. В начальных кадрах появлялась карта, на которой указывалось расположение деревни. Так вот откуда Звонари узнали о ее существовании...

Но зачем они сожгли деревню дотла? Что они этим хотели сказать?

Кикаха откашлялся и задал Анане несколько вопросов. Она отвечала с таким сочувствием, что в другое время

Кикаху приятно удивила бы ее реакция на печаль простого человека.

— Звонари делали это не из мести,— сказала она.— У них нет эмоций, и их разум чужд нашему образу мышления. Как я уже говорила, их создали и воспитали люди...

Даже сквозь пелену оцепенения Кикаха подметил, что она назвала властителей людьми.

— ...несмотря на это, Звонари по своей сути являются механической жизнью. Вне всякого сомнения, у них есть самосознание, которое ставит их выше других машин. Но они рождены из металла и в металле. Впитав в себя жестокость людей, они сохранили холодную и механическую безжалостность. Тем не менее они используют насилие только тогда, когда хотят с его помощью добиться какой-нибудь цели. Захватив мозг мужчины или женщины, они могут чувствовать страсть, сексуальное желание или голод, когда голодает тело их носителя. Но Звонари не могут неоправданно мстить, как люди. Они не стали бы уничтожать племя только потому, что здесь тебя любили и уважали. Я думаю, у Звонарей имелась веская, по их мнению, причина, чтобы сделать это.

— Наверное, они хотели убедиться, что я не прячусь в деревне,— сказал Кикаха.— А ведь Звонари не так и умны — иначе они бы просто дождались, когда я приду сюда.

Самолет стоял в укромном месте на склоне горы, откуда они могли наблюдать за ближайшими окрестностями. Однако, перед тем как приблизиться к сожженной деревне, Кикаха решил еще раз разведать местность. Если Звонари решили их выследить, они наверняка побеспокоились о хорошем укрытии. Бортовой определитель инфракрасного излучения не показал ничего, кроме нескольких зверьков и птиц. Но Звонари могли скрываться за какой-нибудь большой скалой. Хотя как бы они тогда вели наблюдение?

Возможно, машина Звонарей, уничтожив деревню, какое-то время рыскала вокруг. Не найдя Кикаху, они улетели куда-то еще, а великое племя навеки осталось под золой и пеплом.

— Я сажусь за штурвал,— тихо сказала Анана.— А ты говори, как найти Подаргу.

Кикаха был слишком удручен, чтобы прореагировать на ее необычную заботливость. Он решил поблагодарить свою спутницу позже.

По его указанию Анана снова подлетела к краю уровня и спустилась на пятьдесят тысяч футов. Снизив скорость до ста пятидесяти миль в час, она вела самолет на запад до тех пор, пока Кикаха не велел ей остановиться.

В задней части рассеченной кабины во время полета был слышен только вой ветра. Но когда машина зависла под огромным выступом блестящей черной скалы, Кикаха заговорил:

— Я мог бы похоронить их тела, но это потребовало бы слишком много времени. А Звонари обязательно вернутся туда.

— Ты все еще думаешь о них? — недоуменно спросила Анана. — Я хотела сказать, неужели тебя тревожит, что их тела сожрут любители мертвечины? Хватит! Выбрось их из головы! Они мертвы, и ты ничем им уже не поможешь!

— Ты ничего не понимаешь! — воскликнул Кикаха. — Называя их своим народом, я это и имел в виду. Я любил их, и они любили меня. Когда мы встретились впервые, они показались мне странными и непонятными людьми. Я, молодой среднезападный американец, внезапно вывалился в их вселенную из середины двадцатого века. А они были потомками индейцев, которые появились в этом мире двадцать тысяч лет назад. Даже теперь белые американцы считают индейцев непредсказуемыми и непостижимыми. Но у меня гибкая, ко всему привыкающая натура. Я усвоил их образ жизни и полюбил привычки хроваков. Мне нравилась простота их отношений, а они почти боготворили меня. Я стал Кикахой, Ловкачом, переменчивым, как ветер, увертливым и неуловимым. А они считали меня своим Кикахой — грозой и карой для всех врагов «медвежьего народа».

Со временем эта деревня превратилась в мой дом, и хроваки всегда оставались моими лучшими друзьями. И еще меня там ждали две прекрасные и милые жены. Детей

мы так и не нажили, хотя Авивиша* думала, что беременна. Да, я вел светскую жизнь и на других двух уровнях планеты. Мой герой, барон-разбойник Хорст фон Хорстманн, вошел в историю этого мира. Но слава о нем поблекла, и я давно покинул Дракландию.

Потому что, черт возьми, я считал своим народом хроваков! Потому что я любил их, а они любили меня!

Кикаха громко зарыдал. Из груди, сжимая горло, рвался крик истерзанной души. Но и выплакав слезы, он чувствовал в сердце ноющую рану. Боль стала настолько сильной, что Кикаха боялся даже шевельнуться. Наконец Анана неловко поднялась с кресла и положила ладонь на его руку.

— Все верно,— сказал Кикаха.— Мне уже лучше. Сажай самолет на тот выступ. Пещера Подарги находится в десяти милях к западу. Вход в нее охраняют зеленые орлицы. Подходить туда опасно в любое время, и особенно ночью. Два-три года назад мне довелось побывать в гостях у кровожадной гарпии. И тогда нам с Вольфом удалось уговорить ее выпустить нас из пещеры.— Он усмехнулся.— А за это мне пришлось заплатить ей ночью любви. От других пленников требовалось то же самое, но у многих ничего не получалось — возможно, от испуга или отвращения. И когда такое случалось, она разрывала их на куски, как бумагу, а затем терзала тела своими огромными и острыми когтями. Поэтому, Анана, я в каком-то смысле уже любил тебя. Вернее, женщину или женское существо с твоим лицом.

— Я смотрю, ты действительно почувствовал себя лучше, раз уж заговорил о таких вещах,— холодно сказала она.

— Не обижайся. Я просто пытаюсь шутить и болтать о том, что не напоминает мне о смерти,— ответил он.— Надеюсь, ты простишь меня за это?

Анана кивнула, но ничего не сказала в ответ. Кикаха тоже молчал. Они поели холодного мяса и сухарей, посчи-

* В первой книге «Многоярусного мира» у Кикахи тоже были две жены, но их звали Гиушовой и Ангванат.

тав опасным разводить огонь. Свет костра мог привлечь внимание Звонарей и зеленых орлиц. А вокруг по скалам бродили страшные и коварные твари.

Глава 13

Ночь прошла без происшествий, хотя время от времени их будили далекие крики, дикий смех, рычание, рев и свист.

Позавтракав, они осторожно полетели вдоль склона скалы. Наконец Кикаха заметил орлицу, которая приближалась со стороны моря. Он направил к ней самолет, надеясь, что она не будет их атаковать или спастись бегством. Как видно, ее любопытство победило остальные эмоции. Самолет неподвижно завис в воздухе, и птица медленно закружила вокруг него.

Внезапно она бросилась прочь с криком:

— Кикаха-а-а!

Он думал, что она помчится к пещере. Но вместо этого орлица повела себя довольно странно — что, впрочем, свойственно всем женщинам, как сказал он Анане. Птица снова поднялась вверх. Кикаха жестом показал ей, что собирается спуститься на широкий выступ, где они могли бы поговорить.

Наверное, орлица решила, что там она сможет напасть на Кикаху, и опустилась рядом с самолетом, с громким шелестом сложив огромные крылья. Голова птицы с желтым крючковатым клювом и яростными горящими глазами грозно возвышалась над кабиной. Открыв обтекатель, Кикаха поднял лучемет. Но, заглянув за его плечо, орлица отпрянула назад с пронзительным криком:

— Подарга?!

Почтение к царице птиц не позволило ей расспрашивать, чье лицо она увидела.

Орлица относилась к Кикахе, как и все ее подруги. Но она помнила, что однажды тот гостил в их пещере вместе с Вольфом, а затем штурмовал дворец на вершине монолита — высшей точке планеты.

— Я Тивеста,— сказала она голосом огромного попугая.— Что ты здесь делаешь, Ловкач? Разве ты не знаешь,

что Подарга приговорила тебя к смерти? Если мы поймалем тебя живым, ты познаешь перед смертью жестокие пытки.

— Тогда почему же ты не пытаешься меня убить? — спросил он.

— Потому что таков приказ моей повелительницы. Подарга узнала от Девиваниры, что ты освободил ее и Антиопу из тишкветмоакского плена. Она узнала, что в Таланаке творится что-то очень серьезное, но детали ей пока неизвестны. Подарга решила разобраться в истинном положении дел и временно отменила приговор — но ее решение не относится к Ядавину-Вольфу. У нас есть приказ препроводить тебя к ней, если ты будешь умолять об аудиенции. Хотя, честно говоря, Кикаха, я предупреждаю тебя — попав в пещеру, ты можешь остаться там навеки.

— Я не собираюсь молить об аудиенции, — ответил Кикаха. — И если я появлюсь в пещере, то только в этой машине и при оружии. Осмелишься ли ты передать мои слова Подарге? Если да, то скажи ей, что я буду ей верным помощником, если она захочет отомстить тишкветмоакам за смерть и пленение многих ее подруг. И еще передай, что в наш мир прокралось огромное зло. Пока оно не угрожает ей лично. Но ее рабство не за горами. И это зло уже тянет к ней и орлицам свои холодные пальцы, оно уже рядом с вашими гнездами. Я могу рассказать ей об этом — если только увижу ее.

Тивеста пообещала передать его слова царице и улетела.

Прошло несколько часов. Кикаха начал нервничать. Он сказал Анане, что безумие Подарги часто заставляет ее действовать вопреки ее же интересам. И вскоре они могут увидеть стаю гигантских орлиц, которые ринутся на них с зеленого неба, чтобы раз и навсегда исполнить месть своей царицы.

К счастью, прилетела лишь одна из них, Тивеста, и сказала, что он может появиться в пещере на своей машине и взять с собой человеческую женщину. Кроме того, ему позволено брать любое оружие, которое он только захочет, — но пусть Кикаха берет его побольше, если собирается обманывать их мудрую Подаргу. Кикаха перевел

Анана слова орлицы, поскольку они говорили на испорченном микенском наречии Древней Греции — великом языке Одиссея, Агамемнона и Елены Троянской.

Анану возмутила роль, которую ей отводили в этой игре. На ее лице появилась усмешка.

— Человеческая женщина! Неужели эта вонючая птица не узнала во мне властительницу?

— Наверное, нет, — ответил он. — В конце концов, ты выглядишь как обычная женщина. Вы из той же породы, что и люди, и, несмотря на твое происхождение, культуру и воспитание, я тоже считаю тебя человеком. Ты хочешь сказать, что я не прав? Возможно. Но у Вольфа есть по этому поводу несколько интересных теорий.

Анана проворчала в ответ какое-то ругательство на языке властителей. Кикаха тронул самолет с места и последовал за Тивестой к отверстию пещеры, в которой Подарга уже пятьсот лет содержала свой двор.

Гарпия выбрала прекрасное место. Скала в несколько тысяч футов плавно нависала над входом и имела гладкую, как зеркало, поверхность. Снаружи вдоль пещеры шел широкий выступ. Однако к отверстию можно было подобраться только с одной стороны. Все входы к пещере охраняли сорок орлиц. Ниже выступа скала под углом уходила в монолит. Поэтому ни одно существо не могло проникнуть в пещеру сверху или снизу. Отряд отважных воинов мог бы спуститься сюда по веревкам, но, если бы на них напали, им пришлось бы туго.

Входом служило круглое отверстие около десяти футов в диаметре. За ним начинался длинный извилистый коридор, чьи каменные стены пять веков полировали перья гигантских птиц.

Со скрипом и визгом, царапая стены, их самолет пролетел по туннелю около пятидесяти ярдов и наконец оказался в обширной пещере. Ее освещали факелы и огромные, похожие на перья растения, которые сияли белым светом. Они тысячами свисали с потолка и торчали из стен; их корни уходили в скалы.

Долетавший откуда-то сквознячок овеивал пылающие щеки Кикахи.

Пещера оставалась такой, какой он ее запомнил,— за исключением запаха. По всей видимости, Подарга произвела генеральную уборку помещений. Гниющий мусор на полу убрали, а сотни сундуков с сокровищами и шкапулки с драгоценными камнями установили вдоль стен и вынесли в другие помещения.

Выстроившись в два ряда, орлицы образовали для самолета проход. Гладкая гранитная пятидесятиардовая дорожка заканчивалась у каменной платформы. Десятифутовое возвышение представляло собой ряд ступеней из кварцевых блоков. Прежний, вырезанный в скале трон исчез. Вместо него в центре платформы стояло огромное золотое кресло, украшенное алмазами и рубинами. Древние мастера отлили его в форме феникса, распростершего крылья. Кресло некогда принадлежало радаманту Атлантиды, правителю четвертого уровня этой планеты. Подарга захватила трон во время набега на его столицу. С тех пор минуло четыреста лет; радамант погиб, атлантов почти не осталось, а огромный город превратился в руины и прах. Вольф хотел заселить эту страну заново, но что-то нарушило его планы. Он исчез, и появились Черные Звонари.

Подарга сидела на краешке трона. Три тысячи двести лет назад властитель Ядавин, потехи ради, создал ужасное тело гарпии и наделил его мозгом несчастной женщины. Птичьи ноги были толще и массивнее, чем у страуса,— им приходилось поддерживать вес человеческого торса. Нижняя часть тела ничем не отличалась от птичьей: ее покрывали зеленые перья и венчал длинный хвост. Выше пояса начинался торс женщины, с прекрасной белой грудью, длинной шеей и изумительно красивым лицом. Черные волосы ниспадали на грудь и плечи. В больших глазах пылал огонь безумия и ненависти. Вместо рук у нее были крылья — длинные и широкие, с зелеными, красными и черными перьями.

Подарга приказала Кикахе низким хриловатым голосом:

— Останови свою летательную машину! Тебе не следует подлетать ближе!

Кикаха попросил разрешения выйти из машины и приблизиться к подножию ступеней. Подарга сказала, что позволяет. Он велел Анане следовать за ним и небрежной походкой подошел к трону гарпии. При виде Ананы у Подарги расширились глаза.

— Двуногая женщина! — закричала она. — Ты тоже творение Ядавина? И он дал тебе мое лицо!

Анана знала, что все происходило как раз наоборот, и тон Подарги, вне всяких сомнений, задевал ее гордость. Но при всей своей надменности глупостью она не страдала.

— Мне кажется, так оно и было, — скромно ответила она. — Я не знаю, как появилась на свет, — просто появилась, вот и все. Это случилось около пятидесяти лет назад.

— Глупый ребенок! Этот монстр Ядавин держал тебя как игрушку! Зачем же ты ушла от него? Неужели ты надоела ему, и он отправил тебя в наш злой и жестокий мир, где живут и умирают по воле случая?

— Я не знаю, — ответила Анана. — Наверное, вы правы. Кикаха думает, что Ядавин сжалился надо мной и удалил мне часть памяти, поэтому я не помню свою жизнь во дворце, если только действительно жила там когда-то.

Кикаху восхитил ее рассказ. Она, оказывается, могла приврать не хуже его. Но потом он прикусил губу: сама того не ведая, Анана загнала себя в ловушку. Пятьдесят лет назад Ядавин находился в другой вселенной. Он жил в то время в Америке и носил фамилию человека, который усыновил его. В результате амнезии Ядавин забыл свою прошлую жизнь и превратился в Вольфа. А во дворце тогда правил Арвур.

Впрочем, какая разница? — успокоил себя Кикаха. Если Анана прикидывается, что не помнит свое рождение и жизнь во дворце, то ей и не полагается знать властителя.

Но Подаргу, очевидно, не волновали эти тонкости. Она повернулась к Кикахе и смерила его взглядом.

— Девиванира рассказала мне, как ты выпустил ее и Антиопу из клетки в Таланаке.

— А она рассказала тебе, что после этого они пытались убить меня в знак благодарности? — спросил он.

Гарпия приподняла крылья и яростно взглянула на Кикаху.

— Они выполняли приказ! Благодарность здесь ни при чем! Ты верный помощник Ядавина, который прозвал себя Вольфом, и поэтому тебе суждено умереть! — Она сложила крылья и снова приняла любезный вид, но Кикаха не обманывался относительно ее чувств. — Между прочим, где Ядавин? Что происходит в Таланаке? И кто такие эти дракландцы?

Кикаха рассказал ей все. Он умолчал лишь о двух властителях — Нимстовле и Юдубре — и представил дело так, будто Анана прошла через ворота на уровень Американдии несколько лет назад, после чего попала в рабство в Таланаке. Подарга люто ненавидела властителей. Если бы гарпия узнала, что Анана одна из них, или заподозрила в ней сестру Ядавина, его спутницу ожидали бы великие мучения. Это поставило бы Кикаху в очень затруднительное положение, с которым ему пришлось бы разобраться в течение одной-двух секунд. Конечно, он мог бы выбрать жизнь и дальнейшую борьбу с Черными Звонарями, но при этом погибла бы Анана. А встав на ее защиту, он просто подписал бы свой смертный приговор. И хотя они могли перебить перед смертью множество орлиц, такая перспектива его не очень утешала.

Но допустим, что нам удалось бы бежать, размышлял Кикаха. В принципе это вполне возможно. Если я убью Подаргу первым выстрелом и посею панику среди орлиц, мы можем заскочить в самолет и включить большие лазеры. С такой техникой мы не только прорвемся наружу, но и не дадим себя догнать.

Впрочем, Кикаха ни на миг не сомневался, что примет сторону Ананы.

— Так, значит, Ядавин мог погибнуть? — вскричала Подарга. — Это плохая весть! Я столько лет придумывала планы его пленения, что теперь мне хочется только одного! Я хочу, чтобы Ядавин жил как можно дольше, страдая от страшных пыток и мук! Я хочу, чтобы он поплатился за каждый день моей жизни! За каждый день! За каждый час!

Подарга вскочила на толстые короткие ноги, ее когти конвульсивно дернулись, и она завизжала от ярости. Обернувшись к Анане, Кикаха тихо прошептал:

— Теперь держись! Мне кажется, ее терпение лопнуло! Приготовься стрелять!

Но Подарга вдруг замолчала и забегала взад и вперед, словно птица, запертая в клетке. Наконец она остановилась и сказала:

— Ловкач! Почему я должна помогать тебе в борьбе с врагами Ядавина? Неужели только из-за того, что они лишили меня возможности отомстить?

— Но они и твои враги, — ответил Кикаха. — Пока они используют только человеческие тела. Но пройдет какое-то время, и Звонари догадаться, что носителями могут быть орлицы. Люди привязаны к земле. А что может сравниться с наслаждением жить в теле зеленой орлицы? Летать над всей планетой, словно в доме солнца! Парить, как богоподобное создание, над всеми тварями земли, над домами и городами людей! Оставаться недоступной, но видеть и знать все, окидывая тысячи миль одним зорким взглядом!

Неужели ты думаешь, что Черные Звонари этого не поймут? Как только такая мысль придет им в голову, они начнут погоню за орлицами, а возможно, и за тобой, Подарга. Они приложат к вашим головам свои устройства-колокола и опустошат ваши умы, а потом превратят вас в ничто! Они овладеют вашими телами и разумом.

Черные Звонари используют тела из плоти и крови, но они обращаются с ними так же, как люди со своей одеждой. Когда наряд изнашивается, они выбрасывают его прочь. И однажды от вас тоже откажутся, выбросив в мусорную кучу! Хотя это уже не будет иметь значения, потому что вы умрете задолго до того, как испортятся ваши тела.

Кикаха сделал небольшую паузу. Орлицы, похожие на зеленые десятифутовые колонны, неуклюже переминались с ноги на ногу; в их глотках вскипали крики бешенства. Подарга сохраняла невозмутимый вид, но Кикаха знал, что она задумалась над его словами.

— Теперь в живых осталось только сорок четыре Черных Звонаря, — сказал он. — Они обладают огромной мощностью, но их мало. И теперь самое время прищемить им хвост, пока они не стали для нас смертельной угрозой. В лабораториях дворца на вершине мира они начинают изготавливать новых Звонарей — можете в этом не сомневаться. Наступит время, когда их станет несколько тысяч, а возможно, и миллионов, потому что они хотят обеспечить выживание своего вида. А выживание всегда зависит от численности.

И когда придет этот зловещий день, целые орды Звонарей пронесутся по нашему миру, и они будут уже неодолимы. Звонари овладеют всем и всеми. И если им захочется насладиться телами зеленых орлиц, они сделают это без вашего согласия.

В пещере повисла тишина. После долгого молчания Подарга сказала:

— Ты хорошо говорил, Ловкач. Мне немного известно о том, что произошло в Таланаке, потому что мои любимицы поймали несколько тишкетмоаков и заставили их говорить. Но эти люди почти ничего не знали и даже не слышали о Черных Звонарях. Однако они рассказали, что жрецы Таланака объявили своего императора одержимым демоном. Кроме того, твою историю подтверждает появление этой и других летательных машин, которые видели мои сестры. Жаль, что ты не захватил с собой плененные колокола, чтобы мы могли на них посмотреть. И мне не понятна та торопливость, с которой ты выбросил их в море.

— Я не всегда так умен, как мне бы хотелось, — ответил Кикаха.

— Есть еще один момент, который говорит в твою пользу, даже если история о Звонарях лишь наполовину верна или полностью лжива, — сказала Подарга. — Я давно хотела отомстить тишкетмоакам за то, что они убили многих из нас, а других посадили в клетки, как каких-то обычных зверушек. Они начали делать это с тех пор, как трон занял их нынешний правитель Квотшамл. Он воцарился три года назад и нарушил древнее соглашение, заключен-

ное мной с его народом. Безумное пристрастие к новым животным в зоопарке и свежим чучелам в музее совсем помрачило его разум, и он объявил нам войну. Я послала ему предупреждение, чтобы он немедленно одумался, но в ответ Квотшамл посадил в клетку моих посланниц. Он просто сошел с ума. И поэтому он обречен!

Подарга продолжала говорить. Очевидно, общение с орлицами наскучило ей, и она истосковалась по чужакам с интересными новостями. А вести Кикахи привели ее в такое возбуждение, какого она не испытывала уже целых три года — с времен кровавого штурма дворца. Ее буквально прорвало. Она говорила и говорила. И делала это с таким пренебрежением по отношению к другим, что в ней сразу чувствовался истинный и абсолютный тиран. Она велела принести еду и питье, а затем пригласила гостей за огромный стол. Обед оказался очень кстати, но Анану после него стало клонить ко сну, а Кикаха еще больше оживилась. Он посоветовал своей спутнице вернуться в самолет и немного поспать. Та догадалась, что он имел в виду, и, не сказав ни слова, встала, ушла в самолет и улеглась на ковре, который ей подарила Подарга.

Глава 14

Открыв глаза, Анана увидела Кикаху, который спал рядом. Курносый нос и длинная верхняя губа придавали его лицу по-детски милое выражение, но изо рта разило перегаром, а от тела несло какими-то экзотическими духами. Внезапно он перестал посапывать и открыл глаза. Зеленую, как лист, радужную оболочку глаз покрывали тонкие красноватые прожилки. Кикаха усмехнулся и сказал:

— Доброе утро. Хотя, кажется, уже перевалило за полдень.

Он сел и похлопал ее по плечу. Она резко отстранилась, и Кикаха заулыбался еще шире.

— Неужели такая надменная суперженщина, как владительница Анана Светлая, может ревновать по пустякам? Просто невероятно!

— Ты прав, это действительно невероятно, — холодно ответила она. — Кого мне ревновать? Тебя? Но с какой стати?

Он потянулся и зевнул.

— Нет, Анана, ты этого, наверное, не поймешь. Я знаю, тебе не нравится, когда властителей причисляют к людям, но для меня ты — женщина. Да-да, красивая и желанная женщина. Вот уже несколько недель мы находимся в тесном и почти интимном контакте. А я статный парень. Тысячи людей называют меня могучим и отчаянным воином, и, поверь, я говорю это не из-за желания похвастаться. Мы оба знаем, что тебя влечет ко мне, хотя ты презираешь себя за любовь к лебляббю.

— Неужели не нашлось ни одной женщины, которая попыталась бы тебя убить? — спросила она ледяным тоном.

— Их было не меньше дюжины. И все великие воины этого мира не подводили меня так близко к смерти, как женщины. — Он провел пальцем по двум шрамам, которые белели под ребрами. — Дважды они почти преуспели в том, чего, не удавалось самым решительным воинам. И обе перед этим заверяли меня в своей любви. Так что лучше проявляй ко мне ненависть честно и открыто!

— У меня нет повода любить тебя или ненавидеть, — надменно ответила Анана. — Я властительница, и...

Ее прервало появление орлицы, которая передала им приглашение на завтрак. Подарга требовала, чтобы они немедленно шли к столу. И вестовая птица едва не взбесилась, когда Анана ответила, что ей прежде хотелось бы принять ванну и привести себя в порядок. Более того, она начала расспрашивать орлицу, есть ли среди всех этих сокровищ какие-нибудь благовония и косметика. Кикаха чуть заметно улыбнулся и сказал, что пойдет к Подарге один, чтобы как-то успокоить ее гнев, вызванный нарочитым промедлением Ананы. Орлица на негнущихся ногах провела его спутницу в угол пещеры, где на туалетном столике великолепной филигранной работы находилось все, что она хотела.

Задумавшись о чем-то, Подарга даже не заметила отсутствия Ананы и поприветствовала Кикаху так, словно

испытывала к нему большое уважение. Усадив гостя за стол, гарпия сказала, что у нее появились интересные вести. На рассвете прилетела орлица с донесением об огромном боевом флоте, который двигался по реке, названной тишкетмоаками Петшотакл. Извилистое русло этой широкой реки проходило по краю Деревьев Множества Теней.

Флот насчитывал сто баркасов, по пятьдесят человек в каждом, и состоял из пяти тысяч рыжебородых воинов, которые называли себя таюдами, то есть народом. Кикаха слышал о них от тишкетмоаков, которые жаловались на участвовавшие набеги рыжебородых, разорявших приграничные форты и города. Но куда направлялся такой огромный флот? Неужели они решили напасть на Таланак и подвергнуть его осаде?

Подарга сказала, что таюды приплыли из великого моря на западе, которое находилось за Сверкающими горами. Кикаха ни разу еще не пересекал Сверкающие горы, хотя давно мечтал об этом. Тем не менее он знал, что море действительно велико — тысяча миль в длину и триста — в ширину. Но он почему-то думал, что на его берегах живут америндейцы, похожие на жителей прерии.

Нет, сказала Подарга, удовлетворенная своим превосходством в знании мира. Нет и еще раз нет. Ее орлицы сообщили, что давным-давно там действительно обитали «оперенные шапки» (америндейцы). Но потом Ядавин похитил с Земли племя высоких светлокожих людей с длинными бородами. Они осели на восточном берегу, а затем построили укрепленные города и крутогрудые корабли. Со временем их народ покорил и поглотил соседние темнокожие племена. Сначала индейцы были рабами таюдов, но постепенно обрели равенство и породнились с ними. Их языки слились в один общий диалект, который состоял из видоизмененной речи таюдов и многочисленных слов, заимствованных у аборигенов.

Закрепившись на восточной окраине моря, рыжебородые образовали федерацию двух мощных королевств — короля Бракьи и короля Сорги, чьи имена означали соответственно «раздор» и «печаль». Чуть позже между ними

завязалась долгая и тяжелая гражданская война, окончившаяся поражением Бракьи. Собрав верных воинов и женщин, он бежал из страны и, перебравшись через Сверкающие горы, поселился в верховьях реки. С годами их сила и численность увеличились. Они начали совершать набеги на тишкетмоакские форты, речные суда и торговые караваны. В частых стычках с полукосями таюды несли большие потери, но среди окрестных племен они не имели равных. Их города процветали, жены рожали детей, а мужчины добывали славу.

Разъяренный набегами таюдов, император Квотшамл послал в их земли несколько карательных экспедиций. Одна из них разрушила город на реке; другим не повезло — рыжебородые разбили их наголову. И вот теперь, почувствовав слабость врага и собрав большие силы, таюды решили вступить в сражение с войсками императора. Их армия состояла из ловких, высоких и лютых воинов, но они явно не представляли себе размеров империи и численности народа, против которого собирались воевать.

— Возможно, они действительно этого не представляют, — согласился Кикаха. — Но к тому времени, когда они доберутся до Таланака, оборона может оказаться ослабленной вторжением дракландцев. И тогда, воспользовавшись ситуацией, мы сможем нанести удар и покорить жадеитовый город.

У Подарги мигом пропало хорошее настроение.

— Сначала мы нападём на рыжебородых и рассеём их, как стайку воробьев! Я сделаю их путь адской тропой!

— А почему бы не превратить таюдов в наших союзников? — спросил Кикаха. — Мы выступаем против Звонарей, тишкетмоаков и дракландцев. Битва и без того будет тяжелой. А еще надо принять в расчет их самолеты и лучеметы. Нам может понадобиться любая помощь, и я предлагаю переманить их на нашу сторону. Добычи и убийств хватит на всех — их будет более чем достаточно.

Подарга вскочила с кресла и ударом крыла смела все блюда на пол. Ее прекрасная грудь тяжело вздымалась и опадала от kloкотавшей ярости. Орлица прожигала Кикаху свирепым взглядом, от которого хотелось бежать на

край света. Но он смело посмотрел ей в глаза и спокойно сказал:

— Пусть рыжебородые перебьют наших врагов и своими телами выложат нам тропу победы. Ты говоришь, что любишь своих орлиц; ты называешь их своими птичками. Так почему же не спасти жизни многих из них, объединив наши силы с рыжебородыми?

Подарга закричала на него и впала в неистовый бред. Он понял, что сделал серьезную ошибку, не согласившись с ней. Но сказанного не вернешь. К тому же он почувствовал, как в нем вскипает волна ненависти и отвращения. Кикаха был по горло сыт ее надменными, жестокими и грубыми манерами.

Но он умирил свою ярость, не дав ей превратить себя в прах, из которого не поднимался еще ни один человек.

— О прекрасная Подарга! Я склоняюсь перед твоей великой мудростью, силой и могуществом! — смиренно произнес Кикаха. — Поступай, как знаешь!

Оценив ситуацию, он решил поговорить с Подаргой еще раз, когда к той вернется рассудок.

После завтрака Кикаха и Анана вывели самолет из пещеры и поднялись на пятьдесят тысяч футов к грани монолита. Подлетев к горному хребту, который возвышался неподалеку, они приземлились на вершине неприступного пика. Кикаха включил радио, и они с Ананой начали громко обсуждать все, что произошло с ними в пещере Подарги. В ходе разговора они подробно описали местоположение пещеры, надеясь, что их беседа дойдет до ушей тех, кому она предназначалась. Анана привела в действие бортовые радары и аппаратуру наблюдения.

Когда прошло несколько часов, она притворно удивилась, что у них работает радиопередатчик. Обругав Кикаху за невнимательность и глупость, Анана отключила радио и удовлетворенно засмеялась. Индикатор радара засветился мигавшими точками. Сигнал шел из-за края Абхарплунты — монолита в центре яруса Америкиндии. Оба самолета летели из дворца властителя.

Поскольку обе машины уже засекли беглецов своими приборами, они могли обнаружить и то место, в котором укрылись их жертвы. Кикаха на предельной скорости по-

вел самолет к грани уровня и резко спустился вниз. Он парил над входом в пещеру до тех пор, пока первый из двух перехватчиков не появился из-за края монолита. Заметив его, Кикаха влетел в пещеру и промчался по туннелю, не обращая внимания на скрежет и визг моторов.

После этого им оставалось только ждать. А в некотором отдалении от пещеры, вцепившись когтями в большие лазеры и ручные лучеметы, в зеленом небе плавно кружили орлицы Подарги. Увидев два самолета, подлетевших к входу их гнездовья, они молнией упали с зеленого поднебесья. Очевидно, Звонари давно уже засекли над собой орлиц, но не обратили на них внимания. Опознав в них птиц, они сосредоточились на пещере, накрыв отверстие прицелами дальнобойных лазеров.

Тем, кто находился в пещере, не пришлось ждать долго. Не прошло и нескольких минут, как вооруженная лучеметом орлица влетела с донесением. Застав врага врасплох, птицы уничтожили всех шестерых Звонарей — по три в каждом самолете. Летающие машины по-прежнему парили около отверстия, а единственными повреждениями были сгоревшие кресла и оплавившийся пластик прозрачного купола кабины.

Кикаха предложил Подарге спрятать оба самолета в пещере. В распоряжении Звонарей осталась еще одна машина, и они могли отправить ее вниз, чтобы выяснить причину исчезновения двух этих. Кроме того, у них могли оказаться и другие летательные средства, поскольку Нимстовл и Юдубра тоже имели самолеты.

— Двенадцать Звонарей долой, осталось тридцать восемь, — сказал Кикаха. — А у нас теперь есть транспорт и оружие.

Кикаха и Анана вылетели из пещеры на своей половине самолета. Кикаха перебрался в одну из машин и пригнал ее в пещеру. Затем они совершили еще один вылет. Когда все три летательных аппарата разместились бок о бок в огромной пещере, Подарга потребовала, чтобы ее и нескольких избранных орлиц обучили управлению волшебными машинами. Но Кикаха попросил прежде вернуть им ручные лучеметы и лазеры, снятые с их боевой «половинки». Подарга погрузилась в мрачное раздумье, и Ки-

каха решил, что она хочет разделаться с ними, как со Звонарями. Кикаха и Анана находились в довольно скверном положении. Чтобы обеспечить успех операции, они отдали орлицам все свое оружие. Но у него еще имелся нож, который он намеревался метнуть в солнечное сплетение гарпии, если та подаст птицам хотя бы малейший знак. Конечно, это не спасет их от смерти, но, по крайней мере, он прихватит с собой на тот свет и Подаргу.

Не ясно, по каким причинам, но гарпия решила исполнить просьбу Кикахи. Лучеметы вернули, и он вновь установил на своей «половинке» дальнобойные лазеры. Однако его тревога усиливалась все более. Какие бы услуги он ни оказывал Подарге, она не желала прощать ему дружбы с Вольфом. И как только гарпия посчитает помощь людей необязательной, она оборвет его жизнь, как тоненькую нить. А это могло произойти и через тридцать минут, и через тридцать дней.

Улучив подходящий момент, Кикаха высказал Анане свои опасения.

— Этим все и должно будет закончиться,— сказала она.— Ядавин тут, в общем-то, и ни при чем. Тебе грозит опасность, потому что ты ее любовник. Гарпия знает, что, несмотря на красивое лицо и великолепную грудь, она всего лишь гибридное чудовище. Ей известно, что ее тело вызывает отвращение у всех мужчин, которых она принуждает к сексуальным отношениям. И Подарга не может им этого простить; ей приходится устранять каждого, кто в глубине души презирает ее. Мне тоже грозит опасность. Прежде всего, у меня женское тело, а она ненавидит всех женщин, потому что навечно приговорена оставаться полуптицей. Во-вторых, наши лица похожи как две капли воды, и она не позволит женщине с моим телом и ее лицом задерживаться на этом свете слишком долго. А в-третьих, она просто безумна. И порою пугает меня!

— Ты, властительница, признаешься, что испугалась? — воскликнул Кикаха.

— Даже прожив десять тысяч лет, я все равно боюсь некоторых вещей. Меня страшат пытки и мучения, а я уверена, что она будет пытаться нас долго и страшно —

если, конечно, у нее появится такая возможность. И еще я тревожусь за тебя.

— За меня? — с удивлением вскричал Кикаха. — Ты тревожишься за какого-то лебляббия?

— Ты не обычный человек, — возразила она. — В тебе так много от властителя... Может быть, ты приходишься Вольфу сыном?

— Нет, я не его сын, — усмехаясь, ответил он. — Но неужели ты можешь испытывать человеческие чувства? Я думаю, ты просто немного привязалась ко мне, — вот и все. Небольшое влечение, правда? Потому что даже мысль о том, что ты желаешь меня, унизительна для богоподобной особы. И я уже не говорю о такой гнусности, как любовь к презренному лебляббию. К счастью, властители не способны на любовь!

— Ты такой же безумный, как и твоя гарпия! — закричала Анана, метнув на него свирепый взгляд. — То, что меня восхищает твоя отвага и ум, еще не означает, что я вижу в тебе равного, а уж тем более своего мужчину!

— Конечно, о каком равенстве может идти речь, — согласился Кикаха. — Если бы не я, ты бы дюжину раз успела побывать в камере пыток и принять достойную тебя мученическую смерть. И знаешь, что я тебе скажу? Когда ты будешь готова признать свою любовь ко мне, я спасу тебя от смущения. Ты можешь просто назвать меня любимым, и все. Не нужно извинений и слез покаяния. Только одно слово и один взгляд. Не обещая своей любви, я даю тебе слово рассмотреть это предложение. И возможно — запомни, возможно, — я даже соглашусь стать твоим возлюбленным. Ведь ты чертовски привлекательная женщина. Кроме того, я не хочу обидеть Вольфа тем, что отвергну его сестру, хотя, насколько мне помнится, он не слишком нежно отзывался о тебе.

Кикаха ожидал, что Анана рассердится. Но Анана только весело захохотала. И все же ему показалось, что смех был лишь «дымовой завесой».

Больше поговорить им не удалось. По распоряжению Подарги они обучали орлиц управлению воздушными машинами. Гарпия часами расспрашивала их о планировке Таланака, где ожидала встретить наиболее мощное сопро-

тивление Ее интересовали слабые места обороны, система коммуникаций и тому подобные вещи. По ходу дела она отдавала приказы и выслушивала донесения. Сотни посланниц отправились в путь, чтобы созвать в поход армады орлиц. Тем, кто прилетал, приказывали отправляться к месту сбора у слияния рек Петшотакл и Квакойомл. Там им предстояло расположиться на скалах и дожждаться флота рыжебородых.

Подарге приходилось решать множество проблем. Прежде всего требовалось наладить систему обеспечения съестным. Для этого гарпия сформировала несколько отрядов охотниц. Поскольку речная зона Великих прерий кишела дичью, они без труда могли обеспечить пищей всю армию. Но при такой расстановке сил каждая пятая орлица как бы исключалась из боевых действий и занималась только охотой и доставкой провизии.

Как оказалось, орлицы не только проходили армейское обучение, но и подчинялись строжайшей дисциплине и иерархии. Однако несколько лет назад, во время штурма дворца, они лишились большей части своих офицеров, а Подарга в водовороте текущих дел не позаботилась о реорганизации войск и командного состава. Теперь же эта сложная, почти неодолимая проблема вышла на первый план и требовала незамедлительного решения.

На четвертое утро Кикаха вновь осмелился поспорить с Подаргой. Он сказал ей, что неразумно тратить мощь оружия на рыжебородых и что ей следует приберечь заряды до того момента, когда применение лучеметов станет насущной необходимостью. Он напомнил гарпии, что у Звонарей в Таланаке есть такие огневые средства, которые можно подавить лишь подобным вооружением. Более того, она собрала столько орлиц, что они могли бы нанести удар и по тишкветмоакам. Питание армии уже сейчас начинает вызывать головную боль, а ведь будут прилетать все новые и новые птицы. Но и это еще не все...

Продолжать Кикахе не дали. Гарпия закричала, что, если он не прикусит свой поганый язык, она вырвет ему глаза. Ее утомили его самонадеянность и дерзость. Он и так прожил слишком долго, поэтому не стоит кичиться своей ловкостью недобитого обманщика. Кроме того, ее

приводит в ярость жеманство и кривляние Ананы — несомненно, еще более гадкого и омерзительного существа. Но пришла пора отмщения, и пусть он теперь испытает свою ловкость, выбираясь из пещеры. А этой блудливой девке лучше было бы прыгнуть с обрыва в море, когда ей никто не мешал; теперь ей не хватит слез, чтобы вымолить себе прощение.

Кикаха смиренно молчал, но Подарга не унималась. Она кричала на него не меньше получаса. Внезапно гарпия замолчала, и ее лицо озарила задорная улыбка. Страх холодными пальцами прошелся по струнам его души. Кикахе показалось, что кожа на животе начала сворачиваться, будто каждая складочка пыталась спрятаться за другую.

Время ожиданий прошло, наступил миг действия. Он отбросил кресло назад, приподнял стол за край и с силой перевернул его на Подаргу. Гарпия пронзительно завизжала — тяжелый стол прижал ее к массивному креслу. Из-за края столешницы высунулось испуганное лицо, крылья раскрылись и затрепетали.

Он мог прожечь ей голову лучеметом, но не она сейчас представляла опасность. В зал вбежали две орлицы-прислужницы. В их клювах Кикаха увидел оружие. Пока птицы перекладывали лучеметы в лапы, он убил одну из них. Зеленые перья вспыхнули огнем; в ноздри ударил едкий запах.

Анана выхватила из-за пояса свое оружие, и оба луча скрестились на теле второй орлицы.

Кикаха окликнул Анану и метнулся к ближайшему самолету. Забравшись следом за ним в кабину, она без лишних слов включила передний лазер. Кикаха сел в кресло пилота, запустил двигатель, и самолет, поднявшись на фут, стремительно полетел к отверстию туннеля. Три орлицы попытались преградить путь, но летательный аппарат неудержимо... удар... стремился вперед... удар, еще удар. При каждом столкновении Кикаха вздрагивал и закрывал глаза. Самолет заклинило в проходе. Кикаху швырнуло грудью на приборную панель — он не успел пристегнуться ремнями. Закусив от боли губу, Кикаха увеличил мощность двигателя; металл визгливо заскрежетал о гранит,

и самолет, словно шомпол в жерле орудия, продолжил движение.

На секунду светлое пятно выхода закрыла гигантская тень; раздался крик, еще один глухой удар, и самолет вылетел навстречу светло-зеленому небу. Над головами беглецов сияло солнце, а внизу, в полусотне тысяч миль, виднелась голубовато-белая полоска морского прибоя.

подавив в себе страх и желание скрыться, Кикаха сделал крутой разворот, и самолет завис над выходом. Как он и ожидал, из зева пещеры выскользнул самолет — одна из машин, захваченных орлицами. Через несколько секунд появилась и их боевая «половинка». Анана навела на них луч лазера и рассекла обе машины по продольной оси. Распавшись на части, самолеты полетели вниз. В кабинах дымились разрезанные тела зеленых орлиц. Обломки вскоре превратились в крохотные черные точки, а затем исчезли в голубизне далекой пучины.

Кикаха снизился к пещере и выстрелил из переднего лазера в глубь туннеля. Вопли и крики подсказали ему, что он не ошибся в выборе цели. Во всяком случае, орлицы еще долго не отважатся выглядывать наружу. Он хотел направить луч лазера на скалу, чтобы завалить камнями вход в пещеру, но, пожалев заряд силовой батареи, решил отказаться от этой затеи. К тому времени в воздух поднялись сторожевые группы орлиц, которые скрывались на склоне монолита. Кикаха направил самолет в центр стаи и, сбивая зеленые тела, пронесся сквозь нее на предельной скорости. Анана сжигала орлиц залпами кормового лазера. С триумфом рассеяв врага, они помчались к горной гряде, отделявшей грань уровня от Великих прерий.

Глава 15

Когда внизу замелькали просторы прерии, Кикаха решил на бреющий полет — это уменьшило вероятность того, что их обнаружит самолет Звонарей. Послушная машина проносилась над морем травы, пологими холмами и деревьями. Они пролетали над огромными серыми мамонтами, мастодонтами и гигантскими косматыми би-

зонами; под ними разбегались табуны диких лошадей и неуклюжих степных верблюдов. Они мчались над девяти-сотфунтовыми темно-желтыми «фелис атрокс», свирепыми львами, длинноногими гепардами с собачьими мордами, саблезубыми сайлодентами и волосатыми, глуповатыми на вид мегатериями. Там внизу оставались огромные, размером со слона, ленивцы; куда-то бежали ужасные волки, и покачивали ослиными головами архаические белуштерии высотой в двадцать один фут. На россыпях камней красовались мегацеросы — олени, рога которых выступали по сторонам на двенадцать футов. Самолет проносился над стадами антилоп, тысячи видов и сотни раскрасок; над странными существами с длинным раздвоенным рогом, торчавшим из носа; над «страшными» боровыми шести футов в холке; над жуткими на вид бронготериями, которых Вольф воссоздал в биологических лабораториях дворца и выпустил в Великие прерии, — эти серые... гиганты, пятнадцати футов в длину и восьми в холке, грозили самолету, словно пальцами, плоскими рогами, торчавшими на кончиках носов. Но двое людей летели дальше — над койотами, лисами, страусоподобными птицами, утками, гусями, лебедями, цаплями, аистами, голубями, грифами, канюками, ястребами — и вокруг были тысячи видов животных и птиц, миллионы и миллионы живых тварей, на многих из которых Кикаха не раз охотился в прошлом. За три часа им удалось стать свидетелями того, что они не увидели бы на Земле и за пять лет непрерывных путешествий.

Самолет пролетел над стоянками америндейцев, над вигвамами и круглыми хижинами вингашатаев, хаикховов и такотитов. А однажды под ними оказалась кавалькада полуконей, которую со всех сторон охраняли свирепые воины; женщины тащили на шестах имущество племени; детишки скакали и прыгали вокруг, как резвые жеребят.

При виде такого обилия жизни Кикаху пронизывал трепет восторга. Из всех земель только ему одному повезло оказаться в чудесном Многоярусном мире. А такому везению не было цены, и если бы смерть настигла его сейчас и потребовала плату за годы любви и приключе-

ний, он отдал бы ей жизнь, не сказав ни слова. Судьба одарила его щедрой рукой, и лишь немногие могли бы похвастаться подобными дарами. Но, несмотря на это, ему хотелось жить — и жить бесконечно. Как много еще предстояло увидеть, узнать и проверить! А какие приключения ожидали его впереди, и сколько прекрасных, достойных любви и обожания женщин! Сколько врагов и смертельных схваток?

Едва он подумал об этом, как впереди показалась странная группа всадников. Кикаха замедлил скорость и поднялся на пятьдесят футов. Конных дракландцев сопровождал небольшой отряд тишкветмоакской кавалерии. Среди них он увидел троих Звонарей. Их выдавали серебряные ранцы, прикрепленные к седлам.

Отряд остановился, и люди замахали руками, решив, очевидно, что к ним прилетели другие Звонари. Кикаха не дал им времени на размышление. Он снизился, и Анана разрежала трех рыцарей на половинки. Остальные солдаты в панике ускакали прочь. Кикаха перенес контейнеры с матрицами в кабину и через час утопил их в широкой реке Петшотакл. Его смущало то обстоятельство, что отряд оказался так далеко от Таланака. Неужели они не слезали с коней несколько дней и ночей? И, кроме того, они скакали с противоположной стороны...

Но потом Кикаха понял, что солдаты прошли через врата, расположенные недалеко от моря. Врата находились в пещере около гряды низких, но довольно крутых холмов в пятидесяти милях отсюда.

Кикаха направил туда самолет и вскоре увидел отряд отдохавших воинов. Звонари оставили у пещеры солидную охрану. Очевидно, они надеялись, что Кикаха решит воспользоваться этими вратами.

Застав охранников врасплох, он уничтожил их лучом, на всем ходу влетел в пещеру и увидел убежавшего Звонаря. Тот находился уже в нескольких шагах от большого круга врат. Однако, прежде чем он успел добраться до него, луч лазера прожег в нем огромную дыру.

— Шестнадцать долой. Осталось тридцать четыре, — сказал Кикаха. — И возможно, через несколько минут их будет еще меньше.

— Ты собираешься пройти через врата? — удивленно спросила Анана.

— Они выведут нас к храму Таланака, — ответил он. — Но мне кажется, нам надо приберечь их до того времени, когда мы будем иметь резервные войска.

Он не стал объяснять Анане своих планов и только попросил ее помочь избавиться от тел.

— Нам придется ненадолго уйти отсюда. И если Звонари пройдут через эти врата, им лучше не знать, что здесь произошло.

План Кикахи имел реальные шансы на успех, но все зависело от следующей фазы.

Они полетели к реке и минут через двадцать увидели флот из множества кораблей, которые по двое в ряд спускались на веслах вниз по течению. Корабли напоминали драконы челны викингов, а воины издали выглядели как древние скандинавы. Это были крупные широкоплечие мужчины в рогатых или крылатых шлемах, в грубых штанах из лохматых шкур и кожи. Вооружение состояло из секир, широких мечей, тяжелых копий и круглых щитов. Большинство носили длинные, выкрашенные охрой бороды, но попадались и чисто выбритые воины.

Едва самолет пошел на снижение, его встретили ливнем стрел. Однако Кикаха упорно сближался с первым кораблем, на котором заметил жреца — мужчину в длинной белой мантии с отложным малиновым воротником. Когда команда корабля выпустила все свои стрелы, самолет завис на высоте, куда не долетали боевые топоры. Изредка мелькали копья, и некоторые из них задевали корпус машины, но с помощью небольших маневров Кикахе удавалось избегать прямых попаданий в открытую кабину. Он окликнул жреца на языке властителей, и вскоре король Бракья согласился на переговоры с Кикахой. Они договорились встретиться на берегу реки.

У рыжебородых имелись веские причины для враждебности. Неделю назад точно такой же самолет предал огню несколько их городов и убил многих молодых людей. Все нападавшие имели внешнее сходство с Кикахой. Но Бракья вскоре изменил свое мнение, а когда жрец Витрас представил Кикаху как верного помощника Альвал-

данда Всемогущего, король начал проявлять к двум людям из летающей лодки огромное уважение. Чтобы объяснить ему смысл происходящего, Кикахе потребовалось два дня. Общение замедлялось переводом алхсгума, как таюды называли своих жрецов.

Продвижение флота пришлось задержать еще на один день. Вождей и Витраса отвезли на воздушной машине к пещере с воротами. Здесь Кикаха раскрыл им свой план. Бракья хотел посмотреть, как действуют ворота, но Кикаха возразил, что это может насторожить Звонарей в Таланаке. Они поймут, что ворота обнаружены, и атака таюдов потеряет внезапность.

Прошло еще несколько дней, прежде чем Кикаха наметил и уточнил порядок прохождения пяти тысяч воинов через небольшие ворота. Операция требовала точного расчета времени. Кроме того, приходилось составлять колонны с выверенным количеством рядов, поскольку любая задержка могла привести к тому, что при отключении врат динамическое поле рассекло бы некоторых людей на части. Кикаха знал, что Звонарям удалось провести через ворота гораздо большую армию дракландцев, а значит, это могли сделать и таюды.

Его мучили сомнения и терзала тревога, но он старался выглядеть спокойным и уверенным. Подарга уже заканчивала собирать свою крылатую армаду для налета на Таланак. И если она по-прежнему намеревалась напасть сначала на рыжебородых, ее появления следовало ожидать со дня на день.

К тому времени Бракье и вождям уже не терпелось вступить в бой. Цветистые и восторженные рассказы Кикахи о несметных сокровищах Таланака распалили их алчность и превратили в фанатиков, жаждавших крови.

Кикаха соорудил около пещеры макет круглых врат и в течение трех дней обучал вождей и воинов порядку прохождения. Когда же воины усвоили необходимые предосторожности, королю Бракье не понравился их усталый и раздраженный вид, и он решил устроить им день отдыха.

С кораблей прикатили огромные бочки с пивом и огненным на вкус напитком. Таюды жарили мясо оленей и би-

зонов, диких лошадей и медведей. А потом началась пьяная оргия. Песни, крики, смех и хвастливая ругань сменялись драками, в которых погибли и получили ранения несколько человек.

Кикаха велел Анане оставаться в шатре, потому что Бракья испытывал к ней ничем не прикрытое вожделение. Пока король удерживался от похотливых предложений и ограничивался лишь непристойными комплиментами — вполне обычная для таюдов манера поведения, как сказал жрец. Но во хмелю он мог перейти от слов к действию, а это привело бы к стычке с Кикахой, поскольку все воины считали Анану его женщиной. Поддерживая их заблуждение, он даже жил с ней в одном шатре.

Той ночью Кикаха и Бракья решили выяснить, кого перепьет. И Кикаха потерял бы свое лицо, если бы отверг вызов короля. Он знал, что Бракья задумал напоить его до потери чувств, чтобы затем забраться в шатер Ананы. К тому же король весил на сорок фунтов больше, чем Кикаха, и, по идее, имел все шансы на успех. Однако Бракья уснул на рассвете, и те, кто продержался дольше его, отметили это событие радостными криками и новым возлиянием за его добрые сны.

Кикаха проснулся только около полудня. Он выбрался из шатра с таким ощущением, будто всю ночь бодался с огромным бизоном. Король встал позже и чуть не надорвал живот, смеясь над собой и своими похотливыми планами.

Он не сердился на Кикаху, а увидев Анану, приветствовал ее с почтением и улыбкой. Такой поворот событий порадовал Кикаху, но он не согласился начинать атаку в этот день, как запланировал раньше. Армия находилась в состоянии глубокого похмелья. Она не могла бы одолеть даже женщин, не говоря уже о врагах, которые ожидали их в Таланаке.

Бракья приказал прикатить в лагерь новые бочки, и пьяное пиршество возобновилось.

Кикаха вышел из королевского шатра. Внезапно на ближайшую ветвь перед ним опустился ворон — птица размером с земного стервятника — один из так называемых

Очей Властителя. Ворон каркнул и заговорил скрипучим голосом:

— Привет тебе, Кикаха! О, как долго я искал тебя! Властитель Вольф послал меня с вестью, что он покинул дворец и направился в другую вселенную. Кто-то украл у него Хрисеиду, и Вольф отправился на поиски вора, чтобы убить его и вернуть назад свою женщину.

Ворон рассказал Кикахе о задействованных ловушках, перечислил врата, оставшиеся открытыми, и описал путь, по которому можно войти и выйти из дворца. Кикаха покачал головой и ответил, что с тех пор все изменилось. Он поведал птице о захвате дворца Черными Звонарями, и ворона это не слишком удивило. Прослышав, что Кикаха находится в Таланаке, он недавно побывал в жадеитовом городе. И видел Звонарей, хотя, конечно, не знал тогда, кто они такие. Кроме того, ворон видел зеленых орлиц Подарги, которые летели в направлении Таланака. Тень от их огромной стаи покрывала землю, как росчерк под смертным приговором, а шелест крыльев звучал, как бой барабанов в день Страшного суда. Расспросив птицу, Кикаха понял, что орлиная армада напала на Таланак прошлым вечером.

Он вернулся к Бракье и передал ему эту новость. К тому времени лагерь захлестнула волна крикливой оргии. Бракья отдал приказ. Затрубили огромные горны, забили барабаны; воины становились в неровные, но вполне узнаваемые ряды. Бракья и вожди шли следом за Ананой и Кикахой, которые несли снятый с самолета дальнобойный лазер. За королем шагал отряд огромных воинов, двое из которых тащили кормовую пушку. За ними двигались колонны гладко выбритых воинов, которым запрещалось растить бороды до тех пор, пока они не убьют в битве врага. А дальше грозным строем тянулась остальная часть армии.

Кикаха, Анана и Бракья в сопровождении шестерых вождей вошли в круг черного металла. Командир второй группы начал отсчет, проверяя продолжительность активизации врат. К тому времени первая группа оказалась в небольшом помещении — хотя по земным стандартам оно считалось довольно внушительным. Кикаха думал,

что они попадут в зал храма, но их перенесло к воротам, которые находились в центре города. Именно сюда он стремился попасть, убегая от Звонарей. Магический переход перепугал таюдов, и Кикахе пришлось выталкивать оцепеневших от ужаса воинов из круга.

А потом события завернулись в стремительном водовороте, поглощая время, усилия и жизни людей. Старый город пылал в огне; за рекой горели дома и фермы. Как оказалось, орлицы забросали Таланак горящими факелами. В жадеитовой столице гореть было, в общем-то, нечему, но на улицах трещали в пламени и тлели тысячи трупов орлиц, попавших под массированный огонь лучеметов и лазеров. Повсюду валялись тела тишкветмоакских и драк-ландских воинов. Они усеивали мосты, переходы и плоские крыши. Битва переместилась к вершине города. Но основное сражение шло около храма и дворца императора.

В пылу жестокой битвы орлицы и защитники не заметили появления рыжебородых. Вернее, они заметили их только тогда, когда в Таланак пробралось около трех тысяч воинов, и к тому времени уже ничто не могло помешать остальным двум тысячам пройти через малые ворота. Сотни орлиц слетелись с вершины горы, чтобы атаковать таюдов. Они нападали отовсюду. Из всей битвы Кикаха запомнил лишь расплавленный добела ствол лазера и медленное продвижение таюдов по кровавым трупам на верхние уровни города. Когда силовая батарея иссякла и лазер стал бесполезен, они начали уничтожать врага из ручных лучеметов. У самой вершины заряды кончились, и в ход пошли мечи.

В храме они наткнулись на груды обгоревших тел. По шести серебристым ранцам на их обугленных спинах Кикаха опознал Звонарей. Они попали под перекрестный огонь орлиц, вооруженных лучеметами. Это, очевидно, произошло в самом начале битвы — в первые минуты неожиданной атаки. Орлиц с лучеметами сожгли лазеры, но они успели нанести Звонарям тяжелый урон.

На пути в зал с большими пространственными воротами Кикаха нашел еще четверых мертвых Звонарей. Когда он, Анана, Бракья и другие таюды ворвались в огромное помещение, их взорам предстала батальная картина.

Подарга и уцелевшие в сражении орлицы загнали в угол нескольких дракландцев, тишкветмоаков и двух — нет, трех — Звонарей. Это были фон Тарбет, фон Свиндеберн и Квотшамл, император тишкветмоаков. Их окружали воины, численность которых стремительно таяла под яростным напором гарпии и ее огромных птиц.

Кикаха, Анана и рыжебородые бросились в атаку. Они врубились в задние ряды орлиц; полилась кровь, в воздух полетели перья и куски мяса. Врагам пришел конец, и Кикаха кричал от восторга и возбуждения.

А потом, когда бой перешел в рукопашную схватку, он увидел, как три Звонаря, бросив солдат на произвол судьбы, метнулись к огромному кольцу из металла, которое находилось в углу зала. Подарга и несколько орлиц бросились в погоню. Кикаха тоже побежал за ними. Внезапно Звонари исчезли, следом пропала Подарга, а чуть позже — и орлицы за ее спиной.

Кикаха так расстроился, что даже закричал от злости. Но догонять их не стал. Он знал, что Звонари установили ловушку для преследователей, а значит, гарпия с орлицами уже угодили в нее. И как бы ему ни хотелось поймать этих трех металлических оборотней, он не собирался попадать в расставленные ими сети.

Не успел Кикаха отойти от врат, как на него набросились две огромные птицы. Ему удалось серьезно ранить обеих, и это немного охладило их пыл. Тем не менее они упорно теснили его к большому кольцу в углу зала. Одна из птиц подскочила и попыталась нанести удар клювом, но Кикаха взмахом меча укоротил ей клюв на пару дюймов. Другая орлица подпрыгнула и сделала ложный выпад. Он отмахнулся мечом, едва не прозевав атаку первой птицы.

Звать на помощь было некого — остальные тоже сражались и отбивали натиск зеленых орлиц. Внезапно Кикаха понял, что ему придется войти во врата. Если он не сделает этого, один из огромных загнутых клювов нанесет смертельный удар. Две птицы обступили его с обеих сторон, и если бы он повернулся к одной из них, вторая разорвала бы его на части.

В отчаянии он еще раз взглянул на Анану и рыжебородых, но те по-прежнему находились в гуще сражения. И тогда Кикаха сделал то, к чему его принуждали обстоятельства. Он повернулся, вскочил на круглую платформу и несколько секунд отбивался от орлиц. Затем врата пришли в действие, крыло птицы ударило его по голове, и он на какое-то время потерял сознание.

Глава 16

Кикаха открыл глаза и увидел странный причудливый пейзаж.

Он находился в широкой долине, окруженной невысокими горами. Серую почву равнины и окрестных холмов покрывала желтая, похожая на мох растительность.

Над ним простиралось небо иного мира. Синее — вернее, темно-синее, почти черное, — оно поразительно отличалось от зеленых небес многоярусной планеты. Можно было подумать, что это поздние сумерки, но солнце стояло в зените. Слева от него в небе висела колоссальная башня. На ее зеленом пятиступенчатом силуэте виднелись светло-голубые пятна и широкие белые разводы того, что казалось какой-то шершавой массой. Гигантская колонна клонилась набок и чем-то напоминала Пизанскую башню.

Увидев ее, Кикаха немного успокоился. Он бывал здесь десятки раз. И только удар по голове помешал ему узнать это место сразу. Он находился на луне — круглом спутнике пирамидальной планеты.

Забыв предыдущий опыт, Кикаха вскочил на ноги... и взлетел в воздух. Неуклюже взмахнув руками, он упал на четвереньки и ткнулся в землю лицом. Удар смягчила коричневато-желтая растительность, похожая на мох. И все же из его груди вырвался сдавленный крик, прозвучавший в этой атмосфере как надсадный хрип.

Он осторожно встряхнул головой и вдруг увидел убежавших Звонарей, за которыми гнались четыре орлицы и Подарга. Однако слово «бег» не передавало того, что происходило на самом деле. Трое мужчин совершали неопишимо длинные прыжки, которые часто заканчивались падением. Они поскальзывались при приземлении или

теряли равновесие еще в воздухе. В результате неуклюжие движения еще больше усугубляли их отчаяние, и со стороны происходящее выглядело довольно комично.

Кикаха от души посмеялся над ними, но быстро умолк, когда подумал о собственном положении. Пока ему ничего не угрожало. Однако все могло измениться — и в очень плохую сторону. Трое Звонарей приближались к тому месту, где они могли спастись от орлиц.

Даже с такого расстояния Кикаха видел тонкий край каменного кольца на поросшей лишайником земле. А значит, там находились еще одни врата. И Звонари, убегая из храмового зала, определенно знали о них. Очевидно, они намеренно установили их как своеобразную ловушку. И теперь, оставив в безвыходном положении своих преследователей и Кикаху, они вернутся в Таланак или, что более вероятно, во дворец властителя.

Кикаха даже не сомневался, что врата окажутся одноразовыми. Ими могли воспользоваться только те, кто первым вступил бы в их круг. После этого врата отключались до новой активации. А устройство их включения, конечно же, находилось в совершенно другом месте.

Кикахе нравилось узнавать новое, и он довольно неплохо разбирался в ловушках. Ему не раз доводилось сталкиваться с подобным типом врат, и он понимал, что в данной ситуации Звонари могли угодить в свою же западню. Они не рассчитывали, что их будут преследовать орлицы и гарпия. Птиц ошеломила мгновенная переброска на луну, и они еще не приспособились к слабой гравитации. Однако, работая крыльями, они не только удерживали равновесие при прыжках, но и снижали скорость падения. Их движения напоминали плавное планирование, и они все больше и больше приближались к людям.

Фон Тарбет и фон Свиндеберн подпрыгнули и, схватив друг друга за руки, приземлились внутри каменного кольца. Их фигуры тут же исчезли.

Квотшамл отставал от них секунд на пять, и, когда он опустил в круг врат, никакого переноса не произошло. Он остался стоять посреди круга. В неподвижном воздухе повис его крик отчаяния.

Подарга, раскрыв крылья и замедлив падение, опустилась ему на спину, и Звонарь упал под тяжестью ее тела. Гарпия издала громкий пронзительный крик — скорее отчаяния, чем триумфа, — а затем начала вырывать из спины человека кровавые куски мяса. Рядом опустились другие орлицы. Они обступили Подаргу и склонились над извивающейся жертвой. Желтые клювы терзали тело. Ранец, прикрепленный к спине Квотшамла, отлетел прочь и упал неподалеку.

В живых остались двадцать три Звонаря.

Кикаха медленно поднялся на ноги. Вскоре Подарга и ее птички закончат пляску смерти и начнут осматривать окрестности. Если он не поспешит укрыться, они заметят его, и это может очень плохо кончиться. Перспективы для бегства были неважными. В миле виднелись развалины древнего города Корада. Огромные белые здания сверкали на солнце огнями далекой надежды. Но даже если ему удастся добраться до них, он найдет там не спасение, а тюрьму. Единственные ближайшие ворота, которые Кикаха мог использовать, находились не в городе, а в тайной пещере на холмах. Но между ним и пещерой пиروвали орлицы и Подарга.

Заметив, что птицы полностью поглощены кровавой трапезой, Кикаха попытался вспомнить способ быстрого передвижения. Он бывал здесь много раз, но с тех пор прошло довольно много времени. Поэтому адаптация во многом напоминала плавание в воде после нескольких лет жизни в пустыне. Говорят: стоит чему-нибудь раз научиться, и это уже навсегда остается с тобой. Однако аналогия — она и есть аналогия. Нырнув в воду, человек тут же начинает плыть. Кикахе же потребовалось несколько минут, прежде чем он снова освоил необходимую координацию движений.

К тому времени Кикаха преодолел четверть мили. Внезапно он услышал крики, которые выражали немного иные эмоции, чем удовлетворение от крови и жертвенной плоти. Он оглянулся. Его преследовали четыре орлицы и Подарга. Они подпрыгивали вверх, планировали в воздухе, затем, скользя по мху, проскакивали большие промежутки пространства. Их манера передвижения была похожа

на полет летающих рыб. Очевидно, они не рисковали лететь при такой низкой силе тяжести.

Словно прочитав мысли Кикахи, орлицы перестали прыгать и взвились в воздух. Их несло вверх с огромной скоростью, и вряд ли они испытывали что-то подобное на родной планете. Птицы снова закричали. И на этот раз в их крике чувствовалось разочарование. Взлетев, они потеряли скорость. Однако расстояние между ними продолжало сокращаться.

Кикаха узнал об этом только потому, что, высоко подпрыгнув, осмелился быстро оглянуться. Он немного замешкался и, приземляясь, поскользнулся. Инерция увлекла его вперед и вверх, он дважды перекувырнулся в воздухе и больно ударился о грунт. Все его усилия опуститься на ноги или на четвереньки ни к чему не привели. Упав, он задохнулся и, раскрыв рот, скорчился от боли. В глазах потемнело, но он заставил себя подняться на ноги.

Во время следующего прыжка Кикаха вытащил из ножен меч. Судя по ситуации, оружие могло понадобиться ему еще до того, как он доберется до города. Подарга и одна из орлиц обогнали его на довольно большой высоте, потом сделали крутой вираж и устремились к нему по длинной пологой дуге. Другие орлицы находились прямо над Кикахой. Сложив крылья, они ринулись в атаку.

По-видимому, пикировавшие птицы и гарпия рассчитывали напасть на него, когда он подпрыгнет. Кикаха продолжал двигаться вперед. Взглянув вверх, он обнаружил, что орлицы вот-вот его настигнут. Вытянув лапы с желтыми когтями, птицы напрягли их, как огромные амортизаторы, и приготовились к удару при столкновении. Подарга и ее напарница приближались, летя почти параллельно земле, и громко хлопали крыльями. Они неслись в шести футах над мхом.

В предвкушении Подарга оскалила зубы. С ее когтей стекала красная влага, губы и подбородок были в крови.

— Кикаха-а-а-а! — закричала она. — Наконец-то!

Кикаха удивился. Неужели она не видит меч в его руке? Или гарпия настолько обезумела, что не обращает внимания на оружие?

Однако теперь это не имело значения. Ему предстояло совершить очередной прыжок, который вверг бы его прямо в когти Подарги. И он изо всех сил подпрыгнул прямо вверх. Такого маневра орлицы не ожидали. Они промчались под ним, и их яростные крики пронеслись мимо, как свисток пробегающего паровоза.

А потом крики птиц превратились в испуганные вопли. Кикаха услышал звуки глухих ударов. Крылья гулко захлопали — пикировавшие орлицы пытались замедлить падение.

Кикаха приземлился и двинулся дальше. Прыгая, он рискнул оглянуться. Подарга и четыре орлицы лежали на земле. Вокруг них летали зеленые перья. Подарга лежала на земле вверх ногами и нелепо крутилась. Одна орлица потеряла сознание. Две другие уже поднялись на ноги. Приходя в себя от удара, они шатаясь ходили вокруг своей повелительницы. Четвертая орлица попыталась встать, но, взмахнув крыльями, с криком повалилась на бок.

Несмотря на полученную фору, Кикаха едва успел добраться до входа в здание. Подарга отставала всего на несколько футов. Обернувшись, он махнул мечом, но она отпрыгнула назад и, захлопав крыльями, свирепо закричала. Из рта у нее текла кровь, глаза выкатывались из орбит от неистового гнева, ниже правой груди виднелась глубокая рана. Очевидно, во время рукопашной или падения ее пронзил чей-то меч или коготь.

Теперь ее сопровождали только три орлицы. Увидев, что они отстали, Кикаха поднял меч и бросился к Подарге. Это так ее напугало, что к ней вернулся разум. Она развернулась, подпрыгнула и замахала крыльями. Кикахе не хватило какого-то ярда. Меч отсек лишь несколько длинных перьев на ее хвосте. Опустившись на землю, Кикаха скрылся в дверном проеме. Туда же попытались проникнуть и орлицы.

Две из них получили легкие ранения и отступили. За их спинами кричала и прыгала Подарга. Кикаха пробежал по большому коридору и пересек огромный зал, уставленный витиевато украшенными столами и креслами.

Потом пробежал через следующую комнату, спустился по лестнице в коридор и, миновав большой внутренний двор, оказался в другом здании. В дверях покинутого им дома появилась орлица, а гарпия и оставшиеся птицы обошли здание вокруг. Если бы он остался у входа в здание, его атаковали бы с двух сторон — спереди и с тыла.

Кикаха подбежал к комнате, в которую вела, как он знал, только одна дверь. Его охватили сомнения. Может быть, остаться здесь? Или все же поискать подземные пещеры? В темных коридорах подземного лабиринта он без труда ушел бы от погони. С другой стороны, орлицы учуют его запах, где бы он ни находился. А в пещерах имелись твари еще хуже орлиц — опасные и отвратительные монстры. Между прочим, их придумал сам Кикаха. И именно по его просьбе Вольф создал и поселил здесь этих чудовищ.

Раздался крик. Кикаха прыгнул в дверной проем и быстро повернулся, готовый защищаться. Решение пришло само собой. Нужно добраться до пещер. Другого выхода нет, и, как бы ему ни хотелось передохнуть, он должен бежать.

Выскочив из комнаты, Кикаха вдруг остановился. Он понял, как можно перехитрить орлиц и добиться успеха. Да, он пойман в ловушку, и в данный момент ему, пожалуй, не выбраться из нее. Но это еще не означало, что он должен сдаться. Подарга находится в такой же западне, и у нее нет ни малейшего представления о том, как выбраться отсюда и вернуться на родную планету. А он знает путь к спасению. Значит, можно совершить сделку, если только она согласится повременить с мстью. А он посмотрит, что из этого получится.

Большая комната была выложена мрамором. На толстой золотой цепи, подвешенной к центру потолка, показывалась кровать, отделанная замысловатой серебряной и золотой инкрустацией. Стены украшали картины, изображающие светлокожих, прекрасно сложенных людей. Их лица лучились неземной красотой, а величественные одеяния и многочисленные драгоценности говорили о достатке и развитой культуре. Безбородые мужчины и пре-

красные женщины с раскосыми глазами носили сходные прически: их волосы желтого и бронзового цвета свободно падали на плечи. Они резвились на природе и играли в игры. В окнах нарисованных домов виднелось синее нарисованное море.

Фрески сделал Вольф, который имел к этому особый талант, и его мастерство заслуживало самых лестных эпитетов. Однако вдохновителем его был Кикаха. Именно он придумал этот мир луны, за исключением самой луны.

Вскоре после того как они отбили дворец у Арвура и Вольф снова провозгласил себя властителем планеты, он как-то вскользь заметил, что давно уже не бродил по луне. Это заинтересовало Кикаху, и он настоял, чтобы они немедленно отправились туда. Вольф ответил, что на луне нет ничего примечательного, кроме травянистых равнин, пологих холмов и небольших гор. И все-таки, пройдя через ворота, они устроили там пикник. Хрисеида — волоокая дриада с волосами в тигровую полосу — приготовила им полную корзину сладостей и спиртных напитков. Тут она ничем не отличалась от любой американской домохозяйки, которая собиралась на прогулку в парк или за город. На всякий случай они прихватили с собой оружие и нескольких толосов — полупротеиновых роботов, которые выглядели, как рыцари в полном боевом облачении. Даже здесь властитель не мог расслабиться и отдохнуть. Он всегда оставался настороже, ожидая нападения своих сородичей.

В тот раз они прекрасно правели время. Что бы там ни говорил Вольф, на луне чудес хватало. Восхитительное и жуткое зрелище повисшей в небе планеты очаровывало. Да только ради этого стоило совершить такое путешествие. И потом, здесь можно было прыгать, словно ошалевший кузнечик.

К концу дня, когда Кикаха охмелел от вина, неведомого ни одному гурману на Земле, у него возникла идея о так называемом «проекте Барсума». Беседуя с Вольфом о Земле и некоторых книгах, которые им нравилось читать, Кикаха рассказал, что жил в молодости на ферме возле Терре-Хота, штат Индиана, и увлекался произве-

дениями Эдгара Раиса Берроуза. Особенно ему нравились Тарзан, Дэвид Икс и Джон Картер. В принципе он относился к ним одинаково, но Джон Картер нравился ему немного больше остальных.

И вот тут его осенила идея. Он даже подскочил, расплескав бокал вина.

— Придумал! Проект Барсума! Ты же сам говорил, что эта луна размером с Марс, верно? А в твоих лабораториях по-прежнему умеют творить биологические «чудеса»! Что, если мы создадим Барсум?

Он так разгорячился, что высоко подпрыгнул, но спяну не удержал равновесия и свалился на закуску. К счастью, большую часть они уже съели. Кикаха перепачкался вином и едой, но в порыве ликования почти не замечал своего нелепого вида.

Вольф улыбался и терпеливо слушал. Но ответ властителя отрезвил Кикаху.

— Я мог бы в точности воспроизвести Барсум,— сказал Вольф.— И я нахожу восхитительным твоё желание стать Джоном Картером. Но мне больше не хочется выставлять себя богом и создавать разумных существ.

Уговоры ни к чему не привели. Вольф твердо стоял на своем. И, несмотря на свое упрямство, Кикаха знал, что спорить с ним бесполезно. С таким же успехом можно точить гранит с помощью чепухи, высосанной из пальца.

Тем не менее Вольф согласился засеять поверхность луны желтой растительностью, похожей на мох. Он сказал, что она за несколько месяцев уничтожит всю зеленую траву и займет пространство от ледяной шапки на северном полюсе до ледника на южном.

Он не хотел разочаровывать Кикаху и казаться капризным деспотом. Поэтому ему пришлось сделать кое-что еще. А потом проект заинтересовал его. Вольф вырастил в биолaborаториях коварных бентов, шустрых тоатов и других животных Барсума. И тут Кикаха понял, насколько сложен его проект и каких сроков потребует. Причем результаты могли в корне отличаться от инструкций.

Вольф построил несколько разрушенных городов и попытался создать Дерево Жизни. Ему пришлось прокопать каналы.

Но он не пожелал создавать тарков — зеленых, красных, черных, желтых и белых барсумян. Конечно, Ядавин посчитал бы это пустяком, но Вольф не мог позволить себе такого. Он отказался разыгрывать роль Творца. Кроме того, формирование народов и культур порождало огромные научные и технические проблемы, не говоря уже о грандиозных усилиях и времени. А ведь только для начала проекта потребовалось бы свыше ста земных лет.

Да и откуда Кикаха мог знать, например, о сложностях эмбрионального развития марсианских яиц? Конечно, когда их откладывали, они занимали сравнительно небольшой объем и, возможно, мало чем отличались от футбольного мяча. К сожалению, Берроуз не указал их размеров. Скорее всего, яйца после кладки помещали в инкубаторы под свет солнца, и через пять лет из них вылуплялись дети. Но к тому времени их рост достигал двух с половиной футов. И значит, яйцам зеленых марсиан полагалось как-то соответствовать этим размерам. Хотя можно предположить, что зеленые тарки были немного крупнее, чем гуманоидный тип марсиан.

А откуда яйца получали энергию для роста? Если ее подавать из желтка, эмбрион никогда не разовьется. Яйцо — самодостаточная система; оно не получает подпитки от матери, и здесь нет никакой пуповины для ее подвода. Предполагалось, что яйца будут обеспечивать себя энергией, поглощая солнечные лучи. Теоретически они могли бы это делать, но, учитывая небольшую площадь яйца, открытую для приема лучей, добытая подобным образом энергия будет очень незначительной.

Вольф даже не мог представить, какие биологические механизмы обеспечили бы такой феноменальный рост. Требовалась дополнительная энергия, а Берроуз об этом ничего не говорил. Проблему пришлось бы вводить в гигантский протеиновый компьютер, который находился во дворце властителя.

— К счастью, мне не надо ломать голову над этим, потому что никаких разумных марсиан не будет, — с улыбкой сказал Вольф, — ни зеленых, ни каких-нибудь еще. Но я могу сделать так, что со стороны покажется, будто мы решили эту проблему.

Возникали и другие вопросы, которые требовали компромиссных решений. Постепенно луна становилась похожей на Марс. Плотность воздуха оставили такой же, как на планете, хотя Вольф мог сделать атмосферу и более разреженной. Однако он не думал, что Кикахе понравится жить в таких условиях — плотность воздуха на Барсуме предположительно соответствовала земной атмосфере на высоте десяти тысяч футов. Кроме того, у Марса имелись две луны — Деймос и Фобос. Но атмосфера луны простиралась вплоть до гравитационной складки, существовавшей между спутником и планетой. И если бы два тела сходных размеров поместили бы на орбиты, соответствовавшие этим двум спутникам, они сгорели бы в течение нескольких месяцев. Вольф решил эту проблему очень хитро. Он вывел на орбиты две энергетические формы, которые сияли так же ярко, как Деймос и Фобос. Оба небесных прожектора вращались вокруг луны с той же скоростью и в тех же направлениях.

Позже, обдумав все аспекты проекта, Кикаха понял, что Вольф был прав. Конечно, они могли бы поселить здесь многочисленные народы из пробирок и привить им культуру, основанную на марсианских романах Берроуза, но ничего хорошего из этого бы не получилось. И не надо разыгрывать из себя бога. Вольф уже наигрался в это. И он знает, сколько бед и страданий приносят такие забавы.

Или все же стоит попробовать? В конце концов, подумал Кикаха, марсиане получают право на жизнь, и у них, как и у других разумных существ в уголках этого и других миров, появится возможность любить, надеяться и защищать свои идеалы. Конечно, они будут страдать; они познают боль, безумие и душевные муки. Но не лучше ли дать им жизнь, чем навеки оставить нереализованным их существование? И все из-за того, что кто-то решил избавить их от лишних мучений? Неужели Вольф не помнит своих слов о том, что, несмотря на лишения и тяготы, самой прекрасной вещью на свете является жизнь и что лучше терпеть и страдать, чем никогда не существовать?

Вольф признал правоту его слов, но попросил сохранить объективность и логику. Кикахе захотелось поиграть в Джона Картера только потому, что он мечтал об этом в детстве. Но это только мечта мальчишки с хужеровской фермы. А Вольф не собирался тратить свои силы и время на создание живых, дышащих и разумных зеленых марсиан или красных зоданган только по той причине, что Кикаха, обидевшись, мог пронзить его мечом.

Кикаха вздохнул, усмехнулся и, поблагодарив Вольфа за то, что тот сделал, прошел через ворота на луну. Он провел там прекрасную неделю. Во время охоты на бен-тов ему удалось заарканить тоата, и он даже укротил его. А потом Кикаха бродил по руинам Корада и Тарка — так он называл города, построенные голосами Вольфа. Но ему стало скучно, и он вернулся на планету. Он несколько раз возвращался сюда на «каникулы» — один раз со своей дракландской женой и несколькими тевтонскими рыцарями, а однажды с отрядом хроваков. Но все они чувствовали себя на луне очень тревожно и едва не поддавались панике, поэтому хороших каникул не получалось.

Глава 17

Три года минуло с тех пор, как Кикаха проходил через ворота на луну. И вот он снова оказался здесь, но такой ситуации, как эта, ему бы не привиделось и во сне. Гарпия и орлицы рыскали по зданию. А он попал в тупик. Пути дальше нет. Ничья. Он не мог выйти, но и им не удалось бы напасть на него без серьезных и, возможно, фатальных потерь. Однако у них имелось преимущество. Они могли найти воду и пищу. Времени у них достаточно, и они подождут того момента, когда, ослабев от жажды и голода, он уже не будет сопротивляться или просто уснет мертвецким сном. У них нет никаких причин торопить события. Орлиц никто не подгонял.

Однако ситуация вскоре могла измениться. Существовала возможность — и довольно вероятная, — что Звонари пожелают вернуться сюда через другие ворота. И на этот раз они приведут с собой значительные силы.

Если Подарга думает, что Кикаха будет сидеть в комнате до полного изнеможения, она глубоко ошибается. Он, конечно, попробует еще несколько трюков, но, если они не сработают, Кикаха начнет прорываться с боем. А вдруг ему удастся дать отпор и проскочить мимо них к подземелью? Хотя надежды на это мало — клювы и когти у орлиц быстрые и острые. И все равно он не позволит им смеяться над собой.

Кикаха решил создать для них как можно больше проблем. Он выкатил из паза между стенами колесоподобную дверь и, оставив узкое отверстие, громко позвал Подаргу.

— Ты можешь думать, что я в твоей власти! — сказал он ей. — Но даже если это и так, что дальше? Неужели ты собираешься провести остаток жизни в этом заброшенном месте? Здесь нет гор, достойных называться вашим гнездовьем, а местность тоскливая и плоская! Вы даже не представляете себе, как трудно здесь добывать пищу! Все животные, которые обитают на открытой местности, будут бороться за свои жизни до конца. А видели бы вы, какие они огромные и беспощадные!

Что же касается тебя, Подарга, ты больше не будешь править сотнями тысяч подданных! И даже если твои девственные орлицы снесут по яичку, чтобы увеличить число твоих слуг, для них настанут трудные времена, потому что вокруг полным-полно хищных тварей, которые по достоинству оценят и белок и желток! Я уж не говорю об огромных белых обезьянах, которым понравятся не только яйца, но и ваши косточки! А какие эти обезьяны хитрые и вероломные! Вы еще не встречались с ними, верно? — Он подождал немного, чтобы они обдумали его слова, а затем добавил: — Вы будете торчать здесь до самой смерти! Впрочем, я мог бы помочь вам вернуться на планету. Мне известны врата, которые ведут назад! Но для этого, Подарга, тебе придется объявить перемирие!

Наступила тишина. Затем раздались тихие голоса орлиц и гарпии. Наконец Подарга сказала:

— Твои слова довольно заманчивы, Ловкач! Но они меня не обманут! Мы подождем, пока ты заснешь или свалишься с ног от жажды! А потом мои птички возьмут

тебя живым и будут пытаться до тех пор, пока ты не скажешь нам все, что мы захотим узнать. И тогда я убью тебя. Ты понял, Кикаха? И что ты на это ответишь?

— Не так и много,— пробормотал он про себя и громко закричал: — Ты не дождеешься этого! Я сам убью себя! Ты поняла меня, крылатая потаскушка? Или твоя куриная башка совсем перестала мыслить?

Визгливые проклятия и хлопанье крыльев подсказали ему, что она относится к его словам с таким же неодобрением, как и он к ее угрозам.

— Я знаю, где находятся врата, Подарга! И тебе никогда не найти их без моей помощи! Так что быстрее шевели своими мозгами! Я даю тебе полчаса! А потом не жди от меня поблажек!

Кикаха захлопнул дверь и сел, прислонившись спиной к красновато-коричневой отполированной древесине. Если бы птицы попытались сдвинуть дверь в сторону, он бы успел и подняться и приготовиться к бою. Кикаха решил немного отдохнуть. Тяжелая битва в Таланаке, переброска на луну и последующая погоня утомили его. И ему очень хотелось пить.

Наверное, он задремал. Вынырнув из черных маслянистых вод дремоты, он выбрался на гребень сознания. Во рту пересохло, в горле першило. Казалось, что вместо глаз ему вставили круто сваренные горячие яйца. Но дверь не двигалась, и он не мог понять, что же его разбудило. Возможно, дало осечку его чувство бдительности.

Голова тяжело откинулась и уперлась в дверь. Сквозь дерево круглой плиты доносились слабые крики и шум. И тогда он понял, что именно пробудило его. Вскочив на ноги, Кикаха откатил дверь наполовину, и едва она отошла в сторону, как в комнату ворвались звуки жестокой битвы.

Подарга и три орлицы противостояли трем огромным темно-желтым животным, которые походили бы на кошек, не будь у них десяти ног. Эти два самца с пушистыми гривами и гладкошерстная самка представляли собой семейство бентов — львов, описанных Берроузом и созданных Вольфом в биолaborаториях дворца. Бенты охоти-

лись на тоатов и детенышей зитидаров — огромных белых обезьян*. Впрочем, они не брезговали и другой дичью, которую могли поймать. Обычно бенты выходили на охоту по ночам. Но, видимо, голод заставил их бродить по городу в дневное время. А возможно, их разбудил шум, и они пошли на запах крови.

Как бы там ни было, бенты напали на тех, кто загнал Кикаху в эту комнату. Они убили одну птицу — вероятно, в первой внезапной атаке, как подумал Кикаха. Зеленые орлицы считались очень грозными бойцами. Они могли обратить в бегство двух тигров и не потерять при этом ни пера. До сих пор бентам удалось убить лишь одну из них и нанести другим несколько ран. Однако и их тела уже покрывала кровь из глубоких порезов.

Получив отпор, львы изменили тактику. Взревев, они отступили в глубь коридора и начали по очереди терзать оборону противника. Вышагивая вперед и назад, один из хищников внезапно бросался на орлиц. В большинстве случаев он останавливался за пределами досягаемости их желтых клювов, не менее опасных, чем боевые топоры. Но иногда бенту удавалось нанести удар огромной лапой с ужасными серповидными когтями. И тогда эта вылазка превращалась в настоящий бой: мелькали клыки, похожие на сабли, вонзались птичьи клювы; желтые и темно-красные когти вырывали клочья из темно-желтых шкур, косматых грив и крылатых тел. В вихре сверкали зеленые, желтые и красные глаза, брызги крови разлетались в стороны, а помещение наполнялось рычанием и криками. Но лев вдруг отбегал прочь и уступал место своим сородичам.

Подарга скрывалась за спинами огромных, как башни, орлиц.

Кикаха ждал. Вскоре три бента предприняли одновременную атаку. Самец и орлица покатались по полу и с грохотом врезались в дверь. Кикаха отпрыгнул, затем шагнул вперед и вонзил меч в сплетение тел. Его не волновало, кого убивать — льва или орлицу, — хотя он бы выбрал скорее последнюю. Птицы более разумны. Они могли

* Неточность автора: зитидары у Берроуза — выючные животные.

концентрироваться на цели и стоять до конца — до его конца, то есть смерти.

Но кончик меча лишь слегка вошел в чью-то плоть, и два тела откатились в сторону. Оба животных создавали столько шума, что он не мог понять, кого из них ранил.

И тут перед ним открылась дорога для бегства, проходившая через центр коридора. Обеих орлиц атаквали самцы. Подарга прижалась к стене и выставила когти, защищаясь от взбешенной самки. У львицы шла кровь из глаз и полуотодранного носа. Подслеповато шурясь, она не решалась наброситься на гарпию.

Кикаха помчался по проходу, но ему навстречу покатились вцепившиеся друг в друга противники. Решив перепрыгнуть через два тела, он оттолкнулся от мускулистой темно-желтой спины и взвился в воздух. К несчастью, Кикаха вложил в прыжок слишком много сил. Он ударился головой о мраморный потолок и порезал висок о большой алмаз, вставленный в мрамор.

Удар оглушил его. Покачиваясь, Кикаха двинулся дальше. Однако в тот момент его мог бы одолеть и ребенок. Напади на него орлицы или львы, они разорвали бы его с такой же легкостью, с какой волк убивает большого кролика. Но в яростной битве друг с другом им было не до него. Кикаха выбрался из здания и через несколько минут покинул город. Совершая огромные прыжки и скользя по гладкому мху, он направился к дальним холмам.

Высоко подпрыгнув, Кикаха пролетел мимо разорванного труп орлицы, которая покалечилась при ударе о землю. Рядом с ней лежал огромный бент с распоротым брюхом. Очевидно, он набросился на раненую птицу, рассчитывая на легкую победу. Однако его подвела самонадеянность, и лев поплатился за свою ошибку.

Немногим позже Кикаха перепрыгнул через труп Квотшамла — вернее, его останков, разбросанных по желтому мху, — голова, ноги, руки, кишки, легкие и прочие органы.

Он запрыгал по склону холма, который почти заслуживал почетного звания горы. В двух третях пути к вершине, за изогнутым выступом гранитной скалы, покрытой крупными пятнами кварца, находился вход в пещеру. Путь был

открыт, и теперь ничто не мешало ему добраться до цели. Удача снова возвращалась к Кикахе, и он с улыбкой думал о том, что всего лишь несколько минут назад считал свое невезение фатальным.

Пронзительный крик за спиной подсказал Кикахе, что удача ему только померещилась. Он оглянулся. В четверти мили от него летели две орлицы и Подарга. Семейство бентов, очевидно, осталось в здании. Им не удалось остановить гигантских зеленых птиц. В каком-то смысле кошкам даже повезло — они остались живы и могли теперь насладиться пожиранием убитой ими орлицы.

Что бы там ни произошло, Кикахе опять грозила опасность. И он снова оказался на открытом пространстве. Его преследовательницы уже приноровились летать в условиях слабой гравитации. По сравнению с тем, как они летали на планете, их скорость увеличилась втрое — хотя, конечно, глаза у страха велики, и Кикаху могло подвести богатое воображение. К тому же, устав после сражения и потеряв много крови, они, безусловно, не могли лететь быстро.

Оглянувшись еще раз, он заметил чудовищные раны на телах Подарги и одной из орлиц. Их крылья двигались все медленнее и медленнее, и они начинали отставать от другой орлицы. Ее зеленые перья тоже покрывала кровь, но она не выглядела настолько слабой и израненной. Зеленая птица догнала Кикаху и устремилась вниз, как ястреб на сулика.

Однако «суслик» уже подготовился к атаке и заранее вытащил меч из ножен. Рассчитав момент, когда ее траектория совпадет с его прыжком, он развернулся в воздухе, и вытянутые лапы орлицы оказались в пределах досягаемости острого клинка. Она закричала и раскрыла крылья, пытаясь притормозить, но Кикаха нанес удар. Стой Кикаха на земле, он вложил бы в удар больше силы. Кроме того, инерция развернула Кикаху в воздухе, и, приземляясь, он потерял равновесие. И все-таки клинок отрубил на одной ноге орлицы все когти и рассек сухожилия на другой. А потом Кикаха упал на землю и, ударившись о камни, задохнулся.

Всхлипывая и хрипя, как порванная волынка, он поднялся на ноги и нащупал рукой выпавший меч. Орлица, как раненая курица, сучила ногами и била крыльями по земле. Она даже не заметила, как Кикаха подошел к ней и опустил меч на вытянутую шею. Голова отлетела, и черный, с красным окаемом блестящий глаз, злобно уставившись на него, стал тускнеть и подергиваться холодной дымкой смерти.

Морщась от боли в отбитых легких, Кикаха набрал в грудь воздух и прыгнул к отверстию пещеры. Подарга и последняя орлица отставали на каких-то двадцать ярдов. Приземлившись у самого входа, он метнулся к дальнему концу пещеры — к гранитной стене, которая находилась в сорока футах от отверстия.

Его появление нарушило покой семейства огромных белых обезьян. Четырехрукий папа, рост которого достигал десяти футов, сидел на корточках справа от входа. Макушку его черепа, похожего на буханку хлеба, украшал огромный султан из белых волос; на гориллообразной физиономии поблескивали розовые пуговики колючих маленьких глаз. Он раздирал острыми клыками ногу небольшого тоата. Мама объедала голову убитого животного и одновременно кормила грудью двух детенышей.

(Вольф и Кикаха свалили дурака, создав этих белых обезьян. Они забыли, что единственными млекопитающими на Марсе Берроуза были люди и небольшие забавные существа. Но к тому времени на луне уже обитало несколько тысяч обезьян. И когда Кикаха обнаружил ошибку, Вольф предложил ему смириться и оставить все как есть. Не имело смысла уничтожать такое количество их первых питомцев и выращивать в биолaborаториях новые немлекопитающие виды.)

Внезапная встреча вызвала обоюдное удивление. Но Кикаха находился в движении, и это давало ему небольшое преимущество. Он с ходу повернул небольшой камень-ключ в углублении скалы и надавил на массивную глыбу, выпиравшую из черной стены. В результате часть стены повернулась вокруг оси, и перед ним открылся проход в следующее помещение. Он увидел квадратную ком-

нату около двадцати футов в поперечнике. У одной из стен на гранитном полу мерцали семь полумесяцев, вделанных в камень. Справа, на уровне глаз, из стены торчало несколько колышков, на которых висели семь других полумесяцев из светло-серебристого металла. Судя по сходству нарисованных иероглифов, каждый из них соответствовал своей половинке на полу.

Когда оба полумесяца соединялись и создавали круг, они становились вратами в заранее предписанное место планеты. Кикаха знал, что двое врат являлись ловушками. Воспользовавшись ими, неосторожный человек оказался бы в тюрьме, которая находилась под дворцом властителя. И Вольф хвастался, что бежать из нее невозможно.

Кикаха торопливо осмотрел иероглифы. Ему не хотелось терять время, но он понимал, что без этого не обойтись. Свет едва проникал в помещение, и Кикаха почти не различал отметок. Конечно, здесь не помешал бы какой-нибудь источник света, но создатели пещеры об этом не подумали. А теперь для сожалений не оставалось времени. Действовать приходилось без всяких размышлений.

В пещере стало шумно, как внутри литавров. Две взрослые обезьяны вскочили на кривые короткие ноги и сердито заревели. Верхними парами рук они колотили себя по груди, а нижними — по животу. Но как только животные начали приближаться к Кикахе, на них налетели Подарга и последняя уцелевшая орлица. Они ворвались в пещеру, как пули, выпущенные из двустволки.

Птицы надеялись схватить беззащитного и загнанного в угол человека, хотя опыт общения с Кикахой мог бы научить их осторожности. И теперь они поменяли трех раненых, уставших и, возможно, не очень резвых бентов на двух огромных, полных сил и разъяренных белых гигантов.

Кикаха с удовольствием посмотрел бы на их битву, подбадривая обезьян одобрительными выкриками, но он боялся спугнуть удачу, которая и без того уже подавала сигналы о том, что ее запасы кончаются. Отбросив подальше полумесяцы от врат-ловушек, он зажал в руке пять остальных. Четыре Кикаха сунул под мышку, намереваясь за-

брать их с собой. Пусть чудом, но гарпия могла удрать от обезьян. И если она воспользуется одним из оставшихся полумесяцев, ее путь закончится в казематах дворцовой тюрьмы.

Но судьба щедра на всякие неожиданности, а Кикаха слишком уж долго оттягивал момент, чтобы встать и уйти. И вот тогда случилось почти невероятное. Подарга вырвалась из рук обезьяны — вернее, самец швырнул ее изо всех сил, и она, пролетев кувырком через пещеру, оказалась в комнате с воротами. Кикаха начал торопливо вытаскивать меч и впопыхах растерял свои полумесяцы. Тем временем гарпия ударила его лапой. Он врезался в стену, отбив о камни печеньку и почки. Кикаха не мог замахнуться мечом — не хватало места, да и Подарга находилась слишком близко. Кроме того, удар настолько ошелолил его, что он просто не мог воспользоваться мечом.

Противники покатались по полу. Гарпия вонзила когти в бедра Кикахи, и он взвыл от боли. Она била Кикаху крыльями по лицу, голове, шее и плечам.

Не обращая внимания на боль и тумачи, он с силой ударил ее кулаком в подбородок, а затем оглушил рукояткой меча.

Глаза Подарги перекосилились и остекленели; из носа потекла кровь. Гарпия повалилась на спину, раскинув крылья, как руки. Но когти еще впивались в бедра Кикахи смертельной хваткой, и ему пришлось отдирать их один за другим. Кровь стекала по его ногам и собиралась в небольшую лужицу. Едва он оторвал от себя последний коготь, как в комнату на всех шести конечностях влетел обезумевший от ярости самец. Схватив меч обеими руками, Кикаха с силой опустил его на вытянутую лапу обезьяны. Удар потряс его до пят. Руки онемели, и Кикаха чуть не выронил клинок. На пол упала отрубленная у запястья лапа. Его окатил поток крови, который попал в лицо и на миг ослепил. Кикаха смахнул с ресниц густую жидкость и увидел, что обезьяна с криком удирает от него на двух ногах и трех лапах. На всей скорости самец налетел на орлицу, которая клювом и когтями потрошила труп убитой самки. Они вцепились друг в друга и покатались по пещере визжащим и ревушим клубком.

Тем временем Подарга пришла в себя. Она с криком вскочила на ноги и неистово заколотила крыльями. Кикаха поднял с пола полумесяц, взглянул на иероглиф в его центре и, отыскав на полу сходный знак, сложил концы половинок вместе. Рядом крутилась Подарга. Разъярив себя криками, она собралась было атаковать врага, но Кикаха развернулся и ткнул в нее мечом. Она увернулась, отскочила назад, и он шагнул в круг, образованный двумя полумесяцами.

— Прощай, Подарга! — закричал Кикаха. — Желаю тебе сгнить на этом самом месте!

Глава 18

Как только Кикаха выкрикнул имя гарпии, врата открылись и пещера исчезла. Без всякого ощущения перехода — а так случалось всегда — Кикаха оказался в другом помещении. Он по-прежнему стоял внутри круга из двух половинок. Контакт полумесяцев в пещере, а также внедрение массы его тела в излучаемое ими поле запустили устройство в действие и после трехсекундной задержки активировали врата. Он и незакрепленный полумесяц перенесли на другой конец подпространства к той половинке, которая соответствовала таким же волновым параметрам.

Ему снова удалось бежать, а значит, можно позаботиться о ранах. Причем с этим делом надо поторопиться, иначе он просто-напросто истечет кровью.

И тогда Кикаха понял, к какой ошибке подтолкнул его натиск Подарги. Отбив атаку обезьяны, он поднял не ту половинку. Во время схватки они с гарпией откатились в угол, где валялись полумесяцы-ловушки, и кто-то из них подтолкнул ногой одну или обе половинки. Те смешались с остальными полумесяцами, и при прохождении врат ему достался наихудший вариант.

Кикаха находился в тюремной камере под дворцом властителя.

Однажды он похвастался Вольфу, что может сбежать из любой тюрьмы и даже из его застенков, из которых якобы нет выхода. По его мнению, никакая тюрьма и ника-

кие запоры не удержат ловкого и решительного человека. Побег мог потребовать подготовки и времени, но здесь все зависело в основном от ума и сноровки.

Выходит, он сам накликал эту беду.

Создавая тюрьму, Вольф постарался на славу. Камеры находились под восемьдесятю футами твердого камня и не имели физической связи с внешним миром. Тюрьма представляла собой замкнутую и самодостаточную систему. Тем не менее пища и вода для заключенных подавались из дворцовой кухни через особые маленькие ворота, которые могли пропускать предметы не больше подноса.

Кроме того, в тюрьме находились ворота, через которые узника перемещали в камеру пыток, расположенную во дворце. Эти ворота мог активировать только тот, кто знал о них и имел доступ к механизмам управления.

Диаметр цилиндрической комнаты равнялся примерно сорока футам. Свет исходил из пола, стен и потолка, поэтому теней не было. Созданные Вольфом фрески изображали природу его родной планеты. Вольф считал, что узниками тюрьмы могли стать только властители, дерзнувшие проникнуть в Многоярусный мир, поэтому рисовал эти картины для их развлечения. Но в оформлении фресок чувствовались жестокая ирония и глумление — все они изображали широкие и прекрасные панорамы открытых просторов, тем самым напоминая заключенному об узком и замкнутом пространстве его камеры.

Прекрасная мебель воплощала среднетьямарзанский стиль, соответствовавший в истории властителей тому периоду, который предшествовал Исходу. За дверцами огромных комодов и шкафов находились многочисленные приборы для развлечения и просвещения узника. И они появились в камерах несколько лет назад. Когда Вольф отвоевал дворец у Арвура, он многое изменил во дворце, в том числе и свою тюрьму. Ему не хотелось, чтобы его пленники изнывали от скуки, и он постарался снабдить их всем, чем только мог, поскольку часто покидал дворец на долгий срок и не всегда мог своевременно освободить попавшего в тюрьму властителя.

Так уж случилось, что до этих пор в камерах Вольфа не побывало ни одного пленника. По воле рока и к вели-

кому разочарованию Кикахи, первым узником стал лучший друг тюремщика, а тот куда-то исчез и мог вернуться довольно не скоро.

Кикаха надеялся, что Звонари еще не знали о его появлении в тюрьме, однако три индикатора, мигавшие в трех разных местах, уже сигнализировали о наличии гостя в одной из подземных камер. Первая лампочка находилась в спальне Вольфа; вторая пульсировала на приборной панели огромного пульта в центре управления; третья светилась где-то на кухне.

Заметив новый сигнал, Звонари встревожатся и попытаются разгадать его смысл, однако он лишь усилит их тревогу и неуверенность, потому что им не у кого спросить, что означают эти мигающие огоньки. Об их назначении знали кухонные толосы, но они не могли отвечать на вопросы. Вольф создал себе бессловесных слуг. Рты роботов предназначались не для болтовни, а для того, чтобы пробовать на вкус приготовленную пищу.

Успокоив себя этой мыслью, Кикаха осмотрел шкафчики с медикаментами. Подыскав антисептики, лекарства, бинты и обезболивающие средства, он очистил раны, наложил на них полоски псевдоплоти и остановил кровотечение. Мощные лекарства начали оказывать свое исцеляющее действие.

Кикаха выпил воды, а затем открыл бутылку пива. Он принял душ, вытерся и нашел в аптечке пару таблеток, которые могли успокоить его перевозбужденные нервы — после такой потери крови ему не помешало бы как следует выспаться. Однако таблетки могли и подождать. Поэтому он решил сначала поесть и закончить обследование комнаты.

По правде сказать, ему даже не хотелось думать об отдыхе. Время подгоняло. Он мог только догадываться о том, что происходило сейчас в Таланаке с Ананой и рыжебородыми. Их могли атаковать летающие машины Звонарей, оснащенные мощными лазерами. А чем теперь занимается фон Тарбет? Убежав от Подарги, он и фон Свиндеберн прошли через ворота во дворец. Неужели они удовлетворятся настоящим положением дел и будут отсиживаться наверху? Нет, подумал Кикаха. Они обязательно вернутся

на луну через другие врата. Звонари уверены, что он попал в их ловушку и что его можно взять живого и тепленького голыми руками. Но у них наверняка возникнут сомнения, и, значит, они отправят на луну последний самолет и какое-то количество воинов, а затем устроят на него большую охоту.

Кикаха даже усмехнулся, они начнут искать его наверху, а он в это время будет находиться у них под самыми ногами. Конечно, есть вероятность, что Звонари найдут пещеру около Корада. Но в таком случае они проверят все оставшиеся полумесяцы, и по крайней мере один из Звонарей вскоре окажется в его камере. Тогда ни о каком сне не может быть и речи. Надо что-то придумать и побыстрее выбраться отсюда.

Но Кикаха знал, что ему необходимо выспаться, иначе он просто свалится с ног или станет таким медлительным, что с ним справится и ребенок. Взбодрившись бутылкой пива и тремя стаканами вина, он подошел к небольшой дверце в стене, над которой сиял желтым светом большой граненый топаз. Кикаха открыл дверь и вытащил из отверстия в стене серебряный поднос. На нем стояло десять серебристых, украшенных самоцветами тарелок, наполненных вкусной и изысканной пищей. Отобедав, он вернул поднос и остатки блюд в нишу.

Немного подождав, Кикаха понял, что врата активизируются как-то по-другому. Он захлопнул маленькую дверь и через пару секунд вновь открыл ее. Углубление оказалось пустым. Поднос вернулся через врата на кухню, где его приняли толосы, чтобы вымыть и протереть тарелки. Через шесть часов роботы поместят в кухонные врата новый поднос с едой и отправят его в спрятанную под скалой камеру.

Кикахе хотелось проследить порядок пересылки подноса. Он боялся проспать и упустить этот момент. К сожалению, в тюрьме не было часов, и ему приходилось полагаться только на свои биологические часы, которые в таких условиях могли и отказаться.

Кикаха пожал плечами и упрекнул себя за излишнюю суету. Попытка — не пытка. Если он не успеет к вратам

на этот раз, то всегда может попробовать в следующий. Однако ему требовалось выспаться. Кто знает, с чем он столкнется позже. А Кикаха по-прежнему надеялся вырваться из тюрьмы. Впрочем, для отдыха это лучшее место во всей вселенной — если только Звонари не найдут на луне пещеру с воротами.

Первым делом он решил обследовать все доступные помещения тюрьмы и лично убедиться в их безопасности. Кроме того, он надеялся найти какие-нибудь предметы, которые могли бы пригодиться в дальнейшем. Подойдя к двери в конце комнаты, Кикаха открыл ее и шагнул в небольшую пустую прихожую. Потом прошел в следующую дверь и оказался во второй цилиндрической комнате около сорока футов в диаметре. Роскошное убранство и обстановка принадлежали к иному стилю, названия которого он не знал. Странная мебель все время изменяла форму, и, когда Кикаха проходил рядом с диваном, креслом или столом, предметы ускользали от него в разные стороны. Стоило ему ускорить шаг, как мебель тут же начинала двигаться быстрее и по-прежнему оставалась вне досягаемости. Если же удиравший предмет приближался к другим вещам, они тоже убегали со своих мест и кружились вокруг Кикахи в умопомрачительном хороводе.

Комната предназначалась для того, чтобы развлечь, озадачить и, в конечном итоге, разъярить заключенного. Предполагалось, что это поможет ему отвлечься от мысли о своем незавидном положении.

Махнув рукой на прыгучий диван, Кикаха подошел к двери в противоположном конце комнаты. Она закрылась за ним, как и остальные двери. Он знал, что все они открываются только с одной стороны, но на всякий случай убедился в этом лично — а вдруг Вольф внес какие-то изменения. Дверь не открывалась. Кикаха стоял в небольшой прихожей. За ней находилась художественная мастерская. Следующая комната в четыре раза превосходила по размерам предыдущую; здесь располагался плавательный бассейн, который наполнялся сменяемой прохладной водой. Она переносилась через подпространство из дворцового водохранилища и вытекала сквозь другие ворота. Вода

вливалась на конце бассейна, а выливалась через зарешеченное отверстие в центре его дна. Кикаха изучил устройство циркуляции воды и перешел в следующую комнату.

Она не отличалась по размерам от первой: в ней находились гимнастические снаряды. В помещении поддерживалась повышенная гравитация — в полтора раза сильнее тяготения многоярусной планеты и Земли. Большую часть снарядов Кикаха видел впервые — а уж ему-то довелось попутешествовать, как никому другому. С крюков и балок на потолке свисало несколько веревок и канатов, предназначенных, очевидно, для лазанья.

Соорудив из веревок лассо, Кикаха смотал его в кольцо и прихватил с собой пару тонких канатов. В общей сложности он прошел через двадцать четыре помещения, и все они отличались друг от друга. В конце концов он вернулся в первую комнату.

Любой другой заключенный подумал бы, что все помещения идут друг за другом цепочкой и образуют замкнутый круг. Но Кикаха знал, что между ними нет физических соединений. Каждую комнату отделяло от следующей не меньше сорока футов гранита.

Переход из одного помещения в другое осуществлялся через ворота, вделанные в дверные проемы прихожих. Когда дверь открывалась, ворота активировались, и узник мгновенно переносился в другую прихожую, точь-в-точь напоминавшую ту, в которую он, по его мнению, входил.

Кикаха осторожно прокрался в комнату. Пока он обследовал тюрьму, сюда мог пробраться один из Звонарей. Поэтому ему хотелось убедиться, что никто еще не воспользовался ловушкой-полумесяцем, оставленным в пещере на луне. Комната была пустой, но Звонарь мог попасть в нее и пойти по кругу из двадцати четырех помещений. Кикаха пожал плечами и хитро усмехнулся. Потом поставил друг на друга три стула и, прихватив с собой это сооружение, пошел в следующую комнату, в которой находилась менявшая форму, неуловимая мебель. Кикаха выбрал диван и заарканил нелепый выступ на вершине его спинки. Выступ начал менять форму, однако его метаморфозы ограничивались объемом и размерами, поэто-

му лассо держалось крепко. Когда Кикаха приблизился к дивану, тот двинулся прочь. Кикаха быстро лег на спину и стал подтягиваться на веревке. Диван заметался из стороны в сторону. Однако толстый ковер предохранял от ушибов, хотя длинный колющий ворс кусал кожу. В конце концов Кикаха ухватился за диван и забрался на него. Тот остановился, задрожал — и застыл на месте, став таким же неподвижным, как обычная мебель. Но если бы Кикаха слез с него, он вновь возобновил бы свои бешеные скачки.

Привязав конец лассо к выступу, Кикаха заарканил спинку стула, который спокойно стоял поблизости. Вначале стул вел себя нормально, однако вблизи человеческого биополя он начал прыгать и удирать. Кикаха соскочил с дивана и с помощью маневров попытался подружиться с этим упрямым. Привязав к его спинке второй конец лассо, он установил стул около двери и, используя различные предметы вместо грузов, собрал с помощью веревок простейший механизм Руби Голдберга. Идея заключалась в том, что любой человек, прошедший в дверь, наткнется на веревку. При падении незваного гостя диван и стул должны были отскочить в стороны, затягивая при этом петлю вокруг его лодыжки. Конец петли крепился к веревке, протянутой между диваном и стулом. Вторая веревка соединяла выступ дивана с золотой люстрой, украшенной изумрудами и бирюзой. Встав на пирамиду из трех принесенных им стульев, Кикаха не спеша вытянул стержень, который обеспечивал крепление люстры к потолку. Он вытащил его только наполовину и оставил в таком положении, что при малейшем рывке люстра упала бы вниз. Когда диван и стул будут удирать от пришельца, натяжение веревки вырвет стержень окончательно, и люстра рухнет на пол. Если его расчеты верны, она упадет на того, кто потянет веревку, привязанную к петле.

В общем-то, Кикаха не ожидал, что эта ловушка останавливает его преследователей. Вряд ли они будут настолько невнимательными, что не заметят петли. Тем не менее всякое могло произойти — этот и следующий миры полны дураков и неуклюжих идиотов.

Он прошел в художественную мастерскую. Его внимание привлек большой шар из пластика. Податливый материал мог сохранять любую приданную ему форму. Для этого после лепки в него вводилось особое вещество, которое вызывало гиподермическую реакцию. Кикаха отнес шар и игольчатый шприц в комнату с плавательным бассейном. Нырнув на дно, Кикаха затолкал пластиковый шар в выпускное отверстие. Он сделал из него диск, который наглухо перекрыл слив воды. Зафиксировав форму гипосоставом, Кикаха выплыл на поверхность и выбрался из бассейна. Уровень воды начал тут же повышаться — все получилось так, как он и ожидал. Система впуска и выпуска не имели обратной связи и регулирующих устройств, поэтому подача воды продолжалась даже при перекрытом стоке. Вольф не предусмотрел такой тонкости, хотя в принципе у него не было причин ломать над этим голову. Пленник мог распоряжаться своей жизнью по собственному усмотрению, в том числе топиться, вешаться или глотать серебряные вилки.

Кикаха прошел в следующую комнату. Забаррикадировав дверь мебелью и статуями, он вытерся полотенцем и лег спать. Звонарям придется попотеть и помокнуть, добираясь до него. В любом случае им не войти сюда, не наделав большого шума.

Услышав звон колокольчиков, привязанных к его нервам, Кикаха проснулся и приоткрыл глаза. Сердце заколотилось, как крылья взлетающей куропатки. Что-то вломилось в его сон — а вернее, в комнату. Сжимая меч в руке, он спрыгнул с дивана. В тот же миг, разметаив баррикаду, дверь распахнулась, и волна воды швырнула на пол какого-то человека. Он задыхался и ловил ртом воздух, словно ему приходилось долгое время задерживать дыхание, дверь автоматически закрылась, и они остались один на один.

Кикаха с интересом рассматривал своего гостя — длинноногого, хорошо сложенного парня с бледной кожей, крупными веснушками и темными волосами, которые, подсохнув, могли превратиться в светло-рыжие локоны.

Лучемета ему, видимо, не доверили, но за поясом торчал кинжал, а в ножнах виднелся короткий меч. Доспехи он снял, оставшись лишь в красной рубашке с короткими рукавами, большом кожаном поясе и желтом трико с широкими лампасами.

Выпрыгнув из-за дивана, Кикаха подбежал к нему с поднятым мечом. Ошеломленный противник даже не успел встать. Однако, сообразив, что ему дают возможность сдать-ся, он принял единственно правильное решение, вполне достойное любого разумного человека. Кикаха заговорил с ним на языке властителей, но парень изумленно покачал головой и ответил ему по-германски. Кикаха перешел на речь дракландцев и приказал мужчине сесть на стул. Человек дрожал от холода и мрачных предчувствий.

Его свободное владение германским языком убедило Кикаху, что он не Звонарь. Судя по диалекту, парень вырос в эйнхорнерских горах. Очевидно, Звонари не захотели подвергать себя опасностям неизведанных врат. Они послали на разведку воинов-смертников.

Пал До Шаптарп рассказал Кикахе все, что знал. Будучи баронетом, он командовал гарнизоном эгтесхаймского замка, который принадлежал великому королю фон Тарбету. Во время набега на Таланак его оставили следить за порядком в замке. Но день назад фон Тарбет и фон Свиндеберн вернулись в Эгтесхайм. Они вышли из небольшой часовни и приказали гарнизону и множеству других отрядов следовать за ними в «волшебную» комнату замка. Фон Тарбет объявил, что их заклятый враг Кикаха находится теперь на луне, поэтому для его поимки им придется прибегнуть к магии — разумеется, белой. Но король так ничего и не сказал о том, что случилось с солдатами в Таланаке.

— Они все погибли, — отозвался Кикаха. — Но как фон Тарбет общался с вами?

— В последнее время он говорит только через жреца, — ответил До Шаптарп.

— А тебе это не кажется странным? Баронет пожал плечами:

— После стольких чудес и событий, которые случились в нашей стране, мы перестали чему-нибудь удив-

ляться. Фон Тарбет объявил народу, что получил от властителя божественное откровение. Он сказал, что обрел дар говорить на священном языке. И ему более не позволено прибегать к другим языкам, ибо так властитель хотел дать понять всем людям, что фон Тарбет стал его любимцем.

— Хорошее объяснение, — подметил Кикаха.

— Над замком появилась магическая летающая машина, — продолжал До Шаптарп. — Она опустилась на площадь. Мы помогли разобрать ее на части и перенесли куски в комнату, из которой магические силы перебросили нас на луну.

Он рассказал о том, как они испугались, увидев над собой планету, на которой находились всего секунду назад. Она висела над ними в черном небе, угрожая упасть на луну и раздавить их своей гигантской массой.

Но человек привыкает ко всему.

Поисковые партии обнаружили пещеру на склоне холма. Недалеко от входа лежал труп орлицы без ноги и головы. В пещере валялись тела двух обезьян и еще одной орлицы. А потом солдаты нашли на полу семь вмурованных и пять незакрепленных полумесяцев. Услышав это, Кикаха понял, что Подарга прошла через ворота и вернулась на планету.

Для проверки магических проходов фон Тарбет выбрал десять лучших рыцарей — по двое на каждый круг. Он надеялся, что кто-нибудь из них найдет и убьет Кикаху.

— А где же твой напарник?

— Со мной пошел Карл фон Ротадлер, — ответил До Шаптарп. — Но его больше нет в живых. Ворвавшись в комнату, он чудом не угодил в петлю, однако это не послужило ему предупреждением. Он всегда полагался на силу и меч, хотя мог бы прежде выяснить обстановку. Когда Карл вбежал в комнату, диван и стул понеслись от него прочь. Я не знаю, как ты заколдовал эти вещи, но ты действительно величайший маг. Предметы натянули веревку, она вырвала из потолка крепежный стержень, и люстра упала Карлу на голову.

— Значит, ловушка все-таки сработала! — воскликнул Кикаха. — Но как ты пробрался через комнату с водой?

— Когда Карл умер, я попытался вернуться в первую комнату, но дверь не открылась. Поэтому мне пришлось идти дальше. Подойдя к следующей двери, я изо всех сил толкнул ее, и она распахнулась. Меня окатило водой и отшвырнуло назад. Впрочем, выбирать мне не приходилось. Я снова приоткрыл дверь. Давление воды мешало протиснуться внутрь, меня сбивало с ног, а дверь постоянно закрывалась. Но я сильный, и мне удалось пробраться в подводный зал. К тому времени прихожая заполнилась водой, и как только я оказался в затопленном помещении, дверь за мной закрылась.

К счастью, вода оказалась чистой, а свет — ярким, иначе бы я утонул, так и не отыскав другую дверь. Сначала я всплыл к потолку, надеясь, что там осталось воздушное пространство, однако вода заполнила все помещение, и мне пришлось отправиться к другому концу комнаты. Давление воды раз за разом открывало дверь, ее потоки вливались в промежуточную комнату, а потом дверь автоматически закрывалась. Очевидно, это продолжалось довольно долгое время. Когда я попал в прихожую, вода заполнила ее больше чем наполовину. Потом давление возросло, и дверь в эту комнату открылась. Мне пришлось немного подождать. А когда дверь начала понемногу открываться вновь, я влетел сюда и повалился на пол. Наверное, так волна выбрасывает моряка на пустынный остров.

Кикаха забыл обо всех своих вопросах. Вызвав потоп в бассейне, он снова загнал себя — и этого парня — в почти безвыходное положение. Пройдет несколько часов, и вода затопит каждую из двадцати четырех комнат.

— Так, — сказал он. — Если мы не выберемся отсюда через пять-шесть часов, нам придет конец.

До Шаптарп спросил, что он имеет в виду. Кикаха объяснил ему ситуацию, и дракландский рыцарь побледнел. Кикаха рассказал тевтону многое из того, что стояло за недавними событиями. Особое внимание он уделил описанию зверств и коварных замыслов Черных Звонарей.

— Ты раскрыл мне глаза на вещи, которых я давно не мог понять, — сказал До Шаптарп. — И поверь, они тревожили не только меня. Да и как иначе? Наша жизнь шла

спокойно и гладко. Я готовился возглавить охотничью экспедицию на дракона. И тут наш король и фон Свиндеберн объявили священную войну. Они сказали, что властитель Герр Гутт приказал им захватить город на нижнем уровне. И нам предстояло отыскать трех опасных еретиков, скрывавшихся там.

Многие из нас никогда не слышали о Таланаке, тишкетмоаках и Кикахе. Однако мы знали и уважали барона-разбойника Хорст фон Хорстманна, на которого был объявлен розыск. А тут еще фон Тарбет сказал, что властитель даровал нашему городу магические средства и что отныне мы можем переходить с уровня на уровень. Он объяснил нам причину, по которой был вынужден пользоваться лишь речью властителей. Но ты открыл мне правду, и теперь я понял, что души моего короля и многих добрых рыцарей пожраны адской нечистью. Их телами завладели демоны.

Баронет не совсем верно понимал суть дела, однако Кикаха не стал разубеждать его. Если кому-то нравится верить в суеверия, так и пусть себе верит на здоровье. Но он должен твердо уяснить, что под обликом двух королей скрывается ужасное зло.

— Скажи, я могу тебе доверять? — спросил он До Шаптарпа. — Поможешь ты мне, после того как узнал истину? И веришь ли ты в то, что я тебе сказал? Конечно, все это пока не имеет никакого значения. Но вдруг мне удастся что-нибудь придумать, и мы выберемся из этой затопленной норы.

— Клянусь тебе в вечной верности! — воскликнул рыцарь.

Его слова не убедили Кикаху. Тем не менее ему не хотелось убивать баронета. До Шаптарп еще мог пригодиться. Велев рыцарю поднять оружие, он повел его круглым путем в первую комнату. Вернувшись туда, Кикаха перевернул несколько шкафов и нашел записывающее устройство. Оно предназначалось для развлечения узников, но Кикаха придумал ему новое применение. Взяв в руки этот блестящий черный куб трех дюймов в поперечнике, он нажал на красное пятно в нижней грани и произнес

несколько слов на языке властителей. Едва он коснулся белого пятна на боковой грани, как куб воспроизвел его слова.

Теперь им оставалось только ждать. Время тянулось медленно, и казалось, что уже прошло несколько часов. Наконец топаз над маленькой дверцей в стене засветился. Кикаха вынул поднос с едой для двух человек. На кухне теперь мигало два огонька, и толосы, заметив это, увеличивали порции вдвое.

— Садись и ешь! — сказал Кикаха. — Неизвестно, когда тебе еще удастся подкрепиться — если вообще когда-нибудь удастся.

До Шаптарп поморщился. Кикаха старался не спешить и ел медленно. Внезапно дверь распахнулась, и в комнату стала просачиваться вода. Увидев это, Кикаха быстро проглотил остатки еды. Дверь закрылась, но почти тут же отворилась вновь и изрыгнула новую порцию воды.

Кикаха сложил тарелки на поднос и поставил его в нишу. Он надеялся, что у толосов не окажется каких-то более срочных дел. Если они задержат отправку подноса на кухню, пленникам уже ничто не поможет.

Включив куб на воспроизведение записанных инструкций, Кикаха положил его на поднос. Три раза нажав на белое пятно, он установил устройство на шестьдесят повторений. И все же Кикаху терзали сомнения. Если толосы замешкаются и заберут поднос не сразу, воспроизведение записи закончится, и вся его затея ни к чему не приведет.

Топаз замигал и поблек. Кикаха открыл дверцу и убедился, что поднос исчез.

— Если толосы выполнят мой приказ, мы будем спасены, — сказал он тевтону. — По крайней мере, мы выберемся отсюда. Но если роботы откажутся подчиняться, то буль-буль-буль, и конец всем нашим тревогам.

Он велел До Шаптарпу следовать за ним в промежуточную комнату. Там они простояли около шестидесяти секунд.

— Если вскоре ничего не произойдет, — произнес Кикаха, — мы можем поцеловать свои...

Они стояли в центре большой комнаты на круглой пластине из серого металла. Экзотическая мебель относилась к стилю раннего радамантского периода. Стены и пол украшали плиты из розового камня с извилистыми черными прожилками. Двери и окна отсутствовали, но сквозь одну из стен была видна обстановка следующей комнаты.

— Сейчас на пульте у Звонарей замигало два индикатора, — сказал Кикаха. — Они сигнализируют о нашем появлении в камере пыток. Будем надеяться, что Звонари не поймут их значения.

Все эти необъяснимые огоньки, очевидно, приводили Звонарей в состояние паники. И конечно же, те бродили по дворцу, пытаясь выяснить причину сигналов.

Часть стены отъехала в сторону, и Кикаха вышел в соседнее помещение. Там их ждал толос, облаченный в рыцарские доспехи. Его рост достигал шести с половиной футов. Он передал Кикахе черный кубический магнитофон.

— Благодарю тебя, — сказал Кикаха и добавил: — Внимательно рассмотри нас. Я твой хозяин. Этот человек — мой слуга. Ты должен выполнять наши приказы. Если этот человек, мой слуга, попытается нанести мне какой-то вред, ты должен удержать его от подобных действий.

Все остальные существа во дворце — мои враги, поэтому ты будешь убивать каждого, кого увидишь. Но прежде ты возьмешь этот куб и дашь прослушать мой приказ другим толосам. Сейчас я надиктую необходимые инструкции. Я приказываю вам нападать на моих врагов и убивать их любой ценой. Ты меня понял?

Толос отдал честь, подтверждая свою готовность к действиям. Кикаха продиктовал инструкции, установил число повторений на тысячу раз и отдал кубическое устройство толосу. Бронированное существо отсалютовало еще раз и зашагало прочь.

— Они прекрасно выполняют приказы, однако считают своим хозяином только того, кто отдает им распоряжения последним, — сказал Кикаха. — Вольф знал об этом

недостатке, но не хотел менять их программу. Он сказал, что эта особенность может однажды нам здорово пригодиться. К тому же о ней не могли узнать гипотетические захватчики дворца.

Он растолковал До Шаптарпу, как управляться с луче-метом, если тот когда-нибудь попадет ему в руки. А потом они отправились в арсенал дворца. Чтобы попасть туда, им предстояло перейти в другое крыло, а затем спуститься на шесть этажей. Зная, что Звонари контролировали перемещение всех лифтов, Кикаха направился к лестничной клетке.

Великолепие дворца произвело на тевтона огромное впечатление. До Шаптарп трепетал от благоговения. В огромных комнатах и залах хранились сокровища, за которые можно было купить все королевства Дракландии. Баронет шел с открытым ртом, пуская слюну, и трепетно разглядывал восхитительное убранство. Ему хотелось остановиться и осмотреться. Руки сами тянулись, чтобы пощупать, прикоснуться и, возможно, наполнить карманы. Внезапно он испугался. Абсолютная тишина и неопишное богатство напомнили ему, что он находится в священном месте.

— Здесь можно бродить по многу дней, но так и не встретить других людей,— прошептал он хриплым голосом.

— Ты прав, мы могли бы блуждать здесь месяцами,— ответил Кикаха.— К счастью, я знаю, куда идти.

Он начал сомневаться, что от его напарника будет какая-нибудь польза. Возможно, в обычных условиях До Шаптарп действительно считался прекрасным воином. И то, что он уцелел в комнате с водой, свидетельствовало о его отваге и сообразительности. Но дворец властителя пугал тевтона и казался ему обителью сверхъестественных сил. Подобные чувства испытывал бы любой земной христианин, если бы его поместили в божественный город, которым коварно овладели черти.

Около лестничной клетки Кикаха почувствовал запах расплавленного пластика и сгоревшей протоплазмы. Он осторожно выглянул из-за угла. В ста шагах по коридору на полу неуклюже лежал толос. Рядом с ним валялась бронированная рука, отрезанная от тела лазерным лучом.

Чуть поодаль распластались два мертвых Звонаря. Кикаха узнал их по ранцам, прикрепленным к спинам. Робот свернул им шеи. Другие двое, с лучеметами в руках, вели возбужденную беседу. Один из них поднял оплавленные остатки черного куба. Кикаха удовлетворенно усмехнулся. Прибор повредили лучом, и теперь его воспроизводящая система безнадежно испорчена. А значит, Звонарям никогда не узнать, чей приказ исполнял толос и какое сообщение хранило в себе записывающее устройство.

— Двадцать девять долой. Остался двадцать один, — прошептал Кикаха. Он резко отдернул голову и повернулся к баронету. — Теперь они будут на чеку, — тихо сказал он. — Если бы не нападение робота, они бы, возможно, оставили арсенал без охраны. Но теперь Звонари знают, что во дворец пробрались враги. И они наверняка усилят охрану. Ладно, попробуем взять их по-другому. Нам предстоит довольно опасный путь, но что в этом мире не опасно? Давай-ка обратно на лестницу. Вернемся немного назад.

Он повел До Шаптарпа на шестой этаж. В огромном зале, около шестисот футов в длину и трехсот в ширину, хранились чучела животных и некоторых разумных существ из множества вселенных. Кикаха прошел мимо прозрачного куба, в котором, подобно стрекозе в куске янтаря, находилось существо, напоминавшее одновременно и насекомое, и человека. У него имелись усики антенн и огромные, почти человеческие глаза. Узкая талия переходила в тонкие ноги, покрытые розоватым пушком. Над грудью из худеньких плеч свисали четыре тонкие руки, а из огромного горба на спине выступали большие, как у бабочки, крылья.

Их вот-вот могли застать Звонари, но До Шаптарп остановился, чтобы посмотреть на странное существо.

— Этому экспонату десять тысяч лет, — объяснил Кикаха. — Ты видишь перед собой квисваса, жесткокрылого человека, выращенного в биолaborаториях Ананы — во всяком случае, мне так говорили. Однажды властитель нашего мира совершил набег на мир своей сестры и выкрал для своего музея несколько ее любимых существ. Этот квисвас, как я понял, одно время был любовником Ана-

ны. Но нельзя же верить всему, что слышат уши, особенно когда один властитель рассказывает байки о другом. И все это, конечно, происходило много лет назад.

Огромные глаза квисваса смотрели на них сквозь толстый пластик десяти тысячелетий. Этот парень жил за пять тысяч лет до начала земной цивилизации. И хотя Кикаха видел его раньше, он вновь почувствовал благоговение, тревогу и свою незначительность перед ликом времени. Несмотря на силу и ловкость, это существо оказалось здесь. И наверное, оно тоже сражалось за свою жизнь, как сражался сейчас Кикаха, — а возможно, даже более решительно и яростно. Но и он может погибнуть, как этот квисвас. И потом, набитый опилками, он будет смотреть невидящим взором на борьбу другого существа. Все проходит по кругу...

Он тряхнул головой и быстро осмотрелся. Философия — штука хорошая, но не при таких обстоятельствах. И для нее сейчас совсем нет времени. Кроме того, смерть приходит ко всем — даже к тем, кто избегает ее так изобретательно, как он. Так что нечего печалиться. Любая минута жизни достойна хорошей драки — при условии, что остальное прошлое тоже имело смысл.

— Интересно, что за история была у этого существа? — прошептал До Шаптарп.

— Наша история закончится тем же, если мы не поторопимся, — сказал Кикаха.

Подбежав к стене, Кикаха начал вращать рукой выступ, который казался таким же неподвижным, как и все остальные украшения. Он повернул завитушку вправо на сто шестьдесят градусов, потом влево на тот же угол, а затем покрутил ее вокруг оси, сделав два полных оборота. Часть стены отъехала назад. Стараясь успокоиться, Кикаха задержал дыхание. Он сомневался в правильности набранного им кода. Прошло столько лет, и он мог забыть последовательность набора. И в таком случае его ожидала расплата в виде облака ядовитого газа или лучей, рассекающих тело.

Он толкнул До Шаптарпа вперед. Тевтон попытался оказать сопротивление и испуганно закричал, когда они

покатились в темную шахту. Кикаха закрыл его рот рукой и скомандовал:

— Молчи! Все в порядке!

Встречный ветер при спуске унес его слова вверх. До Шаптарп продолжал вырываться. А потом падение замедлилось, и баронет успокоился. Вскоре им показалось, что они неподвижно зависли в воздухе. Внезапно стены озарились светом, и они увидели, что все еще спускаются вниз. Шахта в нескольких футах над ними и под ними оставалась темной, и свет сопровождал их по мере спуска. Через несколько секунд они оказались на дне вертикального туннеля. Темнота над головой создавала впечатление, что это место уже сотни лет не видело ни одного живого существа.

— У меня чуть сердце не оборвалось, — сердито заворчал баронет.

— Я не мог поступить иначе. Стоило мне рассказать тебе о предстоящем падении, и ты бы никогда не отправился сюда по собственной воле. Я просто не хотел требовать от тебя так много.

— Но ты же прыгнул, — с укором произнес До Шаптарп.

— Конечно. Но я практиковался в этом несколько раз. И у меня тоже не хватило духу на первый прыжок, пока я не увидел, как это делает Вольф, то есть властитель. — Кикаха улыбнулся. — Кроме того, я сомневался, что замедляющее поле включится. Звонари могли деактивировать эти врата. Вот бы мы влипли тогда, правда?

По всей видимости, До Шаптарп не счел его шутку забавной. Кикаха повернулся к стене и привел в действие выпускное устройство. Оно включилось после того, как он отступал по стене шахты необходимый код. Каменная плита скользнула в сторону, и они вошли в квадратное, хорошо освещенное помещение около тридцати футов в поперечнике. На полу виднелась дюжина серебряных, вплавленных в гранит полумесяцев. Соответствовавшие им половинки висели на колышках, вбитых в стену. Ни те, ни другие не имели никаких обозначений.

Кикаха вытянул вперед руку и предостерег До Шаптарпа:

— Ни шагу дальше! Эта комната станет очень опасной, если мы не выполним определенный ритуал. А я не уверен, что помню все его детали.

Несмотря на прохладный воздух и легкий сквознячок, тевтона прошиб пот.

— Меня все время мучил вопрос, почему мы не пошли сюда сразу, вместо того чтобы бродить по коридорам, — сказал он. — Теперь я это понял.

— Надеюсь, что ты и впредь будешь таким разумным, — двусмысленно сказал Кикаха.

Он сделал три шага вперед, затем пошел боком, пока не оказался рядом с крайним правым полумесяцем, висевшим на стене. Кикаха развернулся кругом, шагнул к нему и, вытянув руку под прямым углом к стене, коснулся серебристого металла.

— Все нормально, солдат, — сказал он. — Теперь можешь гулять, как тебе захочется — во всяком случае, я на это надеюсь.

Однако, осмотрев полумесяцы, Кикаха перестал улыбаться.

— Один из них может провести нас в арсенал. Но я не помню, какой именно. То ли второй справа, то ли третий...

— А что произойдет, если ты выберешь не тот полумесяц? — спросил До Шаптарп.

— Один из них — правда, не знаю какой — выведет нас в центр управления, — ответил Кикаха. — Я бы и выбрал его, будь у меня лучемер. К тому же Звонари могли установить там индикаторы, срабатывающие при появлении неучтенной массы тел. Но главное, я не знаю, какой это полумесяц. Вторые врата выведут нас в подземную тюрьму, из которой мы недавно удрали. Третьи перенесут на луну, а четвертые — на уровень Атлантиды. Я забыл, что могут делать остальные полумесяцы, но один из них пошлет нас в довольно-таки нежелательную, если можно так сказать, вселенную.

До Шаптарп поежился и тихо произнес:

— Я смелый человек, и мне не раз доводилось доказывать это на поле брани. Но я чувствую себя как ребенок, потерявшийся в лесу, в котором бродят злые волки.

Кикаха промолчал, хотя и оценил искренность воина. Он по-прежнему не мог сделать выбор между вторым и третьим полумесяцем. Но он должен выбрать один из них, потому что другого выхода отсюда не было — как и многие пути во дворце, шахта вела только в одну сторону.

— Я почти уверен, что нам нужен третий, — сказал он в конце концов. — Вольфу нравились тройки и кратные им числа. Но... — Он пожал плечами и добавил: — К чертям все страхи. Не стоять же нам тут вечно!

Кикаха приложил третий правый полумесяц к третьей левой половинке на полу.

— Я помню, что подвижные полумесяцы надо стыковать с противоположными фиксированными половинками.

Он подробно объяснил баронету различные тонкости при прохождении врат, а затем они оба вступили в круг, образованный двумя полумесяцами. Подождав около трех секунд, они без всякого намека на движение перенеслись в квадратное помещение около трехсот футов в длину. На выступах стен, на полках, подставках и колышках стояло, висело и лежало знакомое и незнакомое оружие.

— Получилось! — воскликнул Кикаха.

Он вышел из круга и сказал:

— Мы возьмем несколько ручных лучеметов, запас силовых батарей, веревки, самонаводящиеся ракеты и видеомаску-бинокль. Ах да! Нам не помешает несколько нейтронных гранат ближнего действия.

Ко всему прочему он прихватил два сбалансированных метательных ножа. До Шаптарп в это время упражнялся в стрельбе из лучемета на небольшой мишени в задней части арсенала. Металлический диск толщиной в шесть дюймов расплавился через пять секунд. Кикаха прикрепил к спине металлический контейнер, в котором находились несколько самонаводящихся снарядов, мощный радиопередатчик для управления ими и аудиовизуальная маска.

Он надеялся, что Звонари еще не имели в своем распоряжении подобной техники. Если коридоры дворца обы-

скивали солдаты с управляемыми снарядами, то их обо-их ожидала неминуемая смерть.

На двери виднелась печать Вольфа, и пока, как мог судить Кикаха, она оставалась нетронутой. Многочисленные системы безопасности делали невозможным неправомерное вторжение извне, однако выйти из оружейной комнаты не составляло никакого труда. Кикаха облегченно вздохнул. Звонарям не удалось пробраться сюда, а значит, у них нет управляемых снарядов. Хотя они могли принести их с собой из других вселенных. Но зачем тогда Звонари использовали самолеты? Все свидетельствовало о том, что снарядов у них не было.

Он надел на голову аудиовизуальную маску и, манипулируя пультом управления, повел снаряд в открывшиеся двери. Снаряд не превышал трех дюймов в длину и напоминал самолетик, сделанный из страницы ученической тетради. Его прозрачный материал делал снаряд почти невидимым, но под определенным углом и при сильном свете на крыльях проступали крошечные цветные пятна. Острый «нос» вмещал в себя «глаз», через который Кикаха получал четкое, хотя и немного ограниченное изображение; здесь же находилось «ухо». При желании оператор мог либо усиливать, либо уменьшать громкость передаваемых звуков.

Маневрируя снарядом, он убедился, что ближайшие коридоры пусты, и только тогда снял маску с головы. Когда они вышли из арсенала, Кикаха закрыл дверь, и она автоматически включила хитроумные системы безопасности. Он вел снаряд прямо по коридору, а когда им приходилось сворачивать за угол, прибегал к помощи маски.

Следуя за снарядом, Кикаха и До Шаптарп прошли около шести миль по горизонтальным и вертикальным переходам дворца. Покинув это крыло, они перешли в главный корпус, где находился центр управления. Осторожность заставляла их двигаться медленно, и поэтому путь казался бесконечно долгим.

Они прокрались мимо гигантского окна в той части дворца, которая нависала над краем монолита. Увидев

солнце, До Шаптарп едва не упал в обморок. Небесное светило находились под ними. Он выглянул из окна, чтобы осмотреть пространство внизу. Оглядев полукруг Атлантиды с радиусом не меньше чем в пятьсот миль, а за ним кусок Дракландии и подкрылье Американдии, он побледнел как мел.

Кикаха оттащил его от окна и попытался объяснить ступенчатую структуру планеты. Поскольку дворец находился на самом верхнем ярусе планеты, он действительно располагался выше солнца, которое вращалось на уровне среднего монолита.

Тевтон прошептал, что понял его слова. Однако дракландец видел солнце только со своего уровня, да разве что еще с луны. И оба раза оно сияло высоко над головой.

— Если ты считаешь это зрелище таким уж устрашающим,— сказал Кикаха,— тебе не мешало бы взглянуть на край света с грани нижнего уровня, который мы называем Садам.

Они вошли в центральный корпус дворца и направились к центру управления, двигаясь еще медленнее. Наконец они попали в бробдингнаговский зал, отделанный огромными зеркалами, которые не только отражали внешнюю физическую реальность, но и воспроизводили внутренний психический мир человека. Каждое зеркало, как объяснил Кикаха, улавливало волны от различных участков мозга. Синтезируя их и обогатив музыкой, цветовым содержанием и гармониками, оно воплощало результат в зрительные образы. Некоторые из них вызывали отвращение и ужас, другие пленяли красотой. Временами они были возмутительно непристойными, но иногда — божественно грозными и многозначительными.

— Они ничего не значат,— сказал Кикаха,— если только зритель не начинает интерпретировать их в соответствии со своим настроением. У них нет объективного смысла.

Его слова немного успокоили До Шаптарпа. Кикаха повел тевтона к широкой лестнице, по которой могли бы пройти и десять взводов солдат. Она тянулась вверх и вверх и, казалось, не имела конца, как будто вела в небесное царство.

Наконец баронет попросил остановиться и передохнуть. Кикаха согласился и отправил снаряд в разведывательный полет. На этаже, который находился под центром управления, не оказалось ни одного Звонаря. Однако на первых шести ступенях лестницы лежали обгоревшие и расплавленные тела десяти толосов. Очевидно, они поспешили наверх, чтобы напасть на Звонорей, засевших в центре управления, и их скосило лазерным лучом. Устройство, которое могло это сделать, находилось на верхней лестничной площадке и представляло собой небольшой черный ящик на колесах. На конце длинной шеи из серого металла крепился маленький шар. Он определял местоположение любой передвигавшейся массы и разрушал ее лазерным лучом. Дальность действия такого механизма не превышала сорока футов.

Черный ящик вращал длинной шеей взад и вперед; линза объектива осматривала всю лестницу. Тем не менее она не заметила снаряд, пролетевший над устройством. А значит, «змееголовый», как назвал его Кикаха, мог определять только крупные предметы. Развернув снаряд, Кикаха направил его в глубь коридора — к двойным бронированным дверям центра управления. Они оказались закрытыми. Осмотрев через «телеглаз» декорированную поверхность стены, он увидел множество мелких дисков. К счастью, эти определители массы имели ограниченную зону действия и по центру коридора пролежала узкая дорожка безопасности. По-видимому, Звонари оставили ее для того, чтобы осведомленный человек мог пройти в центр, не вызывая сигнала тревоги. Кроме того, здесь должна была располагаться и видеоаппаратура, поскольку Звонари не могли пренебречь такой мерой предосторожности.

Кикаха перемещал снаряд под самым потолком, так как не хотел, чтобы его заметили раньше времени. И вскоре он увидел линзы видеокамер. Их спрятали в двух бюстах, которые стояли на пьедесталах. Звонари постарались сделать отверстия совсем крошечными, но Кикаха обнаружил их почти сразу.

Он осторожно вернул снаряд обратно, снял маску и повел До Шаптарпа вверх по лестнице. Они не стали подниматься выше груды обгоревшей протоплазмы и пластика. Поравнявшись с ней, Кикаха остановил тевтона.

— Насколько я могу судить, — сказал он, — Звонари собрались в центре управления. Если бы нам удалось подняться на следующий этаж, мы могли бы поджарить их еще до того, как они о чем-то догадаются. Я хочу, чтобы ты все время наблюдал за нашим тылом. Будь внимателен! В центре управления имеется множество врат, через которые можно попасть в разные места дворца. Если Звонари отыскиали их, они могут воспользоваться этим преимуществом. Так что смотри в оба!

Пока они находились вне поля зрения «змееголового», который стоял на верхней площадке лестницы, Кикаха сел и растрепал волокна на конце самой тонкой веревки. Привязав ее к снаряду, он надел маску и направил маленькую ракету вверх по лестнице. Та едва двигалась под тяжестью длинного шнура. «Змееголовый» продолжал осматривать ступени, однако снаряд и веревка, очевидно, не привлекали его внимания. По всей вероятности, его запрограммировали на большую массу. Тем не менее он мог передавать изображение в центр управления. Но если Звонари увидят веревку и снаряд, они постараются обойти непрошенных гостей, а затем, открыв стрельбу из-за перил, начнут внезапную атаку. Кикаха велел До Шаптарпу присматривать за лестницей и стрелять при первой необходимости.

Снаряд облетел «змееголового» и, подтягивая на буксире веревку, вернулся на нижнюю площадку. Кикаха снял маску, отвязал шнур, ухватился за его концы и, подтянув их немного, изо всех сил рванул веревку на себя. «Змееголовый» полетел вниз и с грохотом свалился на середине пролета. Он лежал на боку; шея с глазастым шаром моталась взад и вперед, но объектив не захватывал правую сторону лестницы. Подойдя сзади, Кикаха повернул небольшой диск на панели управления и отключил прибор.

Сжимая в правой руке лучемет, он отнес машину обратно на верхнюю площадку. Поставив «змееголового»

на пол, Кикаха развернул его объектив к бюсту, который стоял в конце коридора неподалеку от дверей центра управления. Он настроил прибор, включил его и отправил в последний путь по коридору. Вскоре оттуда раздался сильный грохот. Кикаха надел маску и повел снаряд в разведывательный полет. Как он и ожидал, «змееголовый» мчался по коридору до тех пор, пока не врезался в пьедестал статуи и не разнес его на куски. Лазерный луч кромсал каменные осколки; бюст лежал на боку, а линза видеокамеры целилась в стену. Внезапно шея «змееголового» развернулась, и луч уперся в упавший бюст.

Кикаха спустился по ступеням в коридор и вышел из поля зрения тех, кто мог выбежать на верхнюю площадку и осмотреть нижние пролеты лестничной клетки. Он снова надел маску и приподнял снаряд чуть выше двойных дверей неприступного центра управления. Снаряд, почти невидимый на фоне стены, нацелился вниз.

Кикаха ждал. Минуты шли одна за другой. Ему хотелось снять маску и убедиться, что До Шаптарп ведет наблюдение. Но он подавил это желание, предчувствуя, что двери вот-вот откроются.

И они действительно открылись. С обеих сторон высунулись трубки перископов. Потом их втянули назад, и из створок выглянула белокурая голова. Вслед за ней появилось и тело. Звонарь подбежал к «змееголовому» и отключил его. Кикаха даже расстроился. Он надеялся, что машина рассечет Звонаря лучом. Однако она реагировала лишь на те объекты, которые находились перед ней и входили в зону обзора.

Бюст расплавился до неузнаваемости. Звонарь внимательно осмотрел его, затем схватил «змееголового» за шею и понес прибор в центр управления. Кикаха провел снаряд под верхней балкой косяка и поднял его к потолку огромного помещения. В такой зал мог бы вместиться авианосец выпуска 1945 года. Кикаха направил снаряд к противоположной стене и опустил его на пол за центральным пультом. Изображение и звук потеряли четкость — двери закрылись, и это внесло ограничения в условия приема. В пределах небольшой дальности снаряд мог ве-

сти передачу и через материальные объекты, но при этом существенно снижалась разрешающая способность приемной аппаратуры.

Займатол рассказал Арсвурду о странном поведении электронного стража. Тот предложил заменить его другим, который, как он надеялся, будет работать без аварий. Но Звонари не имели запасной видеоаппаратуры. Впрочем, вторая камера в противоположном конце коридора работала пока исправно. Займатол пожалел, что они не следили за экранами мониторов и не знали теперь, отчего взбунтовалась машина. Вот уже несколько часов оба Звонаря пытались наладить связь с луной и сообщить фон Тарбету о мятеже дворцовых толосов.

Кикаха с удовольствием послушал бы их еще, но ему хотелось довести до конца задуманный план. Он отключился от снаряда в центре управления и привязал конец шнура к второй мини-ракете. Направив ее вверх, он оплел веревкой нового «змееголового» и без труда сдернул его с площадки. Тот пролетел еще дальше, чем предыдущий, и свалился у самой кучи сгоревших толосов в начале пролета. Оптический прицел лазерной пушки уставился в потолок. Подкравшись к нему ползком, Кикаха вытянул руку из-за поверженных тел и отключил электронного стража. Потом отнес его к началу коридора и направил к бюсту с последней уцелевшей видеокамерой. Быстро сбегав со ступеней, Кикаха надел маску и послал второй снаряд вдогонку за «змееголовым». Через «ухо» снаряда до него донесся грохот разбитого пьедестала.

«Телеглаз» показал ему, что случилось почти то же самое. Он тут же развернул снаряд объективом к двери. Однако в коридор никто не выходил, и вскоре Кикахе надоело ждать впустую. Он переключился на снаряд в центре управления. Займатол настаивал на том, что неисправность двух машин нельзя объяснить случайностью, ситуация, по его мнению, казалась очень подозрительной, а значит, и опасной. И он отказывался выходить в коридор для выяснения причин этих слишком уж целенаправленных неисправностей.

Арсвурд отвечал, что, независимо от их мнений и чувств, они не могут сидеть здесь сложа руки, пока не-

известный враг все ближе подбирается к центру управления. Им следует убить его — тем более что пришельцем может оказаться Кикаха. А кто еще мог пробраться во дворец, когда все средства защиты включены и система обороны абсолютно непреступна?

Займатол сказал, что им нечего опасаться Кикахи, потому что он просто не может здесь появиться. Неужели фон Тарбет и фон Свиндеберн стали бы искать этого мошенника на луне, если бы его там не было?

Кикаху удивило, что фон Тарбет по-прежнему обыскивал Корад. Даже ребенок мог догадаться, что два полумесяца в пещере исчезли не просто так. Но, возможно, главный Звонарь настолько уверовал в хитрость врага, что решил, будто Кикаха снова разыграл с ними трюк и, припрятав два полумесяца, остался на луне. И все же почему он считал, что у Кикахи есть причина оставаться там?

Кикаха расстроился и даже немного испугался. Неужели Анана тоже прошла через эти врата? И не ее ли сейчас преследовали Звонари? Такая возможность опечалила и обеспокоила его.

Немного подумав, Займатол согласился, что только Кикаха мог настроить против них толосов. Арсвурд ответил, что в таком случае у них есть еще одна причина избавиться от непрошеного гостя.

- Каким образом? — спросил Займатол.
- Да уж не отсиживаясь здесь, — ответил Арсвурд.
- Тогда иди и поищи его, — предложил первый.
- Я так и сделаю, — ответил второй.

Кикаха отметил, что их беседа велась слишком уж человечески. Возможно, Звонари действительно состояли из металлических труб и опилок, но они абсолютно не походили на машины со сборочного конвейера. Каждый из них имел различия в характере и свою особую индивидуальность.

Арсвурд пошел к двери, но Займатол попросил его вернуться. Он напомнил, что их долг требует воздерживаться от напрасного риска. Звонарей осталось так мало, что смерть еще одного в значительной мере уменьшит их надежду на

успех. И уже сейчас, вместо намеченного победного шествия, они вынуждены спасать свои жизни и бороться за выживание расы. Кто бы мог подумать, что простому лебляббю удастся нанести им такой урон и остаться при этом безнаказанным? А главное, Кикаха даже не властитель — он просто человек.

Займатол сказал, что им следует дожидаться возвращения их лидеров. Связь наладить не удалось, поскольку что-то мешало создать канал общения. Кикаха, конечно, знал, почему их попытки оказались безуспешными. Структура пространственно-временного поля этой вселенной создавала особые искажения, которые препятствовали передаче сообщений по радио или лазерному лучу. А если бы самолет или ракета попытались перелететь с планеты на луну, они рассыпались бы на части, попав в узкую зону на полпути между двумя небесными телами. Переходить с луны на планету и обратно можно было только с помощью врат.

Двое Звонарей перешли на личные вопросы. Двадцать девять из них погибли. Двое находились здесь, и еще по двое — во вселенных Нимстовла, Ананы и Юдубры. Займатол считал, что их надо вызвать на помощь. Но они поступят еще мудрее, если вообще покинут эту вселенную, запечатав все выходы и входы. Есть множество других миров — так почему бы не отказаться от одного из них навсегда? Если эта планета так дорога Кикахе, пусть заберет ее — пожалуйста. А они тем временем перебрались бы в безопасное место, где создали бы миллионы новых Звонарей. И тогда, через десять лет, они сметут властителей с лица галактики.

Но фон Тарбет, которого они называли Граумграсом, обладал сверхъестественным упрямством. Он наотрез отказался уходить из Многоярусного мира. И оба Звонаря имели по этому поводу одинаковую точку зрения.

Несмотря на храбрые заявления о том, что им надо выйти и найти пришельца, Арсвурд, в общем-то, не очень этого хотел, а вернее, и не думал выходить из зала. Тем не менее он хотел показаться храбрецом.

Они выглядели как обычные люди, и Кикаха не мог воспринимать их холодными, сверхлогичными и абсолют-

но безэмоциональными существами, описанными ему Ананой. Если исключить из их разговора несколько фраз, они могли бы сойти за двух солдат какой угодно страны или вселенной.

На какой-то миг он даже задумался: а нельзя ли урезонить Звонарей и что случилось бы, поселись они в этом мире, как другие существа?

Но жалость быстро прошла. Звонари предпочитали овладевать телами людей. Они не пожелали оставаться запертыми в своих металлических «колоколах». Наслаждения и преимущества плоти слишком соблазнительны. Нет, они не удовлетворятся тем, что останутся в матрицах. Они будут продолжать расчленять человеческие мозги и вселяться в тела, лишённые душ.

Войну необходимо довести до конца, то есть до тех пор, пока все Звонари или сам Кикаха не погибнут.

Кикаха вдруг почувствовал себя так, будто вся галактика легла ему на плечи. Если Звонари убьют его, они будут распространяться по всем направлениям, как раковая опухоль, и те немногие, кому довелось узнать об их целях, вскоре умрут. Но это его мир, и он не раз хвастался, что был самым счастливым человеком в двух вселенных. Лишь ему одному, единственному из землян, удалось перейти барьер между ними. И он любил эту планету больше, чем Землю. Он натворил здесь столько дел, сколько не мог сделать даже Вольф — властитель Многоярусного мира.

А теперь наслаждения и восторги ушли в прошлое; на их место пришла огромная ответственность, и он даже боялся подумать о ней, настолько она казалась невыносимой.

Однако для человека с таким грузом ответственности он действовал слишком безрассудно. Но именно поэтому Кикаха и оставался жив. Если бы он считал себя важной фигурой и прятался по кустам, как испуганный кролик, его бы давно поймали и убили. Хотя он мог бы убежать на уровень Оксана. Но тогда от него не будет никакого толку. И каким бы безрассудным он ни был, ему лучше оставаться верным своим принципам. Возомнив о себе

нечто, он станет частью прошлого, а Звонари превратятся во владык настоящего и будущего. И посему — будь что будет.

Кикаха подключился к третьему снаряду, провел его вдоль стены и оставил над двойной дверью. Положив маску и пульт рядом с собой, он объяснил До Шаптарпу план предстоящих действий. Тевтон посчитал идею сумасшедшей, но от спора воздержался — сам он ничего придумать не мог. Они подняли толоса и поволокли пятисотфунтовое тело вверх по ступеням. Протащив его по центру коридора между определителями поля, они поставили его на ноги и прислонили к дверям, после чего торопливо и осторожно вернулись на нижний этаж.

Быстро осмотревшись, Кикаха надел маску. Он опустил снаряд, нацелил его в бок стоявшего толоса и запустил мини-ракету в шлем робота. Удар вывел снаряд из строя, поэтому Кикаха не видел результат столкновения. Переключив управление на следующую мини-ракету, он расположил ее над дверью. Толос упал именно так, как Кикахе хотелось. Голова и тело вошли в зону действия датчиков. А значит, в центре управления сейчас дико ревела сирена.

Он ждал, пока у него не лопнуло терпение. Двери не открывались. Какое-то время Кикаха продолжал контролировать снаряд, расположенный над входом, затем неохотно опустил его на пол и переключился на «телеглаз» внутри центра управления. Он видел лишь провода и заднюю панель главного пульта, но в наушниках не раздавалось ни звука. Однако Кикаха знал, что сирену уже отключили. Кикаха включил звук на полную громкость. Но Звонари молчали и не подавали признаков жизни.

Кикаха переключился на снаряд около дверей. Те были закрыты, поэтому он вновь сосредоточился на «телеглазе» за большим компьютером. Но в центре управления стояла гробовая тишина.

Что же происходит? Неужели они решили сыграть в игру «у кого первым сдадут нервы»? Может быть, они вынуждают его решиться на атаку?

Кикаха направил снаряд к стене, а затем медленно поднял его почти к потолку. Пространство впереди про-

смаatrивалось только на фут, а дальше изображение становилось нечетким. Он хотел провести снаряд под потолком и резко опустить его у кресел перед компьютером. Кикаха надеялся увидеть Звонарей до того момента, как они заметят снаряд. Дело в том, что мини-ракеты иногда использовали для убийства, разогнав до скорости пули. Однако из-за ограниченных возможностей «телеглаза» ему требовалось приблизить снаряд почти вплотную к врагу, и Звонари могли увидеть его, несмотря на идеальную прозрачность. Если кто-то из них закричит, Кикаха по звуку определит его местонахождение и направит мини-ракету в противника еще до того, как тот собьет ее лучом. В общем, шансы на успех казались неплохими. Оставалось воплотить мечты в реальность.

Он опустил снаряд к тому пульта, за которым прятал его раньше. Мини-ракета снизилась почти до пола, но в поле зрения так ничего и не попало. Кикаха поднял «телеглаз» и сделал несколько кругов, все больше расширяя зону поиска. Звонари исчезли. Конечно, они могли заметить снаряд и на время спрятаться за консолями с аппаратурой. Однако это не имело смысла, если только Звонари не хотели отвлечь внимание оператора, управлявшего снарядом. Они могли покинуть комнату и отправиться на его поиски. Даже не зная, как именно работает снаряд, эти парни, очевидно, догадались, что зона управления ограничена и что оператор находится где-то рядом.

Кикаха велел До Шаптарпу усилить бдительность и не забыть воспользоваться нейтронными гранатами, если представится такой случай. Он ждал появления Звонарей на лестничной клетке. Однако враги появились с другой стороны. Не успел он закончить свои инструкции, как баронет закричал. Кикаха так испугался, что взмахнул руками. Маленький пульт управления взлетел в воздух. Кикаха тут же отпрыгнул в сторону и, срывая маску с головы, несколько раз перекувырнулся, чтобы сбить прицел врага. Он не знал, почему закричал тевтон, но времени на выяснение не оставалось. Кикаха не собирался подставлять себя под огонь противника.

Луч прошел рядом и прожег ковер. Стреляли из дальнего конца коридора, а этого он не ожидал. Звонарь снова

выглянул из-за угла и прицелился в Кикаху. К счастью, До Шаптарп выстрелил первым, и противник, пальнув наугад, быстро отпрянул назад. На большом расстоянии эффективность лучемета заметно снижалась. На короткой дистанции он мог расплавить двенадцатидюймовую пластину и за долю секунды прожечь желудок человека. Но на таком расстоянии луч мог нанести лишь ожог третьей степени или, попав в глаза, ослепить.

До Шаптарп вернулся на нижние ступени лестницы и укрылся за грудой обугленных тел. Кикаха побежал по коридору в противоположном направлении, заподозрив, что его будут сейчас атаковать из-за ближнего поворота. Тактика Звонарей проявлялась. Один из них покинул центр управления для того, чтобы нанести удар с фланга. Он прошел через ворота, попытался застать врагов врасплох и вновь отступил куда-то еще. Другой же, скорее всего, отправился на луну, чтобы позвать на помощь других Звонарей.

Кикаха выругался и побежал к брошенной маске и пульту управления. Звонарь в дальнем конце коридора высунул голову у самого пола и выстрелил в До Шаптарпа. Тот открыл ответный огонь. Кикаха тоже присоединился к атаке, хотя его позиция по сравнению с тевтоном оказалась намного хуже. Звонарь отскочил прежде, чем лучи пересекли угол. На ковре из негорючего материала появились две оплавленные полосы.

Три гранаты остались около баронета, и бежать за ними не было времени. Кикаха схватил маску и пульт, развернулся и помчался по коридору. Он по-прежнему ожидал нападения из-за ближнего угла. Чувство опасности стало настолько сильным, что он приготовился прыгнуть в первую попавшуюся дверь. И когда до поворота остались две дверные ниши, Кикаха увидел голову, появившуюся из-за угла. Он выстрелил. Луч проплавил черту на ковре и чиркнул по углу. Очевидно, Звонарь успел убрать голову. Прижимаясь спиной к нише, Кикаха направил луч вдоль стены, надеясь, что часть энергии от ricochetит или обожжет того, кто скрывался за углом. Услышав крик, он понял, что кого-то напугал, а возможно, и подпалил.

Кикаха усмехнулся и ввалился в дверь, не дожидаясь, пока тот же трюк разыграют с ним Звонари. В общем-то, радоваться было нечему, но он не мог удержаться от смеха, еще раз обманув врага.

Глава 21

Комната, в которой он укрылся, оказалась сравнительно небольшой и походила на сотни других помещений дворца, которые в основном служили для хранения бесценных произведений искусства. Однако в интерьере чувствовались вкус и какая-то неосязаемая теплота, словно в ней действительно жили люди или, по крайней мере, часто заходили сюда.

Кикаха быстро осмотрелся в поисках врат. Вольф оснастил дворец таким количеством тайных переходов, что и сам порою забывал о некоторых из них. Они имелись почти во всех помещениях. Однако, не заметив ничего подходящего, Кикаха решил поверить глазам, а не рассудку. В данный момент он мог полагаться только на свои чувства и инстинкты.

Кикаха вздохнул и с большой неохотой надел маску. Она не давала ему видеть и слышать то, что происходило в коридоре. Он переключился на снаряд в центре управления. Тот все еще находился в воздухе и кружил под потолком в соответствии с последним приказом. Не обнаружив ни одного Звонаря, Кикаха переключился на «телеглаз» за двойными дверями и провел его вниз по лестничному пролету. Чем ближе мини-ракета подлетала к нему, тем лучше становилась передача звука и изображения.

До Шаптарп отражал атаки Звонаря в дальнем конце коридора. А значит, реальную угрозу сейчас представлял только тот, кто находился за ближним поворотом. Кикаха направил снаряд к потолку и повернул его за угол коридора. Там стояли трое Звонарей, и у каждого имелся ручной лучемет. Лицо одного из них покраснело, как после загара. Чуть дальше к ним приближались еще двое, толкая перед собой гравитационные сани с огромным дальнобойным лазером. Его луч, посланный за угол, отражаясь и

рикошетируя от стен, держал бы Кикаху на расстоянии. Пользуясь этим, остальные Звонари обстреляли бы его из ручных лучеметов. А потом, под прикрытием огня, они затащили бы большой лазер за поворот, и его мощности хватило бы на всю длину коридора. Он сжег бы все на своем пути.

Кикаха не колебался. Увеличив скорость, он направил снаряд к правому Звонарю, который толкал этот огненный молот. Изображение смазалось от скорости, и через миг экран почернел. Мини-ракета вошла в тело Звонаря или, попав во что-то твердое, разрушилась от удара. Отвязав контейнер от спины и поставив его рядом с собой, Кикаха вытащил еще один снаряд. Он выпустил его из комнаты и повел около потолка. Внезапно в коридор из-за угла выпрыгнул Звонарь. Он кричал и стрелял во все стороны, надеясь привести в замешательство противника. Увидев снаряд, Звонарь вскинул ствол лучемета, и Кикаха, направив на него «телеглаз», нажал на кнопку максимального ускорения. Изображение почернело. Снаряд вонзился в тело или разбился о стену. Впрочем, Звонарь мог расплавить его лучом.

Кикаха не рискнул выпускать следующий снаряд. Если Звонарь избежал смерти, теперь он будет заглядывать в каждую дверь, выискивая оператора снарядов. И возможно, он уже позвал на помощь остальных.

Кикаха снял маску и, сжимая в руке лучемет, подскокил к двери. Он оставил ее открытой, чтобы лучше управлять снарядами, и в какой-то мере это сыграло сейчас ему на руку. Противник наверняка будет осматривать сначала комнаты с закрытыми дверями.

Приблизившись к косяку, он столкнулся лицом к лицу со Звонарем. Кикаха держал лучемет на уровне груди. Увидев плечо мужчины, он нажал на курок, и Звонарь тут же почернел. Разорванная до костей плоть шипела и дымилась. Белки глаз стали темно-коричневыми, а затем водянистая жидкость глазных яблок закипела. Волосы вздыбились в зловонном пламени, белые зубы обуглились, губы раздулись и лопнули. Уши обвисли, свернулись и сжались в хрящеватые трубочки. Огнеупорная одежда плавила и сползала слоями на пол.

Все это произошло за четыре секунды. Захлопнув дверь, Кикаха нажал пластину автоматического замка, подбежал к окну и отключил защитное энергетическое поле. Решив не оставлять врагу столь опасного оружия, он выбросил коробку со снарядами в пропасть, привязал веревки к стойке комода и вылез на карниз. Внизу зияла бездна в сто тысяч футов. Эта часть дворца выступала над краем монолита. При желании Кикаха мог бы одним взглядом окинуть половину площади Атлантиды. Отогнав от себя мысль о долгом и долгом падении, он сконцентрировал внимание на небольшом выступе в шести футах ниже веревки. Кикаха скользнул вниз, повис на самом кончике тонкого каната и немного качнулся вперед. Когда его понесло к стене, он отпустил веревку, упал на выступ и обеими руками ухватился за край подоконника. Слегка подогнутые колени находились в опасной близости от невидимого силового поля.

Держась одной рукой за раму, он снял рубашку, наматал ее на ладонь и запястье, а потом вытащил нож. Отклонив голову подальше от окна и закрыв глаза, он медленно приблизил лезвие к раме. Силовое поле, активированное ножом, должно было вызвать мощную вспышку, которая могла прожечь не только ткань рубашки, но и руку. К тому же нож могло отбросить с такой силой, что рывок вывел бы его из равновесия и сбросил с карниза.

Но Кикаха надеялся, что поле останется невключенным. Это казалось почти невероятным. Вольф перед уходом запустил в действие все охранные устройства и ловушки. А если он что-то и забыл, то Звонари, конечно же, исправили его упущения.

Вспышка пронзила веки. Пламя лизнуло лицо, бедра, голые колени и ступни. Нож дернулся в руке, но Кикаха удержал его в зоне поля. Одежда задымилась и вспыхнула. Кисть и запястье будто сунули в духовку.

Он прыгнул в окно и упал на пол. После каждой вспышки защитному полю требовалась двухсекундная пауза для перезарядки, и Кикаха надеялся проскочить через окно за это время. Расчеты не подвели его, он остался жив, однако рубашку прожгло насквозь, рука почернела и начала покрываться волдырями. Вместо ножа на полу лежа-

ла скрученная полоска раскаленного металла. При других обстоятельствах Кикаху обеспокоили бы полученные ожоги, но теперь его могли остановить только очень серьезные ранения. Или смерть.

В тот же миг мимо окна пронесся канат с дымившимся концом. Луч лазера, прожигая дверь, перерезал веревку. А значит, скоро Звонари начнут охотиться за ним на нижних этажах. Что же касается бедняги До Шаптарпа, то ему лучше позаботиться о себе самому — причем как можно быстрее. Чтобы освободить путь на лестницу, дальнобойный лазер используют сначала против тевтона. И если у него хватит ума убраться с лестницы, он заставит Звонарей поделить свои силы.

Кикаха выглянул из-за угла и, никого не увидев, побежал по коридору. Приблизившись к лестничной клетке и перед тем как проскочить мимо нее, он осторожно взглянул вверх и вновь не заметил ни одного Звонаря. Добежав до конца коридора, он спустился по длинной лестнице, свернул в следующий переход и миновал зал с ретропсихическими зеркалами. Рядом находились кабины лифтов, но Кикаха побоялся ими воспользоваться. Звонари могли оснастить их бомбами-ловушками или, по крайней мере, телекамерами. Кикаха направлялся в комнату, где находились тайные ворота, которые он приберегал на самый крайний случай. Теперь этот случай настал. Его вот-вот могли загнать в угол, и ему хотелось быть поближе к спасительным воротам.

Оказавшись в комнате, он распотрошил стул и вытащил из набивки сиденья заветный полумесяц.

Другая половинка находилась под основанием массивного пьедестала. На вид статуя весила около полутонны, однако пьедестал легко сдвигался с места. Кикаха сунул оба полумесяца за пояс и покрепче подтянул ремень. Половинки мешали двигаться, но служили страховкой, стоившей любых неудобств.

Во дворце имелись тысячи спрятанных полумесяцев и многие тысячи нигде не отмеченных врат. Конечно, ими мог воспользоваться и враг, но неосведомленный человек не знал, что ждет его на другом конце пути. Даже Вольф не помнил, где они все спрятаны и каково их место на-

значения. Информация о них имелаь в кодовом регистре, но этот особый прибор хранился в центре управления.

Кикаха выбежал из комнаты, но не сделал и пары шагов, как в дальнем конце коридора появился Звонарь. Другой выглянул из-за угла на противоположной стороне у лестничной клетки. Очевидно, его появление на этом этаже заметили на мониторах, и Звонари явились сюда в надежде поймать или убить заклятого врага. У них даже хватило ума обойти его с флангов и отсечь путь к отступлению.

Подбежав к окну, Кикаха деактивировал силовое поле и взглянул вниз. Выступ карниза находился в пятидесяти футах под ним, но ему не на чем было спуститься туда, и он не хотел усмирять еще одно оконное поле, если только в этом не возникнет абсолютной необходимости. Кикаха вернулся к двери, высунул лучемет и наугад выстрелил в обоих направлениях. Послышались крики, но они доносились издали, и он понял, что ни в кого не попал. Взглянув на закрытую дверь комнаты напротив, Кикаха решил пересечь коридор и найти лучший путь для бегства. Но потом он подумал, что дверь может оказаться запертой и тогда его накроют огнем с двух сторон. У Звонарей появится хорошая возможность подстрелить его и прожарить ему пятки до костей.

Однако для сожалений не оставалось времени. Если бы Кикаха не задержался, доставая полумесяцы, он мог бы сбить погоню со следа. А теперь его просто-напросто загнали в угол. Ему ужасно не хотелось использовать врата — они вели в Таланах, и он знал, как трудно будет возвращаться во дворец второй раз. К тому же До Шартарп оставался один. Однако, несмотря на жалость и угрызения совести, он ничем не мог помочь ему.

Кикаха сложил из двух полумесяцев круг. Когда он выпрямился, в дверь влетела граната. Отскочив от стены, она прокатилась пару шагов и завертелась как юла. Их разделяло тридцать футов, а это означало, что он оставался вне досягаемости смертельного облака нейтронов. Но вскоре сюда влетят и остальные гранаты, оставленные им у груды поверженных голосов. А возможно, у Звона-

рей есть свой запас подобного оружия. Наконец, они могли принести на этот этаж большой лазер.

Кикаха вздохнул. Он знал, что бессмысленно оттягивать неизбежное, иначе Звонари лишат его и этой, последней, возможности.

Глава 22

Кикаха шагнул во врата и оказался в храме Таланака. Здесь же находились Анана, рыжебородые и несколько тишкветмоаков. Они стояли у стены и о чем-то говорили. Увидев его, воины отступили на шаг и закричали. Многие из них выглядели испуганными. Кикаха хотел шагнуть вперед, но они исчезли.

Над ним простиралось беззвездное небо. С запада на восток по небосклону мчался небольшой сияющий объект, и еще один медленнее плыл в другом направлении. Над головой ярким пятном висела накренившаяся масса «Пизанской» башни. Вдали, отражая свет планеты, сверкали мраморные здания Корада. В ста ярдах от него находились несколько воинов из взвода дракландских солдат, которые заметили, что кто-то появился во вратах. Над холмом завис темный продолговатый объект, в котором он узнал самолет Звонарей.

Потом все исчезло. Он стоял в пещере около десяти футов в ширину и восьми футов в высоту. Солнце ярко сияло в зубчатом отверстии входа. В отдалении росло гигантское, странно изогнутое дерево с огромными пурпурными листьями в форме шестиугольников. За ним виднелись какие-то ярко-красные кусты и зеленый виноградник, который тянулся вверх без всяких опор, словно ряды веревок, поднятых в воздух музыкой индусского факира. За ними проглядывала тонкая голубая линия с белой нитью, вслед за которой тянулась черная полоса — море, прибой и песчаный пляж.

Кикахе приходилось бывать здесь прежде. И он узнал одни из врат, которые несколько раз использовал для спуска на самый нижний уровень планеты — уровень Сада.

Оцепенение улеглось, и Кикаха понял, что попал в резонансный кругооборот. Кто-то из его врагов включил

устройство, которое ловило в западню человека, вступившего в любые врата данного контура. Краткая активация врат не позволяла пойманной жертве выйти за пределы круга. И если бы Кикаха попытался сделать шаг, его разрезало бы пополам — одна часть вылетела бы из врат, а другая отправилась бы к следующему кругу полумесяцев.

Пещера исчезла, и он оказался на вершине горного пика, который окружали такие же крутые скалы. Вдали, в жерле узкого бокового ущелья, проглядывало что-то похожее на Великие прерии. Скорее всего, он видел огромное стадо бизонов, бурлившее на коричневато-зеленой степи, как черное море. Над головой парил ястреб. Увидев человека, птица издала пронзительный крик. Кикаха знал, что этот вид ястребов, с изумрудно-зеленым хохолком и спирально закрученными на ногах перьями, встречался только на ярусе Американдии.

Горы пропали, и он снова оказался в пещере. По размерам она намного превышала пещеру в Саду, и внутри царил прохладный полумрак. К полумесяцам врат крепились провода, которые, пробегая по пыльному полу, скрывались за огромным камнем в двадцати футах от него. А значит, где-то сейчас звучал сигнал тревоги. У дальней стены виднелся шкаф с открытыми дверцами. На полках лежали приборы и оружие различных видов. Кикаха вспомнил эту пещеру. Как странно, что именно здесь кто-то создал резонансное кольцо. Пока Кикаха никого не видел. Но вскоре, услышав звон тревожной сигнализации, его ловец придет взглянуть на пойманную жертву.

Пещера исчезла, и он оказался в помещении из каменных плит, которые покосились в одну сторону, будто их толкнула гигантская рука. В проломе потолка сияло ярко-зеленое небо и виднелась часть тонкого черного монолита. Кикаха понял, что попал в разрушенный храм на уровне Атлантиды. А эта черная каменная колонна, возносясь на сотню тысяч футов, поддерживала дворец властителя вселенной.

Внезапно он перенесся туда, откуда начал свое невольное путешествие. Кикаха вновь вернулся в комнату дворца, и двое Звонарей, ошеломленно взглянув на него, попыта-

лись поднять лучеметы. Он выстрелил первым, так как знал, что ему придется воспользоваться оружием. Луч рассек их тела.

Тридцать четыре долой. Осталось шестнадцать.

Комната исчезла. Анана и таюды стояли у врат. Кикаха крикнул ей:

— Резонансный кругооборот! Я пойман!

А потом он оказался на луне. Самолет немного приблизился и начал опускаться на склон холма. Если Звонари, сидевшие в кабине, еще не заметили мелькавшей во вратах фигуры, они увидят его на следующем круге или чуть позже. И им останется лишь навести на это место лазерный луч и подождать, пока он не появится снова.

Несколько дракландских солдат метнулись к Кикахе; другие натянули тетиву арбалетов. Кикахе не хотелось привлекать внимание Звонарей, и на этот раз он воздержался от стрельбы из лучемета.

Его перебросило в пещеру Сада. Чуть позже он оказался на вершине горного пика и очень испугался, потому что в момент его появления в плоскость врат влетел ястреб. Птица взбесилась от ужаса. Крикнув, она вцепилась ему в грудь и запустила в тело когти. Защищая лицо, Кикаха выставил вперед руку и почувствовал острую боль, когда ястреб клюнул его в локоть. Он отпихнул птицу от себя, и та, ослабив хватку, вырвала из груди человека кровавые клочья кожи и мяса. Ястреб вылетел из круга, и Кикаха раскрыл рот от удивления. Птица осталась цела. Ей лишь отсекло перья на кончике одного крыла, и все. Ястреб вылетел за границу поля как раз в момент очередной активации врат. Но он вылетел из круга уже в пещере на уровне Дракландии.

Такого точного, до крохотных долей секунды, совпадения не рассчитаешь и на компьютере.

В тот же миг в пещеру ввалился необычайно толстый человек. В одной руке он держал мертвого полуобгоревшего кролика, а в другой — лучемет. По-видимому, он знал, что здесь скоро появится мужчина или женщина — об этом говорило нацеленное оружие. Но он не ожидал, что ему в лицо вопьются когти и клюв кричащей от ярости птицы.

Выронив кролика и лучemet, Юдубра вытянул руки перед лицом, но Кикахе не удалось увидеть остального. Он оказался в развалинах храма Атлантиды. Кикаха присел и изо всех сил подпрыгнул вверх, стараясь, чтобы ни одна часть тела не вышла за границы круга. На пике прыжка он оказался в дворцовой комнате. Однако этот маневр, предназначенный для того, чтобы избежать лазерного луча, который могли направить в круг, ему не пригодился. Два обутленных Звонаря лежали на полу. Их одежда все еще горела. Комнату наполнял запах паленой плоти. Кикаха не мог понять, что здесь произошло. В прошлый раз он едва задел Звонарей лучом, а тут вдруг такая картина, будто их жгли на сковородке. Однако на следующем круге в комнату могли ворваться другие Звонари. Вряд ли они будут знать о происходящем больше него, но эти парни не так и глупы. Звонари поймут, что убийца вошел во врата, а затем быстро вернулся. И они будут ждать его.

Кикаха перенесся в храм Таланака. Анана исчезла. Жрец Витрас закричал ему:

— Она прыгнула во врата! И тоже попала в ловушку...

Кикаха оказался на луне. Самолет приблизился еще больше, но его скорость не возросла. Внезапно на носу летательного аппарата вспыхнул прожектор, и луч света помчался по скалам в направлении врат. Очевидно, Звонари заметили бежавших к нему солдат или увидели стрелков, которые целились в круг врат из арбалетов. Они включили прожектор, чтобы узнать причину суматохи.

Раздался свист; арбалетчики выпустили стрелы. Но Кикаху унесло в пещеру на уровень Сада. Небольшая остановка, и под ногами вновь возникла плоская вершина горного пика. Он осмотрел израненную грудь и кровоточащую руку. Эти раны — еще цветочки по сравнению с тем, что ожидало его впереди. Боль почти не беспокоила. Куда больше его волновала безысходность ситуации и неизбежная смерть. Слишком уж много стрелков — и Звонари, и этот мужчина в пещере. Толстяк, избавившись от ястреба, мог спрятаться за камнем и расстрелять Кикаху, как только тот появится во вратах. Хотя, возможно, он захочет взять его в плен.

На полу пещеры лежали почерневшие трупы ястреба и толстяка. Ноздри заполнил запах перьев и горелого мяса. Этому могло быть только одно объяснение: их сразила Анана, которая перемещалась впереди него по замкнутому контуру пространственных врат. Очевидно, она застигла Юдубру врасплох, когда тот сражался с птицей.

По правде говоря, Кикаха не верил, что она влюблена в него. Но теперь все сомнения отпали прочь. Спасая его, Анана рисковала жизнью и делала это по собственной воле. Она не стала тратить время на расчеты и без всяких раздумий вбежала во врата. А кому, как ни ей, знать о том, во что превращается тело, рассеченное пространственным полем. Она могла остаться невредимой только в том случае, если бы вошла во врата точно после их активации. И все же Анана не стала ждать. Увидев появление и исчезновение Кикахи, она решила действовать на свой страх и риск.

«А на такое способна только влюбленная женщина», — подумал он.

Когда перед ним материализовались развалины Атлантиды, Кикаха выпрыгнул наружу. Он упал на пол в комнате дворца, но не обошлось без ранений. Боль впиалась в пятку, словно голодная крыса. Часть кожи на ноге срезало деактивирующим полем.

Внезапно перед ним возникла фигура. Анана!

— Какие-нибудь предметы! — закричала она. — Бросай их в круг...

И ее фигура исчезла.

Ему не пришлось ломать голову над тем, что она хотела сказать. Во время скачек по кругу врат он в глубине души надеялся, что Анана додумается до этого. Для остановки резонансного кругооборота обычно использовались два варианта — либо отключалось активирующее устройство, либо в пустые врата помещались какие-нибудь массивные предметы. При заполнении всех врат кругооборот останавливался.

Конечно, несведущий человек попытался бы рассоединить два полумесяца, но это ни к чему бы не привело. Резонансный кругооборот обеспечивал мощное магнитное притяжение двух половинок, и нарушить его могли лишь

некоторые особые устройства, которые хранились в оружейной комнате дворца.

С тревогой посматривая на дверь, Кикаха подтащил к воротам тело ближайшего Звонаря. Он отсчитывал секунды, пытаясь определить момент появления Ананы на следующем круге. И пока он считал, во воротах появлялись и исчезали различные предметы — бочка, разрезанный до пояса торс дракландского солдата, половина большого сундука с рассыпавшимися сокровищами, тяжелая статуя из жадеита и безголовый, безногий, почти бескрылый труп зеленой орлицы.

Его охватило беспокойство. По-видимому, таоды выполнили приказ, который Анана дала им перед тем, как прыгнуть во врата. Они бросали в магический круг все, что им попадалось под руки. Но кругооборот мог остановиться в тот миг, когда она окажется на луне, и если это произойдет, ее наверняка поймают или убьют.

Он хотел было втолкнуть тело Звонаря в круг серебряных полумесяцев, но там появилась Анана. И никуда не исчезла. Кикаха так обрадовался, что едва не перестал присматривать за дверью.

— Ты держишь удачу за хвост! — воскликнул он и, испугавшись, что его могут услышать в коридоре, тихо добавил: — Нам невероятно повезло, что ты вышла из кругооборота здесь, а не где-то еще! Я...

— Дело не в везении, — ответила Анана. Она вышла из врат, обняла его и поцеловала в губы. В любое другое время он бы с ума сошел от восторга, но теперь егохватило лишь на слабую улыбку.

— Потом, Анана. Сейчас нас ждут Звонари!

Она отстранилась и сказала:

— Через несколько секунд появится Нимстовл. Не стреляй.

В круге врат возник небольшой мужчина. Один луче-мет он держал в руке, другой торчал у него за поясом; в ножнах виднелась рукоятка кинжала, на плече болталась свернутая кольцом веревка. Кикаха отошел от двери и направил луче-мет на Нимстовла.

— Прекрати, — произнес властитель. — Я ваш союзник.

— До каких пор? — спросил Кикаха.

— Я хочу только одного — вернуться в свой мир, — ответил Нимстовл. — Меня уже мутит от этих убийств и метаний на острие смерти. Именем Шамбаримена я клянусь, что мне хватит и одной вселенной.

Кикаха ему не поверил, но решил примириться с присутствием Нимстовла до тех пор, пока не умрет последний Звонарь.

— Я не знаю, как выбраться отсюда, — сказал он двум властителям. — По моим расчетам, там, за дверью, нас ждут Звонари. По каким-то причинам они медлят с атакой, но у них есть большой лазер. И они в любую минуту могут выстрелить сюда, прожарив нас до мозга костей.

Частично догадываясь о приключениях Ананы, он попросил ее рассказать, что с ней произошло. Она ответила, что ловушку с вратами придумал Юдубра, но его, очевидно, застрелил тот, кого он поймал. Войдя в пещеру, Нимстовл обнаружил своего партнера мертвым. Устав скрываться и жить, как беглый раб, он решил рискнуть и прорваться в свой мир. Кроме того, как и любого властителя, его сжигала ненависть к Черным Звонарям. Увидев в створе пространственных врат Анану, он выключил резонирующее устройство, и через несколько секунд они перенастроили прибор с таким расчетом, чтобы проникнуть во дворец. И вот тогда Анана увидела Кикаху.

— Ты хочешь сказать, что мне не надо было рисковать? — спросил он. — А я-то, чудак, прыгал! В общем-то, все обошлось, если не считать кожи на пятке.

— Но ты же ничего не знал о наших планах, — успокоила его Анана. — Мне жаль тебя разочаровывать, но твой риск действительно оказался напрасным. Ты мог бы выйти из врат чуть позже, не подвергая себя опасности!

— В любом случае ты бросилась мне на помощь, — сказал он. — А это для меня самое главное.

Она заботливо осмотрела Кикаху. Его тело покрывали ожоги и кровоточащие раны. На пол капала кровь. Анана вздохнула и отвернулась. Она ничем не могла ему помочь, пока они не найдут какие-нибудь медикаменты. Эти препараты находились довольно близко, но, чтобы добраться до них, следовало выйти из комнаты.

Кто-то должен был осмотреть коридор. Нимстовл от- казался жертвовать своей головой, а Кикаха не хотел ри- сковать жизнью Ананы. Поэтому вылазку ему пришлось взять на себя. Вместо ожидаемого лазерного луча он уви- дел пустой коридор. Позвав за собой обоих властителей, Кикаха повел их в комнату, которая располагалась на чет- верть мили дальше по коридору. Здесь он продезинфици- ровал свои раны и ожоги, наложил на них псевдоплоть и выпил лекарство, которое снимало боль и ускоряло вос- полнение крови. Обсуждая дальнейшие планы, они напи- лись воды и как следует перекусили.

Однако каждый из них понимал, что разговорами делу не поможешь. Чтобы придумать толковый план, снача- ла предстояло выяснить, куда подевались Звонари.

Глава 23

Так никого и не встретив, они подошли к огромной лестнице, по которой Кикаха хотел пробраться к центру управления. Одолев пару пролетов, они увидели на сту- пенях мертвого Звонаря с обгоревшими ногами. За обуг- лившимся диваном лежал еще один. У него обгорел бок, но, судя по степени ожога, энергию луча в основном по- глотила баррикада из мебели. И этот Звонарь еще дышал.

Кикаха осторожно приблизился к нему и, убедившись, что рана действительно серьезна, опустился на колени. Он хотел похлопать его по щекам, чтобы привести в чув- ство, а затем допросить. Но едва Кикаха приподнял голо- ву Звонаря, тот открыл глаза.

— Лувах! — воскликнула Анана.— Это Лувах! Мой брат! Это один из моих братьев! Но как он сюда попал? Каким образом...

Она подняла предмет, который нашла за диваном сре- ди обломков мебели. Прекрасная вещь из серебристого металла напоминала по форме рог африканского буйвола и не превышала в длину двух с половиной футов. С одной стороны она плавно переходила в широкий раструб, а на другой виднелся мундштук из какого-то мягкого золоти- стого материала. На гладкой поверхности располагался ряд небольших кнопок.

Кикаха узнал рог Шамбаримена. Восторг и надежда рывком подняли его на ноги.

— Вольф вернулся! — закричал он.

— Вольф? — удивленно спросила Анана. — Ах да, Ядавин! Вполне возможно. Но как здесь оказался Лувах?

При нормальных обстоятельствах Лувах выглядел бы довольно привлекательным. Благодаря носу с горбинкой, широкой верхней губе, веснушкам и темно-синим глазам он легко мог бы сойти за ирландца.

— Поговори с ним, — сказал Кикаха. — Может быть, он... Анана опустила на колени перед братом и что-то зашептала ему на ухо. Он, видимо, узнал ее. Однако выражение его лица могло означать что угодно.

— Лувах в таком состоянии, что не помнит меня, — сказала Анана. — А возможно, он просто боится. Наверное, он думает, что мы собираемся его убить. Вспомни, я же властительница.

Кикаха сбегал в зал, где журчали веселые струи фонтана, и принес целый кувшин воды. Лувах жадно напился. А потом шепотом рассказал Анане свою историю. Через несколько минут она поднялась на ноги и сообщила полученные сведения.

— Его заманил в ловушку наш отец Уризен. Вернее, Лувах так считал до какого-то времени. На самом деле все организовала Вала — наша милая сестра. Он и Ядавин, то есть Вольф, стали друзьями. Вольф и его женщина Хriseида тоже попались в ловушку вместе с остальными моими братьями и кузенами. Лувах говорит, что эта история слишком долгая, чтобы ее теперь рассказывать. Одним словом, в живых остались только он, Вольф и Хriseида. Они вернулись сюда с помощью рога. Он, как ты знаешь, может воспроизводить резонанс любых врат, если только те не переключаются наугад.

Им удалось вернуться в тайную комнату, которая соединялась с центром управления. Вольф проверил через мониторы главный зал и, ничего там не обнаружив, переключился на несколько других видеокамер. В коридорах и на лестницах они увидели обгоревшие тела людей и толосов. Однако им и в голову не приходило, что эти люди — Черные Звонари. И, даже заметив на их спинах ран-

цы с матрицами, они какое-то время не догадывались о главном. Да и что в этом удивительного? Ведь прошло десять тысяч лет. Вольф и Хрисеида прошли через ворота в центр управления, а Луваха отправили для подстраховки в комнату этажом ниже. Если бы кто-то напал на них в центральном зале, Лувах мог бы нанести удар по тылам противника.

— Да, Вольф не дурак, — согласился Кикаха.

Его немного удивило, что Вольф не обнаружил живых Звонарей. Впрочем, дворец был так велик, что Вольф мог бы несколько дней осматривать комнаты. А ему, очевидно, не терпелось отдохнуть после горьких и опасных испытаний. Он так обрадовался, попав домой, что погорячился и поддался спешке. К тому же центр управления и прилегавшие коридоры оказались в тот момент безлюдными.

— Лувах сказал, что поднялся по лестнице и хотел уже присоединиться к Вольфу, как в центр управления неожиданно ворвались два человека. Они прошли через большие ворота, установленные погибшими пришельцами. Эти Звонари несли с собой дальнобойный лазер, а за ними валила толпа людей, нагруженных частями разобранного самолета.

— Фон Тарбет и фон Свиндеберн! — вскричал Кикаха.

— Скорее всего, — ответила Анана. — Они знали, что случилась какая-то неприятность. Об этом говорило твое появление во воротах на луне, а затем и мой вояж. Они оставили свои поиски и решили вернуться сюда...

— Ты рассказывай, а я понесу Луваха, — произнес Кикаха. — Надо перетащить парня в комнату, где мы можем излечить его ожог.

Нимстовл прикрывал их тыл, а Анана следила за тем, что происходило впереди. Они перенесли потерявшего сознание Луваха в ту комнату, где Кикаха недавно лечил свои раны. Он ввел в вену раненого противошоковое средство и восстановитель крови, а затем наложил полоски псевдоплоти.

Тем временем Анана продолжала рассказ.

Два лидера Звонарей ожидали любого подвоха и хорошо подготовились. Они открыли огонь из большого лазе-

ра. Вольфу и Хрисеиде пришлось прятаться между огромными пультами и консолями. Лувах укрылся у входа за массивной стойкой с приборами. Два Звонаря продолжали вести плотный огонь, пока им на помощь не подоспели солдаты. И еще с ними было существо, которое показалось Луваху странным. По его описанию Анана узнала Подаргу. Лувах видел ее не больше секунды, но она, скорее всего, находилась в бессознательном состоянии. Ее тащили на себе несколько воинов.

— Подарга! — закричал Кикаха. — А я думал, что она воспользовалась воротами в пещере и покинула луну. Интересно, кто же тогда... Ну надо же!

Несмотря на серьезность ситуации, он не удержался от радостного смеха. Как видно, она прошла через ворота в пещеру на уровне Атлантиды. Там тоже имелось шесть или семь врат, отмеченных иероглифами уровней, на которые они якобы переносили того, кто воспользуется ими. Тем не менее надписи лгали, но об этом знали только Вольф, Кикаха и Хрисеида. Конечно, гарпия воспользовалась полумесяцем Американдии, пожелав оказаться поближе к дому. И вновь вернулась на луну — в ту же самую пещеру.

Но почему там осталось только четыре полумесяца, когда при ее возвращении число половинок увеличилось до пяти?

Подарга всегда отличалась хитростью и коварством. Возможно, она бросила что-то во врата, оставив в пещере только четыре полумесяца. И раз уж До Шаптарп не упоминал о детенышах огромной белой обезьяны, она, по всей вероятности, послала их вместо себя. Но почему она не попробовала какую-нибудь другую половинку врат? Ответ очевиден — она решила, что Кикаха использовал единственно полезный полумесяц. Впрочем, кто знает, какие мысли бродили в голове безумной птицы-женщины? Она предпочла остаться на луне. И именно за ней охотились Звонари в развалинах Корада, когда Кикаха увидел их во время путешествия по вратам резонансного контура.

Появившиеся солдаты открыли огонь из лучеметов, и Луваху пришлось выбежать из центра управления. Этот эпизод его рассказа обеспокоил Кикаху. Почему Звонари

доверили дракландцам лазерное оружие? Неужели они считали свое положение столь отчаянным?

Отступая к лестнице и пробивая себе путь, Лувах убил нескольких преследователей, но затем его обожгло лучом. К счастью, ему удалось укрыться за диваном и в упор расстрелять догонявших его врагов. Шестеро из убитых носили на спинах металлические ранцы.

— Вольф! Хрисеида! — воскликнул Кикаха. — Нам надо подняться к ним! Пойми, им нужна наша помощь!

Несмотря на неистовый порыв, ему удалось взять себя в руки, и, когда они приблизились к центру управления, к Кикахе вернулись и бывшее самообладание, и осторожность. По пути они обходили обгоревшие тела — свидетельства героической битвы Луваха.

Кикаха торопился и порою шел на неоправданный риск, но он представлял, как тяжело сейчас может быть Вольфу. На полу коридора лежали трупы солдат; на мебели и стенах виднелись черные пропадины. Чем ближе они подходили к цели, тем сильнее становился смрад сгоревшей плоти. Кикаха замер на пороге зала. Он боялся увидеть тела Вольфа и Хрисеиды. Неужели, пережив столько мук и неприятностей, они погибли, едва возвратившись домой?

Ожесточив себя мыслью о мести, он пригнулся и вбежал в огромный зал, но помещение оказалось безмолвным, как черви на трупе. Везде лежали мертвецы. Кикаха заметил еще четверых убитых Звонарей, но Вольфа и Хрисеиду не обнаружил.

Кикаха испытал облегчение — им удалось убежать. Но вот только куда? Пройдя по залу, он нашел их оборонительные позиции. Они вели бой у задней стены, скрываясь за стойкой видеомониторов. Экраны вдребезги разлетелись под шквалом лазерных лучей; металл шкафов сплавился и покрылся рваными дырами. За аппаратурой и пультами тут и там виднелись тела дракландских солдат, попавших под ответный огонь Вольфа и Хрисеиды.

Фон Тарбет (Граумграсс) и фон Свиндеберн тоже погибли. Они лежали возле большого лазера, который продолжал стрелять, пока его силовая батарея не иссякла. Металлическая стена, в которую он был нацелен, имела двадцатифутовую дыру, и расплавленная сталь все еще стекала в

большую лужу на полу. Фон Тарбета разрезало почти пополам; его компаньона сожгло от бедра и выше. К их спинам по-прежнему крепились серебряные ранцы.

— Остался один уцелевший Звонарь,— сказал Кикаха. Он подошел к тому месту, где Вольф и Хрисеида вели последний бой. На голубом пластике пола выделялся большой металлический диск каких-то новых и не известных ему врат. Очевидно, Вольф установил их здесь после последнего визита Кикахи.

— Если Вольф описал эти врата в кодовом регистре, мы узнаем, куда они ведут,— сказал он, обращаясь к Анане.— Наверное, они оставили для меня сообщение, но его стерли Звонари. Ладно, сначала мы найдем последнего Звонаря. Если ему удастся выбраться отсюда и пробраться в твою вселенную или в миры Нимстовла и Юдубры, у нас могут возникнуть большие неприятности.

— Это будет кошмар! — согласилась Анана.— И почему только властители не прекратили междоусобную войну? Они могли бы объединиться и навсегда избавиться от Звонарей.

Она отошла в сторону. Ее мутило от страха и непрерывного звона в голове, который предупреждал властителей о близости матриц.

— Мне надо уйти отсюда,— сказала она.— Или, по крайней мере, отойти подальше.

— Хорошо, а я еще раз осмотрю трупы,— отозвался Кикаха.— Ты иди... Нет, стой! Где Нимстовл?

— Он стоял у того пульта,— ответила Анана.— Мне кажется... Нет, я не знаю, куда он исчез!

Кикаха хотел крикнуть, что она не должна была спускать глаз с этого маленького подлого властителя. Но гнев делу не помощник, и он удержался от резких слов. События последних часов могли отвлечь внимание любого человека, а тут еще этот звон в мозгу, который сводил ее с ума.

Анана поспешно покинула зал. Кикаха вновь прошел по помещению, проверяя каждое тело и осматривая каждый уголок.

— Да, Вольф и Хрисеида постарались,— бормотал он себе под нос.— Они навалили целые горы трупов. Но как

им удалось уложить тех, кто прятался за стойками приборов? Они слишком уж постарались. Я не верю, что такое могли сделать два человека. А куда подевалась Подарга?

Кикаха подошел к дверям и окликнул Анану, которая вела наблюдение за коридором.

— Наверное, я чего-то не понимаю,— сказал он.— Допустим, Вольф убил всех нападавших солдат, что уже само по себе маловероятно. Но зачем тогда ему и Хрисеиде понадобилось уходить через ворота? И как, черт возьми, Вольфу удалось уничтожить тех двух Звонарей, когда они могли сжарить его первым же выстрелом из лазера? А где Подарга? Где пропавший Звонарь?

— Возможно, гарпия тоже прошла через ворота во время боя,— сказала Анана,— или, воспользовавшись паникой, вылетела из центра управления.

— Хорошо, а куда девался Нимстовл? Пошли. Пора начинать поиски.

Анана тяжело вздохнула. И Кикаха ее прекрасно понимал. Они едва держались на ногах, а впереди их ожидала куча дел. Кикаха помог ей встать, и они приступили к осмотру тел в коридорах около центра управления и на лестничной клетке. Оказалось, что Кикаха действительно убил тех двух Звонарей, в которых посылал управляемые снаряды. В их телах виднелись огромные сквозные дыры. Разглядывая обгоревшего человека, который погиб во время боя с Лувахом, они слышали стон.

Вскинув лучеметы, Кикаха и Анана обошли с двух сторон перевернутый шкаф и увидели Нимстовла, который сидел, прислонившись спиной к стене. Он держался за правый бок, сквозь его пальцы сочилась кровь. Рядом лежал человек с ранцем на спине.

Это был последний Звонарь. В его животе торчала рукоятка ножа.

— Наверное, у его лучемета иссяк заряд,— сказал Нимстовл.— Он подкрался сзади и ударил меня ножом. Это меня-то! Ножом!

Кикаха осмотрел рану. Кровь лилась обильно, но порез казался неглубоким. Помогая подняться раненому властителю, он быстро и незаметно убедился, что у Ним-

стовла нет припрятанного оружия. После этого Кикаха поднял его на руки и отнес в комнату, где они оставили спящего Луваха. Он наложил на рану Нимстовла псевдоплоть и дал ему восстановитель крови.

— Звонарь подскочил так неожиданно, что запросто мог бы уделать меня,— рассказывал маленький властитель.— Но эта штука предупредила меня вовремя.

Он поднял руку с большим кольцом, похожим на перстень Ананы.

— Неужели они все мертвы?! — радостно вскричала Анана.

— В это даже трудно поверить! — засмеявшись, ответил Нимстовл.— Наконец-то! И я убил последнего!

Кикаха улыбнулся, но воздержался от комментариев.

— Все верно, Нимстовл,— сказал он в конце концов.— Тебе повезло, и ты остался жив... А теперь вставай и не дергайся. Я запрю тебя ненадолго.

Кикаха еще раз обыскал властителя. Тот начал возмущаться.

— Почему ты так со мной поступаешь? — закричал он.

— Я не люблю рисковать. И мне надо проверить, что ты говоришь правду. Давай пошевеливайся. Тут неподалеку есть комната, в которой я тебя закрою. Посидишь там, пока мы не удостоверимся в правоте твоих слов.

Нимстовл протестовал и упирался. Он не мог понять, почему его подозревают. И тогда, прежде чем захлопнуть дверь, Кикаха сказал:

— Зачем ты ушел так далеко от центра управления? Тебе полагалось оставаться с нами. Ты же не хотел убежать от нас, правда?

— Ну и что, если хотел? — крикнул властитель.— Мы выиграли битву — во всяком случае, я так думал. И мне хотелось вернуться в мою вселенную еще до того, как эта сучка, Анана, попытается меня убить. Теперь-то я ей больше не нужен. И мне кажется, ты не станешь удерживать ее. Да вы должны радоваться, что я ушел! Если бы не я, Звонарь мог бы скрыться или перебить нас из засады.

— Возможно, ты прав,— сказал Кикаха.— Но пока оставайся здесь.

Он захлопнул дверь и запер ее, нажав кнопку на стене.

После этого Кикаха с Ананой продолжили долгие поиски. Многие комнаты и коридоры можно было бы осматривать на видеомониторах в центре управления, и им не пришлось бы тратить силы на преодоление длинных лестничных маршей и лабиринтов дворца, но Вольф, отправляясь в путь, отключил аппаратуру наблюдения. Он знал, что Кикаха, посетив дворец, без труда активирует ее заново. Очевидно, Звонарям не удалось подключить эту систему. В принципе они могли разобрать главный пульт и выяснить его схему, но у них не хватило времени и свободных рук. Теперь же Кикаха не мог использовать мониторы по той причине, что во время боя их перебили шквальным огнем.

Они осмотрели сотни комнат, десятки коридоров и множество лестниц, но охватили только небольшую часть главного корпуса. Подумав о боковых крыльях здания, бесчисленных флигелях и террасах, Кикаха удрученно покачал головой.

Анана предложила перекусить и выспаться. Они провели Луваха, который мирно спал, а затем заказали себе на кухне обед. После битвы со Звонарями уцелело лишь несколько толосов, но роботы быстро исполнили заказ и послали через ворота два полных подноса. Перекусив, Кикаха решил подняться в центр управления и удостовериться, что там не произошло ничего важного. Его по-прежнему не покидала надежда на возвращение Вольфа, хотя он догадывался, что ворота скорее всего окажутся односторонними. Жаль, что рог Шамбаримена отдали тогда Луваху. Сейчас бы он здорово пригодился Вольфу и Хрисеиде.

Они с трудом добрались до верхней площадки лестницы. Кикаха не рискнул воспользоваться лифтами, поскольку Звонари могли превратить их в ловушки и даже заминировать. Едва они подошли к открытым дверям центра управления, он остановился.

— Ты ничего не слышала?

Анана покачала головой. Он жестом попросил в случае чего прикрыть его огнем, затем прыгнул в проем две-

рей, покатился по полу и спрятался за массивным пультом. Затаив дыхание, он прислушался, и вскоре до него донесся тихий стон. Затем наступила тишина. Через минуту или две раздался еще один стон. Переползая от пульта к пульта, Кикаха приблизился к источнику звуков. Увидев гарпию, он, конечно, удивился, но не настолько, чтобы потерять бдительность. Подарга ссутулясь сидела около огромного металлического шкафа. Ее перья почернели и источали отвратительный запах; ноги обгорели до такой степени, что несколько пальцев выпали. Прекрасная грудь превратилась в комок коричневатого-красного мяса. Рядом лежал полуоплавленный лучемет; огромный коготь охватывал приклад.

Она проникла в зал, когда Кикаха и Анана ушли на поиски Нимстовла, а потом ее кто-то подстрелил из лучемета. Он подполз поближе и осмотрелся вокруг. Через минуту ситуация прояснилась. Гарпию подстрелил До Шаптарп. Кикаха почему-то думал, что тевтона убили Звонари. Он пытался отыскать его среди трупов, но некоторые из тел настолько обгорели, что опознать их было невозможно. А парень-то оказался не промах. И возможно, он тоже искал его.

Убедившись от Звонарей, До Шаптарп, скорее всего, скрывался на верхних этажах. Подождав немного, он спустился, чтобы выяснить обстановку. А Подарга, ускользнувшая из зала во время боя Вольфа и Звонарей, зачем-то тоже вернулась. И они оба, не имея причин для ссоры, нанесли друг другу смертельные ранения.

Он заговорил с тевтоном, и тот что-то прошептал в ответ. Кикаха склонился к нему поближе, но уловил только несколько слов. И они не имели ничего общего с драк-ландским диалектом. Баронет говорил на языке властителей.

Кикаха вернулся к Подарге. Ее глаза открылись и потускнели. Вуаль смерти медленно покрывала их.

— Подарга! — воскликнул он. — Что случилось?

Гарпия застонала и, сказав несколько слов, умерла. Кикаха ничего не понимал — она тоже говорила на языке властителей.

Кикаха позвал Анану. Пока она стояла на страже, он попытался допросить До Шаптарпа. Тевтон находился в глубоком шоке и быстро терял силы. На какой-то миг он узнал Кикаху, и жажда жизни заставила Звонаря снизойти до мольбы. Он знал, что люди иногда проявляют жалость — и это могло бы спасти его.

— Мой колокол... где-то здесь... положи его на мою голову... А я тогда...

Его губы задержались, и что-то забулькало в горле.

— Почему ты овладел До Шаптарпом, а не убил его? — спросил Кикаха. — Кто ты?

— Мы ждали десять тысяч лет, — прошептал Звонарь. — И тут... ты.

Глаза поблекли, словно в мозг попала пыль. Челюсть отвисла, как подъемный мост из замка души — если только у Звонарей действительно имелись души. А почему бы и нет, если они есть у других? Ужасный метод внедрения в человеческие тела делал Звонарей смертельными врагами, но на самом деле по уровню жестокости и опасности они ничем не отличались от людей. Конечно, обладание разумом казалось ужасным и омерзительным, однако мозг жертвы погибал еще до того, как Звонарь внедрялся в тело, и их зомбирование можно было считать обыкновенным убийством.

— Итак, этот третий Звонарь захватил мозг До Шаптарпа, — рассуждал Кикаха. — Он, видимо, ушел на верхние этажи и затаился. Парень предполагал, что я удеру от его приятелей, и надеялся убить меня чуть позже. А мне бы и в голову не пришло подозревать тевтона.

Теперь Подарга. Мы могли бы допустить, что Звонарь перешел в нее еще на луне, однако это не так. На луне находились Только двое главарей — фон Тарбет и фон Свиндеберн. А Лувах говорил, что видел их во время последней атаки на центр управления. Поэтому внедрение в ее мозг произошло уже после того, как Вольф и Хрисеида бежали через ворота. Сначала главари перебили оставшихся свидетелей и представили дело в таком свете, будто Вольф и Хрисеида расстреляли всех дракландских солдат. А потом один из двух Звонарей вселился в Подаргу.

Мне почему-то кажется, что второй главарь перешел в какого-нибудь солдата, которого они приберегли для такого случая. И именно этот солдат чуть позже напал на Нимстовла. Вот так, несмотря на хитрость и коварство, фон Тарбет и фон Свиндеберн нашли свою смерть. Судьбу не обманешь, а меня — тем более! И я могу поспорить, что Звонарь в теле Подарги хотел изобразить раскаяние и внезапно вспыхнувшие дружеские чувства. Гарпия предложила бы мне мир и горько сожалела о прошлых разногласиях. А потом я потерял бы бдительность, и она убила бы меня. Довольно мило, правда? К счастью, Звонарь в теле Подарги не узнал своего сородича, овладевшего телом До Шаптарпа. И они убили друг друга! — Кикаха захохотал, но вдруг замолчал и снова стал серьезным. — Вольф и Хрисеида попали в безвыходное положение. Надо пойти в библиотеку и найти кодовый регистр. Если он внес туда эти врата, мы узнаем, куда их занесло и каким опасным будет это путешествие.

Они направились к выходу. Вид Подарги опечалил Кикаху, и он немного отстал. У нее было лицо Ананы, и одного этого хватило, чтобы испортить настроение — она выглядела как мертвая Анана. Он подумал о ее безумии, о тех страданиях, которые Подарга терпела три тысячи двести лет, и мысль об этом легла на него тяжелым грузом. А ведь она могла бы снова обрести тело женщины, если бы приняла тогда предложение Вольфа. Но безумие обрекло ее на новые муки, и она поклялась отомстить человеку, который поместил ее в тела гарпии.

Анана остановилась так резко, что Кикаха чуть не налетел на нее.

— Этот звон! — застонала она. — Он начинается снова!

Она закричала и в тот же миг вскинула лучемет. Но Кикаха уже стрелял. Он едва не задел Анану: его луч пересек дверной проем как раз в тот момент, когда в нем появился человек. Кикаха установил лучемет на полную мощность, и оружие теперь не жгло, а скорее резало. Луч скользнул по фигуре маленького властителя и отсек ему кусок левого плеча.

Нимстовл отскочил назад.

Кикаха подбежал к двери и замер на пороге, не решаясь выглянуть в коридор.

— Это фон Тарбет или фон Свиндеберн! — крикнул он.

В его уме начинала выстраиваться логическая цепочка. Итак, один из главарей овладел Подаргой, а другой вселился в солдата. Затем они сожгли свои предыдущие тела, покинули центр управления и отправились на поиски врагов.

Тот, кто находился в теле солдата, набросился на Нимстовла. Возможно, он действительно ранил его. Как бы там ни было, ему удалось перейти во властителя.

Но это абсолютно невозможно. Для смены тел потребовалось бы два Звонаря, иначе кто бы поместил ему на голову матрицу-колокол.

Значит, Звонарь в теле Подарги сопровождал того лже-солдата. Он помог оглушить властителя и после переноса матрицы удалился. Лже-Нимстовл пырнул ножом лишнего разума солдата и, дождавшись появления врагов, разыграл свою роль как по нотам.

Подмена Нимстовла могла принести результат, но подозрительность Кикахи разрушила их планы. Он запер Звонаря в комнате, однако тому как-то удалось выбраться. Интересно, с помощью чего? Какой-нибудь маломощный лазер, вживленный в тело?

Нимстовл-Звонарь вернулся назад, надеясь застать Кикаху и Анану врасплох. В случае удачи он мог бы исполнить задуманный план и привести свою расу к мировому господству. Но Звонарь не устоял перед искушением и взял с собой матрицу-колокол. И именно поэтому Анана заметила его приближение.

Допустим, Подарга помогла Звонарю перейти из тела солдата в тело Нимстовла. Однако, если это сделала не она, то во дворце где-то бродит еще один Звонарь, которого им предстоит найти и уничтожить.

Но сначала надо расправиться с Нимстовлом.

Выждав около десяти минут, Кикаха решил действовать. Если Звонарь остался на ногах, то он уже ушел достаточно далеко. А значит, они могут покинуть центр управления, не опасаясь выстрела в упор. Если же Звонарь лежит

в коридоре и истекает кровью, то им тоже ничего не угрожает. Однако рана может оказаться не такой уж серьезной. Тогда Звонарь будет дожидаться Кикаху, чтобы использовать свою последнюю возможность.

Но ждать больше не имело смысла. Кикаха велел Анане отойти в сторону. Отойдя на несколько шагов, он разбежался и прыгнул в дверной проем. В прыжке Кикаха развернулся в воздухе, нажал на курок, и луч, скользнув по стене, прочертил в мраморе двухдюймовую канавку. Он в любой момент мог метнуться вверх или вниз, настигая поджидавшего противника.

Но Звонарь и не пытался оказывать сопротивление. Прислонившись к стене, он сидел в луже крови, вытекавшей из раны на плече. У ног лежал лучемет. Голова откинулась назад, челюсть отвисла. Кожа начинала синеть.

Кикаха упал на пол, вскочил на ноги и, отключив лучемет, медленно приблизился к Звонарю. Убедившись, что тот не опасен, он склонился над ним и пощупал пульс. Нимстовл открыл глаза. В них все еще теплилась жизнь.

— Мы обреченный народ,— прошептал Звонарь.— В нашем распоряжении имелось все, что необходимо для завоевания галактики. Но нас погубил один человек.

— Кто ты? — спросил Кикаха.— Граумграсс или тот, кто называл себя фон Свиндеберном?

— Я Граумграсс — король Звонарей. Сначала я находился в теле фон Тарбета, а потом в теле того солдата.

— Кто помогал тебе перейти в Нимстовла? — закричал Кикаха.— Кто помог тебе овладеть этим телом?

Звонарь взглянул на него с неприкрытым удивлением.

— Ты не знаешь? — тихо спросил он.— Значит, у нас все еще есть надежда.

Анана отстегнула от ремней ранец Звонаря и, открыв его, с отвращением вынула большую черную матрицу-колокол.

— Возможно, ты надеешься унести эту тайну в могилу,— сказала она.— Но у тебя ничего не получится! Мы все равно узнаем, кто тот Звонарь и что он собирается делать.— Анана повернулась к Кикахе.— Держи его голову! Я хочу поместить на нее эту штуку!

Граумграсс попытался оказать сопротивление, однако потеря крови лишила его сил. Скорчившись от боли, он гневно закричал:

— Что вы задумали со мною сделать?!

— Сейчас твой разум автоматически перейдет в матрицу-колокол,— ответила Анана.— Ты и сам это прекрасно знаешь. Тело умрет, но мы найдем для тебя здорового раба. И поместим в него твой разум. И тогда ты познаешь все мыслимые и немыслимые пытки, пока не расскажешь все, что мы захотим узнать.

Граумграсс закричал и снова попытался вырваться из рук Кикахи, но тот без труда удержал его, и Анана положила на голову Звонаря черный купол матрицы. После этого глаза Граумграсса остекленели, и смерть простучала кастаньетами в его горле. Кикаха посмотрел на донышко «колокола», и Анана приподняла матрицу. Две крошечные иглы тут же втянулись в черное дно.

— Думаю, его разум перешел туда еще до того, как погибло тело,— произнес Кикаха.— Но знаешь, Анана, я не дам тебе разрушать мозг человека, оживляя это дерьмо ради какой-то информации. И можешь не объяснять, насколько она для нас важна.

— Я знала это с самого начала,— ответила Анана.— И я не собираюсь губить еще одну человеческую душу. Ты многому научил меня, и благодаря тебе я вновь обрела какую-то часть потерянной гуманности. К тому же здесь нет живых тел, которые мы могли бы использовать для этой цели.

Она замолчала и взглянула на Кикаху.

— Не смотри так, Анана! У меня не хватит духу,— сказал он.

— Я не виню тебя за это,— ответила она.— И мне не хочется подвергать твою жизнь такой опасности. Я справлюсь сама.

— Но...

Кикаха замолчал. Он знал, что одному из них придется решиться на подобный поступок. И если бы она не вызвалась добровольцем, это сделал бы он. Однако, позволив ей стать подопытным кроликом, Кикаха был готов провалиться от стыда сквозь землю. Слепой животный ужас

заполнил густым туманом его сознание, и он не мог заставить себя настоять на своей кандидатуре. Здесь требовалось не только мужество, как ему казалось прежде, но и нечто большее, чего он в данный момент не имел. Полная беспомощность превратила его в труса. И это чувство терзало, как острые когти Подарги.

— Здесь есть наркотики, способные развязать язык любому человеку, — сказал он. — С их помощью можно получить информацию, которую Звонарь считает правдивой. Я думаю, они без труда вытянут из тебя все сведения об уцелевшем противнике — если только ты по-прежнему считаешь это необходимым.

Кикаха знал ответ Ананы. Но не мог смириться с мыслью, что ее разумом и телом овладеет эта ненавистная тварь из черного «колокола».

— Наверное, ты представляешь, какой ужас я испытываю перед Звонарями, — сказала она. — Но я готова пойти на любые жертвы, лишь бы выследить последнего Звонаря. Мы должны покончить с ними раз и навсегда.

Кикаха хотел возразить, что цена ее жизни несопоставимо выше каких-то Звонарей, однако он сдержался. Анана была права — это требовалось сделать. Его трясло от страха за нее, но внутренний ужас не позволял занять ее место. И тогда, обозвав себя жалким и ничтожным трусом, он разрешил ей использовать матрицу.

Прежде чем сделать последний шаг, Анана прильнула к Кикахе и горячо поцеловала.

— Я люблю тебя, — сказала она. — И знал бы ты, как мне сейчас страшно! Мы могли бы любить друг друга и наслаждаться счастьем, а вместо этого я сама ложусь в могилу.

— Давай еще раз обыщем дворец! — воскликнул Кикаха. — Он где-то здесь, и мы наверняка его найдем.

— Но он мог уйти в другой мир, — ответила Анана. — Нам надо узнать о нем все, иначе мы никогда не найдем его. Поэтому действуй, любимый. И не тани! Я чувствую себя так, словно сейчас умру!

Она легла на диван и закрыла глаза. Приложив к ее голове пустую матрицу, Кикаха держал «колокол» до тех пор, пока тот не закончил свою работу. Дыхание Ананы,

быстрое и поверхностное от волнения, внезапно замедлилось и стало глубоким. Ее веки затрепетали, глаза открылись. Казалось, свет в них затерялся на бездонной глубине огромного океана времени, застыв в какой-то роковой полярности жизни.

Подождав для верности несколько минут, он убрал с ее головы матрицу и положил заполненный «колокол» в ранец на полу. Накрепко привязав Анану к дивану, Кикаха приложил к ее макушке «колокол», содержащий разум Граумграсса. Через двадцать минут процесс внедрения закончился. Ее лицо ожило, в глазах вспыхнула ярость пойманного в клетку ястреба. Прекрасный голос Ананы остался прежним, но интонации изменились.

— Пока могу сказать, что ты загнал меня в женское тело, — произнесла Анана, вернее, Звонарь.

Кикаха кивнул и впрыснул ей в руку стимулятор, побуждающий к откровенности. Подождав шестьдесят секунд, он приступил к допросу. Когда наркотик перестал действовать, он уже выяснил все, что хотел.

При определении точного количества исчезнувших Звонарей властители совершили ошибку. Их оказалось не пятьдесят, а пятьдесят один. И конечно же, Звонари не стали уведомлять об этом своих врагов. «Лишним» Звонарем был Табююз. Большую часть времени он проводил в биолaborаториях дворца, где занимался выращиванием новых Звонарей. Получив сигнал тревоги о появлении Кикахи, он поднялся наверх, но не рискнул вступить в сражение. Тем не менее он помог Граумграссу внедриться в тело оглушенного Нимстовла.

Приняв облик маленького властителя, Граумграсс решил сделать еще одну попытку и убить двух уцелевших врагов — Анану и Кикаху. В случае неудачи Табююзу предписывалось пройти через врата на Землю, унося туда свою матрицу и знание. Там, на Земле, в преддверии ада всех вселенных, затерявшись в одном из шумных городов, он должен был создать и воспитать когорту новых Звонарей — неустрашимых завоевателей галактики.

— Какими вратами он воспользовался? — спросил Кикаха.

— Теми же, через которые бежали Вольф и Хрисеида,— ответил Граумграсс.— Они ведут на Землю.

— Откуда тебе это известно?

— Мы нашли кодовый регистр, проникли в программу и узнали, куда ведут врата за стойкой видеомониторов. Я приказал Табююзу воспользоваться ими, если произойдет что-то ужасное и непредвиденное. И теперь он уже вне стен дворца — одинокий странник, которому суждено скрываться и ждать великого часа возрождения!

Несмотря на разочарование и тревогу, Кикаха почувствовал какое-то удовлетворение. У него появились сразу две причины вернуться на Землю. Во-первых, и самое главное, ему требовалось отыскать и убить Табююза до того, как Звонарь приступит к выполнению своего плана. Во-вторых, он должен был найти Вольфа и Хрисеиду, чтобы помочь им вернуться домой. Хотя вряд ли они захотят возвращаться. И конечно же, Вольф примкнет к погоне за бежавшим Звонарем.

Он вновь положил матрицу на голову Ананы. Через пятнадцать минут разум Граумграсса перешел в «колокол». Кикаха достал из ранца матрицу, содержащую разум Ананы. Процедура переноса заняла около двадцати минут. А потом она открыла глаза, произнесла его имя и, обняв Кикаху, расплакалась.

Анана рассказала ему о своих ощущениях. Сначала ей показалось, будто ее мозг вынули из головы и поместили в темную пустоту. Она испугалась, что с Кикахой может что-то случиться, и, представив себе этот вечный плен в беспросветной бездне матрицы, Анана поняла, что вскоре сойдет с ума. Идея остаться безумной на века привела ее в еще большее отчаяние.

Кикаха уложил Анану поудобнее и, когда она успокоилась, рассказал ей все, что узнал. Она вскочила с дивана и закричала, что им надо немедленно отправляться на Землю. Но прежде ей хотелось избавиться от «колокола» Граумграсса.

— Это будет легко,— пообещал Кикаха.— Я вплавлю матрицу в пластиковый куб и помещу его в музей. Потом, когда у меня будет время — то есть после нашего возвращения с Земли,— я пройду с этим кубом в Таланак. Мы

перенесем разум Звонаря в тело приговоренного к смерти преступника, а потом убьем его при всем честном народе. Ладно, помечтаем позже. Пора готовиться к путешествию на Землю.

Он просмотрел кодовый регистр в поисках информации, которую мог упустить Звонарь. Металлический круг за стойкой видеомониторов соединялся с древними воротами в Южной Калифорнии, однако точное место не указывалось.

— Иногда на меня накатывали приступы ностальгии, но я без труда преодолевал их с помощью охоты и хорошего поединка, — рассказывал Кикаха. — Наверное, я просто влюблен в Многоярусный мир — в эту страну зеленых небес и сказочных животных. Земля представляется мне большим серым кошмаром, и, когда я думаю о том, чтобы жить на ней постоянно, у меня мурашки бегут по коже. Тем не менее иногда я тоскую по родине. — Он немного помолчал и задумчиво добавил: — Мы, возможно, задержимся там на какое-то время, и нам понадобятся деньги. Интересно, у Вольфа есть какой-нибудь денежный запас?

Банк памяти огромного компьютера подсказал ему, где находится кладовая наличных. Кикаха вернулся оттуда с печальной улыбкой и швырнул на стол толстую пачку денег.

— Целая куча долларов, — сказал он. — Сотенные купюры и дюжина тысячедолларовых банкнотов. Но самые поздние из них датированы 1875 годом! — Он пожал плечами и засмеялся: — Как бы там ни было, мы все равно возьмем их с собой. Возможно, я продам эту редкость какому-нибудь коллекционеру. Кроме того, нам не помешает несколько драгоценных камней.

Он запрограммировал машины на изготовление одежды. Однако самые последние модели, какие он запомнил по своей жизни на Земле, принадлежали к стилю Америки 1945 года.

— Ничего. Пока и это подойдет, а потом мы купим себе что-нибудь современное.

В паузе между сборами они перенесли Луваха в большую удобную комнату и приказали кухонным толосам при-

смаатривать за ним. Кикаха оставил Анану наедине с братом, а сам занялся укладкой необходимых вещей. Взяв несколько лекарств и медикаментов, он дополнил снаряжение лучеметами и обоймами батарей, выбрал себе метательный нож, прихватил для Ананы небольшой стилет с ядом в поллой рукоятке и на всякий случай упаковал в футляр серебристый рог Шамбаримена.

Собрав сумки и чемодан, Кикаха вернулся в комнату, где беседовали двое властителей.

— Попробую сойти за музыканта,— сказал он.— А потом мы найдем парикмахерскую, и я подстригусь. У меня такие длинные волосы, что я выгляжу как Тарзан. А мне не хотелось бы привлекать внимание. Ах да, вы можете называть меня теперь Полом. Кикаха уходит в тень, и вновь из небытия появляется Пол Янус Финнеган.

Они попрощались с Лувахом, и тот пообещал охранять дворец во время их отсутствия. Ему предстояло позаботиться о том, чтобы толосы превратили все тела в пепел и придали помещениям былой вид. Кроме того, он должен был настроить систему защиты Многоярусного мира и противостоять мародерству других властителей. Лувах очень обрадовался, встретив Анану — пусть даже и на такой короткий срок. В нем чувствовалась какая-то человеческая доброта и мягкость, столь чуждая остальным властителям.

Тем не менее, выходя из комнаты, Кикаха прищурился и спросил Анану:

— Ты говорила с ним о старых временах, как я тебя просил?

— Да,— ответила она,— и он не мог вспомнить очень многих вещей.

Кикаха остановился.

— Ты думаешь...

Она покачала головой и рассмеялась:

— Успокойся. Все нормально. Он вспомнил такое, о чем не узнал бы ни один Звонарь. И он напомнил мне о многом, что я совершенно забыла. Это мой брат — на все сто процентов. Так что умерь свои сомнения, мой подозрительный возлюбленный.

Кикаха улыбнулся:

— А разве эта мысль пришла нам в головы не одновременно?

Она хмыкнула, и он поцеловал ее. Перед тем как войти во врата, активированные кодовой фразой, Кикаха спросил:

— Ты говоришь по-английски?

— В общей сложности я провела на Земле три года,— ответила она.— Мне довелось побывать в Париже и Лондоне. Но я начисто забыла французский и английский языки.

— Ничего, научишься снова. А до этого времени буду говорить я.

Он все медлил и медлил, словно не хотел отправляться в долгий и опасный путь.

— Возможно, мы даже пятки себе собьем, гоняясь за беглым Звонарем. Но у путешествия на Землю есть и приятные стороны. По крайней мере, нам не придется тревожиться о кознях какого-то взбесившегося властителя.

Слова Кикахи удивили Анану.

— Разве Вольф не говорил тебе? — воскликнула она.— Нас ждет там встреча с Рыжим Орком — тайным властителем Земли!

Книга четвертая
За стенами Терры

*Эти приключения Кикахи посвящены Джеку Кордесу, который обитает во вселенных Пеории и Пекина**

* Имеется в виду г. Пекин, штат Иллинойс. (Здесь и далее примеч. пер.)

Двадцать четыре года небо было зеленым. И вот в один миг оно стало голубым.

Кикаха зажмурился. Он вернулся домой, а точнее сказать, на родную планету. Прожив на Земле двадцать восемь лет, он провел остальные двадцать четыре года в другой вселенной, названной им Многоярусным миром. И теперь он снова оказался «дома», хотя его сюда не очень-то и тянуло.

Он стоял в тени огромного выступа скалы, нависавшего над головой. Бодрящий ветер, скользя по поверхности отвесного склона, врывается в небольшую пещеру и вылизывал каменный пол. Повсюду виднелись горы, поросшие соснами и елями. Прохладный воздух быстро теплел. Начиналось утро июльского дня. Если верить расчетам, они находились сейчас в Южной Калифорнии, и Кикаха надеялся, что это действительно так.

Пещера располагалась почти у самой вершины, откуда открывался прекрасный обзор в юго-западном направлении. Там, вдали, за небольшими отрогами холмов, виднелась огромная долина, которая простиралась, по предположению Кикахи, до самого Лос-Анджелеса. Зрелище встревожило и удивило его. Оно не поддавалось объяснению и совершенно не походило на то, что он ожидал увидеть. Долину скрывало плотное, отвратительное серое облако, созданное на первый взгляд из тысячи струй зловонных испарений. И казалось, что почва под пеленой

тумана утыкана бурлившими гейзерами, которые извергали ядовитый пар и газы земной преисподней.

Он не имел понятия о том, что происходило на Земле с 1946 года, когда однажды ночью его по воле судьбы перенесло из этой вселенной в мир Ядавина. Неужели какая-то враждебная держава сбросила бомбы и заполнила гигантскую чашу Лос-Анджелеса ядовитым газом? Но Кикаха даже не мог назвать страны, способной на такой решительный и дерзкий шаг. Когда он оставил этот мир, Германия и Япония потерпели полное поражение, а Россия не оправилась бы от жестоких ран в течение нескольких десятилетий.

Кикаха пожал плечами. Придет время, и он во всем разберется. Банки памяти дворцового компьютера на вершине единственной планеты во вселенной зеленых небес утверждали, что эти врата ведут в горную пещеру неподалеку от озера Арроухед.

Врата представляли собой круглую металлическую пластину, вплавленную на несколько дюймов в гранитную скалу. Об их присутствии свидетельствовало лишь тусклое пурпурное пятно, проступавшее на камне.

Кикаха (он же Пол Янус Финнеган) обладал превосходной фигурой: рост — шесть футов один дюйм; вес — сто девяносто фунтов; широкие плечи, тонкая талия и крепкие мышцы. Волосы цвета красной бронзы оттеняли черные изогнутые брови и зеленые, как лист, глаза. Короткий прямой нос, удлинённая верхняя губа и глубокая ямочка на подбородке делали его лицо озорным и симпатичным. Походную одежду дополняли рюкзак на спине и темный кожаный футляр, который Кикаха держал в руке. Судя по виду, футляр предназначался для музыкального инструмента — возможно, для горна или трубы.

Волосы Кикахи доходили до плеч. Он собирался подрезать их перед возвращением на Землю, чтобы не отличаться от других людей, но из-за недостатка времени решил отложить это дело до тех пор, пока не отыщет какую-нибудь парикмахерскую. На вопросы о своем необычном виде он придумал историю о долгом путешествии в горах.

Что же касается женщины, стоявшей рядом с ним, то она была настолько прекрасной, насколько это вообще

возможно для человека. Темные волнистые волосы ниспадали на безупречно белые плечи. А от синих глаз и великолепной фигуры у любого мужчины перехватывало дыхание и замирало сердце. Ее дорожный наряд состоял из ботинок, джинсов, клетчатой мужской рубашки и кепки с длинным козырьком. В рюкзак за спиной Анана уложила туфли, платье, нижнее белье, небольшую дамскую сумочку и несколько приборов, которые могли бы удивить и потрясти ученых Земли. По эскизу Кикахи она сделала себе прическу в стиле 1946 года, но от косметики отказалась, посчитав ее необязательной. Несколько тысячелетий назад Анана, как и все женщины ее расы, окрасила губы в красный цвет, и больше повторять эту операцию не требовалось.

Кикаха поцеловал ее и сказал:

— Ты побывала во многих мирах, Анана, но я готов поспорить, что самым странным из них окажется Земля.

— Я уже видела эти голубые небеса,— ответила она.— Итак, Вольф и Хрисеида опережают нас на пять часов. Звонарь оторвался на два часа. А в таком большом мире затеряться ничего не стоит.

— Да,— согласился он — Врата действуют только в одну сторону, поэтому у Вольфа и Хрисеиды нет причин околачиваться где-то рядом. Они, скорее всего, отправятся к ближайшим двусторонним вратам, которые находятся на окраине Лос-Анджелеса — если, конечно, эти врата все еще существуют. В случае неудачи они могут воспользоваться вратами в Кентукки или на Гавайях, поэтому примерный маршрут их пути нам известен. Но вот как узнать, куда пошел Звонарь? — Кикаха помолчал, облизал пересохшие губы и добавил: — Он мог отправиться куда угодно или спрятаться где-то неподалеку. Звонарь попал в совершенно незнакомый мир. Он ничего не знает о Земле и не может говорить ни на одном из местных языков.

— Жаль, что нам неизвестно, как он выглядит,— сказала Анана.— Но мы найдем его — можешь не сомневаться. Я знаю Звонарей. Он ни за что не расстанется со своим «колоколом», хотя мог бы спрятать его в укромном месте, а позже вернуться за ним. Звонарь сходит с ума от мысли, что матрица может исчезнуть. И он будет таскать

ее за собой до последнего вдоха. А опознать его можно только по матрице.

— Я знаю,— тихо ответил Кикаха.

Его грудь наполнилась сладким и нежным чувством, веки задрожали, по щекам потекли крупные слезы. Анана встревожилась, но, угадав настроение Кикахи, прижалась к его плечу.

— О, эти слезы! Я тоже плакала, когда однажды вернулась на свою родную планету. Мне казалось, что мои глаза высохли навсегда. Я думала, что слезы бывают только у смертных. Но стоило мне вернуться, как они хлынули ручьем, и я никак не могла остановиться.

Кикаха вытер ладонью лицо и снял с пояса флягу. Отвинтив колпачок, он сделал большой глоток.

— Мой мир остался там — за гранью врат. Я влюблен в зеленое небо, и мне не нравится Земля. Я никогда не питал к ней больших симпатий. Но оказывается, моя любовь к родине сильнее, чем я предполагал. Время от времени меня охватывала тоска — хотелось взглянуть на ее просторы, увидеть тех людей, которых я знал, но...

Внизу, возможно, в тысяче футах под ними, склон огибало двухполосное шоссе. Дорога плавно поднималась вверх, теряясь из виду за поворотом. На подъеме появилась машина. Она промчалась под ними и исчезла за изгибом горы. Кикаха с удивлением смотрел ей вслед.

— Я никогда не видел таких машин,— воскликнул он.— Она похожа на жука. Ну прямо вылитый жучок!

С соседнего утеса поднялся ястреб и, взмывая вверх на волне воздушного потока, пролетел в ста ярдах перед отверстием пещеры.

Кикаха пришел в восторг.

— Первый краснохвостый, которого я встретил с тех пор, как покинул Индиану!

Он шагнул на выступ, забыв на секунду — но только на секунду — об осторожности. Отпрыгнув назад в пещеру, Кикаха кивнул Анане, и та, подойдя к краю отверстия, осмотрела боковой склон. Он сделал то же самое с другой стороны.

Внизу, если верить глазам, никого не было, хотя в ближайшей роше мог спрятаться любой, кто захотел бы остано-

ся незамеченным. Высунувшись как можно дальше, Кикаха попытался осмотреть верхнюю часть горы, но это ему не удалось из-за нависавшего выступа. Не обнаружив никакой тропы, Кикаха обследовал нижний склон и нашел с правой стороны карниза несколько выступов и углублений. Для начала могли сойти и они, а потом во время спуска он наверняка отыщет опору для рук и ног.

Кикаха медленно свесился с карниза и потрогал ногой выпиравший камень. Убедившись в его надежности, он вновь поднялся к Анане и, распластавшись на полу пещеры, внимательно осмотрел дорогу и рощу в тысяче футах под ними. Его тревожила стайка голубых соек, которые носились кругами над кромкой рощи. Прохладный ветер доносил их слабые крики.

Он вытащил из кармана рубашки небольшой бинокль и подкрутил три диска у основания окуляров. Достав наушник со штепселем на конце провода, Кикаха воткнул разъем в гнездо на боку бинокля, осмотрел дорогу и рощу, а затем навел бинокль на то место, где трещали сойки.

Благодаря прибору далекий лес внезапно приблизился, а слабые звуки стали громкими. Заметив что-то темное, он подрегулировал фокус и увидел лицо мужчины. В зарослях подлеска и густой траве Кикаха разглядел еще троих человек. У каждого из них имелась винтовка с оптическим прицелом. Двое следили за пещерой в бинокли.

Кикаха отдал прибор Анане, и она тоже рассмотрела мужчин.

— Так говоришь, Рыжий Орк единственный властитель на Земле? — спросил он.

Она опустила бинокль и утвердительно кивнула.

— Тогда ему известны эти ворота, и он, конечно же, установил здесь какую-то сигнализацию, — произнес Кикаха. — Когда через ворота проходит незванный гость, Орк получает сигнал, а его люди ждут неподалеку. Хотя, возможно, они живут не так близко, и Вольфу с Хрисеидой удалось от них ускользнуть. Мне почему-то кажется, что Звонарь тоже ушел отсюда до их появления. В чем-то я могу и ошибаться, но эти ребята внизу ожидают нас.

Они не стали обсуждать отсутствие постоянной охраны и ловушек во воротах. Рыжий Орк намеренно превратил

в игру любое вторжение других властителей. Несмотря на смертельную опасность, это была традиционная игра всемогущих, но уставших от скуки существ.

Кикаха еще раз осмотрел мужчин, скрывавшихся среди деревьев.

— У них есть портативная радиостанция, — сказал он чуть позже.

Откуда-то сверху послышался стрекочущий звук. Перекатившись на спину, Кикаха увидел странную машину, которая, вылетев из-за горы, начала спускаться справа от пещеры.

— Гидросамолет! — воскликнул он.

Машина скрылась за отрогом горы. Кикаха вскочил на ноги и отступил в пещеру. Анана поспешила за ним.

Трескучий звук моторов превратился в рев, а потом машина зависла перед карнизом. Кикаха понял, что это не самолет. Насколько он знал, гидроплан не мог висеть в воздухе и разворачиваться на месте вокруг оси, как делала эта машина.

Через прозрачный купол воздушного аппарата он увидел фигуры пилота и троих людей, вооруженных винтовками. Его и Анану поймали в ловушку, из которой не убежать. И даже спрятаться негде...

Посылая к ним своих людей, Орк хотел выяснить, каким арсеналом обладали незваные гости. Обстоятельства требовали либо сдаться в плен, либо применить оружие. Путешественники выбрали свободу. Прокричав слово, запускавшее в действие кодовый механизм, они навели кольца-излучатели на воздушный аппарат и произнесли последнее слово.

Высвобождая мощный заряд крошечных аккумуляторов, кольца пронзили машину тонкими нитями золотистых лучей. Фюзеляж раскололся в двух местах, и «гидроплан» начал падать. Кикаха подбежал к отверстию пещеры и увидел, как куски машины рухнули на склон горы. Одна часть, взорвавшись, превратилась в беловато-красный шар, который тут же рассыпался на дюжину маленьких огненных комочков. Обломки, упавшие вблизи дороги, пожирало яростное пламя.

Он видел, как побелели лица четверых мужчин, сидевших в засаде. Человек с переносной радиостанцией кричал что-то в микрофон. Кикаха попробовал настроить луч приемника, но перехватить сообщение не удалось — мешал шум горевшей машины.

Радость от первой победы быстро прошла. Он знал, что властитель намеренно пожертвовал людьми в летательном аппарате. И теперь Орку известно, насколько опасны его противники. Кикаха предпочел бы убраться отсюда незамеченным. При такой опеке спуск с горы был невозможен до наступления ночи. А к тому времени властитель мог предпринять новую атаку.

Они перезарядили крошечные аккумуляторы своих колец. Кикаха вел наблюдение за людьми в роше, а Анана осматривала склоны горы. Вскоре слева на дороге появился красный автомобиль с откидным верхом. В нем сидели мужчина и женщина. Машина остановилась около плавающих обломков, и два пассажира вышли осмотреть место катастрофы. Переговорив друг с другом, они вернулись в автомобиль и быстро умчались прочь.

Кикаха усмехнулся. Эта парочка обязательно сообщит об аварии властям. А значит, те четверо мужчин не отважатся на захват пещеры. Но, с другой стороны, полиция может взобраться на гору, и тогда его с Ананой привлекут в качестве свидетелей. Вряд ли полицейских заинтересуют странствующие музыканты, но, если их задержат в участке на какое-то время, Орк узнает об этом от своих людей. И тогда он доберется до них во что бы то ни стало. Кроме того, им нечем удостоверить свои личности, а значит, полиция может задержать их для выяснения всех обстоятельств и дальнейшего опознания.

На Анану компрометирующих материалов не найдут, а вот Кикаха увязнет по самое горло. Если они снимут его отпечатки пальцев, на свет появятся факты, которых просто так не объяснить. Полиция узнает, что он Пол Янус Финнеган, рожденный в 1918* году близ Терре-Хота, штат

* Ранее в некоторых местах автор утверждал, что Кикаха родился в 1922 году.

Индиана. Им станет известно, что во время Второй мировой войны он служил в танковых войсках Восьмой армии, а затем таинственно исчез из своей квартиры в городке Блумингтон. Они поймут, что он и есть тот студент из Индианы, который находится в розыске с 1946 года.

Конечно, Кикаха мог сослаться на потерю памяти, но как им объяснить такое странное обстоятельство, что в свои пятьдесят два года он выглядит двадцатипятилетним парнем? И что ему сказать о происхождении некоторых устройств, которые найдут в его рюкзаке?

Он тихо выругался по-тишкветмоакски, затем произнес несколько крепких фраз на языке Лакоты и полуконей, перешел на германское наречие Дракландии, потом на речь властителей и завершил свой монолог английским проклятием. Он переключился на английский язык, который успел подзабыть, и теперь пытался освоиться с беглой речью. Если те четверо бандитов останутся в засаде до появления полиции...

Но четверо мужчин поступили иначе. После долгих переговоров по радиации они получили приказ покинуть район аварии. Едва люди Орка выбрались на дорогу, как из-за поворота появилась машина. Бандиты сели в нее, и она быстро умчалась.

Кикаха знал, что это может оказаться обманным ходом, рассчитанным на то, чтобы выманить его и Анану из пещеры. Их могли настигнуть на голом склоне и расстрелять из самолета или какой-нибудь летательной машины. Он подумал о возвращении бандитов и одновременной атаке с воздуха и с дороги. Это было бы неплохим маневром со стороны Рыжего Орка.

Но если упустить момент, полиция начнет осмотр территории, и тогда им уже не спуститься с горы до наступления ночи. А в темноте люди Орка получают преимущество — в такой глуши они без боязни могут использовать оружие властителей. Однако Кикаха не собирался предоставлять им эту возможность.

— Идем, — сказал он Анане по-английски. — Мы должны уйти отсюда как можно быстрее. Если нас остановит полиция, скажем им, что мы туристы и добираемся в Лос-Анджелес на попутных машинах. Старайся помалки-

вать. Я скажу им, что ты из Финляндии и не знаешь английского языка. Будем надеяться, что среди полицейских не окажется настоящего финна.

— Что ты говоришь? — спросила Анана. — Я ничего не понял.

В конце прошлого столетия она провела на Земле три с половиной года, но за девяносто лет позабыла все, чему успела научиться у землян, — в том числе французский и английский языки.

Кикаха медленно повторил свои слова.

— Это твой мир, — ответила она по-английски. — Ты тут босс, тебе и командовать.

Он улыбнулся и привлек ее к себе. Женщины из расы властителей почти никогда не признавали превосходства мужчин, независимо от ситуации и своего состояния. Но Анана любила его.

Кикаха повис на карнизе и начал спускаться вниз. Пот заливал глаза. Немилосердно палило взошедшее над горой солнце. Но Кикаха потел в основном не от жары, а от мысли о возможном возвращении людей Рыжего Орка.

Когда они одолели треть пути, внизу появилась первая полицейская машина. На черно-белом корпусе виднелись большие звезды. Двое полицейских приступили к осмотру места происшествия. Судя по форме, насколько Кикаха помнил ее по жизни на Среднем Западе, они представляли собой полицию штата.

Через несколько минут подъехал патрульный автомобиль, а за ним — машина «скорой помощи». Рядом остановились два проезжавших мимо грузовика. Не прошло и получаса, как на месте крушения скопилось более десятка машин.

Кикаха отыскал тропу, которая вела под углом к правой части склона. Какое-то время он и Анана оставались невидимыми для людей, собравшихся у дороги. Они договорились не останавливаться, даже если их заметят. Полиция могла броситься следом, но вряд ли погоня по скалам и крутому склону увенчалась бы успехом.

Когда появился еще один летательный аппарат, Кикаха немного порастерял свою уверенность. Странная машина с горизонтальным пропеллером облетала территорию,

разыскивая, очевидно, тела погибших пассажиров или тех, кто мог оказаться свидетелем катастрофы. Кикаха и Анана спрятались за большим камнем и дождались момента, когда воздушный аппарат приземлился около дороги. После чего вновь продолжили спуск по склону и без происшествий вышли на шоссе.

Устроив небольшой привал, они выпили немного воды и позавтракали продуктами, которые захватили с собой из другого мира. Кикаха сказал, что им предстоит спуститься в долину. Но он предполагал, что люди Орка постараются отыскать их и будут курсировать по дороге на нескольких машинах.

— Тогда почему бы нам не спрятаться до наступления ночи? — спросила Анана.

— Потому что днем я могу определить, какая машина принадлежит Орку, а какая — нет. Было бы здорово добраться до Лос-Анджелеса на попутке. Но если я узнаю людей Орка и они попытаются что-нибудь сделать, мы будем наготове и воспользуемся излучателями. Ночью же все наши преимущества исчезнут и ты уже не разберешь, кто и зачем остановился рядом с тобой. Конечно, можно избегать дорог и идти через леса и рощи, но такое путешествие будет слишком долгим. А я не хочу, чтобы Вольф и Хрисеида ушли от нас далеко.

— А как мы узнаем, что они не пошли другим путем? — спросила Анана. — Или что их не поймал Рыжий Орк?

— Этого мы пока не узнаем, — ответил Кикаха. — Но я готов поспорить, что дорога ведет в Лос-Анджелес. Она идет под уклон, на запад. А значит, Вольф и Звонарь выбрали именно это направление. Впрочем, я могу ошибаться... Но мне не хотелось бы стоять здесь вечно и гадать о том, что могло произойти. Вперед, Анана!

Они отправились в путь. Воздух казался сладким, как мед, и чистым, как слеза. Вокруг пели птицы. По ветке полусохшей сосны пробежала белка и, замерев на месте, уставилась на них блестящими глазами-бусинками. По дороге все чаще попадались засохшие и умиравшие сосны. Очевидно, их поразила какая-то болезнь. По склону горы тянулись скелеты электрических и ретрансляционных вышек с натянутыми алюминиевыми проводами —

единственный признак человеческой деятельности в этих диких местах. Кикаха объяснил Анане их назначение. Теперь ему приходилось объяснять многие вещи, но он не роптал. Это давало Анане возможность выучить английский язык, а он вспоминал забытые слова.

Сзади к ним приближалась машина. Услышав звук мотора, Кикаха и Анана отступили на обочину, готовые при необходимости активировать излучатели или спрыгнуть вниз на пологий склон. В машине сидели мужчина, женщина и двое детей. Кикаха поднял руку и жестом попросил подвезти, но автомобиль даже не притормозил. Через минуту мимо них промчался большой грузовик с прицепным фургоном. Водитель сбросил скорость и вроде бы хотел остановиться, но потом, видимо, передумал.

— О, эти машины! — воскликнула Анана. — Они такие примитивные! А сколько шума! Сколько вони!

— Да, но мы уже додумались до атомной энергии, — похвастался Кикаха. — По крайней мере, у нас есть атомное оружие. И я думаю, что к настоящему времени они создали машины на ядерном топливе — ведь с моего отъезда прошло целое поколение.

Мимо проехал многоместный автомобиль кремового цвета. Скользя взглядом по мужчине, женщине и двум подросткам, Кикаха удивленно уставился на юношу. Волосы у парня были гораздо длиннее, чем у него, и казались менее ухоженными. Желтые локоны девчонки плавно ниспадали на худенькие плечи, а лицо покрывал толстый слой косметики. Как у проститутки, подумал он. Но разве шлюхи в его время красили веки в зеленый цвет?

Родители, лет по пятьдесят, выглядели вполне обычно. Прическа мамы заметно отличалась от стиля 1946 года. Несмотря на возраст, она тоже пользовалась косметикой, хотя и не так щедро, как ее дочь.

Кикахе не удалось определить марку ни одной из увиденных машин. Некоторые из них имели эмблему «GM»*, но она оказалась единственным знакомым знаком. Впрочем, этого следовало ожидать. Его немного насторожила следующая машина — тот самый «жучок», который он ви-

* «Дженерал Моторс».

дел с карниза пещеры. Во всяком случае, машина выглядела точь-в-точь как та первая. VW*? Что бы это могло означать?

Он предвидел множество перемен, часть которых не будет поддаваться объяснению. Но Кикаха не мог понять, зачем кому-то понадобилось создавать такую безобразную и узкую машину, как эта VW, ведь он помнил маленький и юркий «виллис» своей юности. Кикаха пожал плечами. Выяснение подобных вопросов потребовало бы слишком много времени и сил, и он не мог себе этого позволить. Он должен сконцентрироваться на единственно важной и насущной проблеме — выжить, то есть убраться подальше от наемников Орка... если только они действительно работают на него.

Кикаха и Анана немного расслабились. В их движениях появилась раскованность и легкость. Анана начинала проявлять интерес к красоте окружающей природы. Внезапно она улыбнулась и, сжав руками его ладонь, сказала:

— Я тебя люблю.

Он поцеловал ее в щеку и ответил:

— Я тоже тебя люблю.

Она все больше походила на земную женщину. От напыщенной и надменной властительницы почти не осталось следа.

Услышав шум, Кикаха оглянулся и в четверти мили увидел черно-белый патрульный автомобиль, который выехал из-за поворота. В машине сидели двое полицейских в позолоченных шлемах. Ничем не выдавая своей тревоги, Кикаха шепнул:

— Когда машина остановится, води себя спокойно. Это полиция. Я все беру на себя. Но если увидишь, что я поднял два пальца, беги и прыгай вниз на склон горы. Хотя нет! Я передумал... Слушай, а давай поедем с ними? Они довезут нас до города или до его окраины. Там мы оглушим их небольшими разрядами излучателей и завладеем машиной. Как тебе мой план?

Однако машина промчалась мимо, даже не притормозив. Кикаха облегченно вздохнул:

* «Фольксваген».

— Наверное, мы выглядим не так подозрительно, как я ожидал.

Они пошли дальше и, пройдя полмили, услышали позади себя слабый рев. Звук нарастал, и на лице Кикахи расплзлась умиротворенная улыбка.

— Мотоциклы, — сказал он. — Много мотоциклов!

Рев стал оглушительным. Они обернулись и увидели около двадцати больших мотоциклов, которые, выскочив из-за поворота, неслись по дороге подобно черному облаку. Кикаха застыл в изумлении. Он никогда не видел, чтобы мужчины и женщины одевались в такие наряды. Вид кое-кого из них пробуждал воспоминания, которые он старался забыть после объявления мира в 1945 году. Его рука поползла к рукоятке ножа, а быстрый взгляд оценил глубину кювета, через который можно было перепрыгнуть.

На троих мотоциклистах были серые, похожие на ведра, немецкие каски с черной свастикой. У других он увидел железные кресты и металлические свастики на длинных цепочках.

Почти все они носили темные очки, и это делало их похожими на насекомых. Впечатление усиливали бороды, баки, вислые усы мужчин и яркая густая косметика женщин. Одежда в основном состояла из черных кожаных штанов и курток, лишь несколько мужчин носили грязные тенниски, имевшие некогда белый цвет. Многие были обуты в высокие армейские ботинки. Одна женщина вырядилась в кепи и ярко-красный френч с желтыми галунами. Черные куртки и тенниски пестрели черепами и скрещенными костями, нарисованными наподобие фаллосов. Каждую куртку украшала надпись: «ХАМЫ ЛЮЦИФЕРА».

Кавалькада с ревом промчалась мимо. Некоторые водители газовали, поднимали мотоциклы на задние колеса и махали паре путников руками, другие виляли по дороге, едва не выскакивая на обочину, третьи проезжали, выпустив руль и сложив руки на груди. Кикаха с усмешкой оценил их мастерство. Ему вспомнились школьные годы в Терра-Хоте, когда и он вот так же гонял на мотоцикле.

Анана наморщила нос.

— Ну и вонь от вашего горячего! — сказала она. — А ты почувствовал, как от них пахло? Они не мылись неделями или даже месяцами.

— Да, властитель этого мира очень неряшлив, — согласился Кикаха.

Он намекал на правила гигиены тех небольших вселенных, где правили другие властители. Будучи жестокими и безжалостными в обращении со своими народами, они ревностно чтили чистоту и красоту. Властители учреждали законы и религиозные заповеди, которые провозглашали чистоплотность фундаментом всякой культуры.

Впрочем, бывали и исключения. Некоторые властители низводили человеческие общины до полной деградации и абсолютного безразличия к санитарии.

Анана сказала, что властитель Земли считается единственным в своем роде. Рыжий Орк управлял миром в строжайшей секретности, хотя и не всегда соблюдал подобную анонимность. В былые дни на заре человечества он часто выставлял себя грозным и карающим богом. Но потом это ему надоело, и он ушел в подполье — иначе и не скажешь. Пустив все на самотек, он позволил событиям развиваться своим чередом. Этим объяснялись прежние, настоящие и будущие катаклизмы, которые сотрясали и будут сотрясать несчастную планету.

Кикаха почти ничего не знал о Рыжем Орке. Да он и услышал о нем всего лишь за несколько минут до того, как они с Ананой прошли через врата в его вселенную.

— Но как гадко и безобразно выглядели эти люди, — возмущалась Анана.

— Я же рассказывал тебе, как они доходят до такого состояния, — ответил Кикаха. — Кроме того, на Земле не прижилось селективное размножение. Люди от него отказались, а властитель, судя по твоим словам, просто умыл руки.

Они вновь услышали приглушенный рев моторов и через минуту увидели восьмерых мотоциклистов, которые возвращались к ним. На сей раз женщин среди них не было.

Мотоциклы проскочили мимо путников, замедлили ход и, развернувшись, поехали сзади. Кикаха и Анана продолжали идти. Три мотоцикла поднялись на задние колеса, а затем промчались так близко, что Кикаха мог бы сбить один из них ногой. Он начал склоняться к мысли, что ему так и следовало поступить, сократив тем самым разницу в силах. Ребята, как видно, решили порезвиться с двумя туристами, если только не задумали чего-нибудь похуже.

Некоторые из них свистели и выкрикивали Анане непристойные приглашения прокатиться с ними до ближайших кустов. Другие вопили, что хотят ее, и пересыпали свои восклицания грязной бранью. Анана не понимала многих слов, но по тону и ухмылкам начинала догадываться, о чем они кричат. Нахмутив брови, она сделала жест, распространенный среди властителей. Несмотря на некоторое своеобразие жеста, парни в куртках поняли его смысл. Один из них едва не свалился с мотоцикла от смеха. Другие оскалили зубы в звериной ухмылке.

Кикаха остановился и обернулся. Мотоциклисты окружили путников неплотным полуколыцом и заглушили моторы.

— Ладно,— произнес Кикаха.— Что вам от нас нужно? Ему ответил толстопузый юнец с короткой шеей, козлиной бородкой и густой порослью черных волос, которые выбивались из-под расстегнутого ворота рубашки. Его засаленные волосы украшала фуражка африканского военного корпуса.

— Понимаешь, Рыжий, будь мы из «Рабов Сатаны», нам бы приглянулась твоя задница. Но мы не гомики, и поэтому нам нужна эта прекрасная дама. Вот так-то, мсье.

— Да, старик! Сучонка — высший сорт! — заявил высокий тощий парень.

Длинные волосы, свисавшие до плеч, закрывали почти все его лицо, поэтому в глаза бросались лишь прыщи на лбу, большой заостренный кадык и золотая серьга, продетая в ухо.

— Я западаю на ней, парни! Чур, я буду первым! — проревел детина с густой клочковатой бородой.

Во рту у него не хватало пары зубов; лицо уродовал длинный широкий шрам.

Кикаха знал, когда надо говорить, а когда хранить молчание. Но иногда ему не удавалось сдержаться, и он действовал вопреки тому, что считал наилучшим вариантом. У него не было ни времени, ни желания ссориться с этими людьми. Ему предстояло серьезное и важное дело. Фактически от него зависела жизнь многих и многих миров. Если Звонарь уйдет от погони и приживется на Земле, он создаст и воспитает другие матрицы, и они в конце концов завоюют планету. В отличие от монстров научной фантастики Звонарь существовал на самом деле. Если он ускользнет, момент будет упущен, и тогда прости-прощай, родная Земля! А вернее сказать, прощай, человечество! Тела-то выживут, но расчлененные мозги людей превратятся в обитель чуждого разума!

Жаль, что нельзя спасать их по собственному выбору. А если уцелеют все, то выживут и вот такие подонки.

Дело принимало скверный оборот, и пару секунд Кикаха сомневался даже в том, что ему удастся спасти самого себя, не говоря уже обо всем мире. Восемь парней слезли с мотоциклов и медленно приблизились к ним, доставая оружие. В руках троих болтались длинные цепи; двое сжимали в кулаках железные прутья; шестой подкидывал нож с выкидным лезвием; седьмой надевал кастет; а последний помахивал ледорубом.

— Неужели вы хотите напасть на нас среди бела дня? — с удивлением спросил Кикаха. — Здесь в любую минуту может появиться полиция!

— При других обстоятельствах, парень, мы бы тебя не тронули, — ответил юноша в фуражке африканского корпуса. — Но когда я увидел эту цыпочку, у меня поехала крыша! Такая прелесть! Я просто не знаю бабы, которая могла бы ее переплюнуть. Это, брат, достояние всего народа! И мы решили ее поиметь! Врубаешься?

Кикаха не понял смысл последнего слова, но в остальном разобрался сразу. Они играли в грубых парней, которые берут все, что хотят.

— Тогда вам лучше подготовиться к смерти, — произнес он.

Его ответ смутил подонков, и на их лицах появилось удивление.

— Ну, Рыжий, ты даешь! — воскликнул тип в военной фуражке. — Надо отдать тебе должное — ты парень что надо. Но пойми, дурик, мы можем выпустить из тебя кишки и засунуть их тебе в пасть! Врубается? Ты мне нравишься, старик. И мы тебя не обидим. Давай нам цыпочку, и мы вернем тебе ее через час-другой. — Он усмехнулся и добавил: — Конечно, она уже не будет в таком хорошем виде, как сейчас. Но какого черта! Никто не идеален!

Кикаха заговорил с Ананой на языке властителей:

— Рискнув, мы можем получить один из этих мотоциклов. На нем мы доедем до Лос-Анджелеса.

— Эй! Ты по-какому там с ней заболтал? — закричал Африканская фуражка.

Он махнул рукой, и трое с цепями, оскалившись, двинулись вперед. Замахнувшись, они собирались нанести первую серию ударов, но Кикаха и Анана остановили их натиск двумя тонкими золотистыми лучами. Кольца были установлены на «оглушающую» мощность, поэтому все трое, выронив цепи, схватились за животы и согнулись пополам. Лучи, скользя по их макушкам, свалили бандитов на землю. Их лица покраснели от ожогов и лопнувших капилляров. Кикаха знал, что через пару часов они придут в себя. Однако несколько дней им придется помучиться от тошноты и боли. Животы распухнут и неделю-другую будут красными от кровоподтеков.

Остальные пятеро, побледнев от страха, замерли на месте.

Кикаха вытащил нож и метнул его в плечо Африканской фуражки. Тот жалобно взвизгнул и выронил ледоруб. Анана направила луч на ягодицы юнца, а Кикаха расправился с другими.

Воспользовавшись тем, что в течение нескольких минут на дороге не проехало ни одной машины, двое путников оттащили стенавших оглушенных людей к краю шоссе и столкнули их вниз по пологому откосу. Тела прокатились около двадцати футов и остановились на выступе скалы.

Кикаха выбрал склон покругче и сбросил туда семь мотоциклов. Они подскакивали на камнях и съезжали вниз, переворачиваясь в воздухе и рассыпаясь на части. Несколь-

ко машин вспыхнули ярким пламенем. Дым мог привлечь внимание посторонних, и Кикаха уже пожалел, что затеял это дело.

Анана потребовала объяснений некоторых слов. Узнав о том, что с ней хотели сделать бандиты, она спустилась по склону к распростертым телам, переключила излучатель на минимальную мощность и подпалила парням штаны, кожу и кое-что еще. Кикаха не сомневался, что они надолго запомнят Анану. Но, проклиная ее, им следовало бы помянуть добрым словом Кикаху — ведь именно он удержал свою спутницу от окончательной расправы.

Кикаха вывернул карманы Африканской фуражки и забрал его бумажник. На водительском удостоверении значилось имя Альфреда Роджера Губриха. Фотография не имела ничего общего с внешностью Кикахи, однако это не играло большой роли. Среди прочих мелочей в бумажнике оказалось сорок долларов.

Кикаха растолковал Анане правила езды на мотоцикле и вкратце описал то, что им следовало ожидать на дороге. Через минуту они выехали на шоссе и помчались в сторону Лос-Анджелеса. Рев мотора рассеял счастливые воспоминания Кикахи о тех днях, когда он гонял на мотоцикле по Индиане. Кикаху беспокоила дорога. Запах бензина раздражал нос и горло. Слишком долго он пробыл в тихом мире со сладким воздухом трав и цветов.

Обхватив его за талию, Анана молча наслаждалась новыми ощущениями. Кикаха оглянулся и увидел, как развеваются ее черные волосы. Она надела солнечные очки, которые позаимствовала у одного из «хамов». Темные стекла казались совершенно непроницаемыми. Анана что-то крикнула ему, но ветер и рев мотора заглушили ее слова.

Ведя мотоцикл, Кикаха понял, что прежний владелец, снижая вес машины, снял множество полезных и нужных деталей — например, передние тормоза. Разобравшись в преимуществах и недостатках мотоцикла, Кикаха сосредоточил внимание на дороге, но его мысли витали совсем в другом месте.

Он прошел долгий и фантастический путь от студенческого городка в Индиане до этой горной дороги на юге

Калифорнии. Так уж получилось, что, находясь с Восьмой армией в Германии, он нашел в развалинах местного музея странный полумесяц из твердого серебристого металла. Кикаха забрал этот трофей с собой в Блумингтон, и там в один из вечеров к нему пришел человек, который представился ему как Ваннакс и предложил за полумесяц фантастическую сумму. Но Кикаха отказался от денег. Той же ночью, проснувшись от необычного шума, он застал Ваннакса в своей квартире. Тот составлял на полу круг из двух полумесяцев. Кикаха бросился на Ваннакса, случайно вступил в этот круг, и неведомая сила тут же перенесла его в удивительный и прекрасный мир.

Два полумесяца образовали врата — устройство властителей, которое осуществляло некий вид телепортации из одной вселенной в другую. Кикаха перенесся в небольшой, искусственно созданный мир, творцом которого был властитель Ядавин. Этого властителя обманом заманили на Землю, а его вселенной овладел другой представитель великой и безжалостной расы бессмертных. Ядавин потерял память. Он забыл о своем прошлом и стал Робертом Вольфом.

Странно, в какой запутанный и сложный узел переплелись их судьбы. Кикаха помог Вольфу вернуться в свою вселенную, и после вереницы необычайных приключений тот не только обрел память, но и вновь захватил власть в созданном им мире. Он поселился вместе с несравненной Хрисеидой во дворце на вершине планеты, которая напоминала Вавилонскую башню, подвешенную в центре вселенной. Но объем его «карманной» вселенной мог вместить в себя лишь часть пространства той Солнечной системы, в которой находилась Земля.

А потом Вольф и Хрисеида таинственно исчезли. Очевидно, это произошло из-за козней какого-то другого властителя. Чуть позже Кикаха встретил Анану, которая вместе с двумя соплеменниками убегала от Черных Звонарей. Этих монстров создали властители. Первоначально они изготавливались в лабораториях как устройства для хранения воспоминаний и переноса разума из тела в тело. Но неразрушаемые матрицы, похожие на колокола, по-

степенно превратились в разумных существ, и, когда им удалось овладеть телами властителей, они начали тайную войну за мировое господство. Однако их замысел раскрылся, и в жестокой битве двух рас победили властители. Всех Звонарей заманили в ловушку и заточили в специально созданную вселенную. Однако небольшой группе Звонарей удалось скрыться, и после десяти тысячелетий вынужденного бездействия они вновь овладели человеческими телами и вырвались на свободу.

Прямо или косвенно Кикаха уничтожил пятьдесят Звонарей. Но последний — тот, кого называли Табююзом, — прошел через врата на Землю. Вольф и Хрисеида вернулись во дворец в самый разгар финального сражения. Под натиском Звонарей они бежали через первые попавшиеся врата. Этим же путем воспользовался и Табююз.

Кикаха хотел отыскать своих друзей. Кроме того, они с Ананой решили выследить и убить последнего Звонаря. Ускользнув от погони, тот мог со временем создать множество других матриц, и они объявили бы человечеству тайную войну. Звонари без труда уничтожили бы разум людей и, овладев их телами, отправились бы на захват других миров.

Зная об их коварстве и неуязвимости, властители никогда не забывали о Черных Звонарях. Каждый из них носил кольцо, которое вблизи матриц врагов активировало крошечное устройство и посылало сигнал тревоги в мозг властителя.

А ведь люди на Земле не знали о Звонарях. Они ничего не знали и о властителях. И возможно, Кикаха стал единственным землянином, которому довелось услышать о существовании этой расы и увидеть один из других миров.

Звонари расползутся по Земле, как раковая опухоль, и ничто тогда не спасет людей. Одного за другим их превратят в марионеток. Антенны матриц разрушат невральные связи, и разум Звонарей овладеет телами людей. Вторжение чужаков будет настолько коварным и скрытным, что люди узнают о нем лишь на последней стадии, да и то только при невероятном стечении обстоятельств.

И поэтому Звонаря надо найти и убить.

В то же время Рыжий Орк, властитель Земли, уже знал о пятерых незваных гостях, прошедших через ворота в его владения. Он пока еще не подозревал, что один из них — Черный Звонарь. Но Орк станет охотиться за всеми пятерыми. Жаль, что Кикахе с Ананой о нем ничего не известно. Было бы неплохо известить его о появлении Черного Звонаря. Но Анана и уж тем более Кикаха не знали, где он живет. Впрочем, всего лишь несколько часов назад Кикаха не знал даже о том, что и у Земли есть свой властитель.

Через пятнадцать минут путешественники спустились со склона и выехали на плоскогорье. Маленький городок со множеством белых уютных домиков на пересечении дорог издали выглядел чистеньким и симпатичным и казался бы сказочным местом, если бы не рекламные щиты и вездесущие вывески.

Проезжая по главной улице, Кикаха и Анана заметили на стоянке черные мотоциклы, а рядом, в закусочной под открытым небом, — остатки банды крутых и сексуально озабоченных «Хамов Люцифера». Они развалившись сидели за летними столиками, поедая гамбургеры и запивая их пивом. Услышав знакомый рев «харлея-дэвидсона», они подняли головы и раскрыли рты от удивления, когда пара незнакомцев промчалась мимо на машине их приятеля. Один из парней вскочил на мотоцикл и ударом ноги завел мотор. Его давно не чесанную голову украшала конфедератка. Высокую фигуру облежала белая шелковая рубашка с оборками на шее и запястьях. Наряд завершали блестящие черные штаны с красными лампасами и ботинки с меховой отделкой.

Остальные тоже побежали к машинам. Кикаха знал, что такие ребята разбираются в своих делах без помощи полиции. Что-то в их облике указывало на пренебрежение и неприязнь к закону. И они, очевидно, хотели взять весы Фемиды в свои грязные руки. Но Кикаха догадывался, что в городке они наглеть не станут. Он выжал газ и помчался на предельной скорости.

Как только поселок остался за поворотом дороги, Ана-на обернулась и выждала момент, когда вожак оказался в десяти футах от нее. Он пригнулся к рулю, и на его губах играла недобрая усмешка. По-видимому, он намеревался обогнать их и заставить остановиться, а то и мог сбить машину Кикахи ударом ноги. Сзади мчались еще пятеро мотоциклистов. Они растянулись в длинную шеренгу, и двое из них выехали на встречную полосу. Остальные мотоциклы, на каждом из которых было по два седока, отставали на двадцать—тридцать ярдов.

Быстро оглянувшись, Кикаха подбодрил Анану, и она выпустила луч, который срезал половину колеса у первой машины. Передок мотоцикла с визгом прочертил на бетоне искристую дугу, вожак вылетел из седла, и его рот открылся в крике, который никто не услышал. Он упал на обочину и заскользил по щебню, раздирая об острые камни лицо и тело. Пятеро мотоциклистов, следовавших за ним, попытались избежать столкновения с упавшей машиной, которая оказалась на их пути. Словно стайка рыб, они разъехались в стороны, но Анана полоснула лучом по колесам передних машин, и три мотоцикла свалились в одну кучу. Два оставшихся занесло на обочину, где они едва не упали в кювет. Другие мотоциклисты сбавили скорость, объезжая упавших седоков и разбитые машины.

Кикаха усмехнулся и закричал:

— Молодец, Анана!

Но, оглянувшись еще раз, он выругался, и улыбка исчезла с его лица. Из-за поворота в полумиле от них появилась черно-белая машина с красной мигалкой на крыше. Он надеялся, что полиция остановится около сбитых мотоциклов и станет расследовать дорожное происшествие. Но машина объехала кучу тел и битой техники, затем вновь вернулась на дорогу и, включив сирену, помчалась в погоню за Кикахой.

Когда их отделяло от полицейской машины каких-то пятьдесят ярдов, Анана обернулась и рассекла лучом передние шины. Касание получилось таким мимолетным, что ободы колес уцелели, и их только слегка скосило набок. Машина осела, ее повело в сторону, но она продол-

жала погоню. Внезапно автомобиль сбавил скорость, обих полицейских бросило на стекло, и сирена умолкла. Машина дернулась два раза, потом остановилась. Красные мигающие лампы превратились в маленькие точки, и Кикаха свернул за поворот, так и не узнав, что случилось с полицейскими.

— Если это будет продолжаться и дальше, у нас скоро кончатся заряды! — прокричал он. — А мне хотелось бы, черт возьми, приберечь их на крайний случай! Я и представить себе не мог, что у нас возникнет столько проблем. А ведь мы только начали!

Проехав пять миль, он увидел еще одну полицейскую машину, которая ехала навстречу. Она скрылась в широкой ложине и на минуту пропала из виду.

— Держись! — закричал Кикаха и свернул с дороги.

Перескочив через небольшой кювет, он выехал на широкую поляну, где камней было больше, чем травы. В сотне ярдов от дороги начиналась роща. Кикаха почти добрался до нее, когда в поле зрения снова появилась полицейская машина. Анана, цепляясь за него, прокричала, что полицейские тоже свернули на поляну. Кикаха притормозил. Анана навела излучатель на машину и выстрелила в бугор у самого бампера. Луч прочертил в земле глубокую борозду, шины взорвались, и из радиатора потекла вода.

Кикаха развернул мотоцикл и под углом к машине направился в сторону шоссе. Двое полицейских, взобравшись на бугор, открыли стрельбу. На таком расстоянии попасть в седоков было практически невозможно, тем не менее шальная пуля пробила им заднее колесо. Раздался хлопок, мотоцикл завилял, и Кикаха заглушил двигатель. Они проехали по инерции еще несколько ярдов. Полицейские с криками бросились к ним.

— Вот же дьявол! — пробормотал Кикаха. — Мне так не хочется их убивать! Хотя посмотрим...

Полицейские были толстыми и грузными. Им явно перевалило за сорок, а то и за пятьдесят. Кикаха и Анана могли поспорить в силе и ловкости с любым двадцатипятилетним, но их рюкзаки весили около тридцати фунтов каждый.

— Мы все равно их обгоним,— сказал он, и они побежали к дороге.

Полицейские вновь открыли стрельбу, выкрикивая приказы и угрозы. Однако быстро бегать они оказались не в состоянии и отставали все больше и больше, пока наконец не перешли на трусцу. Через полмили полицейские остановились. Присев на обломок скалы, они беспомощно наблюдали, как уменьшаются фигуры беглецов.

Кикаха усмехнулся, побежал быстрее и, сделав круг, направился к машине. Оглянувшись, он увидел, что полицейские догадались о его намерении. Они почувствовали, что оказались в дураках, и теперь бежали за ним из последних сил. Их ноги и руки мелькали, как поршни насоса, но движения становились все менее энергичными. Вскоре они перешли на шаг.

Кикаха открыл дверь машины, вырвал микрофон, затем сунул руку под приборную доску и оборвал провода, шедшие от рации. К этому времени к нему подбежала Анана.

Ключ зажигания по-прежнему находился в замке, а сами колеса, не считая шин, почти не пострадали. Анана забралась в машину, Кикаха сел за руль и завел мотор. Полицейские побежали быстрее. Они открыли стрельбу, но машина, подсакивая на камнях, набрала скорость и помчалась по поляне. Одна пуля пробила заднее стекло, покрыв его узором трещин. Затем автомобиль с грохотом проскочил кювет и выехал на шоссе.

После двух миль пути, устав от скрежета и яростных рывков, Кикаха решил расстаться с машиной. Он съехал в небольшой овраг, аккуратно запер двери и выбросил ключ в заросли сорняков. Не успели они пройти и пятидесяти ярдов, как послышался нараставший шум. Позади показался автобус. Он был весь разрисован спиралями, точками, квадратами, кругами и кляксами различных цветов. По переду и бокам автобуса тянулась длинная строка из ярко-желтых букв с оранжевым обводом — «КОРОЛЬ ГНОМОВ И ЕГО ТУХЛЫЕ ЯЙЦА». Выше надписи виднелись четвертные ноты, маленькие гитары и барабанчики, нарисованные алой и желтой красками.

Взглянув на мелькнувшие в окнах лица, Кикаха сначала подумал, что автобус захватили «Хамы Люцифера». Все те же длинные немытые волосы, вислые усы и бороды у мужчин; все та же густая косметика и длинные распущенные волосы у женщин.

Но лица казались немного другими — диковатыми, но не грубыми; отрешенными, но не жестокими.

Скрипнув тормозами, автобус замедлил ход и остановился. Дверь распахнулась, и из нее высунулся бородастый парень в огромных очках. Он махнул путникам рукой, приглашая в салон. Подбежав к автобусу, Кикаха и Анана осторожно поднялись по ступеням. Их встретили раскаты веселого смеха и бреление гитар.

За рулем сидел юнец, похожий на Буффало Билла. Он закрыл дверь, и автобус помчался дальше. Кикаха осмотрелся, приглядываясь к лицам шестерых парней и трех девушек. В конце салона за небольшим раздвижным столом трое пожилых мужчин играли в карты. Взглянув на новых пассажиров, они помахали руками и вернулись к игре. Часть автобуса была отгорожена, и там, как выяснилось позже, находились две костюмерные комнаты, ванная и туалет. На сиденьях и багажных полках лежали гитары, барабаны, ксилофоны, саксофоны, флейты и даже одна огромная арфа.

Юбки двух девушек едва прикрывали ягодицы. Темно-серые колготки и яркие кружевные блузы рельефно подчеркивали все интересные места их статных фигур, а великое множество разноцветных бус и густая косметика придавали им вид неземных созданий — зеленые и серебристые веки, накладные ресницы, пятна вокруг глаз, как у панды, зеленые (!) и бледно-лиловые (!) губы. В отличие от подруг третья девушка вообще не пользовалась косметикой. Ее длинные черные волосы доходили до талии. Она носила облегающий свитер в красно-зеленую полоску — без рукавов и с глубоким вырезом спереди. Наряд дополняли джинсы и сандалии. Парни в основном были одеты в брюки-клеш и кружевные рубашки с оборками, но главными атрибутами являлись длинные волосы и темные очки.

«Королем гномов» оказался высокий парень с лицом обреченного туберкулезника. Его внешность немного оживляли волнистые волосы, длинные усы, огромные очки, которые держались на самом кончике большого носа. В ухе у него торчала серьга. Знакомясь с гостями, он называл себя Лу Баумом (производное от фамилии Голдбаум).

Кикаха отрекомендовался Полом Финнеганом, а Анану представил как Энн Финнеган. Он сообщил Бауму, что она приходится ему женой и что они совсем недавно приехали из финской Лапландии. Он знал, что в подобных компаниях обычно не бывает людей, говорящих поллапландски, и потому считал эту генеалогию абсолютно бесприкрышной.

— Так, значит, она из страны северных оленей? — воскликнул Баум. — С ума сойти! Настоящая фея!

Он присвистнул, чмокнул кончики своих пальцев и послал Анане воздушный поцелуй. Слова сыпались из него, как горох из дырявого мешка.

— Да, куколка у тебя заводная, лопнуть мне на месте! Я просто в отпаде, старик! Слушай, а кто из вас играет на этой штуке?

Он кивнул на футляр в руке Кикахи.

Тот ответил, что в музыке они ничего не смыслят, а футляр используют вместо чемодана. Он не стал распространяться о том, что когда-то играл на флейте и увлекался ею до 1945 года. Кикаха не считал нужным описывать те музыкальные состязания на свирели, в которых он представлял честь «медвежьего народа» чужого Многоярусного мира. И он не стал перечислять то великое множество инструментов — земных или совершенно чуждых, — на которых умела играть Анана.

— Сначала мы бродили по Европе, а потом перебрались в Америку, — рассказывал он. — Этот месяц мы провели в горах, а потом решили сменить обстановку и посмотреть на Лос-Анджелес. Ни она, ни я еще там не бывали.

— Все ясно, — подытожил Баум. — Простые бродяги. Он говорил с Кикахой, но все время смотрел на Анану. Его глазки блестели, руки совершали странные движения, словно он лепил из воздуха бюст Ананы.

— А она может петь? — неожиданно спросил он.

— Может, только не по-английски, — ответил Кикаха. Девушка в джинсах встала и подошла к ним.

— Кончай, Лу, — сказала она. — У тебя с этой цыпочкой ничего не выйдет. Наш новый приятель убьет тебя, если ты ее хоть пальцем тронешь. Или она сама тебя прикончит. Эта штучка еще и не на такое способна.

Очевидно, Лу одолели сомнения. Он придвинулся к Кикахе и уставился в его глаза, будто рассматривал в микроскоп экзотическую бациллу. Кикаха почувствовал в его дыхании странный едкий запах. Через мгновение он понял причину этого зловония. Такой же запах исходил от жителей города Таланака на уровне Америкиндии — города, вырезанного в жадеитовой горе. Они курили наркотический табак, и, хотя Кикаха никогда не пробовал ничего подобного, он всегда подозревал, что это марихуана. Дело в том, что жители Таланака являлись потомками ольмекков из древней Мексики, и, попав в ловушку, расставленную властителем Ядавином, они, очевидно, пронесли в новый мир ростки любимого дурмана.

Зеленые глаза Кикахи не вызвали у Лу никаких подозрений. Он медленно повернулся к девушке, которую звали Му-Му Нансен, и сердито спросил:

— Слушай, милашка, а ты не вешаешь мне лапшу на уши?

— Нет, Лу, в этих ребятах есть что-то странное, — сказала Му-Му. — Что-то сильное, влекущее и пугающее. Они чужие, понимаешь? Они совершенно чужие.

Кикаха почувствовал холодок, который волной прокатился по спине. Анана придвинулась к нему и тихо зашептала на языке властителей:

— Не знаю, о чем она говорит, но мне это не нравится. В ней есть что-то от зандры. Девчонка видит суть вещей.

Слово «зандра» не имело точного или приблизительного аналога в английском языке. Оно означало некую смесь психолога, ясновидящей и безумной ведьмы.

Лу Баум покачал головой, вытер вспотевший лоб, а затем снял очки и начал надраивать платочком стекла.

Его голубые близорукие глаза подозрительно прищурились.

— Эта крошка чувствует людей не хуже телепата, — сказал он. — Она немного не в себе, но мне такие бабы нравятся. И она знает, о чем говорит.

— Я чувствую вибрации, идущие от вас, — объяснила Му-Му. — А они никогда меня не подводили. Обычно я просекаю людей вот так... — Она громко щелкнула пальцами. — Но от вас обоих исходит что-то странное. Особенно от нее. Я не могу понять, что именно. Вы как будто не из этого мира. Словно марсиане... Ты врубаешься, Лу?

Невысокий прыщавый блондин, которого все называли Стертым, поднял голову и отложил гитару в сторону.

— Финнеган не марсианин, — сказал он с широкой ухмылкой. — У него среднезападный акцент, и похоже, что он из Индианы, Иллинойса или Айовы. Скорее всего хужер, верно?

— Да, я хужер, — подтвердил Кикаха.

— Эй, парни! А ну закройте глаза! — прокричал Стертый. — Вы только послушайте, как он говорит. Скажи им что-нибудь, Финнеган. Скажи! Если его голос не точная копия Гэри Купера, я съем парадный бюстгальтер Му-Му!

По просьбе пассажиров Кикаха произнес несколько слов, и все засмеялись.

— Вылитый Гэри Купер! А ты, случайно, не поешь за него, парень? — кричали они.

Их смех разбил ту хрупкую напряженность, которую воздвигли слова Му-Му. Девушка, улыбаясь, села на свое место, но пристальный взгляд ее темных глаз вновь и вновь возвращался к двум незнакомцам, и Кикаха знал, что она не удовлетворена. Лу Баум устроился рядом с ней. Его кадык дергался, как поршень насоса. На лице застыло угрюмое и немного обиженное выражение. Однако Кикаха догадывался, что парня по-прежнему терзало любопытство — вернее, любопытство и легкий испуг.

Очевидно, он действительно считал свою подругу телепатом. И возможно, даже побаивался ее. Кикаху это не волновало. Он воспринимал ее экспресс-анализ как обычный маневр ревнивой женщины. А она явно хотела отвадить Баума от Ананы.

На данный момент Кикаха поставил перед собой две задачи — как можно быстрее добраться до Лос-Анджелеса и ускользнуть от наемников Орка. С автобусом им, конечно, повезло, размышлял Кикаха. Но задерживаться в этой компании не стоит. Как только они доберутся до подходящего места на окраине города, он пошлет подальше и «короля гномов», и его «тухлые яйца».

Кикаха решил осмотреть остальную часть автобуса. Когда он двинулся по проходу, трое пожилых мужчин, игравших в карты, подняли головы, но ничего не сказали. Он почувствовал легкое отвращение к их залысынам и седым волосам, расплывшимся и обрюзгшим лицам, к их морщинам, покрасневшим глазам, двойным подбородкам и большим животам. За двадцать четыре года, прожитых во вселенной Ядавина, он видел только пятерых пожилых человек. Люди там доживали до тысячелетнего возраста — если, конечно, им удавалось избежать несчастных случаев и насильственной смерти. Они не старели вплоть до последней сотни лет, но лишь немногие познавали бренность своих тел. И поэтому старость в мире Ядавина считалась исключительно редким явлением. Однако легкая неприязнь Кикахи не шла ни в какое сравнение с отвращением, которое испытывала к старикам Анана. Она выросла в мире, где не было физически старых людей. И хотя ее возраст достигал десяти тысяч лет и она успела побывать во многих вселенных, земляне казались ей самой безобразной расой в галактике. Властители придерживались строгих эстетических норм. Они удаляли из своих владений все, что казалось им некрасивым и мерзким. Зато остальные получали дар нескончаемой юности.

Баум встал и пошел за Кикахой.

— Что-нибудь ищешь, друг?

— Я очень любопытен, — ответил Кикаха. — Тут есть какой-нибудь выход, кроме передней двери?

— Аварийный выход в женской костюмерной. А зачем он тебе понадобился?

— Просто мне нравится знать такие вещи.

Кикаха не понимал, почему других людей удивляла его осмотрительность. Ему хотелось разведать пути отхода — что же в этом такого?

Он заглянул в туалет и две костюмерные, а затем последовал аварийный выход, чтобы в случае необходимости открыть его без лишних проблем.

Баум шел за ним следом.

— Нахальства тебе не занимать, приятель, — сказал он. — Ты знаешь, что любопытство погубило кошку?

— Но оно оставило живым кота, — ответил Кикаха.

Баум придвинулся ближе и понизил голос:

— Слушай, ты действительно зависишь на этой телке?

Фраза была новой для Кикахи, но он понял ее смысл.

— Да. А что?

— Ты разбил мое сердце, старик. Я приторчал от нее, понимаешь? Только без обид, приятель, — добавил он, когда Кикаха сузил глаза. — Му-Му тоже куколка что надо, но она немного странная. Ты и сам, наверное, заметил. Она говорит, что вы чудики и что от вас надо держаться подальше. Но вы мне нравитесь. И знаешь, если тебе нужны деньжата, скажем, тысяча или две, мы можем запросто договориться. Ты отдаешь мне свою красотку или, образно говоря, уступаешь ее на какое-то время, а сам отваливаешь в сторонку пересчитать шальные деньги... В общем, ты понимаешь, что я хочу сказать.

Кикаха усмехнулся.

— Две тысячи? — спросил он. — Наверное, ты ее очень сильно хочешь!

— Я понимаю, приятель, две тысячи на дереве не растут, но за такую бабцу не жаль и последней рубашки...

— Наверное, ты неплохо зарабатываешь, если бросаешься такими деньгами.

На этот раз Баум действительно удивился и даже немного обиделся.

— Ты что, смеешься? Хочешь сказать, что не слышал о моей группе? Да нас знает вся страна! Включи любой приемник — и мы там! Тридцать восемь раз в десятке лучших! Золотой диск и концерты в «Чаше»!* Думаешь, куда мы сейчас едем? Туда, дружок, в «Чашу»! Неужели не врубается?

* «Голливудская Чаша» — концертный зал под открытым небом.

— Мы только недавно вернулись в Америку, так что не удивляйся,— сказал Кикаха.— А что, если я возьму твои деньги, а Энн пошлет тебя подальше? Не стану же я силой подсовывать ее под тебя.

Баум обиделся еще больше:

— Да мне девки отдаются по дюжине за ночь. Ткну пальцем в любую, и она моя. У меня их как грязи, понял? И ты говоришь, что эта Энн — эта дочка Деда Мороза — пошлет меня подальше? Откажет мне? Бауму? «Королю гномов»?

Кикаха критически осмотрел его перекошенное прыщавое лицо и кривые прокуренные зубы.

— Ладно, деньги у тебя при себе?

До этого момента голос Баума был просительным и льстивым. Но теперь в нем появились нотки торжества и легкого презрения.

— Я могу дать тебе тысячу, и, возможно, Солли, мой агент, отстегнет еще пять сотен. На остальное выпишу чек.

— Прямо как на распродаже рабов,— проворчал Кикаха.— Слушай, Лу, тебе же не больше двадцати пяти, верно? И ты вот так соришь деньгами?

Он вспомнил свою молодость во времена Великой депрессии. С каким трудом ему удавалось сводить концы с концами и как тяжело приходилось другим.

— А ты точно чудик какой-то,— раздраженно проговорил Баум.— Неужели до тебя не дошло? Или ты просто притворяешься простачком?

Его голос переполняло презрение. Кикахе хотелось рассмеяться ему в лицо и врезать по зубам, однако он не сделал ни того ни другого.

— Ладно, гони свои пятнадцать сотен. Но только прямо сейчас. И знай, если Энн на тебя наплюет, обратно деньги не получишь.

Баум нервно оглянулся на Му-Му, которая подсела к Анане.

— Подожди, пока мы доберемся до Лос-Анджелеса,— сказал он.— Когда остановимся перекусить, можешь сваливать. Деньги получишь перед самым уходом.

— А у тебя хватит мужества рассказать своей подружке, что Энн остается с вами? — с усмешкой спросил Ки-

каха.— Впрочем, это твои проблемы. Я согласен на все условия, но деньги ты принесешь сейчас! Иначе Му-Му узнает о нашем разговоре.

Баум побледнел, и его челюсть немного отвисла.

— Ну ты и змей... Наглости тебе не занимать!

— И еще мне нужен подписанный документ, который будет объяснять происхождение этих денег. Я хочу быть чист перед законом.

— Думаешь, я собираюсь сдать тебя легавым?

— Да, мне на ум пришла такая возможность,— ответил Кикаха, удивляясь тому, что полицейских теперь стали называть «легавыми».

— Возможно, тебя где-то и носило по Европе, но, я смотрю, ты еще не забыл наших коронных приколов,— похвалил его Баум, переходя на менее презрительные тона.

— Люди вроде тебя есть повсюду,— отозвался Кикаха. Он знал, что им с Ананой потребуются деньги, а времени на честный заработок не будет. Воровать и грабить ему не хотелось, и он решил по возможности не преступать границ закона. Если этот самонадеянный глупец считает, что Анану можно купить за деньги, пусть платит за возможность испытать свое счастье.

Баум покопался в карманах куртки и, вытащив восемь сотенных купюр, вручил их Кикахе. Затем подошел к раздвижному столику и о чем-то заговорил с лысоватым толстяком, который курил огромную сигару. Тот яростно замахал руками и бросил несколько хмурых взглядов на Кикаху. Тем не менее Баум настоял на своем и выпросил еще пять сотен. Он написал записку на клочке бумаги, где удостоверять, что деньги являются оплатой долга Полу Я. Финнегану. Вручив ее Кикахе, он потребовал, чтобы тот написал ему расписку в получении денег. На остальную сумму Баум выписал чек, но Кикаха не сомневался, что оплата по этому аккредитиву будет приостановлена.

Баум остался поболтать с менеджером, а Кикаха устроился в пустом ряду у окна, где на сиденье лежало несколько журналов, дешевых книг и газет «Лос-Анджелес таймс». Какое-то время он увлеченно знакомился с прессой, потом отложил газеты в сторону и уставился в окно.

Его потрясло, насколько изменилась Земля с 1946 года.

Отогнав уныние и грусть, он раскрыл карту Лос-Анджелеса, которую нашел среди журналов. Окинув взором запутанную сеть улиц и площадей, Кикаха понял, что Вольф и Хрисеида могут оказаться в любой точке этого огромного города. Оставалось надеяться, что они направились именно сюда, а не в Неваду или Аризону. Во всяком случае, ближайшие врата находились здесь. А значит, его друзья могли сейчас ехать в каком-нибудь автобусе, опережая его всего лишь на несколько миль.

Но Вольфа и Хрисеиду застали врасплох. Спасая свои жизни, они бежали на Землю, потому что у них не было другого выбора. Они пришли в этот мир в одеждах властителей, причем Хрисеида могла оказаться вообще полутолой. Очевидно, им пришлось позаимствовать одежду у других, а затем Вольф нашел для Хрисеиды большие темные очки, иначе огромные зеленые глаза выдали бы ее внеземное происхождение. Несмотря на удивительную красоту, здесь ее посчитали бы уродцем.

И все же им хватит ума, чтобы приспособиться к жизни среди людей. К тому же Вольф провел на Земле гораздо больше времени, чем Кикаха. А вот для Звонаря это совершенно незнакомый и пугающий мир. Он не знает ни слова на земных языках, и ему придется таскать повсюду свою матрицу, которая будет стеснять и затруднять его действия. Но он может пойти в любом направлении, и ему все равно, куда ведет его дорога.

Обдумав ситуацию, Кикаха решил отправиться к ближайшим вратам в надежде, что Вольф и Хрисеида поступят таким же образом. Встретившись и объединив свои силы, они спланируют дальнейшие действия и придумают оптимальный способ ликвидации Черного Звонаря. Но если Вольф и Хрисеида не появятся, груз ответственности ляжет на него и Анану.

К Кикахе подсела Му-Му. Она провела ладонью по его плечу и руке.

— Вот это да! Какие мускулы! — восхищенно воскликнула она.

— Немножко есть, — ответил он с улыбкой. — И тебе удалось смягчить мое сердце лестью. Поэтому выкладывай, что там у тебя на уме.

Она прижалась к нему, томно потерлась большой грудью о его руку и печально сказала:

— Этот Лу такой бабник, что я даже слов не нахожу. Стоит ему увидеть смазливую девчонку, как он тут же теряет последние мозги. Он уже говорил с тобой, верно? Уговаривал отдать ему твою подружку? Могу поспорить, он даже предлагал за нее деньги.

— Да, кое-что предложил, — ответил Кикаха. — А почему ты спрашиваешь?

Му-Му провела ладонью по его бедру.

— Мы тоже можем сыграть в эту игру, — прошептала она.

— Значит, ты тоже хочешь предложить мне деньги?

Она обиженно отстранилась и сердито ткнула кулачком в его плечо.

— Мне платить тебе? Да ты смеешься надо мной!

В другое время Кикаха подыграл бы ей до самого счастливого конца. Но теперь, как бы банально это ни звучало, от него зависела судьба всего человечества. Если Звонарю удастся приспособиться к местным условиям, он создаст другие матрицы, и лет через десять—двадцать разум чужаков внедрится в тела людей... и милашка Му-Му превратится в бездушную вещь, подвластную воле хозяина.

Впрочем, возможно, это и не самый печальный исход. Если верить тому, что Кикаха прочитал в газетах и журналах, человеческая раса сама обрекла себя на гибель — а заодно и всю жизнь на некогда прекрасной планете. В принципе для Земли даже выгодна победа Звонарей. Их разум опирается на логику, а не на похоть и желания. Они быстро расчистили бы тот бардак, в который люди превратили планету.

Кикаха поежился. Ему не понравился такой ход мыслей. И он не должен успокаиваться до тех пор, пока не умрет последний Звонарь.

— Ну что за дела, малыш? — спросила Му-Му, и ее голос утратил былую мягкость. — Неужели ты не хочешь со мной перепихнуться?

Он похлопал ее по бедру.

— Ты очень красивая девушка, Му-Му, но я люблю свою Энн. И знаешь, что я тебе скажу! Если «королю гномов» удастся превратить ее в одно из своих «тухлых яиц», мы с тобой сыграем им свою музыку. А уж ты поверь, это будет кое-что получше, чем то дерьмо, которым давится сейчас приемник.

Му-Му удивленно уставилась на Кикаху и тихо произнесла:

— Что ты этим хочешь сказать? Это же «Роллинг Стоунз»!*

— Да, с такой музыкой за мох не зацепиться,— согласился он.

— Слушай, ты же ни во что не врубаешься! — закричала она.— Парень, ты квадрат! Ты квадрат в квадрате! Такое впечатление, что тебе за пятьдесят!

Кикаха пожал плечами. Поп-музыка не интересовала его даже в юности. Но в то время она была приятной и не шла в сравнение с этими визгливыми криками, от которых зубы сжимались сами по себе.

Поток транспорта возрастал, но автобус по-прежнему мчался на предельной скорости. Страна пустынь осталась позади, и за окнами потянулись зеленые поля. Солнце жгло нещадно, воздух раскалился и наполнился вонью выхлопных газов. Стекла дрожали от рева огромных грузовиков. У Кикахи заслезилась глаза. Появилось ощущение, будто в нос натолкали иголок. Впереди возникло сероватое марево. Они проехали его, воздух стал немного чище, но серая дымка снова оказалась впереди.

Му-Му заговорила о смоге, который буквально свирепствовал в этих местах. В одном из журналов смог называли фактором повышенной смертности, однако Кикаха пока не улавливал смысл столь странного слова. Если это то, чем дышали люди Южной Калифорнии, он не хотел иметь со смогом ничего общего. Глаза Ананы покраснели и заслезилась. Она чихнула, пожаловалась на головную боль и сказала, что у нее заложило нос.

Му-Му ушла в туалет, и Анана пересела к Кикахе.

* «Роллинг стоун» — перекаати-поле.

— Ты мне не говорил, что здесь такой воздух,— сказала она.

— Я и сам об этом не знал. В мое время атмосфера была еще чистой.

Автобус мчался быстро и лихо. Он перескакивал с одной полосы на другую, протискивался между машинами и, подрезая путь соседям, нагло вырывался вперед. Водитель пригнулся к рулю. Его рот открылся. Язык то и дело высовывался и подрагивал между зубами. Глаза сияли каким-то нездоровым блеском. Парень совершенно не обращал внимания на визг тормозов и рев гудков. Он яростно давил на свой клаксон, распуская всех, кто возникал на его пути. Низкий и громкий сигнал звучал, как гудок локомотива. Менее стойких водителей буквально сметало на другую полосу, и они впритык притирались к другим машинам.

Чуть позже поток машин стал настолько плотным, что их автобусу пришлось ползти со скоростью пешехода, время от времени останавливаясь на пять-шесть минут. Транспорт едва тащился. Жара усиливалась, а серое марево густело.

Му-Му повернулась к Лу Бауму:

— Почему мы до сих пор не установили в автобусе кондиционер? На другие дела тебе денег не жаль, а как своим что-то сделать, так сразу кишка тонка!

— Не так и часто мы попадаем в пробки,— вступился за Баума его менеджер.

Кикаха рассказал Анане о предложении Баума.

— Я даже не знаю, плакать мне или смеяться,— ответила она.

— Немного того и немного этого тебе не помешает. Я обещал ему не отговаривать тебя. Впрочем, он уверен на все сто процентов, что ты предпочтешь его, а не меня. Неужели Лу Баум прав?

— Но ты же продал меня, дружок. Я теперь даже не знаю, смогу ли ему отказать. Мне надо подумать, а ты помучайся часок-другой.

— Хорошо. Пойду помучаюсь,— ответил он. Кикаха встал, прогулялся по проходу и пару раз осмотрел маши-

ны через заднее стекло. Через несколько минут он вернулся и сел в кресло рядом с Ананой.

— За нами едет черный «линкольн-континенталь», — сказал он, понизив голос. — Я узнал в нем одного из тех парней, которых мы видели в бинокль.

— Но как они нас нашли?

Ее голос остался ровным, но тело мгновенно напряглось.

— Возможно, еще не нашли, — ответил он. — Я надеюсь, что это совпадение. Мне кажется, они и понятия не имеют, что мы так близко. Хотя, с другой стороны...

Такое совпадение казалось слишком маловероятным. Но как они их засекли? Неужели на дороге расставлены посты и их заметили через окно автобуса? Или Орк имеет такую разветвленную организацию, что даже в этом автобусе у него оказался свой информатор?

Кикаха отмел последнюю мысль, как чистую паранойю. Пройдет немного времени, и он узнает, совпадение это или нет.

Люди в машине не проявляли к автобусу никакого интереса. Со стороны казалось, что между ними шел яростный спор. Трое из них, с темными волосами, выглядели лет на сорок—сорок пять. Четвертым был молодой блондин со стрижкой под Юлия Цезаря. Кикаха рассматривал этих людей до тех пор, пока не запечатлел в памяти их черты.

Вскоре скорость движения увеличилась. Автобус проезжал мимо мрачных промышленных кварталов, фабричных стен и фасадов неказистых строений. Серовато-зеленый смог стал менее заметен, но его разъедающее действие усилилось.

— Неужели люди все время дышат этой гадостью? — возмущалась Анана. — Просто удивительно, как такое можно вынести.

— Я знаю о смоге не больше тебя, — напомнил Кикаха. Баум приподнялся со своего места и закричал водителю:

— Джим, будешь подъезжать к торговому центру, притормози и поищи стоянку с закусочной! Я проголодался.

Остальные пассажиры протестовали. Всем хотелось добраться до места и пообедать в гостинице. Они кричали, что езды осталось на полчаса. К чему такое нетерпение?

— Я голоден! — заорал Баум.

Вытаращив глаза, он осмотрел каждого из них и сердито топнул ногой.

— Я хочу есть и не намерен ждать ни минуты! Там нам придется продирааться через толпу фанаток и хипповок, а вы сами знаете, сколько на это уйдет времени! Поэтому пообедаем сейчас!

Остальные лишь пожали плечами. Очевидно, они уже свыклись с причудами Баума. Наверное, он мог топтать ногами и кричать до тех пор, пока не добивался своего. Однако на сей раз его поведение диктовалось не капризом, а страстью.

Му-Му картинно закатила глаза, покачала головой и подошла к Кикахе.

— Он дает понять, что тебе пора сваливать, Рыжий. Так что можешь собирать пожитки и прощаться со своей подружкой.

— Значит, ты уже сталкивалась с этим и раньше? — с усмешкой спросил Кикаха. — Но почему ты так уверена, что Энн захочет остаться?

— Насчет нее у меня уверенности нет, — призналась Му-Му. — Я сразу сказала, что в вас есть что-то странное, и это чувство не прошло. Наоборот, оно стало еще сильнее.

И тут она удивила Кикаху.

— Вы убегаете от кого-то, верно? От легавых. И от других. Этих других вы боитесь больше, чем легавых, потому что вам наступают на пятки. Я чувствую запах опасности. — Она сжала его ладонь, пригнулась ниже и шепнула: — Если я могу тебе помочь, ищи меня в «Беверли Хилтон». Мы там будем неделю, а потом поедem в Сан-Франциско. Если хочешь, позвони. Я скажу портье, чтобы тебя со мной соединили. Звони в любое время, не стесняйся.

Кикаха поблагодарил ее за заботу и предложенную помощь. Но он не мог удержаться от мысли, что для простой и милой попутчицы она слишком уж хорошо о нем информирована. А вдруг она связана с Рыжим Орком?

Кикаха тут же отверг свои подозрения. Его жизнь была настолько полна опасностей и рискованных ситуаций,

что у него вошло в привычку планировать контрмеры на случай самого плохого варианта. А Му-Му действительно могла оказаться чутким человеком с необычными психическими способностями.

Автобус свернул с магистрали и направился к «Музыкальному центру». Вокруг вздымались высотные здания, которые напомнили Кикахе район Манхэттена. Он с удовольствием глазел бы на них часами, но ему приходилось следить за большим черным «линкольном» и его пассажирами. Машина свернула следом за автобусом, и теперь между ними оставалось только два автомобиля. Кикаха с радостью допустил бы, что это всего лишь новое совпадение, но его сомнения начали превращаться в уверенность.

Автобус подрулил к углу стоянки, в центре которой находилась большая закусочная. Дверь открылась, и водитель побежал занимать места. Протянув руку Анане, Баум помог ей сойти со ступенек. Заметив это, Кикаха хмыкнул и повернулся в сторону «линкольна». Машина преследователей сделала разворот, выехала на стоянку и остановилась в пятом ряду от навеса закусочной.

На Баума тут же налетели пять или шесть девиц, которые визгливо выкрикивали его имя и какие-то невразумительные восклицания. Каждая из них считала своим долгом коснуться его лица или одежды. Баум улыбался и, отбиваясь от почитательниц, просил, чтобы они отошли. После минутной неразберихи команда бородатых музыкантов оттеснила фанаток в сторону.

Взяв рюкзак и футляр, Кикаха вышел из автобуса и вместе с Му-Му зашагал к прилавку под тентом, где устроились Баум и Анана. Официантка подавала гамбургеры, горячие сосиски, кока-колу и взбитые сливки. При виде этих яств у Кикахи потекла слюна. С тех пор как он съел последний гамбургер, прошло двадцать четыре года! О боже, какое счастье иногда приносят маленькие и простые вещи!

Он откусил кусочек и медленно разжевал его. В мясе чувствовался какой-то незнакомый компонент, который ему не понравился. Казалось, что этой безвкусной приемсью были пропитаны и салат и помидоры.

Анана поморщилась и спросила на языке властителей:

— Что за гадость они положили в это блюдо?

Кикаха пожал плечами:

— Наверное, какое-то вещество от насекомых. Хотя его доля так мала, что я не стал бы утверждать. И все же здесь что-то есть.

Они ограничились шоколадом со взбитыми сливками. Сладкое оказалось таким же густым и вкусным, каким он его помнил. Анана кивнула в знак одобрения.

Люди в «линкольне» разглядывали из окон Кикаху и Анану — вернее, всю их группу.

Баум повернулся к Кикахе:

— Ладно, Финнеган. Время пришло. Давай сваливай. Кикаха усмехнулся ему в лицо:

— Мы договорились, что я уйду, когда она согласится уехать с тобой. Баум захохотал:

— Мне просто хотелось пощадить твои чувства, простота ты деревенская. Ладно, будь по-твоему. Следи за мной. Возможно, чему-нибудь научишься.

Он придвинулся к Анане и что-то шепнул на ухо Му-Му. Та отшатнулась, вскочила со стула и, закрыв лицо руками, побежала к автобусу. Кикаха взглянул на Анану и Баума. Их контакт закончился очень быстро, причем довольно драматично.

Анана отвесила Бауму звонкую пощечину, и хлопок прозвучал как выстрел на фоне шума проезжавших машин и галдежа восторженных поклонниц. Сначала все замерли от удивления, а потом фанатки разразились гневными воплями. Баум вскрикнул, замахнулся и попытался ударить Анану кулаком, но та увернулась и с грозным видом поднялась со стула. Подбежавшие люди заслонили ее от Кикахи.

Он сгрел со стойки деньги, оставленные клиентами, и, сунув их в карман, прыгнул в гущу толпы. Его едва не сбили с ног. Многие посетители старались отбежать подальше от драки. Фанатки набрасывались на него, царапали и, визжа, норовили ударить в лицо.

Прорвавшись сквозь кольцо зевак, Кикаха увидел Лу Баума, валявшегося на земле. Он прижимал колени к груди и хватался руками за пах. Рядом с ним сидела одна из

его поклонниц. Согнувшись пополам, она держалась за живот. Другая, прислонясь спиной к деревянной облицовке стойки, блевала на плечо своего кумира.

Кикаха схватил Анану за руку и закричал:

— Бежим! Вот шанс, которого мы ждали!

Тараня футляром стоявших на пути людей, он помог ей выбраться из толпы, и они побежали к дальнему концу стоянки. Когда они оказались в узком проходе между двумя высотными зданиями, Кикаха оглянулся. «Линкольн» выезжал с площадки, а трое мужчин бежали за ними следом. Оружие они пока не доставали, решив, очевидно, воспользоваться им после того, как догонят беглецов. Но Кикаха не собирался предоставлять им такую возможность.

Когда они выбежали на следующую улицу, его осенила шальная мысль. «А почему бы и нет? — подумал он. — Я могу потратить несколько лет, разыскивая Рыжего Орка. Но если поймать тех, кто работает на него...»

Следующая улица оказалась такой же многолюдной, как и предыдущая. Кикаха и Анана перешли на быстрый шаг. Мимо них проехала полицейская машина. Включив вдруг красные сигнальные огни, она резко набрала скорость и, визжа тормозами, свернула на перекрестке за угол. Какой-то старый алкоголик, выкрикивая проклятия, угрозил ей вслед кулаком.

Кикаха оглянулся. Трое мужчин по-прежнему оставались на виду, но приближаться пока не хотели. Один из них говорил что-то в микрофон, спрятанный в рукаве. Он либо переговаривался с водителем машины, либо докладывал обстановку своему хозяину. Кикаху уже не удивляли эти крохотные рации, которые не шли в сравнение с огромными радиопередатчиками образца 1946 года. Однако их преследователи могли пользоваться аппаратурой, еще не известной землянам — конечно, не считая тех, кто работал на Рыжего Орка.

Погоня продолжалась. Пройдя пару кварталов, Кикаха снова оглянулся. Заметив, что трое мужчин сели в черный «линкольн», он остановился перед грязной витриной ломбарда и начал лениво разглядывать выставленные на продажу обломки людских надежд.

— Мы дадим им шанс схватить нас, — сказал он Ана-не. — Я не знаю, хватит ли у них смелости сделать это среди бела дня, но, если они отважатся, мы поступим так...

«Линкольн» поравнялся с ними и затормозил.

Кикаха повернулся и с улыбкой кивнул людям, сидевшим в машине. Передняя и задняя дверцы открылись. Трое мужчин вышли на тротуар и зашагали к беглецам, доставая что-то из карманов курток. В тот же миг на улице заголосила сирена. Трое быстро обернулись в сторону полицейской машины, которая неожиданно появилась из-за угла. Она обошла небольшой грузовичок, в крутом вираже обогнула «линкольн» и пронеслась через перекресток под красный сигнал светофора. Никто из полицейских не заметил, что у ломбарда назревала серьезная проблема.

Пока трое наемников делали вид, будто возвращаются к «линкольну», Кикаха воспользовался тем, что их внимание было отвлечено полицейской машиной. Прежде чем они вновь повернулись к беглецам, он оказался за их спинами и ткнул костяшками пальцев в бок пожилого бандита.

— Я прожгу в тебе дыру, если будешь дергаться, — сказал он. — Постарайся вести себя хорошо.

Анана навела излучатель на спину молодого парня с прилизанными светлыми волосами. Тот съежился, его челюсть отвисла: он, по-видимому, никак не мог поверить, что на виду у полусотни свидетелей их дичь повела себя так смело и нагло.

«Линкольн» засигналил. Водитель высунулся из окна и жестом показал приятелям, что надо поторапливаться. Но тут он увидел за спинами компаньонов Кикаху и Ана-ну. В это время третий мужчина махнул ему рукой, давая понять, чтобы тот отъезжал. Визжа и сжигая шины, «линкольн» рванул с места и через секунду свернул за поворот, едва не сбив пешехода.

— Это был умный ход! — похвалил Кикаха стоявшего перед ним мужчину. — Один ноль в вашу пользу!

Третий наемник направился к перекрестку.

— Я убью этого парня, если ты не вернешься,— предупредил его Кикаха.

— Убивай, мне-то что! — ответил мужчина и перешел на быстрый шаг.

Анана взглянула на Кикаху, и тот сказал ей на языке властителей:

— Отпусти своего! Мы возьмем этого старика, отведем его в укромное место и как следует допросим.

— А если другие пойдут за нами?

— Пусть идут. В данный момент они меня не беспокоят.

Конечно, его волновала вероятность слежки, но он не хотел показывать Анане своего беспокойства.

Блондин презрительно усмехнулся и вразвалочку зашагал по тротуару. Однако походка выдавала его страх, и он испытывал большое облегчение, выбравшись из перделки живым и здоровым.

Кикаха в двух словах объяснил заложнику, что с ним произойдет, если он попытается бежать. Мужчина промолчал. Он сохранял абсолютное спокойствие. Почувствовав в нем профессионала, Кикаха подумал, что им следовало прихватить с собой блондина, а не этого молчуна. Тот бы быстро раскололся. Но что сделано, то сделано, и теперь уже ничего не изменишь.

Его пока смущало одно — куда отвести пленника для допроса? Они находились посреди огромного незнакомого города. Судя по виду строений и большому количеству пешеходов, где-то рядом должны были располагаться трехразрядные гостиницы. В принципе они могли снять номер и отвести пленника туда. Но тогда он воспользуется ситуацией, поднимет крик и позовет на помощь. Если же им все-таки удастся затащить его в комнату, остальные бандиты, проследив их путь, позовут подкрепление, и гостиничный номер превратится в ловушку.

Кикаха кивнул, и они зашагали по тротуару. Придерживая пленника за локоть, Кикаха шел рядом и время от времени посматривал на грубоватый профиль мужчины. Тот выглядел лет на пятьдесят. Вполне обычные черты — темная, болезненного цвета кожа, карие глаза, большой крючковатый нос, пухлый рот и массивный подбородок.

На вопрос, как его зовут, мужчина буркнул:

— Мазарин.

— На кого работаешь? — спросил Кикаха.

— На того, с кем тебе лучше не связываться, — ответил пленник.

— Если ты скажешь мне, кто твой хозяин и как до него добраться, я отпущу тебя на все четыре стороны, — пообещал Кикаха. — В случае отказа я буду поджаривать твою задницу до тех пор, пока ты не ответишь на все мои вопросы. Ты же знаешь, у каждого есть свой предел, и при верном подходе даже самые крутые парни начинают болтать без умолку.

Мужчина пожал квадратными плечами:

— Наверное, ты прав. И что дальше?

— Я не понимаю, откуда такая преданность? — с удивлением спросил Кикаха.

Мужчина осмотрел его с презрением:

— А я не понимаю, как ты собираешься выполнять свои угрозы. Короче, делай, что хочешь, а я тебе больше ни слова не скажу.

Он поджал губы и отвел взгляд в сторону.

Пройдя пару кварталов, Кикаха оглянулся. Невдалеке из-за поворота появился «линкольн». Подобрав двух отпущенных бандитов, машина медленно поехала по ближней полосе. Водитель, конечно же, успел связаться со своим хозяином. Кикаха не сомневался, что их троица ожидала теперь подкрепления. Положение становилось серьезным.

И тут Кикаха усмехнулся.

Он быстро описал Анане свой план, и они подтолкнули Мазарина к краю дороги. Секунд через двадцать «линкольн» поравнялся с ними. Трое пассажиров смотрели на них так, словно не верили собственным глазам, и выглядели немного напуганными. Кикаха помахал рукой, машина остановилась. Двое мужчин с правой стороны вытащили оружие и направили его на Анану, прикрывая стволы от случайных взглядов прохожих.

Кикаха подтолкнул Мазарина, и они, обойдя машину спереди, подошли к задней дверце со стороны водителя. Анана осталась на тротуаре — футах в пяти от «линкольна».

— Полежай в машину,— приказал Кикаха. Мазарин недоумевающе посмотрел на него и, открыв дверь, начал забираться в салон. Подтолкнув его в спину, Кикаха последовал за ним. Все трое бандитов повернулись к нему, оставив на секунду Анану без присмотра. А она, склонившись к окну, прижала кольцо к голове мужчины на переднем сиденье. Излучатель был установлен на «оглушающую» мощностъ. Бандит дернулся, повалился на водителя, и Кикаха, не теряя времени, выпустил луч в Мазарина.

Блондин, испуганно прижавшись к задней двери, навел пистолет на Кикаху.

— Ты, наверное, тронулся, парень! — нервно закричал он.— Не шевелись, или я тебя подстрелю!

Луч из кольца полоснул его по затылку и опалил кожу черепа до ожога первой степени. Голова блондина дернулась вперед, словно его огрели кулаком. Падая, он рефлекторно нажал на спусковой крючок. Автоматический пистолет тридцать восьмого калибра дал короткую очередь, которая прозвучала в машине как гром. Мазарин качнулся вперед, вскинув руки, и задел ладонью грудь Кикахи. Затем он медленно повалился на пол.

Водитель прорычал проклятие и рванул машину с места. Анана отпрыгнула, едва увернувшись от удара крылом. Кикаха приказал водителю остановиться, но тот вдавил педаль газа до упора и выкрикнул в ответ грязное ругательство. Он мчался к перекрестку, хотя на светофоре горел красный свет. Наверное, он думал, что Кикаха не осмелится приставать к нему на такой скорости.

Но Кикаха осмелился. Он оглушил его ударом кулака, и «линкольн» тут же замедлил ход. Автомобиль на довольно приличной скорости врезался сзади в машину, которая ожидала на перекрестке разрешающего сигнала светофора. Кикаха присел на корточки за передним креслом. Его бросило вперед вместе со спинкой сиденья, но тело водителя послужило хорошим амортизатором.

Открыв дверь, Кикаха выглянул из автомобиля. Водитель чужой машины ошеломленно потирал руками разбитый лоб и, похоже, находился в состоянии легкого шока. Кикаха вновь забрался в «линкольн», вытащил из куртки Мазарина бумажник, а чуть позже присвоил и бумажник

водителя. Регистрационной карточки на машину не оказалось, хотя он осмотрел и бардачок у руля, и отделение для перчаток. Не рискнув оставаться дольше на месте происшествия, Кикаха выскочил на тротуар и только сейчас услышал позади себя крики.

Анана ждала его на перекрестке. Они быстро свернули за угол и торопливо пошли мимо огромных витрин универмага. За ними последовал какой-то человек, но Кикаха повернулся к нему, тот остановился и благо-разумно затерялся в толпе.

Они поймали такси. Вспомнив карту Лос-Анджелеса, Кикаха попросил водителя отвезти их на Лоррейн в южной части Уилшира. Анана ни о чем не спрашивала и всю дорогу молчала. Они не хотели, чтобы таксист запомнил женщину, которая говорила на иностранном языке. Однако Кикаха подозревал, что ее красота и странная одежда все равно запечатлеются в памяти водителя.

Он попросил остановиться у многоэтажного жилого дома и, расплатившись, дал доллар на чай. Они поднялись по ступеням и зашли в пустой вестибюль. Подождав пару минут и убедившись, что такси уехало, Кикаха и Анана вернулись на улицу. Свернув на бульвар, они сели в автобус и через несколько остановок вышли в абсолютно незнакомом районе.

— И что теперь? — спросила Анана.

Кикаха пожал плечами. Впрочем, Анана и не настаивала на ответе. Ее заинтересовала бензоколонка на противоположной стороне улицы. Подобный стиль архитектуры озадачил и Кикаху. Заправочная станция напоминала ему что-то из сериалов о Флэше Гордоне. Анана сказала, что многое повидала в своей жизни. За десять тысячелетий ей довелось побывать в сотне разных вселенных, и среди властителей ее считали знатоком великого множества архитектурных стилей. Но то, что она увидела на Земле, превосходило по неприглядности все границы дозволенного. По ее словам, архитектура этого города была не чем иным, как «рвотой разума».

Кикаха объяснил ей план дальнейших действий, им следовало поехать в Голливуд и найти гостиницу в каком-нибудь дешевом районе. Из прочитанных газет и журналов

он узнал, что в таких местах селились бродяги и наркоманы, которых теперь называли хиппи. Кикаха считал, что там их наряд и отсутствие багажа ни у кого не вызовут подозрений.

Через несколько минут они поймали такси и отправились на Сансет-бульвар, где потом довольно долго прогуливались пешком. После захода солнца на улицах зажглись фонари. Машины заполняли бульвар и следовали друг за другом бампер в бампер. На тротуарах появились толпы людей, и многие из них походили на тех хиппи, о которых Кикаха читал. Повсюду встречались «персонажи» фильмов, которыми так славился Голливуд.

Кикаха остановил несколько бесцельно бродивших юноцов и расспросил их о комнатах, сдаваемых внаем. Больше всех путешественникам помог молодой парень в дорогом костюме. Длинные волосы, пышные баки и усы образца 1890 года делали его похожим на пушистую игрушку. Ему так понравилось давать советы, что он даже пригласил их в ресторан. Парень буквально ошалел от красоты и очарования Ананы. Заметив это, Кикаха любезно отклонялся, и они ушли.

Через полчаса им удалось снять комнату в дешевой гостинице на одной из боковых улочек. О роскоши говорить не приходилось, но номер вполне устраивал Кикаху. Последние несколько лет он провел среди индейцев и привык к условиям походной жизни. Здесь ему не хватало только тишины. В соседней комнате устроили вечеринку. Радио и проигрыватель рвали нервы, захлебываясь визгом новомодного рока. В такт музыке топало множество ног, и временами слышались пьяные крики.

Пока Анана принимала душ, Кикаха исследовал содержимое двух бумажников. Судя по данным водительских удостоверений, Фредерик Джеймс Мазарин и Джеффри Веласкес Рамос проживали на бульваре Уилшир. Карта, которую он позаимствовал в автобусе, подсказала, что указанные адреса находились в самом центре района. Кикаха подозревал, что оба преступника жили в какой-то гостинице. Мазарину было сорок восемь лет, Рамосу — сорок шесть. Кикаха нашел в бумажниках около дюжины кредитных карточек (почти неизвестных в 1946 году), несколь-

ко фотографий двух мужчин с девицами и фото пожилой женщины (очевидно, матери Рамоса). Кроме этого, Кикаха насчитал триста двадцать долларов и обнаружил в бумажнике Мазарина клочок бумаги с десятью инициалами в одной колонке и телефонными номерами — в другой.

Он зашел в ванную и, открыв дверь душа, сообщил Анане, что собирается прогуляться до первой телефонной будки.

— Почему ты не воспользуешься телефоном в номере? — спросила она.

— Он подключен к сети через коммутатор гостиницы. Я не хочу рисковать, потому что разговор могут подслушать.

Кикаха прошел несколько кварталов, заглянул в аптеку и разменял несколько долларов на мелочь. Он постоял немного, размышляя, стоит ли пользоваться телефоном аптеки, но решил вернуться к будке у гостиницы. Обзванивая номера, он мог бы наблюдать за входом в здание.

Его внимание привлек книжный стенд. Кикаха попытался вспомнить, когда читал последнюю книгу. Скорее всего у тишкветмоаков, подумал он, но они писали только о науках, истории и теологии. Художественную литературу издавал народ на ярусе Атлантиды, однако Кикаха провел среди них слишком мало времени, хотя и тешил себя надеждой пожить там однажды подольше. Несколько книг имелось у семитов Хамшема и германских рыцарей Дракландии, но число романов сводилось к двум десяткам, а разнообразие тем оставляло желать лучшего. Во дворце Вольфа имелась библиотека, собранная из двадцати миллионов книг — или их видеозаписей, — но Кикаха заглядывал туда слишком редко, чтобы успеть прочитать хотя бы самую малость.

Понимая, что ему не стоит тратить время впустую, он не утерпел и задержался у стенда. Осмотрев прекрасно изданные тома, Кикаха купил три книги. Первую написал Том Вольф (но не тот Томас Вульф, которого он знал). Судя по обложке, книга могла дать информацию о духе и чаяниях современной эпохи. Другая была документальной. Ее написал Азимов (как оказалось, тот самый писа-

тель-фантаст, которого он помнил). Третья книга касалась черной революции. Кикаха подошел к полке с журналами и купил «Лук», «Лайф», «Сэтеди ревью», «Нью-Йоркер» и «Лос-Анджелес мэгэзин». После некоторых колебаний он прибавил к ним пару журналов с научной фантастикой.

Завернув книги и журналы в вечерний «Таймс», Кикаха вернулся к телефонной будке, позвонил Анане и убедился, что с ней все в порядке. Приготовив бумагу и карандаш, он начал обзванивать номера, указанные на листке из бумажника.

По трем номерам отозвались женщины, которые напроць отрицали знакомство с Мазарином. По другим трем номерам никто не ответил. Кикаха решил перезвонить по ним позже. Седьмой номер, судя по разговорам, послышавшимся в трубке, принадлежал букмекеру. Человек, поднявший трубку, отвечал в том же духе, что и женщины. Восьмой звонок вывел Кикаху на бармена, и он сказал, что ищет Мазарина.

— Неужели ты ничего не слышал, приятель? — с удивлением спросил бармен. — Мазарина сегодня убили.

— Как убили? — завопил Кикаха, будто новость потрясла его до глубины души. — Кто это сделал?

— Никто не знает. Фред с другими ребятами подвозил какого-то парня. Тот дуру не валял, выхватил у Чарли пистолет, пальнул Фреду в грудь, а потом оглушил Чарли, Рамоса и Зиггу.

— Что за дела? — проревел Кикаха. — Эти парни не с куста упали. Они не могли так лопухнуться. У шефа поедет крыша. Я думаю, он уже себе все пятки отбил, топая ногами.

— Да брось ты, парень! Таким дерьмом Кэмбринга не прошибешь. Ладно, мне пора. Клиенты заждались. А ты заваливай при случае. Если выставишь стаканчик, я расскажу тебе о Фреде самые кровавые подробности.

Кикаха записал имя Кэмбринга и попытался найти его в телефонной книге. В справочнике Лос-Анджелеса такого не оказалось, как, впрочем, и в соседних городах.

По девятому номеру он попал в гараж городишка Калвер. Мужчина, ответивший на звонок, сказал, что не знает

никакого Мазарина. Кикаха засомневался в его искренности, но настаивать не стал и повесил трубку.

Последний номер стоял напротив инициалов Р. К. Кикаха надеялся, что буквы обозначали Р. Кэмбринга. Но женщина, ответившая ему, представилась как Рома Кэлмерс. Она отвечала на вопросы с той же настороженностью, что и остальные.

Он снова позвонил Анане и еще раз удостоверился, что с ней все в порядке. Вернувшись в номер, Кикаха заказал ужин из «Цыплячьего восторга». Он съел все, что находилось в коробке, хотя в пище по-прежнему чего-то недоставало и чувствовался все тот же неприятный привкус. Анана поморщилась, поохала, но съела все без остатка.

— Завтра суббота,— сказал Кикаха.— Если мы не найдем никаких зацепок, нам надо будет сходить в магазин и купить какую-нибудь одежду.

Он принял душ и едва успел просушить волосы, как принесли бутылку «Дикой утки» и шесть бутылок «Туборга». Анана попробовала и то, и другое, но остановила свой выбор на датском пиве. Кикаха пригубил бурбон и недовольно скривился. Владелец магазина утверждал, что его бурбон один из лучших в мире. Ничего не поделишь, подумал Кикаха. Он пробовал виски четверть века назад, и ему, очевидно, придется заново привыкать ко всему, что когда-то было знакомым и обычным. Если только для этого найдется время, в чем он сильно сомневался. «Туборг» ему понравился, и Кикаха решил выпить бутылку или две. От пива он еще не отвык, поскольку в Многоярусном мире его изготавливали в не меньших количествах, чем на Земле.

Он сидел в кресле, потягивая пиво, и медленно читал вслух газеты. Анана, прикрыв глаза, запоминала незнакомые слова. Кикаха надеялся отыскать какое-нибудь упоминание о Вольфе, Хрисеиде или Звонаре. Наткнувшись на статью о «Хамах Люцифера», он хмыкнул и выпрямился в кресле. Их нашли полуголыми, избитыми и обгоревшими на трассе неподалеку от озера Арроухед. Пострадавшие объяснили полиции, что на них напала банда, с которой они вели войну за эту территорию.

Страницей дальше он нашел сообщение о крушении вертолета близ озера Арроухед. Вертолет, приписанный к аэропорту Санта-Моники, принадлежал мистеру Кэмбрингу, который неоднократно привлекался в прошлом к суду за подкуп муниципальных чиновников в связи с земельными сделками. Кикаха завопил от восторга, а затем объяснил Анане, какую возможность они получили.

В газетной статье адрес Кэмбринга не указывался. Кикаха позвонил в финансовый отдел фирмы «Топхэт Энтерпрайзис», которой владел мистер Кэмбринг. Он довольно долго слушал длинные гудки, потом не выдержал и позвонил в «Лос-Анджелес таймс». Минуты три-четыре его гоняли от репортера к репортеру, но в конце концов он получил необходимую информацию. Мистер Рой Арнделл Кэмбринг проживал на бульваре Римпо. Осмотрев карту города, Кикаха обнаружил, что его дом находился всего в нескольких кварталах от гостиницы, то есть в северной части Уилшира.

— Какая приятная удача, — прошептал Кикаха. — Я все равно нашел бы его — сам или с помощью частного детектива. Но на это ушло бы время. Ладно, давай-ка в постельку. Завтра у нас будет много дел.

Прежде чем они заснули, прошло не меньше часа. Анане захотелось полежать в объятиях Кикахи, поговорить о том о сем, о своей жизни до того, как они встретились, и о тех приключениях, которые они пережили вместе. Они знали друг друга не больше двух месяцев, а их совместная жизнь началась совсем недавно. Однако Анана утверждала, что любит Кикаху, и пока ее поступки свидетельствовали о том же. Он любил ее всем сердцем, но, достаточно повидав властителей, немного сомневался в глубине их чувств. Десять тысяч лет — не шутка. Хотя, по правде говоря, жизнь некоторых властителей была настолько насыщенной и интересной, что им мог бы позавидовать любой из ныне живущих людей. Несмотря на бессмертие, они воспринимали каждое событие как последний отведенный им миг, и только это спасало их от мыслей о бесконечных годах будущего.

Кикаха наслаждался близостью Ананы, и, будь у них немного свободного времени, он испытывал бы еще большее блаженство. Однако погони и битвы мешали им узнать друг друга. Анана жаловалась на то же самое, но делала это с какой-то тревогой и обреченностью. Прожив бездну лет, она знала, что всему на свете рано или поздно приходит конец.

Сам того не заметив, Кикаха заснул, но посреди ночи внезапно проснулся. Ему почудилось, что кто-то проник в комнату, и он молниеносно выхватил нож, лежавший под простыней. Глаза тревожно осматривали комнату, озаренную светом неоновых реклам, проникавшим сквозь жалюзи. Не заметив ничего подозрительного, он медленно встал, стараясь, чтобы кровать не закрипела, и быстро и осторожно осмотрел номер, заглянул в ванную и даже в стенной шкаф. Окна и двери были закрыты и заперты изнутри. Небольшая этажерка, придвинутая к двери, стояла на прежнем месте. Под кроватью тоже никого не оказалось.

Кикаха решил, что его нервная система на сей раз дала осечку. Впрочем, ничего удивительного — даже во сне он чувствовал себя идущим по натянутой проволоке и где-то в глубине души бессознательно ожидал падения.

Но нет, его разбудило нечто большее, чем скрип натянутых нервов. Перед тем как проснуться, он видел какой-то сон. Но о чем?

Он никак не мог ухватить его за хвост и вытащить из подсознания. Сжимая в руке нож, Кикаха бродил по комнате, пытаясь воссоздать момент, предшествовавший пробуждению. Минут через десять он сдался, вернулся в постель, но заснуть уже не мог. Встав и одевшись, Кикаха нежно разбудил Анану. Почувствовав легкое прикосновение к лицу, она вскочила с постели и занесла нож для удара. Он на всякий случай отступил на шаг.

— Все в порядке, милая. Я просто хотел предупредить, что ухожу посмотреть на дом Кэмбринга. Мне что-то не спится, и я чувствую себя так, будто должен выполнить неотложное дело. Это чувство появилось еще вечером, но я не обращал на него внимания.

Он не стал говорить ей о том, что подобное предчувствие возникало у него только перед самыми серьезными и роковыми неприятностями.

— Я пойду с тобой.

— В этом нет необходимости. Я ценю твоё предложение, но лучше оставайся в постели и спи. Обещаю не делать глупостей. Я просто покручусь вокруг дома, и все. Тебе не надо ни о чем беспокоиться.

— Ну хорошо,— полусонно ответила Анана. Она полностью доверяла его чутью и умению постоять за себя.— Поцелуй меня еще разок и иди. Я рада, что ты такой заботливый.

Никого не заметив в вестибюле и около гостиницы, Кикаха направился в сторону бульвара. Мимо изредка проносились машины. Реактивный самолет заходил на посадку в международный аэропорт, и, несмотря на то что его огни мигали в нескольких милях к юго-востоку, монотонный рев звучал прямо над головой. Понадеявшись, что поблизости нет полицейских машин, Кикаха перешел на бег. Из статьи в газете он понял, что человек, вышедший на ночные улицы, тут же вызывал подозрение полиции — тем более если это происходило в респектабельном районе.

Кикаха мог взять такси и доехать почти до места, но он предпочел добираться на своих двоих. Его тело томилось без физических нагрузок, и Кикаха чувствовал, что, если их пребывание в городе затянется, он может потерять форму и стать таким же рыхлым, как и все вокруг.

С заходом солнца исчез и смог. По крайней мере, глаза больше не слезились. Однако, пробежав восемь кварталов, Кикаха начал задыхаться. Очевидно, воздух наполняли невидимые глазу ядовитые окислы. Или он сдавал быстрее, чем считал возможным.

Судя по карте, от гостиницы до дома Кэмбринга было около трех с половиной миль — с учетом всех поворотов и зигзагов, которые вынужден делать человек в городе.

Свернув на Римпо, Кикаха оказался в районе старых особняков. Дома выглядели так, словно когда-то здесь жили очень богатые люди. Потом, по-видимому, что-то изменилось — многие участки и строения пришли в не-

годность, а остальные были переделаны в многоквартирные дома. Но определенное количество особняков по-прежнему поддерживалось в хорошем состоянии.

Дом Кэмбринга представлял собой трехэтажное деревянное здание, построенное в начале века кем-то из тех, кто тяготел к богатой архитектуре Среднего Запада. Дом располагался на возвышении, и к нему через лужайку вела подъездная дорожка, которая напоминала по форме подкову. На площадке у ворот стояли три машины. Лужайку обрамляли несколько платанов и дюжина могучих дубов, между которыми росли декоративные кусты. Участок окружала высокая кирпичная стена. Часть ее со стороны фасада была недавно заменена на ажурную решетку.

На первых двух этажах здания за задернутыми шторами горел свет. Окна светились и на втором этаже гаража. Кикаха прошел мимо решетки к углу кирпичной стены. Чуть дальше виднелись еще одни въездные ворота, ведущие к гаражу. Он осмотрел массивный замок решетки и вернулся к углу ограды.

Кикаха подозревал, что по периметру деревьев установлены фотоэлементы тревожной сигнализации. Но он решил рискнуть и выяснить это наверняка.

Конечно, Рыжий Орк не стал бы жить в таком доме. Кэмбринг был одной из мелких сошек властителя и, возможно, находился в самом низу тайной иерархической системы. Властитель Земли обосновался бы с комфортом — в действительно роскошном жилище за надежными стенами и плотным кольцом охраны.

Кикаха взял нож в зубы и установил излучатель на максимальную мощность, при которой луч мог разрезать тело с дистанции в двести футов. Он тихо прокрался к торцу особняка. Ограда здесь оказалась еще выше, но Кикахе понравился дуб, который прикрывал этот участок стены.

Отступив на мостовую и как следует разбежавшись, он прыгнул и зацепился за край ограды. Без труда забравшись на нее, Кикаха какое-то время наблюдал за домом и гаражом. Прошло около четырех минут, но никаких признаков тревоги он не заметил. Мимо промчалась маши-

на и через два квартала завернула за угол. Свет фар мог выдать его кому-нибудь из обитателей дома. Кикаха свесился со стены и спрыгнул на мягкую траву позади большого дуба. В случае опасности он мог бы запрыгнуть на нижнюю ветвь, которая доходила до самой ограды. Это был неплохой путь для быстрого отступления.

Если его не подводило чувство времени, шел третий час ночи. Взглянув на бледные звезды, он решил приобрести себе часы. В этом мире время играло важную роль, и, чтобы не отставать от событий, требовалось знать его с точностью до минут.

Спрятавшись за кустом, Кикаха осмотрел подходы к дому и гаражу. Три раза он залезал на деревья и заглядывал в окна, но так ничего и не увидел. Он пробрался к машинам, однако не рискнул открыть дверцы, зная, что они могут оказаться под сигнализацией. Такие гангстеры, как Кэмбринг, обычно боятся бомбы, подложенной в автомобиль, а не вторжения в дом. Черный «линкольн» отсутствовал. Кикаха решил, что его конфисковала полиция в качестве вещественного доказательства по делу об убийстве. На всякий случай он запомнил номера машин. У него имелись карандаш и бумага, но в течение многих лет, проведенных в соседней вселенной, Кикаха полагался только на память. Он развил ее до невероятных пределов, которые двадцать пять лет назад посчитал бы невозможными. У примитивных обществ есть свои плюсы. Сколько образованных людей на Земле могли бы вспомнить точную топографию сотен мест или начертить карту маршрута в пять тысяч миль? А кто бы из них прочитал наизусть поэму в три тысячи строк?

Минут через пятнадцать Кикаха проверил все, что только мог. Настала пора уходить. Он пожалел, что пообещал Анане ограничиться лишь внешним наблюдением. Его одолевало желание пробраться в дом. Если бы удалось застать Кэмбринга врасплох и выжать из него кое-какую информацию... Но он обещал. И Анана осталась спать только потому, что верила в его нерушимое слово. А он знал, насколько недоверчивы властители к другим людям. Ее доверие говорило о любви, и он не хотел искушать это чувство.

Прокравшись в боковой дворик, Кикаха спрятался за кустом. Он понимал, что надо уходить, но ему казалось, что через миг-другой произойдет какое-то событие, которое заставит его перейти к действию. Минуты шли, ожидание затягивалось. И вдруг он услышал, как в доме зазвонил телефон.

В темном окне второго этажа загорелся свет. Кикаха вскочил и, подбежав к дому, приложил к стене небольшое прослушивающее устройство. Шнур, выходящий из прибора, заканчивался маленьким наушником. Вставив его в ухо, он тут же услышал, как мужской голос произнес:

— Да, сэр. Я вас понял. Но как вы их нашли, позвольте спросить? — Последовала короткая пауза, а потом человек добавил: — Прошу прощения, сэр. Я не собирался совать нос в чужие дела. Нет-нет, это больше не повторится. Да, сэр, я все понял. Ошибок не будет, можете не беспокоиться. Мы выйдем на связь перед началом операции. Спокойной ночи, сэр.

Сердце у Кикахи заколотилось. Кэмбринг получил какой-то приказ и, возможно, говорил с самим Рыжим Орком. А значит, назревало важное событие — серьезное и угрожающее.

Он услышал шорох, пару шелчков и писклявый сигнал вызова. Очевидно, хозяин дома решил воспользоваться селекторной связью. Голос его заметно изменился:

— Одевайтесь и живо сюда! Бегом, бегом! Предстоит работенка! Живей!

Кикаха решил дожидаться чего-то более определенно-го. Возможно, из их слов он поймет, что бандиты направляются не за ними. Тогда после их отъезда он проберется в дом. Ситуация сама подсказывала этот шаг, и было бы глупо упустить такой случай. Он надеялся, что Анана его поймет.

Если же дело касается его и Ананы, он бросит все и побежит к ближайшей телефонной будке. Кикаха полез в карман за мелочью и тихо выругался. После вечерних звонков у него осталась только одна монетка.

Через семь минут у передней двери собрались восемь человек. Кикаха следил за ними из-за дерева. Первая четверка вошла в «мерседес-бенц», вторая — в «меркури».

Он так и не понял, кто из них Кэмбринг. По дороге к машинам мужчины не произнесли ни слова. Один бандит забежал вперед и, открыв дверцу «мерседеса», придержал ее перед высоким мужчиной с пышными кудрявыми волосами и широким носом. Кикаха решил, что это и есть Кэмбринг. Среди других он узнал молодого блондина и Рамоса — водителя «линкольна». На лбу у Рамоса виднелась белая повязка.

Машины уехали, и на площадке у ворот остался только один автомобиль. Кикаха знал, что в доме находятся как минимум два человека. Немногим раньше он слышал, как какая-то женщина сонно спрашивала Кэмбринга, когда тот вернется, а потом мужской голос возмущался, что его оставляют здесь. Наверное, парню хотелось отправиться на дело, но Кэмбринг велел ему заткнуться и как следует охранять дом.

Не успели машины свернуть за поворот, как Кикаха оказался у передней двери. Узкий луч кольца разрезал язычок запора. Он тихо приоткрыл дверь и шагнул в большую прихожую, в конце которой находилась освещенная лестница. Когда глаза привыкли к темноте, он увидел телефон, стоявший на столике у стены. Подойдя к нему, Кикаха зажег спичку и при слабом дрожащем свете набрал номер Ананы. После трех гудков в трубке слышался ее голос.

— Анана! — тихо произнес он. — Я нахожусь в доме Кэмбринга. Он и его банда только что отправились в нашу гостиницу. Они выследили нас! Поэтому хватай одежду и выбирайся оттуда. Быстрее, милая! Можешь даже не одеваться! Сложи вещи в сумку и уходи! Оденешься за гостиницей! Я встречаюсь с тобой там, где мы договорились! Ты все поняла?

— Подожди, — отозвалась она. — Скажи хотя бы, что случилось?

— Нет времени! — ответил он и мягко опустил трубку на рычаг.

В коридоре наверху слышались шаги, потом их сменил скрип ступеней, которые прогибались под тяжестью рослого человека. Установив излучатель на «оглушающую» мощность, Кикаха двинулся к лестнице. Для до-

проса ему требовался мужчина — женщина вряд ли знала о делах владельца этого дома.

Слабое поскрипывание прекратилось. Пригнувшись под лестницей, Кикаха ждал. Внезапно в прихожей вспыхнул свет, и человек сбежал по ступеням на тот пролет, под которым прятался Кикаха. Мужчина мягко перескочил через перила и развернулся в воздухе. В правой руке он сжимал большой автоматический пистолет — возможно, сорок пятого калибра. Он опустил на пол прямо перед Кикахой — и тут же упал на спину, потеряв сознание. Золотистый луч действовал не хуже кувалды. Оружие отлетело в сторону. Толстый ковер приглушил звук падения массивного тела.

Женщина наверху встревоженно закричала:

— Уолт? Что-нибудь случилось? Ты меня слышишь, Уолт? Да что там происходит, черт бы тебя побрал?

Кикаха поднял пистолет, поставил его на предохранитель и сунул оружие за пояс. Поднимаясь по ступеням, он едва не налетел на женщину, которая спускалась со второго этажа. Открыв рот, она хотела закричать, но он прижал ладонь к ее губам и показал ей кончик широкого лезвия. Женщина обмякла, как тряпичная кукла, и быстро закивала, демонстрируя свою покорность. В общем, она правильно оценила ситуацию.

На вид ей было около тридцати пяти лет. Сквозь тонкое полупрозрачное неглиже проглядывала стройная фигура. От нее еще веяло теплом постели и пахло виски — хорошим виски.

— У меня к вам нет личных претензий, — сказал Кикаха. — И вы и Кэмбринг нужны мне лишь как средство, с помощью которого я хочу выйти на большого босса. Меня интересует только он. Если вы честно ответите на мои вопросы, я оставлю вас в покое и отпущу без единой царапины. В противном случае вас ожидает смерть. Если вы попытаетесь скрыть от меня необходимую информацию, я убью вас прямо на этом месте. Вы меня поняли?

Она кивнула.

— Сейчас я вас отпущу, — сказал он. — Но один крик, и мне придется распороть вам живот. Понятно?

Она еще раз кивнула, и он убрал руку с ее рта. Женщину сотрясала крупная дрожь.

— Покажите мне фотографию Кэмбринга,— приказал Кикаха.

Она медленно повернулась и, проводив его в спальню, указала на фотографию, стоявшую на трюмо. Догадки Кикахи относительно высокого мужчины подтвердились.

— Вы его жена?

— Да,— ответила она, откашлявшись.

— В доме есть кто-то, кроме вас и Уолта?

— Нет,— хрипло прошептала она.

— Вы знаете, куда отправился Кэмбринг?

— Нет. Я стараюсь держаться от этого подальше.

— Его послали схватить меня и мою женщину,— сказал Кикаха.— Ваш босс уже придумал для нас веселенькую смерть. Но прежде он наслаждался бы пытками, вырывая ответы вместе с клочьями мяса. Поэтому я не стану проявлять сострадания к его наемникам и тем, кто имеет с ним хотя бы малейшую связь,— тем более если они откажутся мне помогать.

— Я ничего не знаю! — задыхаясь, прошептала она.— Рой никогда не говорит о своих делах! Я даже не знаю, кто такой этот босс!

— Кто отдает Кэмбрингу приказы?

— Я не знаю. Пожалуйста, поверьте мне! Он действительно получает от кого-то приказы. Но я не знаю от кого!

Возможно, она говорила правду. Кикаха посмотрел в окно. До рассвета почти не оставалось времени. Поэтому он решил приступить к допросу Уолта.

Кикаха велел Кэре идти впереди, и они спустились по лестнице. Мужчина по-прежнему лежал на полу без сознания. Кикаха попросил женщину принести воды из ванной комнаты и плеснул ею в лицо Уолта. Тот застонал, открыл глаза, но выглядел слишком слабым, чтобы представлять какую-то угрозу. Судя по виду, его сильно тошнило. На лбу, носу и щеке проступало черное пятно кровоподтека. Глаза покраснели от лопнувших кровяных сосудов.

Допрос не занял много времени. Мужчина, которого звали Уолтер Эрих Фогель, заявил, что тоже не знает хозяина Кэмбринга. Он даже не знал, куда отправилась банда. И Кикаха поверил ему. Собирая своих людей на дело, Кэмбринг ничего не сказал им о месте назначения. Очевидно, он хотел придержать эти сведения до самого последнего момента, когда они будут уже в пути. Кэмбринг звонил хозяину довольно часто, но номер телефона держал в голове.

— Связь через маленькие ячейки — это старая идея комми, — сказал Фогель. — Поэтому ты можешь пытаться меня до Судного дня, но я ничего не скажу. Я просто ничего не знаю, понимаешь?

Не спуская глаз со своих пленников, Кикаха подошел к телефону и еще раз набрал номер Ананы. Он не удивился, когда ему ответил мужской голос.

— Кэмбринг, это говорит тот парень, за которым тебя послали. Слушай внимательно, потому что мое сообщение предназначено для твоего хозяина. Передай ему или тем, кто выходит с ним на связь, что на Земле появился Черный Звонарь.

Наступила тишина, вызванная, как надеялся Кикаха, потрясением. А потом Кэмбринга прорвало:

— Эй, приятель! О чем ты, черт возьми, говоришь? Какой еще Черный Звонарь?

— Просто скажи своему боссу, что из мира Ядавина вырвался Черный Звонарь. Он здесь, на Земле. Запомни, Кэмбринг, — Черный Звонарь! Он пришел сюда вчера из мира Ядавина.

— Слушай, парень. Босс знал, что вы от нас уйдете, — признался Кэмбринг после небольшой паузы. — И он почувствовал, что мне удастся с тобой поговорить. Короче, он просил передать, что тебе надо прийти на встречу. Ему от вас ничего не надо. Он просто хочет поговорить.

— Возможно, это и так, — ответил Кикаха. — Но я не люблю рисковать. Лучше передай ему такие слова. Скажи, что лично он мне не нужен: я не властитель. Мне бы только найти своих друзей — мужчину и женщину, которые пришли в этот мир, убегая от Черных Звонарей. Я даже могу сказать, что один из них Ядавин. Возможно, твой хозя-

ин вспомнит его, хотя Ядавин за последние годы сильно изменился. Его больше не интересуют битвы со своими сородичами. А твой босс ему и подавно не нужен. Он хочет вернуться в свой мир. Передай мои слова хозяину, хотя мне не верится, что из этого выйдет какой-то толк. Я позвоню тебе завтра около полудня, чтобы ты успел связаться с боссом. Если он захочет поговорить со мной напрямую, пусть приезжает к тебе домой.

— Слушай, а ты случайно не псих? — оборвал его Кэм-бринг. — Несешь какую-то чепуху! — В его голосе появились нотки раздражения.

— Просто передай своему хозяину мои слова. Он поймет, — сказал Кикаха и с усмешкой повесил трубку.

Если что-то и могло напугать властителя, так только Черный Звонарь.

Спортивная машина, как он и думал, принадлежала женщине. Она сказала, что может подняться наверх и принести ключи. Он галантно ответил, что они с Фогелем составят ей компанию. Войдя в ее спальню, Кикаха направил кольцо на затылок Фогеля и оглушил его легким попаданием луча. Прежде чем затащить бандита в стеной шкаф, он изъясил его бумажник, а потом потребовал деньги от хозяйки дома. Женщина дала ему шестьсот долларов в двадцати- и пятидесятидолларовых купюрах. Кикаха получал удовольствие от того, что жил на деньги своих врагов.

Чтобы чем-то занять хозяйку, он сорвал с окон несколько штор и поджег их лучом из кольца. Женщина закричала и бросилась в ванную за водой. А через минуту Кикаха уже выезжал из ворот на ее «ягуаре». Позади из открытых дверей доносились крики хозяйки, которая самоотверженно боролась с пламенем.

На углу, за несколько кварталов до гостиницы, он дважды помигал фарами, предупреждая Анану о своем прибытии. Из темного переулка появилась черная фигура. Анана осторожно приблизилась к автомобилю и, узнав Кикаху, облегченно улыбнулась. Бросив на заднее сиденье рюкзаки и футляр, она села рядом с Кикахой и поцеловала его в щеку.

— Где ты раздобыл машину?

— Одолжил у Кэмбринга,— ответил Кикаха и тихо засмеялся.— Я послал через него сообщение для Рыжего Орка. Теперь он знает, что Звонарь на свободе. Эта новость отвлечет его внимание. Я надеюсь, он испугается и предложит нам перемирие.

— Только не Рыжий Орк,— сказала Анана.— Если, конечно, он тоже не изменился, что, между прочим, вполне возможно. Я же изменилась. И брат Лувах стал совершенно другим. А Вольф, судя по твоим словам, вообще превратился в ангела.

Он рассказал ей о том, как они могли бы послать весточку Вольфу.

— Я бы уже давно додумался до этого, но меня все время что-то отвлекало. Кроме того, я многое забыл о Земле.

В данный момент им предстояло найти новое жилье. Однако Кикаха сомневался теперь в безопасности гостиниц. Его потрясла та скорость, с какой их нашли. Очевидно, Рыжий Орк поднял на ноги огромное количество людей.

— Как ему это удалось? — спросила Анана.

— Насколько я знаю, его люди должны были позвонить в каждую гостиницу и мотель. А в Лос-Анджелесе их тысячи. Это потрясающая работа, и вряд ли они успели обзвонить хотя бы десятую часть. Я думаю, они вели опрос наугад или, возможно, им просто повезло.

— И если мы снова остановимся в гостинице, это повторится опять,— подытожила Анана.

— Мне не верится, что у властителя Земли такая большая и разветвленная организация. Но я не понимаю, как можно за столь короткий срок проверить все мотели и гостиницы. Ладно, пусть они ищут нас в городе, а мы тем временем уедем в Долину. Довольно странное название для пустыни, правда?

В мотеле «Лорел-Каньон» у них возникли осложнения.

Клерк потребовал водительское удостоверение и попросил назвать номер машины. Кикаха продиктовал вымышленный номер, решив по виду заспанного парня, что тот поверит ему на слово. Он предъявил удостове-

ние Рамоса, и клерк, мельком взглянув на фотографию, начал записывать в журнал регистрационный код. На снимке красовалась квадратная физиономия мексиканца с большим кривым носом, черными глазами и копной курчавых волос. Но клерк будто не замечал разницы.

У Кикахи тут же возникли подозрения. Парень казался слишком уж скользким. Возможно, его действительно не волновало истинное имя Кикахи, но что-то в нем выдавало обратное. Ничего не сказав, Кикаха взял ключи и велел Анане идти вперед. Вместо того чтобы подняться в свою комнату на втором этаже, они вышли из холла и притаились за дверью. Через минуту Кикаха услышал тихий голос и заглянул в комнату. Клерк сидел у коммутатора и, повернувшись спиной к двери, с кем-то говорил по телефону. Кикаха на цыпочках приблизился к нему.

— ...точно не его,— говорил клерк.— Да, как только они ушли, я выглянул в окно и проверил номер. Машину припарковали рядом с мотелем. Послушайте, сэр, вы...

Он умолк, повернул голову и увидел Кикаху. Кивнув как ни в чем не бывало, клерк отвернулся и добавил в трубку:

— Ладно, пока. Еще увидимся.

Сняв наушники, он поднялся и с улыбкой спросил:

— Могу быть вам чем-то полезен?

— Мы решили немного перекусить перед сном,— с такой же милой улыбкой сказал Кикаха.— Знаете, не ели целый день. Вы не подскажете, где здесь ночной ресторан? Из тех, что получше?

Клерк медлил с ответом, будто пытался сообразить, какой ресторан подойдет для его клиентов.

— В общем-то, мы без претензий. Нам подойдет любое заведение,— подбодрил его Кикаха.

Через минуту он и Анана уехали. Клерк стоял в дверях и смотрел им вслед. Он видел, как они положили в машину рюкзаки и футляр, и, конечно же, не поверил их обещанию вернуться.

Кикаха подумал, что остаток ночи они могли провести в машине, если только ее уже не разыскивала полиция. Утром им придется купить одежду и пару чемоданов. Потом надо будет избавиться от «ягуара» и взять напрокат

другой автомобиль. Хотя для аренды или покупки машины потребовались бы документы, которых у них не было.

Он подъехал к станции обслуживания и велел служащему залить полный бак. Юноша оказался разговорчивым и любопытным. Ему хотелось узнать, откуда они приехали и понравилось ли им в горах. Он тоже любил туристические поездки.

Кикаха тут же сочинил историю. Он и его жена бродяжничали по стране и решили приехать в Лос-Анджелес, чтобы пройтись по всяким значным местам. Денег у них немного, поэтому они хотели бы продать эту машину и купить подержанный «фольксваген». И еще им хотелось бы остановиться в каком-нибудь заведении, где не задают лишних вопросов, если цвет денег такой, как надо.

Служащий станции рассказал им о мотеле неподалеку от Тарзана в Ван Найсе. Мотель по всем параметрам подходил под описание Кикахи. Паренек усмехнулся и понимающе подмигнул, решив, что посетители занимаются чем-то незаконным или бунтарским. Он пожелал им удачи и сказал, что постарается найти покупателя «ягуара».

Через полчаса, получив номер в мотеле, Кикаха и Ана-на рухнули в постель и тут же заснули.

Кикаха проснулся в десять часов утра. Анана еще крепко спала. Побрившись и приняв душ, Кикаха разбудил ее, чтобы предупредить о своем уходе.

Он зашел в ресторан на другой стороне улицы, плотно позавтракал, купил газету и вернулся в номер. Анана по-прежнему спала. Кикаха позвонил в отдел рекламы «Лос-Анджелес тайме» и продиктовал текст в колонку частных объявлений. Сначала он хотел воспользоваться фамилией Рамоса на тот случай, если сотрудник газеты захочет проверить адрес. Но потом он решил, что это даст банде Кэмбринга лишнюю зацепку, и предусмотрительно назвал вымышленным именем. Кикаха пообещал оплатить объявление в течение дня и не медлить с отправкой чека. Но, повесив трубку, тут же забыл об этом.

Просмотрев светскую хронику в утреннем выпуске газеты, Кикаха не нашел никаких сообщений, которые мог-

ли бы исходить от Вольфа. К тому времени проснулась Анана.

— Пока ты будешь завтракать,— сказал он,— я поищу телефонную будку и позвоню Кэмбрингу. Уверен, что у него уже есть весточка от Рыжего Орка.

Кэмбринг ответил сразу, как будто сидел и ждал у телефона.

— Это говорит твой ночной кошмар,— представился Кикаха.— Ты передал мои слова о Черном Звонаре?

Голос Кэмбринга звучал так, словно тот едва сдерживал гнев.

— Да, передал.

— И каков же ответ?

— Он сказал, что хочет встретиться с вами. Устроить военный совет.

— Где?

— Там, где ты скажешь.

«Прекрасно,— подумал Кикаха.— Он не считает меня настолько глупым, чтобы приглашать в свою приемную. Но где бы я ни назначил встречу, он обязательно устроит для меня ловушку. Сам он туда не придет — в этом можно не сомневаться. Властитель хитер; он пошлет вместо себя кого-нибудь другого. Но его представитель будет на ранг выше Кэмбринга и на шаг ближе к Рыжему Орку».

— Через полчаса я сообщу, где мы встретимся,— произнес Кикаха.— Но неужели твой босс не передал ничего другого?

— Нет, не передал.

Кикаха повесил трубку. Он нашел Анану в кабинке ресторана.

— Я так и не узнал, поймали они Вольфа или нет,— сказал он ей, усаживаясь рядом.— И даже не уверен, что Кэмбринг доложил Орку о Вольфе и Хрисеиде. Но властитель знает, что перед нашим прибытием врата активировались дважды. И ему известно, что один из пришельцев оказался Черным Звонарем. Мне кажется, Вольф и Хрисеида по-прежнему на свободе, иначе Орк давно бы использовал их для того, чтобы заманить нас в ловушку. Он знает, что я тут же побегу им на помощь.

— Вероятно, ты прав, — ответила Анана. — Но учти, Орк мог утаить информацию о поимке Вольфа и Хрисеиды. Возможно, он уверен в своих силах и хочет заманить нас в капкан попроще. Или решил придержать эти сведения до более подходящего времени.

— Не буду с тобой спорить. Вы, властители, всегда трясете проблему со всех сторон. Свет звезд не видел более подозрительных людей.

— Ладно, кто бы говорил! — с усмешкой парировала она по-английски.

Они вернулись в номер, собрали сумки и, прихватив футляр, пошли к машине. Заметив удивленный взгляд администратора, Кикаха счел мудрым не уведомлять его о своих планах — благо, тот о них и не спрашивал.

В районе Тарзана они зашли в универмаг и купили для себя одежду. На это ушел целый час. Однако Кикаху не волновало, что Кэмбринг кусал пальцы, ожидая его звонка. Пусть он и Орк немного попотеют.

Кикаха позвонил из ателье, где ему подгоняли брюки. И снова Кэмбринг поднял трубку после первого звонка.

— Вот что мы сделаем, — сказал Кикаха. — Место встречи будет находиться недалеко от твоего дома. Когда я туда доберусь и позвоню тебе, у вас останется двенадцать минут на дорогу и сборы. Если вы опоздаете, я уйду. Если замечу какой-нибудь подвох, встреча не состоится, и пусть твой босс сам заботится о Черном Звонаре.

— Слушай, черт бы тебя побрал! Ты меня уже достал! — сердито закричал Кэмбринг. — Что это за Звонарь, о котором ты треплешься уже второй день?

— Спроси у своего хозяина, — ответил Кикаха, зная наперед, что у Кэмбринга на это не хватит смелости. — Я выбрал место с хорошим обзором. И с вашей стороны на встречу должно прийти не больше двух человек. Пусть придет твой босс... ну и ты, потому что я тебя знаю. И запомни, Кэмбринг, не приближайся ко мне более чем на шестьдесят ярдов. Я буду говорить только с твоим боссом. Ты понял меня? Тогда пока.

В полдень, съев половинку гамбургера и выпив стакан молока, Кикаха снова позвонил Кэмбрингу. Он и Анана находились в ресторане — всего в нескольких кварта-

лах от выбранного места. Кэмбринг поднял трубку после второго гудка. Кикаха рассказал ему о месте и условиях встречи.

— Но помни, если что-то покажется мне подозрительным, я смоюсь оттуда, как пасхальный кролик с породовыми схватками.

Кикаха повесил трубку, и через минуту они помчались в гуще транспортного потока к Художественному музею. Кикаха припарковал машину за углом и на тот случай, если им придется сюда вернуться, положил под коврик ключи. Пройдя через стоянку, они направились к площади за музеем. Анана немного отстала, чтобы никто из посторонних не посчитал ее спутницей Кикахи. Перед уходом из мотеля она сделала прическу на манер Психеи и уложила длинные волосы в несколько колец на макушке. На ней была белая блуза с оборками и глубоким вырезом, летние облегающие штаны в красно-зеленую полосу и темные очки, которые закрывали треть лица. Она несла в руках альбом для зарисовок и пачку карандашей. На длинном ремне болталась дамская сумочка, в которой находилось несколько устройств, способных удивить любого сведущего в науках землянина.

Пока Кикаха останавливал такси, она медленно зашагала по лужайке. Как доказательство добрых намерений и грядущих чаевых, Кикаха дал таксисту двадцатидолларовую банкноту и попросил водителя подождать на стоянке с включенным мотором, чтобы они могли уехать без всяких проволочек. Таксист удивленно поднял брови.

— Надеюсь, вы не будете грабить музей?

— Я не собираюсь делать ничего противозаконного, — успокоил его Кикаха. — Считайте меня немного эксцентричным. Просто иногда мне нравится исчезать со сцены очень быстро.

— Если начнется какая-нибудь пальба, я уеду, так и знайте, — ответил водитель. — И предупреждаю заранее — я обо всем сообщу в полицию. Надеюсь, вы меня понимаете, сэр?

Кикаха всегда старался иметь несколько вариантов отхода. Люди Кэмбринга могли оцепить район и, обнаружив угнанный «ягуар», устроить там западню. А Кикаха не

сомневался, что все так и будет. Но если путь к такси окажется перекрытым и ему потребуется машина, он воспользуется «ягуаром» во что бы то ни стало.

Кикаха чувствовал, что водитель такси ему не доверяет, но не винил его за это. Добавив еще десять долларов, он сказал:

— Если хотите, можете позвонить в полицию прямо сейчас. Меня это не беспокоит. Я чист, как стекло.

Надеясь, что таксист его не подведет, Кикаха быстро пересек асфальтированную стоянку и пошел по лужайке к «смоляной яме»*. Анана сидела на скамье и делала набросок мамонта, который тонул в черной жиже. Любой, кто заглянул бы через ее плечо, по достоинству оценил бы этот эскиз, как работу великого мастера.

На Кикахе были пурпурная рубашка без рукавов и джинсы с большим кожаным поясом и причудливой серебряной пряжкой. Он надел темные очки и припрятал за ухом под длинными рыжеватыми волосами миниатюрный приемник. Устройство на запястье содержало аудиопередатчик и излучатель, мощность которого в шесть раз превышала мощность кольца.

Он обошел «смоляную яму» и остановился у ограды, за которой возвышалась статуя огромного доисторического медведя. Вокруг прогуливалось около пятидесяти человек, но, судя по виду, никто из них не принадлежал к банде Кэмбринга. Хотя, конечно, внешность ничего не значила.

Через минуту он увидел большой серый «роллс-ройс», который въехал на стоянку. Из него вышли двое мужчин. Быстро осмотревшись, они направились через лужайку к Кикахе. Первым шел Рамос. Второй, более рослый и крепкий, был одет в деловой костюм. Темные очки и шляпа служили ему неплохим камуфляжем. Когда он подошел ближе и приподнял лошадиное лицо, Кикаха решил, что ему около пятидесяти. Однако ни один властитель, даже в возрасте двадцати тысяч лет, не выглядел старше три-

* Ямы Ла Бри — одна из достопримечательностей Лос-Анджелеса. Бывшее место раскопок, где выставлены реконструкции доисторических животных в натуральную величину.

дцати, поэтому Кикаха засомневался, что видит перед собой Рыжего Орка.

В наушнике раздался голос Ананы:

— Это не Рыжий Орк.

Кикаха осмотрелся. Слева от него, у фонтана перед входом в музей, стояла пара подозрительных парней. Справа, в двадцати ярдах от Ананы, лениво прогуливались еще двое. И те, и другие, очевидно, были из банды Кэмбринга.

Его сердце забилося быстрее, по спине пробежал холодок. Кикаха посмотрел сквозь ограду на бульвар Уилшир. Парковка там запрещалась в любое время. Однако прямо напротив он увидел машину с поднятым капотом. Водитель копался в моторе, а на переднем и заднем сиденьях находились двое пассажиров.

Поправляя упрямую прядь волос, Кикаха шепнул в микрофон на запястье:

— Орк задумал схватить меня. Я насчитал семерых его людей.

— Ты хочешь отказаться от своего плана? — спросила Анана.

— Если я так сделаю, ты будешь первой, кто это узнает, — ответил он. — Будь внимательна! Они уже здесь!

Рамос и его напарник подошли к нему. Высокий мужчина вежливо спросил:

— Скажите, не вы ли мистер Пол?

Он произнес имя, которое Кикаха назвал Кэмбрингу.

В этот момент на стоянку въехала еще одна машина. Она остановилась на большом расстоянии, и рассмотреть сидевших в ней людей не представлялось возможным. Однако водитель в темных очках и шляпе определенно походил на Кэмбринга. Кроме него, в машине находились еще трое.

Кикаха кивнул. Он знал, что его собеседник имеет устройство, которое передавало их разговор властителю, независимо от того, где тот сейчас находился.

— Рыжий Орк, ты меня слышишь? — спросил он.

— Я не Жиорк, — ответил мужчина. — Вы ошиблись. Меня зовут Клейст. А теперь, мистер Пол, давайте перейдем к делу. Мы хотели бы...

— Рыжий Орк! — закричал Кикаха на языке властителей. — Я простой землянин, которому однажды удалось пробраться во вселенную Ядавина. Наверное, ты помнишь этого властителя. Но поверь, я вернулся на Землю не по своей воле, а для того, чтобы выследить Звонаря. У меня нет желания оставаться здесь. Я хочу убить Звонаря и уйти в тот мир, который стал моим домом. У меня нет намерений бросать тебе вызов.

— Эй, мистер, что за чепуху вы там несете? — заворчал Клейст. — Кажется, мы говорим с вами на нормальном английском языке.

— Да он просто чокнутый, — сердито отозвался Рамос. Клейст нахмурил брови, но внезапно выражение его лица изменилось. Кикаха догадался, что он получил какой-то приказ.

— Мистер Пол, — сказал Клейст. — Я уполномочен дать вам любые гарантии. Вы должны пойти с нами, и мы отвезем вас к человеку, с которым вам так хотелось встретиться.

— Хватит валять дурака, — ответил Кикаха. — Я могу оказать содействие вашему боссу, но не намерен отдавать себя в его руки. Возможно, он действительно во мне души не чает, но я ему не доверяю. И все же мне хотелось бы помочь ему выследить Звонаря.

Судя по физиономии Клейста, упоминание о Звонаре ему ничего не говорило. Кикаха быстро осмотрелся. Справа и слева к нему приближались люди Кэмбринга. Двое мужчин на бульваре Уилшир вышли из машины. Один заглянул под капот и что-то сказал водителю. Третий пристально рассматривал Кикаху через изгородь. Заметив ответный взгляд, он медленно отвернулся.

— Мы договорились, что вас будет двое, — сердито сказал Кикаха. — Решили устроить на меня охоту? Неужели вы думаете, что вам удастся похитить человека на виду у всех этих людей?

— Ну-ну, мистер Пол! — успокоил его Клейст. — Не надо горячиться. Нас только двое, и мы пришли сюда для того, чтобы договориться с вами.

В наушнике послышался голос Ананы:

— К их автомобилю на улице подъехала полицейская машина.

Клейст и Рамос переглянулись. Видимо, они тоже заметили полицию. Однако это их почему-то не встревожило.

— Если ваш хозяин хочет пригласить меня в гости, он должен гарантировать мне, что я вернусь,— сказал Кикаха.

Он решил, что настало время преподнести небольшой сюрприз, приготовленный заранее. Рыжий Орк знал, что вместе с Кикахой через ворота прошла женщина, но вряд ли догадывался, что она тоже властительница. Кикаха пробыл на Земле сравнительно недолго, но люди Орка уже запомнили и его и Анану в лицо. Однако ворота в общей сложности активировались трижды; следовательно, Рыжий Орк предполагал еще одну группу — или пару групп — властителей.

И теперь Кикаха хотел прояснить этот вопрос. Новая расстановка сил могла укрепить его позиции и приостановить операцию захвата, задуманную Орком.

— Да, чуть не забыл,— сказал он Клейсту.— Передайте своему боссу, что сейчас на Земле находятся четыре властителя.

Кикаха любил пустить пыль в глаза, если это помогало смутить или встревожить противника. К тому же в случае необходимости он мог использовать двух несуществующих властителей как средство давления или шантажа.

— Кроме них, из мира Ядавина пришли два землянина,— добавил он.— Это я и женщина, которая сопровождает Ядавина.

«Да, такого не выдержит даже Орк,— подумал Кикаха.— Как его сейчас, наверное, терзает любопытство! Он все отдаст, чтобы узнать, как два землянина попали в мир Ядавина, а затем ушли оттуда».

— Передайте вашему хозяину, что никто из нас, кроме Звонаря, не представляет для него угрозы. Мы хотим лишь убить беглеца и убраться ко всем чертям из этой вонючей вселенной.

Кикаха знал, что Рыжий Орк поймет его чувства. Какой властитель в здравом уме будет оспаривать власть над

этой обреченной планетой? Неужели кто-то захочет остаться здесь, имея шанс уйти в лучшую вселенную?

Клейст молчал. Его голова слегка склонилась набок, словно он прислушивался к словам невидимого демона на своем плече.

— А при чем тут четыре властителя? — спросил он в конце концов.

Клейст повторял слова хозяина, совершенно не понимая смысла фразы. Кикаха снова перешел на язык властителей:

— Рыжий Орк! Неужели ты забыл об устройстве, которое есть в мозгу у каждого из вас? Я имею в виду сигнал, который раздается в голове властителя, когда он приближается к «колоколу» Звонаря. Если матрицу будут искать четыре властителя, шансы найти Звонаря увеличатся!

Клейст перестал притворяться, что у него нет прямой связи со своим хозяином.

— А как он узнает, что вы сами не Звонарь? — спросил он.

— Будь я Звонарем, мне бы и в голову не пришло вступать с вами в контакт. И зачем бы я стал давать ему информацию о том, что в его мир просочился опасный враг?

Лицо Клейста вновь приняло бессмысленное выражение. А потом он вообще стал похож на механическую говорящую куклу.

— Босс говорит, что Звонарь сначала попытается обнаружить всех властителей, потому что лишь им известно о существовании этой расы. И только властители могут им противостоять. Вот почему вам так хочется найти его, мистер Пол. А то, что вы рискуете жизнью, еще ни о чем не говорит. Давно известно, что Звонари жертвуют одним из своих, если могут подобным образом получить какую-то выгоду. Босс подозревает, что и те четверо так называемых властителей тоже являются вашими друзьями-Звонарями.

Кикаха снова заговорил на языке властителей:

— Рыжий Орк! Ты испытываешь мое терпение. Я обратился к тебе, потому что знаю о твоих огромных возможностях! Пойми, у тебя нет выбора. Если мы сейчас прервем наш контакт, ты так и не узнаешь, Звонарь я или

нет. Твои сны наполнятся кошмарами, а Звонарь останется на свободе! Ты можешь убедиться в правдивости моих слов только в том случае, если согласишься на сотрудничество — с учетом моих требований и предложений. Я настаиваю на этом!

Пообщавшись с властителями, Кикаха сформулировал следующее правило: чтобы произвести на них впечатление, надо вести себя еще более нагло и самонадеянно, чем они.

В наушнике раздался голос Ананы:

— Машина покинула бульвар. Их вспугнули полицейские. Патрульный автомобиль тоже куда-то уезжает.

Кикаха пригладил прядку волос и шепнул в микрофон:

— Где находятся остальные?

— Сжимают кольцо. Они у ограды — делают вид, что рассматривают статую, а сами понемногу подбираются к тебе.

Кикаха взглянул за спины Рамоса и Клейста. Обе подозрительные машины были теперь пусты. Около одной из них стоял тот человек, в котором он заподозрил Кэмбринга. Остальные пассажиры решили погулять среди отдыхающих на лужайке. Кикаха оглянулся и увидел двух мужчин, которые неплохо смотрелись бы на ринге среди тяжеловесов. По всей вероятности, они тоже принадлежали к банде Кэмбринга.

— Будем отходить влево, — шепнул он в микрофон. — Мимо ограды через бульвар. Если они последуют за нами, придется уходить пешком — по крайней мере, сначала.

Он мельком взглянул на Анану. Она встала со скамьи и не спеша направилась к нему.

— Мистер Пол, — произнес Клейст. — Меня только что уполномочили принять ваши условия.

Он обезоруживающе улыбнулся и сделал еще пару шагов. Рамос напрягся и приготовился к прыжку.

— Не могли бы мы куда-нибудь пройти? — спросил Клейст. — Здесь как следует не поговоришь. Мы пойдем в любое место, куда вы скажете.

Кикахе стало противно. Он действительно хотел объединить свои силы с Рыжим Орком. Вместе они могли бы отыскать и Вольфа с Хрисеидой, и Звонаря. Все стало бы

на свои места, и они разошлись бы по-хорошему. Но Орк решил поступить по-своему: полагаясь на собственные силы и власть, он задумал получить все и всех.

Кикаха сделал последнюю попытку:

— Пойдите! Не приближайтесь ко мне! Лучше спросите своего босса, помнит ли он Анану и Ядавину? Неужели он забыл, как выглядят его племянник и племянница? Стоит ему взглянуть на них, и он узнает, что я говорю правду.

Клейст помолчал, а затем с улыбкой кивнул:

— Конечно! Мой босс согласен с вами. И он надеется, что вы приведете его к ним!

Все оказалось напрасным. Кикаха знал, о чем подумал Рыжий Орк. Он и сам мог бы додуматься до этого. Телами Ананы и Вольфа могли овладеть Звонари.

Клейст, по-прежнему улыбаясь, медленно поднес руку к карману куртки. Он всем своим видом давал понять, что подозрения Кикахи насчет оружия совершенно необоснованны. Вытащив ручку и блокнот, он откашлялся и приветливо сказал:

— Я запишу вам один телефончик, по которому вы можете получить любую...

И тут Кикаха понял, что это не простая авторучка. Очевидно, Орк доверил Клейсту миниатюрный лучемет. Однако это означало верную смерть для Клейста. Властитель не оставит в живых того, кто узнал об оружии внеземного происхождения. К тому же тот многое понял из разговора.

Но Кикаха не успел сообщить Клейсту о коварстве властителя. Ему едва удалось отскочить в сторону, когда тот навел на него авторучку. Несмотря на молниеносную реакцию, луч все же скользнул по его плечу и отбросил Кикаху на землю. Сделав кувырок, он вскочил на ноги и увидел, как Клейст шатаясь отступил на шаг, а затем, вскинув руки, упал на спину. Авторучка отлетела в сторону, и Кикаха метнулся к ней, хотя левое плечо и рука онемели, будто по ним ударили дубиной. Рамос отпрыгнул от авторучки, как от змеи. Вероятно, он не знал, что это такое на самом деле.

Женщины подняли визг, мужчины закричали, и вокруг началась беготня.

Поднимаясь на ноги, Кикаха увидел причину переполоха. Клейст и трое мужчин лежали на траве без чувств. Расшвыривая людей в разные стороны, к ним бежали еще шестеро — прибывших, должно быть, позже.

Один из них вытащил из кобуры пистолет. Увидев это, Рамос закричал:

— Нет! Только без оружия! Ты же знаешь!

К счастью, лучемер активировался не кодовым словом, а после нажатия на бегунок. Кикаха прицелился, и мужчина, согнувшись в дугу, повалился на землю. Отлетев назад, он шлепнулся на ягодицы, выпрямился и, раскинув руки в стороны, упал на траву с посеревшим лицом. Оружие упало в нескольких шагах перед ним.

Кикаха оглянулся и увидел Анану, бежавшую к нему. Она выстрелила одновременно с ним, поэтому парень с пистолетом получил двойной удар.

Кикаха прыгнул вперед, схватил оружие и швырнул его в «смоляную яму». Обежав ограду, он и Анана перескочили через небольшую декоративную решетку и оказались на тротуаре. Подземный переход находился далеко впереди, а машины на шоссе неслись сплошным потоком. Как раз в этот момент за полквартала от них на перекрестке загорелся красный свет, и движение транспорта замедлилось.

Петляя среди машин, они побежали через дорогу. Водители давили на тормоза, гудели клаксоны, и несколько человек кричали им вслед пикантные пожелания.

Выбравшись на тротуар, они оглянулись. Транспортный поток вновь набирал скорость, и семеро людей из банды Кэмбринга беспомощно топтались на другой стороне улицы.

— Все вышло не так, как хотелось,— воскликнул Кикаха.— Я надеялся, что мы схватим Клейста и заберем его с собой. Он мог бы привести нас к Рыжему Орку.

Анана засмеялась, хотя и немного нервно.

— Да, в недостатке самоуверенности тебя не обвинишь,— сказала она.— Что будем делать дальше?

— Надо уходить. Через несколько минут здесь появится полиция. Впрочем, постой! Все люди Кэмбринга остались позади. Могу поспорить, что они получили приказ подобрать Клейста и остальных до приезда полицейских.

Он схватил Анану за руку и побежал к перекрестку.

— Что ты задумал? — на бегу спросила она.

— Пока они заняты, мы перейдем у светофора, а потом свернем на Карсон-стрит. Там стоит машина Кэмбринга!

Больше Анана ни о чем не спрашивала. Спасти от врагов, а потом снова вернуться к ним в пасть... Это напоминало ей самоубийство.

Люди Кэмбринга находились в ста ярдах от беглецов. Кикаха видел, как они вели Клейста и еще двоих человек, скрываясь за деревьями, посаженными вдоль тротуара. Где-то вдалеке завывала сирена. Судя по тому, как спешили бандиты, они не сомневались, что это погоня.

Кэмбринг стоял у машины и покусывал от волнения губу. Когда ручка-излучатель уперлась в его спину, он замер на месте, а потом по приказу Кикахи безропотно сел на переднее сиденье. Наглая парочка устроилась сзади. Пригнувшись за спинками сидений, они велели Кэмбрингу молчать, и Кикаха пощекотал ему бок кончиком миниатюрного лучемета.

— Вам это с рук не сойдет! — возмутился заложник. — Вы просто сошли с ума!

— Заткнись, — посоветовал Кикаха.

Через полминуты двое мужчин подвели полуживого Клейста к машине. Кикаха открыл заднюю дверь и нацелил на них лучемет.

— Сажайте его на переднее сиденье, — приказал он. Сопровождавшие Клейста мужчины остановились. Другие, прикрывавшие их сзади, потянулись за оружием, но Кикаха крикнул:

— Я убью Клейста и Кэмбринга! А потом и всех вас! Вот этой самой штукой.

Он навел на них авторучку. Многие уже видели ее в деле и могли только догадываться о природе этого оружия. По-видимому, оно пугало их больше, чем пистолет и разрывные пули. Бандиты замерли на месте.

— Я заберу этих двоих с собой. Полиция приедет с минуты на минуту. Так что вам, ребята, пора сматываться. Берегите себя!

Двое мужчин усадили Клейста на переднее сиденье, и он повалился на Кэмбрина, как мешок с отбросами. Пока тот брезгливо отталкивал его, а Анана держала под прицелом остальных, Кикаха быстро вышел из машины и пересел на место водителя. Он завел мотор, сдал назад, со скрипом тормозов остановил машину, а затем рванул вперед к выезду на шоссе. Автомобиль резко подскочил, проехав поребрик между стоянкой и улицей. Кикаха что-то крикнул Анане, и та, перегнувшись через сиденье, ощупала ухо Клейста. Обнаружив микропередатчик, она сняла его и показала своему партнеру. Это был металлический диск толщиной с почтовую марку и размером с десятицентовик.

Укрепив его за своим ухом, Анана сняла с Клейста часы и надела их на запястье.

Итак, они захватили Кэмбрина и Клейста. Но что с ними делать?

Внезапно Анана ахнула и оттолкнула Кэмбрина, который повалился на Кикаху. Решив, что главарь банды набросился на него, Кикаха выставил локоть, но тут же понял причину странного падения Кэмбрина. Тот лишился чувств. Еще один взгляд убедил Кикаху, что Кэмбринг мертв или близок к этому. Его кожа стала серо-синей, как у трупа.

— Они оба мертвы! — закричала Анана.

Кикаха подъехал к обочине и, остановив машину, неистово затыкал в нее пальцем. Удивление длилось лишь секунду, а потом она поняла, что пытался сообщить ее спутник. Анана сорвала с себя часы и приемник Клейста с такой поспешностью, словно узнала, что носит вещи прокаженного.

Кикаха перегнулся через сиденье и тихо прошептал:

— Я подберу часы и приемник носовым платком и отнесу их в багажник. Пусть полежат там, пока мы от них не избавимся. Думаю, если бы этот приемник остался за твоим ухом, ты бы сейчас услышала голос Рыжего Орка.

И он приказал бы нам сдаться, пообещав в противном случае убить тебя так же, как убил Кэмбринга.

Он поднял запястье мертвого гангстера и карандашом отстегнул часы. На коже под ними виднелось слегка обесцвеченное пятно. Тем же карандашом Кикаха снял диск приемника и показал на маленький коричневато-синий ожог за ухом Кэмбринга.

Клейст застонал. Его веки затрепетали, и он открыл глаза. Кикаха завел мотор, выехал на трассу и свернул на северное ответвление дороги. Пока они медленно пробирались вперед в плотном потоке транспорта, Клейст выпрямился, оттолкнув при этом Кэмбринга на Кикаху. Анана отдала резкий приказ, и их пленник покорно уложил труп на пол. Массивное тело заняло много места, поэтому Клейсту пришлось подтянуть колени почти до самого подбородка.

— Значит, вы убили его, — сказал он и со стоном закрыл лицо руками.

Кикаха объяснил ему ситуацию и рассказал о том, что произошло. Клейст не поверил.

— За какого дурака вы меня принимаете? — возмутился он.

— Хорошо, — с усмешкой ответил Кикаха. — Итак, вы не верите в эффективность устройств, о которых я вам только что рассказал. Мы могли бы снова надеть их на вас, и вы лично убедились бы в правоте моих слов. Но нам не нужен новый труп, и мы не хотим, чтобы ваш босс обошел нас еще на одно очко.

Проехав огромный бизнес-центр, он увидел знак, который указывал на стоянку. Кикаха свернул на подъездную аллею и остановился посреди небольшой площадки, замкнутой с трех сторон стенами высотных зданий. К счастью, людей на стоянке в этот момент не было, а окна зданий сюда не выходили. Он вышел из машины и велел Клейсту сделать то же самое. Анана прижала к боку пленника авторучку-лучет.

Кикаха вытащил тело Кэмбринга и затолкал его под грузовик с панелями. Затем они вернулись в машину и двинулись в сторону мотеля.

Кикаха начинал беспокоиться. Его действия могли подтолкнуть Рыжего Орка к более решительным мерам, и он мог заявить об угнанном «роллсе». До сих пор он не впутывал полицию в их отношения, но Кикаха не сомневался, что рано или поздно Орк прибегнет к помощи властей. Оставаясь анонимной фигурой, он, вне всяких сомнений, оказывал огромное влияние на политическую и финансовую жизнь многих стран. И если Кикаху и Анану задержит полиция, властитель устроит так, что их передадут в руки людей Рыжего Орка. Ему потребуется лишь заплатить залог и схватить их за дверьми полицейского участка.

Если Клейст знает людей, через которых можно выйти на Орка, властитель пойдет на все, чтобы не дать ему проболтаться.

А в данный момент их пленник не проявлял особого стремления к сотрудничеству. Он даже перестал отвечать на вопросы Кикахи и перешел на ругань и хамские замечания вроде «побереги дыхание», «зря стараешься», «а плевать я на тебя хотел».

Когда они приехали в мотель, Клейст вышел из машины и осмотрелся, словно хотел сбежать или позвать на помощь. Кикаха попросил его не совершать роковой ошибки — заряд авторучки вполне мог снести голову с плеч. Театрально вздохнув, Клейст вошел в комнату, и Кикаха, даже не подождав, пока Анана закроет дверь, оглушил пленника легким касанием луча.

Когда Клейст начал приходить в себя, Кикаха сделал ему инъекцию сыворотки, которую прихватил из дворца Вольфа. В течение следующего часа они узнали почти все о делах и людях той организации, которую Клейст называл «командой». Сам он находился под началом Альфредо Роулини. Этот человек жил в Беверли Хиллз, однако Клейст никогда не бывал в его доме. Роулини отдавал приказы по телефону, а с Клейстом и другими подчиненными встречался в особняке Кэмбринга.

Судя по описанию Клейста, Роулини совершенно не походил на Рыжего Орка.

Кикаха нахмурился, пару раз дернул себя за волосы и принялся расхаживать по комнате.

— Я думаю, Рыжий Орк догадывается, что мы уже знаем адрес Роулини. Он либо предупредит его, либо устроит там для нас ловушку. Но мы сбили с него спесь и высокомерие. Теперь он знает, что и мы не слабаки. Орк явно не ожидал, что мы принесем ему столько хлопот. А Роулини — это пустая карта. Если нам даже удастся добраться до него, мы узнаем еще одно подставное лицо, и только. Готов поспорить, что он, как и Клейст, ничего не знает о Рыжем Орке.

— Скорее всего, так оно и будет,— согласилась Ана-на.— Поэтому мы должны выманить Орка из подполья.

— Я согласен с тобой. Но как это сделать?

— Мы покажем ему Звоняря! — с улыбкой ответила она.

— Но мы же не знаем, где он! Мне очень неприятно напоминать об этом, но мы можем вообще никогда его не найти!

— Не говори так,— ответила она.— Мы должны его отыскать!

Кикаха знал, что ее решимость продиктована не заботой об обитателях Земли, а ужасом перед тем, что могло произойти в будущем. Если Звоняри восстановят свою численность, они хлынут потоком в другие вселенные и «карманные» миры, которыми владели властители. Она тревожилась за себя, за Кикаху, брата Луваха, который сейчас оправлялся от ран и охранял дворец Вольфа. Она хотела лично убедиться в том, что ни в одной из тысячи восьми известных вселенных не осталось монстров, которые стали ее ужасным кошмаром.

Но и Рыжий Орк отныне потеряет сон.

Кикаха связал Клейста по рукам и ногам, а потом наклеил ему на рот клейкую ленту. Анана не могла понять, почему бы им попросту не убить ненужного свидетеля. И вновь, как уже десятки раз, Кикаха объяснил ей, что не собирается убивать людей без необходимости. Кроме того, оставив в номере труп, они получили бы еще одну проблему. Забрав бумажник Клейста, он засунул связанного пленника в стенной шкаф.

— Пусть посидит там до утра, пока не придет уборщица. А нам пора уезжать. Но сначала надо что-то забросить в желудки. Давай выйдем и перекусим.

Они перешли улицу и, войдя в ресторан, устроились в кабинке у окна, откуда без труда могли следить за фасадом мотеля. Во время еды Кикаха поведал Анане о своих планах.

— Если мы наведем Орка на псевдо-Звонаря, он бросится за ним в погоню, и обман выяснится только тогда, когда властитель окажется в непосредственной близости от нашей подсадной утки. Мы изготовим фальшивый «колокол», организуем кое-какую рекламу и устроим так, чтобы Орк слышал об этом человеке.

— Но он может опять послать кого-нибудь вместо себя,— возразила она.

— А как тогда Орк узнает, настоящий это Звонарь или нет? Он либо сам придет посмотреть на него, либо прикажет привести Звонаря к себе.

— Но из его дворца ты уже не убежишь! — воскликнула Анана.

— Это мы еще посмотрим! Сначала надо туда попасть. Другого пути я пока не вижу, поэтому придется импровизировать.

Они встали, и Кикаха расплатился у кассы по счету. Вдруг Анана сжала его руку и кивнула в сторону большого окна. На стоянку мотеля сворачивала полицейская машина.

Кикаха увидел, как двое полицейских вышли из автомобиля и осмотрели угнанный «роллс». Затем один из них удалился в контору управляющего, а другой доложил о находке по рации. Через минуту офицер и управляющий появились на стоянке, и все трое отправились в номер, который недавно покинули Кикаха и Анана.

— Они найдут в стенном шкафу Клейста,— пробормотал Кикаха.— Ладно, давай возьмем такси и вернемся в Лос-Анджелес. Надо позаботиться о новом жилье.

Все вещи остались в мотеле. К счастью, отправляясь в ресторан, они захватили с собой футляр с рогом Шамбаримена, излучатели с запасом силовых батарей, авторучку-лучемет, миниатюрные приемники и ручные часы-передатчики. Кроме того, у Кикахи были деньги, изъятые у Баума, Кэмбрина и Клейста. Последний добавил к их состоянию еще сто тридцать пять долларов.

Они вышли в жару и смог, который разъедал глаза и обжигал носовые пазухи. Кикаха купил в киоске «Лос-Анджелес таймс», затем они дождались такси и уехали из «Долины». По пути он прочитал колонку частных объявлений, в конце которой находилось и его сообщение. Остальные не имели никакой связи с Вольфом.

Расплатившись с водителем, они прошли пару кварталов и поймали еще одно такси, которое отвезло их в район, выбранный наугад Кикахой.

После непродолжительной прогулки они вышли к большому торговому центру. Кикаха подстригся, купил шляпу и минут пять поболтал с девушкой из отдела дамских головных уборов. Чуть позже он приобрел в аптеке краску для волос и несколько других предметов: зубную пасту, щетки, бритвенный и косметический наборы. Заглянув в ломбард, он разжился двумя чемоданами, хорошо сбалансированным ножом и добротными ножнами.

Пройдя два квартала, они отыскивали небольшую третьеразрядную гостиницу. Надев шляпу и темные очки, Кикаха подошел к стойке администратора и потребовал номер на двоих. Он надеялся, что портье не обратит на них особенного внимания. Но того интересовало только одно — плата вперед и несколько долларов сверху. Судя по запаху дешевого виски, он не отличался в тот момент особой восприимчивостью.

Получив ключи, они поднялись на второй этаж.

— Та комната в мотеле казалась мне жалкой лачугой, — сказала Анана, осматривая номер. — Но по сравнению с этой дырой она была просто дворцом!

— Я рассчитывал на худшее, — ответил Кикаха. — Хорошо, что тараканы тут не такие большие, чтобы утащить нас с собой.

Какое-то время они потратили на перекрашивание волос. Бронзовые волосы Кикахи превратились в темно-коричневые, а черные и блестящие, как у полинезийских девушек, локоны Ананы приобрели пшенично-желтый цвет.

— Лучше не стало, но что-то изменилось, — заметил Кикаха. — Теперь надо найти хорошего слесаря.

Отыскав в телефонном справочнике адреса ближайших мастерских, они пришли в одно из таких заведений,

и Кикаха сделал заказ. Он заплатил аванс и во время разговора составил мнение о владельце мастерской. Тот был готов на любые услуги с условием, что оплата высока, а риск минимален.

Кикаха решил припрятать рог Шамбаримена. Ему не хотелось расставаться с ним, но он опасался, что универсальный ключ к вселенным может попасть в руки Рыжего Орка. Они и так рисковали, таская его повсюду. Если бы, уходя из мотеля в ресторан, Кикаха не взял футляра с собой, инструмент попал бы в управление полиции. И Орк, узнав о нем, нашел бы способ заполучить его.

Они пришли на автовокзал «Грейхаунд», и Кикаха сдал футляр в камеру хранения.

— Я накинул слесарю лишние двадцать баксов за срочность, — сказал он Анане. — Парень пообещал выполнить работу к пяти часам. До этого времени мы могли бы посидеть в закусочной напротив гостиницы. Отдохнем, а затем последим за входом. Слишком уж быстро они выходят на наш след.

«Муха из голубой бутылки» оказалась неряшливой пивной, однако в ней нашелся один незанятый столик у окна. Грязное стекло закрывали жалюзи, но широкие щели между гнутыми пластинами позволяли Кикахе просматривать весь фасад гостиницы. Он заказал для Ананы кока-колу, а сам остановил выбор на пиве. Пить ему не хотелось, тем не менее, чтобы не сердить бармена, Кикаха каждые пятнадцать минут повторял заказ. Посматривая в сторону гостиницы, он расспрашивал Анану о Рыжем Орке. Его интересовало все, что она знала об их противнике.

— Он — мой кратландрун, — сказала Анана, — брат матери или, по-вашему, дядя. Пятнадцать тысячелетий назад он покинул родную вселенную и отправился создавать свой собственный мир. Это произошло за пять тысячелетий до моего рождения. Однако в нашем доме хранились его статуи и фотографии, а однажды, когда мне исполнилось пятнадцать лет, он приезжал к нам в гости. За долгие годы память о нем поблекла, но мне кажется, я узнала бы его, если бы увидела вновь. У нас с ним есть фамильное сходство, и, говорят, очень сильное. Поэтому, если ты увидишь мужчину, во всем похожего на меня, можешь

считать, что перед тобой Рыжий Орк собственной персоной. Только волосы у него не черные, а цвета темной бронзы — как у тебя. Ну да, точно как у тебя! И знаешь, я начинаю подозревать... Странно, что это мне не пришло в голову раньше... Ты выглядишь в точности как он.

— Ладно, кончай! — сказал Кикаха. — Тогда я походил бы на тебя! А мы совершенно не похожи.

— Пойми, мы можем приходиться друг другу родственниками!

Кикаха почувствовал смутное беспокойство. Он попытался скрыть смущение за улыбкой, но на лице проступил предательский румянец.

— Дальше ты станешь утверждать, что я незаконно рожденный сын Рыжего Орка!

— Мне неизвестно, есть ли у него дети, — задумчиво ответила Анана. — Но ты вполне можешь оказаться его сыном.

— Я знаю своих родителей! — воскликнул он. — Они простые фермеры, и предки у меня тоже самые обыкновенные. Отец — ирландец. А впрочем, кем еще может быть Финнеган? Мать — норвежка, но на четверть индианка катамба.

— Я ничего не пытаюсь доказать, — сказала Анана. — Просто между вами есть неоспоримое сходство. Мне вспоминаются его глаза... Да-да, такие же — ярко-зеленые, как листва... А ведь я почти забыла.... Хочешь ты этого или нет, но у тебя глаза Рыжего Орка!

Кикаха положил ладонь на ее руку и тихо сказал:

— Подожди!

Он пристально смотрел в широкую щель между полками жалюзи. Анана взглянула туда же и сердито топнула ногой.

— Полицейская машина!

— Да, припарковалась во втором ряду перед гостиницей. Они входят в дверь! Впрочем, не будем паниковать. Возможно, они разыскивают кого-нибудь другого.

— А ты видел, чтобы я паниковала? — с холодной усмешкой спросила она.

— Прости. Просто у меня такая манера выражаться. Прошло около пятнадцати минут. К полицейской машине

подъехал еще один автомобиль. В нем находилось трое мужчин в штатской одежде. Двое из них зашли в гостиницу, и машина уехала.

— Они похожи на сыщиков,— сказал Кикаха. Полицейские вышли из дверей и, постояв у входа несколько минут, уехали. Двое детективов пробыли внутри почти полчаса. Покинув гостиницу, они дошли до перекрестка, о чем-то переговаривали, и один из них вернулся назад. Осмотрев улицу, он задумчиво поковырял в носу, а затем быстрым шагом направился в закусочную.

— У него возникла та же мысль, что и у нас с тобой,— сказал Кикаха.— Он хочет понаблюдать за гостиницей отсюда. А нам придется уходить. Иди к служебному выходу, но только так, чтобы не вызвать подозрений.

Они вышли в загаженный переулок, свернули на проспект и зашагали в северо-западном направлении к слесарной мастерской.

— Либо полиция получила информацию от Рыжего Орка, либо они проверяют нас по делу Клейста,— сказал Кикаха.— Впрочем, это сейчас не важно. Орк реализовал свое преимущество, и нам придется затаиться на какое-то время. Если он и дальше будет оказывать на нас такое давление, мы можем потерять не только свободу действия, но и свои жизни.

До срока, назначенного владельцем мастерской, оставалось около полутора часов. Кикаха привел Анану в уютный бар довольно высокого класса, и они снова устроились за столиком.

— Ты начала рассказывать мне историю своего дяди, но нас перебили,— напомнил он ей.

— Рассказывать, в общем-то, не о чем,— ответила она.— Одно время Рыжий Орк наводил ужас на всех других властителей. Он захватил более десяти чужих миров и убил их создателей. Но когда Орк проник в мир Валы, моей сестры, ему пришлось узнать всю боль и горечь поражения. Он был ловок и коварен; в его руках находились неисчерпаемые ресурсы и огромная мощь. Но моя сестра Вала соединяла в себе качества кобры и тигра. В жестокой битве она нанесла ему тяжелое ранение, но при этом пострадала сама. Вала едва не умерла, и лишь по этой при-

чине плененному Орку удалось бежать и вернуться на Землю — в ту вселенную, которую он создал первой, после того как покинул родной мир.

Кикаха выпрямился и удивленно уставился на спутницу:

— Что? Что ты сказала?

Он даже не заметил, что опрокинул бокал. Пиво разлилось, и на скатерти появилось темное пятно.

— Ты хочешь, чтобы я повторила весь рассказ? — спросила Анана.

— Нет, я не понял твоих последних слов... Ты сказала, что он вернулся в эту вселенную, которую якобы создал первой!

— Да. И что в этом так тебя расстроило? Кикаха редко запинался, но сейчас он не мог выдать из себя ни слова.

Наконец он произнес:

— С-слушай! Я принял идею «карманных» вселенных, потому что прожил в одной из них половину своей жизни. О существовании других мне рассказывал человек, словам которого я безгранично доверяю. Мне довелось встречаться с властителями из других вселенных. И в конце концов, я встретил тебя! Мне известно, что есть около тысячи восьми небольших искусственных миров, но я всегда думал... И по-прежнему думаю... Нет, Анана, это просто невозможно. Моя вселенная не может быть искусственной. Она образовалась естественным образом — точно так же, как и твоя родная вселенная Гардзринтрах.

— Я бы так не сказала, — мягко ответила Анана и, погладив его по руке, ласково сжала ладонь. — Кикаха, милый, неужели это так тебя расстроило?

— Ты ошибаешься, Анана, — настаивал он. — Мне даже трудно передать, насколько огромна эта вселенная. Она необъятна! Она бесконечна, понимаешь? Ни один человек не мог бы создать такой неопишимо сложный и гигантский мир! Да ты сама посуди — ближайшая звезда находится на расстоянии четырех с чем-то световых лет, а до самой дальней — несколько миллионов световых лет. Но и дальше существует пространство, протяженность ко-

того исчисляется миллиардами и миллиардами парсеков!

А потом учти эволюцию нашей вселенной! Я слышал, что возраст Земли составляет около трех с половиной миллиардов лет! Это чертовски больше тех пятнадцати тысячелетий, когда властители, покинув родную планету, начали создавать свои личные миры! Земля древнее вас всех!

Анана улыбнулась и похлопала его по руке, словно добрая бабушка, которая успокаивает напуганного внука.

— Ну-ну, мой любимый! Зачем так волноваться? Странно, что Вольф не рассказал тебе об этом. Хотя, возможно, он не совсем оправился от амнезии. Мне говорили, что при восстановлении памяти некоторые фрагменты жизни забываются навсегда. А может быть, он посчитал это настолько несущественным, что просто не стал тратить время на рассказ. Честно говоря, я тоже не понимаю, что тут такого особенного.

— Тогда как ты объяснишь бесконечные размеры вселенной и возраст Земли? Неужели эволюция жизни для тебя только пустой звук? — с жаром спросил он. — Вот как ты объяснишь эволюцию? Я имею в виду те неоспоримые доказательства, которые ученые получили в результате раскопок. А датировка исторических событий с помощью углерода-14 и калий-аргона? Это научный факт! Я прочитал о нем в журнале!..

К столику подошла официантка и забрала пустой бокал. Кикаха замолчал. Но как только она ушла, он снова открыл рот и тут же закрыл его. Телевизор над стойкой бара показывал новости. На экране появились изображения двух лиц.

— Взгляни туда! — прошептал он Анане.

Она повернулась и едва успела рассмотреть рисунки, как начался новый сюжет.

— Довольно похоже на нас.

— Да, это фоторобот, — сказал Кикаха. — Теперь на нас начнется настоящая охота. Впрочем, без паники. Если мы сейчас встанем и уйдем, кто-то обязательно заметит наше сходство с рисунками. Поэтому мы останемся здесь и как ни в чем не бывало продолжим нашу беседу. Наде-

юсь, люди приходят сюда не для того, чтобы смотреть телевизионные новости...

Будь телевизор цветным, сходство оказалось бы менее заметным: цвет волос сбил бы с толку любого подозрительного посетителя. Но на черно-белом экране их портреты почти ничем не отличались от фотографий.

Однако никто на них внимание не обратил: на экран телевизора смотрели лишь несколько пьяниц у стойки. И те, похоже, не собирались разглядывать публику позади себя.

— О чем сообщала эта штука? — шепнула Анана, имея в виду телевизор.

— Не знаю. Здесь слишком шумно, и я ничего не слышал. А у стойки об этом лучше никого не спрашивать.

Кикаха снова задумался над своим планом. Возможно, не стоит пока выманивать Орка из укрытия. Конечно, кое в чем рисковать надо, но теперь, когда полиция начала активный розыск и их портреты замелькали на экранах телевизоров, он больше не хотел привлекать к себе внимание. Кроме того, идея так и осталась на уровне шального зайца, который скакал по зарослям шиповника в его уме. Она раскачивалась на верхней ветке воображения, где созревали самые дикие фантазии. Но именно поэтому она и могла претендовать на успех. И все же не сейчас, подумал он. По их следу мчались люди Орка и сотня полицейских. Если он приведет свой план в исполнение, Рыжий Орк узнает о его местонахождении и тут же поймет, что это западня.

— Надень темные очки, — посоветовал Кикаха. — Я думаю, уже прошло достаточно времени. Вряд ли кто-то вспомнит теперь о показанных картинках.

— Тебе не требуется мне все объяснять, — ответила Анана. — Я не такая глупая, как ваши земные женщины.

Кикаха немного помолчал. За какие-то несколько минут на него обрушилось столько информации, что в голове зазвенело. Ему хотелось выяснить вопрос о происхождении вселенной, но даже на это не осталось времени. Он должен найти и убить Звонаря. Он должен найти и спасти

своих друзей. А для этого необходимо выжить — выжить назло врагам!

— Мы заберем кое-что из камеры хранения, — сказал он. — Но сначала зайдём в мастерскую и возьмём «колокол». Я все же хочу его использовать.

Он оплатил счет, и они вышли на улицу. Через десять минут Кикаха получил готовый макет. Мастер потрутился на славу. Конечно, вблизи подделку обнаружил бы даже слепой властитель. Но на значительном расстоянии их «колокол» вполне сошел бы за матрицу Звонаря — тем более для тех, кто никогда ее не видел. Предмет действительно походил на колокол с закрытым дном и раза в полтора превосходил по размерам голову взрослого мужчины. Мастер сделал его из алюминия и окрасил в нужный цвет быстросохнущей краской. Кикаха расплатился с владельцем мастерской и уложил «колокол» в шляпную коробку, которую выпросил в отделе дамских головных уборов.

Через полчаса они уже прогуливались в парке Макарура.

Кроме обычных ораторов, выступавших на ящиках изпод мыла, там болталось множество пьяниц, хиппи и рокеров. Люди посolidнее и побогаче приходили сюда полежать на травке и поглазеть на тусовки нетрадиционной молодежи.

Обойдя большой куст, они остановились.

Справа от них стояла бетонная скамья. На ней сидели двое алкоголиков с небритыми и осунувшимися от перепоя лицами. Рядом, почти у самого края, дремал молодой человек. Его красивое лицо обрамляли длинные, грязные, белокурые космы; на подбородке и щеках проступала трехдневная щетина. Одежда казалась еще более грязной и рваной, чем у пьяниц. Его локоть упирался в картонную коробку из-под бананов — примерно полтора квадратных фута в основании.

Анана начала о чем-то говорить, но внезапно замолчала. Ее кожа стала мертвенно-бледной, глаза расширились; она сжала руками горло и жалобно закричала.

Причиной подобного ужаса мог быть только сигнал, который сейчас звенел в ее ушах. Этот звон генерировало

специальное устройство, вживленное в мозг Ананы десять тысяч лет назад. Оказавшись в непосредственной близости от матрицы Звонаря, устройство автоматически включилось. Нервы взвыли, как мембрана сирены, и Анану охватил вековечный страх перед пожирателями разума.

Блондин вскочил со скамьи, схватил коробку и побежал. Кикаха помчался за ним. Крик Ананы превратился в истерический визг. Пьяницы тоже завопили. К бетонной скамье начали сбегаться люди.

В любое другое время Кикаха от души посмеялся бы над такой ситуацией. Первоначально он планировал отнести псевдоматрицу в какое-нибудь место, где ошивались алкоголики и отбросы общества. Для этой цели они выбрали парк Макарура. Кикаха рассчитывал создать какую-нибудь суматоху, о которой потом расскажут газеты. Он надеялся, что весть о «колоколе» выманит Орка из его логова.

И по иронии судьбы они наткнулись на настоящего Звонаря.

Если бы у того хватило ума припрятать матрицу, он находился бы в полной безопасности. Кикаха и Анана прошли бы мимо, так ничего и не заметив.

Внезапно Кикаха замедлил бег. Зачем преследовать Звонаря и брать его живым? Погоня только привлечет внимание.

Он вытащил лучемер, замаскированный под авторучку, и, сдвинув бегунок на металлическом корпусе, перевел оружие в режим максимальной мощности. Потом прицелился в спину Звонаря, но Табююз, резко свернув, упал на землю. Очевидно, он понял тактику своего противника. Его коробка отлетела в сторону, а сам Звонарь, прокатившись кубарем, вскочил на четвереньки и исчез за невысоким бугром. Луч Кикахи прошел над его головой и, попав в дерево, прожег в стволе дыру, откуда повалил дым. Кикаха отключил оружие. На такой мощности заряд мог иссякнуть через пару секунд, а запасного аккумулятора у него не было.

В тот же миг из-за бугра высунулась голова Звонаря, и в его руке появился тонкий темный предмет. Он прицелился, но Кикаха успел отпрыгнуть на пару шагов, под-

бросив в воздух шляпную коробку. Белый луч скользнул по ней, и коробка вместе со всем содержимым развалилась пополам. Вспыхнув, она упала на подстриженный газон.

Кикаха выглянул из-за куста и снова выстрелил. Трава на бугре стала коричневой. Табююз провел свою атаку. Кикаха откатился вбок, вскочил и зигзагами побежал к ближайшему дереву.

Анана приближалась с другой стороны. Она вытянула руку вперед, нацеливая кольцо на бугор. Кикаха оглянулся и увидел Звонаря, который вернулся за своей коробкой. Схватив матрицу, Табююз помчался прочь. Через поляну к ним со всех сторон бежали люди. Неподалеку, у фонтана, появились двое полицейских.

Кикаха представил себе, насколько странной и идиотской казалась со стороны его схватка со Звонарем. Двое молодых людей носились по поляне с картонными коробками, прыгали и целились друг в друга авторучками, изображая сцены из вестерна о ковбое и индейце. А за ними бегала женщина, которая минуту назад вопила так, словно увидела монстра Франкенштейна.

Один из полицейских что-то закричал.

— Только не позволяй им поймать себя, — напомнил Кикаха. — Иначе нам конец! Скорее, за Звонарем!

Они побежали изо всех сил. Полицейские подняли крик. Кикаха оглянулся. Никто из них пока не вынимал оружия, но этого оставалось недолго ждать.

Кикаха и Анана настигали Звонаря. Полицейские отставали. Однако Кикаха начал задыхаться. Но каким бы ни было его состояние, Табююз чувствовал себя еще хуже. Звонарь перешел на быстрый шаг. Через миг-другой он мог обернуться и открыть стрельбу, поэтому Кикаха решил прибавить темп. Еще несколько секунд, и враг оказался бы в пределах досягаемости его луча. Кикаха даже зарычал, представив, как подрежет Табююзу ноги. Это станет концом угрозы, нависшей над человечеством, — не считая, конечно, тех опасностей, которые люди создают себе сами.

Собрав последние силы, Звонарь побежал по бетонной лестнице, которая вела из парка на улицу. Кикаха

замедлил бег и, одолев лишь первый пролет, остановился. Он подозревал, что Табююз, затаившись наверху, только и ждал того момента, когда головы его врагов появятся на линии прицела. К нему подбежала Анана.

— Где он? — спросила она, тяжело переводя дыхание.

— Если бы я знал, то не стоял бы тут как столб.

Кикаха повернулся и, спрыгнув на откос земляного вала, отбежал на сорок шагов от лестницы. Потом лег на живот и по-пластунски пополз к вершине подъема. Конечно, Звонарь мог догадаться о подобном маневре. Сообразив, что Кикаха не собирается подниматься по лестнице, он наверняка начнет осматриваться. Но это займет время, и, возможно, Табююзу не удастся выстрелить мгновенно.

Кикаха взглянул направо. Анана, уловив его идею, поднималась по валу с другой стороны лестницы. Она посмотрела на него, усмехнулась и махнула рукой. Он жестом объяснил ей, что им следует одновременно выглянуть из-за края насыпи. Если Звонарь растеряется и промедлит с выстрелом хотя бы на секунду, его можно считать покойником.

Однако дело осложняли полицейские. Их крики стали громче. Раздался звонкий хлопок, и рядом с Кикахой взметнулся фонтанчик песка.

Кикаха махнул рукой, они высунули головы, и в этот момент на улице, прямо перед ними, прогремел выстрел.

Табююз согнулся и, сделав несколько шагов, повалился на спину. Рядом с ним остановился большой черный «линкольн». Несколько мужчин подняли Звонаря и затащили его в машину.

Заметив среди них Клейста, Кикаха шепотом выругался. Он загнал Звонаря прямо в руки Орка! Его люди, очевидно, объезжали этот район и разыскивали человека с большой коробкой. Или, наоборот, кто-то из них увидел Кикаху с его шляпной коробкой и решил, что он Звонарь!

Кикаха кивнул Анане. Они выскочили на улицу и побежали к машине. Полицейские снова подняли крик, но выстрелов, к счастью, не последовало. Люди Орка не стали искушать судьбу. Швырнув в лимузин безвольное тело Звонаря, они торопливо забрались внутрь, и «лин-

кольн», визжа тлеющими покрывками, вырвался на свободную полосу.

Надеясь пробить шины или, по крайней мере, бензобак, Кикаха прицелился в бампер машины, нажал на кнопку, но ничего не произошло. «Линкольн» на полной скорости свернул за угол, и Кикаха снова выругался. Заряд его лучемета иссяк.

На ахи и вздохи не оставалось времени. Вне всяких сомнений, полицейские успели вызвать подкрепление. Анане и Кикахе вновь пришлось бежать. Пока их спасали только дорожные пробки — в час «пик» движение на дорогах становилось настолько интенсивным, что полицейские машины двигались с черепашной скоростью.

Через полчаса Кикаха и Анана поймали такси, а еще через двадцать минут — сняли номер в мотеле. Управляющий с любопытством осмотрел клиентов и, не увидев багажа, удивленно поднял брови. Кикаха представился агентом небольшой рок-группы и пояснил, что их багаж прибудет позже. Остальные музыканты, ожидая его уведомления о предстоящих концертах, решили задержать-ся в Сан-Франциско.

Взяв ключи, путешественники пошли в свой номер. Осмотрев комнату, Кикаха закрыл дверь, придвинул к ней шкаф, а затем составил Анане компанию на широкой двуспальной кровати. Проспав около пятнадцати минут, они поднялись, приняли душ и натянули на себя влажную от пота одежду. Кикаха узнал у управляющего адреса ближайших магазинов. Прогулявшись по некоторым из них, они обновили свои наряды и приобрели предметы первой необходимости.

— Если мы и дальше будем покупать одежду, а затем ее терять, то скоро останемся без денег, — сказал Кикаха. — И мне вновь придется заняться грабежом.

Вернувшись в номер мотеля, он нетерпеливо раскрыл свежую «Лос-Анджелес таймс» на колонке частных объявлений. Прочитав ее сверху донизу, Кикаха подпрыгнул на кровати и издал индейский клич. Анана улыбнулась и под-села к нему.

— Неужели что-то хорошее? — спросила она.

— Да! Это первая хорошая новость с тех пор, как мы оказались здесь! А я уже не надеялся, что мое объявление попадется ему на глаза. Ах этот Вольф! Старый хитрый лис! Он мыслит совсем как я. Возьми почитай.

Анана взяла газету и, слегка прищурившись, прочитала вслух две небольшие строчки:

«Хровакский парень. Я рад, что ты тоже пришел сюда. Штаты. Уилшир и Сан-Висент. В девять вечера. Х. шлет горячий привет».

Кикаха стащил Анану с кровати и закружил по комнате.

— Получилось! Получилось! Когда мы будем вместе, нас уже ничто не остановит!

Анана обняла и поцеловала его.

— Я так счастлива, — сказала она. — Возможно, ты действительно прав, и это переломный момент. Мой брат Ядавин! Однажды я пыталась убить его. Но это больше не повторится. Я просто сгораю от нетерпения.

— Ладно, ждать осталось недолго. — Кикаха заставил себя успокоиться. — Давай лучше посмотрим, что творится на свете.

Он включил телевизор. На одном канале диктор освещал проблемы международной политики, на другом — показывали животных. Кикаха пощелкал переключателем и вскоре наткнулся на сообщение полиции.

Его и Анану разыскивали, чтобы допросить в связи с похищением Клейста. Сотрудник мотеля, в котором был найден связанный пленник, довольно подробно описал приметы двух предполагаемых похитителей. Сам Клейст отказался от каких-либо обвинений. Однако несколько часов назад полиция обнаружила тело Кэмбринга. Следствие установило связь между убитым и указанной парой похитителей. Их видели вместе во время странного инцидента у «смоляных ям Ла Бри». Кроме того, против этой пары преступников выдвигалось обвинение в угоне машины покойного Кэмбринга.

Новости Кикахе не понравились, но он не мог удержаться от улыбки, вообразив досаду Рыжего Орка. Очевид-

но, властитель надеялся на менее серьезные обвинения, такие, как угон машины или неподчинение властям. Тогда он мог бы заплатить залог и сцапать их на первом же от полицейского участка углу. Но при таком обвинении, как похищение людей, залог уже не поможет.

Несмотря на серьезность выдвинутых обвинений, пара похитителей вряд ли попала бы в обзор теленовостей, если бы не один интригующий факт. На сумке преступников эксперты обнаружили отпечатки пальцев, которые принадлежали некоему Полу Янусу Финнегану. Вернувшись с войны, этот человек обучался в университете Блумингтона, штат Индиана. Однако в 1946 году он бесследно исчез.

И вот теперь, через двадцать четыре года, при очень таинственных и сомнительных обстоятельствах Пол Финнеган появился в Ван Найсе, штат Калифорния. Но сенсация состояла в том, что свидетели описывали его как мужчину двадцати двух—двадцати пяти лет, тогда как ему исполнилось уже пятьдесят два года.

Более того, после первого показа его фоторобота многие телезрители узнали в нем одного из участников очень загадочного происшествия в парке Макартура.

Диктор закончил новости с претензией на юмор. Он сказал, что этому Финнегану, как видно, удалось хлебнуть воды из источника юности. А возможно, водички перебрали свидетели — но вот только какой и какого разлива?

— При такой рекламе наше положение веселым не назовешь,— заявил Кикаха.— Будем надеяться, что эту передачу не смотрел управляющий мотеля.

Время подходило к восьми тридцати вечера. А в девять им предстояло встретиться с Вольфом. В своем сообщении он указал ресторан «Штаты» на углу Уилшира и Сан-Висент. На такси они добрались бы туда за пять минут, но Кикаха решил пройти пешком. Он больше не доверял таксистам. Конечно, в случае необходимости Кикаха и Анана не отказались бы от их услуг, но в данный момент они отдали предпочтение прогулке. К тому же им требовалось немного поразмяться.

Анана пожаловалась, что голодна и хочет попасть в ресторан по возможности быстрее. Кикаха с усмешкой от-

ветил, что страдания закаляют душу. Впрочем, он с удовольствием поел бы и сам. За последние несколько дней Кикаха похудел на добрый десяток фунтов. Но он не желал рисковать понапрасну, зная, что пара минут иногда могут сохранить жизнь.

По дороге Кикаха расспрашивал Анану о Рыжем Орке и о якобы созданной им Земле.

— Вначале раса властителей знала только одну вселенную, и мои предки считали ее единственной и бесконечной. Однако десять тысяч лет цивилизации позволили сформулировать совершенно новую теорию искусственных миров. А когда математическая концепция была подготовлена, создание первой «карманной» вселенной стало лишь вопросом времени и желания. И тогда на основе первого мира возникло еще одно пространство материи. Тем не менее обе вселенные оставались непроницаемыми друг для друга, поскольку каждая из них находилась «под прямым углом к другому миру». Ты понимаешь, что термин «прямой угол» тут ничего не значит. Это просто попытка объяснить нечто такое, что понятно лишь людям, усвоившим математическое обоснование. Я сама спроектировала и создала свою вселенную, хотя никогда не понимала их формул и принципов действия мироздающих машин.

Первую искусственную вселенную построили за двести лет до моего рождения. Над ее созданием работала целая группа властителей — тогда они, кстати, называли себя совершенно по-другому. Мой отец Уризен и его брат Орк считались среди них ведущими специалистами. Рыжий Орк к тому времени прожил около двух тысяч лет. Сначала он занимался физикой и биологией, а затем увлекся социологией.

Для того чтобы понять процесс творения, надо вообразить среду или континуум, где отсутствует пространство. И тогда создание мира будет похоже на надувание шарика. Ты можешь себе это вообразить? Я не могу, но именно такими словами мне и объясняли процесс построения искусственных вселенных. Итак, ты надуваешь шар в нулевом континууме и создаешь небольшое пространство. Потом в этой крошечной вселенной устанавливаются врата. Ты

перебрасываешь через них машины и механизмы, и они расширяют пространство до пределов своих возможностей. Внедрив созданную структуру в основание первоначальной вселенной, ты помещаешь туда еще большие механизмы и придаешь возникшему миру любые желаемые размеры.

На этой стадии по желанию творца в структуру вносятся различные изменения и дополнения, поэтому созданный мир может иметь абсолютно иные физические «законы», чем первоначальная вселенная. Все зависит от структурирования временных и пространственных матриц материи, и с их помощью можно варьировать форму, гравитацию и другие элементы нового мира.

Тем не менее первая искусственная вселенная получилась неудачной, если можно так сказать. Она не воплощала в себе новых идей и фактически являлась точной копией оригинала. Я имею в виду то состояние нашей вселенной, в котором она находилась около двадцати тысячелетий назад.

— И эта копия — мой мир? — воскликнул Кикаха. — Моя Земля?

Анана кивнула и добавила:

— Я говорю обо всей этой вселенной, а не только о Земле. Ее создали приблизительно пятнадцать тысяч лет назад. Ваша Солнечная система почти ничем не отличалась от системы властителей — то же самое число планет, и даже континенты Земли совпадали с очертаниями материков моей родной планеты.

— Ты хочешь сказать...

Он замолчал, и они прошли полквартиры, не произнеся ни слова. Наконец Кикаха оправился от удивления.

— Так вот почему ты говорила, что мой мир сравнительно молодой. А я-то считал датировку земных слоев неопровержимым доказательством. Я верил, что Земле около четырех с половиной миллиардов лет*, потому что на это указывали измерения с помощью калий-аргона. Кстати сказать, современная методика с использовани-

* Небрежность автора. Ранее тот же Кикаха оценивал возраст Земли в 3,5 миллиарда лет.

ем углерода-14 позволяет датировать пласты с точностью до пятидесяти тысяч лет. И, судя по ее данным, возраст недавно найденных ископаемых гоминидов составляет миллион семьсот пятьдесят тысяч лет по земному исчислению. Во всяком случае, так утверждалось в статье.

Ты говоришь, что скалам твоего мира тоже четыре с половиной миллиардов лет. И хотя они воспроизводились всего лишь пятнадцать тысячелетий назад, их земные дубликаты ни в чем не уступали оригиналам. Вот почему ученые находят останки динозавров, которые вымерли шестьдесят миллионов лет назад. Вот почему каменные орудия и скелеты людей свидетельствуют о зачатках цивилизации за миллион лет до нашей эры. Уму непостижимо! Их находки — всего лишь копии вещей из вашего мира.

— Совершенно верно,— ответила она.

— А как же звезды? — воскликнул он.— Что ты скажешь о галактиках, сверхновых и квазарах, о миллионах звезд, которые удалены на миллиарды световых лет? Ученые говорят, что протяженность нашей галактики составляет около тридцати пяти тысяч парсеков! А как ты объяснишь красное смещение в спектре разбегающихся галактик? От нас до них миллиарды парсеков, и они мчатся в бездны космоса на одной четвертой скорости света. А еще есть радиозвезды и целая куча всего остального!

Кикаха развел руки в стороны, показывая, как велика эта вселенная и насколько нелепы ее слова.

— Как первый из искусственных миров твоя вселенная является самой большой,— ответила Анана.— Вернее, такой же большой, как и мир, по образцу которого она была сделана. Диаметр ее сферического пространства в три раза превышает расстояние от Солнца до планеты Плутон. Если люди построят космический корабль для путешествия к ближайшей звезде, они выйдут за пределы Солнечной системы, пролетят двойное расстояние от Плутона до Солнца, а потом...

— Что потом?

— Потом корабль войдет в зону оболочки этой вселенной и будет разрушен. Он ворвется в силовое поле... Да, это единственный приемлемый термин, который приходит мне в голову. Корабль исчезнет во вспышке энергии.

И та же участь ожидает любую ракету или группу ракет. Пойми, звезды не для людей — и в основном потому, что они вовсе не звезды.

Почувствовав себя возмущенным до глубины души, Кикаха хотел вступить в яростный спор, но заставил себя успокоиться и тихо спросил:

— А как ты это объяснишь?

— Материальное пространство за орбитой Плутона является иллюзией. Это лишь жалкая декорация. Вернее, относительно жалкая.

— Но люди видят свет звезд! Они видят туманности и все остальное! Как же тогда быть с красным смещением и скоростью света? Неужели и они, по-твоему, декорация?

— Эти иллюзорные эффекты объясняются фактором искривления материального пространства.

Вся заплутоновская астрономия оказалась неверной. Его космогония — а точнее, космогония людей — рассыпалась на куски.

— Но для чего властителям понадобился этот обман? Зачем им эта видимость бесконечной вселенной с триллионами небесных тел? Они могли бы оставить небо пустым, ограничив себя лишь планетами и луной. К чему такая жестокая мистификация? Впрочем, мне не следовало бы спрашивать об этом. Я просто забыл, насколько жестоки властители.

Анана похлопала его по руке и, взглянув в глаза, сказала:

— Жестокость властителей здесь ни при чем. Я с самого начала говорила, что эта вселенная является точной копией нашего мира. Она подобна ему во всем. Начиная от центра, то есть от Солнца, и до внешних границ вселенной твой мир дублирует оригинал, а это включает в себя и иллюзию пространства, которое якобы существует за Солнечной системой.

Кикаха замедлил шаг и остановился.

— Ты хочешь сказать... Неужели мир властителей тоже был искусственной вселенной?

— Да. На заре истории наши ученые отправили три космических корабля к ближайшей звезде, которая нахо-

дидась, по их мнению, на расстоянии всего лишь в четыре и три десятых светового года. Вылетев за границы системы, они исчезли, и тогда люди отправили в этот район исследовательский аппарат. Приблизившись к области, где первые корабли превратились во вспышку света, он снизил скорость и попытался преодолеть опасную зону. Но продвинуться дальше, чем три погибших корабля, ему не удалось. Его отбросило назад мощным разрядом силового поля. Оболочка вселенной не пропускала сквозь себя ни один материальный предмет.

После долгих экспериментов и исследований моим предкам пришлось признать, что не существует ни звезд, ни внешнего пространства. Во всяком случае, в том смысле, как они их понимали.

Многие люди не приняли этого открытия. Разочарование и депрессия оказались настолько сильными, что наша цивилизация долгое время находилась в состоянии, близком к психозу.

Однако некоторые историки утверждали, что, только осознав себя живущими в искусственно созданной и ограниченной вселенной, мы уверовали в возможность построения своих собственных синтетических миров. Осознав себя наследниками существ, создавших нашу вселенную, мы решили пойти по тому же пути.

— Значит, мир Земли — это даже не копия, а дубликат с дубликата! — воскликнул Кикаха. — Но кто тогда создал ваш мир? Кто был властителем властителей?

— Мы пока не знаем, — ответила Анана. — Нам не удалось обнаружить их мир или другие сотворенные ими вселенные. Очевидно, они существуют на каком-то другом конце полярности, которая находится за пределами нашей досягаемости. И, насколько я понимаю, всегда будут недостижимы для нас.

Кикаха прекрасно представлял то чувство оскорбленного достоинства, которое испытывали тогда властители. Сначала, видимо, пришло смирение, но потом, оправившись от шока, они приступили к созданию собственных миров и своего солипсического образа жизни.

В погоне за бессмертием они породили Звонарей — этих монстров космического Франкенштейна. А затем по-

следовала долгая война. Ценой огромных потерь власти-тели обезвредили созданных ими существ. Они считали, что на века избавились от этой угрозы. Но одному из Звонарей удалось бежать... Хотя теперь его уже поймали. Как только он попадет в руки Рыжего Орка, тот лично проследит, чтобы Звонаря убили, а его «колокол» погребли в жерле вулкана или в самой глубокой бездне Тихого океана.

— Я попробую принять то, что ты мне рассказала,— произнес он,— хотя, признаюсь, вся эта история стоит у меня поперек горла. А что ты скажешь о людях Земли? Откуда они появились?

— Твоих предков вырастили пятнадцать тысяч лет назад в биолaborаториях властителей. Один комплект сделали для Земли, а другой — для планеты-близняшки. Рыжий Орк создал две одинаковые вселенные и заселил поверхность каждой Земли идентичными народами. Я хочу сказать, что вначале обе планеты имели абсолютно одинаковые условия. Орк сгруппировал в определенных местах созданные им народы — индоевропейцев, негроидов и негритосов, монголоидов, австралоидов и индейцев. Ваши ученые называют их теперь людьми каменного века. Но перед этим властители обучили каждый народ своему особому, синтезированному на компьютерах, языку. Людям показали технологию изготовления каменных и деревянных орудий труда. Им привили кодекс моральных и этических норм, внедрили зачатки культуры и примитивное описание окружающего мира.

А потом группа властителей, воплощавших этот проект, распалась, и большинство из них вернулись в родную вселенную, чтобы заняться созданием собственных «карманных» миров. На обеих Землях осталось небольшое количество анонимных наблюдателей, которые следили за ходом эволюционного процесса. Но через тысячу лет раса бессмертных увлеклась смертельной игрой с захватом чужих владений. И тогда, уничтожив бывших друзей и коллег, Рыжий Орк стал полноправным владыкой двух пер-вых вселенных.

— Подожди немного,— перебил ее Кикаха.— Так, значит, людей Земли создавали по подобию властителей?

И у вас тоже имеются народности и расы? А мне казалось, что все властители похожи на европейцев.

— Это объясняется тем, что ты пока встречал властителей только этого типа, — ответила она. — И скольких властителей ты видел?

— Шестерых, — с улыбкой ответил он.

— Я полагаю, нас осталось около тысячи. Одну треть составляют черные, вторую треть — желтые, если пользоваться вашим языком, а всех других — понемногу. В нашем мире австралоиды вымерли, а полинезийцы и индейцы поглощены желтой и белой расами.

— Интересно, а как живут люди на той, другой Земле? — спросил он. — Я имею в виду эволюцию. И вообще, они сильно от нас отличаются?

— Нашел кого спрашивать, — ответила она. — Об этом знает только Рыжий Орк.

Кикаху мучила сотня вопросов. Ему хотелось услышать, почему на Земле оказалось столько врат, о которых Рыжий Орк ничего не знал. Но потом он понял, что врата могли остаться от прежних дней, когда на планете обитало множество властителей.

А потом пришла пора заняться своими проблемами. Они пересекли Сан-Висент и остановились на углу бульвара Уилшир, в дюжине шагов от ресторана «Штаты». Это было ничем не приметное кирпичное здание с большой витриной на фасаде. Сердце Кикахи забилось быстрее. Предвкушение от скорой встречи с Вольфом и Хрисеидой наполнило его неописуемым счастьем. Однако это никак не повлияло на его обычную осторожность.

— Сначала мы пройдем мимо, — сказал он. — Так, на всякий случай.

Прогуливаясь около витрины, они осмотрели зал ресторана. За столиками сидело около дюжины посетителей, которых обслуживали две официантки и женщина за кассой. В одной кабинке Кикаха заметил двух полицейских. Их черно-белая машина стояла на стоянке у западной стены ресторана. Ни Вольфа, ни Хрисеиды внутри не оказалось.

До девяти часов оставалось несколько минут. Впрочем, Вольф тоже мог предпринять какие-то меры предосторожности.

Кикаха и Анана остановились перед витриной универмага. С этого места они могли наблюдать за каждым, кто входил или выходил из ресторана. Сначала оттуда вышла молодая пара. Полицейские лениво пережевывали пищу, посматривая через толстое стекло на улицу. На стоянку въехала машина. Она остановилась, выключила фары, и оба пассажира направились в ресторан. Однако седой мужчина выглядел слишком маленьким и тощим для Вольфа, а женщина — слишком высокой и объемной, чтобы окаться Хрисеидой.

Прошло полчаса. Появлялись и уходили все новые и новые посетители. Но Вольфа и Хрисеиды среди них не было. Без четверти десять уехали полицейские.

— Давай войдем, — предложила Анана. — Я так проголодалась, что мой желудок скоро съест самого себя.

— Не нравится мне все это, — произнес Кикаха. — Кругом тишь и благодать, а Вольф так и не появился. Подождем еще полчаса. Возможно, его задержали неотложные дела. Но в ресторан входить не будем. Я чувствую, что там какая-то ловушка.

— Чуть дальше по улице есть еще один ресторан, — сказала Анана. — Я могла бы сбежать туда, купить еды и принести.

Кикаха продемонстрировал, как правильно произносятся слова: два чизбургера без лука и две порции шоколада со взбитыми сливками, — после чего удовлетворенно кивнул, сказал, сколько ей должны дать сдачи, и попросил поторопиться.

Какое-то мгновение он хотел остановить Анану. Если случится что-то неожиданное и ему придется скрыться, не дожидаясь ее возвращения, она попадет в беду. Анана по-прежнему не знала, что и как в этом мире. Но, с другой стороны, риск казался небольшим, а живот подвело от голода.

— Будь осторожна, — напомнил он. — Если нам придется расстаться, встретимся в мотеле. В случае опасности беги — я сам о себе позабочусь.

Поглядывая ей вслед, он продолжал следить за рестораном.

Не прошло и пяти минут, как Анана появилась с большим бумажным пакетом. Она перебежала улицу, и ей оставалось пройти всего лишь квартал. Но едва она отошла от перекрестка, как рядом с ней остановилась машина. Оттуда выскочили двое мужчин. Анана обернулась, выронила пакет, а затем вдруг упала на тротуар. Не было ни выстрела, ни вспышки. Кикаха не заметил у мужчин никакого оружия. Он побежал к Анане, но ее уже подхватил на руки один из нападавших бандитов. Второй повернулся к Кикахе и приготовился к бою.

В тот же миг из машины вышел еще один мужчина. Взглянув на Анану, он хладнокровно направился к Кикахе. К автомобилю подъехали несколько машин, которые, посигналив, начали его объезжать. Фары осветили салон, и Кикаха увидел еще одного человека, который сидел за рулем.

Отпрыгнув в сторону, Кикаха выбежал на шоссе. Яростно сигналив, мимо пронеслась машина. Чтобы не сбить его, водитель свернул на встречную полосу. Из окна донесся сердитый голос:

— Ах ты, придурок...

Кикаха вытащил из кармана авторучку-лучемет. Несколько торопливых слов установили ее на максимальную мощность*. Рискуя попасть под шквальный огонь из лучеметов, который могли открыть бандиты, он решил приблизиться к машине и вывести ее из строя.

Упав на бетонное покрытие, Кикаха перекатился и краем глаза заметил вспышку тонкого, как нить, и яркого, как солнце, луча. Он выстрелил в ответ. Луч прошел по колесам автомобиля. Шины звучно лопнули, нижние части оплавленных ободов отвалились, и машина накренилась на один бок.

Водитель выскочил из салона и спрятался за капотом.

Сделав отчаянный рывок, Кикаха перебежал улицу и спрятался за небольшим фургончиком, припаркованным

* Забудем, что эта «авторучка» иссякла во время схватки со Звонарем. Забудем и то, что она управлялась неким бегунком, а не кодовым словом. Хотя, возможно, автор тайком вручил Кикахе какую-то особую «авторучку».

у обочины. Уворачиваясь от луча, он прыгнул на шебенку, откатился к переднему колесу и осторожно выглянул из своего укрытия. К машине бандитов подъехал еще один автомобиль, и двое мужчин затащивали в него Анану.

Закричав от ярости, Кикаха вскочил на ноги и навел лучемет на машину похитителей. Однако проезжавший транспорт не позволил ему воспользоваться оружием. Автомобиль, увозивший Анану, сделал резкий разворот, и Кикаха настиг бы его лучом, если бы по другой полосе не промчались несколько машин, которые перекрыли весь сектор обстрела. И все же он мог еще попасть в задние колеса уезжавшего автомобиля. Но именно в этот момент, словно по прихоти ополчившейся на Кикаху судьбы, на встречной полосе появилась полицейская машина. Она остановилась напротив автомобиля с подрезанной парой колес, и Кикаха, застонав от бессильной ярости, бросился к ближайшему переулку. Он знал, что ему ни в коем случае нельзя попадать в руки полиции.

За его спиной завывала сирена. Полицейский что-то кричал и выстрелил в воздух.

Кикаха ускорил шаг, затем выбежал на Сан-Висент и, петляя в потоке машин, почти остановил дорожное движение. Он пересек разделительную полосу, выскочил на тротуар, оглянулся и увидел на противоположной стороне полицейского, которого остановила вереница машин.

Патрульный автомобиль развернулся на сто восемьдесят градусов и подъехал к тротуару. Кикаха метнулся за угол, пробежал между двумя домами и снова вернулся на Сан-Висент. Полицейский сел в машину. Укрывшись в тени арочного прохода, Кикаха подождал, пока машина не свернула за поворот — в том направлении, куда, по мнению полицейских, побежал преступник. Когда вой сирены немного утих, Кикаха подошел к витрине ресторана и осмотрел зал. Вольфа и Хriseиды не было. Вдали показались сигнальные огни еще одной полицейской машины. Возможно, они перекрывали район.

Он пересек стоянку и по темной аллее обошел кирпичное здание. Ему потребовался час, чтобы сбить патрульные машины со следа. Он петлял между домами, время от времени прятался в подъездах, перебегал с улицы на

улицу и крался по дорожкам скверов. После небольшой передышки в прокуренной закуской, утолив голод, Кикаха вернулся к мотелю.

У входа стояла полицейская машина. Он снова потерял весь свой багаж и остался без крыши над головой.

Поисками ночлега Кикаха решил заняться потом. Его ожидало неотложное дело. Он знал, что Рыжий Орк, сделав Анане укол наркотика, заставит ее ответить на все вопросы. И может случиться, что она расскажет о роге Шамбаримена, который они принесли из мира Ядавина. Услышав о сокровище, спрятанном в камере хранения, Орк отправит на автобусную станцию своих людей, и они без колебания взорвут вокзал, если посчитают нужным. На пути к заветному рогу властитель не остановится ни перед чем.

Кикаха поймал такси и поехал на автобусную станцию. Забрав футляр, он прошел семь кварталов пешком, затем сел в другое такси и добрался до центрального железнодорожного вокзала. Сдав футляр в камеру хранения, Кикаха купил пачку жевательной резинки и, изжевав пластинки, слепил большой комок. Ему не хотелось держать ключ при себе, и он решил припрятать его в укромном месте. Жую резинку, Кикаха прогулялся вокруг вокзала и на краю стоянки нашел дерево с дуплом, которое как нельзя лучше подходило для тайника. Засунув ключ в комок резинки, он приподнялся на цыпочки и прилепил шар к стенке дупла.

И вот тогда, сев в такси, Кикаха отправился в район улиц Сансет и Ферфакс.

Он проснулся около восьми часов утра. Поднявшись с грязного старого матраса, лежавшего на голом полу, Кикаха быстро осмотрел большую сырую комнату. Рядом похрапывала Род — вернее, Родрига Элсид, как она представилась. Это была высокая стройная девушка с прекрасной большой грудью, милым веснушчатым лицом, очаровательными темно-синими глазами и гладкими желтовато-коричневыми волосами, которые доходили до талии. Она носила мужскую рубашку в красно-синюю клетку, гряз-

ные брюки-клеш и рваные мокасины. Несмотря на ровные белые зубы, изо рта у нее пахло кислым запахом пищи и марихуаны.

Кикаха встретил ее на бульваре Сансет. Пробираясь сквозь толпы людей, вышедших субботним вечером на прогулку, он едва не налетел на парня и двух девушек, которые сидели прямо на тротуаре. Одна из них улыбнулась ему и кивнула, как старому знакомому.

— Привет, приятель,— сказала она.— У тебя такой вид, будто ты бежал с того света.

— Нет, с другого края города,— ответил он, улыбаясь в ответ.— Смываюсь от легавых, так что сама понимаешь...

Завязать знакомство с тремя хиппи не составило труда, а когда Кикаха купил им кое-что из еды, интерес к нему еще усилился.

Перекусив, они побродили по Сансет, «притарчивая» от всего, что видели. В тот вечер он многое узнал о жизни этих людей. А стоило им услышать, что он остался без крыши над головой, как они тут же пригласили его в свою лачугу. «Лачугой» оказался огромный заброшенный дом, предназначенный на снос. По их словам, здесь обитало около пятидесяти человек и десятков-другой привидений. Они в складчину оплачивали аренду и кое-какие коммунальные услуги. Если кто-то оставался «на мели», за него платили другие, пока тот не находил возможность разжиться деньгами.

Родрига Элсид (а Кикаха догадывался, что это вымышленное имя) приехала сюда из Дейтона, штат Огайо. Убегав от родителей-пьянчуг, она решила, что семнадцать лет — отличное начало для новой и красивой жизни. Но, так и не выбрав, кем стать, она пока наслаждалась свободой и независимостью.

Кикаха выложил небольшую сумму на порцию марихуаны, и вторая девушка, которую звали Джекки, ненадолго отлучилась. Дождавшись ее возвращения, они пошли в «графский замок», как окрестила Род их пристанище, а чуть позже уединились в этой комнате. Чтобы не вызвать подозрений и излишней напряженности, Кикаха выкурил с ними пару сигарет, но дымок нагнал лишь легкую сонливость и вызвал приступ кашля.

Потом Джекки и ее парень Дар занялись любовью, а Родрига и Кикаха вышли подышать ночным воздухом. Девушка сказала, что он классный мужик, но ей не хотелось бы ложиться с ним в постель после такого короткого знакомства.

Кикаха ответил, что понимает ее чувства и ничуть не обижается. У него начинали слипаться глаза. Часом позже они вернулись в опустевшую комнату и заснули на грязных матрасах.

Но ночной сон не уменьшил его беспокойства. Он знал, что могло ожидать Анану в застенках Рыжего Орка, и его сердце сжималось в тисках безысходности. Кикаха подозревал, что Вольфа и Хрисеиду постигла та же участь. Орк просчитал их уловку с газетными объявлениями, и тут его проницательности можно было только позавидовать. Но ему не удалось бы ответить так верно, если бы он не выведal у Вольфа все, что тот знал о Кикахе.

Вполне вероятно, что Орк сначала пытал своих пленников. Конечно, он мог ограничиться наркотиком, который развязал бы их языки. Но, зная властителей, Кикаха не сомневался в жестокости земного владыки. И он понимал, что без пыток там не обошлось.

А потом Рыжий Орк будет мучить их снова и снова и в конце концов предаст мучительной смерти. Во всяком случае, Анану и Вольфа он убьет наверняка. Возможно, уже теперь он любит их муками и позором...

Кикаха вздрогнул и прошептал:

— Нет! Только не это!

Родрига открыла глаза.

— Ты что-то сказал?

— Все нормально. Спи дальше,— ответил он.

Девушка села, обхватив руками колени, прижатые к груди.

— Я смотрю, у тебя на сердце камень, амиго. Тяжелый камень,— сказала она, покачиваясь взад и вперед.— Не хочу казаться надоедливой, но если тебе нужна какая-то помощь...

— Я делаю свои дела сам,— ответил Кикаха.

Он не взял бы ее с собой, даже если бы она действительно могла ему чем-то помочь. По быстроте, ловкости

и сообразительности Род не шла ни в какое сравнение с Ананой. И люди Орка убили бы ее в первой же схватке.

Да, с Ананой ее не сравнить, сказал он себе. Анана... В эту минуту она могла быть уже мертвой.

На глаза набежали слезы.

— Спасибо, Род. Но мне пора уходить. Возможно, еще увидимся.

Она поднялась с пола и подошла к нему.

— Ты очень странный, Пол. Какой-то не такой. Вроде бы и наш, а жаргона не знаешь... Словно чужак! Только не обижайся! Я не имею в виду этих рабов и гадов, против которых мы стоим. Просто ты немного не от мира сего. Я знаю, как это бывает, и у меня самой такое часто случается: болтаюсь где-то посередине — не здесь и не там. Но с тобой все как-то по-другому, понимаешь? Ты вообще как будто с луны упал... Или с летающей тарелки.

— Знаешь, Род, я ценю твое участие. Действительно ценю. Но я не могу взять тебя с собой и особенно сейчас. Однако позже мне, возможно, понадобится твоя помощь, и тогда я, черт возьми, приду к тебе и буду рад, если ты не забудешь о своем предложении. — Он поцеловал ее в лоб и шепнул напоследок: — *Hasta la vista**, Родрига. А может быть, *adiós***. Я рад, что встретил тебя на своем пути.

Кикаха бродил по улицам, пока не нашел небольшой ресторан. Заказав завтрак, он попытался проанализировать ситуацию.

Единственным положительным моментом было то, что Табююза схватили, и теперь Кикаха мог не ломать над этим голову. Какая разница, кто убьет Звонаря — он или Рыжий Орк. Главное, что Табююз будет уничтожен, и от Звонаря останутся лишь одни воспоминания.

Но Рыжий Орк захватил всех своих врагов — всех, кроме одного. И он пойдет на любые жертвы, чтобы избавиться от Кикахи. Если только тот не доберется до него первым. Выслеживая Звонаря, властитель пока не уделял Кикахе большого внимания, догадываясь, что он так или иначе наведет его людей на Табююза. Но теперь вся мощь

* До свидания (*исп.*).

** Прощай (*исп.*).

огромной организации Орка будет брошена на поиски последнего врага. И Кикахе требовалось найти властителя прежде, чем тот обнаружит его. Игра вступала в решающую стадию, и результат зависел от быстроты и неординарных действий.

Покончив с завтраком, Кикаха купил «Таймс», сел на лавочку в сквере и просмотрел колонки газеты. О происшествии на бульваре Уилшир ничего не сообщалось. Очевидно, похищения женщины никто не заметил, а машина с отрезанными половинками колес ни у кого не вызвала интереса. Зато имелось сообщение полиции о розыске Пола Я. Финнегана — таинственного мужчины, который исчез в 1946 году и появился вновь.

Кикаха заставил себя успокоиться и попытался придумать какой-нибудь план. Он поймал себя на том, что никогда прежде так не волновался. Ему не давали покоя мысли о пытках, которым могли подвергаться в этот момент его друзья и любимая женщина.

В принципе он знал, как проникнуть в дом властителя и встретиться с Рыжим Орком. Отдав себя в руки его людей, он без труда попал бы в самое логово. Но спасут ли его тогда смелость и находчивость?

Рассудительность Кикахи восставала против такого шага. Он знал, что ему устроят тщательную проверку. С него снимут кольца и, возможно, одежду. Его проведут через металлоискатель, а затем связанного и беспомощного бросят к ногам властителя.

Но, следуя древнему обычаю, Рыжий Орк должен был оставить какую-то лазейку для тех, у кого хватило бы ума найти ее. Всегда, независимо от уровня и эффективности ловушек, которыми властители оснащали свои дворцы, они оставляли небольшую возможность для проникновения в их владения. Этот путь требовал от незваного гостя сметливости и дерзости. Но такая лазейка имелаась в каждом дворце. Это было правилом смертельной игры, которую властители вели уже несколько тысячелетий. И может быть, именно поэтому Рыжий Орк оставил врата в пещере без охраны и взрывных устройств.

Так ничего и не придумав, Кикаха зашел в телефонную будку на углу заправочной станции и позвонил в дом Кэм-

бринга. Трубку сняли так быстро, что на секунду он подумал о воскрешении Кэмбринга из мертвых. Похоже, Орк снова предугадал его следующий шаг. Однако на этот раз в трубке раздался женский голос.

— Говорит Пол Финнеган, — представился Кикаха.

Наступила пауза, а потом женщина завопила:

— Убийца! Гадкий подонок!

Он подождал, пока проклятия и крики не сменились всхлипыванием и плачем.

— Я не убивал вашего мужа, — сказал Кикаха. — Но признаюсь честно, меня порадовала его смерть. А расправился с ним ваш хозяин, милочка.

— Ты лжешь, мерзавец! — закричала она.

— А-а, так мы, значит, уже на «ты». Тогда передай своему хозяину, что я хотел бы с ним поговорить. Трубку не клади. Я знаю, что ты можешь соединить нас по селектору.

— А зачем мне это надо? — огрызнулась она. — Я для тебя ничего не собираюсь делать!

— Ты пораскинь мозгами, дорогая. Если ему удастся меня поймать, он выполнит твои самые заветные мысли о мщении. Я умру от боли и мук. Но если ты не хочешь устроить нам этот разговор, мне придется уйти в великое неизвестное. И он уже никогда не найдет меня. Поэтому прощай и вспоминай иногда...

— Эй-эй! Подожди! — испуганно воскликнула она. — Я только принесу эту штуку к телефону.

Через минуту Кикаха снова услышал ее голос:

— Не знаю, селектор это или нет, но я переключила телефон на него. Через минуту или две тебе ответят.

Кикаха сомневался, что на связь с ним выйдет настоящий «босс». И еще его позабавило то, как изменилась миссис Кэмбринг. Судя по ее неосторожным словам, у нее появился номер контактного телефона, по которому она могла связаться с Орком. А значит, властитель знал, что Кикаха ей позвонит.

Он почувствовал, как по спине к затылку пробежала холодная волна. Если Рыжий Орк просчитывает каждое его действие, то, возможно, он уже догадался и о следующем шаге.

Кикаха пожал плечами — пришла пора убедиться в хвальной хитрости Рыжего Орка. Он решил преподать властителю хороший урок.

В трубке послышался низкий и звучный голос. Произношение выдавало истинного американца, но употребление слов казалось чрезмерно правильным. Собеседник не представился. Однако его тон указывал на то, что он в этом и не нуждался. Очевидно, мужчина считал, что его надменный голос служил не только визитной карточкой, но и свидетельствовал о безграничной силе.

Кикаха почувствовал, что это действительно Рыжий Орк. По ходу разговора он все больше узнавал определенные черты, напоминавшие ему голос Ананы. И такое сходство не удивило его. Он знал о родственных связях земного властителя с семейством Уризена.

— Финнеган! У меня твои друзья — Вольф и Хрисеида. Вчера я поймал твою подружку Анану, и мы проговорили с ней почти всю ночь. Приятно, знаешь, встретить близкого человека — тем более племянницу. С ними пока все хорошо. Я не применял к ним средств физического воздействия. Ввел наркотик, и они рассказали мне все, что знали...

«Как хорошо, что Анане неизвестно, где теперь рог Шамбаримена», — подумал Кикаха.

Наступила пауза, и он сказал Орку, что слушает его внимательно.

— Я мог бы убить их, насладившись перед этим пытками, — продолжил его собеседник. — Но они не представляют для меня никакой угрозы. Я поймал их, как новорожденных птенцов.

Любой властитель просто не мог обойтись без хвастовства. Кикаха промолчал, зная, что Орк вскоре перейдет к делу. И тот удивил его не на шутку.

— Через день или два мои люди схватили бы и тебя. Но мне не хочется ждть слишком долго. Время дорого, и я сам предлагаю тебе обмен.

Он замолчал, и Кикаха ответил, что сгорает от любопытства.

— Я выпущу пленников и позволю им вернуться в мир Ядавина. Ты тоже сможешь уйти вместе с ними. Но перед

этим тебе придется выполнить несколько условий. Во-первых, ты должен отдать мне рог Шамбаримена!

Кикаха предполагал возможность подобного требования. Рог считался единственным и уникальным ключом от врат всех вселенных, и вряд ли в мирах властителей имелаась вещь, равноценная ему. Инструмент был сделан легендарным предком всех ныне живущих властителей. Несколько тысячелетий он принадлежал сыну великого мастера, и поэтому его иногда называли рогом Илмарволкина. Он обладал уникальным свойством активировать врата. При этом не требовалось никаких других устройств. Все врата изготавливались парами. Одни находились в стартовой вселенной, а другие — в точке желаемого перехода. Причем большинство врат имели фиксированные позиции. В качестве переносных врат служили полумесяцы. Но ни один из этих механизмов не мог сравниться с рогом Шамбаримена. Стоило протрубить необходимый звуковой код, как между вселенными тут же открывался проход. Однако для этого раструб рога следовало располагать в непосредственной близости от резонансной точки, которая соединяла «стены» двух миров.

Резонансная точка являлась каналом, через который осуществлялся переход из одной вселенной в другую. Эти каналы имели неизменное расположение. Если властитель, используя рог, не знал, куда ведет определенная резонансная точка, он попадал во вселенную на другом конце канала, нравилось ему это или нет.

Кикаха знал четыре места, где он мог протрубить в рог и оказаться на различных уровнях Многоярусного мира. Первые врата располагались в пещере у озера Арроухед. Вторые находились в Кентукки, но дорогу туда мог найти только Вольф. Третью точку он отыскал бы в своей бывшей квартире — в городе Блумингтон, штат Индиана. Четвертое место совпадало по положению со стенным шкафом в одном из домов поселка Тэмп, штат Аризона. Именно оттуда Вольф вернулся однажды в свою вселенную. Запомнив его рассказ, Кикаха без труда отыскал бы этот дом.

В голосе Орка послышалось нетерпение:

— Думай быстрее! И не играй со мной в свои детские игры, землянин! Говори — да или нет!

— Конечно да! Вернее, пока меня это устраивает! Все зависит от остальных условий!

— У меня осталось только одно! — Орк откашлялся и сердито добавил: — Оно состоит в том, чтобы ты и твои друзья помогли мне поймать Звонаря!

И вот тут Кикаха от удивления открыл рот. Он встряхнул головой и взял себя в руки. Многолетняя привычка к сюрпризам судьбы помогла ему скрыть потрясение.

— Согласен! — спокойно ответил он. — Я бы и сам это предложил, но в прошлый раз мистер Клейст куда-то спешил. К тому же у меня тогда не было таких серьезных причин для сотрудничества.

«Неужели Звонарю удалось бежать? — размышлял Кикаха. — Я же видел, как его поймали люди Орка. Хотя на них могли устроить засаду... А что? Мысль довольно интересная. Но кому мог понадобиться Звонарь? Да только еще одному властителю, который собирается шантажировать Рыжего Орка! А если это другой Звонарь?»

Кикаха вздрогнул и зябко повел плечами.

— Что мы будем теперь делать? — спросил он, стараясь скрыть правду, которая гласила: «Каким будет твой приказ?» Голос Орка стал жестким и сдержанно торжествующим:

— Ты возьмешь такси и приедешь в дом миссис Кэмбринг. Мои люди доставят тебя ко мне. Сколько времени тебе потребуется на дорогу?

— Примерно полчаса.

Кикаха уже придумал план. Если ему повезет с такси, он будет в доме Кэмбринга через десять минут. Запас времени небольшой, но для пары дел его хватит с избытком.

— Вот и хорошо! — сказал властитель. — Сдашь моим людям все оружие, а потом они тебя обыщут. Надеюсь, ты не против?

— Не против.

Во время разговора Кикаха все время осматривался по сторонам и провожал взглядом каждого подозрительного человека. Машины на заправочной станции сменяли друг друга нескончаемым потоком, и он начинал уже привыкать к появлению нового транспорта. Но вот возле тро-

туара остановился большой черный «кадиллак», в котором находился только один водитель. Подождав минуту или две, мужчина взглянул на часы и вышел из машины. Лениво посматривая по сторонам, он не спеша направился к будке. Это был статный молодой человек ростом около шести футов и трех дюймов. Модный костюм придавал его фигуре солидность, а длинные желтоватые волосы поблескивали на солнце, как расплавленная бронза. Симпатичное лицо покрывали преждевременные морщины.

Он остановился около будки и достал из кармана серебряный портсигар. Кикаха продолжал выслушивать инструкции Орка, краем глаза посматривая на подошедшего мужчину. Тот, полуприкрыв веки, надменно разглядывал проезжавшие машины. Он явно торопился и, прохаживаясь перед будкой, время от времени бросал быстрые взгляды на часы. Чиркнув спичкой, мужчина прикурил сигарету и костяшками пальцев постучал по стеклу телефонной будки.

Кикаха произнес кодовое слово, установил излучатель на среднюю мощность и подготовил кольцо для активации. Мужчина мог оказаться врагом, а слабый луч не пробил бы толстое стекло.

Орк все говорил и говорил. Можно было подумать, что он требовал капитуляции от целой страны, а не от одного-единственного человека. Кикахе полагалось пройти через подъездные ворота, остановиться на середине аллеи и стоять там до тех пор, пока из дома Кэмбринга к нему не выйдут трое человек. Одновременно сзади подойдут еще трое мужчин, которые будут ждать его появления в машине на другой стороне улицы. После этого они...

Человек около будки недовольно поморщился, снова взглянул на часы и отвернулся, собираясь уходить. Кикаха понял, что парню надоело ждать. Но, не сделав и двух шагов, мужчина развернулся. В его руках мелькнуло короткое ружье с высокой широкой мушкой.

Кикаха выронил трубку и пригнулся, произнося слово, которое активировало кольцо.

Раздался выстрел, стекло будки разлетелось на куски, и Кикаху обволокло облаком белого тумана. От неожиданности он сделал глубокий вдох и только потом понял, что

ему следовало бы задержать дыхание. Разрезав дверь кольцом, он навалился на нее всем телом и вылетел из будки. Дверь стала падать, но Кикаха так и не услышал, как она ударилась о землю.

Он очнулся в каком-то темном и тесном металлическом ящике. Судя по тряске и запаху бензина, его засунули в багажник машины. Руки были связаны за спиной, ноги — по лодыжкам, а рот ему заклеили липкой лентой.

Кикаха потел от жары, но воздуха в багажнике хватало. Машина поднялась по пологому склону и остановилась. Мотор заглох, дверцы хлопнули, и, когда из салона вышли люди, багажник немного качнуло на рессорах. Крышка над головой Кикахи поднялась, и он увидел четверых мужчин, среди которых узнал и своего похитителя.

Вытащив Кикаху из багажника, они вынесли его из гаража. Внутренняя дверь вела в широкий коридор, который переходил в большую комнату, покрытую коврами и обставленную роскошной мебелью. Следующий коридор заканчивался просторным залом с высоким потолком. Кикаха увидел громадную хрустальную люстру, паркетный пол с черно-белым рисунком, резную мебель из красного дерева и картины, которые выглядели, как полотна старых мастеров.

Его усадили в большое кресло с высокой спинкой, развязали ноги, а затем один из мужчин приказал ему встать и следовать за ним. Второй охранник подталкивал Кикаху в спину. Предмет казался твердым и очень острым. Его подвели к ничем не приметной двери под лестничной клеткой, и, спустившись по двенадцати ступеням, Кикаха попал в небольшую комнату. Мебели здесь почти не было, а половину противоположной стены занимала массивная железная дверь, которая, как он понял, вела в тюремную камеру. Так оно и оказалось, хотя камера во многом походила на вполне обычную уютную комнату. Ему развязали руки и сорвали с губ липкую ленту.

Охрана работала быстро и профессионально. С пальца сняли кольцо-излучатель, из кармана рубашки забрали авторучку-лучемет. Пока за ним приглядывал здоровяк-похититель, остальные, разорвав рубашку и нижнее белье,

раздели Кикаху догола. В поисках оружия они осмотрели и прощупали тело пленника, но так ничего и не нашли.

Понимая, что любое сопротивление бесполезно, Кикаха молча подчинялся приказам. Его все время держали на прицеле, за каждым движением наблюдали четыре пары глаз. После тщательной проверки один из охранников защелкнул на его лодыжке кольцо, от которого тянулась длинная цепь. Второй ее конец крепился к кольцу, наполовину вмурованному в стену. Несмотря на толстые звенья, цепь казалась довольно легкой, а ее длина позволяла передвигаться по комнате в любом направлении.

Увидев, что Кикаха рассматривает цепь, его похититель улыbnулся.

— Да, она легка, как паутина, но крепка, как оковы, державшие Фенрира, — произнес он.

— Я — Локи, а не Фенрир, — ответил Кикаха, одарив собеседника свирепой улыбкой.

Мужчина не ожидал, что пленник поймет его намек на великого волка древненорвежской Эдды. И Кикаха пожалел о своих словах. Ему следовало притвориться невежественным и недалеким человеком. Чем меньше уважения испытывает к тебе тюремщик, тем больше шансов сбежать. Но, глядя на это самодовольное лицо, Кикаха просто не мог удержаться от ответа.

Рослый мужчина поднял брови и с удивлением воскликнул:

— Ах вот как! А ты помнишь, что случилось с Локи?

Решив, что такой разговор к добру не приведет, Кикаха ничего не ответил и выжидающе посмотрел на своего похитителя.

Теперь этот человек казался уже не таким молодым. На вид ему было около тридцати. В голосе чувствовались утрюмые и властные тона. Большие красивые глаза, обрамленные густыми ресницами, сияли зеленью весенней листвы. Лицо казалось знакомым, но Кикаха мог поспорить, что никогда его прежде не видел.

Мужчина махнул рукой, и остальные покинули комнату. Он закрыл за ними дверь, а затем присел на краешек стола. Стол, как и вся мебель в этой комнате, крепился к полу большими болтами. Какое-то время мужчина

сидел, покачивая ногой, и увлеченно рассматривал пистолет, который лежал у него на коленях. Тот выглядел как обыкновенное оружие и совершенно не походил на газовый пистолет и замаскированный лучемет. Однако Кикаха сомневался, что это просто огнестрельное оружие. Он сел на стул и замер в ожидании. Такая позиция позволяла надзирателю смотреть на пленника сверху вниз, но Кикаха относился к вопросу относительно местоположения довольно спокойно и не считал его каким-то психологическим преимуществом.

Минуту или две мужчина бесстрастно разглядывал Кикаху, и тот, беззаботно насвистывая, отвечал ему тем же.

— Я слежу за тобой уже второй день,— внезапно сказал похититель.— Но ты по-прежнему остаешься для меня загадкой. Позволь представиться. Я — Рыжий Орк.

Кикаха открыл рот и удивленно заморгал.

Мужчина улыбнулся:

— А за кого ты меня принимал?

— За властителя, который застрял в этой вселенной и не может вернуться в свой мир,— ответил Кикаха.— Так, значит, существуют не только две Земли, но и два Рыжих Орка?

Потеряв часть своей улыбки, мужчина вскричал:

— Нет, Орк один! И это я — Рыжий Орк! Тот, другой,— самозванец! Подлый захватчик! Я расслабился всего лишь на миг, и он воспользовался этим! Но мне удалось скрыться. И раз уж ему не удалось расправиться со мной, я предаю его самой лютой смерти! Это моя вселенная! И она навсегда останется моей!

— А кто он, этот другой? — спросил Кикаха.— Я думал... Впрочем, он никогда не называл себя и, возможно, намеренно вводил меня в заблуждение.

— Значит, он выдавал себя за Рыжего Орка? Так я и думал! Его зовут Уртон, и ему когда-то принадлежал Меняющийся мир. А потом эта сучка Вала — моя племянница и настоящий дьявол в юбке — вышвырнула его прочь из той вселенной, и он бежал сюда — в мой мир. Мне доложили о том, что какой-то властитель прошел через врата в Европу. Так и не узнав, кто это такой, я выслеживал его пару сотен лет, а потом махнул на розыски ру-

кой. Он мог уйти с Земли через неизвестные мне врата, его могли убить — да мало ли что могло случиться! И когда прошла тысяча лет, я забыл о нем.

А Уртона затаился. Все это время он искал меня. И десять лет назад ему удалось найти мою крепость. Он годами следил за людьми, которые имели доступ во дворец. По крохам, по отдельным словам он ознакомился с моей системой защиты, а затем нанес коварный и неожиданный удар.

Я проявил беспечность, но мне удалось уйти, хотя все мои лучшие слуги и телохранители полегли один за другим. Уртона захватил власть над Землей. Он взял под свой контроль планетарные механизмы и обрел неимоверное могущество. Никто не мог бы помешать ему. И с тех пор никто ему ни в чем не отказывал.

В принципе я сам виноват в его молниеносной победе. Лишь несколько слуг знали меня в лицо, и, уничтожив этот десяток людей, Уртона спокойно отдавал приказы от моего имени. Остальные слепо подчинялись тому, кто сидел на престоле. Они не знали ни лица, ни настоящего имени своего владыки.

И я не мог пойти к людям, которые когда-то выполняли мои приказы. Я не мог сказать им: «Вот ваш настоящий властитель! Подчинитесь мне и убейте этого глупца, который теперь командует вами!» Они пристрелили бы меня, посчитав самозванцем и врагом их хозяина. А я догадываюсь, что Уртона дал им полное описание моих примет.

Пока мне приходится скрываться, как это делал раньше Уртона. Но мой удар будет точным и окончательным. Я верну себе былое могущество! И Земля снова будет моей!

Он замолчал и выжидающе посмотрел на пленника. Возможно, Рыжий Орк хотел услышать слова, пронизанные ужасом и благоговением. Но Кикаха не стал ублажать его амбиции.

— Я понял, что Уртона, захватив планетарные механизмы, стал владыкой обеих планет. Или такие механизмы есть на каждой Земле?

Этот вопрос застал Орка врасплох. Он удивленно взглянул на пленника, и его лицо покраснело.

— А тебе-то что до этого?

— Просто я подумал, что ты мог бы удовлетвориться властью над другой Землей. Зачем тебе этот безумный и оскверненный мир? Судя по тому, что я здесь увидел, планета обречена. Люди превратили воздух в яд, а моря и океаны — в сточные ямы. В любую секунду они готовы сойтись в жестокой атомной войне и уничтожить жизнь на всей Земле. Но ты спокойно позволил им дойти до такого состояния. Значит, тебе плевать на этот умирающий мир. Так почему же ты не отдашь его Уртоне? Уйди на вторую Землю и живи, как тебе хочется.— Кикаха немного помолчал, а потом спросил: — Неужели вторая Земля в таком же плохом состоянии, как и первая?

Лицо Рыжего Орка приобрело нормальный цвет.

— Нет, с другой все не так уж и плохо,— ответил он с усмешкой.— Она прекрасна, как сказка, хотя обе планеты начинали в одних и тех же условиях. А я смотрю, лебляббий, ты совсем не знаешь властителей. Иначе ты не предложил бы мне отказаться от целого мира.

— Я знаю их достаточно,— ответил Кикаха.— Но даже властители меняются к лучшему, и мне казалось...

— Да, я не вмешивался в дела людей,— оборвал его Орк.— Лишь несколько раз мне пришлось применить силу для своей защиты. Но я никогда не кривил душой. Если эта планета задохнется от вонь и погибнет из-за глупости ее обитателей, я и пальцем не шевельну, чтобы предупредить катастрофу. Люди могут разнести ее в клочья своими бомбами и дубовыми лбами, но, уверяю тебя, все это произойдет без моего участия. Я не собираюсь влиять на ход естественного развития того или иного мира. Впрочем, ты не ученый, и тебе не понять такой концепции, как чистота эксперимента. Но на протяжении нескольких тысячелетий ни один из моих поступков не помешал крупномасштабным явлениям социальной жизни.

Вот почему я убиваю всех, кто проникает в мои вселенные. Они могут вмешаться в эволюционный процесс и нарушить ход глобального эксперимента.

— Лично мне это и даром не надо! — возразил Кикаха.— А Вольфу, Анане и Хрисеиде — тем более! Мы просто

хотим вернуться в свои миры! Но сначала нам надо убить Звонаря. Поверь, мы пришли на Землю только для этого!

— Неужели ты действительно думаешь, что я тебе поверю? — с усмешкой спросил Орк.

Кикаха пожал плечами:

— Мне незачем лгать! Но я не жду от тебя доверия и помощи. Страх потерять бессмертие лишает властителей разума, и только некоторые из вас способны воспринимать реальность такой, какая она есть.

Рыжий Орк встал со стола.

— Ты будешь моим пленником, пока я не выловлю остальных и не уничтожу Уртону. А потом я решу, что с тобой делать.

Кикаха знал, что он имеет в виду ужасные и изощренные пытки. И такое окончание их встречи ему не понравилось. В какой-то момент ему хотелось рассказать Орку о роге Шамбаримена, который они принесли с собой на Землю. В крайнем случае инструмент можно было обменять на свободу и жизнь. Но Кикаха отказался от этого замысла. Услышав о роге, Орк дознался бы и до всего остального. Пытки и наркотик подействовали бы безотказно.

— Ты еще не убил Звонаря? — на всякий случай спросил Кикаха.

Властитель улыбнулся и покачал головой. Он буквально сиял от самодовольства.

— Я решил, в случае необходимости, припугнуть им Уртону. Пусть знает, что и у меня есть свой козырь. Если он не уберется из моего мира, я выпущу Звонаря на свободу. А страшнее угрозы для властителя не придумаешь!

— Неужели ты это сделаешь? Чего же стоят твои слова о невмешательстве в эволюционный процесс?

— Если моя гибель будет неизбежна и я увижу над собой нависшую длань смерти, клянусь, я сделаю это! А почему бы и нет? Какое мне дело до этого мира, если моя жизнь подойдет к концу? По крайней мере, люди получат хороший урок!

Кикахе хотелось задать тысячу вопросов, но его любопытство осталось неудовлетворенным. Рыжий Орк подошел ко второй двери и открыл ее. Натянув цепь, Кикаха

попытался заглянуть в коридор, но дверь захлопнулась, и он ничего не увидел.

И тогда на него нахлынули тяжелые мысли. Кикаха вспомнил свои хвастливые слова о том, что он может убежать из любой тюрьмы. Пока это ему действительно удавалось, но он знал, что однажды тюремная клетка может оказаться без выхода. Осмотрев камеру, Кикаха оценил заботу своего хозяина. Объективы и электронные датчики фиксировали каждое движение. Подступы к комнате охраняли люди Орка. На ноге болталась прочная цепь, которую невозможно разорвать руками. Кроме того, по ней могли пропустить ток или какие-нибудь импульсы, которые парализовали бы стропитивого пленника или наказали бы его за плохое поведение.

Кикаха еще раз осмотрел цепь и решил не принимать чужих слов на веру. В течение получаса он растягивал ее, перекручивал звенья, скрипел зубами от усилий, но его попытки ни к чему не привели и, вероятно, здорово позабавили наблюдателей у мониторов.

Прекратив буянить, он посидел на унитазе, лег на софу и немного поразмышлял о своем печальном положении. Несмотря на отсутствие одежды, он не испытывал никаких неудобств. Кикаха расслабился и закрыл глаза. Теплый воздух и почти незаметный сквознячок напоминали ему о прогретых солнцем прериях. Он хотел подумать о плане побега, но далекий гул бизоньего стада унес его в зеленые просторы глубокого сна.

Когда он проснулся, в комнате ничего не изменилось — все та же температура воздуха и тот же ровный свет без видимого источника. Сев на софу, Кикаха увидел поднос, заполненный блюдами, чашами и столовыми приборами. Поднос стоял на небольшом деревянном столе с тонкими изогнутыми ножками.

Кикаха удивился. Неужели он проспал появление постороннего человека? Как он мог не услышать шагов и звона посуды? Хотя, возможно, его усыпили наркотиком. И все же более вероятным казалось то, что в деревянный стол вмонтированы врата. Увидев, что пленник заснул, охранники у мониторов подали сигнал на кухню, и оттуда через врата в камеру отправили поднос.

Кикаха с жадностью набросился на еду. Столовые приборы оказались сделанными из дерева, а блюда и чаши, стилизованные под осьминогов, дельфинов и омаров, — из олова. После обеда он около часа прогуливался по камере, волоча за собой цепь. Ему не давали покоя врата, вмонтированные в стол. Кикаха пытался придумать для них какое-нибудь оригинальное применение. На исходе часа, повернувшись лицом к столу, он заметил, что поднос исчез. Его догадки подтвердились: поверхность стола представляла собой створки врат.

Поднос прошел через врата совершенно беззвучно. Властители прежних дней решили проблему треска и шумов, которые сопровождали внезапное исчезновение предметов. Прежде на месте переносимой материи создавался вакуум, в который втягивался воздух, что вызывало неприятные хлопки, потрескивание и щелчки. Позже устройства врат стали оборудовать компенсирующими приспособлениями, которые включали одновременную подачу воздуха на обоих концах резонансного канала.

Примерно через час в камеру вошел Орк. Он воспользовался той же дверью, через которую выходил. Его сопровождали двое мужчин. В руках одного из них Кикаха увидел шприц. Оба мужчины носили шотландские юбки: первый — из материала в красно-черную клетку; второй — из белого полотна, расшитого черными осьминогами с большими голубыми глазами. Кроме юбок, кожаных сандалий и бус, на них ничего не было. Темнокожие лица имели явные средиземноморские черты, хотя во многом и напоминали индейцев. Длинные черные волосы были заплетены в две косы, одна из которых была закинута за спину, а другая — уложена кольцами у правого виска.

Орк заговорил с ними на каком-то неизвестном диалекте. Из-за резких гортанных звуков речь казалась похожей на еврейский или арабский языки. Однако познания Кикахи не позволяли судить об этом с твердой уверенностью.

В то время как первый слуга отошел в сторону и прицелился в Кикаху из арбалета, второй приблизился к пленнику с другой стороны. Орк сказал, что инъекцию Кикахе сделают обязательно, а в случае сопротивления всадят

шприц прямо из арбалета, и боль при этом будет очень сильной и продолжительной. Бунтовать не имело смысла, и Кикаха подчинился силе.

После укола он чувствовал себя вполне нормально, но отвечал на вопросы Орка без малейшего колебания. Мозг функционировал с необычайной ясностью. Фразы сплетались в четкий и обстоятельный рассказ. Кикаха просто не мог сопротивляться и выкладывал Орку все, о чем бы тот ни спрашивал. И все же ясность мышления удержала его от упоминания о роге Шамбаримена. Орк о нем не спрашивал. Да у него и не было причин для расспросов: он даже не подозревал, что эта ценность так долго находилась в руках Ядавина.

Однако вопросы властителя открыли многое из того, о чем Кикаха предпочел бы умолчать. Орк узнал о его жизни на Земле до той ночи, когда Пол Янус Финнеган перенесся из Блумингтона в Многоярусный мир. Он узнал о яркой и героической судьбе Кикахи, о славном рыцаре Хорсте фон Хорстманне и дюжине других исторических персонажей. А потом последовал рассказ о Вольфе-Ядавине и прекрасной Хрисеиде, об Анане и вторжении Черных Звонарей, о жестокой битве с враждебным разумом и последующих приключениях на Земле.

— Допустим, я отпущу тебя и твоих друзей в мир Ядавина,— задумчиво произнес Рыжий Орк.— Но не захочешь ли ты снова вернуться на Землю?

— Покажи мне мертвого Звонаря, и я поклянусь забыть об этой планете,— ответил Кикаха.

— Гм-м. Однако твой Многоярусный мир действительно красив. Я всегда считал Ядавина способным творцом. И думаю, его планета могла бы стать жемчужиной моих владений.

Этого Кикаха и ожидал.

Заметив его разочарование, Рыжий Орк улыбнулся:

— Скажи, Финнеган, что бы ты сделал день или два назад, если бы у тебя имелся адрес моей бывшей крепости? Я имею в виду дворец, где теперь обитает Уртона.

— Я отправился бы туда и убил тебя или Уртону,— ответил Кикаха.— Где-то там находятся Анана, Хрисеида и Вольф. Я спас бы их, и мы снова занялись бы поиском

Звоняря, а убив его, вернулись бы в мой мир — вернее, в мир Вольфа.

Орк задумчиво посмотрел на него и зашагал по комнате. Внезапно он остановился, повернулся к Кикахе и улыбнулся, словно его осенила какая-то блестящая идея.

— Судя по твоим словам, ты очень ловкий и изобретательный человек, — сказал властитель. — Такой ловкий, что я иногда воспринимаю тебя как равного, а не земляшку-лебляббия.

— У Ананы есть сумасшедшая идея, что я сын властителя, — ответил Кикаха. — По правде говоря, она уверена, что я твой сын.

— Что? — переспросил Орк и, внимательно посмотрев на своего пленника, захохотал. — Хорошая шутка! — сказал он наконец, утирая слезы. — Я не смеялся так уже... Впрочем, неважно. Так ты действительно считаешь себя моим сыном?

— Не я, — напомнил Кикаха. — Так думает Анана. Она находит в этом оправдание своей любви к лебляббью. Если бы я оказался наполовину властителем, она считала бы нашу связь менее позорной для себя. Но, по моим оценкам, возможность такого события очень невелика.

— У меня нет никаких детей, — сказал Орк. — Я старался не вмешиваться в ход эволюционного процесса на Земле. Хотя, конечно, один-два ребенка не вызвали бы большой разницы. Но ты можешь быть сыном другого властителя. Однако о чем это я... Ты сбил меня с мысли. Ах да! Я говорил о твоей ловкости. Если верить твоим словам, ты довольно верткий парень. И возможно, я могу тебя использовать.

Он снова замолчал, склонил голову набок и, сцепив руки за спиной, зашагал по комнате. Вдруг Орк остановился, взглянул на Кикаху и улыбнулся.

— А почему бы и нет? Давай посмотрим, насколько ты хорош. В принципе, что бы там ни случилось, я ничего не теряю. А выиграть можно многое!

Кикаха догадывался, что именно предложит ему властитель. И его догадка подтвердилась. Рыжий Орк собирався сообщить ему адрес Уртоны и обещал доставить на место и снабдить эффективным оружием. Но потом Ки-

кахе предстояло действовать на свой страх и риск. Властитель не сомневался, что пленник потерпит поражение. Однако схватка могла отвлечь внимание Уртоны, и Рыжий Орк хотел использовать это обстоятельство в собственных интересах.

— А еще мне не терпится посмотреть, как лебляббий будет завоевывать крепость властителя, — с усмешкой сказал Орк. — Забавно, правда?

— Что ты будешь делать, если я добьюсь успеха? — спросил Кикаха.

— Это просто невозможно. Во всяком случае, мне не удалось проникнуть туда. Хотя, конечно, я еще и не пытался как следует. Но если ты по какому-то невероятному стечению обстоятельств добьешься успеха — а мне даже смешно об этом говорить, — я позволю тебе и твоим друзьям вернуться в ваш мир. При условии, что и другие дадут мне слово никогда не возвращаться на мои планеты.

Кикаха не поверил ему, но не счел нужным докладывать об этом Орку. Выбравшись из камеры и получив свободу действий, пусть даже под пристальным наблюдением Орка, он обретет возможность противостоять обоим властителям.

Рыжий Орк поднес к губам устройство, прикрепленное к запястью, и что-то сказал на неизвестном языке. Через минуту в камеру вошел еще один человек. На его красной юбке была вышита черная птица, сжимавшая в когтях серебряную рыбу. Он принес какие-то документы, которые с поклоном вручил Орку, и поспешно удалился.

Властитель сел рядом с Кикахой.

Документы оказались крупномасштабными картами центральной части Лос-Анджелеса. Орк очертил круг в районе Беверли Хилз.

— Вот дом, где я жил когда-то. Теперь там обитает Уртона. В этом доме он держит Анану и твоих друзей.

Когда Орк описал ловушки и защитные системы дома, Кикаха почувствовал себя менее уверенно. К тому же Уртона, очевидно, изменил расположение ловушек и дополнил их своими задумками. Но какой бы ни была конфигурация систем, они в основном остались прежними, поэтому Кикаха решил не отчаиваться.

— Почему же ты сам до сих пор не напал на него?

— Я пытался,— ответил Орк.— Несколько раз. Мои люди пробирались в дом, но потом я их больше не видел. Последний штурм провалился около трех лет назад... Если у тебя ничего не получится,— добавил он,— я натравлю на Уртону Звоняря. Но это плохая угроза. Уртону подумает, что у меня не хватит духу на подобный поступок.

Судя по тону, Рыжий Орк не верил в успех Кикахи. Властитель ехидно спросил о планах своего «союзника», и Кикаха ответил, что за неимением таковых он начнет с импровизации. Тем не менее ему хотелось узнать, может ли Орк каким-то образом исказить показания защитных систем и приборов обнаружения. Тот обещал подумать над этим вопросом.

Потом Кикаха попросил антигравитационный пояс, и властитель сначала ответил отказом. Он боялся, что уникальный прибор окажется в руках землян.

— Риск тут небольшой,— возразил Кикаха.— Вступив в схватку с Уртоной, я либо убью его, либо погибну сам. В любом случае пояс не попадет в руки посторонних. Если же прибором действительно завладеют земляне, ты или Уртону без труда вернете его себе, используя свою огромную власть и влияние. Я уверен, что властитель двух Земель добудет пояс даже из сейфов ФБР. Разве это не верно?

— Ты прав,— ответил Орк.— Но пояс даст тебе большие возможности. И вместо того чтобы напасть на Уртону, ты можешь попытаться удрать.

— Нет. Меня остановит только смерть. Я буду сражаться до последней капли крови или до победного конца.

Орк удовлетворенно кивнул, и Кикаха понял, что наркотик правды все еще действовал. Властитель встал и сказал:

— Я приготовлю все необходимое. Мне потребуется некоторое время, поэтому можешь отдохнуть или заняться тем, что тебе больше нравится. Будь готов к полуночи.

Кикаха спросил, нельзя ли снять с него цепь.

— Конечно,— ответил Орк.— Тебе все равно отсюда не выйти. Цепь — это лишь дополнительная мера предосторожности.

Один из вошедших охранников вытащил из кармана юбки небольшой цилиндр и прикоснулся им к кольцу, которое сжимало лодыжку Кикахи. Кольцо со щелчком разомкнулось и упало на пол. Орк вышел из комнаты, слуги последовали за ним. Дверь закрылась, и Кикаха остался один.

Выполнив серию физических упражнений, он погрузился в размышления, из которых его вывело появление подноса с едой. После ужина Кикаха помылся, побрился и, сделав несколько растягивающих упражнений, отправился спать. Зная, что ночью ему потребуются все его ловкость и быстрота, он не хотел растрачивать силы на волнения и бесцельную ходьбу от стены к стене.

Проспав около двух часов, Кикаха приподнялся на софе, быстро осмотрел комнату, и что-то в ее обстановке ему не понравилось. Чуть позже он понял, что его встревожил поднос с пустыми тарелками и чашками. Поднос по-прежнему стоял на столе, хотя ему давно полагалось быть убранным. Кикаха посчитал это плохим и зловещим знаком.

Теперь он знал, что его разбудило легкое постукивание. Перед тем как проснуться, Кикаха видел сон, в котором дятел долбил ствол огромного дуба.

Но комнату заполняла гнетущая тишина.

Он встал и приблизился к двери, в которую вышли Орк и его слуги. Приложив ухо к стальной поверхности, Кикаха прислушался и вдруг с проклятием отскочил на шаг. Металл в одну секунду стал горячим.

Пол дрогнул, как при сильном землетрясении. Дверь издала несколько трескучих звуков, и он понял, откуда появился дятел в его сне. Кто-то пытался проломить эту дверь с другой стороны.

Увидев, что металл становится вишнево-красным и начинает плавиться, Кикаха отбежал к противоположной стене. Красное пятно распространилось на всю дверь и стало ослепительно белым. Затем появилась дыра размером с тарелку. Кикаха спрятался под софу и осторожно выглянул из-под свисавшего покрывала. Через несколько минут он увидел, как в дыру просунулась чья-то рука.

В поисках замка ладонь скользнула по краю косяка и, ничего не обнаружив, вновь исчезла в отверстии. Дверь тут же стала малиново-красной. Кикаха уже понял, что его неизвестный спаситель использовал лучемет. «Но тогда из какого же металла сделана дверь?» — подумал он. Будь то даже самая прочная сталь, она превратилась бы в лужицу металла при первом прикосновении луча.

Дверь с лязгом упала вовнутрь, и в комнату вбежал человек. Его оружие походило на большой цилиндр с широким раструбом и прикладом от винтовки. По шотландской юбке Кикаха узнал в нем одного из телохранителей Орка. Но в сетке, прикрепленной ремнями к его плечам, находился черный предмет, по форме напоминавший колокол.

Взглянув на содержимое сетки, Кикаха быстро отдернул голову. Сжимаясь в комок, он от души надеялся, что человек не будет полосовать софу лучом, хотя подобная мера предосторожности казалась ему вполне вероятной. Кикаха знал, на что способен Табююз. И как бы раньше ни называли этого человека, теперь он стал Черным Звонарем. От слуги властителя осталось лишь тело — тело, которым управлял разум Звонаря.

Каким-то образом Табююз добрался до матрицы и, покинув тело раненого дракландца, овладел одним из охранников. Раздобыв мощный лучемет, он решил выбраться из крепости Рыжего Орка. И, судя по запаху сгоревшей плоти, в соседних комнатах кому-то очень не повезло.

Кикахе безумно хотелось узнать, что делает сейчас Звонарь, но он не смел шевельнуться. В какой-то момент рядом с ним послышалось дыхание человека, а затем наступила тишина. Подождав около минуты и не заметив ничего подозрительного, Кикаха приподнял край покрывала, осмотрел пустую комнату и выкатился из-под софы. Он увидел, что вторая дверь, в которую его вводили, открыта настежь. Вырезанный замок валялся на полу.

Подкравшись к косяку первой двери, Кикаха осторожно выглянул из-за угла. В коридоре лежали части человеческих тел — руки, несколько туловищ, обугленные головы и куски обгоревшей плоти. Вероятно, здесь погибли

четверо или пятеро мужчин. Опознать в них Орка не представлялось возможным. От кожи и от одежды не осталось даже следа.

Где-то тихо звенела сирена.

Его терзало сразу несколько желаний. Прежде всего он боялся упустить Звоняря и хотел, не теряя времени, пойти по его следу. Во-вторых, ему не терпелось узнать, жив ли еще Рыжий Орк. В-третьих, Кикаха надеялся проверить свои догадки относительно мира, в котором он теперь находился. Та дверь под лестничной клеткой могла оказаться воротами в другую вселенную, а этот дом, скорее всего, был расположен на второй, неизвестной ему Земле.

Он вышел в коридор. На полу лежали несколько ножей, но от лезвий веяло таким жаром, что Кикаха не решился их поднять. Через сводчатый проем он прокрался в большую куполообразную комнату. Его удивляло здесь все — настенные фрески с видами прибрежных и подводных ландшафтов, легкая деревянная мебель с филигранной резьбой, мотивы которой оставались для него загадкой, и наконец мозаичный каменный пол, изображавший морских существ.

Он пересек комнату и выглянул в окно. В небе светила луна, и в ее призрачном сиянии Кикаха увидел широкое крыльцо с высокими деревянными колоннами, выкрашенными в белый цвет. Чуть дальше начинался каменистый пляж, а в сотне ярдов от дома шумел морской прибой. Берег казался пустынным и безлюдным.

Стараясь соединить быстроту с осторожностью, Кикаха обследовал здание. В одной из комнат он нашел ручной лучемер, похожий на обычный револьвер. На рукоятке виднелись иероглифы неизвестного ему языка. Они отличались от всего, что он видел когда-либо прежде. Кикаха опробовал оружие и легким движением рассек массивное кресло. Ему, к сожалению, не удалось найти запасных батарей. И, что хуже всего, он не знал, надолго ли хватит заряда имевшегося аккумулятора.

В небольшой кладовой Кикаха обнаружил шкафы с одеждой. Здесь в основном хранились юбки, сандалии, бусы и куртки с пышными рукавами. Но в одном из шкафов он нашел одежду земного типа. Подобрал для себя

рубашку и брюки, Кикаха подвернул немного длинные штанины и, чтобы не натереть ноги большими ботинками, ограничился парой сандалий.

Заглянув в большую спальню, роскошно обставленную незнакомой и странной мебелью, он в конце концов понял, как Орку удалось бежать. На полу в центре комнаты лежал полумесяц. А значит, властитель сложил врата и перенесся куда-то в безопасное место. И он точно воспользовался этим путем. Стены и дверь были покрыты темными полосами оплавленного пластика. Мебель пестрела прожженными дырами и обуглившимися краями. Вряд ли Звонарь застиг Рыжего Орка без оружия, но тот, очевидно, посчитал большой лучемет чрезмерно опасным и решил уклониться от боя.

Итак, он прошел через врата, размышлял Кикаха. Но куда? Властитель мог вернуться на Землю номер один — причем в совершенно другой дом. Кроме того, он мог перенестись в какое-то место на Земле номер два. И еще Орк мог укрыться в одной из комнат этого дома.

Удовлетворившись осмотром дома, Кикаха решил отправиться за Звонарем.

Он спустился по лестнице, пересек большую комнату, пробежал по коридору и осторожно заглянул в камеру, где его держали в плену. Дверь, через которую ушел Звонарь, по-прежнему была открыта. Кикаха в нерешительности замер перед ней. На месте Табююза он притаился бы в засаде и ждал, когда за ним пойдут враги. Но Звонарь действовал довольно спокойно и уверенно. Очевидно, он знал, что преследовать его больше некому. К счастью, Табююз не догадывался о другом пленнике, иначе Кикаху ожидала бы неминуемая смерть.

Он вернулся в коридор и поднял один из ножей, лежавших на полу. Клинок успел остыть, и, взвесив его на ладони, Кикаха решил, что тот довольно неплохо сбалансирован. Сунув нож за пояс и приготовив к бою лучемет, он прыгнул в дверной проем. В маленькой узкой прихожей никого не оказалось. Приблизившись к закрытой двери в конце коридора, Кикаха толкнул ее кончиком ножа. Дверь открылась, и он, обратившись в слух, осмотрел полупустую комнату. Кикаха мог поклясться, что она измени-

лась. Комната стала больше. С серых каменных стен исчезли голубые обои. Но он ожидал, что такое могло произойти. Как видно, Рыжий Орк постарался сделать все, чтобы его пленник, совершив побег, попал в ужасное и удивительное место.

При других обстоятельствах Кикаха пошел бы назад и поискал переключатель, который мог настроить врата на желаемую резонансную частоту. Но теперь на это не оставалось времени. В застенках Уртоны томились его друзья, и они верили, что он придет к ним на помощь. А Звонарь мог и подождать. Кикаха решил пробраться на Землю номер один и начать наступление на Уртону.

Он хотел пройти через коридор и вернуться в спальню властителя, но так и не сдвинулся с места. Его бывшая тюрьма изменилась. Он бы не заметил ловушки, если бы не дверь, которую Звонарь сорвал с петель. Теперь она выглядела целой и невредимой. Всего через несколько шагов Кикаха мог оказаться отрезанным как от Звонаря, так и от пленников Уртоны.

Сжав зубы, он зашипел от ярости и досады. Из-за хитростей властителя Кикаха лишился выбора. Ему оставалось лишь следовать за Звонарем в надежде, что тот найдет какой-то выход.

Не забывая об осторожности, он быстро вошел в дверь.

Комната не таила никакой опасности, но и не давала понять, куда он попал. Следующее помещение во всем походило на предыдущее, не считая того, что там находились какие-то черные металлические ящики, сложенные у стен почти до потолка. Однако Кикаха не нашел ни замков, ни устройств, которые указывали бы на то, как они открывались.

Он медленно открыл следующую дверь, заглянул внутрь и прыгнул вперед. Посреди большой комнаты, уставленной креслами, диванами, столами и скульптурами, журчал прекрасный фонтан. Взглянув на мебель, Кикаха тут же узнал стиль романтической эпохи властителей. Часть потолка и половина правой стены представляли собой одно огромное выпуклое окно. Сразу за ним тянулась узкая пропасть, а дальше начинался пологий склон. Затем, примерно на расстоянии тысячи футов, виднелась ровная до-

лина, которая через несколько миль переходила в отроги невысоких гор.

За окном стоял день, но полуденный свет казался тусклым и бледным. Маленькое солнце на черном небе едва освещало каменистый грунт с извилистыми языками красноватого леска. На склоне и в долине, на большом отдалении друг от друга, возвышались растения, похожие на кактусы. Отсюда они выглядели совсем крошечными, но, прикинув расстояние, Кикаха понял, насколько огромны эти растения.

Он осмотрел помещение и удостоверился, что дверь в следующую комнату закрыта. Его буквально тянуло к окну. Пейзаж наполняла какая-то жуткая и безутешная неподвижность. Возможно, за целую тысячу лет здесь не шевельнулась ни одна песчинка. Или это так ему казалось? Разве можно судить о целой планете по виду одной долины?

Кикаха не имел понятия, где находится. Если его перенесло в другую вселенную, он, скорее всего, об этом не узнает. Но Кикаху могло забросить на какую-нибудь планету его родной вселенной (или по крайней мере на ее дубликат). Тогда это определенно Марс. Размеры солнца, красноватый песок, расстояние до горизонта и наличие атмосферы, в которой могла развиваться растительная жизнь — если только она на самом деле растительная, — все это указывало на Марс. И белесая луна, приближавшаяся с запада, лишь подтверждала его догадки.

Значит, этому зданию на Марсе уже около пятнадцати тысяч лет. Судя по рассказам Ананы, марсианский дворец построили сразу же после сотворения мира.

В этот момент какое-то существо, перелетев через дальнюю гряду, начало спускаться в долину. Размах его крыльев достигал примерно пятидесяти ярдов, а выглядело оно как помесь коршуна, птеродактиля и воздушного шара. Кости на перепонках казались тонкими, как фольга, а крылья — не толще папиросной бумаги. Но на таком расстоянии трудно было судить о реальных размерах — да, в общем-то, и ни к чему. Тело «пичути» походило на большой мешок, и Кикаха полагал, что этот «дирижабль» наполнен газом. Хвост вытягивался в любопытную кон-

фигурацию, напоминавшую шесть коробчатых воздушных змеев. Тонкие и многочисленные нижние конечности тянулись вниз, как какая-то сложная снасть для посадки, чему они, вероятно, и служили. На широких лапах имелось по семь или восемь когтей.

Существо скользило в воздухе быстро и грациозно. Несмотря на огромные крылья и раздутое газом тело, оно снижалось под крутым углом. А это свидетельствовало об очень разреженной атмосфере.

Огромная рваная тень помчалась к одному из гигантских кактусов, а затем существо, как упавший небоскреб, рухнуло на колючее растение. Красная пыль взлетела в воздух и осела быстрее, чем это произошло бы на Земле.

Туша монстра скрыла под особой весть кактус. «Птичка» задрала вверх рапирообразный клюв, молниеносно вонзила его между лапами в растение и застыла, словно каменное изваяние.

Внезапно Кикахе пришло в голову, что это зрелище могло увлечь и Звонаря. Если он тоже решил потешить свое любопытство, его можно застать врасплох. Кикаха осторожно прошел в следующую дверь и оказался в помещении, которое раз в десять превышало по размерам предыдущую комнату. Вдоль стен стояли огромные металлические контейнеры, а в центре находились пульта со множеством кнопок и индикаторов. И здесь тоже имелось окно с видом на долину.

Выяснив, что Звонаря в этом зале нет, Кикаха отправился дальше. Прокравшись в небольшую гостиную с уютной и функциональной обстановкой, он обнаружил на полу скелет.

О причинах смерти оставалось только гадать. Зубы сохранились прекрасно. Череп и кости выглядели неповрежденными. Скелет принадлежал рослому мужчине. Раскинув руки, он лежал на спине неподалеку от второй двери.

Кикаха решил, что это какой-то властитель, попавший в марсианскую крепость из другой вселенной. А возможно, Орк отправил сюда одного из своих врагов, загнав его в ловушку или сослав на вечное изгнание. Это могло случиться в те дальние времена, когда властители, создавшие Землю, пытались выяснить, кто из них сильнее.

Кикаха поднял череп и подержал его в руке. Эту штуку можно было метнуть во врага или использовать для отвлекающего броска. Он усмехнулся, представив, как череп давно усопшего властителя расплющивает нос и губы Звонаря. Анана с ума сошла бы от восторга.

Следующее помещение напоминало по форме грот. В центре располагался пруд, ширина которого приблизительно равнялась шестидесяти, а длина — тремстам ярдам. С вершины гранитной заостренной скалы низвергался небольшой водопад. По берегам из рыхлой почвы проступали каменные конусы и маленькие холмики, на которых росли какие-то странные растения. Чуть дальше из гранитной плиты бил родник, и узкий ручеек, вливаясь в пруд, покачивал огромные водяные цветы с широкими листьями.

Зашагав по мокрому и скользкому берегу, Кикаха вспугнул небольшое красноватое существо, которое вдруг выпрыгнуло из листьев марсианской лилии. Оно подскочило вверх и, вытянув в струнку лягушачьи лапы, с плеском шлепнулось в прозрачную воду. Через несколько секунд амфибия всплыла на поверхность и повернула к Кикахе лягушачью морду. Хрящеватые перископы ее глаз беспокойно сканировали берег. Пупырчатая кожа имела такой же красноватый оттенок, как пыль на поверхности этой планеты.

Время от времени в глубине мелькали очертания длинных и вытянутых тел, которые отдаленно напоминали угрей. По всей видимости, еды здесь для «лягушки» хватало. А возможно, и наоборот, хватало тех, кто питался такими «лягушками». В любом случае экология крошечного мира была прекрасно сбалансированной. Вряд ли Рыжий Орк навещал своих питомцев слишком часто.

Внезапно Кикаха услышал тихий скрип. Дверь в дальнем конце грота начала открываться. Бежать вперед или назад не имело смысла — он находился примерно посреди помещения. Справа тянулась лужайка, слева располагался пруд. Не мешкая ни секунды, Кикаха распластался на мокром берегу и тихо соскользнул в воду. Она оказалась теплой и какой-то маслянистой.

Сунув лучемер за пояс и решив пока не расставаться с найденным черепом, он оттолкнулся от края пруда и, погрузившись в воду с головой, поплыл среди толстых стеблей и колючих водорослей. Медленно всплыв к огромному бутону цветка, Кикаха осторожно выглянул из-под широкого листа, надеясь, что Звонарь не обратит внимания на его приподнятый край. К счастью, в отличие от других помещений дворца, грот освещался лишь светом из окна, и все его пространство заполняли мягкие красноватые сумерки.

Уцепившись рукой за упругий лепесток и обхватив ногой ворсистый стебель, Кикаха аккуратно развернулся, и то, что он увидел, заставило его затаить дыхание. В таких случаях у него обычно открывался рот, но, поскольку в этот момент большая часть его лица находилась под водой, он не пошел на поводу у привычки.

Черная матрица парила в семи футах над землей и медленно двигалась вдоль края пруда. Подлетев к двери, через которую недавно вошел Кикаха, она остановилась. Через секунду в гроте появился Звонарь. Он осмотрелся и уверенно зашагал к «колоколу».

Все встало на свои места. Кикаха понял, что случилось в доме Орка.

Используя оборудование Вольфа, Звонарь оснастил свою матрицу антигравитационным устройством, которое управлялось на расстоянии с помощью мыслей. Бежав на Землю, Табююз какое-то время не мог найти этим новшествам достойного применения. Но его поймал Орк, и Звонарь, оправившись от раны, решил опробовать «колокол» в деле. С помощью особых телепатических сигналов, которые распознавались матрицей, он вызвал ее к себе. Несмотря на ограниченную дальность действия, такой вид управления оказался довольно эффективным.

Выполняя телепатические команды Звонаря, матрица выпустила Табююза из камеры. Ему удалось оглушить одного из охранников и перенести свой разум в новое тело. Следуя введенной программе, матрица автоматически произвела все необходимые перемещения и расщепила мозг человека.

Для надежного приема телепатических сигналов матрица выпускала наружу две крохотные антенны. Они выдвигались из пары отверстий в ее основании. Дело в том, что «колокол» изготавливался из материала, который не поддавался разрушению и был непроницаем даже для радиации. Поэтому устройство антенн действовало автоматически — через определенные интервалы времени. «Услышав» зов Звонаря, матрица откликнулась, и с ее помощью Табююз вырвался на свободу. Раздобыв оружие, он перебил телохранителей Орка, а затем попытался уничтожить самого властителя. Однако это ему не удалось — во всяком случае, так считал Кикаха. Решив вернуться на Землю номер один, Табююз прошел через ворота и оказался в здании на Марсе.

Кикаха следил за приближением Звонаря. Чтобы достать оружие, ему пришлось расстаться с черепом. Тот беззвучно пошел ко дну. Придерживаясь рукой за лепесток, Кикаха вытащил из-за пояса лучемет. Звонарь прошел мимо него и остановился у двери. Открыв ее, он пропустил «колокол» в следующую комнату.

Очевидно, матрица могла определять местоположение других живых существ. Диапазон наблюдения был ограничен, иначе, пролетая над берегом, она засекала бы Кикаху. Вероятно, вода и листья отражали зондирующий сигнал, а обилие рыб в глубине пруда вызывало какие-то помехи.

Кикаха подтянулся повыше и приподнял лучемет над водой. Край листа мешал ему целиться, но промах означал бы верную смерть. Если луч отклонится в сторону, Звонарь выбежит в дверь. С таким мощным оружием, как у него, он превратит этот пруд в кастрюльку с закипевшим супом. К тому же луч мог разрезать стену здания и пробить защитную оболочку дворца. Если воздух вырвется в разреженную атмосферу Марса, им обоим придет конец. А это совершенно не устраивало Кикаху.

Звонарь повернулся боком. Стараясь удержать равновесие, Кикаха прицелился ему в бедро. Он решил сначала свалить Табююза с ног, а затем разрезать его надвое.

Палец начал плавно нажимать на курок. Но тут что-то коснулось икры Кикахи. Он открыл рот, чтобы закры-

чать, и, едва не потеряв сознание от ужасной боли, согнулся пополам. Вода попала ему в рот и ноздри. Луче-мет выскользнул из руки и пошел ко дну. Глотнув едкой жидкости, Кикаха мотнул головой и ударился о стебель растения. Он мельком увидел зубастую тварь, уплывающую в глубину: его укусила красная «лягушка».

В горле першило от проглоченной воды. Необходимо было срочно глотнуть воздуха. Но наверху мог ожидать Звонарь, заподозривший неладное в тихом всплеске.

Кикаха вынырнул под широким листом и усилием воли подавил кашель. Сплюнув горькую слюну, он осторожно выглянул из-под огромного лепестка. Звонарь исчез.

В следующий миг Кикаха снова согнулся от боли. «Лягушка» вернулась и еще раз цапнула его за ногу. Кровь могла привлечь других обитателей пруда. Он быстро поплыл к берегу и выскочил из воды на скользкий мох. Ноги у него дрожали.

Выбравшись на дорожку, он стянул с себя рубашку, разорвал ее на полосы и перевязал раны. По остроте зубов «лягушка» могла потягаться с акулой; вместе с тканью штанов она отхватила по куску мяса. К счастью, раны оказались неглубокими.

Властитель знал, что кому-то из гостей захочется поплавать в пруду. И наверное, он от души веселился, когда запускал сюда этого беспощадного маленького хищника.

А вот Кикахе было не до смеха. Он не знал, зачем Звонарь ушел в следующую комнату, но подозревал, что тот вскоре вернется. Без лучемета положение осложнялось в несколько раз. Но нырять за оружием Кикаха не хотел — во всяком случае до тех пор, пока плотоядная тварь находилась в пруду.

Однако у него остался нож. Кикаха вытащил его из-за пояса и, зажав в зубах, омыл дорожку водой в тех местах, где успела капать кровь. Плюнув в сторону вынырнувшей «лягушки», он хромя зашагал в следующую комнату.

Пройдя пустой короткий коридор, Кикаха вошел в огромное помещение. По размерам оно почти не уступало гроту. Теплый воздух был насыщен влагой. Везде нависа-

ли, стелились и вились растения неземного и немарсианского происхождения. Правда, из всей марсианской флоры Кикаха видел только кактусы в долине, но эти растения выглядели такими высокими, зелеными и мясистыми, что явно не имели ничего общего с разреженной атмосферой Марса.

Одна из стен представляла собой окно, затянутое серым туманом. Туман был справа и слева, сверху и снизу. И как бы Кикаха ни напрягал глаза, он не видел ничего, кроме серой однообразной пелены. Однако она не походила на земной влажный туман. Ее составляли мириады крохотных частиц и напоминали Кикахе густое пылевое облако.

Такого на Марсе, пожалуй, не бывает, подумал он. Неужели на выходе из коридора стояли еще одни ворота? Очевидно, он перенесся на какую-то другую планету или спутник. Сила притяжения почти не отличалась от земной, а значит, он находился на планете схожего размера. Все это плюс влажное густое облако заставило его подумать о Венере.

Только теперь до него дошло, что в марсианском дворце поддерживалась искусственная гравитация. На самом деле ей полагалось быть значительно ниже. Насколько? Раз в шесть? Кикаха точно не помнил. Но он не взлетал в воздух во время прыжков, а это уже о многом говорило.

Теперь он не сомневался, что тот дворец действительно находился на Марсе. Особые устройства поддерживали в здании земную силу притяжения. А значит, эта гигантская оранжерея могла располагаться, скажем, на Юпитере, и все те же гравитационные устройства сводили титаническое притяжение планеты к нулю.

Кикаха пожал плечами. Какая разница, куда он попал, если за стенами здания ему не сделать и шага? Сейчас следовало подумать о том, как остаться живым и вернуться на Землю. Он прошел еще один пустой коридор и оказался в едва освещенном помещении, которое размерами не уступило бы нью-йоркскому центральному вокзалу. Под огромным куполом мерцало озеро серебристо-серой жидкости, которая напоминала ртуть. Вдоль стен по кругу

тянулась узкая дорожка, а в центре озера находился круглый остров. Осмотрев помещение, Кикаха не нашел никаких других дверей.

Остров располагался в пятидесяти ярдах от края дорожки. Его каменистая поверхность лишь на фут выступала над гладью ртутного озера. Точно в центре возвышался большой металлический обруч, установленный вертикально на мраморном пьедестале. Кикаха понял, что это врата. Если бы ему удалось до них добраться, он мог бы проскочить в куда более приятное место — во всяком случае, это предполагали правила игры. Продемонстрировав ум, силу и ловкость — и превыше всего, везение, — пленник получал свой шанс на свободу.

Прятаться было негде, и Кикаха решил остаться около двери. Ожидая Звонаря, он попытался придумать, из чего бы ему сделать лодку. Мебели в других комнатах хватало. Кикаха мог бы, к примеру, притащить сюда какой-нибудь диван, но он сомневался, что из этого выйдет толк. Тяжелый предмет утонет в ртути за пару секунд, а за такое время пятьдесят ярдов не одолеешь. Тем не менее такой вариант стоило попробовать.

Мысль о тонущем диване не прибавила веселья. «А может ли вообще что-то плавать по ртути?» — подумал Кикаха. Кроме того, если он правильно усвоил уроки химии, от нее исходили ядовитые испарения.

Ему вспомнились занятия в средней школе и просторный химический кабинет. Все это осталось в далеком 1936 году, но в памяти всплыло несколько фраз: «...не смачивает стекло, но, находясь в стеклянной посуде, образует выпуклую поверхность... слабо испаряется при обычных температурах и опасно для здоровья из-за отравляющего воздействия... во влажном воздухе медленно тускнеет...»

Воздух под огромным куполом был влажным, однако металлическая жидкость не тускнела. И Кикаха не чувствовал каких-либо испарений или их отравляющего воздействия. Во всяком случае, пока.

Он вздрогнул, услышав тихие шаги, а вернее, шлепание кожаных сандалий по плитам пола. Звонарь оставил эту дверь открытой, и Кикаха не трогал ее. Он стоял за

ней, держа наготове нож, и надеялся, что Табююз не пошлет сюда прежде «колокол».

Но «колокол» влетел. Черный предмет парил в четырех футах над полом. Оказавшись на кольцевой дорожке, матрица остановилась. Кикаха сделал прыжок и захлопнул дверь. «Колокол» продолжал висеть на том же месте.

Дверь не имела замка. Звонарь мог открыть ее ударом ноги. Но его, видимо, ошеломило появление врага, и он решил соблюдать осторожность. Табююз не знал, кто находится по ту сторону двери, и, скорее всего, предполагал наличие какого-то серьезного оружия. Более того, Звонаря отсеки от матрицы. Это могло означать ловушку. Он понимал, что «колокол» разрушить невозможно, но его драгоценную матрицу могли забрать и где-нибудь спрятать.

Кикаха пробежал мимо двери, надеясь, что Звонарь не выстрелит по ней в этот момент из лучемета. Схватив матрицу, он толкнул ее от себя. Оказывая небольшое сопротивление, она двигалась только по горизонтали, но по вертикали не уступала ни дюйма.

Кикаха увидел, как по металлическому косяку и краю двери начало расползаться красное пятно. Звонарь включил лучемет на полную мощность, однако металл оказался на удивление прочным.

Но почему он просто не откроет дверь пинком? Кикаха не понимал такой излишней осторожности. Будь он на месте Табююза, его противник давно бы горел, как смоляная головешка.

Возможно, Звонарь боялся того, кто мог прятаться за дверью. Очевидно, он хотел предотвратить любую возможность для нанесения неожиданного удара. Но какими бы ни были его мотивы, он дал Кикахе небольшую передышку, и тот решил добраться до острова.

Кикаха прикинул, что успеет одолеть всего половину пути. Тем не менее он ухватился обеими руками за «колокол» и потащил его к стене. Матрица сопротивлялась, однако передвигалась по горизонтали довольно легко. Оценивая силу инерции, Кикаха подтянул ее к себе, а затем изо всех сил толкнул вперед. «Колокол» двигался со ско-

ростью два фута в секунду. Налетев на изгиб стены, он замедлил ход и остановился. Кикаха оттянул его к краю дорожки и еще раз толкнул, позаботившись о том, чтобы «колокол» не завис над озером. Дальность полета оказалась вполне приемлемой, и Кикаха немного воодушевился.

Он взглянул на дверь. В красном пятне появилась дыра, сквозь которую проник ослепительно белый луч. Звонарь, скорее всего, намеревался вырезать большое отверстие или удалить всю дверь целиком. Но он мог остановиться в любой момент и, заглянув в дыру, увидеть своего врага и матрицу. Хотя, с другой стороны, Табююз по-прежнему ожидал прицельного выстрела. Он до сих пор не знал, каким оружием обладает его противник. Все это заставляло Звонаря соблюдать предельную осторожность.

Кикаха снова подтащил «колокол» к стене. Он обхватил его руками, подтянул ноги и повис на нем, почти касаясь дорожки колена. и и кончиками сандалий. Матрица непоколебимо сохраняла одну и ту же высоту.

— Будь что будет! — прошептал он и изо всех сил оттолкнулся ногами от стены.

Уцепившись за матрицу, Кикаха полетел над озером к острову. Одолев около сорока футов, «колокол» остановился. Кикаха взглянул вниз на жидкий металл и осторожно коснулся сандалией его поверхности. Он оттолкнулся одной ногой, потом другой. Металл податливо растекался в стороны. Кикаха стал перебирать ногами быстрее, и матрица сдвинулась на несколько футов. Чтобы не останавливаться, ему приходилось отталкиваться от металла постоянно. Руки съезжали с покатой поверхности «колокола». Пот покрывал все тело и жег глаза. Ноги болели так, будто он пробежал не меньше двух миль.

И все же он добрался до острова. Рядом, в пяти-шести шагах, возвышались врата. Кикаха взглянул на дверь. Тонкая красная полоса сбегала вниз вдоль косяка, пересекала полотно и поднималась вверх с другой стороны. Начертив эту перевернутую «П», она точно сломалась и поползла вдоль верхней поперечной балки. Кикаха понял, что через пару минут дверь рухнет и Звонарь увидит все как на ладони.

Он оглянулся на обруч. Сквозь кольцо виднелась противоположная часть помещения. Однако Кикаха знал, что, шагнув во врата, он может оказаться в совершенно другом месте — а возможно, и в другом мире. Если только властитель не установил этот обруч потехи ради.

Он толкнул матрицу в створ врат и быстро отпрыгнул в сторону. Кикаха чувствовал нутром, что здесь его поджидала ловушка. Такие ребята, как Рыжий Орк и Уртон, не знали меры в своих забавах. А для запуска ловушки в нее следовало что-нибудь бросить.

Раздался оглушительный взрыв. Лицо и бок Кикахи опалило жаром. Он предусмотрительно закрыл глаза, но свет проник даже сквозь веки. Приподняв голову, Кикаха осмотрелся и увидел матрицу, которая неслась над «ртутным» озером. Взрыв не изменил высоты ее полета и только с силой отшвырнул прочь. Она врезалась в стену, отскочила на несколько дюймов и неподвижно зависла над кольцевой дорожкой.

В этот миг дверь качнулась и рухнула на пол. Кикаха не услышал звука ее падения. В его ушах по-прежнему звучали отголоски взрыва. Он увидел, как Звонарь метнулся в проем, упал на дорожку и, ловко откатившись в сторону, выставил перед собой лучемет. На какой-то миг их взгляды встретились. Затем Кикаха вскочил на ноги и побежал к пьедесталу. Он знал, что новой вспышки можно не опасаться — властители редко опускались до повторов одного и того же трюка. Но если ловушка успела восстановиться, его могло разорвать на сотни кусков. Однако выбирать не приходилось. И что бы там ни произошло, его тревогам скоро придет конец.

Он прыгнул в обруч, и под ним разверзлась бездна.

Внизу, возможно, в нескольких тысячах футов, виднелась земля; над головой сияло голубое небо, а прямо перед ним появилась тонкая горизонтальная планка. Кикаха ухватился за нее, как утопающий за соломинку. Пальцы сжали гладкий металлический стержень, и Кикаху качнуло на вытянутых руках.

Конструкция немного напоминала гимнастическую перекладину. Металлический стержень крепился к двум по-

перечным балкам, которые торчали на двадцать футов из отвесной скалы.

Здесь Рыжий Орк переплюнул самого себя. Это был триумф садизма и коварства. Если пленник по небрежности или незнанию не проверял врата на «огневую завесу», его разрывало на куски. Если же он, разгадав ловушку, преодолевал врата шагом, а не в прыжке, его ожидала еще более ужасная гибель — он мог не дотянуться до планки.

Но что властитель придумал на тот случай, если пленник все же вцепится в перекладину?

Человек менее храбрый и сильный мог бы просто упасть. Но Кикаха не стал терять время даром. Вытянув одну руку, он ухватился за поперечную балку. Его лицо исказилось гримасой боли. Ругаясь, он отдернул обожженную кисть и замахал ею в воздухе.

Балка оказалась раскаленной.

Кикаха перебрался по планке ко второй опоре и дотронулся до нее. Та тоже обжигала кожу.

Прикосновение к горячему металлу вызывало мучительную боль, но Кикаха знал, что на планке ему долго не продержаться. Собравшись с силами и закусив губу, он перелез на балку. Из груди вырвался крик. На глазах появились слезы. Поднявшись на выступ скалы, он со стоном перекатился на спину и поднес ладони к глазам. Пальцы жгло так, словно они обгорели до костей. Однако на коже появилось лишь легкое покраснение. Через минуту боль исчезла.

Осмотр скалы не занял много времени. Да и смотреть здесь было, в общем-то, не на что. Он находился на вершине высокой колонны, сделанной из твердого черного камня. Гладкие стенки придавали ей сходство с пушечным стволом или, вернее, с иглой, воткнутой в подушечку каменистой пустыни. Равнина тянулась от горизонта до горизонта, а через нее, как диаметр гигантского круга, протекала река. Обходя колонну, она разветвлялась на два стремительных потока, которые снова сливались вместе по другую сторону этой чертовой «иглы».

На безоблачном синем небе сияло желтое солнце, оседавшее зенит.

Вокруг колонны, неподалеку от ее основания, виднелись четыре гигантских обруча, расположенных по сторонам света. При правильном выборе одни из врат могли перенести его туда, где он остался бы жив. Другие, вероятно, вели к той или иной смерти.

Однако выбор врат — это дело десятое. Сперва ему не помешало бы спуститься с колонны. Поразмыслив немного, Кикаха решил, что хорошие идеи на такую высоту не залетают. Во всяком случае ему не удалось придумать ничего толкового.

Он вернулся к выступавшим из скалы опорам. Звонарь мог пройти через врата в любую минуту. Какими бы надеждами он себя ни тешил, дорога у них одна. Ему придется последовать за Кикахой.

Минуты шли, превращаясь в часы, и солнце неохотно спускалось по небесному мосту. Чтобы расслабиться и разогнать кровь в затекших мышцах, Кикаха встал и зашагал по плоской вершине колонны. Внезапно прямо перед ним из воздуха появилась нога. Звонарь по другую сторону врат исследовал неизвестное пространство.

Стопа пыталась нащупать что-нибудь твердое, но везде находила лишь пустоту. Она исчезла, и через несколько секунд появилось лицо Звонаря — совсем как улыбка Чеширского кота, только в обратном варианте.

Клинок Кикахи сверкнул на солнце серебряной полосой. Лицо дернулось назад и скрылось в небесной синеве, а затем, футом ниже этого места, пропал и металлический нож.

Врата оказались двусторонними. Об этом свидетельствовало исчезновение ножа. В принципе Звонарь мог высовывать голову даже из односторонних врат, поскольку они начинали закрываться только при переносе основной массы тела. Подобный маневр считался очень рискованным, так как многие властители дополняли врата молекулярными гильотинами, которые наказывали слишком осторожных и любопытных людей.

Прошло пять или шесть секунд. Кикаха выругался. Он мог так и не узнать об эффективности своего броска. Внезапно из синего неба возникла голова. За ней последовали шея, плечи и грудь с торчавшей рукояткой ножа.

Звонарь вывалился из врат и рухнул вниз. Его тело становилось все меньше и меньше. Оно исчезло на несколько мгновений, а когда труп рухнул в реку, Кикаха увидел белое пятнышко всплеска.

Он глубоко вздохнул и сел на скалу. Его сотрясала дрожь. Табююз убит, и о расе Звонарей можно забыть. Он только что спас тысяча восемь вселенных.

«И в награду за это я могу найти здесь свою смерть,— подумал Кикаха.— Теперь я знаю, что такое одиночество. Это когда ты один в целом мире, да к тому же сидишь на каменной игле в несколько тысяч футов высотой. Впрочем, если мне в голову не придет какая-нибудь сногшибательная мысль, я вскоре удвою количество трупов в этой вселенной».

Он еще раз вздохнул и приступил к неизбежному.

Когда Кикаха вновь ухватился за балку, боль была такой же сильной, как и на пути к скале. Он добрался до перекладины и немного отдохнул, зацепившись за планку рукой и ногами. Когда боль в ладонях и пальцах прошла, Кикаха встал на перекладину, балансируя на ней, как заправский канатоходец. Долгие годы лазания по монолитам Многоярусного мира не прошли даром. С трудом сохраняя равновесие, он быстро прикинул то место, откуда выпал Звонарь,— ничем не приметный кусочек неба, попасть в который мог только очень везучий человек.

Кикаха прыгнул вперед и вверх. Его голова и часть тела прошли через врата. Край обруча вонзился в живот — Кикаха хрипло застонал. Зацепившись пальцами за грань пьедестала, он рывком подтянулся на руках и перекатился на камни острова. Минут пять Кикаха лежал, наслаждаясь покоем и жизнью. Дыхание выравнивалось, и сердце уже не сотрясало грудную клетку. В двух шагах от него лежал лучемет, а чуть выше парил осиротевший «колокол».

Кикаха поднялся и обследовал матрицу. Анана рассказывала, что корпуса этих штук и кончики антенн изготавливали из неразрушаемого материала. Когда антенны втягивались внутрь, их концы затыкали два крохотных отверстия в основании матрицы. В таком положении она могла переносить любые воздействия. Но сами антенны

имели другую, более деликатную и менее прочную, структуру. Во время взрыва в обруче они, очевидно, получили повреждения. Во всяком случае так считал Кикаха. Он не видел этих дефектов, как, впрочем, не видел и самих антенн. Однако стоило ему коснуться пальцем отверстий, как он тут же почувствовал легкий укол. И все же матрица получила повреждения. Только поэтому Звонарь не послал ее впереди себя через ворота. Возможно, взрыв временно нарушил настройку приемного устройства, и «колокол» перестал подчиняться телепатическим сигналам. К тому же аппаратура была экспериментальной, а значит, Табююз не успел довести ее до совершенства.

Что бы там ни случилось, «колокол» парил над островом на той же высоте. И все так же оказывал сопротивление любым попыткам заставить его двигаться по вертикали.

Кикаха надеялся, что антенны матрицы по-прежнему выполняют часть своих функций. Иначе она не могла бы сохранять постоянную высоту относительно грунта.

Это свойство давало ему единственный шанс на спасение. Антигравитационное устройство «колокола» могло обеспечить плавный спуск на несколько тысяч футов вниз. Впрочем, матрица могла остаться на уровне врат даже в том случае, если грунт под ней внезапно превратится в бездну. И тогда он вновь переберется на вершину колонны или вернется на этот остров.

Кикаха перекинул через плечо ремень лучемета, прижал «колокол» к груди и прошел сквозь обруч.

Спуск напомнил ему прыжок с парашютом. Скорость оказалась большей, чем он ожидал. Матрицу постоянно сносило к колонне, и время от времени Кикахе приходилось отталкиваться от нее ногами. Возможно, здесь сказывалось небольшое притяжение, вызванное массой колонны.

Когда до реки осталось не больше десяти футов, матрица внезапно остановилась, и Кикаха, сорвавшись, упал в теплую воду. Его подхватило сильное течение, и, чтобы добраться до берега, Кикахе пришлось постараться. Чуть позже, отдохнув на теплых камнях, он решил побродить вдоль реки, но, не пройдя и сотни шагов, увидел «коло-

кол», зависший у скалы. И как бы высоко ни прыгал Кикаха, дотянуться до матрицы ему не удалось. Впрочем, в этом пока не было большой необходимости.

Через несколько ярдов он наткнулся на тело Звонаря. Труп вынесло на каменистую отмель и зажало между двумя камнями. Спину Табююза распорол об острую гальку, а затылок стал таким мягким, будто он ударился не о воду, а о бетон. Нож по-прежнему торчал в груди, и Кикаха, вытащив его, обтер лезвие о мокрые волосы Звонаря. Он перенес тело на берег и взглянул на гигантские врата. Они походили на увеличенную модель того обруча, который остался в другом мире. Двое врат находились на этой стороне реки, двое — на той. Они располагались по углам квадрата, длина стороны которого составляла около двух миль.

Подойдя к ближнему обручу, он бросил в него камень. Тот пролетел сквозь кольцо и упал на песок с другой стороны. Кикаха понял, что это очередная шутка Рыжего Орка. Все четыре обруча могли оказаться простым металлом. А значит, он останется в этом бесплодном мире до конца дней своих — нескольких ужасных дней перед голодной смертью.

Следующий обруч в северо-восточном углу еще больше укрепил его подозрения.

Кикаха начал испытывать усталость и голод. Чтобы добраться до двух других колец, ему предстояло переплыть реку и одолеть сильное течение. Расстояние от одного обруча до другого составляло две мили; значит, для проверки всех четырех колец ему пришлось бы пройти восемь миль*. В другое время он посчитал бы это за прогулку, но последние несколько часов нанесли его силам значительный урон.

Посидев минуту, Кикаха вскочил на ноги и обозвал себя дураком. Он совсем забыл о существовании так называемых однонаправленных врат, в которые полагалось входить только с одной стороны. Он обошел обруч и, под-

* Ошибка в расчетах Фармера. Кикахе потребовалось бы пройти шесть миль.

няв камень, бросил его сквозь кольцо. Однако обруч так и остался обручем.

Кикаха побежал к первому кольцу и проверил его с другой стороны. Результат оказался таким же неутешительным.

Он переплыл реку, выбрался на другой берег и прошел то расстояние, на которое его снесло течением. Лучемер весил около тридцати фунтов. Он мешал идти, плыть, но Кикаха не хотел расставаться с ним ни на минуту.

Юго-западный обруч ничем его не обрадовал. Кикаха прошептал проклятие и направился к последнему кольцу. Солнце клонилось все ниже и ниже, спускаясь с безмолвного неба к безжизненной земле. Ветер утих. Чуть позже смолкло журчание реки. Тишину нарушали лишь его шаги, тяжелое дыхание и скрежет камней под ногами.

Когда он добрался до северо-западного обруча, ему на миг захотелось отложить последнее испытание. Если это кольцо окажется макетом, а не настоящими воротами, шутка Рыжего Орка станет последней в жизни Кикахи. Но, отдохнув пару минут в тени скалы, он решил не затягивать конец этой муторной драмы.

Первый брошенный им камень вонзился в песчаный холм позади кольца.

Второй пролетел сквозь обруч и упал на землю.

Кикаха подпрыгнул от злости, закричал и ударил кулаком в ладонь. Потом пнул небольшой камень и, завывая от боли, заскакал на одной ноге. Из глаз покатались крупные слезы. Он бил себя по щекам, дергал за волосы и выкрикивал в голубое небо проклятия и угрозы. Повернув лицо к безразличному желтому солнцу, он завыл как волк, хвост которого попал в медвежий капкан.

Через какое-то время Кикаха затих. Если бы не трепетавшие веки и не вздымавшаяся грудь, он вполне мог бы сойти за светло-красный валун, которыми изобилвала эта бесплодная земля.

Чуть позже, вырвавшись из объятий бессмысленного созерцания, он пошел к реке, утолил жажду и занялся поиском места для ночлега. Минут через пятнадцать на склоне небольшого холма Кикаха обнаружил нишу, которая могла послужить укрытием от поднимавшегося ветра.

Поразмыслив немного о своем невеселом будущем, он еще раз обругал Рыжего Орка и со вздохом заснул.

Утром, взглянув на тело Звонаря, Кикаха вспомнил рассказы о тех, кого голод подтолкнул к людоедству.

Чтобы чем-то отвлечь себя от подобных мыслей, он побродил по мелководью, выискивая рыбу или ракушки. Кикаха вспенивал воду руками и шлепал по ней ладонями, но обитатели водной стихии ничем не выдавали своего присутствия. Судя по отсутствию какой-либо растительности, они на этой планете вообще не водились.

Вернувшись к холму, он забрался на круглую вершину и еще раз осмотрел четыре больших обруча. Ситуация казалась до невозможности простой и в то же время отчаянно сложной. Орк наверняка подготовил какую-то лазейку, через которую пленник мог вырваться на свободу. Для этого требовались только смекалка и ловкость. Но с таким же успехом властитель мог отступить от правила и оставить ловушку без выхода. В любом случае Кикаху ожидала смерть. Даже если здесь и была какая-то лазейка, он оказался недостаточно смышленным, чтобы отыскать ее.

Внезапно Кикаха вскочил на ноги. Да что же случилось с его умом? До сих пор он бросал в кольца только камни. А ведь существовали врата, которые запускались в действие с помощью предметов большого объема и массы. Причем некоторые активировались лишь в тех случаях, когда тело, проходившее через них, состояло из протеина. Кроме того, он слышал об особых устройствах, которые улавливали импульсы человеческого мозга. Без этих сигналов врата действительно были кусками железа. А значит, он должен опробовать обручи сам.

Но многие врата настраивались на разрушение первой проходившей массы. К тому же Орк мог воспользоваться заминированной ловушкой по типу тех врат, которые он установил на «ртутном» озере.

Кикаха застонал при мысли о том, что ему предстояло сделать. Вот уж действительно: хочешь жить — умеешь вертеться. Поблагодарив судьбу за хрупкое телосложение Звонаря, он взвалил труп на плечи и понес его к ближайшим вратам.

День выдался длинным и жарким. Мышцы дрожали от напряжения, в желудке посасывало, а каждая неудача у гигантских колец отнимала все новые и новые силы. Переправив через реку труп и лучемер, он едва не лишился чувств. Шесть раз тело Звонаря взлетало в воздух и падало наземь. Кикаха проверил трое врат. И вот теперь, дотащив свою ношу к четвертому кольцу, он решил немного отдохнуть.

Звонарь лежал рядом. Его рот открылся. Пустые глаза смотрели на жаркое солнце. Вокруг разносился слабый запах тления. Взглянув на труп, Кикаха подумал, что в эхом мире не так уж все и плохо. По крайней мере, тут не было мух.

Время шло. Он по-прежнему не мог собраться с силами. Ему полагалось встать и дважды бросить тело с обеих сторон кольца. В принципе Кикаха мог бы просто перевалить Звонаря через врата, но тогда он оказался бы на пути возможного направленного взрыва.

«Ладно, парень, вперед,— уговаривал себя Кикаха.— Всего-то и надо встать у края, бросить труп в кольцо и отпрыгнуть в сторону».

В конце концов он выполнил это в седьмой раз. Тело проскочило сквозь обруч и растянулось на земле. У Кикахи остался последний шанс. Забыв об отдыхе, он поднял Звонаря на уровень груди, швырнул его в круг и прыгнул под защиту большого валуна.

Взрыва не последовало, и он осторожно выглянул из-за своего укрытия. Тело Табююза лежало на песке позади пьедестала.

«Вот и все,— подумал Кикаха.— Я сделал все, что мог».

Он разочарованно покачал головой и отрешенно повернулся к обручу спиной. Это произвольное движение спасло ему жизнь.

И даже тогда Кикаха уцелел лишь чудом. Тигроподобная тварь, которая бесшумно кралась к нему по твердой скале, взревела, встретившись с ним взглядом. Она перешла на бег и огромными прыжками ринулась на человека. Тот так удивился, что на секунду оцепенел, и зверь едва не настиг свою жертву. Едва — потому что Кикаха быстро

пришел в себя. Он выстрелил, когда животное взвилось в последнем прыжке. Луч прожег голову, рассек шею, грудную клетку и часть ноги, а затем пробуравил скалу позади твари. Тело упало на землю и, скользнув по скале, сбило Кикаху с ног. Он покатился кувырком, раздирая о камни спину, руки и грудь. Поднявшись на ноги, Кикаха вытер окровавленный нос. Кожу покрывали ссадины и кровоподтеки. В бедре и пояснице, куда врезалось тело зверя, появилась тупая боль, которая становилась все сильнее и сильнее.

Тем не менее животное выглядело съедобным. Немного поразмыслив, Кикаха понял, откуда оно взялось. Он решил еще раз вернуться к северо-западным вратам и проверить их на активацию с задержкой. Впрочем, теперь врата могли и подождать. Кикаха нарезал несколько кусков мяса и поджарил их на слабом огне лучемета.

Зверь был на четверть больше сибирского тигра, во многом походил на кошку и имел густой длинный мех с рыжевато-коричневым подшерстком. На голове и теле проступали бледно-красные извилистые полосы. Черная шерсть на нижней части лап напоминала носки. Лимонадно-желтые глаза имели ромбовидный зрачок, а зубы были похожи на акулы.

Как бы отвратительно ни пахло мясо, оно наполнило Кикаху силой. Схватив Звонаря за руку, он протащил его две мили по камням. Труп к тому времени выглядел просто ужасно. Запах усилился. Подняв тело на уровень груди, Кикаха задержал дыхание и после броска стремительно отскочил в сторону.

Звонарь исчез в створе врат, и оттуда брызнули струи нефти. Если бы Кикаха стоял перед обручем в пределах десяти ярдов, его окатило бы с ног до головы. Маслянистая жидкость внезапно вспыхнула, и на камнях замесилось пламя.

Огонь погас через пятнадцать минут. Приготовив лучемет для стрельбы, Кикаха прыгнул во врата. Он не знал, чего еще ожидать от Рыжего Орка. Возможно, ему предстояла встреча с другими «тиграми» или более страшными хищниками. Бросив сюда Звонаря в прошлый раз, Кикаха запустил в действие хитроумный механизм активации.

Врата открылись с небольшой задержкой, и особое устройство протолкнуло в них хищную тварь. До этого мог додуматься только такой садист, как Рыжий Орк. А ему, очевидно, нравились шуточки подобного типа. Однако Кикаха надеялся, что их количество теперь пойдет на убыль. Вряд ли Орк ожидал, что кто-то из его пленников проберется сквозь ловушки в такую даль.

На секунду Кикаха оказался в пустом помещении, где находилась большая клетка с распахнутой дверцей. Тут же возвышался странный черный купол на трех ножках. Не успел он ступить и шагу, как его перенесло в небольшую комнату, которая насторожила Кикаху голыми стенами из прочного серого металла. Вся мебель состояла из трех предметов — унитаза без стульчака, раковины с одним краном и небольшого металлического стола, прикрепленного к полу цепями.

Переход из комнаты в комнату ошеломил его, хотя он и мог объяснить, как все это случилось. Прыгнув через обруч, он активировал врата с механизмом задержки. И они переправили его в какую-то тупиковую камеру.

Комната была ярко освещена, но свет не имел никаких видимых источников. Металлические стены поблескивали безупречно отполированной поверхностью. Двери и окна отсутствовали. Кикаха навел раструб своего оружия на одну из стен, однако луч лишь нагрел воздух в камере. Выключив лучемет, он почувствовал легкий сквознячок и начал искать источник вентиляции.

После длительных поисков Кикаха выяснил все, что хотел. Свежий воздух поступал из точки, которая находилась чуть выше поверхности стола. Иными словами, воздух входил через врата, вмонтированные в металлический столик, и выходил через другие, которые располагались в одном из верхних углов комнаты. Эти врата работали попеременно и пропускали только воздух.

Он включил лучемет на полную мощность и навел его на поверхность стола. Неказистый столик оказался таким же прочным, как и стены. Однако пленным полагалась еда. Кикаха решил подождать, пока не появится пища — если только, конечно, его не собирались уморить голодом.

Вполне возможно, что врата для подачи еды располагались на той же самой столешнице. А значит, в положенное время они автоматически переключались с подачи воздуха на перенос более массивных и твердых веществ.

Этот вариант побега показался Кикахе слишком уж простым. Почему же им тогда не воспользовались другие пленники? Возможно, властитель намеренно подводил его к такому решению, заманивая тем самым в очередную ловушку. Черный юмор в стиле Рыжего Орка? Но слишком уж примитивно, подумал Кикаха. Скорее всего властитель просто не учел, что кому-то в голову придет настолько дикая идея.

Кикаха знал, что где-то в доме уже звенел тревожный звонок, оповещавший хозяев о новом пленнике. Если только эта камера действительно находится в обитаемом доме. Врата могли забросить его в тюрьму какой-нибудь покинутой вселенной. А властители — народ непоседливый. Вот и его тюремщик мог томиться сейчас в застенках другого мира. Что ни говори, а тюрьмы властителей — вещь ненадежная...

Кикаха терпеливо ждал, и примерно через четыре часа на столе появился поднос. Увидев земную пищу, он не мог поверить своим глазам — поджаренное мясо, салат из моркови, латука и лука, чесночная приправа, три куска коричневого европейского хлеба с настоящим сливочным маслом и, наконец, шоколадное мороженое.

Покончив с едой, он почувствовал себя гораздо лучше. Пора было поблагодарить своего хозяина. Проглотив последнюю ложку мороженого, Кикаха повесил лучемер на плечо и забрался на стол. Немного подумав, он согнулся и, балансируя на одной ноге, поставил поднос на поверхность стола. Встав на него обеими ногами, Кикаха сложил руки на груди и замер. Он рассудил, что врата могли активироваться подносом и блюдами, а не массой предмета, который находился на столе. И ему приходилось надеяться на то, что действие врат простиралось на достаточную высоту, которая включала его всего до кончиков волос на макушке. В ином случае кто-то мог получить сюрприз, причем довольно неприятного характера.

Внезапно Кикаха оказался на столе чулана, который освещался тусклой лампочкой. Не догадайся он пригнуться — его голова материализовалась бы в потолочной балке.

Кикаха слез со стола и, распахнув дверь, вышел в большую кухню. Спина к нему стоял какой-то человек. Услышав скрип петель, мужчина быстро обернулся. Его рот открылся, глаза расширились, и он тихо прошептал:

— Какого хре...

Нога Кикахи воткнулась в его подбородок, и мужчина без чувств упал на пол. Кикаха замер и прислушался. Уверившись, что небольшой грохот на кухне не встревожил обитателей дома, он быстро обыскал своего нового знакомого.

В натальной кобуре оказался «смит-вессон» тридцать восьмого калибра, с укороченным дулом. В бумажнике кроме ста десяти долларов лежали вездесущие кредитные карточки и два водительских удостоверения. Если верить визитной карточке, мужчину звали Робертом ди Анжело.

Проверив обойму и сунув пистолет за пояс, Кикаха приступил к осмотру кухни. Судя по огромным размерам, она находилась в особняке богатого человека. Заметив на стене приоткрытую выдвижную панель, Кикаха обнаружил за ней пульт управления какими-то механизмами. Среди кнопок и тумблеров мигали несколько огоньков.

Ди Анжело посылал ему пищу, а это свидетельствовало о том, что обитатели дома знали о появлении нового пленника. По крайней мере, об этом знал властитель. Вряд ли его люди что-то смыслили во вратах. Скорее всего Орк приказал им докладывать о каждом случае, когда на щите загорались лампочки и включалась звуковая сигнализация. Последнюю, конечно, уже успели отключить.

Видеосистемы каждой камеры транслировали изображение на мониторы, поэтому властитель — а в данном случае Уртон — мог проверить, кто к нему пожаловал. Но почему он не поспешил допросить своего пленника? Неужели ему не интересно узнать, каким образом сюда попал Кикаха?

Налив воды в бокал, Кикаха плеснул ее в лицо человека. Ди Анжело вздрогнул, замотал головой и открыл глаза. Почувствовав у горла острие ножа, он еще раз вздрогнул.

— Где твой хозяин? — спросил Кикаха.

— Не знаю, — ответил ди Анжело.

— Ложь ведет к страданиям души, — назидательно напомнил Кикаха.

Он прижал лезвие к горлу, и по шее побежала тонкая струйка крови. Глаза мужчины расширились еще больше.

— Эй, полегче, — прохрипел он. — Ты ничего не добьешься, если перережешь мне глотку. Давай я лучше введу тебя в курс дела...

Ди Анжело был поваром, но он знал обо всем, что происходило в нижних эшелонах «команды». Принимая его на работу, их босс, мистер Каллистер, приказал докладывать о каждом случае, когда на кухне сработает тревожная сигнализация. Однако она бездействовала так долго, что ди Анжело начал о ней понемногу забывать. И вот сегодняшней ночью звонок зазвенел, перепугав его почти до смерти. Он тут же позвонил мистеру Каллистеру, но тот уехал с ребятами на дело. О таких поездках ди Анжело обычно не сообщали. Однако он предполагал, что дело имело какое-то отношение к недавним событиям, которые начались с появления Кикахи и его друзей. Каллистер по телефону дал ему несколько указаний, и, следуя им, ди Анжело приготовил пищу, поставил поднос на стол в чулане, а затем, закрыв дверь, нажал на большую красную кнопку.

Кикаха спросил его о Вольфе, Хрисеиде и Анане.

— Недавно парни отвели их в кабинет босса и оставили там, — ответил ди Анжело. — С тех пор пленников никто не видел. Это правда, клянусь тебе! Если кто и знает, где они теперь, так только сам мистер Каллистер. Он и только он!

Кикаха заставил ди Анжело встать и показать ему дом. Они прошли через несколько коридоров и больших, богато убранных комнат. Кикахе захотелось осмотреть второй этаж, и они поднялись туда по широкой винтовой лестнице. По пути ди Анжело сообщил ему, что особняк

расположен в Беверли Хиллз, а участок обнесен высокой стеной. Именно этот адрес и называл Кикахе Рыжий Орк.

— Где остальные? — спросил он.

— Многие разъехались по домам, а остальные разошлись по своим комнатам над гаражом, — ответил ди Анжело. — Я здесь один. И поверьте, мистер, мне незачем вас обманывать.

Бронированная дверь в кабинет Каллистера оказалась закрытой на хитроумный замок. Кикаха включил лучемер и быстрым движением ствола прорезал в стальной плите широкую дыру. Глаза у ди Анжело едва не выпали из орбит, и он стал бледнее мела. Очевидно, ему еще не доводилось видеть оружия властителей.

Кикаха покопался в огромном столе из красного дерева и, обнаружив какую-то тесьму, связал ди Анжело по рукам и ногам. Пока повар потел от страха в кресле, Кикаха быстро обыскал кабинет. Когда он нажал на кнопку в углу стола, столешница бесшумно раздвинулась в стороны и перед ним появился пульт, который, вероятно, управлял воротами этого здания. Над кнопками, дисками и индикаторами виднелись странные значки и иероглифы. Они могли поставить в тупик любого землянина, но только не Кикаху. Он мог бы писать поэмы на языке властителей.

Тем не менее Кикаха не мог воспользоваться пультом. Он не знал, к какому типу относятся ворота с номера первого по номер десятый. Он не имел понятия, что произойдет с пленниками, если нажать кнопку, обозначенную символом «М». Она могла означать тысячу вещей, но Кикаха подозревал, что это сокращение от «миатсо» — мучительная смерть.

Кроме того, здесь возникало множество других проблем. Кикаха не знал, где располагались ворота, которые он собирался активировать. Причем он сомневался, что ему удастся запустить их в действие. Властитель не так глуп, чтобы оставить систему включенной. Он наверняка имел при себе какой-то механизм, который обеспечивал подачу энергии к пульту. Во всяком случае, Кикаха знал теперь, где находилась панель управления. Если ему удастся достать активатор, эта система может здорово при-

годиться. Но сначала предстояло выяснить расположение врат.

Кикаху угнетали возникшие отсрочки. Он снова почувствовал бессильную злость. По ту сторону врат томились его друзья, и им угрожала жестокая расправа.

Внезапно зазвонил телефон. Кикаха вздрогнул, но тут же взял себя в руки. Он отнес телефон к ди Анжело и поднял трубку таким образом, чтобы им обоим был слышен звучащий голос. Никаких дополнительных объяснений повару не потребовалось.

— Алло? — произнес он.

— Ди Анжело? Подожди минуту.

Следующий голос принадлежал человеку, с которым Кикаха говорил из телефонной будки на заправочной станции. И уж если Уртона сам возглавил операцию, то, видимо, дело им предстояло действительно серьезное. А выманить его из крепости могло только одно — возможность поймать Рыжего Орка.

— Анжело? У меня здесь сработала сигнализация. Сигнал тревоги поступил из моего кабинета. Тебе что-нибудь об этом известно?

Кикаха покачал головой, и ди Анжело ответил:

— Нет, сэр.

— Кто-то пробрался в мой кабинет. Ты где?

— На кухне, сэр, — ответил ди Анжело.

— Иди наверх и узнай, что происходит. Я буду ждать твоего звонка, — сказал Уртона. — Скоро тебе на помощь придут ребята со склада, так что не рискуй там понапрасну. Стреляй только в том случае, если будешь уверен, что не промахнешься. Понял?

— Да, сэр, — ответил ди Анжело.

В трубке раздался шелчок. Кикаха знал, что радоваться тут нечему. Вне всяких сомнений, Уртона просчитал, что злоумышленник в его кабинете прослушал этот разговор по второму телефону. Чтобы задержать незваного гостя на несколько минут, властитель послал ди Анжело на верную смерть. А значит, его люди появятся здесь очень скоро.

Кикаха вставил в рот ди Анжело кляп и запер его в стенном шкафу. Нацелив лучемер на пульт, он сжег устрой-

ство управления воротами. Если Уртон задумает переправить своих пленников в другое место или сделать с ними какую-нибудь гадость, ему придется сначала изготовить новую панель. Это даст Кикахе небольшой запас времени. Хотя, возможно, у властителя имеется несколько таких устройств.

Следовало выбираться отсюда как можно быстрее. Первым делом Кикаха решил отправиться на железнодорожную станцию и забрать из камеры хранения футляр. Оставалось только пожалеть о том, что у него не было рога прямо сейчас. Больше такая возможность не повторится. Отныне Уртон будет охранять свой дом гораздо лучше.

Прежде чем отправиться в деловую часть города, Кикаха задумал спрятать лучемет на участке особняка. Пройдя вдоль ограды, он отыскал небольшую яму за кустом олеандра. Однако сад оказался настолько ухоженным, что Кикаха не нашел ни хвороста, ни листьев, которыми он мог бы прикрыть оружие. Доверившись судьбе, Кикаха положил лучемет в яму, а затем бросил туда же пистолет ди Анжело, который слишком уж выпирал под рубашкой*.

Чуть позже ему пришлось вернуться к тайнику и ненадолго забрать лучемет. Кикахе не понравился замок на железных выездных воротах, и он решил его ликвидировать. По обе стороны от ворот шла высокая кирпичная стена, верх которой венчали острые металлические шипы. В сторожевой будке никого не было. Очевидно, Уртон взял на дело всех своих людей, оставив в доме только ди Анжело. Заметив в будке большой пульт, Кикаха без труда разобрался с управлением. Однако питание механизмов оказалось отключенным, и ему не удалось открыть створки ворот. Кикаха не захотел возвращаться в дом и расспрашивать повара, а разрезал замок лучом и одним толчком открыл ворота. Позади завывала сирена, и он увидел, как замигали огоньки на пульте в сторожевой будке. Кикаха знал, что, если сирена не отключится, соседи могут вызвать полицию. Он улыбнулся, представив себе, как разъярится Уртон. Но улыбка сошла с его лица. Вме-

* Ранее Кикаха порвал эту рубашку на куски и перевязал ею раны на ноге.

шательство полиции могло повредить не только власти-телю, но и ему самому.

Вновь спрятав лучемер за кустом, он отправился в южном направлении. Пройдя пять кварталов, Кикаха вышел на Сансет. Он медленно крался в тени деревьев, опасаясь, что его заметит какой-нибудь полицейский патруль. В этом богатом и респектабельном районе пешеходы вызвали подозрение и, как правило, останавливались полицией. Ночью это правило действовало без исключений.

Удача не оставила его, и он поймал такси. Водитель не хотел выезжать за пределы Беверли Хиллз, но Кикаха, не слушая возражений, забрался в машину.

— Это очень срочное дело, — сказал он. — У меня назначена встреча, которая может принести большие деньги.

Он нагнулся вперед и передал водителю двадцатидолларовую банкноту из бумажника ди Анжело.

— Она ваша, сверх тарифа и обычных чаевых. Скажите, а мы можем сделать небольшой крюк?

— Конечно можем, — тут же ответил водитель.

Он высадил своего пассажира за три квартала от вокзала. Кикаха не хотел, чтобы таксист знал слишком много, если его потом будет допрашивать полиция. Добравшись до станции, он подошел к дереву и достал из дупла комок жевательной резинки со спрятанным ключом.

Кикаха забрал футляр из камеры хранения и торопливо направился к выходу. Внезапно кто-то дернул его за штанину. Он обернулся и увидел четырехлетнюю девочку, которая, взглянув на него большими темно-синими глазами, звонко прокричала: «Привет!» Он погладил ее по головке и, услышав за спиной сердитый крик, вздрогнул. Разъяренная мать тащила дочку в сторону и громко читала ей нотации о том, как опасно заводить дружбу с незнакомыми дядями.

Кикаха горько усмехнулся и покачал головой. За долгие годы жизни в Многоярусном мире он привык, что к детям относились как к безмерно дорогим и любимым существам. Дело в том, что Вольф вводил в воды своего мира химические вещества, которые обеспечивали людям молодость на целое тысячелетие. Эти же химикалии умень-

шали рождаемость, поэтому детей в Многоярусном мире ценили как редкий дар богов и милость всемогущего Властителя. За все существование планеты там произошло лишь несколько случаев детоубийства. Избиение ребенка или отказ от материнства считались немыслимыми преступлениями. И хотя такое воспитание не мешало детям становиться жестокими и свирепыми воинами — почитавшими детей врагов за великую святыню, — оно не создавало психозов и неврозов, которым были так подвержены цивилизованные земляне. Конечно, большинство общин в мире Вольфа являлись однородными и технологически примитивными племенами, но зато их не захлестывали многослойные и перекрестные потоки стилей и культур, чем так отличались индустриальные общества Земли.

Кикаха покинул вокзал, прошагал несколько кварталов, а затем зашел в телефонную будку на углу большой станции обслуживания и набрал номер Уртоны. Трубку сняли после первого гудка. Отвечал какой-то незнакомый голос.

— Не могли бы вы позвать мистера Каллистера? — спросил Кикаха.

— Кто говорит? — ответил грубый голос.

— Обо мне вам может рассказать ди Анжело, — с усмешкой произнес Кикаха. — Если только вы нашли его уже в стенном шкафу.

В трубке раздалось удивленное восклицание, и голос произнес:

— Подождите минуту.

Через несколько секунд Кикаха услышал знакомый ритон:

— Каллистер слушает.

— Он же Уртона, и он же нынешний властитель Земли, — добавил Кикаха. — А я тут недавно заходил к тебе в гости.

— Но как ты вышел?..

Уртона замолчал, понимая, что он не услышит описания побега.

— Потому что я — Кикаха!

Он решил играть в открытую, зная, что Уртон уже получил из уст одурманенной Ананы не только его имя, но и полное описание примет.

— Я — землянин, свершающий дела, которые ты посчитал бы невыполнимыми для властителей миров. Я тот, кто прямо или косвенно убил всех Черных Звонарей и избавил вселенные от их угрозы. Мне удалось уйти из тюрьмы Рыжего Орка на другую Землю. Я прошел через его ловушки и вышел в твоём доме. Если бы в тот момент ты оказался дома, я бы пленил или убил тебя. Так что не заблуждайся на мой счет.

Однако я звоню не для того, чтобы угрожать и хвастаться. Мне нужны мои друзья, и я хочу вернуться с ними в мир Вольфа. Ты и Рыжий Орк можете воевать здесь до скончания времен — и пусть победит сильнейший. Но теперь, когда Звонарь мертв, у меня нет причин задерживаться на Земле. И тебе незачем держать моих друзей в плену.

Наступило долгое молчание, а потом Уртон сказал:

— Как мне убедиться, что Звонарь действительно мертв? Кикаха вкратце описал ему происшедшее, хотя и умолчал о некоторых деталях, которых, по его мнению, Уртоне знать не следовало.

— Теперь ты знаешь, как проверить мою историю, — сказал он. — Тебе не повторить мой путь, поскольку мы оба не знаем, где находится дом Рыжего Орка. Но все врата там были двусторонними, и ты можешь пройти по ним в обратную сторону, начиная с темницы своего дома.

Он мог представить, какой восторг и ужас чувствовал сейчас Уртон. Кикаха проложил ему тропу прямо в обитель Орка. Однако и тот мог пройти по этой же дорожке.

— Ты ошибаешься, землянин, — ответил Уртон. — Я знаю, где живет Рыжий Орк. Вернее, где он жил до недавнего времени. Один из моих людей видел его на улице за пару часов до твоего появления в камере. Сначала он подумал, что это я, и решил не вмешиваться в чужие дела. Но, вернувшись сюда и увидев меня, он понял, что я не мог прийти домой так быстро.

И тогда мне стало ясно, какая удача выпала на мою долю. Я поднял на ноги всех своих людей. Мы окружи-

ли дом и ворвались в логово Орка. Нам удалось убить четверых его слуг, но сам он скрылся, бежав на вторую Землю. Покидая дом, Рыжий Орк уничтожил все ворота своего убежища. И поэтому мы не могли последовать за ним.

— А я-то надеялся, что его уничтожил Звонарь,— произнес Кикаха.— Один из тех сгоревших трупов мог оказаться Орком. Но он, значит, остался жив. Ладно...

— Я устал играть в эти игры,— прервал его Уртона.— Мне тоже хотелось бы увидеть брата среди тех обуглившихся трупов. И я снова предлагаю тебе сделку. Если ты приведешь ко мне Рыжего Орка или доставишь его труп в узнаваемом состоянии, я отпущу твоих друзей и помогу вам вернуться в ваш Многоярусный мир. Но прежде мне придется удостовериться, что твоя история о Звонаре правдива.

— Ты знаешь, как это сделать,— сказал Кикаха.— Дай мне поговорить с Ананой и Вольфом. Я хочу убедиться, что они живы.

— В данный момент ваш разговор невозможен,— ответил Уртона.— Дай мне десять минут, и я приведу их сюда. Ты перезвонишь?

— Конечно.

Кикаха повесил трубку и поспешил уйти от этой будки. У земных властителей имелись приборы, определявшие район, из которого звонили. А Кикаха больше не собирался играть в поддавки.

Поймав такси, он доехал до «смоляной ямы» Ла Бри и прошел по бульвару Уилшир до первого телефонного автомата. Прошло около пятнадцати минут. На этот раз трубку снял ди Анжело. Узнав голос Кикахи, он попросил его подождать и переключил линию на кабинет хозяина. Через несколько секунд заговорил Уртона:

— Сначала пообщайся с моей племянницей. Эта любительница лебляббиев прямо сгорает от нетерпения.

Услышав голос Ананы, Кикаха вздрогнул.

— Милый! Как ты там? С тобой все в порядке?

— Пока да! — ответил Кикаха.— Звонарь мертв! Я сам его убил. Рыжий Орк в бегах. Так что держись! Мы еще вернемся в хороший мир! Я люблю тебя, Анана!

— Я тоже люблю тебя! — воскликнула она.

В разговор вмешался Уртона.

— А уж как я тебя люблю, лебляббий, даже и словами не передать,— сказал он с сарказмом.— Кажется, ты хотел поговорить еще и с Вольфом?

— Если ты собираешься убеждать меня, что ему сейчас некогда со мной разговаривать, я тебе не поверю,— ответил Кикаха.

В трубке зазвучал низкий и мелодичный голос Вольфа:

— Кикаха! Мой старый друг! Я знал, что рано или поздно ты придешь!

— Привет, Роберт. Рад снова услышать твой голос! Надеюсь, с тобой и Хрисеидой все в порядке?

— Да, мы живы и здоровы. На какую сделку тебя подбивает Уртона?

— Хорошего понемногу,— оборвал их властитель.— Надеюсь, ты доволен, землянин?

— Я удостоверился, что на данный момент они живы,— ответил Кикаха.— И лучше им оставаться такими, когда мы приступим к взаимным расчетам.

— Не надо мне угрожать! — закричал Уртона. Но тут же взял себя в руки и мирно добавил: — Все будет хорошо. Сейчас мы должны помогать друг другу. Возможно, тебе нужна какая-то помощь?

— Дай мне адрес дома, в котором жил Рыжий Орк.

— Зачем он тебе понадобился? — с удивлением спросил Уртона.

— На это есть свои причины,— ответил Кикаха. Уртона продиктовал адрес Орка. Он тянул каждое слово, как кот за хвост, пытаясь разгадать намерения своего собеседника.

— Пока это все, что мне нужно,— сказал Кикаха.— До встречи.

Через минуту он уже сидел в такси, направлявшемся к дому Уртоны. Не доезжая двух кварталов, Кикаха расплатился с водителем и прошел остальную часть пути пешком. Подъездные ворота закрывались теперь на цепь. Свет в сторожевой будке помог ему разглядеть внутри троих мужчин. Освещенные окна особняка пятнали лужайку жел-

тыми прямоутольниками. И казалось, что попасть на участок абсолютно невозможно.

Кикаха мог подпрыгнуть, ухватиться за верх стены, а затем перелезть через ограду. Однако он не сомневался, что по периметру стены проложена тревожная сигнализация. А впрочем, какая разница — есть там сигнализация или нет? На этот раз он не собирался пробираться в дом. Ему требовалось лишь забрать лучемет и уйти. К тому времени, когда появятся люди Уртоны, он успеет перелезть через стену обратно.

Но сначала он хотел припрятать футляр. Карабкаться с ним по стене было бы неудобно, а скорее всего и невозможно. Он мог оставить его на дорожке, но не решился пойти на такой риск. Осмотрев газон между тротуаром и улицей, Кикаха заметил разлапистый куст. Сунув футляр в гущу ветвей, он подошел к тому месту, где за стеной находился лучемет. Мимо проехала машина, и Кикаха, пригнувшись, подождал, пока она не скрылась из виду. Потом разбежался, прыгнул вверх и, зацепившись за край стены, без труда забрался на ограду.

Ширина стены не превышала полутора футов. Наверху тянулся двойной ряд металлических шипов около шести дюймов в высоту. Между ними поблескивала тонкая проволока емкостного датчика сигнализации. Он осторожно переступил через нее и спрыгнул на мягкую почву. Несколько секунд Кикаха лежал на земле, наблюдая за сторожевой будкой и особняком. Судя по всему, его визит остался незамеченным.

Подбежав к кусту, Кикаха поднял лучемет. Перелезть через стену с оружием оказалось не так уж просто, но он сделал это, не вызвав внимания охранников.

Забрав лучемет и футляр, Кикаха снова вернулся на Сансет. Он подождал на углу около десяти минут и в конце концов поймал такси. Чтобы не испугать водителя, садясь в машину, он прикрыл оружие футляром. Толстое дуло и широкий раструб напоминали больше насадку к пылесосу, однако приклад и курок делали лучемет похожим на огнестрельное оружие.

Дом Рыжего Орка располагался в богатом районе Пасифик Пэлисейд. Огромный особняк окружала высокая

кирпичная стена, но въездные ворота были распахнуты настежь. Кикаха проскользнул в них и прокрался к дому, который черной массой возвышался перед ним. Уртона и словом не обмолвился о засаде, однако разум подсказывал, что здесь остались его люди. Вряд ли властитель пренебрег такой возможностью. К тому же Орк действительно мог вернуться сюда в любую минуту.

Передняя и задняя двери оказались запертыми. Свет не горел ни в одном окне, и все же Кикаха чувствовал присутствие людей. Когда ему надоело ползать вокруг и прислушиваться, он прожег в замке задней двери аккуратную дыру и осторожно пробрался в дом. Чуть позже сбоку, из гостиной, послышался слабый шум. Его производили трое мужчин, ожидавших в темноте появления Орка. На самом деле они, вероятно, не верили в возвращение хозяина особняка: один из них громко храпел, двое других о чем-то шептались.

Кикаха поднялся по широкой лестнице на второй этаж. Ему оставалось только поблагодарить судьбу за то, что ступени оказались мраморными — дерево выдало бы его предательским скрипом. Отыскав спальню, он прикрыл за собой дверь и включил лампу. Заметив телефон, он набрал один из номеров этого дома.

Кикаха не зря считался прекрасным подражателем. Когда трубку сняли, он заговорил, имитируя голос Рамоса:

— Эй, парни, вас вызывает босс. Ноги в руки и сюда — понятно? Кое-что назревает, но я не могу говорить об этом по телефону!

Он подождал, пока мужчина не повесил трубку, и только потом сделал то же самое. Подойдя к окну, Кикаха увидел, как все трое пробежали по аллее и выскочили в ворота. Вскоре за полквартила от дома вспыхнули фары припаркованного автомобиля. Машина умчалась, и Кикаха остался один. В его распоряжении имелось не больше тридцати пяти минут. Именно столько потребовалось бы громилам, чтобы добраться до Уртоны и, узнав, что их надули, вернуться назад с подкреплением.

Однако Кикахе хватило нескольких минут. Он сбегал вниз по лестнице и включил свет на кухне. Найдя фонарик и выключив свет, Кикаха направился в простор-

ную переднюю. Дверь под лестницей оказалась открытой. Он прошел в пустой короткий коридор, а затем, открыв металлическую дверь, осветил лучом фонарика небольшую комнату. Она выглядела в точности как та камера, где держал его Рыжий Орк, но отличалась цветом стен и неповрежденными дверьми. А главное, эта комната находилась здесь — на первой Земле. Врата, вмонтированные в косяк двери, не действовали.

Кикаха открыл футляр и вытащил рог. В луче фонаря прекрасный инструмент поблескивал серебром. Если бы не широкий раструб, он напоминал бы рог африканского буйвола. На тонком конце располагался мундштук из мягкого золотистого материала, а вдоль оси шел ряд из семи небольших кнопок. Внутри раструба находилась серебристая паутинка из какого-то прочного материала. Внутри, почти в средней части, красовался иероглиф, который соответствовал инициалам Шамбаримена — создателя рога.

Кикаха поднес инструмент к губам и тихо протрубил, едва касаясь пальцами маленьких кнопок. Он направлял раструб на стены и, заканчивая мелодичный звукоряд, передвигал рог влево — на двадцать футов от предыдущего места. Кикаха ожидал найти в этой комнате несколько дезактивированных врат. Они могли быть настроены на резонансную точку, которая объединяла стены двух вселенных. При наличии подобного канала частоты звукоряда открывали врата наподобие отмычки. Однако таким свойством обладал лишь рог Шамбаримена — творение величайшего ученого из расы властителей.

Рог звучал тихо и нежно. Золотистые звуки, которые изливались из него, казались настолько магическими, что действительно могли бы увести в волшебную страну. На северной и восточной стенах ничего не появилось. Кикаха перестал трубить и прислушался. Его тревожили открытые подъездные ворота. Они могли вызвать нездоровый интерес у полицейских. Однако особняк заполняла густая тишина. Он вновь приложил мундштук к губам и заиграл мелодию, которая должна была раскрыть проход между мирами.

Внезапно на стене засветилось белое пятно. Оно разбухло и увеличилось до границ круга, который обозначал размер данных врат. Белое сияние немного померкло и перешло в более мягкое освещение. Заглянув в отверстие, Кикаха увидел куполообразную комнату без окон и дверей. На фоне алых стен в нескольких футах над полом парила кровать. Она располагалась в центре, а сбоку, у стены, находилась прозрачная душевая кабинка, в которой виднелись раковина, кран и унитаз.

Проход начал быстро сокращаться. Края отверстия сомкнулись друг с другом, и через тридцать секунд стена вновь обрела свой прежний вид.

Кикаха еще раз передвинул раструб рога, и возникло новое пятно. Когда белое сияние угасло, он увидел яркую зелень вересковой равнины. На горизонте, который находился вдвое дальше, чем на Земле, поднималась гряда заостренных зеленоватых гор. И над всем этим миром сияло зеленое солнце. Чуть правее, на мшистой лужайке паслись какие-то животные, напоминавшие газелей. Их рога походили на арфы.

Третье отверстие вело в коридор, в конце которого виднелась закрытая дверь. За ней мог начинаться путь к его друзьям, и Кикахе не оставалось ничего другого, как только проверить открывшийся проход. Он прыгнул через врата, прошел по коридору и осторожно толкнул дверь рукой. На этот раз обошлось без взрывов. Каменный пол большой комнаты украшала цветная мозаика, посреди располагался наполненный до краев бассейн, а вдоль стен стояла мебель прекрасных и грациозных конструкций. Свет изливался отовсюду и, как всегда, не имел видимых источников.

В кресле сидела Анана и читала книгу. Розовые прожилки на твердом белом переплете создавали впечатление, что она держала в руках мраморный том. Анана выглядела сытой и ухоженной. Чтение так увлекло ее, что она не заметила, как открылась дверь.

Кикаху так и подмывало броситься к ней и сжать ее в объятиях. Но он слишком долго жил в мирах, где в капканы подкладывали соблазнительную приманку. И поэто-

му, сдержав порыв, Кикаха с минуту осматривал комнату и фигуру Ананы. Он чувствовал опасность, и, возможно, где-то здесь его поджидала замаскированная ловушка. А в десяти шагах сидела женщина, ради которой он был готов на все.

Кикаха тихо окликнул Анану. Она вздрогнула и повернула голову. Книга выпала из ее рук. Анана вскочила с кресла и побежала к нему, протягивая руки. Слезы блеснули в ее глазах и потекли по щекам. Из груди вырвался стон облегчения и радости.

Желание броситься к ней навстречу стало почти неодолимым. На глаза навернулись слезы. К горлу подступили рыдания. И все же Кикаха не мог избавиться от своей подозрительности. Чутье подсказывало ему, что входить в эту комнату смертельно опасно. Ловушки Орка многому научили Кикаху. И только везение спасало его пока от прессов и огня всех этих смертельных устройств.

— Кикаха, милый! — вскричала Анана.

Она выбежала к нему в коридор и упала в его объятия. Мельком взглянув на закрывавшуюся дверь, он прижал Анану к себе и склонил голову для поцелуя.

Губы и нос словно обожгло. Кикаху как будто облили горящим бензином. Кожа на ладони почернела, словно он коснулся серной кислоты, а не обнаженной спины Ананы. Кикаха закричал, отпрыгнул в сторону и покатился по полу, не зная, куда деваться от страшной боли. Почти теряя сознание от полученных ожогов, он нащупал распухшей рукой приклад упавшего лучемета.

Анана медленно приближалась к нему. Ее лицо оплывало, как нагретый воск. Глаза съезжали вниз. Рот превратился в рваную дыру. Губы лопнули, покрылись трещинами и комками потекли на подбородок. Она слепо шарила руками в воздухе, пытаясь найти и схватить его, но пальцы сочились кислотой и теряли форму. Они стали удлиняться, а затем один из мизинцев вытянулся, как ириска, изогнулся и прилип к ее колену. Стройные ноги вскипали буграми, и оттуда, разрывая кожу, извергался какой-то газ. Ступни прилипали к полу, оставляя на каменных плитах горящие клочья, от которых поднимались струйки зеленоватого дыма.

Ужас и отвращение помогли Кикахе преодолеть боль. Он без колебаний поднял лучемер и переключил его на полную мощность. Луч рассек существо надвое, а затем еще пополам. Каждый кусок продолжал корчиться и извиваться на полу. Кровь хлестала струями из туловища и ног, превращаясь в воздухе в коричневую жидкость, которая проедала панели стен. Комнату заполнил запах тухлых яиц и горящих собачьих экскрементов.

Кикаха уменьшил мощность луча, превратив оружие в своеобразный огнемет. Он наводил раструб на рассеченные части, и те горели в зеленоватом дыму. О человеке здесь напоминал только запах паленых волос. От остального несло калом и серой. Когда огонь догорел, от существа осталось лишь несколько хрящеватых нитей. Костей у псевдо-Ананы просто не оказалось.

Кикахе не хотелось входить в комнату с бассейном, но боль в лице и руках становилась просто невыносимой. Он надеялся, что властитель переоценил объятия монстра, посчитав их смертельными. И вряд ли после такого шедевра Уртон или Орк стали бы размениваться на ловушки в дверном косяке. Кикаха вспомнил, какой прохладной на вид была вода в той комнате, и ему еще больше захотелось добраться до нее. Конечно, он мог бы протрубить в рог и вернуться в дом Орка, но для этого потребовалось бы воспроизвести мелодию из семи звуков. Кикаха вздрогнул, представив, как его распухшие губы касаются мундштука. Кроме того, в дом Орка могли вернуться враги, а в таком состоянии он не одолел бы и ребенка.

Подбежав к бассейну, Кикаха опустил в воду руку и лицо. Прохлада помогла, но боль все равно была сильной. Обтерев лицо здоровой рукой, он вздохнул и попытался встать. Его качнуло в сторону, и Кикаха почувствовал приступ тошноты. В голове мутилось, как после доброй пьянки. Весь мир казался далеким и ненастоящим. Шок оттолкнул его на пару шагов от реальности.

Он поднял рог и с трудом просунул мундштук между распухшими губами. Ладонь обожженной руки покрылась волдырями. Пузыри стали такими большими, что пальцы почти не сгибались. Ценой невероятных мук он нажал

на несколько кнопок и протрубил заветную мелодию. Стена перед ним раскрылась. Сунув рог в футляр, Кикаха пропихнул его ногой в отверстие и, приготовив лучемер, проскочил в створ врат. На его счастье, в особняке Орка по-прежнему никого не было.

После непродолжительных поисков он нашел ванную комнату. Медицинский шкафчик над раковиной вмещал в себя множество пузырьков и пластиковых упаковок. На некоторых из них виднелись иероглифы властителей. Вскрыв тубик с зеленоватой мазью, он понюхал содержимое и намазал исцеляющим бальзамом покрытые волдырями губы, распухший нос и ладонь обожженной руки. Боль начала растворяться в нежной прохладе, а опухоль опадала на глазах. Взглянув на свое отражение в зеркале, Кикаха покачал головой и выжал на язык несколько капель из маленького пузырька. Минуту спустя дрожь утихла, мысли пришли в порядок, а чувство тошноты отступило. Закрыв тубик и флакон, он рассовал их в задние карманы брюк.

Эксперименты с вратами и встреча с псевдо-Ананой исчерпали почти весь запас времени. Выбежав из ванной комнаты, Кикаха направил раструб на стену коридора и протрубил мелодию. Эта часть дома оказалась довольно пустой, и следующее пятно появилось только при пятой попытке. Однако ни оно, ни последующие пятна не содержали того, что он искал.

В спальне врата нашлись с первого раза. Стоило Кикахе направить раструб на стену, как она раскрылась, словно акулья пасть. За вратами по низким песчаным холмам тянулись ряды высоких белых треугольников. Между «акульими зубами» покачивались заросли пурпурных лиан, которые на фоне бледно-лилового неба казались огромной паутиной.

Вторые врата вновь вели в короткий коридор, в конце которого виднелась закрытая дверь. И снова ему ничего не оставалось, как только войти и проверить это место. Он тихо открыл дверь и осторожно осмотрел комнату. Та ничем не отличалась от помещения с бассейном, где он увидел ужасного монстра. И похоже, кошмар начинался заново. В кресле, почти у самой воды, сидела Анана.

На этот раз она не читала книгу. Склонившись вперед и положив локти на колени, Анана уткнулась подбородком в ладони. Мрачный и неподвижный взгляд не предвещал ничего хорошего.

Он тихо окликнул ее, и она вздрогнула — совсем как та первая лже-Анана. Потом она вскочила, бросилась к Кикахе, и слезы блестели в ее глазах, стекая по щекам и падая на грудь. Рот приоткрылся в прелестной улыбке. Руки снова тянулись к Кикахе, предлагая ему плен своих объятий. Когда Анана выбежала из комнаты, он отпрянул назад и сурово приказал ей остановиться. Увидев нацеленный на нее лучемер, она испуганно подчинилась. На милом лице появилось выражение удивления и обиды. А потом Анана заметила его распухшие губы и обожженный нос. Ее глаза расширились, и в них опять заблестели слезы.

— Анана,— обратился он к ней,— какую колыбельную пела тебе мать десять тысяч лет назад?

Если это была очередная копия или искусственное существо, она могла иметь запись той информации, которую выведаль у Ананы Рыжий Орк*. Но каким бы обширным ни оказался этот запас отрывочных сведений, его все равно не хватило бы для того, чтобы обмануть любовника Ананы. Всегда нашлись бы вещи, о которых Орк просто не догадался бы спросить. А кто станет интересоваться колыбельной? Анана однажды пела ее Кикахе, когда они скрывались от Звонарей в прериях Многоярусного мира.

По-видимому, его вопрос озадачил Анану. Но потом, сообразив, что он вынужден подвергнуть ее проверке, Анана с улыбкой пропела прекрасную детскую песенку, которой научилась от матери в далекие дни ее детства — те дни, когда она еще не знала, насколько уродлива и зла жизнь взрослых властителей.

Но даже после этого он чувствовал некоторую напряженность, когда Анана целовала его. Дав ему убедиться,

* Еще один промах Фармера. Анана находилась в плену у Уртоны. Кикаха разговаривал с ней по телефону примерно за час до этого момента. И вдруг оказывается, что ее допрашивал Рыжий Орк. Странно и то, что она находилась в его доме. Все это вносит путаницу в историю с рогом. Скорее всего, Фармер в данном эпизоде перепутал имена властителей.

что она состоит из плоти и крови, Анана шепотом напомнила ему о некоторых интимных подробностях, о которых Рыжий Орк и недавно не стал бы спрашивать. Кикаха улыбнулся и оттаял. Они оба немного всплакнули, но он остановился первым.

— Поплачем позже, милая. Ты знаешь, где сейчас Вольф и Хрисеида?

Она покачала головой. Кикаха этого и ожидал.

— Тогда нам придется открывать каждые ворота в этом доме. А знала бы ты, какой он большой...

Кикаха рассказал ей, что с минуты на минуту сюда придут люди Уртоны.

— Пока я буду трубить в рог, ты ищи оружие.

Минут через десять Анана вернулась и показала предмет, похожий на авторучку. К сожалению, этот лучемер оказался неисправным. Кикаха сообщил, что обнаружил в ее отсутствие еще пару врат, однако они его не удовлетворили. Кикаха и Анана быстро прошли по всем комнатам второго этажа. Он без перерыва трубил в рог, однако стены оставались пустыми.

На первом этаже нашли еще несколько врат, но те не имели к Вольфу и Хрисеиде никакого отношения. Кикаха подсчитал, что прошло уже около сорока минут с тех пор, как трое громил покинули дом. И люди Уртоны вот-вот должны были вернуться.

— Давай-ка вернемся в комнату под лестницей, — сказал он. — Возможно, повторная активация заставит врата открыться в другие миры.

Иногда врата настраивали так, что они, слегка изменяя свои резонансные частоты, действовали как двери-вертушки. При первой активации они выводили в одну вселенную, а при следующей — в другую. Некоторые из них обеспечивали переходы в дюжину и более миров.

Врата, которые они проверили наверху, могли оказаться такими же, и следовало бы еще раз пройти по ним, проверяя их на многократное действие. Однако в данный момент со вторым этажом решено было повременить. Кикаха оставил этот вариант на тот случай, если врата под лестницей не порадуют их приятным сюрпризом.

Нацелив на дверь широкий раструб рога, он еще раз протрубил мелодию, потрясавшую стены между мирами. Маленький коридор под лестницей превратился в зал с голубыми стенами и прекрасными люстрами. Они были вырезаны из цельных кусков драгоценных камней: алмазов размером с голову гиппопотама, огромных изумрудов и гранатов. Под стать им оказалась и мебель, сложенная из рубинов и нефрита. Между камнями проглядывал золотистый раствор.

Однако Кикаха видел залы и побогаче. Его внимание привлекла арочная дверь в дальнем конце помещения. Из нее медленно выдвигался темно-красный цилиндрический предмет, паривший в футе над полом. Через несколько секунд из-за предмета показалась голова с рыжими волосами. Человек толкал предмет перед собой.

Эта фигура и волосы могли принадлежать только Рыжему Орку. Лишь он один мог толкать к воротам предмет, который, вне всяких сомнений, означал гибель для захватчиков дома и разрушение всех проходов, ведущих на вторую Землю.

Кикаха поднял лучемет, но, подумав, опустил ствол к земле. Прикосновение луча к цилиндру с мощной взрывчаткой могло привести к печальным последствиям. Он тихо и быстро закрыл дверь. Анана с удивлением взглянула на него. Очевидно, она не видела приближавшегося властителя.

Кикаха склонился к ней и шепнул:

— Беги к передней двери! Как можно быстрее и как можно дальше!

— Но с какой стати? — возразила она.

— Быстрее! — Он передал ей рог и футляр. — Не спорь со мной! Если он...

Дверь начала открываться. Из-за нее появился тонкий изогнутый предмет. Кикаха навел лучемет и срезал его наполовину. С другой стороны раздался гневный крик, но Кикаха толкнул дверь ногой, и она захлопнулась.

— Бежим! — крикнул он и потащил Анану за руку.

Выбежав из прихожей, Кикаха оглянулся. Раздался треск, а затем дверь под лестницей и часть стены вокруг

нее разлетелись на куски. В комнату наполовину выдвинулся цилиндр и остановился.

Кикахе этого было достаточно. Волоча Анану за собой, он выскочил на крыльцо и сбегал по ступеням. Через полминуты они свернули за угол кирпичной стены и помчались в тени деревьев по тротуару. Кикаха в любую секунду ожидал взрыва, однако Рыжий Орк почему-то медлил.

В этот момент на перекрестке из-за поворота вылетела машина. Сделав крутой вираж, она проехала по середине улицы, с визгом въехала в ворота и понеслась по аллее к дому, из которого только что выбежали Кикаха и Анана. Кикаха заметил внутри салона силуэты шести голов. Возможно, там сидел и сам Уртона.

Они добежали до перекрестка и свернули за угол. Кикаха по-прежнему ожидал взрыва. Анана что-то кричала, но он продолжал тянуть ее за собой. В конце квартала им пришлось перейти улицу, и почти у самого тротуара их осветила фарами черно-белая патрульная машина. Она проезжала на сравнительно небольшой скорости, поэтому сидевшие в ней полицейские успели разглядеть беглецов. Любой, кто бродил в этом районе после наступления темноты, автоматически попадал под подозрение полиции. Тех же, кто убегал или пытался скрыться, без всяких слов увозили в участок для допроса. Двое беглецов несли большой футляр и что-то напоминавшее дробовик, поэтому у полицейских имелись все основания для ареста. И они пустились в погоню за подозрительной парой.

Кикаха выругался и помчался к ближайшему дому. Там горел свет и была приоткрыта дверь. За спинами беглецов раздался визг тормозов. Один из полицейских выскочил из машины и громким голосом приказал им остановиться. Но они продолжали бежать. Взлетев на крыльцо, Кикаха толкнул решетчатую дверь. Он собирался уйти через задний двор, надеясь, что полицейские не будут открывать стрельбу в жилом доме.

Решетчатая дверь в прихожей оказалась закрытой. Кикаха с проклятием дернул ручку на себя и, вырвав ее вместе с замком, вбежал в вестибюль. Анана следовала за ним. Они ворвались в просторную гостиную, освещенную де-

сятком ламп большой хрустальной люстры. В дальнем конце комнаты виднелась широкая винтовая лестница, которая вела на второй этаж. В зале стояли и сидели около дюжины мужчин и женщин, одетых в вечерние костюмы и платья. Женщины завизжали, мужчины закричали. Двое незваных гостей беспрепятственно пробежали между ними, и к шуму, поднятому участниками вечеринки, добавились окрики полицейских.

И тут раздался мощный взрыв. Он разметал голоса людей и с грохотом разбитых стекол встряхнул здание с такой силой, будто на дом обрушился девятый вал гигантской приливной волны. Всех швырнуло на пол.

Однако Кикаха этого ожидал, да и Анана, глядя на него, предполагала нечто подобное. Пока остальные приходили в себя, они выскочили через заднюю дверь. Кикаха изменил свой план и, выломав небольшую калитку, побежал вдоль стены обратно на улицу. Под ногами трещало битое стекло, вылетевшее при взрыве из окон дома. Тут же на дорожке валялись разбитые цветочные горшки, а тротуар оказался засыпанным сломанными ветками и вырванными с корнем кустами.

Патрульная машина, с работавшим двигателем и зажженными фарами, по-прежнему стояла у обочины. Бросив футляр на заднее сиденье, Анана вошла в автомобиль. Кикаха сел за руль и положил лучемет на пол рядом с собой. Они пристегнули ремни. Машина развернулась и помчалась в направлении Беверли Хиллз. Проехав четыре квартала, Кикаха нашел переключатель, который отключал сирену и мигалку.

— Мы поедem к дому Уртоны! — прокричал Кикаха. — Где-нибудь за пару кварталов бросим машину, а дальше пойдем пешком. Если Уртона был среди тех, кто подорвался на mine, Рыжий Орк предпримет захват его дома...

Анана покачала головой и указала на свои уши. Она по-прежнему ничего не слышала. И немудрено. Он сам едва различал сирену, когда она оглашала округу тревожным воем.

Через несколько минут, проскочив перекресток на красный свет, они повстречали патрульную машину, которая мчалась, мигая огнями, в другом направлении. Ана-

на пригнулась, чтобы ее не заметили, однако патрульные, видимо, уже получили сообщение об угоне этого автомобиля. Визгнув тормозами, машина замедлила ход и начала разворачиваться на широком перекрестке. Спортивный «мустанг», шедший на полной скорости по встречной полосе, попытался избежать столкновения и резко свернул в сторону, но это ему не помогло. Протаранив заднюю часть патрульной машины, он перескочил бордюр и вылетел на тротуар.

Взглянув в зеркало, Кикаха покачал головой и увеличил скорость. Через несколько минут он выехал под запрещающий знак к широкому перекрестку и, не обращая внимания на красный свет, промчался под самым носом у большого «кадиллака». Пожилой водитель едва успел нажать на тормоза. Его бросило на руль, и машина остановилась посреди перекрестка. Но едва он опомнился и двинулся вперед, как мимо него проскочила полицейская машина. Старик снова нажал на тормоза и грохнул кулаком по рулевому колесу.

— Ты меня уже слышишь? — крикнул Кикаха.

— Да! — ответила Анана. — Поэтому говори нормально.

— Мы въезжаем в Беверли Хиллз! Проедем на этой машине, сколько сможем, а потом бросим ее и попробуем оторваться от полиции на своих двоих. Возможно, придется выпрыгивать на ходу.

За ними увязалась вторая патрульная машина. Игнорируя запрещающий знак, она высочила из боковой улочки, и еще один водитель, отворачивая в сторону, врезался в ограждение тротуара. Полицейские надеялись обогнать угнанный автомобиль и преградить ему дорогу, но им не хватило скорости. Кикаха взглянул на стрелку спидометра. Она дошла до отметки восьмидесяти миль в час, а это было многовато для улицы с многочисленными перекрестками.

Впереди сверкала деловая часть Беверли Хиллз. Светофор на перекрестке замигал желтым светом. Кикаха нажал на клаксон, обошел спортивный автомобиль и слегка притормозил. Внезапно машина попала в яму, и ее подбросило в воздух. Он нажал на тормоза, снижая скорость до шестидесяти миль в час, но и тогда машина едва

не встала на два колеса. Какой-то миг Кикахе даже казалось, что они перевернутся.

Впереди появилась патрульная машина. Проехав полквартала, она развернулась боком и преградила им дорогу. Однако спереди и позади автомобиля оставались небольшие промежутки. Кикаха выбрал задний.

Из машины выскочили двое полицейских. Один стоял за багажником и целился из винтовки, второй пригнулся в проходе между передним бампером и припаркованными машинами. Кикаха велел Анане пригнуться и, нажав на педаль газа, помчался к узкой щели. Раздался треск, автомобиль снес задний бампер патрульной машины и смял бок припаркованного микроавтобуса. Капот выгнуло треугольником, что-то со звоном отлетело, однако беглецам удалось проскочить. Секундой позже прозвучал выстрел, и заднее стекло разлетелось вдребезги.

В тот же миг из-за поворота выехала еще одна полицейская машина. Она шла на таран, целясь в левое переднее крыло. Кикаха нажал на тормоза, и, если бы не ремни безопасности, его и Анану бросило бы на ветровое стекло. Машина вильнула и врезалась под тупым углом в передок патрульного автомобиля.

Обе машины вышли из строя. Оглушенные Кикаха и Анана продолжали действовать рефлекторно. Они выбрались из машины и, пошатываясь, перебежали на тротуар. Кикаха сжимал в руках лучемет. Анана несла футляр. Услышав позади крики полицейских, они свернули на узкую аллею, усаженную деревьями и кустами. Небольшой сквер позади двух высотных зданий вывел их на следующую улицу. Выбрав северное направление, Кикаха увидел еще один проход между зданиями и увлек Анану туда. На высоте восьми футов над аллеей нависал бетонный козырек. Кикаха забросил на него лучемет и футляр, затем повернулся и сцепил руки в замок. Когда Анана поставила ногу на его руки, он поднял ее и подтолкнул вверх. Она без труда забралась на козырек. Кикаха подпрыгнул, подтянулся и оказался рядом с ней. Они распластались на пыльном бетоне, и в это время слышались торопливые шаги.

Несколько человек, задыхаясь, пробежали по аллее. Кикаха осторожно выглянул из-за края козырька и на

фоне освещенной улицы увидел темные фигуры трех полицейских. Озадаченные исчезновением беглецов, они о чем-то поговорили друг с другом, и один из них стал возвращаться. Кикаха быстро пригнул голову, но все же заметил, как двое других свернули за угол здания.

Внезапно его осенила идея. Выждав момент, он поднялся и прыгнул на полицейского. Сбив мужчину с ног, Кикаха оглушил его кулаком, а затем, на всякий случай, нанес мощный боковой удар в челюсть. Вытащив из кобуры офицера табельное оружие, он разрядил обойму, надел на себя форменную фуражку и принял из рук Ананы футляр и лучемер.

Спрыгнув в его объятия, она спросила:

— Зачем ты это сделал?

— Он мог отрезать нам путь к отступлению. Кроме того, на улице осталась неповрежденная машина, и мы должны ею завладеть.

Четвертый полицейский, сидевший в автомобиле, что-то говорил в микрофон. Он не видел Кикаху, пока тот не оказался на расстоянии сорока шагов. Выронив микрофон, офицер схватил с сиденья винтовку, но луч, установленный на «оглушающую» мощность, попал ему в плечо и наполовину выбросил из машины. Выпустив из рук оружие, страж порядка ударился головой об асфальт. Перетаскивая его на тротуар, Кикаха заметил на рукаве полицейского кровавое пятно. Мощный лучемер, даже будучи установленным на «оглушение», мог сломать кость, поранить кожу и нанести удар, от которого лопались кровеносные сосуды.

Анана села в машину, и они помчались в северном направлении. По встречной полосе к ним приближались два патрульных автомобиля. К счастью, полосы на этом участке дороги отделялись друг от друга бетонным ограждением. Проскочив на красный свет очередной перекресток, Кикаха взглянул в зеркало заднего вида и увидел, что полицейские машины преследуют его.

Движение впереди стало таким плотным, что прорваться сквозь поток машин уже не представлялось возможным. Кикаха решил свернуть в какой-нибудь переулок. Заметив боковой съезд с трассы, он выехал на узкую дорожку и

помчался вдоль высокой кирпичной стены бакалейного склада.

В конце переулка Кикаха резко затормозил. Автомобиль занесло и протерло боком по кирпичной стене. Ана-на быстро перебралась на заднее сиденье и прижалась к левой дверце.

Полицейские машины отставали, но упорно продолжали преследование. Выждав момент, когда они обе свернули в переулок, Кикаха выстрелил по шинам первого автомобиля. Передок машины заскрежетал по асфальту, взвизгнули тормоза, и задняя часть запрыгала, как телега на ухабах. Двери открылись и захлопали, словно крылья взлетающей птицы.

Кикаха выбрался из автомобиля и побежал к торговому центру. Ана-на не отставала от него ни на шаг. Они пересекли стоянку у бакалейного магазина, спрыгнули на пандус подъездного пути и деловым шагом вышли на улицу.

На светофоре у перекрестка вспыхнул красный свет. Машины остановились. Кикаха подбежал к спортивному автомобилю, за рулем которого сидел щуплый юноша с длинными черными волосами. Парень откинулся на спинку сиденья, поправил круглые очки и, пригладив щеточки черных усов под ястребиным носом, постукивал кончиками пальцев по приборной панели, отбивая такт под хриплую какофонию из приемника. Музыка походила на вопли Сциллы и грохот Харибды, помноженные друг на друга и возведенные в квадрат. Он вздрогнул, когда рука Кикахи, подобно молнии, скользнула вниз из-за его плеча. Не успел юноша крикнуть, как ремень безопасности слетел с его груди, дверь открылась — и он засучил ногами, вырываясь из объятий рослого бродяги. Чуть позже его швырнули на тротуар, как мешок с тряпьем. Пару секунд он приходил в себя. Еще через секунду он вскочил на ноги и разразился яростными криками. Но Ана-на и Кикаха уже сидели в машине. Включился зеленый свет, и они помчались навстречу новым приключениям.

— А ведь мы, похоже, удрали, — сказала Ана-на, оглядываясь.

— Нас никто не преследует?

— Пока нет.

— Вот и хорошо. Нам осталось проехать две мили.

Им действительно удалось оторваться от погони, и вскоре Кикаха припарковал машину за полтора квартала от дома Уртоны.

— Сейчас я опишу тебе расположение комнат в доме, потому что блуждать там будет некогда. Мне кажется, мы еще захватим развязку драмы и, возможно, даже встретим Рыжего Орка. Он специально тянул со взрывом, ожидая появления Уртоны. И когда Орк удостоверился в смерти брата, он помчался сюда, спеша захватить контроль над планетарными механизмами. Однако Уртона хитер как лиса. Он мог почуять западню. Будь я на его месте, меня бы и силой не затащили в такое опасное место.

Во многих окнах особняка горел свет, но в сторожевой будке и гараже никого не оказалось. Кикаха и Анана смело прошли по главной аллее и взбежали на крыльцо. Входная дверь была закрыта на замок. Кикаха увеличил мощность луча и быстрым движением ствола устранил запоры. Они вошли в молчаливый дом и, проведя беглый осмотр, обнаружили там только попугая в клетке. Увидев людей, птица издала пронзительный крик и закачалась на толстом золотом кольце.

Кикаха вытащил из футляра серебристый рог и начал проверять резонансные точки. Прежде всего он обследовал спальню и кабинет Уртоны, ожидая найти здесь наибольшее количество врат. Однако его догадки не подтвердились. Как и в доме Рыжего Орка, он переходил из комнаты в комнату, наводя раструб на стены и воспроизводя уже поднадоевший ему звукоряд. Теряя надежды и терпение, Кикаха спустился на первый этаж в прихожую. Едва он навел рог на стену большого чулана, как там возникло крошечное белое пятно, похожее на капельку света. Оно расширилось, превратилось в широкий проход, и Кикаха увидел точно такой же чулан, но только в другом мире.

Анана вдруг тихо вскрикнула и дернула его за рукав. Он повернулся, прислушиваясь к шуму, который вызвал ее тревогу. На крыльце слышались шаги, а затем раздалась трель входного звонка. Кикаха выбежал в прихожую, но на полпути остановился и бросил рог Анане.

— Держи врата открытыми! — шепнул он ей и подкрался к окну.

Нежная мелодия заполнила комнату. Кикаха слегка приподнял штору и увидел трех полицейских, которые топтались на крыльце. Какой-то человек в штатском, пригибаясь под окнами, свернул за угол особняка. На стоянке у ворот сияли красными огнями две полицейские машины, а на улице стоял неприметный автомобиль явно гражданского типа.

Кикаха повернулся к Анане:

— Уртона оставил снаружи наблюдателя. Заметив нас, этот парень вызвал полицию. И теперь они уже окружили дом!

Им оставалось выбрать что-нибудь одно — завязать жестокий бой, сдаться или пройти через врата. В первом случае Кикахе пришлось бы убивать ни в чем не повинных людей, чья единственная оплошность состояла в том, что они принимали его за обычного грабителя.

Сдавшись властям, он и Анана обрекли бы себя на смерть. Даже если они получают пожизненный срок, Уртона или Рыжий Орк доберутся до них и в тюрьме. Ведь наемников там хоть отбавляй — и по ту, и по другую сторону решетки.

Кикахе не хотелось рисковать с вратами, но на их проверку не оставалось времени. Он кивнул Анане и прыгнул в створ широкой дыры, приготовив лучемет для стрельбы на поражение. Анана, сжимая рог в руке, поспешила следом.

Кикаха пинком открыл деревянную дверь и отпрыгнул назад. Подождав минуту, он шагнул за порог. Чулан располагался под лестницей — точь-в-точь как его копия на Земле. Однако прихожая оказалась совсем другой. Это был огромный зал, с многоцветным мозаичным полом и яркими фресками на мраморных стенах. По периметру комнаты стояли ряды резных колонн.

В арочные окна заглядывала ночь, и поэтому дом освещался множеством масляных ламп. На стенах и медных подставках горели бездымные факелы, а в тени колоннады виднелись несколько дверных проемов и массивная парадная дверь.

Тишину прихожей нарушало лишь потрескивание горевших факелов.

Кикаха перебежал в затемненную часть зала и осмотрел декорации стен. Фрески изобиловали изображениями дельфинов и осьминогов. Их вид подготовил его к тому, что он увидел, выйдя на огромное крыльцо. Он и Анана перенесли на Землю номер два. И эту догадку подтверждали многие обстоятельства.

Само собой разумеется, луна, стоявшая в зените, ничем не отличалась от своей близняшки в соседней вселенной. И, осматривая с крыльца край горы и огромную долину, он мог бы поклясться, что смотрит на копию той части Южной Калифорнии, где на Земле номер один находился Лос-Анджелес. Топография, насколько он мог судить в темноте, совпадала абсолютно, а ландшафт меняло только несоответствие двух городов. Местный мегаполис казался жалким подобием того мощного города, который знал Кикаха. Освещение улиц и домов уступало в яркости и насыщенности. Фонари располагались значительно реже. Вероятно, население этой долины составляла лишь треть от численности горожан Лос-Анджелеса номер один.

Воздух был сладким и чистым, а звезды и луна — большими и яркими. Кикаха усмехнулся, вспомнив смог и одуряющую вонь бензина. Здесь же сквозь томный аромат цветов пробивался слабый запах лошадиного навоза. Возможно, он строил свои предположения на ложных предпосылках, но ему казалось, что технология этой планеты не зашла еще в такие дремучие дебри, как на его родной Земле.

И видимо, Уртона нашел врата, ведущие в этот мир.

В прихожей послышались голоса, и Кикаха предостерегающе сжал руку Ананы. Едва они спрятались в тени колонны, как на крыльцо вышли двое мужчин и одна женщина. Одежда мужчин состояла из шотландских юбок, сандалий и матерчатых курток со стоячими воротниками, буфами на рукавах и длинными фрачными фалдами. Один из них — невысокий юноша с темными курчавыми волосами — походил на турка и напомнил Кикахе слуг Рыжего Орка.

Второй оказался долговязым живчиком, с румяным лицом и каштановыми волосами. Наряд пышной блондинки был довольно непритязательным — юбка, котурны и расстегнутая куртка, которая демонстрировала обнаженную грудь, поддерживаемую жесткой планкой огненно-красного корсажа. Высокая замысловатая прическа и густой макияж придавали ей вид дамы елизаветинского двора. Она вздрогнула, застегнула куртку и произнесла несколько фраз на языке, похожем на идиш.

По всей видимости, они занимали высокое социальное положение и, как все снобы, любили езду с ветерком. Из-за угла особняка выехал кабриолет, запряженный двумя прекрасными лошадьми. Коляска подкатила к крыльцу, и черноволосый кучер, спрыгнув на землю, с поклоном открыл перед знатью дверцу. Его униформа состояла из плотной синей юбки, высоких ботинок, треуголки с ярко-красным пером и куртки с алым кантом и золотыми пуговицами.

Пассажиры устроились на широком сиденье, и коляска тронулась в путь. Кикаха с нежной тоской следил за удалявшимся фонарем, который раскачивался на заднике кабриолета. Вскоре тот исчез из виду на пологом спуске в долину.

Кикахе захотелось исследовать этот мир. Он с радостью пожил бы здесь год или два. Во времена сотворения обе Земли ничем не отличались друг от друга — те же народы, созданные пятнадцать тысячелетий назад, те же языки и навыки. А потом каждая из планет пошла своим путем, и постепенно незначительные различия эволюции привели к глобальным отличиям в климате, фауне и флоре. За пятнадцать тысяч лет образовались две независимые цивилизации — каждая со своей историей и культурной доминантой.

Он с удовольствием остался бы здесь и побродил по Земле номер два. Но сначала им следовало найти Вольфа и Хрисеиду, а для этого надо было пленить Уртону. Их единственным преимуществом являлся рог Шимбаримена, и они надеялись, что он откроет верные врата.

Однако через несколько минут Кикаха понял, что сделать это будет не просто. Звуки рога привлекли внима-

ние слуг. Скрываясь за колонной, Кикаха открыл по ним огонь из лучемета. Увидев, как в каменной плите появилась дыра, слуги испуганно закричали и бросились врассыпную. Кикаха велел Анане продолжать трубить в рог, но шум в глубине дома убедил их, что им лучше здесь не оставаться. Здание казалось таким огромным, что на проверку первого этажа требовалось не меньше шести—восьми часов, а ворота, возможно, находились только в спальне и кабинете властителя.

Они побежали на второй этаж и на середине лестницы повстречали небольшую группу воинов в стальных конических шлемах. В основном их вооружение состояло из пик, мечей и круглых щитов, однако трое мужчин несли и большие неуклюжие мушкетоны с деревянными прикладами и кремневыми затворами.

Кикаха срезал лучом ствол одного ружья. Но, прежде чем он и Анана добрались до верхней площадки, воины рассредоточились, перегруппировались и изготавились к стрельбе. Кикаха рассек лучом основание мраморной колонны, а затем навел ствол на ее вершину. Она с грохотом рухнула на мозаичный пол, и удар потряс весь дом. Вооруженные люди разбежались.

Это обошлось дорого, потому что на прикладе лучемета внезапно замигал красный огонек. Заряда аккумулятора осталось совсем немного, а запасной батареи у него не было.

Они нашли спальню, которая, по всей видимости, принадлежала властителю. На фоне великолепия и роскоши особняка она выглядела бриллиантом в золотой оправе. Стены украшала коллекция оружия: мечи, топоры, кинжалы, метательные ножи, булавы, рапиры и — о, восторг! — прекрасные луки с колчанами стрел. Пока Анана трубила в рог, наводя раструб на пол и стены, Кикаха выбрал два метательных ножа и туго натянутый лук. Перекинув через плечо колчан, он почувствовал себя намного спокойнее. Заряда в лучемете хватило бы только на пару секунд, хотя он мог бы растянуть его на дюжину огнеметных и «оглушающих» выстрелов. Однако Кикаха понимал, что потом ему придется полагаться лишь на лук и стрелы.

Для Ананы он выбрал легкий топор, который она могла бы метать. У нее имелся богатый опыт в метании любого оружия, и в шуточных единоборствах с Кикахой она уступала ему только в силе.

Внезапно Анана перестала трубить в рог. С потолка на золотых цепях свисала кровать, а за ней на стене расширился круг света. Сияние померкло, и в проходе врат появились изящные колонны, которые поддерживали расписной потолок. Чуть дальше виднелась зеленая роща.

С губ Ананы сорвался крик удивления, в котором смешались и боль и восторг. Она бросилась вперед, но Кикаха удержал ее.

— К чему такая спешка? — спросил он.

— Там дом! — воскликнула она. — Мой дом! — Ее лицо лучилось от радости.

— Это врата в твой мир? — с удивлением спросил Кикаха.

— Нет-нет! Там мой дом. Дом, в котором я родилась! Мы нашли мир, где некогда жили властители!

На вид врата не представляли собой никакой угрозы, хотя это еще ни о чем не говорило. Однако шум голосов за дверью подсказывал, что тянуть с решением не стоило. Впрочем, выбор был невелик — врата или схватка со слугами Орка. Первую атаку Кикаха мог бы отбить лучом, но потом пришлось бы воспользоваться стрелами и мечами. А при решительном натиске они не продержались бы долго.

— Уходим! — сказал Кикаха и прыгнул в проход.

Круг начал быстро сжиматься. Анана пригнулась и поспешила за своим спутником.

— Ты помнишь то высокое здание на бульваре Уилшир неподалеку от «смоляных ям»? — спросила она, поднимаясь на ноги. — Там еще висела вывеска «Калифорния федерал». Когда мы проходили мимо него вечером, оно все сияло огнями. Помнишь?

Кикаха кивнул.

— Этот летний домик находится как раз в том месте, — сказала Анана. — Вернее, на территории, которая соответствует тому месту.

Кикаха осмотрелся. Здесь не было и намека на бульвар Уилшир, какую-нибудь дорогу или хотя бы тропинку. Густые леса этого края не имели ничего общего с пустынными низинами Южной Калифорнии. Но Анана объяснила, что властители намеренно проложили здесь русла рек и ручьев, а затем вырастили рощи и сады. Они построили тут множество дач и коттеджей, где любая семья могла остановиться на ночь, уединиться для медитации или предаться играм и порокам на свой вкус и лад. Однако люди отдыхали здесь только летом, а их постоянное жилье находилось в основном на побережье.

Со временем долина вышла из моды. В детские годы Ананы сюда приезжали только три семьи. Властители покидали родную планету и отправлялись создавать свои собственные миры. Эра междоусобных войн расторгла кровные и дружеские узы. Каждый видел в другом врага.

Кикаха с улыбкой следил, как Анана, вздыхая и ахая, ходила вокруг. Время от времени она звала его посмотреть на то, что вспоминалось ей из детства. И хотя в последний раз она навещала эти места три тысячи двести лет назад, он только диву давался, как ей удавалось еще о чем-то вспоминать. Подумав об этом, он спросил ее о вратах, которые она использовала в прошлый раз.

— Они находятся на вершине валуна в полумиле отсюда,— ответила Анана.— Здесь много разных врат, и все они хорошо замаскированы. О некоторых уже никто не помнит. Но я не знала, что в нашем доме тоже есть врата. Наверное, Уртона установил их давным-давно — возможно, десять тысяч лет назад.

— Этот дом такой старый?

— Он очень старый. В его стены и пол встроены механизмы, которые обновляют и очищают комнаты и мебель. А под поверхностью долины находятся устройства, поддерживающие лес в первозданном состоянии. Они компенсируют эрозию и смещения пластов.

— А тут можно найти какое-нибудь оружие?

— Его много за вратами валуна,— ответила Анана.— Но аккумуляторы лучеметов могли разрядиться от времени. К тому же у меня нет активатора... Хотя я забыла о

роге. С ним мы, конечно, попадем туда. Однако сомневаюсь, что оружие можно будет использовать.

— И куда ведут эти врата?

— Они ведут в комнату, где есть еще одна резонансная точка. Через нее мы могли бы попасть во дворец моего собственного мира. Но я установила там ловушку, и у меня нет прибора, который отключил бы ее. Когда в мой дворец ворвались Звонари, я бросила все и убежала в мир Ядавина*.

— Ладно, потом покажешь мне этот валун. В случае необходимости мы используем его врата как временное укрытие.

Однако сначала они решили немного перекусить и по возможности выспаться: Анана показала Кикахе дом, и они потратили какое-то время на поиск ловушек. На кухне стоял резной мраморный шкаф. Он являлся частью фабрикатора — очень сложного механизма, который располагался в подвальном помещении. Открыв дверцу шкафа, Анана набрала на клавиатуре определенную комбинацию букв и цифр. Закрыв шкаф, она подождала пару минут, а затем вновь открыла его. На просторной полке появились два подноса с блюдами и кубками, в которых оказалась превосходная еда и напитки. Преобразователь материи, расположенный в подвале дома, ждал этого приказа несколько тысяч лет. И, подав людям пищу, он мог прождать еще одну сотню тысячелетий, чтобы приготовить следующий обед.

Утолив голод, они легли на постель, свисавшую на цепях с потолка. Кикаха стал расспрашивать Анану о пути к валуну, но она с улыбкой сказала, что вместо пустой болтовни они могли бы заняться кое-чем иным.

Чуть позже, заключив Анану в объятия, он тихо прошептал:

— Ты знаешь, у меня такое чувство, что мы тут оказались не совсем случайно. Я думаю, что нас заманил сюда Уртона или Рыжий Орк. Увидев в нас достойных соперников, один из властителей позаботился о том, чтобы в нуж-

* В третьей книге «Многоярусного мира» Фармер описывал ее бегство немного иначе — через мир властителя Юдубры.

ный час мы вышли на подготовленную им сцену. И вот увидишь, здесь же мы встретим его злейшего врага — второго властителя. Это будет финальный эпизод, спланированный со вкусом и выдумкой настоящего драматурга. Только Уртона и Рыжий Орк могли привести своих противников на родную планету. Представляешь, какой драматизм! Погибнуть в своей песочнице! Встретить смерть под небом, о котором тосковал долгие века! Я знаю, все это только мои предчувствия. Но я верю им. И буду держаться настороже.

— Можно подумать, что ты когда-нибудь вел себя по-другому, — хихикнула она. — Хотя мне кажется, твои слова могут оказаться пророческими.

Когда Анана заснула, Кикаха встал с постели и вышел в другую комнату: он решил понаблюдать за подходами к дому. Солнце начинало клониться к закату. Вокруг фонтана и пруда прохаживались прекрасные величественные птицы, предки которых были созданы в биолaborаториях властителей. Из леса вышел коричневый медведь. Он лениво прошествовал мимо беседки и скрылся за небольшим холмом. Затем Кикаха услышал звук, который взбодрил его и наполнил сердце радостью. Он услышал призывный клич мамонта. Кикахе вспомнились просторы Америк, где по прериям и лесам бродили миллионы слонов и мастодонтов. Он вспомнил просторы, на которых хватило бы места и Северной и Южной Америке. Потом его охватила тоска. Увидит ли он когда-нибудь свой мир? Кикаха с грустью подумал о хроваках — великом и прекрасном «медвежьем народе», который погиб в неравной битве с Черными Звонарями. Но нашлись бы и другие племена, которые с радостью приняли бы Кикаху в свои вигвамы, — включая и те, которые считали его заклятым врагом.

Он вернулся в спальню, разбудил Анану и, устроившись в теплой постели, попросил разбудить его через час. Она так и сделала. Кикахе страшно не хотелось вставать. Он с удовольствием проспал бы остаток дня и половину следующих суток. Но за девять тысяч лет Анана научилась будить мужчин. Они еще раз поели, сложили в корзину кое-какие припасы и отправились в лес.

Вскоре деревья обступили их плотной стеной. Анана, пригибаясь и обходя огромные стволы, уверенно вела Кикаха через поросль подлеска. Затем они вышли на тропу, которую, судя по следам и помету, проложили мамонты. Неподалеку раздавались крики и рев больших животных. Отсутствие мух и москитов компенсировалось обилием жуков и других насекомых, которыми питались птицы.

Услышав грозное рычание, Кикаха остановился и снял с плеча лук. Они оба узнали рев саблезубого тигра. Подождав пару минут, путники снова пошли по тропе.

— Зачем твоей семье понадобилось разводить в своих владениях таких больших и опасных животных? — спросил Кикаха.

— Мог бы и сам догадаться, — ответила Анана. — Властители любят опасность. Она служит им приправой к вкусу вечности. Бессмертие ничего не стоит, если его невозможно у тебя отнять.

Правоту ее слов мог оценить лишь тот, кто был смертным. Но иногда Кикахе хотелось, чтобы этой приправы в его жизни стало немного меньше. Он уже не помнил, когда по-настоящему отдыхал. Его нервы стали похожи на оголенные провода, изоляция которых сплавилась от перенапряжения.

— Как думаешь, кто-нибудь еще знает об этих вратах на вершине валуна?

— Трудно сказать наверняка, но мне кажется, что нет, — ответила она. — А тебя опять терзают предчувствия? Неужели ты считаешь, что Уртона предусмотрел и это? Но откуда он мог знать, что мы пойдем к валуну?

— И все же он это знал. Иначе устроил бы нам ловушку в доме. Наш противник догадывался, что мы отправимся к валуну, и сейчас наверняка ведет туда другого властителя. Где-то там, у камня, мы встретим твоих родственников, и тогда начнется последняя схватка.

— Все это только догадки и фантазии. Ты воспринимаешь мир через призму своей подозрительности и ожидаешь от других людей того, что сделал бы сам на их месте.

— Тебе осталось только назвать меня параноиком, — с улыбкой упрекнул он ее. — Хотя, возможно, ты и права. Но я повидал на своем веку столько хитрецов и умни-

ков, что буквально слышу, как тикают колесики в мозгу других людей.

Он отдал Анане лучемер, а себе оставил футляр с ро-гом, лук и стрелы.

На краю большой поляны Кикаха заметил на земле странную выпуклость. Она напоминала длинную узкую грядку в четверть дюйма высотой и два дюйма шириной. Через несколько шагов выпуклость исчезла, но, походяв зигзагами, Кикаха нашел еще одну такую же полосу. Судя по изгибу этих образований, они составляли часть ка-кого-то огромного круга.

Анана с удивлением следила за его перебежками и на-клонами. Пожав плечами, Кикаха вернулся к ней.

— Тебе что-нибудь известно о подземных работах, ко-торые здесь велись?

— Нет,— ответила она.— А что?

— Впрочем, такие вещи случаются и при землетрясе-ниях,— сказал он, подводя итог каким-то своим предпо-ложениям.

Валун оказался размером с однокомнатное бунгало. В далекие времена эту глыбу красно-черного гранита при-везли вместе с другими камнями с севера, чтобы придать разнообразие ландшафту. Ее установили неподалеку от края поляны — в сотне ярдов к северо-востоку от «смо-ляной ямы». А яма, как отметил Кикаха, совпадала по размерам и местоположению со своей копией в Ганкок-парке на Земле номер один.

Они опустились на четвереньки и медленно двинулись к валуну. Когда до камня осталось каких-то тридцать яр-дов, Кикаха по-пластунски прополз вокруг него и вни-мательно осмотрел огромную глыбу со всех сторон. Вер-нувшись к Анане, он задумчиво сказал:

— В общем-то, я и не думал, что он станет прятаться за камнем. Скорее всего, твой дядюшка прошел во ворота и затаился внутри. А что? Хороший ход. И все же мне кажется, что он устроил там ловушку. Наверное, сидит где-нибудь в чаще и ждет, когда мы откроем ворота.

— А возможно, он действительно ожидает появления третьего участника...— Анана вдруг замолчала, вцепилась

в его рукав и тихо прошептала: — Я видела кого-то! Вон там!

Она указала на просвет в густой чаще — в том направлении, где на Земле номер один находился Художественный музей Лос-Анджелеса. Несмотря на все старания, Кикаха ничего не увидел.

— Это был мужчина, я уверена в этом! — твердила она. — Высокий мужчина. Скорее всего Рыжий Орк!

— А ты заметила какое-нибудь оружие? Лучемер, например?

— Нет, я увидела его мельком, а потом он спрятался за деревом.

Кикаха чувствовал себя все тревожнее.

Понаблюдав за поведением птиц, он обратил внимание на ворона, который сердито каркал неподалеку от того места, где Анана видела Орка. Внезапно птица свалилась с ветки, и ветер понес по воздуху несколько вырванных перьев. Кикаха усмехнулся. Властитель понял, что рано или поздно это карканье выдаст его, и на всякий случай подстрелил неутомонную птицу.

В сотне ярдов слева, почти у края «смоляной ямы», несколько голубых соек устроили дикий гвалт, бросаясь на что-то в высокой траве. Кикаха насторожился, но через минуту из травы выбежала рыжая лисица и метнулась в чащу к югу от него. Сойки последовали за ней.

Затем наступила относительная тишина. В высокой траве с саблевидными стеблями становилось жарко. Время от времени над головой с жужжанием пролетали большие насекомые. Заметив мелькнувшую тень, Кикаха взглянул вверх и в двух футах от лица увидел стрекозу с трепетавшими золотисто-зелеными крыльями. Она взмыла в синее небо и исчезла в вышине, будто нырнув в молочно-белое облако. Издалека доносился рев мамонтов и тягучий тоскливый вой, похожий на стенания голодного волка. Откуда-то с необъятной высоты слышались хриплые крики какого-то пернатого хищника.

Они так и не увидели того человека, в котором Анана заподозрила Рыжего Орка. Но он по-прежнему прятался где-то, в чаще леса. А возможно, он тоже заметил их и решил подобраться поближе. Эта мысль заставила Кикаху

передвинуть их позицию немного вправо. Чтобы не раскачивать высокую траву, ползти приходилось очень медленно и осторожно. Через несколько минут они оказались в тени деревьев на краю поляны.

— Нам надо рассредоточиться, — сказал Кикаха. — Я углублюсь в рошу шагов на пятьдесят. Там у меня будет хороший обзор и надежное прикрытие.

Он поцеловал Анану в щеку и уполз.

Осмотрев кромку леса, Кикаха выбрал место на небольшом пригорке. Там росло несколько кустов и высокое дерево, за которым можно было спрятаться при приближении врага. Заняв эту высоту, Кикаха получил бы неплохой обзор, а густой куст заслонил бы его от тех, кто находился внизу. Единственным неудобством был почти открытый тыл, но Кикаха пообещал себе почаще оглядываться.

Он не видел Анану, однако точно знал, где она теперь находилась. Несколько раз трава сгибалась навстречу ветру. Если Орк или Уртон наблюдали за поляной, они наверняка заметили этот маленький промах. И возможно, кто-нибудь из них...

Кикаха замер. В двадцати ярдах справа от Ананы трава пригнулась и резко выпрямилась. Минут десять он не замечал никакого движения, но потом высокие стебли начали пригибаться снова. Кто-то приближался к Анане. Трава плавно расходилась в стороны, словно кто-то медленно раздвигал ее руками, а затем так же плавно возвращалась на место.

Наблюдая за движением травы, Кикаха не забывал следить за лесом и поляной. Во время одного из таких быстрых осмотров он оглянулся и увидел бледное лицо, мелькнувшее среди ветвей примерно в шестидесяти футах слева. Кикаха хотел было спрятаться в лесу, но побоялся выдать себя тому, кого увидел первым. Хотя, возможно, тот его уже заметил. Немного подумав, Кикаха счел лучшим пребывать в бездействии.

Солнце клонилось к макушкам деревьев, все больше удлиняя тени. Тот, кто крался к Анане, двигался с большими паузами и очень медленно. Тем не менее теперь он

находился в двадцати футах от нее, причем Анана могла об этом даже не подозревать.

Кикаха вытащил из футляра рог и положил его рядом. Вставив стрелу в тетиву, он замер в ожидании. Трава сбоку от Ананы вновь пригнулась, и тот, кто крался к ней, приблизился еще на один фут.

Быстро оглянувшись, Кикаха увидел, как между двумя деревьями спикировала птица с ярким красно-синим оперением. А потом на дальнем конце поляны появился большой черный волк. Судя по челюстям, он мог одним махом отхватить ногу человека по самую лодыжку. Животное достигало в холке четырех с половиной футов, и в мире Ядавина его многочисленных собратьев называли ужасными волками. Этот вид вымер на Земле десять тысяч лет назад. Не уцелел он и на планете властителей. Однако здесь его воссоздали в биолaborаториях и ввели в экологию края.

Животное двигалось с грацией и осторожностью тигра. Красный язык свисал, как флаг, попавший под ливень. Волк пробежал около двадцати ярдов и вдруг замер на месте. Потом настороженно повернул голову, осмотрел густой подлесок и, пригнувшись к земле, медленно двинулся вперед.

Попеременно наблюдая за передвижениями противников впереди и позади себя, Кикаха старался следить и за волком. Но он едва не прозевал того, что случилось дальше.

Волк метнулся в гущу деревьев и вдруг совершенно внезапно взвыл, стремительно развернулся и помчался через поляну в сторону Ананы. На его спине и задних лапах трепетали языки огня.

Кикаха понял, что в игру вступил пятый участник. Этот некто попытался отпугнуть животное «оглушающим» выстрелом и, видимо, в спешке установил переключатель мощности не на ту отметку. В результате пострадала волчья шкура. Впрочем, он мог поджечь животное с умыслом. Вероятно, ему захотелось посмотреть, кого вспугнет разъяренный волк, и он двумя-тремя выстрелами направил зверя в нужную сторону.

Какими бы ни были его намерения, он расстроил планы того, кто подкрадывался к Анане. Да и сама она, услышав неистовый вой, приподняла голову, чтобы рассмотреть приближавшегося к ней зверя. Кикаха хотел еще раз оглянуться, но времени на это не осталось. Он вскочил на ноги, натянул лук и выпустил стрелу в человека, который приподнялся в пятнадцати шагах* от Ананы. Черный прорезиненный костюм мужчины дополнялся шлемом с темным забралом. Кикаха видел такие штуки у многих мотоциклистов Лос-Анджелеса. Но в отличие от них мужчина прижимал к плечу приклад короткоствольного лучемета.

Волк с воем пронесся мимо людей. Огонь перекинул-ся на сухую траву, и по поляне покатались волны пламени. В тот же миг, блеснув на солнце, в воздух взлетела стрела, описала дугу и попала мужчине под левую руку, которой он поддерживал ствол лучемета. Стрела отскочила от прочного и эластичного костюма, но от удара человек свалился на землю. Оружие выпало из его рук. Прожигая в траве огненный туннель, луч скользнул по телу убежавшего волка и отсек ему передние лапы. Тот с визгом упал и затих.

Огонь все больше охватывал поляну. Повалил дым, однако Кикаха разглядел Анану. Она быстро пробиралась к лучемету упавшего мужчины.

Кикаха резко обернулся, вынимая из колчана стрелу, и заметил фигуру высокого мужчины, который выглянул из-за дерева. Тот целился в него из лучемета. Выпустив стрелу и отпрыгнув за дерево, Кикаха пригнулся к земле, зная, что выстрел получился не совсем удачным.

Запахло горелой древесиной, и раздался глухой стук. Взглянув вверх, Кикаха увидел, как луч разрезал толстый ствол. Верхняя часть дерева осела вниз на пару дюймов, а затем ее гладко срезанный конец ударился о нижний обрубок ствола.

* У Фармера — в сорока футах. Но тогда выходит, что этот тип сократил расстояние с двадцати ярдов до двадцати футов, а потом почему-то вернулся обратно.

Кикаха отпрыгнул влево и вложил в выстрел все свое умение, накопленное более чем за два десятилетия непрестанных сражений. Многочасовая практика в невероятно трудных условиях дала себя знать, и стрела, слегка отрикошетив от выступавшего корня, взмыла вверх, едва не задев руку, сжимавшую лучемер. Человек отскочил назад. Дуло исчезло из виду. В тот же миг крона над Кикахой рухнула под тяжестью ветвей. Ему удалось отпрыгнуть в сторону и увернуться от падающего ствола, но разлапистая ветвь настигла Кикаху, и свет померк в его глазах...

Когда сознание вернулось, Кикаха взглянул на небо и понял, что прошло не так уж много времени. Солнце по-прежнему стояло над макушками деревьев. Голова болела так, словно в нее вращал корень, продираясь среди самых чувствительных нервов. Ветвь давила на грудь. Ноги прижимала к земле неподъемная тяжесть. Кикаха мог немного двигать руками и поворачивать голову, но вообще-то чувствовал себя как человек, попавший под оползень.

Его окутал дым. Кикаха закашлялся и подошвами ощутил жар. Где-то рядом затрещали горевшие ветви. Понимая, что может сгореть заживо, он предпринял отчаянную попытку выбраться из-под кроны. В результате усилий голова разболелась еще больше, но ему не удалось продвинуться ни на дюйм.

Он подумал об остальных. Что же случилось с Ананой? Почему она до сих пор не попыталась его освободить? И где человек, который свалил на него дерево? Возможно, он сомневался в эффективности своего выстрела и осторожно подползал к поверженному врагу? А что произошло с мужчиной в черном, которого сбила с ног стрела? Где они все, и куда подевался тот, кто подстрелил волка и вызвал весь этот переполох? Если Анана не поторопится, скоро ей будет уже некого спасать.

Дым сгушался. Ступни и голени припекало. Кикахе стало интересно: задохнется он от дыма или сгорит в огне? Неужели это конец? Впрочем, конец бывает у чего угодно и даже у жизни властителей, которым удавалось прожить по пятнадцать тысяч лет. Но если ему суждено уме-

реть, то пусть это случится в его любимом Многоярусном мире, а не здесь, на чужой и незнакомой планете.

Кикаха отбросил эти мысли. Он еще не умер. И он не собирался прекращать борьбу. Если бы ему удалось освободить грудь и ноги, он мог бы отползти подальше от огня и скрыться от врагов в гуще леса. Но где же Анана?

Негромкий голос заставил его вздрогнуть. Он прозвучал почти у самого уха. Кикаха повернул голову и увидел ухмылявшееся лицо Рыжего Орка.

— Так-так! Хитрый лисенок угодил в мой капкан!

— Конечно, ты же так и планировал,— ответил Кикаха.

Властители всегда отличались жестокостью. И этот, по видимому, хотел уготовить ему медленную смерть. Он согласился бы ждать и час и два, лишь бы Кикаха испил всю горечь поражения. Как и все его сородичи, Орк привык убивать не спеша — особенно если обстоятельства позволяли продлить мучения и агонию жертвы.

Тем не менее Кикаха решил завязать разговор и отвлечь внимание властителя. Это могло помочь Анане, если она попытается приблизиться к ним.

Рыжему Орку тоже хотелось поговорить и поиздеваться над Кикахой. Однако бдительности он не терял. Присев рядом, он осматривался по сторонам, как перепутанная птица. Его палец лежал на спусковом крючке лучемета.

— Значит, твоя взяла? — спросил Кикаха, хотя ни минуты не верил в победу властителя, да и не поверил бы в нее до самой смерти.

— Тебя я одолел,— отозвался Орк.— А вот других еще нет. Но моя победа уже близка.

— Значит, Уртона все еще жив,— подытожил Кикаха.— Скажи, кто расставил эту ловушку? Он или ты? Рыжий Орк перестал улыбаться.

— Я и сам не знаю,— ответил он.— Ловушка получилась слишком уж хитрой. До определенного момента все шло по моему плану. Но теперь мне кажется, что этот план меня заставил принять Уртона. Хотя какая разница? Так или иначе мы все оказались здесь — на поле решающей битвы. И это будет честный и открытый бой, когда никто уже не сможет спрятаться за спинами своих лебляб-

биев. Ты среди нас единственный землянин, но я убежден, что в твоих жилах течет добрая порция нашей крови. И ты определенно напоминаешь мне кого-то из нас. Возможно, я и есть твой отец. Или Уртона. Или Уриэль. Или даже тот темненький — Ядавин. В его генах тоже имеется предрасположенность к рыжим волосам.— Орк замолчал и улыбнулся.— Я начинаю склоняться к мысли, что твоей матерью была Анана. Это объяснило бы ее привязанность к тебе, как, впрочем, и твои потрясающие способности.

Густой клуб дыма закрыл лицо Кикахи, вызвав новый приступ надрывного кашля. Рыжий Орк тревожно осмотрелся, отполз в сторону и повернулся к Кикахе спиной, пока тот понемногу приходил в себя. С его ногами происходило нечто странное. Он больше не чувствовал жара, и ему казалось, что кто-то забрасывал их землей.

— Не знаю, к чему ты клонишь, Орк, но с Ананой ты перегибаешь палку. Мне точно известно, кто мои родители. Они были фермерами в Индиане, и их родословная восходит к первым поселенцам Северной Америки. Во мне течет кровь норвежских, германских и ирландских эмигрантов. Я вырос в маленьком провинциальном городке севернее Терре-Хота, и мое рождение обошлось без тайн и интриг...

Он замолчал, потому что тайна все-таки была. Его родители переехали в Индиану из Кентукки, и случилось это перед самым появлением на свет их единственного наследника. Кикаха вдруг вспомнил таинственного дядюшку Роберта, который время от времени навещал их ферму. Однако странности на этом не кончались. Когда юный Пол Финнеган пошел добровольцем в кавалерию, у него возникли проблемы со свидетельством о рождении. А когда после войны он вернулся в Индиану, какой-то неизвестный благодетель прислал ему десять тысяч долларов. В коротком письме сквозили смутные намеки на поступление новых сумм при условии, что он станет учиться в колледже.

— Так говоришь, нет никакой тайны? — с усмешкой переспросил Рыжий Орк.— Тогда ты не знаешь того, что известно мне. Узнав, что тебя зовут Полом Янусом Фин-

неганом, я вспомнил кое-что и проверил некоторые данные. В результате...

Кикаха снова закашлял. Орк замолчал. Секундой позже в дыму возникла фигура, выскочившая из-за срезанного ствола. Она прыгнула вперед и свалила Рыжего Орка на спину, выбив у него из рук лучемер.

Орк явно не ждал нападения с этой стороны. Он закричал и попытался дотянуться до оружия, но нападавший отдал резкий приказ:

— Ни с места! Или я разрежу тебя на половинки!

Кикаха выгнул шею и как только мог повернул голову в сторону и назад. Он узнал этот голос, но все еще не мог поверить своим ушам. А потом он понял, что это Анана закидала землей его ноги.

Но как ей удавалось дышать в таком дыму? Дышать и не кашлять?

Целясь в Орка из лучемета, она повернулась лицом к Кикахе. Ее нос и рот прикрывала повязка из ткани, смоченной какой-то жидкостью — он подозревал, что скорее всего мочой. Анана всегда знала, как приспособиться к обстоятельствам, и могла из подручных средств сделать все что угодно.

Она жестом приказала Орку отодвинуться от упавшего лучемета. Злобно взглянув на нее, он послушно отполз назад на ягодицах, помогая себе руками. Анана шагнула вперед и, отшвырнув в сторону свое оружие, схватила лучемер Орка. Прицелившись в него, она сдернула повязку с лица и, улыбаясь, сказала:

— Спасибо за лучемер, дядя. У моего иссяк заряд.

Орк выглядел так, будто его нашлапали пыльным мешком. Анана ткнула его стволом.

— Хватит отдыхать, дядюшка. Убери-ка с него дерево. И быстро!

— Но мне его не поднять,— возмутился Орк.— Я могу надорваться, и все равно ничего не получится!

— А ты попробуй,— посоветовала Анана.

На лице Орка появилось упрямое выражение.

— К чему стараться? В любом случае ты убьешь меня. Так лучше сделай это сейчас.

— Если ты не вытащишь его из-под дерева, я отрежу тебе ноги и выжгу глаза,— предупредила она.— А потом мы оставим тебя здесь, слепого и истекающего кровью.

— Хватит, Анана,— вмешался Кикаха.— Я понимаю твои чувства... Но только не отыгрывайся на нем за мой счет. Разрежь ветви лучом, и ему будет легче их поднимать. Не теряй времени! Где-то рядом прячутся еще двое!

Анана отступила на несколько шагов.

— Посторонись, дядя!

Она дважды рассекла ветвь, прижимавшую грудь Кикахи, а затем освободила его ноги. Орк без труда убрал толстые обрубки и выволок Кикаху из дыма. Повинуясь приказам Ананы, он перенес его в чашу подальше от горевшей травы и мягко опустил на землю. После чего покормил его рядом на живот и положил руки на голову.

— Тот незнакомец в черной одежде прячется у валуна,— сказала Анана.— Когда я завладела его лучемером, он вскочил и побежал, спасаясь от меня и огня. Я могла бы его убить, но мне стало интересно, кто он такой. Конечно, глупо оставлять врага в живых. И возможно, я сделала ошибку. Тем не менее он от нас никуда не уйдет, и чуть позже мы устроим ему допрос.

Кикаха знал, что любопытство сгубило многих властителей. Оно толкало их на безрассудные поступки и часто приводило к потере всех преимуществ. Однако дело было сделано, и он решил воздержаться от замечаний. Тем более что сам он порою поступал точно так же.

Боль в груди разрасталась с каждой секундой. При каждом вдохе и выдохе легкие посвистывали, как порванная гармонь. Онемевшие ноги начали оживать. И вместе с покалыванием пришла тупая боль.

— Что-то мне плохо, Анана,— сказал Кикаха.— Наверное, какие-то внутренние повреждения. Я постараюсь помочь тебе по мере сил, но все остальное будет зависеть только от тебя.

— Жаль, что мы не знаем, где Уртона,— произнесла Анана.— Но он точно здесь — в этом можно не сомневаться. Я уверена, что именно он подпалил волка. И в его ловушку попали не только мы. Уртона обманул самого Рыжего Орка — великого властителя двух планет.

— Я знал, что это западня,— сердито ответил Орк.— Но я пришел сюда, чтобы раз и навсегда покончить с ничтожным и презренным врагом...

— Знаешь, дядя, я бы на твоём месте не хвасталась,— сказала Анана.— Сейчас нам надо подумать, как отсюда выбраться.

— Рог...— прохрипел Кикаха.

Ему казалось, что его грудь разрывала драконья лапа. Преодолевая адскую боль, он сел и прислонился к дереву. Дым с полей вызвал новый приступ кашля.

— Ну как же так! — огорченно воскликнула Анана.— Я совсем про него забыла.

— Мы должны его забрать,— прошептал Кикаха.— Он лежит там... под деревом. Если наше положение станет еще хуже, мы откроем ворота в валуне и уйдем отсюда.

— Но не забывай, во второй комнате установлена ловушка! — напомнила она.— Чтобы пройти через нее, нужен особый дезактиватор.

— Мы просто отсидимся в первой комнате, а позже вернемся назад. Сквозь эти ворота Уртоне не пройти. Он подумает, что мы сбежали в другую вселенную, и не станет задерживаться здесь слишком долго.

Кикаха замолчал. Каждое слово вызывало жгучую боль. По приказу Ананы Рыжий Орк поднял его на ноги. Он сделал это так грубо, что с губ Кикахи сорвался тихий стон. Сверкнув глазами, Анана ткнула властителя в спину и грозно предупредила:

— Поосторожней, дядя, или я убью тебя прямо на этом месте!

— Если ты убьешь меня, тебе придется тащить его на себе,— с усмешкой ответил Орк.— Я понимаю, что ты уже освоилась под этим лебляббием, но поле битвы — не кровать, моя милая.

Анана взвизгнула от ярости и вскинула лучемет. Но прежде чем Кикаха успел вмешаться, дуло оружия упало на землю, и в руках Ананы остался лишь приклад.

Позади из-за деревьев послышался голос:

— А теперь вы будете делать то, что я вам скажу! Идите к валуну и ждите дальнейших указаний!

«Зачем он хочет загнать нас туда? — подумал Кикаха.— Возможно, Уртоне знает о ловушке внутри врат и

рассчитывает на то, что мы погибнем, пытаясь одолеть ее? Или он хочет запереть нас в первой комнате, пригрозив расстрелять каждого, кто попытается выйти? Без еды и питья мы рано или поздно выберем ту или иную смерть, а он получит садистское удовольствие, размышляя о нашей дилемме».

Уртона не сомневался, что противники теперь в его власти. И у него были на то все основания. Но он почему-то не хотел выходить из-за деревьев и приближаться к ним.

«И все же мы можем нащелкать его по носу,— сказал себе Кикаха.— Будь вертким и хитрым как лиса. Не принимай ничего на веру. Это правило спасало тебя и не в таких ситуациях».

Однако, судя по всему, его деньки на белом свете заканчивались.

— Идите к валуну! — повторил Уртона.— Немедленно! Или мне придется поджарить вам пятки!

Анана и Рыжий Орк повели Кикаху, поддерживая с обеих сторон. Каждый шаг отдавался в груди раненого невыносимой болью. Кусая губы, Кикаха сдерживал стоны. Едкий дым раздирал горло и жег легкие, вызывая кашель и смертельную слабость.

Они все ближе подходили к срезанному дереву, в полубогоревших ветвях которого лежал рог.

— Посмотри, Уртона уже вышел из-за деревьев? — шепнул Кикаха.

Анана быстро оглянулась и сказала:

— Не больше, чем на пару шагов.

— Сейчас я споткнусь, и вы позволите мне упасть.

— Тебе будет больно,— возразила Анана.

— Ну и что? Отпускайте меня. Быстрее!

— С удовольствием,— произнес Орк и выпустил его руку.

Чуть помедлив, Анана попыталась поддержать Кикаху и, когда они упали, приняла удар о землю на себя. Тем не менее Кикаха едва не потерял сознание. На миг ему показалось, что в его грудь вонзились заостренные колья.

Уртона сердито закричал. Рыжий Орк замер и медленно поднял руки над головой. Кикаха попытался подползти к рогу, но Анана опередила его.

— Теперь труби! — прошептал он, задыхаясь от боли.

— Зачем? — хором спросили Анана и Орк.

— Делай, что я говорю! Объясню позже! Труби, пока еще можно!

Она поднесла мундштук к губам и громко протрубила семь нот, которые служили отмычкой для любых врат, попадавших в зону слышимости.

Когда они упали, Уртон заподозрил подвох и пробежал несколько ярдов вперед, чтобы не потерять из виду Анану и Кикаху. Но, рассмотрев предмет, который Анана поднесла к губам, пронзительно закричал. Кикаха подумал, что властитель станет стрелять, однако вместо этого Уртон круто развернулся и помчался в лес.

— Что происходит? — удивленно спросил Рыжий Орк.

Последняя из золотых нот растаяла в воздухе.

Уртон остановился, бросил лучемет на землю и в ярости затопал ногами.

Часть поляны и леса остались такими же. И на прогалине с выгоревшей травой все так же возвышался валун, на вершине которого сидел незнакомый человек в черной одежде. Рядом с ними лежала упавшая крона, а чуть дальше виднелся узкий ряд деревьев, окружавших поляну.

Но небо стало багрово-красным, солнце исчезло, и вокруг появились высокие холмы, покрытые рыжей травой. Неподалеку росли довольно странные кусты, листья которых походили на свастики в зелено-красную полоску. На холмах раскачивались высокие деревья. Их ветви и мощные стволы были покрыты черными, красными и белыми полосами. Огромные деревья раскачивались, как морские водоросли под струями мощного течения.

Уртон еще раз подпрыгнул и взлетел в воздух примерно на шесть футов. Плавно опустившись на землю, он схватил лучемет и огромными прыжками направился к остальным. Как видно, изменение гравитации не застало его врасплох, чего нельзя было сказать о Рыжем Орке. Тот повернулся к Анане, чтобы спросить ее, что произошло, и инерция движения развернула его на триста шестьдесят градусов. Взмахнув руками, он медленно повалился на землю.

— Не вставай, — сказал Кикаха Анане. — Я не знаю, куда мы попали, но сила притяжения здесь гораздо меньше, чем на Земле.

Над ними склонился Уртон. Его лицо приобрело такой же красный оттенок, как и небо над головами. В зеленых глазах пылала дикая ярость.

— Рог Шамбаримена! — закричал он. — А я-то гадал, что это там у вас в футляре! Как я мог забыть! Ведь я же знал о роге!

— Да, тебе следовало остаться за пределами гигантских врат, установленных вокруг поляны, — сказал Кикаха. — Скажи мне, Уртон, зачем ты пошел за нами? Почему ты погнал нас к валуну, когда мы и так уже находились внутри врат?

— Откуда ты узнал о них? — с удивлением спросил Уртон. — Как ты догадался?

— Я понял это в самый последний момент, — ответил Кикаха. — Подходя к поляне, мы с Ананой заметили на земле несколько закругленных борозд. Я сразу заподозрил неладное, но мне и в голову не пришла мысль о вратах. Впрочем, у меня вызывает подозрение все, что не поддается логическому объяснению.

И потом, ты все время скрывался за деревьями — даже когда держал нас на прицеле. Хотя, по правде говоря, я считал это обычной осторожностью, потому что мы действительно могли прятать в одежде портативные излучатели. Ты уже тогда мог активировать гигантские врата, но тебе захотелось большего. По твоим расчетам, у нас оставался только один-единственный путь — через врата в валуне. Ты хотел, чтобы мы спрятались там, довольные своей хитростью, а позже, выбравшись наружу, обнаружили вокруг этот странный мир.

Однако у Ананы не было активатора, и мы решили воспользоваться рогом. Тебе не удалось предусмотреть такую возможность. Ты увидел футляр, но не вспомнил об инструменте, потому что успел забыть, как он выглядит.

Подходя к месту, где лежал рог, я вдруг понял, какую ловушку ты нам приготовил. У меня даже не хватило времени объяснить все это Анане. Я заставил ее протрубить мелодию, и мы перенеслись в твой мир. Не имея другого выбора, я решил забрать тебя с собой!

Анана осторожно поднялась на ноги.

— Меняющийся мир! — сказала она. — Это же мир Уртоны!

На востоке или, вернее, там, где находился восток покинутого ими мира, над холмами восходило массивное красное светило. Оно быстро поднялось вверх, и они увидели небесный спутник, вчетверо превосходящий по размерам земную луну. Но в отличие от нее небесное тело имело продолговатую форму и дюжину щупалец, которые тянулись во все стороны. Оно слегка напоминало чернильную кляксу. И Кикахе казалось, что конфигурация спутника постоянно меняется.

Он почувствовал, как почва под ним заходила ходуном. Его голова опустилась ниже ног, а гряда высоких холмов, стоявших в отдалении, внезапно прогнулась и начала оседать.

Кикаха сел. Боль немного унялась. Возможно, этому способствовала слабая сила притяжения.

— Уртона, эти ворота односторонние? — спросил он.

— Конечно, — ответил тот. — Иначе я бы давно забрал у вас рог и вернулся на Землю.

— А где здесь ближайшие ворота?

— Теперь мне незачем скрывать это от тебя, — сказал Уртона. — Тем более что, услышав мой ответ, ты не узнаешь ничего особенного. Единственные ворота, ведущие из этого мира, спрятаны в моем дворце. А он находится где-то на поверхности этой массы. А может, той. — Он ткнул пальцем в сторону красноватого небесного тела. — Эта планета раскалывается на куски, меняет форму, соединяется с другими небесными телами и раскалывается вновь. Единственной аналогией подобного процесса является лавалит. Это Лавалитовый мир.

Его объяснения прервал Рыжий Орк. Он высоко подпрыгнул и, едва не пролетев над головой Уртоны, врезался в него, как торпеда. Оба покатались кувырком. Лучемет упал на траву, и Анана бросилась к нему. Кикаха вздрогнул, увидев ее неловкое и тяжелое падение. Поднявшись на ноги, она пошатнулась, но гримасу боли сменила усмешка. Услышав ее приказ, Уртона покорно подошел к Кикахе. За ним полз Рыжий Орк, шепча проклятия и угрозы.

— Я бы с удовольствием убила вас, дядюшки, но вы мне пригодитесь, чтобы нести Кикаху,— сказала она.— Считайте, что вам повезло. При такой силе притяжения больших проблем у вас не будет. К тому же, Уртон, ты многое знаешь об этом мире — и кому, как не его создателю, вести нас ко дворцу. А сейчас вы сделаете носилки для Кикахи, и мы отправимся в путь.

— В какой еще путь? — проворчал Уртон.— Нам некуда идти. Здесь нет ничего постоянного. Неужели ты это еще не поняла?

— Мы найдем твой дворец даже в том случае, если нам придется обшарить каждый дюйм этой кошмарной планеты,— ответила Анана.— За работу, дядюшки!

— Подожди немного,— сказал Кикаха.— А что произошло с Вольфом и Хрисеидой?

— Я отправил их сюда прошлым вечером, и теперь они где-то здесь — на поверхности этой массы. Или той... Или другой, которая нам еще не видна. Мне просто не удалось придумать для них худшего наказания. Кроме того, по правилам игры они получили небольшой шанс найти мой дворец. Но...

— Но даже если они его найдут, их ждут какие-то ловушки? — спросил Кикаха.

— Есть в этом мире и кое-что еще...

— Гигантские хищники? Враждебные существа?

Уртон кивнул:

— Да. Нам понадобится лучемер. Надеюсь, заряда хватит надолго. И...

— Так говори же,— прохрипел Кикаха.

— Надеюсь, поиски дворца не займут слишком много времени. Дело в том, что, если вы не родились в этом мире, он сведет вас с ума!

Содержание

Книга первая. Создатель вселенных 5

Перевод С. Трофимова

Книга вторая. Врата творения 205

Перевод С. Трофимова

Книга третья. Личный космос 377

Перевод С. Трофимова

Книга четвертая. За стенами Терры 605

Перевод С. Трофимова

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФА

Филипп
ФАРМЕР

Philip José Farmer

ISBN 5-699-09661-2

9 785699 096619 >

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФА